

**Выборки из разных слов св. Иоанна
Златоуста*
святитель Иоанн Златоуст**

Беседа 1. О любви

Человеколюбец Бог наш, желая соединить всех взаимными узами, возлюбленные, вложил в дела человеческие такой закон, что польза одного непременно соединяется с пользой другого. Так, земледelec сеет жито не столько, сколько нужно для него самого, – иначе он давно бы погубил и себя, и других, – и воин ополчается на опасности не для того, чтобы спасти только себя самого, но чтобы доставить безопасность и городам, и купец привозит не столько, сколько нужно для него самого, а сколько и для многих других. Если бы люди не были поставлены в такую необходимость, то они не захотели бы искать пользы ближнего; потому Бог и соединил все таким образом и не попустил достигать своей пользы иначе, как путем пользы других. Иным путем нельзя и спастись, и если ты упражняешься даже в высшем любомудрии, а о других, погибающих, не радишь, то не будешь иметь никакого дерзновения перед Богом. *«Если я раздам все имение мое, – говорит божественный апостол, – и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы»* (1Кор.13:3). Если же ты желаешь знать, какое оружие приобретает тот, кто привлекает к себе братьев, хотя бы иногда и неверных, или кто кроток, спокоен и приятен в обращении, то послушай, что говорит самый этот блаженный Павел, являясь на суд к судье неверному: *«Почитаю себя счастливым..., имея быть судимым перед тобою»* (Деян.26:2). Говорил он это не с целью польстить ему, – нет, – а желая через такую кротость достичь пользы. Отчасти он ее и достиг, – тот, кто доселе считался подсудимым, пленил судью; и об этой победе ясным голосом свидетельствует в присутствии всех сам плененный, говоря: *«Ты немного не убеждаешь меня сделаться Христианином»* (Деян.26:28). Что же Павел? *«Молил бы я Бога, чтобы мало ли, много ли, не только ты, но и все... присутствующие сделались такими, как я»* (Деян.26:29).

Итак, когда он требует такой великой меры, а мы не представляем даже и меньшего, то будем ли мы достойны какого-нибудь прощения? И не думай, что нуждаться в помощи

другого есть что-то позорное; это дело неизреченной мудрости Божией. Если мы нуждаемся друг в друге и даже эта необходимость взаимной помощи не соединяет нас узами дружбы, то, если бы мы сами могли удовлетворять своим нуждам, не сделались ли бы мы неукротимыми зверями? Силой и необходимостью покорил нас Бог друг другу, и мы ежедневно сталкиваемся друг с другом. Если бы Бог снял эту узду, кто бы стал искать дружбы ближнего? Потому-то Бог и дал нам одно жилище – этот мир, возжег всем один светильник – солнце, простер над нами один кров – небо, и предоставил один стол – землю. Богатому Он не дал чего-либо большего и более ценного, а бедному – меньшего и малоценного, чтобы между нами было полное и неразрывное единение, и чтобы никто не мог сказать: такой-то мне ни друг, ни родственник, ни ближний, и у меня нет с ним ничего общего, – как же я пойду к нему, как буду говорить с ним? Связь между нами должна быть даже теснее, чем та близость, какую обнаруживают между собой друзья; она должна быть связью члена с членом. И подобно тому, как ты не мог бы сказать: откуда мне родство и близость с ним? – потому что это было бы смешно, – так точно и о брате ты не мог бы уже сказать этого. Пусть он и не родственник твой, и не друг; но он человек, имеющий одинаковую с тобой природу, одного и того же Владыку, и живущий в одном и том же мире. В рассуждении денег мы хвалим тех, кто ничего не должен; в рассуждении же любви мы восхваляем и почитаем тех, кто остается всегда должником. Утвердимся же в этой истине и соединимся друг с другом; и если кто захочет отпасть, ты сам не отпадай, и не говори этих холодных слов: «если любит меня, люблю его; если же не любит меня правый глаз, то вырываю его». Напротив, когда он не хочет любить, тогда покажи еще большую любовь, чтобы привлечь его – ведь он член. Когда в силу какой-нибудь необходимости член отделяется от остального тела, то мы делаем все, чтобы опять соединить его с телом, и обнаруживаем особенную заботливость о нем. И награда тебе будет больше, когда ты привлечешь нежелающего любить. Если на пир Бог повелевает звать тех, кто не может отплатить нам, чтобы увеличилось воздаяние, – то тем более

должно делать так в рассуждении дружбы. Тот, кто, будучи любим тобою, любит взаимно, воздаст уже тебе награду; тот же, кто, будучи любим, не любит тебя, делает вместо себя твоим должником Бога. И, кроме того, когда он любит тебя, немного требуется старания; когда же не любит, то имеется нужда в твоей помощи. Не делай же того, что должно быть причиной заботливости, причиной беспечности, и не говори: «так как он болен, то я пренебрегаю им»; болезнь эта – охлаждение любви: согрей же охлажденное. Ведь желание быть сильно любимым происходит от сильной же любви. Когда мы не особенно расположены к кому-нибудь, то не нуждаемся и в тесной с ним дружбе, хотя бы он был великим и знаменитым человеком; но когда мы любим кого-нибудь горячо и искренне, то хотя бы любимый был ничтожным и маленьким человеком, мы считаем за величайшую честь ту любовь, которую он внушает нам. Если же ты не умеешь пользоваться братом, то в состоянии ли будешь когда-нибудь правильно пользоваться чужим? Если не умеешь обращаться с собственным своим членом, то сможешь ли когда-нибудь привлечь и соединить с собою внешнего? Ты хочешь, чтобы про тебя не говорили худо? Не говори поэтому и сам худо о других. Желаешь, чтобы тебя хвалили? Хвали и ты других. Хочешь, чтобы тебя пожалели? Показывай и сам сожаление. Желаешь получить прощение? Прощай и сам. Желаешь, чтобы у тебя не похищали? Не похищай и сам. Будем относиться к ближним так, как мы желаем, чтобы и они относились к нам.

Как душа без тела не называется человеком, равно как и тело без души, так точно и любовь к Богу, если не сопровождается любовью к ближнему. Ты хочешь услужить такому-то? Не препятствую; но только пусть это будет не в огорчение другому. Не для того ведь даны нам учителя, чтобы мы враждовали друг против друга, а для того, чтобы все были в союзе друг с другом. Почему ты один? Почему не приобретаешь многих друзей? Почему не являешься творцом любви? Почему не устрояешь дружбы, этой величайшей похвалы для добродетели? Подобно тому, как быть в согласии со злыми особенно раздражает Бога, так и быть в согласии с добрыми

особенно радует Его. Не будь со многими в нечестии; готовь себе друзей прежде жилища, прежде всего прочего. Если миротворец – сын Божий, то насколько более тот, кто делает друзьями? Если только примиряющий называется сыном Божиим, то какой награды не будет достоин тот, кто делает примиренных друзьями? Дьявол побуждает нас быть всем врагами, а Бог повелевает всех считать друзьями и любить; тот, пригвоздив нас к брению и глине (а таково богатство), не дает вздохнуть хотя бы немного даже и ночью, а Этот, освобождая нас от такой излишней и бесцельной заботы, заповедует собирать сокровища на небесах, не путем обид другим, а от собственной праведности; тот, после многих трудов и огорчений, не только не может защитить нас, когда мы терпим на том свете наказания и подвергаемся страданиям за нарушение законов Божиих, но еще и увеличивает пламя, а Этот, заповедав нам давать чашу холодной воды, не допускает лишиться нам даже и за это воздаяния и награды, но воздает с великой щедростью. После этого не крайнее ли безумие с нашей стороны не любить столь кроткого и обилующего такими благами Владыку, а рабствовать неблагодарному и жестокому тирану, который ни здесь, ни там не может принести никакой пользы повинующимся и преданным ему? Итак, не ропщите за мои слова. И я ведь про любящего меня сказал бы, что он не тогда, когда только хвалит меня, но когда и обличает с целью исправить, тогда-то особенно и любит меня. Хвалить без разбора все, доброе и худое, свойственно не другу, а льстецу и насмешнику; напротив, хвалить за доброе дело и упрекать за проступок – вот долг друга и доброжелателя.

Итак, неприятен мне враг, и когда он хвалит меня; но приятен друг, и когда упрекает меня. Тот, хоть и целует меня, противен; этот, хоть и уязвляет меня, любезен. *«Искренни, – говорится, – укоризны от любящего, и лживы поцелуи ненавидящего»* (Притч.27:6). Один, правильно ли или неправильно упрекает, делает это не с тем, чтобы посрамить, но чтобы исправить; другой, хотя бы и справедливо упрекал, упрекает не с тем, чтобы исправить, а стараясь скорее обесславить. Так-то, возлюбленные, ничто не может сравниться

с единомыслием; при этом и один бывает равен многим. Если, например, будут единомушны два или десять, то один уже перестает быть одним, а каждый из них становится в десять раз больше, и ты в десяти найдешь одного, и в одном – десять. Если у них есть враг, он уже нападает не на одного, и бывает побежден так, как если бы напал на десятерых. Если один обеднел, он не в бедности, потому что обедневшая часть прикрывается большей частью. Каждый из них имеет двадцать рук, двадцать глаз и столько же ног; у каждого десять душ, потому что он все делает не своими только членами, но и остальных. Если бы их было и сто, опять будет то же самое. Один и тот же может быть и в Персии, и в Риме, – и чего не может сделать природа, то может сила любви. Если же он имеет тысячу или две тысячи друзей, то подумай, до какой степени увеличится его сила. Чудно, действительно, из одного сделать тысячу! Для чего же мы не приобретаем силы любви и не утверждаем себя в безопасности? Доколе будем ограничивать ее одним или двумя? Тот, кто имеет друзей, хотя бы был беден, становится гораздо богаче богатых: чего он сам не посмеет сказать за себя, то скажет за него друг; чего не может доставить сам себе, достигнет через другого. Невозможно потерпеть какое-либо зло тому, кто охраняется столькими оруженосцами: не так бдительны царские телохранители, как эти. Те охраняют по нужде и страху, а эти – по доброжелательству и любви. Притом царь боится своих стражей, а человек, имеющий друзей, верит им больше, чем себе самому. И, кроме того, есть ли какая стена, столь несокрушимая, столь укрепленная совокупностью огромных камней, столь недоступная для нападений врагов, как союз любящих друг друга и сплоченных между собою единомушием? Он отражает козни самого дьявола; и весьма естественно. Восставая против него в союзе друг с другом, такие люди становятся непобедимы его ухищрениями и воздвигают блистательные трофеи любви. И как струны лиры, хотя многочисленные, но настроенные согласно, звучат приятнейшим звуком, так точно и объединенные единомыслием издают благозвучный глас любви. Нет ведь ничего усладительнее любви. Чего только не сделает искренний друг?

Какого не доставит он удовольствия, какой пользы, какой безопасности? Хотя бы ты указал тысячи сокровищ, ничто не может сравниться с искренним другом. Подобно тому, как блестящие тела распространяют блеск на близлежащие места, так и друзья, в каких бы местах ни явились, везде расточают свое благоволение. Лучше, поэтому, жить во мраке, чем без друзей.

Не так горячка сжигает тело, как душу разлука с любимыми. Страсть любви такова, что заставляет нас ежедневно представлять себе любезных нам, когда они не находятся вместе с нами, а отсутствуют; она отвлекает душу любящего от всех находящихся налицо и привязывает ее к одному возлюбленному. Если же тот, кто видит любимого, или даже только вспоминает о нем, становится бодр душою и высок мыслью, и, услаждаясь воспоминанием, все переносит легко, то имеющий в мыслях Того, Кто благоволил воистину возлюбить нас, и помнящий о Нем, почувствует ли когда-либо какую-нибудь печаль или убоится ли чего-нибудь страшного и опасного? Конечно, никогда! Если, пользуясь любовью сильных людей, мы бываем страшны для всех, то гораздо более – будучи любимы Богом. И хотя бы нужно было отдать за эту любовь деньги, или тело, или самую душу, не пощадим. Недостаточно ведь говорить только на словах, что мы любим, а необходимо представить доказательство нашей любви и на деле, так как и Он Сам показал Свою любовь не на словах только, а и на деле. Если в домах знатных людей слуга, сделавший свое добро господским, на самом деле не свое добро сделал господским, а господское своим, и одинаково пользуется и своим, и господским, почему многие из слуг больше даже боятся его, чем господина, и если вследствие того, что он пренебрег своим добром, он в действительности не пренебрег им, а получил даже гораздо более, то тем более так бывает в вещах духовных. Не будем, поэтому, заботиться о своих выгодах, чтобы на самом деле позаботиться о них, а будем пренебрегать ими, чтобы приобрести их. Если мы пренебрежем ими, то Бог о них позаботится; а если мы сами будем заботиться о них, то Бог пренебрежет. Если кто хочет любить искренне и узнать силу

любви, то пусть спешит к питомцу ее, блаженному Павлу, и тот научит его, как велик подвиг – перенести разлуку с любимым, и сколь великая душа требуется для того. В самом деле, этот Павел, совлекший с себя плоть и сложивший тело, обходивший вселенную почти обнаженной душой, исторгший из духа всякую страсть, подражавший бесстрастию бестелесных сил, хотя и переносил легко все остальное, как бы страдая в чужом теле, – и темницы, и узы, и изгнания, и бичевания, и угрозы, и смерть, и все виды наказания, – но, разлученный с одной любимой им душой, так был расстроен и смущен, что тотчас и ушел из города, в котором ожидал увидеть любимого человека и не нашел его. Что это, блаженный Павел? Заключенный в колодки, живя в темнице, имея отпечатлевшиеся следы бичеваний, с текущей по спине кровью, ты вводил в Таинства, крестил, приносил жертву, и не пренебрег даже и одним человеком, который должен был получить спасение; а придя в Троаду и найдя ниву расчищенной и готовой принять семена, ты выпустил из рук такую прибыль и тотчас ушел? «Да, – говорит, – потому что я одержим был силой уныния, потому что мой дух очень смущало отсутствие Тита; и печаль так овладела мною, так осилила меня, что принудила сделать это». Видишь, какой величайший подвиг – быть в состоянии спокойно перенести разлуку с любимым человеком, как горестно и печально это дело, как оно требует для себя души возвышенной и мужественной? Для любящих недостаточно одного лишь соединения душой, они не довольствуются этим для своего утешения, а нуждаются и в телесном присутствии друг подле друга, и если этого нет, то отнимается немалая доля радости.

О, пламенная страсть любви! Павел, не страшась огня, адамантовый, твердый, непреклонный, неодолимый, говорящий: *«Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?»* (Рим.8:35), дерзновенно попирающий землю и море, посмеивающийся над железными вратами смерти, – этот самый (Павел), когда увидел слезы у любимых им людей, так был сокрушен и растроган, что даже не скрыл своей скорби, а тотчас же сказал: *«Что вы делаете? Что плачете и сокрушаете*

сердце мое?» (Деян.21:13). О, диво! Бездна вод не сокрушила его, а малые слезы сокрушили и разбили? «Что вы делаете? Что плачете и сокрушаете сердце мое?» Что говоришь ты, скажи мне? Эту адамантовую душу могла сокрушить слеза? «Да, – говорит, – потому что велика сила любви; она побеждает и осиливает меня; против всего могу я устоять, кроме любви». Кто не изумится? Кто не удивится? Лучше сказать, кто может достойно изумиться и удивиться этой мужественной и достигающей до небес душе, подумав о том, что он, будучи заключен в оковы и темницу, послал послание филиппийцам из такого отдаленного места? Вы ведь знаете, как далеко Македония от Рима. Но ни дальность пути, ни продолжительность времени, ни множество дел, ни опасность, ни непрерывные бедствия, ни иное что не исторгли в нем любви и памяти об учениках; напротив, он всех их имел в своей мысли. И не так связаны были его руки оковами, как связана и пригвождена была душа любовью к ученикам. Как царь, взойдя утром на престол и севши в царских чертогах, тотчас принимает отовсюду тысячи писем, так и он, сидя в темнице, как бы в царских чертогах, постоянно и посылал, и получал отовсюду еще гораздо больше писем от обращавшихся к его мудрости и доносивших ему о всех своих делах; и настолько более, сравнительно с царем, устраивал он дел, насколько большая вверена была ему и власть. Такова сила любви; она не только объемлет, соединяет и связывает присутствующих, находящихся вблизи нас и на наших глазах, но и далеко отстоящих от нас; и ни продолжительность времени, ни дальность дорог, ни другое что подобное не может разорвать и расторгнуть душевной дружбы. Любящему нужно так любить, что, если бы у него попросили душу и возможно было отдать ее, он не отказывался бы, – потому что нет ничего равного искреннему другу. Видя любимого, любящий радуется и тает от восторга, сплетается с ним некоторым сплетением души, доставляющим неизреченное удовольствие. Если даже он только вспомнит о нем, его душа ободряется и окрыляется; видя его каждый день, он не насыщается; нет у него ничего, что

бы не принадлежало другу; он желает ему того же самого, чего и себе.

Я знаю человека, который, прося святых мужей за друга, увещевал сначала молиться о нем, а затем уже о себе самом. Знаю и Павла, который готов был даже без просьбы отдать душу свою и впасть в геенну за любимых им. Пламенеющее сердце должно любить так, чтобы казалось, что не любимый тобою – должник твой, а сам ты – должник ему за то, что имеешь его должником. Любящий хочет не только повелевать, но чтобы и им повелевали; он радуется более получая повеления, чем повелевая сам. Любящий хочет лучше давать, чем принимать, желает лучше иметь друга должником, чем сам быть должным ему. Любящий и хочет оказывать благодеяния любимому, и не хочет показаться благодетельствующим, хочет быть виновником благодеяния, и в то же время не хочет показаться виновником благодеяния. Не разумеете здесь, прошу вас, просто друзей, соучастников в трапезах, считающихся друзьями по одному лишь имени; кто имеет друга, о котором я говорю, тот поймет мои слова. Друг сладостнее настоящей жизни. Вот почему многие после кончины друзей не желали даже и жить более. Подлинно, друг вождеднее самого света. Лучше для нас, чтобы погасло солнце, чем лишиться друзей. Многие, хотя и видят солнце, пребывают во мраке; а кто имеет в избытке друзей, тот не может потерпеть никакой скорби. Но если чья-нибудь дружба вредит тебе – отвергни ее от себя. Если мы часто отсекаем те или другие из наших членов, когда они бывают неисцелимо больны и вредят другим, то тем более то же нужно делать в отношении души. Ничто так не вредно, как дурное сообщество. То, чего не в состоянии сделать необходимость, часто может сделать дружба, как во вред, так и на пользу. Кто ведет дружбу с врагами царя, тот не может быть другом царя. Ненависть ради Христа гораздо лучше дружбы ради Него. Когда нас любят ради Бога, мы оказываемся должниками Ему за честь; когда же нас ненавидят, Он Сам является должным нам честью. Итак, все мы, не презирающие даже и денег ради Христа, а лучше сказать, ради себя самих, вострепещем, представляя в уме своем любовь ко Христу

Павла. Он любил Христа не ради благ, даруемых Христом, а эти последние ради Него, и одного только боялся, именно – не отпасть от любви к Нему. Это было для него страшнее даже геенны, равно как пребывание в этой любви вожделеннее самого Царства.

Итак, когда он ради любви к Богу готов был и в геенну впасть, и Царства лишиться, если бы предстояло это, а мы не презираем даже и настоящей жизни, то достойны ли мы даже подошв его, будучи столь далеки от величия души его? Потому и Христос говорил: *«Потерявший душу свою ради Меня сбережет ее»* (Мф.10:39), и: *«всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным»* (Мф.10:32). Подлинно, велик труд этого подвига; он почти превосходит самую природу. И это хорошо знают те, которые удостоились указанных венцов. Никакое слово не в состоянии изобразить этот подвиг: столь мужественной требует он души и до такой степени достоин удивления. И, однако, этот дивный подвиг, по словам Павла, не приносит никакой пользы при отсутствии любви, хотя бы он соединен был с нестяжанием. Почему (Павел) сказал так, я попытаюсь теперь показать это, прежде всего решив вопрос, каким образом человек, раздавший все свое имущество нуждающимся, может не иметь любви. Чтобы человек, готовый предать себя на сожжение и имеющий духовные дарования, не любил, это, может быть, и допустимо; но тот, кто не только отдает имущество, но и употребляет его на пропитание других, как может не любить? Итак, что же можно сказать? Или то, что он представил несуществующее как существующее, что он любит и всегда делать, когда хочет представить чрезмерность чего-нибудь. Так, например, в Послании к Галатам он говорит: *«Если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что... (вы приняли) благовествовали вам, да будет анафема»* (Гал.1:8); хотя ни сам он, ни Ангел не имели делать этого, но чтобы показать дело в преувеличенном виде, он указал на то, что совсем не имело совершиться. Равным образом, когда в Послании к Римлянам говорит: *«Ни Ангелы, ни Начала, ни Силы»* не возмогут *«отлучить нас от любви»* Христовой (Рим.8:38–39); хотя

Ангелы не имели делать этого, однако и здесь апостол предполагает несуществующее, равно как и в дальнейших словах: «*ни другая какая тварь*», хотя, конечно, и нет другой твари; назвав все горнее и долнее, он обнял всю тварь, но, чтобы показать чрезмерность своей любви, предполагает тем не менее и здесь несуществующее. То же самое делает он и здесь, говоря, что хотя бы кто-нибудь отдал все, а любви не имеет, не получает никакой пользы (1Кор.13:3). Итак, или это нужно сказать, или то, что апостол хочет, чтобы дающие были в единении с получающими и давали не просто, без сочувствия, а жалея нуждающихся, склоняясь и трогаясь их нуждой, сострадая им. Для того ведь и милостыня установлена Богом. Пропитать бедных Бог мог и без этого; но чтобы связать нас в содружество любви, и чтобы мы пламенели друг к другу любовью, Он повелел им получать пропитание от нас. Вот почему в одном месте говорится: «*Слово благое лучше, нежели даяние*», и: «*не выше ли доброго даяния слово?*» (Сир.18:16–17). И Сам (Бог) говорит: «*Милости хочу, а не жертвы*» (Ос.6:6; Мф.9:13).

Так как мы обычно любим тех, кому оказываем благодеяния, а получающие благодеяние бывают друженственнее расположены к благодетелям, то, устрояя союз дружбы, Бог и постановил такой закон. И чтобы вам знать, сколь велика и важна эта добродетель, изобразим ее словом, так как не видим, чтобы она проявлялась где-нибудь на деле, и помыслим, какие бы произошли блага, если бы она всюду была в изобилии. Ведь тогда не было бы нужды ни в законах, ни в судилищах, ни в наказаниях, ни в казнях, ни в чем другом подобном. В самом деле, если бы все любили и были любимы, то никто ничем не обидел бы другого; убийства, брани, войны, возмущения, хищения, корысти, и все пороки совершенно исчезли бы, и зло было бы известно только по имени. Этого не могут сделать и чудеса; напротив, людей неосторожных они приводят даже к тщеславно и высокомерию. И вот что удивительно в любви: тогда как все другие блага имеют сопряженное с ними какое-нибудь зло, – например, нестяжатель часто гордится ввиду своей бедности, искусный в слове

недугует славолюбием, смиренный часто поэтому самому превозносится в глубине души, – любовь свободна от всякой такой пагубы, потому что никто никогда не возгордится над любимым. И предположи, что любит не один, а все одинаково, – тогда увидишь силу любви. Впрочем, если угодно, сначала предположи одного любимого и одного любящего, любящего именно так, как должно любить. Такой человек будет обитать на земле как бы на Небе, всюду наслаждаясь спокойствием и сплетая себе бесчисленные венцы. Такой человек будет соблюдать душу свою чистой и от зависти, и от гнева, и от клеветы, и от гордости, и от тщеславия, и от худого пожелания, и от всякой непристойной любви, и от всякого порока. Подобно тому, как себе никто не сделает никакого зла, так и этот человек – своему ближнему. А будучи таковым, он, шествуя на земле, станет с самим Гавриилом. Вот каков тот, кто имеет любовь. Тот же, кто творит знамения и имеет совершенное знание, но лишен любви, хотя бы воскресил тысячи мертвецов, не принесет никакой великой пользы, будучи в разрыве со всеми и не перенося соединения с кем-либо из сорабов. Потому-то и Христос сказал, что признаком искренней любви к Нему служит любовь к ближнему. «Если, – говорит, – любишь Меня, Петр, больше, нежели они... паси овец Моих» (Ин.21:15,17). Видишь ли, как и здесь опять Он дал понять, что любовь больше мученичества? Если бы кто имел возлюбленного сына, за которого отдал бы даже душу, а кто-нибудь любил бы отца, на сына же не обращал совсем никакого внимания, то он сильно бы огорчил отца, так что последний не заметил бы любви к себе, вследствие презрения к сыну. Если же так бывает в отношении к отцу и сыну, то тем более в отношении к Богу и людям, потому что Бог любвеобильнее всех отцов. Вот почему, сказав: «первая и... великая заповедь: возлюби Господа Бога твоего», присовокупил: «вторая же... – и не умолчал, а присоединил подобную ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф.22:37–39). И смотри, как Он почти в такой же высшей степени требует исполнения и этой заповеди. О Боге Он говорит: «*всем сердцем твоим*», а о ближнем твоём: «*как самого себя*», каковые слова равны выражению: «*всем сердцем*

твоим». Если бы это наблюдалось с точностью, не было бы ни раба, ни свободного, ни начальника, ни подчиненного, ни богатого, ни бедного, ни малого, ни великого; не был бы никогда ведом даже и дьявол, – не говорю, этот, но если бы был и другой такой же, или даже если бы дьяволов было бесчисленное множество, они не имели бы никакой силы при господстве любви.

Подлинно, легче сено выдержит силу огня, чем дьявол – пламень любви. Она крепче стены, она тверже стали, и хотя бы ты указал другое более крепкое вещество, твердость любви далеко превосходит все. Ее не победит ни богатство, ни бедность; лучше же сказать, не было бы ни бедности, ни излишнего богатства, если бы была любовь, а только происходящие от того и другого блага, потому что мы приобрели бы от последнего изобилие, а от первой безмятежность, и не подвергались бы ни заботам богатства, ни нуждам бедности. Но что я говорю о выгодах любви? Подумай, какое великое благо любовь сама по себе, какую доставляет она радость, какую благодать сообщает она душе. В этом-то и состоит особенно преимущество любви. Все прочие добродетели имеют сопряженное с ними скорбное состояние, как например: пост, целомудрие, бдение – зависть, похоть, гордость; а любовь, кроме пользы, имеет и великое удовольствие, а скорби никакой; и, как добрая пчела, она, отовсюду собирая блага, слагает их в душу любящего. Находится ли кто в рабстве, она представляет рабство приятнее свободы, потому что любящий не так радуется, когда повелевает, как тогда, когда подчиняется. Конечно, повелевать приятно. Но любовь изменяет природу вещей и является на помощь со всеми благами в руках, приветливее всякой матери, богаче всякой царицы, и трудное делает легким и удобным, представляя нам добродетель привлекательной, а порок крайне противным. Смотри: тратить имущество кажется делом прискорбным, – а она делает его приятным; брать чужое представляется приятным, – а она не позволяет этому казаться приятным, но заставляет избегать как низкого дела. Опять, злословие всем кажется делом любезным, – а она делает его противным, похвалу же приятной, потому что

для нас ничто так не приятно, как хвалить любимого. Равным образом, гнев имеет некоторую приятность; но при любви этого уже нет, все нервы его убиты; и если любимый опечалит любящего, гнев ни в чем не проявляется, а бывают слезы, увещания и просьбы: так далек любящий от раздражения. Если он видит согрешающего, то скорбит и болеет; но и самая эта скорбь приносит удовольствие, потому что и слезы, и печаль любви приятнее всякого смеха и радости. Поистине не так услаждаются смеющиеся, как плачущие о друзьях; а если не веришь, прегради им слезы, и увидишь, что они так мрачно настроены, как будто потерпели непоправимое бедствие. Но любовь, скажешь, имеет нечистое удовольствие. Перестань, не злословь, человек: нет ничего настолько чистого от этой страсти, как истинная любовь. Не говори мне о той низкой и площадной любви, которая скорее есть болезнь, чем любовь, а о той, которой требует Павел, о любви, ищущей пользы любимых, и увидишь, что имеющие такую любовь любят нежнее отцов. И как пристрастные к деньгам не решаются издерживать их, а согласны лучше терпеть стеснения, чем видеть их уменьшение, так и тот, кто питает к другому любовь, согласится лучше потерпеть тысячу бедствий, нежели видеть, что любимый им потерпел вред.

Что же, скажешь, неужели не должно ненавидеть даже врагов и язычников? Должно ненавидеть, но не их, а учение их, не человека, а порочную деятельность и развращенную волю. Человек – дело Божие, а заблуждение – дело дьявола. Ведь если должно ненавидеть врагов Божиих, то должно ненавидеть не только нечестивых, но и грешников; а в таком случае мы будем хуже зверей, отвращаясь от всех и надмеваясь гордостью, подобно фарисею. Но не так заповедал Павел, – а как? *«Вразумляйте бесчинных, утешайте малодушных, поддерживайте слабых, будьте долготерпеливы ко всем»* (1Фес.5:14). Но, скажешь, что же тогда значат его слова: *«Если же кто не послушает слова нашего в сем послании, того имейте на замечании и не сообщайтесь с ним»* (2Фес.3:14)? Правда, что сказано о братьях; но и в этом случае не просто, а тоже с кротостью. Не отделяй от этих слов последующих,

прибавь же то, что сказано далее. А именно, сказав: *«не сообщайтесь»*, он присовокупил: *«но не считайте его за врага, а вразумляйте, как брата»* (2Фес.3:15). Видишь ли, как он повелел ненавидеть худое дело, а не человека? Дело дьявола – отторгать нас друг от друга; он сильно старается истребить любовь, чтобы пресечь путь к исправлению и удержать его в заблуждении, а тебя в неверии и вражде, надеясь таким образом заградить ему путь ко спасению. Если врач будет ненавидеть и убегать больного, а больной отвращаться от врача, то может ли больной выздороветь, когда он не будет призывать врача, и врач не будет приходить к нему? Почему же ты отвращаешься и убегаешь от него? Потому ли, что он нечестив? Но потому-то и надо приходить и лечить, чтобы восстановить больного. Хотя бы он страдал неисцелимой болезнью, тебе повелено делать свое дело. Иуда также одержим был неисцелимой болезнью, но Бог не переставал лечить его. Поэтому и ты не ослабевай. Хотя бы при всем старании ты не мог освободить его от нечестия, все же ты получишь награду, как бы освободил его, и заставишь его удивляться твоей кротости, и таким образом всячески прославится Бог. Хотя бы ты творил чудеса, хотя бы воскрешал мертвых, хотя бы делал что-нибудь другое подобное, язычники никогда не будут удивляться тебе в такой мере, как видя тебя кротким, добрым и обходительным. А и это не маловажное дело, потому что многие таким образом могут наконец отстать от порока. Ничто не может привлекать так, как любовь. Из-за другого, то есть знамений и чудес, могут и завидовать тебе, а из-за этого (любви) станут и удивляться, и любить, а, любя, примут мало-помалу и истину. Впрочем, если язычник и не скоро сделается верующим, не удивляйся, не спеши, не требуй всего вдруг; но пусть он пока хвалит, любит и мало-помалу он дойдет и до этого. Итак, если любовь есть виновница добродетели, то будем со всяким тщанием насаждать ее в своих душах, чтобы она принесла нам многие блага, и чтобы нам постоянно собирать обильные плоды ее, всегда цветущие и никогда не увядающие. Таким образом мы достигнем и вечных благ, которых да сподобимся все мы, благодатью и

человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым
Отцу со Святым и Благим Духом слава во веки веков. Аминь.

Слово 2. О молитве

Великое благо – молитва, если бывает с чувством благодарения, если мы научимся благодарить Бога, не только получая (просимое), но и не получая. Бог, и когда дает (просимое), и когда не дает, делает то и другое на пользу, так что получил ли ты или не получил, ты получил благодаря тому, что не получил; успел ли или не успел, ты успел через то, что не успел. Бывает иногда полезнее не получить. Если бы для нас не было часто полезно не получить, Бог несомненно дал бы; между тем не получить с пользой значит получить. Не будем же роптать на замедление в даровании просимого, а скорее покажем поэтому самому великую твердость и терпение. Разве Бог не мог бы даровать и прежде (исполнения) наших просьб? Но Он ждет для того, чтобы получить от нас самих повод праведно удостоить нас Своим попечением. Поэтому получим ли просимое, не получим ли, будем настойчивы в своем прошении, и будем благодарить не только в случае успеха, но и в случае неуспеха. Не получить, когда так хочет Бог, значит не менее, чем получить, потому что мы сами так не знаем, что полезно для нас, как ведает Он. Таким образом, получим ли мы, не получим ли, мы должны одинаково благодарить и принимать с радостью то, что Ему будет благоугодно. Не потому Бог часто медлит исполнением наших просьб, что отвергает их, а желая научить нас постоянству и привлечь к Себе.

Так и нежно любящий отец часто не соглашается на просьбу сына не потому, что не хочет дать, а желая через это побудить сына к настойчивости. Чтобы молящийся был услышан, это зависит, во-первых, от того, если мы достойны получить; во-вторых, если мы молимся согласно с законами Божьими; в-третьих, если молимся непрестанно; в-четвертых, если не просим ничего житейского; в-пятых, если исполняем все должное и со своей стороны, и, наконец, если просим полезного. Как от этих условий зависит быть услышанным, так от противных условий – быть неуслышанным, хотя бы молящиеся были праведники. Кто был праведнее Павла? Но

когда он просил бесполезного, то не был услышан: «*О том, – говорит, – трижды молил я Господа... но Господь сказал мне: довольно для тебя благодати Моей*» (2Кор.12:8–9). Кто также праведнее Моисея? Но и он не был услышан, и ему Бог сказал: «*полно тебе*» (Втор.3:26). Так как он просил о том, чтобы ему войти в землю обетованную, а это было бесполезно, то Бог и не попустил.

Кроме того, мы бываем не услышаны еще и по другой причине, именно – когда молимся, продолжая оставаться в грехах своих. На это указал Бог, когда сказал об иудеях Иеремии: «*Не проси за этот народ... не видишь ли, что они делают?*» (Иер.7:16–17). Они, – говорит, – не отстали от нечестия, а ты возносишь о них прошение? Но Я не услышу тебя. Равным образом, когда мы просим чего-либо против врагов, то не только не бываем услышаны, но и раздражаем Бога. Молитва есть врачество; но если мы не знаем, как нужно приложить это врачество, то не можем воспользоваться и его целебной силой. Итак, великое благо – постоянство в молитве, как нас научает событие с хананеянкой; в самом деле, на что не соглашался Христос, когда Его просили апостолы, в том успела она, своей настойчивостью достигнув исполнения просьбы. Бог более хочет, чтобы Его просили мы сами за свои прегрешения, чем другие за нас. Когда мы просим людей, нам нужно бывает и тратить деньги, и рабски льстить, и много ходить и хлопотать, потому что часто нельзя бывает прямо получить доступ и говорить с самими господами, а необходимо прежде привлечь на свою сторону и деньгами, и словами их служителей, домоправителей, поверенных и через них уже получить просимое. У Бога же не так. Он не нуждается в посредниках, когда Его просят, и не так преклоняется на милость, когда умоляют (за нас) другие, как тогда, когда мы сами просим Его. Бог хочет, чтобы мы часто просили Его, и бывает за это весьма благодарен, – потому что Он единственный должник, который, когда от Него требуют, благодарит, и дает то, чего мы не давали взаймы. И если видит усиленно и прилежно просящего, дарует и то, чего не получал от нас; а если лениво просящего, то и Сам медлит, не потому, что не хочет дать, а потому, что Ему приятно,

когда мы просим Его. Не потому, чтобы Бог ненавидел или отвращался от нас, Он медлит дать просимое, а желая таким замедлением дарования постоянно удерживать при Себе. Так поступают и нежно любящие отцы: и они отсрочкой исполнения просьб научают беспечных детей прилежанию. Услышана твоя просьба? Возблагодари за то, что ты услышан. Не услышана? Пребудь тверд, чтобы быть услышанным. Тебе нет нужды в посредниках, не нужно ни много хлопотать, ни подольщаться к другим; напротив, хотя бы ты был совершенно одинок, хотя бы не имел покровителя, ты непременно достигнешь просимого, если сам по себе попросишь Бога. Если у людей бывает так, что, несмотря на тысячи оскорблений, когда мы и утром, и днем, и вечером являемся к обиженным на нас, мы легко прекращаем такой настойчивостью и постоянным появлением им на глаза вражду, то тем более бывает так у Бога. Не так обычно преклоняется Бог, когда Его молят другие за нас, как тогда, когда мы сами просим Его, хотя бы исполнены были бесчисленных зол.

Пусть выслушают меня те, которые молятся небрежно и ропщут на медлительность дарования просимого. Когда я говорю: «призови Бога, попроси Его, умоли Его», – ты отвечаешь: «я просил раз, другой, третий, десять, сто раз – и не получил». Не отставай, доколе не получишь; когда получишь, тогда отстань, или вернее – и тогда не отставай, а пребывай в молитве: если ты не получил, молись, чтобы получить; если же получил, благодари за то, что получил. Многие входят в церковь, совершают тысячи молитв и выходят, сами не зная, что говорили: уста движутся, а слух не слышит. Ты сам не слышишь своей молитвы, а хочешь, чтобы ее услышал Бог? Я преклонял, говоришь, колена. Но мысль твоя летала на стороне. Тело было внутри церкви, а дух твой – вне; твои уста говорили молитву, а ум исчислял проценты, обязательства, торговые обороты, приобретения, дружеские собрания. Дьявол, будучи лукав и зная, что во время молитвы мы достигаем великих успехов, приходит к нам в это время, – часто ведь мы лежим на постели без всяких забот и ни о чем не помышляя, а пришли молиться, и тотчас нападают бесчисленные помыслы, –

чтобы лишить нас плодов молитвы и сделать совершенно безуспешными. И часто бывает, что, свершив молитву, мы уходим; как будто и не слышав того, что говорили.

Итак, когда мы заметим это, то повторим немедленно молитву, и если опять с нами случится то же, то скажем ее и третий, и четвертый раз, и не прежде перестанем молиться, чем изольем всю ее перед Богом с трезвой душой и внимательным помыслом. И если дьявол заметит, что мы не прежде отстаем от молитвы, чем произнесем ее со тщанием и трезвящейся душой, то отстанет наконец со своими кознями, зная, что из его ухищрений не выйдет ничего иного, кроме того, что он многократно заставит нас повторить ту же самую молитву. Если, приходя к человеку, мы обнаруживаем такую внимательность, что часто даже не видим стоящих вблизи, а сосредотачиваем свою мысль и думаем только о том, к кому приходим, то тем более нам нужно делать так в отношении к Богу, нужно быть внимательными в молитвах, не блуждая мыслью в разные стороны. Если язык произносит слова, а ум блуждает на стороне, обдумывая домашние дела или соображая об общественных делах, то для нас не только не будет никакой пользы, а, напротив, еще большее будет осуждение. Если мы предстоим столько времени людям, служа в войсках и перенося тяжкие труды, исполняя рабские обязанности, и в конце концов часто теряем и самую надежду, то неужели Господу нашему, от Которого несомненно можно получить награду, гораздо большую трудов, мы не имеем мужества предстоять с подобающим усердием? И какого наказания достойно это? Ведь если бы и ничего не предстояло получить, само по себе постоянное собеседование с Богом не заключает ли бесчисленных благ? Подлинно, великое благо молитва и собеседование через нее с Богом. Если беседующий с добродетельным человеком приобретает отсюда немалую пользу, то каких благ насладится тот, кто удостоился беседы с Богом? Не безумно ли слугам приказывать, чтобы они все время служили нам, а самим даже и малого досуга не уделять Богу? Ты не знаешь полезного тебе, человек; часто просишь вредного и обманчивого. Но Он, гораздо более пекущийся о твоём спасении, не молитве твоей внимает,

но прежде молитвы предусматривает полезное для тебя. В самом деле, если плотские отцы не непременно дают детям то, чего они просят, не потому, что пренебрегают просящими, а потому, напротив, что более заботятся о них, то тем более делает так Бог, Который и больше всех любит, и лучше всех знает, что нам полезно. Когда ты ослабеешь в молитве и не получишь, вспомни, сколько раз ты слышал, как призывал тебя бедный, и ты не послушал его, между тем он не вознегодовал и не оскорбил тебя; причем ты делаешь это по жестокости, а Бог – по человеколюбию.

Итак, если сам ты, не слушая по своей жестокости сораба, не считаешь себя заслуживающим обвинения, то как обвиняешь Владыку, не внимающего рабу по человеколюбию? Если блаженный Давид, будучи царем, поглощаемый бесчисленными заботами и развлекаемый со всех сторон, семь раз на дню молился Богу, то какое оправдание и прощение можем иметь мы, которые имеем столько праздного времени и не молимся Ему постоянно, несмотря даже на то, что можем получить великую пользу. Невозможно, поистине невозможно, чтобы человек, молящийся с должным усердием и постоянно призывающий Бога, впал когда-нибудь в грех. Кто воспламенил свой ум, возбудил душу, переселился на Небо и таким образом призвал своего Господа; кто, вспомнив о своих грехах, беседует с Ним о прощении их и молит Его быть милостивым и снисходительным, – тот, предаваясь такой беседе, отлагает всякое житейское попечение, окрыляется и становится выше человеческих страстей. Не так источники водные делают цветущими сады, как источники слез, напоющие древо молитвы, поднимают его на величайшую высоту и поставляют молящегося пред Богом. От этого-то зависит более всего и услышание. В самом деле, у кого в то время, как тело простерто на земле и уста бессмысленно произносят слова, душа блуждает везде – дома и на площади, тот может ли сказать, что он молится перед Богом? Перед Господом молится тот, кто вполне сосредоточил свою душу и не имеет ничего общего с землею, но переселился на самое Небо и изгнал из души всякий человеческий помысел.

Молящемуся должно молиться так, чтобы, всецело сосредоточившись и напрягши ум, призывать Бога со скорбной душой, не умножая слов и не распространяясь в молитве, а произнося немногие и простые слова, потому что не от множества слов, а от трезвости души зависит услышание. И это можно видеть на примере Анны, матери Самуила. Она говорит именно: *«Господи... Саваоф! если Ты призришь на скорбь рабы Твоей... и дашь рабе Твоей дитя мужеского пола, то я отдам его Господу... на все дни жизни его,[и вина и ... хмельного не будет пить¹], и бритва не коснется головы его»* (1Цар.1:11). Много ли здесь слов? Но так как она совершила эту молитву со вниманием и трезвостью, то достигла всего, чего желала: и испорченную природу исправила, и заключенную утробу отверзла, и себя привела в состояние великого благодушия, пожав тучный колос с бесплодного камня. Итак, молящемуся следует и не многословить, и постоянно молиться. Творить краткие и частые молитвы, с небольшими промежутками, заповедали и Христос, и Павел. Если ты будешь распространяться в словах, нередко делая это без внимания, то дашь дьяволу большую свободу подойти к тебе, устроить ковы и отвлечь твою мысль от произносимых слов. А если будешь творить постоянные и частые молитвы, занимаясь все время частым повторением их, то легко сможешь сохранить внимание и самые молитвы будешь творить с большой бдительностью. Хочешь ли узнать, что такое бодрствование, трезвенность и настойчивость молитвы? Иди к Анне, узнай, что сделала она. Встали, говорится, все от трапезы (1Цар.1:9), и она тотчас же обратилась не ко сну, не к отдыху, – почему мне кажется, что, и сидя за трапезой, она была воздержна и не отягчала себя какими-нибудь яствами, а иначе не пролила бы таких слез. В самом деле, если мы, постясь и воздерживаясь от пищи, едва можем так молиться, лучше же сказать – никогда не молимся так, то тем более она не могла бы молиться так после трапезы, если бы и за трапезой не была подобна постящимся. Постыдимся же мы, мужи, женщины, – мы, которые, молясь о Царствии, зеваем от сонливости, – постыдимся той, которая просила о сыне и плакала. Заметь ее благочестие и в другом

отношении. *«Голоса ее..., – говорится, – не было слышно... уста ее только двигались»* (1Цар.1:13). Так приступает к Богу тот, кто хочет что-либо получить, – без потягот и зеваний, без сонливости, без почесываний, без небрежности. Разве Бог не мог дать и без молитвы? Разве Он не знал еще прежде прошения желания жены? Но если бы Он дал прежде прошения, то не обнаружилось бы усердие жены, не открылась бы добродетель ее, не стяжала бы она за это такой награды. Но посмотрим и на ее любомудрие. Когда священник Илий счел ее за пьяную, смотри, что она говорит ему: *«Не считай рабы твоей негодною женщиною, ибо от великой печали моей и от скорби моей я говорила доселе»* (1Цар.1:16). Это поистине дело сокрушенного сердца, когда мы не сердимся и не раздражаемся на оскорбителей, а даже и оправдываемся.

Подлинно, ничто так не делает сердца любомудрым, как скорбь и печаль по Боге. Итак, мы должны и при начале трапезы, и при конце благодарить Бога. Кто приготовил себя к этому, тот никогда не впадет в пьянство и бесчинство, никогда не испытает следствий объедения, но, сдерживая свои помыслы ожиданием молитвы, как бы уздою, будет в надлежащей мере употреблять все предлагаемое и тем доставит и душе, и телу великое благосостояние. Стол, начинающийся и оканчивающийся молитвою, никогда не оскудеет, но обильнее источника принесет нам все блага. Не будем же пренебрегать такой пользой. Странно, что слуги наши, получив от нас что-нибудь со стола, благодарят нас и отходят с добрым словом, а мы, наслаждаясь столь великими благами, не воздаем Богу и такой чести. Потому-то у нас и в общественных, и в частных делах многое выходит вопреки ожиданию, что мы не о духовных делах сначала заботимся, а потом уже и о житейских. Или ты не знаешь, что если ты придешь поклониться Богу и примешь участие в здешнем (церковном) занятии, то более легкими станут для тебя и предстоящие (житейские) дела?

Но у тебя есть житейские заботы? Ради них-то и приди сюда, чтобы, привлеки здешним пребыванием благоволение Божие, выйти с безопасностью, чтобы тебе иметь Бога

союзником, чтобы с помощью Небесной руки стать неодолимым для демонов. Если ты приобщишься духовных молитв, если разделишь общую молитву, если привлечешь Божию помощь, если выйдешь отсюда огражденный Его оружием, то на тебя не посмеет уже взглянуть ни сам дьявол, ни злые люди, старающиеся обидеть и оклеветать тебя. Если же ты выйдешь из дому на площадь и окажешься лишенным этого оружия, то будешь легко одолим для всех обидчиков. И пусть не говорят мне, что невозможно человеку мирскому, занятому службой, постоянно молиться днем и бегать в церковь. Возможно, и весьма легко. Если нелегко прийти в церковь, то можно помолиться, и не оставляя своей службы, стоя там, перед дверьми судилища. И это часто многие делали. Когда начальник внутри (судилища) кричал, грозил, выходил из себя, бесновался, они, оградив себя перед дверьми крестным знаменiem и помолившись в уме немногими словами, входили и заставляли судью перемениться, укрощали его и делали из свирепого кротким; и ни место, ни время, ни молчание не было для них препятствием к такой молитве. Ведь для молитвы нужно не столько слово, сколько мысль, не столько движение рук, сколько напряжение души, не положение тела, а расположение духа. Так и Анна, мать Самуила, не потому была услышана, что произносила пышные и громкие слова, а потому, что много взывала внутри сердцем. *«Не было слышно голоса ее»*, – говорится, и услышал ее Бог (1Цар.1:13).

Не будем же оправдываться, говоря, что нелегко молиться человеку, который обременен житейскими делами и не находит поблизости молитвенного дома. Где бы ты ни был, ты можешь поставить свой собственный жертвенник; этому нисколько ни место не помешает, ни время не воспрепятствует. Хотя ты не преклонишь колен, не станешь бить себя в грудь, не простишь рук к небу, а покажешь только горячую душу, ты этим исполнишь все нужное для молитвы. Можно ведь, и выходя на площадь, и прохаживаясь в одиночку, творить усердные молитвы. Можно, и сидя в мастерской, и сшивая кожи, вознести душу ко Господу. Можно и слуге, и покупая, и поднимаясь вверх, и сходя вниз, и занимаясь на кухне, когда невозможно пойти в церковь,

совершать искреннюю и усердную молитву. Бог не гнушается местом, а требует только одного – пламенного сердца и сосредоточенной души. Так и Павел, не в молитвенном доме, а в темнице распростертый, не прямо стоя и преклоняя колена, – потому что этого не позволяли колодки, в которые забиты были его ноги, – а лежа, помолившись с усердием, потряс темницу, поколебал ее основание, устранил темничного стража и затем привел его к святому Таинству. Равным образом Езекия, не прямо стоя и не преклоняя колена, а возлежа на постели по причине болезни и обернувшись к стене, с жаром и смиренной душой призвал Бога и тем отменил произнесенный уже приговор, привлек к себе великое благоволение Божие и возвратил себе прежнее здоровье. И разбойник, распростертый на кресте, немногими словами приобрел Царствие Небесное. И Иеремия в тине и рву, и Даниил во рву и среди зверей, и Иона в самом чреве китовом, призвав Бога, устраняли все угрожающие бедствия и привлекали к себе высшее благоволение. Что же ты должен говорить, когда молишься? То же, что и хананеянка. Как она говорила: *«Помилуй меня... дочь моя жестоко беснуется»* (Мф.15:22), так и ты говори: *«помилуй меня, душа моя жестоко беснуется»*. Грех есть великий бес. Бесноватый возбуждает сострадание, а грешник – ненависть. *«Помилуй меня»*: краткое слово, (но оно нашло) море человеколюбия, потому что где милость, там всякие блага. Будешь ли ты вне церкви, взывай и говори: *«помилуй меня»*, хотя бы не двигая уст, а взывая умом; Бог слышит и молчащих. Требуется не место, а основа благочестия. Иеремия был в тине и привлек к себе Бога; Иов сидел на гноище и снискал милость у Бога; Иона был во чреве китовом, и Бог внял ему. Хотя бы ты был в бане, молись; где бы ты ни был, молись. Ты – храм Божий; не ищи же места. Море было впереди, позади – египтяне, а посредине – Моисей, ничего не говоривший: великое было затруднение для молитвы. И Бог говорит ему: *«Что ты вопиешь ко Мне?»* (Исх.14:15). Так и ты, когда подвергнешься искушению, прибеги к Богу, призови Владыку. Разве Он – человек, чтобы тебе идти в какое-нибудь место? Бог всегда «близ есть». *«Возопиешь, и Он скажет: «вот Я!»»* (Ис.58:9). Ты еще не кончил молитвы, а Он дает уже

врачество. Если у тебя душа чиста от непристойных страстей, то будешь ли ты на площади, или в пути, или в судилище, или на море, или в гостинице, или в мастерской, – где бы ты ни был, – ты можешь призвать Бога и получить просимое.

Что означает простертие рук во время молитвы? Руки служат орудием при совершении многих злых дел; поэтому самому нам и повелевается простирать их, чтобы служение в молитве было для них препятствием ко злу и воздержанием от пороков; чтобы ты, когда намереваешься похитить, или присвоить чужое, или ударить другого, вспомнил, что ты будешь простирать их как бы ходатаев перед Богом и приносить ими духовную жертву, и не посрамлял их, не делал их безответными через служение порочным делам. Итак, очищай их милостыней, человеколюбием, помощью нуждающимся, и тогда простирай их на молитву. Если ты не позволяешь себе приступать к молитве с неумытыми руками, то тем более ты не должен осквернять их грехами. Если ты боишься меньшего – молиться с неумытыми руками, то тем более страшишься большего. Молиться с неумытыми руками не так непристойно; а простирать руки, оскверненные множеством грехов, – это навлекает великий гнев Божий и гибель. Хочешь ли знать, как велика сила молитвы, совершаемой в церкви? Некогда связан был Петр и заключен в крепкие узы. *«Церковь прилежно молилась о нем»* (Деян.12:5) и тотчас освободила его из темницы. Итак, что может быть могущественнее этой молитвы, которая оказала помощь столпу и оплоту Церкви? Оглашаемым еще не допускается такая молитва, так как они не получили еще такого дерзновения; но вам повелевается творить моления и за вселенную, и за Церковь, простирающуюся до пределов земли, и за управляющих ею, и за предстоящих в ней. И вы охотно повинуетесь, самым делом подтверждая, что велика сила молитвы, единогласно возносимой в Церкви народом. Если у людей бывает так, что народ испрашивает преступников, ведомых на смерть, и царь, уступая толпе, отменяет приговор, то тем более Царь Небесный, умиловленный вами, исполнит ваше прошение. Не слышали ли вы, как Петр был исхищен из темницы вследствие усердной молитвы о нем Церкви?

Приступать к Богу и умолять за стольких людей, – насколько, думаете вы, недостаточна для этого наша малость? В самом деле, если я не имею дерзновения молиться о самом себе, то тем более о других; это могут делать люди, заслуживающие всеобщего одобрения. Итак, когда и сам я заслуживаю гнева, то как буду молиться за другого? Одному просить за многих – дело слишком смелое и требующее большого дерзновения; но многим, сошедшимся вместе, творить молитву за одного – в этом не покажется ничего несообразного.

Конечно, можно молиться и дома; но невозможно так молиться, как в церкви, где такое множество отцов, где единодушно возносится глас к Богу. Не так слышит тебя Господь, когда ты молишься сам по себе, как вместе с твоими братьями, потому что здесь есть еще нечто, а именно – единодушие и согласие, союз любви и молитвы иереев. Для того и предстоят иереи, чтобы молитвы народа, как слабейшие, соединяясь с их более сильными молитвами, вместе с ними восходили на Небо. Если молитва Церкви принесла пользу Петру и освободила этого столпа из темницы, то как же ты, скажи мне, пренебрегаешь ее силой? Подобно тому как сила любви не удерживается расстоянием места, так точно и действенность молитвы; но как первая соединяет стоящих вдали друг от друга, так и последняя может принести величайшую пользу находящимся в отдалении. Моисей, хотя и не присутствовал телом со сражавшимися, однако нисколько не менее, а даже гораздо более их оказал содействие в этом сражении, простертием рук возбуждая силы своих и вселяя страх врагам. Никакой подвиг не может быть достаточно велик, если от него нет пользы другим. Хотя бы ты был постником, хотя бы спал на земле, хотя бы ел пепел, хотя бы непрестанно плакал, но если ты не приносишь пользы никому другому, ты не делаешь ничего великого. Моисей совершил много великих знамений и чудес; но ничто другое не сделало его столь великим, как следующие блаженные слова, сказанные им Богу: *«Прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня»* (Исх.32:32). И Давид, показывая то же самое, говорил: *«Вот, я согрешил, я поступил беззаконно; а эти овцы, что сделали*

они? Пусть же рука Твоя обратится на меня и на дом отца моего» (2Цар.24:17). Велики, конечно, и эти деяния, и достойны жизни ангельской; но поступок Павла имеет большое преимущество и перед ними, так как он желал лишиться ради спасения других будущей славы. Между тем Иона за то, что искал своей собственной пользы, подвергся даже опасности смерти, и тогда как град стоял, сам он потопал в морских волнах. Итак, велики и другие подвиги добродетели Моисея, но глава и венец этой святой души в том, что он желал быть изглаженным из книги за спасение иудеев. Но желание Павла превзошло в великой мере и это. Моисей хотел погибнуть вместе с другими, а Павел молился не о том, чтобы погибнуть с другими, а чтобы одному лишиться вечной славы, тогда как другие получают спасение.

Итак, хорошо пользоваться молитвой святых, но под условием, если мы и сами бываем деятельны; а если этого нет, то не поможет нам и помощь других; напротив, мы и с нею погибнем. Какую пользу оказал Иеремия иудеям? Не трижды ли приступал он к Богу и трижды услышал: *«Не проси за этот народ и не возноси за них молитвы и прошения, и не ходатайствуй предо Мною, ибо Я не услышу тебя»* (Иер.7:16)? Какую пользу принес Саулу Самуил, до последнего дня скорбя и молясь за него? Какую пользу принес он равным образом и израильтянам? Не говорил ли он: *«И я также не допущу себе греха пред Господом, чтобы перестать молиться за вас»* (1Цар.12:23)? Не все ли они погибли? Послушай, что Бог говорит через пророка: *«И если бы нашлись в ней сии три мужа: Ной, Даниил и Иов, – то они праведностью своею спасли бы только свои души»*, так как преусилилось нечестие их (Иез.14:14). Что же? Ужели молитвы не приносят никакой пользы? Приносят, и великую пользу, но тогда, когда и сами мы содействуем. И если хочешь знать, сколь великую приносят они пользу, вспомни Корнилия, Тавифу. Слушай, что и Бог говорит: *«Буду охранять город сей, чтобы спасти его ради Себя и ради Давида, раба Моего»* (4Цар.19:34; Ис.37:35). Но когда? При праведном Езекии. В противном случае, если бы, то есть, и молитвы великих грешников имели

силу, то почему Бог не сказал того же, и когда пришел Навуходоносор, но предал город? Потому что усилилось нечестие. Равным образом тот же самый Самуил молился об израильтянах и имел успех. Но когда? Когда и сами они были добродетельны, – тогда они побеждали врагов. Но зачем, скажешь, нужна мне молитва других, когда я сам благоугождаю Богу? Что говоришь ты, человек? Павел не говорил: «зачем нужна мне молитва», хотя молившиеся не только не были достойны его, но даже и не равны, а ты говоришь: «зачем нужна мне молитва»? Петр не говорил: «зачем нужна мне молитва», – ведь говорится: *«Церковь прилежно молилась о нем Богу»* (Деян.12:5), которая [молитва] тотчас освободила его из уз, – а ты говоришь: «зачем нужна мне молитва»? Потому она и нужна для тебя, что ты считаешь ее ненужной для себя. Если бы Бог испытал Своим судом нашу беспечность и небрежность во время молитвы, испытал, как мы, стоя перед Ним и умоляя Его, не воздаем Ему даже такой чести, какую оказывают слуги господам, воины – начальникам, друзья – друзьям, потому что, беседуя с другом, ты бываешь внимателен, а обращаясь к Богу с молитвой о грехах, прося о снисхождении к великим своим прегрешениям, испрашивая себе прощение, бываешь рассеян и часто, преклонив колена на землю, позволяешь уму блуждать по площади и вокруг дома, так что уста твои болтают зря и напрасно, – что случается с нами не раз и не два, а сплошь и рядом, – если бы только одно это Бог захотел испытать, то получим ли мы прощение? Можем ли иметь извинение? Не думаю. Если же Бог испытает наши сладострастные лица и находящиеся у нас в душе дурные пожелания, которые возбуждаются скверными и нечистыми помыслами, происходящими от легкомысленного блуждания глаз, если выведет на суд те злословия, которыми мы ежедневно порицаем друг друга, неприличные пересуды, в которых мы осуждаем ближнего, не имея никакого дела, те коварства, которые мы учиняем против друг друга, хваля брата в его присутствии и беседуя с ним как с другом, а в отсутствии порицая, – неужели за это мы не должны дать ответ? А что сказать о зависти, которую мы часто питаем к людям

достоуважаемым, – не только врагам, но и друзьям, – о том, как мы радуемся, когда другие терпят бедствия, и считаем чужие несчастья утешением в собственной беде? Если нам заповедуется воздерживаться от житейских благ и тогда, когда они есть, то как оказываемся мы жалки и несчастны, когда просим у Бога того, что Он повелел и имея отвергать? Если нам велено молиться не только за верных, но и за неверных, то подумай, сколь великое зло – молиться против братьев. Что ты делаешь, человек? Приходишь умиловать Бога, а просишь зла другому? Если ты не отпустишь, не отпустится и тебе; а ты не только сам не отпускаешь, но еще и Бога просишь не отпускать? Если не отпускается тому, кто сам не отпускает, то как отпустится тому, кто еще и Владыку просит не отпускать? Если иметь врагов есть уже преступление, то подумай, какое преступление молиться во вред им. Ты должен просить прощения в том, что имеешь врагов, а ты еще обвиняешь их? И как ты можешь получить прощение, когда обвиняешь других, и притом в такое время, когда сам нуждаешься в великой милости? Ты ведь приходишь молиться о прощении своих грехов: не припоминай же чужих грехов, чтобы не напомнили тебе твоих собственных. Если ты скажешь: «порази врага», то заградишь этим свои уста и свяжешь себе язык, во-первых, потому что в самом начале молитвы ты привел в гнев Судью, во-вторых, потому что просишь совсем противного форме молитвы. В самом деле, если ты молишься об отпущении своих грехов, то как ведешь речь о наказании? Надлежало бы поступать совсем напротив – молиться и о врагах, чтобы с дерзновением молиться и за себя. Если ты будешь молиться о них, то, хотя бы о своих грехах ты и ничего не сказал, ты все исполнил.

Итак, если нет ничего презреннее души, которая в молитве проклинает других, и сквернее языка, произносящего такие проклятия, то почему ты не стараешься всеми силами о том, чтобы не говорить на молитве ничего такого, что прогневляет твоего Владыку? Ты человек, – не изрыгай же яда аспидов. Ты человек, – не будь же зверем. Уста даны тебе не для того, чтобы уязвлять, но чтобы исцелять язвы других. Вспомни,

говорит Бог, что Я внушал тебе: оставлять и прощать. А ты и Меня умоляешь быть твоим сообщником в нарушении Моих же повелений и снедаешь брата, обагряешь кровью язык свой, подобно бешеным, которые своими зубами терзают свои же члены. Подумал ли ты о том, как радуется и смеется дьявол, когда слышит такую молитву? Подумал ли ты, напротив, как гневается, отвращается и ненавидит Бог, когда ты так молишься? Вспомни, человек, к кому ты приступаешь с молитвой о гибели врагов. Разве ты приступаешь к другому Богу? Ты приступаешь к Тому же, Который сказал: «*молитесь за... врагов ваших*» (ср. Мф.5:44). Как же ты вопиешь против них? Как просишь Бога, чтобы Он нарушил Свой собственный закон? Эта личина неприлична молящемуся рабу: всякий должен молиться не о гибели другого, а о собственном своем спасении. Для чего же ты принимаешь вид молящегося раба, а говоришь как обвинитель? Притом, когда мы о себе молимся, то и почесываемся, и зеваем, и развлекаемся бесчисленными помыслами; а о гибели врагов молимся со всем вниманием. Так как дьявол знает, что в это время мы поднимаем меч на самих себя, то он не развлекает и не останавливает нас, чтобы тем больше повредить нам. Но меня, скажешь, обидели и огорчили? Так молись о гибели дьявола, который несравненно более всех обижает нас: он-то именно порождает и врагов. Если ты будешь молиться о гибели врагов, то будешь молиться молитвой, которой хочет дьявол; напротив, если станешь молиться за врагов, то твоя молитва будет против него. Подлинно, он один – наш непримиримый враг; а человек, что бы он ни делал, остается нашим другом и братом. Итак, зачем же ты, оставив настоящего твоего врага, терзаешь собственные члены? Итак, возлюбленные, зная это, постараемся поступать согласно заповедям и воле Господа, чтобы нам достигнуть и Царства Небесного во Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава и держава, с Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Слово 3. О покаянии

Для того я часто говорю о покаянии, чтобы ни грешник не отчаивался, ни праведник не думал высоко о себе. Праведник ты? Не падай. Грешник ты? Не отчаивайся. Если каждый день согрешаешь, каждый день кайся. Подобно тому, как в обветшавших домах, когда они сгниют, мы удаляем сгнившие части и заменяем новыми и никогда не оставляем подобных забот, так точно и ты, если обветшал от греха, обновляй себя покаянием. Но возможно ли, скажешь, спастись мне, покайся? Вполне возможно. Но я всю жизнь провел в грехах, и если покаюсь, то спасусь ли? Несомненно. Чем это можно доказать? Милосердием Владыки. Не на свое покаяние надейся. Разве твое покаяние может в самом деле очистить такие скверны? Если бы было одно только покаяние, тебе действительно следовало бы бояться; но так как с покаянием соединяется Божие милосердие, то надейся, потому что оно превосходит твою злобу. Многомилосерд Бог, настолько милосерд, что не пощадил даже Единородного, чтобы искупить неблагодарных рабов. Не говори мне: я совершил много великих грехов – как я могу спастись? Ты не можешь, Владыка твой может, и так изглаждает грехи, что не остается даже и следа их. С телами этого не может быть: как бы много ни старался врач, сколько бы лекарств ни прикладывал к ране, – только рана закроется, а шрам остается, и наружным безобразием указывает на бывшую рану. Врач всевозможными средствами старается уничтожить и шрам, но оказывается не в силах, потому что ему противится и слабость природы, и бессилие искусства, и ничтожество лекарств. Когда же Бог изглаждает грехи, то не оставляет ни шрама, не попускает остаться и следу, но вместе со здоровьем дарует и благообразие, вместе с освобождением от наказания дает и оправдание, и делает согрешившего равным несогрешившему. Хотя бы у человека были тысячи ран, но если он покается и сделает что-нибудь доброе, Бог так изглаждает их, что не остается ни шрама, ни следа, ни знака грехов. Итак, что для

тела язвы и лекарства, то же самое для души грехи и покаяние. И обрати тщательное внимание на слова мои. Язва и врачество, грех и покаяние. Язва – грех; врачество – покаяние. В язве гной; лекарство обладает силой очищать гной. В лекарстве ли гной? В язве ли целительная сила? Не имеют ли то и другое своего собственного свойства? Может ли сообщиться первое последнему, или последнее первому? Ни в коем случае. Перейдем теперь к грехам души. Грех соединен со стыдом; покаяние сопряжено с дерзновением.

Итак, сатана, зная, что с грехом соединяется стыд, который легко может оттолкнуть согрешающего, а с покаянием соединяется дерзновение, которое может привлечь кающегося, извратил естественный порядок, и стыд придал покаянию, а дерзновение – греху. В грехе он не допускает человеку стыдиться, потому что знает, что если грешник почувствует стыд, то убежит от греха; а в покаянии заставляет его стыдиться, зная, что стыдящийся не покается. Тот, кто раскаялся в совершенных грехах, хотя бы и не показал покаяния вполне соответствующего грехам, тем не менее получит воздаяние и за такое покаяние. Итак, тех, кем не овладел еще порок, увещаю не поддаваться ему, – потому что легче остерегаться от впадения в порок, нежели после впадения освободиться от него, – а тем, кто уже пленен и сокрушен, возвещаю полную надежду на спасение, если только они пожелают поспешить обратиться к покаянию. И добро, и зло, чем дольше пребывают с нами, тем становятся сильнее. Так и дерево, только что посаженное в землю, вырывается без труда; а укрепившееся корнями в течение долгого времени – уже нет. И здание, только что утвержденное, легко ниспровергается, если его потревожить; а если оно хорошо укреплено, то доставляет много хлопот желающим разрушить его. И зверя бывает трудно выгнать из тех мест, где ему приятно было оставаться в течение долгого времени. И как горячка сначала не особенно сильно мучит жаждой хворающих ею, а когда усилится и повысит жар, заставляет уже испытывать невыносимую жажду, и хотя бы кто-нибудь дал им без меры напиться, он не потушит, а только разожжет жар, так точно

бывает и со страстью: если в самом начале, когда она вторгается в нашу душу, мы не воспрепятствуем ей и не заключим перед нею дверей, то, войдя, она причиняет уже допустившим ее неисцелимую болезнь. Как человек с вялой и беспечной душой, хотя бы получил много времени для покаяния, не сделает ничего великого и не примирит Бога с собою по причине своей беспечности, так, наоборот, человек с бодрой душой и пылающий ревностью, совершающий покаяние с великим старанием, может и в краткое мгновение истребить грехи, совершенные в течение многого времени. А как – послушай.

Не трижды ли отрекся Петр? Не с клятвой ли в третий раз? Не убоявшись ли слов ничтожной служанки? Что же? Много ли времени нужно было ему для покаяния? Отнюдь нет. Напротив, в одну и ту же ночь он и пал, и восстал. После этого тяжкого падения – а нет другого греха, равного отречению – покаяние опять возвратило ему прежнюю честь, вверило ему управление Церковью по всей вселенной, и – что всего важнее – показало нам, что он имел больше всех апостолов любви к Господу. А что сказать о ниневитянах? Пришел к ним пророк, объявил как бы царское послание – приговор, определявший наказание, и восклицал: *«Еще три дня² и Ниневия будет разрушена»* (Иона.3:4). Услышали это ниневитяне и не показали неверия и пренебрежения, но тотчас обратились к посту все – мужи, жены, дети; даже и бессловесные не были изъяты от этого общественного подвига; всюду вретище, всюду пепел, всюду плач и вопли. И сам облеченный диадемой, сойдя с царского престола, разостлал под собою вретище, посыпал себя пеплом. Открылось странное и необычайное зрелище: порфира уступила честь вретищу. В самом деле, чего не в силах была сделать порфира, то могло сделать вретище; чего не совершила диадема, то совершил пепел.

Итак, подумаем, какое бремя грехов имеет каждый из нас, и совершим равносильные дела человеколюбия, или лучше – гораздо большие, чтобы не только изгладились наши грехи, но чтобы наши милостыни были вменены нам и в правду. Если добрые дела не будут столь многочисленны, чтобы через них и

сняты были обвинения, и некоторый остаток вменен был нам в правду, то никто нас не избавит от наказания. Навлекши на себя гнев человека, ты просишь и друзей, и соседей, и придверников, и расходуешь деньги, и тратишь дни на хождение и просьбы, и хотя бы оскорбленный тобою не раз, не два, а тысячи раз отверг тебя, ты не падаешь совершенно духом, а, напротив, делаешься еще настойчивее и умножаешь свои просьбы; а когда прогневан Бог всяческих, мы зеваем, предаемся беспечности и удовольствиям. Можем ли мы в таком случае когда-нибудь умиловать Его? Не прогневаем ли, напротив, Его этим самым еще более? Ведь отсутствие скорби о грехах приводит Бога в большее негодование и гнев, чем самое совершение грехов. Не говори: «я много согрешил и не могу призвать Бога, гневающегося на меня». Если вдовица преклонила судью, который ни Бога не боялся, ни людей не стыдился, то тем более прилежная просьба умиловит Благого Судью. Следовательно, хотя бы ты не был другом, хотя бы требовал непринадлежащего тебе по праву, хотя бы ты прожил и растратил отцовское наследство и долгое время был вдали от отеческого взора, хотя бы ты пришел к гневающемуся и негодующему на тебя (Богу), – только пожелай возвратиться, и ты получишь все и тотчас погасишь гнев и осуждение. В намерении положено у Бога, братия, долготерпеть грешникам. Он бывает милостив с двоякой спасительной целью: уготовляет через покаяние спасение самим грешникам и предуготовляет благодеяние для их потомков, которые будут преуспевать в добродетели. Бог, – повторю опять, – долготерпит, чтобы и сам грешник покался, и его потомкам не заключить пути ко спасению. Хотя сам грешник и остается нераскаянным, Бог часто щадит корень, чтобы сохранить плоды, часто, однако, ожидая спасения и самих грешников. А как, слушай: Фарра, отец Авраама, был почитатель и изобретатель идолов; однако не был наказан здесь за свое нечестие, – и справедливо, потому что откуда произрос бы такой плод веры, если бы Бог пресек корень? Что хуже Исава? Что бесстыднее его нечестия? Не он ли был «блудодей» и «сквернитель», как говорит Павел (Евр.12:16)? Не матереубийца, не отцеубийца ли он? Не убийца

ли брата, по крайней мере в мыслях? Не он ли ненавидим был Богом, как свидетельствует Писание, говоря: *«Иакова Я возлюбил, а Исава возненавидел»* (Рим.9:13)? Если же он и блудник, и братоубийца, и сквернитель, и ненавидим Богом, то почему он не удаляется (из мира), почему не исторгается, почему не постигает его тотчас же достойная кара? Почему? Следует, поистине, указать причину. Если бы Бог погубил его, то мир лишился бы величайшего плода правды, а какого – послушай: Исав родил Рагуила, Рагуил – Зару, Зара – Иова.

Видишь ли, какой погиб бы цвет терпения, если бы Бог наперед предал казни корень? Итак, никто, пребывающий в пороке, пусть не отчаивается; никто, пребывающий в добродетели, пусть не предаётся сну. Пусть не полагается слишком на себя ни этот последний, потому что часто и блудница может опередить его, ни первый пусть не отчаивается, потому что он может превзойти и совершенных. Когда мы возвращаемся к ревностной любви к Богу, Он не помнит уже прежнего. Бог не как человек. Если мы раскаемся, Он не укоряет за прошедшее и не говорит: зачем ты столько времени удалялся от Меня? Напротив, Он принимает нас с любовью, когда мы приходим к Нему, если только приходим как должно. Что хуже Манассии? Что, с другой стороны, блаженнее Соломона? И, однако, первый смог умиловать Бога, а последний, предавшись сну, пал. Потому и Исав не получил прощения, что не раскаялся, как следовало: его слезы были слезами не покаяния, а обиды и гнева. Покаялся и Иуда (но не по-надлежащему), потому что удавился. Если же хочешь видеть истинное покаяние, посмотри на покаяние Петра после отречения. Так как он, вероятно, высоко думал о себе, сознавая, что любит Христа больше других, то, выйдя вон, плакал горько; а кроме того, подвергал себя после этого бесчисленным опасностям. Покаялся и блаженный Давид, говоря: *«Каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими омочаю постель мою»* (Пс.6:7), и давно совершенный грех, после стольких лет, после стольких поколений, оплакивал как бы только что случившийся. Кающийся должен не гневаться и не сердиться, а сокрушаться как виновный, как не имеющий

дерзновения, как осужденный, который должен получить спасение по одной только милости, как человек, оказавшийся неблагодарным к Благодетелю, отверженный и достойный бесчисленных наказаний. Итак, пусть ни проводящий жизнь на сцене не отчаивается, ни служащий в Церкви не полагается на себя, так как последнему говорит Бог: *«Кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть»* (1Кор.10:12), а первому: *«разве, упав, не встанут?»* (Иер.8:4). Один должен хранить то, что имеет, другой стать тем, что он не есть; один должен беречь здоровье, другой освободиться от недуга, потому что он страдает им. Одному, следовательно, Он говорит: *«Вот, ты выздоровел; не грешь больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже»* (Ин.5:14), а другому: *«Хочешь ли быть здоров? Восстав, возьми постель твою и иди в дом твой»* (Ин.5:6,8). Хотя бы ты тридцать восемь лет страдал недугом, как тот расслабленный, но если захочешь стать здоровым, – никто не воспрепятствует; только пожелай восстать, только вступи на путь, ведущий сюда, и скоро достигнешь успеха; не заключаешь лишь дверей, не заграждай входа.

Кратко настоящее время, невелик труд; но если бы даже он был и велик, то и в таком случае не следовало бы падать духом. Если ты не потрудишься этим прекраснейшим трудом покаяния, то в будущем мире несомненно испытаешь тяготу и мучительные труды иным образом. Если же и здесь, и там труд, то почему мы не избираем того, который приносит обильный плод и великую награду? Если Бог оказывает нам благодеяния, когда мы недостойны их, и милосердствует к согрешающим, то чего не достигнем мы, какими благами не насладимся, если отстанем от нечестия и будем идти стезей добродетели? Тех, кто имеет ум, привлекают к исполнению заповедей более благодеяния, нежели наказания. Итак, если еще прежде, чем мы показали что-нибудь доброе, лучше же сказать, когда совершили достойное наказания, Бог удостоил нас такого благодеяния, то после того, как мы станем признательны, воздадим Ему благодарность за полученные раньше блага и покажем перемену на лучшее, каких опять щедрот Своих Он не удостоит нас? Если мы провинившихся рабов, когда они

обещают исправиться, опять допускаем к себе и возвращаем на прежнее место, а часто оказываем им даже еще большее доверие, то тем более сделает так с нами Бог, если мы покажем покаяние, соответствующее грехам. И это видно из случившегося с блаженным Давидом. Он преткнулся и пал, стал виновен в прелюбодеянии и убийстве; но так как после падения он не остался лежать, а опять встал и с помощью Бога вооружился против врага, то и поборол его так доблестно, что и по смерти даже стал покровителем своих потомков. Так, Соломону, который совершил великое беззаконие и сделался достоин тысячи смертей, Бог говорит, что ради Давида оставляется ему царство в целости, следующими словами: *«Отторгну от тебя царство и отдам его рабу твоему; но во дни твои Я не сделаю сего ради Давида, отца твоего; из руки сына твоего исторгну его»* (3Цар.11:11–12). И Езекии, бывшему в крайней опасности, хотя и праведному, опять Он обещал помощь ради того же блаженного: *«Буду охранять, – говорит, – город сей, чтобы спасти его ради Себя и ради Давида, раба Моего»* (4Цар.19:34). Как в отношении к тем, которые обнаруживают благородство духа, Бог по присущей Ему благодати отменяет Свои приговоры, принимает кающихся и освобождает от угрожающего наказания, так, наоборот, когда Он обещает даровать или какие-нибудь блага, или время для покаяния, а видит, что получившие обещания стали недостойными, равным образом отменяет Свои обещания. Не так преступно грешить, как оставаться в грехе. Для того ведь Бог и наперед оказывает нам благодеяния, и согрешивших опять удостоивает прощения, и наказаний тотчас не наводит, чтобы всеми средствами привлечь нас к покаянию – и благодеяниями, и долготерпением; а часто и наказаниями, которым Он подвергает одних, хочет побудить к покаянию других, чтобы, вразумившись страхом этих наказаний, они избежали их сами. Ты много согрешил? Остановись же наконец, обратись на противоположный путь, воздай благодарение Богу, что Он не восхитил тебя (из среды живых) при самом совершении грехов, и не желай, чтобы тебе было дано еще время делать зло. Не говори: будет еще время, когда нужно

обратиться. Многие похищены были смертью в то самое время, как предавались корыстолюбию, и отошли на явное мучение. Бойся, чтобы и тебе не подвергнуться тому же без всякой надежды на оправдание. Но многим, скажешь, Бог дал время раскаяться и в самой глубокой старости. Что же? Разве и тебе даст? «Может быть, даст», – говоришь ты. Что за слова: «может быть», «иногда», «часто»? Подумай только, что дело идет о душе твоей; представь себе и противное, размысли и скажи: «а что, если не даст?». «А что, – говоришь ты, – если даст»? Положим, что и дал бы Бог; но немедленное обращение и безопаснее, и полезнее позднего. В самом деле, если ты уже начал его, то во всяком случае это для тебя полезно, получишь ли или не получишь отсрочку. Если же ты всегда откладываешь, то, может быть, за это самое не получишь. Отправляясь на войну, ты не говоришь: «не нужно делать духовного завещания, может быть, возвращусь»; собираясь жениться, не говоришь: «возьму жену бедную, многие, несмотря и на это, сверх чаяния сделались богатыми»; приступая к постройке дома, не говоришь: «поставлю на гнилом основании, многие дома и так стояли». А когда дело идет о душе, ты думаешь утвердиться на гнилых опорах, на «может быть», «иногда», «часто», и вверяешь себя неизвестному? «Не неизвестному, – скажешь ты, – а Божию милосердию, потому что Бог милосерд». Знаю это и я; однако этот же Милосердный исхитил (из среды живых) и тех, о ком я сказал.

Хочешь ли знать, как благ наш Владыка? Пришел к Нему мытарь, исполненный бесчисленных пороков, и, сказав только: *«будь милостив ко мне»* (Лк.18:13), ушел оправданным. И через пророка Бог говорит: *«За грех.. его Я гневался и поражал его... но он, отворотившись, пошел по пути своего сердца. Я видел пути его, и исцелю его, и буду водить его»* (Ис.57:17–18). Что может сравниться с таким человеколюбием? Потому только, что он опечалился, Он простил грехи. А мы даже и этого не делаем, и тем особенно прогневаем Его. Он, умиловляющийся малым, когда не видит и этого, справедливо гневается и подвергает нас величайшему наказанию, потому что это показывает крайнее небрежение. Кто когда-нибудь скорбел о

грехах? Кто воздыхал? Кто бил в перси свои? Я не знаю никого. Люди без конца плачут об умерших рабах, о потере имущества, а погубляя каждый день душу свою, об этом мы и не думаем. Как же ты можешь умиловать Бога, когда даже и не знаешь, что согрешил? «Правда, – говоришь ты, – я грешен». Но это ты говоришь одним языком; скажи же сердцем, и вместе со словом воздыхай, чтобы тебе постоянно быть в добром настроении. Ведь если бы мы скорбели о грехах, если бы воздыхали о прегрешениях, то ничто другое не печалило бы нас, потому что эта скорбь отгоняет всякую печаль. Как птице, попавшейся в сеть, нет никакой пользы от крыльев, и она совершенно напрасно бьет ими, так точно и тебе нет никакой пользы от ума, если ты сильно пленен злой похотью. Если в настоящей жизни мы не желаем даже перед одним опозориться, то что мы станем делать на том свете перед столькими мириадами? Покаянием зовется не то, чтобы отстать только от прежних зол, но чтобы показать и дела добрые: *«Уклоняйся, – сказано, – от зла, и делай добро»* (Пс.36:27). Для здоровья нам недостаточно вынуть только стрелу, а требуется еще приложить к ране и лекарства. Случается, что иной, покайся, совершит многие и великие добрые дела, и между тем опять впадет в грех, равносильный этим добрым делам; и этого бывает вполне достаточно, чтобы ввергнуть его в отчаяние, как будто все созданное разрушено и все труды его были напрасны. Этот помысел следует отогнать и подумать о том, что если мы не успеем заранее запастись добрых дел в мере, равной совершенным после грехам, то ничто не отвратит нашей полной и всецелой гибели. Теперь же (добрые дела), как бы крепкие латы, не допускают острой и губительной стреле делать свое дело, но, будучи сами рассечены ею, защищают тело от великой опасности... Итак, не то бедственно, чтобы сражаясь получить рану, но то, чтобы после поражения отчаиваться и не заботиться о ране. Ни один купец, подвергшись однажды кораблекрушению и потеряв груз, не оставляет мореплавания, но опять переплывает море и обширные бездны, и вновь приобретает прежнее богатство. И борцов мы часто видим увенчиваемыми после многократных падений, также и воин, много раз

обращавшийся в бегство, наконец оказывается героем и побеждает врагов. Даже многие из отрекшихся от Христа по страху мучений опять вступали в борьбу и уходили украшенными венцом мученичества. Но если бы каждый из них после первого удара предался отчаянию, то не получил бы последующих благ. Да сподобимся же их все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Слово 4. О посте и целомудрии

Хочешь ли знать, какое украшение для людей пост, какая он оборона и защита? Подумай о блаженном и чудном роде монашествующих. Они, убежав от мирского шума и востекши на вершины гор и построив кельи в тишине пустыни, как в некоей спокойной пристани, взяли себе пост в товарищи и сообщники на всю жизнь. Зато он и сделал их из людей ангелами; да и не их одних, но и кто в городах соблюдает его, – всех возводит он на самую высоту любомудрия. Пост и ныне собрал нас в отеческий дом; он и сегодня привел в материнские объятия тех, которые доселе были ленивы. Если же он, только еще ожидаемый, внушил нам столько ревности, то сколько благочестия произведет он в нас, когда явится и наступит? Если бы Адам послушался этого голоса³, то не услышал бы другого: *«Прах ты и в прах возвратишься»* (Быт.3:19). Но так как он не послушал того голоса, то за это (постигли его) смерть, печаль, заботы и жизнь, тягостнейшая всякой смерти. И как за презрение к себе пост наказал презрителя смертью, так, напротив, за уважение отвратил смерть. Так, когда великий и дивный город ниневитян лежал уже поверженный долу, склонив голову к самой пропасти, и готов был принять направленный сверху удар, пост, как некая слетевшая свыше сила, исторг его из самых рук палача и возвратил к жизни. Посмотрим же, как постились ниневитяне и как избавились от угрожавшего гнева. *«Чтобы ни люди, – говорится, – ни скот, ни волы, ни овцы ничего не ели»* (Иона.3:7). Что ты говоришь, скажи мне? И бессловесные постятся, и лошади и мулы покрываются вретищем? Да, говорит. Как по смерти богатого человека родственники одевают во вретище не только рабов и рабынь, но и коней, и заставляют следовать за гробом, чтобы этим выразить тяжесть потери и возбудить во всех сожаление, так и тогда, когда городу угрожала гибель, жители облекли во вретище и бессловесную тварь и наложили на нее иго поста. Бессловесных, говорили они, нельзя вразумить о гневе Божиим

словом, пусть же они вразумятся голодом, потому что если они должны разделить с нами наказание, то пусть разделяют и пост.

Если же некоторым из присутствующих здесь телесная немощь препятствует предаваться посту, то таких я убеждаю и облегчать телесную немощь, и не лишать себя этого духовного наставления, но потому-то самому и показывать тем большее рвение. В самом деле, воздержание от пищи Бог повелевает для того, чтобы мы обуздывали порывы плоти и делали ее послушным орудием для исполнения заповедей. Если же мы, по причине телесного недуга, не воспользуемся помощью поста и покажем еще большую беспечность, то причиним себе величайший вред. Если и пост, не сопровождаемый добрыми делами, не приносит нам никакой пользы, то тем более (мы подвергнемся осуждению), если мы, не будучи в состоянии воспользоваться врачевством поста, покажем еще большее нерадение к исполнению заповедей. Если занимающиеся мирскими делами никогда не решатся взяться за дело, не определив наперед приносимой им прибыли, то тем более нам следует так делать: не просто лишь проходить седмицы поста, а исследовать свою совесть, испытывать помыслы и замечать, что мы успели сделать на этой неделе, что на другой, что нового предприняли достичь на следующую и от каких исправились мы страстей. Если мы не будем управлять себя таким образом и показывать такую заботливость о своей душе, то нам не будет никакой пользы от поста и воздержания, которым мы подвергаем себя. Итак, если ты по телесной немощи не можешь целый день оставаться без пищи, то никто здравомыслящий не может порицать тебя за это. Мы имеем Кроткого и Милостивого Владыку, Который не требует от нас ничего сверх силы. Ведь Он требует от нас не просто лишь воздержания от яств и поста, и не для того, чтобы мы оставались только без пищи, а для того, чтобы мы, удаляясь от мирских занятий, весь досуг употребляли на духовные. Если бы мы с трезвящейся душой вели свою жизнь, обнаруживали все усердие к делам духовным, принимали пищу для того лишь, чтобы удовлетворить необходимой потребности, и проводили всю жизнь в благих делах, то для нас не было бы нужды и в помощи поста. Но так

как природа человеческая беспечна и склонна более предаваться удовольствию и распушенности, то Человеколюбец Господь, как нежно любящий Отец, изобрел для нас врачество поста, чтобы истребить в нас и соблазны удовольствия, и заставить нас переносить заботу о мирских делах на делание духовное. Однако есть много людей, которые, готовясь сражаться с постом, как бы с диким зверем, ограждают себя объедением, и, до крайности обременив и омрачив себя, весьма неразумно встречают тихое и кроткое лицо поста. И если я спрошу тебя: «для чего ты сегодня идешь в баню?» – ты скажешь: «чтобы с чистым телом встретить пост». А если спрошу: «отчего упиваешься?» – ты опять скажешь: «оттого, что готовлюсь вступить в пост». Но не странно ли этот прекраснейший пост встречать с телом чистым, а с душой нечистой и опьяненной? Приучимся же вкушать пищу в той лишь мере, в какой нужно для поддержания жизни, а не переполнять и отягощать себя яствами. Не для того явились мы на свет и живем, чтобы есть и пить, а для того едим, чтобы жить; не жизнь ради пищи, а пища ради жизни создана была изначально. Жизнь, братья, соразмерена не с удовольствием, а с необходимостью.

Итак, отвергнув все излишнее для природы, будем довольствоваться одним только необходимым. Что может быть святее той трапезы, где изгнаны пьянство, объедение и всякое излишество, а вместо того введено некое чудное соревнование в охранении законов Божиих; где муж наблюдает за женой, чтобы она не впала в бездну клятвопреступления, а жена оберегает мужа, и преступнику угрожает тягчайшим наказанием; где господин не стыдится ни принимать обличение от рабов, ни сам исправлять своих слуг? Не погрешит тот, кто назовет такой дом церковью. Где господствует такое воздержание, что даже в часы удовольствия все присутствующие заботятся о законах Божиих, все состязаются и соперничают в этом друг с другом, там очевидно изгнана всякая злая сила демонов, и в прекрасном соревновании рабов присутствует Христос. Но с пороком, говоришь ты, соединено много удовольствия, а с добродетелью – великий труд и усилие. Но какая же была бы тебе благодарность, за что бы ты получил награду, если бы дело

не было соединено с трудом? В самом деле, я могу указать много людей, которые по природе гнушаются общения с женщинами; назовем ли мы их поэтому целомудренными или признаем ли достойными венцов? Ни в коем случае, – потому что целомудрие есть воздержание и победа над искушающими нас удовольствиями. Часто волны страстей, превосходящие своей свирепостью морские волны, нападают на нашу душу и производят в ней большое смущение. Человек беспечный и нерадивый, когда начинается буря, тотчас же приходит в смущение и смятение, и смотрит со страхом, как душа терпит крушение и потопляется страстями; напротив, сильный и мужественный человек, поставив, как бы кормчего у руля, разум над страстями, не перестает принимать все меры, пока не направит ладью в тихую пристань любомудрия. Не будем же расслаблять свою крепость и разрушать свои силы беседами с женщинами, потому что отсюда происходит невыразимо великое зло для душ наших. А что (сказать), если мы даже и не чувствуем этого, опьяняемые пристрастием? Это-то и ужаснее всего, что мы даже и не сознаем, как расслабеваем и делаемся мягче всякого воска. Как если кто, поймав гордого и грозного льва, отрежет у него гриву, вырвет зубы и острижет когти, – делает презренным, смешным и даже для детей одолимым того, кто был страшен, неприступен и все потрясал одним рычанием, – так точно и женщины, кого привлекут к себе, всех делают удобоуловимыми для дьявола, изнеженными, раздражительными, бесстыдными, безрассудными, гневливыми, дерзкими, непристойными, неблагородными, жестокими, раболепными, подлыми, наглыми, болтливými, и, вообще, все женские дурные нравы передают и внедряют в их душу. Невозможно, чтобы живущий так сочувственно с женщинами и питающийся беседами с ними не был сплетником, болтуном и легкомысленным, станет ли он говорить о чем-нибудь, все он будет говорить насчет пряжи и тканей, потому что язык его заражен свойством женских речей; станет ли делать что-нибудь, сделает с великим раболепством, потому что он далеко уклонился от свойственной христианам свободы и стал неспособен ни на какое великое дело. Итак, если ты воочию

хочешь доказать нам, что ты не находишь удовольствия говорить срамные речи, то не позволяй себе и слушать их. Теперь же будешь ли ты когда-нибудь в состоянии понести труды ради целомудрия, когда постепенно расслабляешься смехом и этими срамными речами? Ведь даже и чистая от всего этого душа едва только может быть святой и целомудренной.

И пусть не говорят мне: я не могу спастись, если не откажусь от жены, если не откажусь от детей, если не откажусь от дел. Разве брак служит препятствием? Жена дана тебе в помощницы. Разве он (брак) – враг? Не зазорен брак, а блуд – зло. Я своей собственной погибелью ручаюсь тебе в твоём спасении. Если жена твоя порочна, не представляй этого в своё извинение. И у Иова жена была нечестива и порочна и побуждала его на богохульство. Что же? Поколебала ли она твердыню? Сокрушила ли адамант? Осилила ли скалу? Нисколько; напротив, она нанесла удар, а твердыня стала ещё крепче; плод был сорван, а дерево не поколебалось; листья опали, а корень остался недвижим. Как кормчий, произведший крушение в самой пристани, не заслуживает никакого снисхождения, так и человек, огражденный браком, если он разрушает чужие браки или смотрит с вожделением на какую бы то ни было женщину, не заслуживает ни перед людьми, ни перед Богом никакого извинения, сколько бы он ни ссылался на требование природы. В самом деле, какое может быть удовольствие от такого плотского пожелания, когда человек чувствует страх, тревогу и опасение, боится суда и ответа, представляет себе гнев судьи и меч палача, яму и темницу? Ведь такой человек пугается даже теней, опасается самых стен и камней, как будто имеющих голос, всего трепещет и боится, и терзает душу ожиданием всяких ужасов.

Таким образом, не помеха брак для целомудрия, а скорее ограждение для него. Девство ведь столь великое дело, и требует такого труда, что Христос, сойдя с Неба для того, чтобы сделать людей ангелами и здесь насадить вышний образ жизни, не решился даже и при такой цели предписать его и возвести на степень закона; и несмотря на то, что дал закон умирать за Него, – а что могло бы быть тяжелее этого? – постоянно

распинать себя и благотворить врагам, девства тем не менее не узаконил, но предоставил на произволение слушателей, сказав: *«Кто может вместить, да вместит»* (Мф.19:12). Велико, действительно, бремя этого дела, и весьма обрывисто место этой добродетели. И это доказывают те, которые процветали многими добродетелями в Ветхом Завете. Так, даже великий Моисей, глава пророков, преискренний друг Божий, имевший такое дерзновение, что мог исторгнуть от ниспосланного Богом поражения шестьсот тысяч подлежавших наказанию, – этот столь великий и славный муж, несмотря на то, что приказал морю и разделил воды, расторгнул скалы, изменил воздух, нильскую воду превратил в кровь, изменил всю тварь, совершил другие бесчисленные чудеса и представил много примеров добродетели, – даже и он был не в силах обратить взор на эти состязания, а нуждался в браке и проистекающей отсюда безопасности, даже и он не отважился пуститься в море девства, боясь несущихся оттуда волн.

Равным образом и патриарх, приносивший в жертву сына, был в состоянии преодолеть властнейшее чувство природы, мог убить сына, и притом сына – Исаака, в самом цветущем возрасте, в самую лучшую пору юности, единородного, возлюбленного, данного ему вопреки всякой надежде, и его-то был в силах возвести на гору, извлек нож и вонзил его в гортань сына, – он именно (в намерении) и вонзил нож, и обагрил кровью, – и все же, оказавшись в состоянии довести до конца столь великий и славный подвиг, выступив из границ самой природы, он не отважился приступить к подвигам девства, но убоялся и сам этих состязаний, и предпочел покой, какой дает брак. Точно также и праведный Иов, который, терпя удары и не нанося ударов, сокрушил уста дьявола и выдержал всякий вид искушений, и каждый – в самой крайней степени, – ведь все, что в жизни кажется печальным и в действительности является таковым, излилось на одно тело и обрушилось на одну его душу, – даже и этот, столь великий и славный муж, поправший столько законов природы, не осмелился устремиться на это состязание, а наслаждался и жизнью с женою, и сделался отцом многих детей. Нигде безбрачия не узаконил Бог, Которому

подобает слава, честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 5. О счастье и несчастье

Многие люди думают, что когда они богатеют, когда пользуются славой, когда у них все идет успешно, когда они побеждают врагов, тогда помнит о них Бог; поэтому они не знают и того, когда Бог позабывает о них. Не зная признака памятования Божия, они не знают и признака забвения. Памятование Божие о нас происходит ни от чего другого, как от усердного упражнения в добродетели; равно и забвение ни от чего другого, как от пребывания во грехах. Поэтому и ты, человек, когда находишься в несчастье, не говори: «забыл меня Бог»; напротив, – когда ты находишься во грехах, и тогда особенно, когда все идет у тебя успешно. Трезвая и бодрствующая душа показывает свое благородство не только тогда, когда дела идут успешно, но и в случае злоключений воздает одинаковую благодарность Богу, нисколько не ослабевая вследствие перемены обстоятельств. Как многоводный поток, принимая приток, образует пузыри, из которых одни лопаются тотчас же, а другие, хотя и значительно вздуваются, также впоследствии лопаются, так точно и море настоящей жизни: одних поглощает, едва лишь они явятся, а других, у кого хватает сил на более продолжительное время, – и их потопляет. И что ты смущаешься, говорит, если один исторгнут, а другой введен в мир? Христа распинали, а разбойника Варавву просили освободить; убийца был предпочтен Спасителю. Когда случается перемена к худшему, тогда снимаются маски льстецов; тогда изобличается толпа лицемеров и их притворство; все уста открываются, говоря: презренный, мерзкий, подлый, не ты ли вчера льстил ему, не ты ли лобызал его руки? То была личина; пришло время, и я сбросил личину и открыл свои мысли. Многие сострадают друзьям, когда они терпят несчастья; но радоваться с ними, когда они пользуются славой, не могут.

Действительно, *«радоваться с радующимися»* не только не малая добродетель, но даже и гораздо большая, чем *«плакать с плачущими»* (Рим.12:15) и защищать в опасностях. Многие

разделяли опасности вместе с терпевшими опасности, но находившимся в счастье не сорадовались, а, напротив, даже огорчались; и, таким образом, выдержав более тяжкое, оказывались бессильными на более легкое. Подлинно, ничто не делает людей так неразумными и преступными, как привязанность к славе, и ничто не делает так досточтимыми и твердыми, как презрение к ней. Потому-то и нужна весьма мужественная душа тому, кто хочет устоять против столь сильного порыва и напора ветра. Когда человек, привязанный к славе, благоденствует, он считает себя выше всех других; когда же терпит противное, готов зарыть себя в землю, будучи поглощаем печалью.

Три отрока были ввергнуты в печь и, несмотря на это, не забыли благочестия. Потому-то огонь сделался для них стеной, пламень – одеждой, печь – источником; приняв их связанными, она возвратила их разрешенными; приняла тела смертные и не коснулась их, как бессмертных; не познала природы, но почтила благочестие. Мучитель связал ноги, а ноги связали силу огня. О, дивное чудо! Узников разрешил пламень, и сам затем был связан узниками. Благочестие отроков изменило природу вещей, а лучше сказать – не природу изменило, но, – что еще удивительнее, – не изменяя природы, остановило ее действие: оно не угасило огня, а заставило его, и горя, не оказывать своей силы. И, что дивно и чудно, – это случилось не только с телами святых, но их одеждами их. Как у апостолов одежды Павла прогоняли болезни и демонов, и тень Петра обращала в бегство смерть, так и здесь обувь этих отроков угасила силу огня. Не знаю, как и сказать, потому что чудо превосходит всякое слово. Огонь и угасал, и не угасал. Когда прикасался к телам святых отроков, он угасал; а когда надобно было расторгнуть узы, не угасал; узы расторг, а пят не коснулся. Видишь, какая близость, и не ошибся огонь, и не дерзнул пройти дальше уз? Для чего же мучитель связал их, намереваясь ввергнуть в огонь? Чтобы чудо было величественнее, чтобы знамение было удивительнее, чтобы ты не принял видимого за обман глаз. Если бы этот огонь не был огнем, то он не истребил бы уз, не попалил бы (воинов), сидевших вне печи. Теперь же на бывших в печи он показал

свою силу, а на бывших внутри обнаружил покорность. И когда мучитель увидел, что отроки не потерпели никакого вреда, послушай, как он переменялся. *«Рабы Бога Всевышнего! – говорит, – выйдите и подойдите!»* (Дан.3:93). Незадолго перед тем он говорил: *«и тогда какой Бог избавит вас от руки моей?»* (Дан.3:15). Что же случилось? Откуда такая перемена? Ты увидел, как погибли бывшие вне печи, и зовешь находящихся внутри? Откуда напало на тебя такое любоумудрие? Видишь, какая перемена произошла с царем? Для того и попустил Бог быть всему, чего хотел мучитель, чтобы показать, что тем, кого Он охраняет, никто не может повредить.

То же самое сделал Он и с Иовом. Он попустил дьяволу выказать всю свою силу, и когда он истощил все стрелы, и уже не оставалось никакого рода козней, тогда-то и вывел подвижника с поприща, чтобы победа была славна и несомненна. И блаженный Павел, просветивший всю вселенную, некогда, во время призвания, был ослеплен; но его ослепление стало просвещением для вселенной. Так как он смотрел худо, то Бог хорошо ослепил его, чтобы он прозрел с пользой; и так как он чрезмерно гнал Церковь и был очень силен и неукротим, то на него налагается сильнейшая узда, чтобы он, увлекаемый порывом своей страсти, не пропустил мимо слуха сказанного ему, а также узнал, что с Кем он борется, от Того не может перенести не только наказания, но даже и благодеяния, так как не мрак ослепил его, но избыток света омрачил его.

А что сказать о Петре? Говорится, Иисус, *«войдя в одну лодку, которая была Симонова... просил его отплыть несколько от берега»* (Лк.5:3). Видишь, как входит в корабль не имеющий нужды в корабле, чтобы уловить господина корабля? В самом деле, почему Господь просит Симона? Почему Симон, протрудившись всю ночь и ничего не поймав, оставался без дела? Он весьма досадовал, пустыми руками вымывая сети и присоединяя труд к труду; и так как ничего не мог прибрести, был печален. Поэтому Господь, посмотрев на его опечаленное лицо, говорит ему: *«Ссуди мне, рыбарь, на краткое время челнок твой, чтобы с него поучить Мне народ, который, как ты*

видишь, следует за Мной». Симон же, еще погруженный в печаль от неудачи, говорит Господу: «Откуда явился Ты, Человек? Что Ты беспокоишь меня? Поищи другой челнок, если хочешь оставаться на озере. Видишь, что я печален, так как у меня недостает хлеба, а Ты обещаешь дать взамен слово Божие? Я не вижу, где бы занять денег, чтобы накормить свою тещу и жену, а предоставлю Тебе челнок, чтобы напрасно трудиться и день, как трудился ночь? Если представишь плату за перевоз, входи в мой челн; если же не внесешь, то уходи, прошу Тебя, потому что меня питает дар, а не слово». – «Не ропщи, Симон, – отвечает ему Господь, – поистине, ты говоришь как корабельщик; не считай Моего присутствия лишением для тебя; оно доставит скорее обилие, чем оскудение». Услышав это и несколько просветлев лицом от надежды получить награду, Симон принимает Господа в корабль. Иисус же, говорится, «сев, учил народ из лодки» (Лк.5:3). Симон же, слушая учение, начал роптать, говоря себе: «От Этого ли ожидать мне получить награду? И в ночь я потерпел неудачу; и Кто же встретился мне сегодня? Этот, Который говорит о нестяжательности, учит, чтобы никто ничего не имел; может быть, Он хочет, чтобы я продал и мой челн, чтобы раздать все бедным. И я жду от Него получить награду?». Затем, подойдя к Господу, говорит: «Слова Твои прекрасны, и речь Твоя приятна, и учение Твое достойно почтения; однако исполни наш договор». И Господь говорит Симону: «Ты хочешь получить от Меня плату? Отплыви на глубину, и закиньте сети ваши для лова». – А Симон Господу: «Ужели опять мне ловить, закидывать сети и предпринимать труд? О, если бы и ночь не осязал я пустыми руками! Разве Ты опытнее меня в искусстве плавания? Или чем-нибудь владеешь в сокровенной глубине? Можешь быть Учителем; но разве Ты и рыболов? Уйди от меня. Вижу, что Ты ничего не можешь заплатить. Что я трачу время? Не заявил ли я об этом Тебе с самого начала»? – Тогда Господь Симону: «Не смотри на Меня, Симон, как ничего неимущего; не на руки Мои или пазуху обращай взор; не в руках, а в устах Моих я ношу твою плату. Отплыви на глубину, и закиньте сети ваши для лова». Но тот отвечает: «*Наставник! мы трудились*

всю ночь и ничего не поймали, но по слову Твоему закину сеть. Сделав это, они поймали великое множество рыбы, и даже сеть у них прорывалась» (Лк.5:5–6).

О, дивное дело! Не оставляет Петра забота. Разрывались сети, а он смотрел на Христа, думал о рыбах и размышлял о чуде. Он не в силах был извлечь груза и позвал помощников. Находившиеся в другом корабле, где были Иаков и Иоанн, пришедши, начали собирать рыб, и чем больше собирали, тем больше последние умножались. Рыбы спешили друг перед другом исполнить Владычнее повеление: малые перегоняли больших, средние опережали более крупных, большие перескакивали через малых; они не ждали рук ловцов, а сами прыгали в лодку. Дно озера опорожнилось; ни одна рыба не хотела оставаться внизу; и, так как сети прорвались, одни сами прыгали в лодку, а другие оставались около сетей, стремясь быть уловленными и не желая оставаться вдали от них. Что же Симон? Под впечатлением двух обстоятельств – безуспешного ночного лова и успешного лова днем по слову Иисуса, он, видя это, припал к ногам Господа со словами: *«Выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный» (Лк.5:8)*: я узнал наконец, Кто Ты. Никогда не видел я такого лова рыб. Обычно, Владыка, рыбы заключаются внутри невода; а я вижу противоположное свершившееся чудо: извне рыбы одолевают невод. Удержи, наконец, Божественное Твое повеление, оставь озеру хотя бы двух рыб для развода. *«Выйди от меня, Господи!»*; не Тебя отвергаю, а себя самого признаю недостойным. *«Выйди от меня... потому что я человек грешный»*. Что же Иисус? *«Не бойся, Петр, отныне будешь ловить человеков» (Лк.5:10)*. О, могущество Господа! О, благоразумие Петра! Лишь только услышал, как тотчас же повиновался. Ни рыб не продал, ни с женою не простился, а выведя челн на землю, оставил все и последовал за Христом.

Так и Лазаря богач увидел на лоне Авраама, чтобы как первому причиняло тягчайшую пытку то, что он лежал у ворот богача и видел чужие блага, так и последнему теперь причиняло наказание, тягчайшее самого пребывания в геенне, то, что он видел блаженство Лазаря, – чтобы не только по свойству самых

мучений, но и по сравнению с наградой Лазаря он терпел жесточайшее наказание. И как Адама, извергая из Рая, Бог поселил против Рая, чтобы постоянный вид последнего, обновляя чувство скорби, заставлял его сильнее чувствовать лишение райских благ, так и богача Он поместил против Лазаря, чтобы видеть, каких он лишился благ. Но почему богач обратился с просьбой не к Лазарю, а к Аврааму? Он стыдился и смущался, и по собственному опыту думал, что тот непременно помнит обиду. Если я, рассуждал он, пользуясь таким богатством, без всякой для меня обиды, презрел человека, находившегося в столь бедственном положении, и не уделял ему даже крох, то тем более он, столь презренный мною, не окажет мне снисхождения. Поэтому он обратился к Аврааму, который, как он думал, не знал происшедшего, не ведая, что патриарх говорил не от себя, а изрекал ему Божии законы, и просил перста того, кого он часто предоставлял языкам собак. Но посмотри на снисходительность праведника. Он не сказал: «Бесчеловечный, жестокий, нечестивый, столько зол попустил ты терпеть человеку, а теперь вспомнил о человеколюбии, о милосердии и снисхождении? И ты не стыдишься и не краснеешь?». Ничего такого не сказал он, а что? *«Чадó! вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей»* (Лк.16:25). Не смущай, говорит, опять смиренную душу; достаточно для него наказания, не будем ругаться над его злоключениями. Что могу, говорит, то я даю тебе; но перейти отсюда туда, – это не в нашей власти. Послушаем, что говорит богач Аврааму. *«Отче Аврааме! умилосердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучаюсь в пламени сем»* (Лк.16:24). Итак, почему он умоляет не Лазаря, а патриарха? Вполне естественно, – на бедняка он не осмеливался и взглянуть. Вспоминая свою бесчеловечность и жестокосердие, которое он обнаружил в отношении к Лазарю, он предполагал, что тот, может быть, не удостоит его и ответом. Поэтому он и обращается с просьбой не к нему, а к патриарху. Но, несмотря и на это, он не достиг ничего.

Видишь ли, каким почетом и достоинством пользуется тот, кто лежал у ворот, презренный нищий, постоянно боровшийся с голодом, покрытый ранами, которые лизали собаки? С удовольствием я постоянно говорю об этом, чтобы никто из находящихся в бедности или терпящих болезни и голод не считал себя несчастным, но, перенося все с терпением и благодарностью, питался благими надеждами и ожидал будущих неизреченных наград и воздаяний за труды, – коих все мы да сподобимся получить благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому подобает слава, держава, честь и поклонение, с Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Слово 6. Об учении и наставлении

Недавно мы говорили против тех, которые оставляют молитву и в часы, назначенные для нее, проводят время вне церкви; а сегодня я хочу обратиться с обличением к находящимся в церкви, не потому, что они находятся здесь, а потому, что присутствуя здесь, они ведут себя ничем не лучше проводящих время вне церкви, именно разговаривая в этот страшный час друг с другом и невнимательно относясь к Божественным словам. Что ты делаешь, человек? Не видишь ли, сколько узников из братьев твоих стоит здесь вблизи? В самом деле, действие демонов представляет мерзкие и тяжкие узы, тягостнейшие всякого железа, а ты разговариваешь о вещах совсем неподобающих? Не достаточно ли одного только взгляда, чтобы поразить тебя страхом и внушить сострадание к другим? Брат твой в узах, а ты предаешься беспечности? Скажи мне, можешь ли ты получить прощение, будучи так чужд сострадания, так бесчеловечен, так жесток? Ты не хочешь пожалеть брата? Побойся хотя бы за самого себя и воспрянь. Ужели ты не боишься, что в то время, как ты занимаешься разговорами, ведешь себя беспечно и рассеянно, какой-нибудь демон нападет на тебя и, найдя твою душу, как бы храмину без двери, незанятую и выметенную, войдет в нее с полной безопасностью? Не должны ли бы в этот час все проливать источники слез, не должны ли бы у всех глаза быть орошенными, и плач и вопли слышаться по всей церкви? После приобщения Тайнам, после восприятия купели крещения, после сочетания со Христом, волк этот ухитрился похитить из стада агнцев и удержать у себя, и ты, видя такое несчастье, не плачешь? Может ли это заслуживать какого-нибудь извинения? Если бы ты увидел, что загорается дом соседа, то, скажи мне, хотя бы этот сосед был неприязненнее тебе всех людей, не побежал ли бы ты потушить пожар, боясь, чтобы огонь, распространяясь дальше, не дошел и до твоего порога? Так поступай и с братьями, которым угрожают злые демоны. Ведь и действие демонов есть тяжкий пожар. Берегись же, чтобы, идя

далее и далее, демон не захватил и твоей души. И когда ты заметишь его присутствие, то с великим рвением притеки к Господу, чтобы демон, видя твою пламенную и бодрствующую душу, понял, что сердце твое уже недоступно для него. Если он увидит тебя сонливым и беспечным, то быстро войдет как в свободное пристанище; а если увидит, что ты напрягаешь все свои силы, бодрствуешь и держишься как бы за самое небо, то не посмеет уже и взглянуть на тебя. Итак, если уже ты презираешь братьев, то пощади хотя бы самого себя, и загради лукавому демону вход в душу твою.

Подлинно, ничто так не преграждает ему путь к нам, как усердная молитва. А если ты хочешь знать, какое великое благо заключается в том, чтобы вместе с собственным своим спасением приобрести и другого, то послушай, что говорит пророк от лица Бога: *«изводящий драгоценное из ничтожного, ...будешь как Мои уста»* (Иер.15:19), то есть, кто приводит, – говорит, – ближнего от заблуждения к истине, или от нечестия к добродетели, насколько это в силах человеческих, тот подражает Мне. Если Христос, будучи Богом, будучи причастником Неизреченного Божественного Существа, воспринял Крест и потерпел все прочее, свойственное человеку, ради нас и нашего спасения, то чего не обязаны оказать мы в отношении к тем, которые имеют одинаковую с нами природу и суть члены наши, чтобы похитить их из пасти дьявола и привести на путь добродетели? Если на обычных пиршествах бывает так, что участвующие сохраняют часть кушаний для своих близких и друзей, представляя этим величайший знак своей любви к ним, то тем более заслужим мы высокую похвалу, если будем поступать так на пиршествах духовных. Тот, кто ревностно занимается научением ближнего, не столько оказывает благодеяние последнему, сколько себе самому предуготовляет большую награду и приобретает двойную пользу, именно: и от Бога получает большее воздаяние, и сам, когда принимается учить брата, начинает вспоминать и постоянно освежать в памяти свои слова. Если тот, кто, поставив портрет умершего сына, или друга, или родственника, через этот бездушный портрет представляет себе умершего и

думает, что он присутствует, то тем более мы через Божественные Писания наслаждаемся присутствием святых, имея перед собою изображение не тел, а самых душ их, потому что слова их служат образами душ их. Подобно тому, как врачи не заставляют приносить больных, пригвожденных к постели, к себе домой, а сами приходят к ним для излечения болезней, так точно делай и ты по мере своих сил: приложи всякое старание и попечение, чтобы восстановить братьев твоих, немощствующих душой, помня то, что кратка настоящая жизнь. И если мы не сделаем таких приобретений, то не получим и там никакого спасения. Напротив, одна приобретенная душа часто может снять с нас бремя бесчисленных грехов и стать для нас искупительной жертвой в день последнего Суда. Если Тавифа, одевавшая вдовиц и облегчавшая их нужду, возвратилась от смерти к жизни, и слезы тех, кому она оказывала сострадание, возвратили в тело отошедшую душу, когда еще не настало воскресение мертвых, то чего не сделают слезы людей, которые спасены тобою? Как вдовицы, окружавшие Тавифу, возвратили ее от смерти к жизни, так и спасенные тобой здесь, окружая тебя тогда, привлекут на тебя великое милосердие Божие и исхитят тебя из геенны огненной. В самом деле, если там, где только трата денег, столько венцов, такая награда, такое воздаяние, то как же многочисленны будут блага за помощь, оказанную душе?

Никто не может успеть в деле собственного спасения без спасения своего ближнего. Потому и Павел говорит: *«Никто не ищи своего, но каждый пользы другого»* (1Кор.10:24), зная, что собственная выгода заключается в пользе ближнего. Как обидчики и корыстолюбцы, увидев на том свете тех, которые пострадали от них, – а они увидят непременно, как это ясно из притчи о богаче и Лазаре, – будут не в состоянии ни открыть уста, ни сказать что-нибудь в свое оправдание, но, исполненные великого стыда и отчаяния при виде их, пойдут на казнь, так и те, кто учит и наставляет других, увидев там ими спасенных, которые будут защищать их, исполнятся великого дерзновения. И пусть никто не говорит мне: «Что у меня с ним общего? Он мне чужой и неизвестен». Доколе он остается верным,

участвует вместе с тобой в одних и тех же Таинствах, ходит с тобой в одну и ту же церковь, – он родственнее тебе всех братьев и сродников. Подобно тому, как не только крадущие, но и те, которые в силах помешать им, но не делают этого, терпят одинаковое наказание, так точно не только нечестивые, но и те, которые могут, но не хотят отвлечь их от нечестия, подвергнутся одному и тому же наказанию. Пусть же каждый из вас приобретет опять одного из братьев, с усердием потрудится над ним, займется его делами, чтобы в следующее собрание нам прийти с великим дерзновением, неся Богу дары, ценнейшие всех даров – души заблудившихся. И если придется подвергнуться оскорблениям или побоям, или потерпеть что бы то ни было другое, все сделаем, чтобы только опять приобрести их. Ведь и больные часто наносят побои и оскорбления, и однако мы терпим их и не обижаемся на оскорбительные слова, а желаем только одного – видеть здоровым того, кто так непристойно ведет себя. Итак, не безрассудно ли, имея в виду телесное здоровье, обнаруживать такую заботливость, а когда гибнет столько душ, оставаться беспечными и думать, будто мы не терпим никакой опасности, когда гниют наши члены? Что делаешь ты, человек? Ты, скажи мне, видишь брата, который стремится в пропасть, оставил заботу о спасении, не знает, что нужно делать, – и не протягиваешь руки, не порицаешь, не обличаешь его? Желаешь лучше не навлечь на себя его гнева, не показаться ему неприятным, чем позаботиться о его спасении? Будешь ли ты иметь какое-либо прощение у Бога, какое-либо извинение? Не слышал ли ты, что повелел Бог иудеям: заблудившего вола своих врагов не пренебрегать и, если упадет, не проходить мимо?

Итак, иудеям повелевается не оставлять без попечения бессловесных, принадлежащих врагам; а мы будем равнодушно смотреть, как ежедневно претыкаются души наших братьев? Не крайняя ли это жестокость и зверство с нашей стороны – не уделять даже такой заботливости людям, какую иудеи обнаруживали к бессловесным? Оттого-то все и извратилось, оттого-то все в нашей жизни и смешалось в беспорядке, что мы ни сами не выносим мужественно обличений, ни других не

желаем обличать. Потому мы и бываем ненавистны со своими обличениями, что сами приходим в ярость, когда нас обличают. Если бы брат твой знал, что, обличив тебя, он заслужит от тебя похвалу, то и сам оплатил бы тебе за обличение такой же платой. Хочешь исправить брата? Пролей слезы, помолись Богу; сделай ему увещание наедине, дай совет, уговори, покажи любовь к согрешившему, убеди его, что ты напоминаешь ему о грехе не из желания поглумиться, а болезнью и заботясь о нем; обойми ноги его, облобызай руки, не стыдись, если ты хочешь действительно излечить его. Так часто поступают и врачи, поцелуями и упрашиваниями убеждая капризных больных принять спасительное лекарство. Хотя бы надлежало тебе умереть за вразумление брата, не страшись: это будет для тебя подвигом мученичества. Так и Иоанн был мучеником, хотя его не заставляли ни приносить жертвы, ни поклоняться идолам: он сложил голову за святые законы, которые он видел попираемыми. Так и ты борись до смерти за истину, и Господь будет поборать за тебя. Достаточно одного человека, пылающего ревностно, чтобы исправить весь народ. И пусть мне никто не говорит: «я не имею ничего общего с братом». Только с одним дьяволом у нас нет ничего общего, а с людьми мы имеем много общего: все мы имеем одну и ту же природу, населяем одну и ту же землю, питаемся одной и той же пищей, имеем одного и того же Владыку, получили одни и те же законы. Не будем же говорить таких слов, а покажем приличествующую братьям заботливость.

Не безрассудно ли, в самом деле, с нашей стороны, увидев драку на площади, подходить и примирять дерущихся; да что я говорю, драку? – если мы увидим упавшего осла, то все спешим протянуть руку и поднять его; а о погибающих братьях не радим? Как же это преступно! Итак, когда ты видишь, что брат твой гибнет, не переставай увещевать его; и хотя бы он поносил тебя, хотя бы оскорблял, хотя бы грозил стать врагом твоим или чем бы то ни было другим угрожал, все переноси мужественно, чтобы достигнуть его спасения. Если он станет врагом тебе, то Бог будет тебе другом и вознаградит тебя в день Последнего Суда великими благами. Великое добро –

сострадать угнетенным бедностью; но нет другого такого, как освободить от заблуждения, потому что нет ничего равноценного душе, даже и мир весь не стоит ее. Таким образом, хотя бы ты раздал бедным безмерное количество денег, ты не сделаешь ничего в такой мере великого, как обратив одну душу. Тот, кто это делает, становится подобен Павлу и Петру, не тем, что подвергается опасностям, как они, или терпит голод, болезни и прочие бедствия, – потому что теперь время мира, – а тем, что обнаруживает свою ревность и готовность служить другим. И что я говорю: Петру и Павлу? Он будет устами Христа, потому что *«изводящий, – говорится, – драгоценное из ничтожного... будет как Мои уста»* (Иер.15:19). Можно, значит, и сидя дома, производить такую ловлю: если кто имеет друга или сродника, или свойственника, пусть делает это, и будет подобен Петру и Павлу. Если сегодня не убедишь, может быть, убедишь завтра; и если никогда не убедишь, сам ты все равно получишь совершенную награду. Если не всех убедишь, можешь убедить некоторых. Так и апостолы, хотя и не всех убедили, получили награду за всех, так как ко всем обращались со словом проповеди.

Итак, вследствие того, что ты не можешь научить многих, не пренебрегай и немногими, и пожеланием великого не устраний себя от малого. Если не можешь обратить сотни, позаботься о десятке; если десяти не можешь, не пренебрегай и пятерыми; если и пяти не можешь, не презирай и одного. Бог определяет венцы, сообразуясь не с числом исправленных, а с намерением исправляющих. И это потому, что мы, учащие, невиновны в том, что не убеждаем слушателей, а отвечаем только за то, если не обращаемся с наставлением, потому что наше дело только увещевать, а повиноваться от них зависит. И как в том случае, когда мы не увещеваем, сколько бы ни исправились те (которых мы должны были учить), вся награда будет принадлежать им одним, а нам не будет никакой пользы, – так, наоборот, если мы увещеваем, а они не внимают, все наказание постигнет их одних, а на нас не будет никакой вины; напротив, будет даже великая награда от Бога, потому что мы исполнили все, что требуется от нас. Тот, кто говорит внимательным слушателям,

находит утешение для себя в повиновении их; но если кто постоянно говорит, и его не слушают, и тем не менее он не перестает говорить, тот достоин большей части, потому что исполняет угодное Богу и свой долг во всей точности, хотя и никто не внимает ему. Но хотя нам и больше награды от вашего непослушания, однако мы лучше желаем, чтобы она уменьшилась, а умножилось ваше спасение, так как мы считаем для себя великой наградой вашу славу.

Итак, когда ты увидишь кого-нибудь, нуждающегося в душевном или телесном врачевании, то не говори себе: «почему такой-то или такой-то не позаботился о нем?» или: «я мирянин, у меня жена и дети; это дело священников, дело монахов». Скажи мне: если ты найдешь где-нибудь золотую монету, разве ты говоришь: «почему такой-то или такой-то не поднял ее»? Отнюдь нет; напротив, спешишь раньше других схватить ее. Так рассуждай и о павших братьях, и считай попечение о них как бы найденным сокровищем. *«Изводящий, – говорится, – драгоценное из ничтожного... будет как Мои уста»* (Иер.15:19). Что может сравниться с этим? То, чего не может произвести ни пост, ни спание на земле, ни что другое, делается спасением брата. Не я говорю это, а Сам Бог сказал: «Если ты изведешь даже одного кого-нибудь, – говорит, – то уста твои будут как *Мои уста*». Итак, не будем равнодушно говорить: «что согрешили?», а постараемся скорее исправить их; и не на то будем смотреть, как много заблудившихся, а позаботимся о том, как их отвлечь от заблуждения. Если предохранение братьев от падения раньше самого греха немало содействует нашему спасению, то и проявление с нашей стороны большой заботливости о них после греха доставляет немалую похвалу. Так и врачи здоровым людям указывают средства, которые могут сохранить им здоровье и предупредить всякую болезнь; а когда те пренебрегут их наставлениями и подвергнутся болезни, не оставляют их без помощи, а, напротив, тогда-то особенно и показывают великую заботу о них, чтобы избавить их от болезней. Так и ты, когда нужно исправить брата, не отказывайся, хотя бы приходилось пожертвовать и жизнью. Владыка наш умер за нас; а ты не

издашь даже и слова? И какое будешь ты иметь прощение, какое представишь извинение? Как ты предстанешь с дерзновением, скажи мне, перед Судилищем Христовым, равнодушно взирая на гибель стольких душ? О, если бы мне возможно было знать этих людей: тогда я не нуждался бы в вас, а сам исправил бы скорейшим образом. Скажи мне, если бы ты видел, как человека, законно осужденного, ведут на казнь, а ты мог бы освободить его от рук палача, то не сделал ли бы ты всего, чтобы избавить его от казни? Между тем, видя брата своего, влекомого не палачом, а дьяволом в ров погибели, не хочешь подать даже и совета, чтобы отнять его у этого жестокого зверя? Можешь ли ты заслужить какое-нибудь прощение? Но он сильнее и могущественнее тебя? Сделай его известным мне: я предпочту скорее сложить голову, чем допустить его до церковного порога. Не страшно ли, что детей мы с тяжким трудом сначала обучаем предметам, которые в начале сопряжены с трудностями, но в конце приносят пользу, а сами относимся к духовным вещам наоборот? Если бы к нам пришел кто-нибудь со стороны и хорошо узнал бы заповеди Христа и извращенность нашей жизни, то я не знаю, счел ли бы он кого еще другого более врагами Христа, чем нас самих. Мы как будто решились идти и идем путем как раз противным Его заповедям. Тогда как то, что Он повелевает делать, для желающих легко и удоисполнимо, а что запрещает, тягостно и трудно, мы, пренебрегая Его повелениями, делаем то, что воспрещено: не скажут ли про нас, что мы как враги, противясь Ему, поступаем так? Но как добрые люди обычно советуют ближним то, благодаря чему сами они стали добрыми, так, наоборот, порочные обычно внушают ближним то, от чего сами они стали дурными, – это ведь тоже один из видов их нечестия, – и считают для себя утешением в собственном наказании гибель других.

Кто из вас, скажите, находясь дома, берет в руки христианские книги, читает содержащееся в них и исследует Писание? Едва ли кто может сказать это про себя. Шашки и кости мы найдем у наших ближних, а Библию разве лишь у немногих. Да и эти последние ничем не отличаются от

неимеющих, потому что, переплетя ее, ставят навсегда в шкаф, и вся забота у них только о тонкости кож да красоте букв, а не о чтении. Они не ради употребления и пользы приобретают ее, а полагают о ней столько старания, чтобы удовлетворить свое честолюбие и похвастаться богатством. Так чрезмерно их тщеславие! Я не слышу никого, кто хвалился бы, что он знает содержащееся в Библии, а слышу только хвастающихся тем, что она у них написана золотыми буквами. Известный евнух, будучи варваром, обремененный множеством забот, даже сидя на колеснице, читал Библию, хотя и не разумел читаемого. Если же он, находясь в пути, обнаруживал такое рвение, то представь, какое обнаруживал он, когда оставался дома; если во время путешествия он не хотел оставаться без чтения, то тем более – сидя дома; если, ничего не понимая в читаемом, он не отставал от чтения, то тем более после научения. Подобно тому, как ощущение голода служит признаком телесного здоровья, так и усердие к слушанию Священного Писания можно считать величайшим показателем здоровья душевного.

Почему мы часто предлагаем вам вопросы, не представляя их разрешения? Потому, что желаем приучить вас не всегда принимать разжеванную пищу, а и самим во многих случаях находить решение вопроса. Так делают и голуби. И они, когда птенцы остаются еще в гнезде, кормят их из своего рта; когда же могут вывести их из гнезда и видят, что крылья их окрепли, то не делают уже этого, а, принеся зерно во рту, показывают его птенцам, и когда те в ожидании подойдут ближе, матери опускают пищу на землю, побуждая их самих подбирать ее. Так точно и мы, взяв в уста духовную пищу, зовем вас, как бы намереваясь показать вам по обычаю и решение вопросов; а когда вы подойдете и ожидаете получить его, оставляем слова, чтобы вы сами отыскиали смысл. Как гусяры, беря пальцы своих учеников, постепенно приучают их извлекать звуки и искусно ударять по струнам, научая таким образом из безгласных пальцев и струн производить звук приятнее и усладительнее всякого голоса, так делаем и мы. Как на гусях может ударять по струнам и умелый игрок, и неумелый, но один раздражает слушателя, а другой увеселяет и услаждает, – хотя

те же самые пальцы и те же самые струны, но не одно и то же умение, – так точно бывает и со Священным Писанием. Многие читают Божественные слова, но не все извлекают пользу, не все получают прибыль, по той причине, что не углубляются в сказанное, – неумело ударяют по этим гусям. В самом деле, что искусство в отношении к гусям, то же самое совершение дела в отношении к закону Божию.

Как больным не следует предлагать скудный и наскоро сготовленный стол, а нужно готовить различные блюда, чтобы больной, если не пожелает одного, взял другое, если не найдет приятным другое, принял третье, если отвергнет это, взял следующее, и таким образом мы разнообразием блюд преодолеваем затруднение и удовлетворяем прихотливость больного, так точно должно делать и в отношении к пище духовной, когда мы бываем немощны, чтобы из многих и разнообразных примеров для вас был легок выбор полезного. Не негодуйте на меня за увещание. Если уж следует кому негодовать, то мне, который столько говорит и не находит внимающего, а не вам, которые постоянно слушаете и никогда не внимаете слышанному. Или не знаете, что презиравшие Божественное учение теряют через это презрение самое человеческое достоинство и лишаются благородства своего происхождения? Велегласный Исаия, придя в многолюдную столицу иудеев, Иерусалим, и стоя среди площади, окруженный всем народом, желая показать, что тот, кто не внимает Божественным словам, не человек, восклицал: *«Когда Я приходил, никого не было, и когда Я звал, никто не отвечал»* (Ис.50:2). И потому, что он пришел, и не было человека, звал, и не было послушающего, он обращается со словом к стихиям, говоря: *«Слушайте, небеса, и внимай, земля»* (Ис.1:2). Я, говорит, послан был к людям, к людям, имеющим разум; но так как они не имеют ни разума, ни чувства, то я обращаюсь с речью к не имеющим чувства стихиям, в обвинение тем, которые одарены разумом, но не пользуются этим даром. И Иеремия, стоя среди толпы иудеев, в самом городе, восклицал, как будто никого не было перед ним: *«К кому мне говорить и кого увещевать?»* (Иер.6:10). Что ты говоришь? Видишь такое

множество людей и спрашиваешь – «к кому мне говорить»? Да, говорит, потому что это множество есть лишь множество тел, не имеющих слуха, так как «ухо у них необрезанное, и они не могут слушать». Если же пророки не признают людьми тех, которые присутствовали, но не внимали их словам с рвением, то что сказать нам о тех, которые не только не слушают, но не желают даже и переступить этот священный порог? Не тот ведь человек, кто имеет человеческое тело и голос, а тот, у кого душа и образ мыслей человеческие.

Знаю, что многие с неудовольствием слушают наставления. Но какая польза от молчания? Пусть я буду молчать и не докучать вам словами; но таким молчанием невозможно избавить вас от наказания. Напротив, следствие получается совершенно обратное: такое молчание лишь увеличивает наказание и влечет за собою казнь не только вам, но и мне. Итак, для чего же приятные слова, когда они не только не содействуют делам, но еще и вредят? Какая польза увеселять словом и печалить делом, услаждать слух и подвергать наказанию душу? Потому-то и необходимо опечаливать в здешней жизни, чтобы не подвергнуться крайнему и невыносимому наказанию в жизни будущей. Не роптать, следовательно, нужно за сказанное, а хвалить и принимать с благодарностью. Людям же более слабым, которые не могут спокойно принять такого нашего оправдания, скажу следующее. Я излагаю вам не свои законы, а толкую письма, нисшедшие с небес; и тот, кому вверено такое служение, должен или смело сказать все, что заключается в них, ища всюду лишь пользы слушателям, а не удовольствия, или же, опасаясь враждебности слушателей, потерять через такую неуместную угодливость и свое собственное, и их спасение. А что скрывать что-либо из Божественных законов весьма опасно как для говорящего, так и для слушающих, и что наставники, когда они не сообщат без малодушия всех заповедей Божиих, судятся как виновные в убийстве, в свидетели и этого представляю вам опять Павла. Потому я всегда обращаюсь преимущественно к этой святой душе, что слова Павла суть вдохновенные вещания и Божественные законы, так как не Павел есть говорящий, а

Христос, Который движет его душой, и говорит через него все, что он сказал. Что же он говорит? *«Чист я от крови всех. Почему? Ибо я не упустил возвестить вам всю волю Божию»* (Деян.20:26–27). Следовательно, если бы он уклонился возвестить, не был бы чист от крови, а судился бы как убийца. И вполне справедливо. В самом деле, убийца губит только тело и предаёт лишь настоящей смерти, а тот, кто говорит в угоду слушателям и делает их через это еще более беспечными, губит душу и подвергает вечным наказаниям и мукам. Итак, кто же будет так жесток и бесчеловечен, кто так чужд сострадания, чтобы обвинять говорящего и рассуждающего постоянно о гневе Божиим, когда он, если станет молчать, подвергнется столь тяжкому наказанию? Если бы я, замолчав, мог сокрыть своим молчанием грехи, то всякий мог бы законно сердиться и справедливо негодовать, когда бы я не молчал; но если грехи, хотя бы мы и молчали ныне, необходимо откроются там, то что за польза может быть от этого молчания? Кто ищет пользы слушателей, тот, если бы стал и хвалить себя, не только не заслуживает порицания, но даже достоин венца, а если бы стал молчать, тогда заслуживал бы порицания.

Так и Давиду, если бы он умолчал в случае с Голиафом, не позволили бы выйти на состязание и воздвигнуть блистательный трофей. Вот почему, как я уже и раньше многократно говорил вам, и теперь говорю, уже не увещевая, а приказывая и повелевая, – пусть желающий слышит, а нежелающий не верит, – что, если вы будете оставаться в господствующих среди вас пороках, я не потерплю вас, не допущу, не позволю вам переступить этот священный порог. Зачем нужно мне множество болящих? Двенадцать было учеников, и послушай, что говорит им Христос: *«Не хотите ли и вы отойти?»*. (Ин.6:67). Если мы будем говорить только одно приятное, то когда приобретем вновь утерянное, когда принесем пользу? Но существует, скажешь, много еретических сект и переходят в них. Пустое это слово. *«Лучше один... творящий волю Господню, нежели тысяча беззаконников»* (Сир.16:3). Ведь и ты чего желаешь, скажи мне, – иметь ли тысячи слуг, состоящих из беглых и воров, или одного благонамеренного?

Пусть, кто хочет, отпадает; не держу никого. Как бы, говорят, не отпал и не перешел в другую секту. Такие слова все растлили. Слаб, говорят; окажи снисхождение. Но до каких пор? До какого предела? Раз, два, три раза? Или всегда? Так объявляю же опять и уверяю словами блаженного Павла, что *«когда опять приду, не пощажу»* (2Кор.13:2). И когда я буду судиться перед Судилищем Христовым, станете и вы вдали, и снисканное у вас благоволение, в то время как я буду давать отчет. Итак, следует лучше грешникам испытывать скорбь от слов, чтобы избавиться от позора на деле. Знаю, что все мы заслуживаем наказания и порицания, и что никто не может похвалиться тем, что имеет чистое сердце. Но не в том беда, что мы не имеем чистого сердца, а в том, что не имея его, мы еще и не приходим к тому, что может сделать его чистым. Знаю, что слова мои огорчают вас. Но что мне сделать? Если не употребим горьких лекарств, не уничтожатся раны; если употребим, вы не можете вынести боли. *«Тесно мне отовсюду»*.

Но, впрочем, пора уже удержать руку, так как и сказанного достаточно для исправления внимательных. Если же останемся неисправимы, то будем преданы в руки Самого Судьи, а вы, конечно, знаете, как страшно впасть в руки Бога Живого. Тот, кто совсем ничего не сделал доброго, – совершенно обленивается и скоро впадает в отчаяние; тот же, кто сознает, что он исполнил хотя бы одну какую-нибудь заповедь, получив от этого добрую надежду, – с большим рвением приступит к остальным; усвоит затем другую, перейдет к следующей. Если с деньгами бывает так, что чем более кто приобретает их, тем более желает, то гораздо более так бывает с подвигами духовными. Потому прошу и умоляю вас помнить эти мои слова не только в настоящий день, но и дома, и на площади, и везде, где бы вы ни проводили время. О, если бы мне можно было всегда быть вместе с вами, и не было бы нужды в этом пространном обличении! Теперь же, так как это невозможно, вместо меня запечатлейте в памяти мои слова, и, сидя за трапезой, представляйте, как будто вхожу я, стою перед вами и повторяю то, что говорю здесь теперь. И где бы ни зашла у вас речь обо мне, прежде всего вспоминайте эту заповедь и воздайте мне

эту награду за любовь мою к вам. Убеждаем также не только тех, кто злословит других, но и тех, кто слушает злословящих, заграждать свой слух и подражать пророку, который говорит: *«Тайно клеветующего на ближнего своего изгоню»* (Пс.100:5). Скажи осуждающему другого: «Если бы ты намеревался похвалить и сказать одобрительное о ком-нибудь, я открыл бы уши и принял бы твою речь; если же хочешь злословить, то заграждаю вход твоим словам, потому что не желаю принимать грязи и навоза». Какая польза мне знать, что такой-то нечестив? Напротив, от этого происходит величайший вред и громадная потеря. Какое оправдание и прощение будем иметь мы, когда, нисколько не помышляя о своих грехах, так старательно выводываем и расследуем чужие? Лучше не знать хорошо, чем узнать худо. Тот, кто не знает причины, может скоро дойти до вероятной причины; тот же, кто, не зная настоящей причины, воображает себе несуществующую, не будет в состоянии легко принять настоящую; ему нужно много труда и усилий, чтобы исторгнуть прежнее заблуждение. Если ты увидишь, что кто-нибудь приготовил священные сосуды или какое-нибудь другое украшение для стен церковных или пола, не вели ему уничтожать или разрушать сделанное, чтобы не ослабить его усердия; но если кто спросит тебя прежде, чем сделать, вели раздать бедным. Презирай и радости житейские, как скоропреходящие, и горести, как нисколько не вредящие нам.

Как живущие на чужбине все делают и все меры употребляют к возвращению в отечество, и всякий день тоскуют, желая увидеть родину, так точно и тот, кто любит будущие блага, не падет духом от настоящих печалей, и не вознесется от счастья, а пройдет мимо того и другого, как прохожий по дороге. Такое расположение нужно иметь и нам, и хотя бы мы прожили здесь немного лет, считать их за многие ради желания будущих благ. Говорю это, впрочем, не потому, что порицаю настоящую жизнь, – нет! ведь и она дело Божие, – а укрепляя вас в любви к будущим благам, чтобы вы не прилеплялись к настоящим, не пригвождались к телу, и не были похожи на то большинство малодушных, которые, хотя бы прожили тысячи лет, говорят, что этого им мало. Что может быть неразумнее этого? В то время

как предлежит Небо и небесные блага, которых ни око не видело, ни ухо не слышало, они пристращаются к теням и не хотят переплыть моря настоящей жизни, подвергаясь постоянным волнениям, бурям и крушениям. Не так поступал Павел; напротив, он спешил и снедался желанием (к отшествию отсюда), и только одно удерживало его, именно спасение людей и опасение, чтобы они не отпали от Царствия Божия. Этого (Царствия) и да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

Слово 7. О смиренномудрии

Когда грех бывает соединен со смиренномудрием, то он бежит с такой легкостью, что побеждает и опережает правду, соединенную с гордостью; а если сочетать смирение с правдой, то куда не дойдет оно, каких небес не пройдет? Без сомнения, оно станет с великим дерзновением около самого Престола Божия посреди Ангелов. Если те, которые исповедуют свои грехи, приобретают дерзновение, то те, которые сознают за собой много доброго и в то же время смиряют свою душу, каких не удостоятся венцов? Таким образом, сколько бы ты ни построил сверху, будет ли то милостыня, или молитва, или пост, или все вообще добродетели, но если в основание не будет положено смирение, то все будет построено напрасно и всуе. Нет, подлинно нет ни одной нашей добродетели, которая могла бы устоять без смирения; назовешь ли ты целомудрие, или девство, или презрение к деньгам, или что угодно другое, все нечисто, скверно и гнусно, если нет смиренномудрия. Для того Бог создал нас из двух сущностей, чтобы, когда ты вознесешься гордыней, тебя смирила бы и удержала низость плоти, а когда помыслишь что-либо низкое и недостойное данной тебе от Бога чести, благородство души возвело бы тебя до соревнования небесным силам.

Великое благо – рассматривать свою природу и знать, какой мы получили состав. Действительно, рассмотрение природы является достаточным учением, поскольку оно может смирить все страсти и водворить мир в душе. Размышляй о своей природе и устройстве, и этого для тебя достаточно, чтобы постоянно держать себя в надлежащем состоянии. Адам создан был из земли, но не знал, как был создан, потому что ему не надлежало быть свидетелем происшедшего, чтобы не возгордился против Бога. Если он, подверженный такому унижению, возносится, не узнает Творца и отвергает Создателя, то кто может представить себе чрезмерность его гордости, если бы он получил то, что выше естества? Вот почему Бог, создав человека, вложил в создание и великие

силы, и много уничижающего, чтобы через присущую силу благоговейно познавалась благодать Создателя, а через уничижение смирялась человеческая самонадеянность. Дал ему говорящий язык, хвалящий Бога, воспевающий Божественные дела, изъясняющий красоты творения. Говорит о небе и земле маленькая частица тела – язык, величиной менее даже двух пальцев, – да и что говорю: пальцев? – даже кончика ногтя; и такой маленький кончик говорит о небе и земле. Но чтобы он не почел себя чем-то великим и не возносился выше своей природы, с ним часто приключаются нарывы и раны, – дабы знал, что, сам будучи смертным, он говорит о Бессмертном, и что он должен познавать, какова сила Того, о Ком он возвещает, и какова немощь возвещающего. Дал ему око, это маленькое зернышко, через которое он созерцает все творение. Но чтобы он, охватывая взором все создание, не возносился, часто случаются с ним и глазные болезни, и гноетечения, и слезы, и многое другое, что помрачает взор, – дабы из немощи он познавал себя, а из устройства научался чтить Художника. Если же человек, всюду нося в себе такую немощь, до такой степени забывает о своем ничтожестве, что дерзновенно восстает против Творца, то кто бы снес его гордость, если бы он был совершенно лишен этой немощи? Подумай, человек, кому ты делаешься сообщником, когда возносишься, впадаешь в высокомерие и стыдишься послужить страннику?

Но как возможно, скажут, чтобы человек благородного происхождения, знаменитый, славный, известный, сам умыл ноги страннику? Ужели это не позорно? Наоборот, позорно скорее не умыть. Сколько бы ты ни возвышал свое благородство, свою знаменитость и славу, ты имеешь одинаковую природу с умываемым и такой же сораб, равночестный с теми, кому ты служишь. Вспомни, Кто умыл ноги учеников, и перестань говорить о своем благородстве. Не величаться богатством полезно не только в отношении к жизни будущей, но и настоящей. В самом деле, ничто так не возбуждает зависти, как богатый человек; а когда к этому присоединяется еще гордость, то возникает двойная опасность. Между тем тот, кто умеет быть скромным, пресекает своим

смирением силу зависти и безопасно владеет тем, что имеет. Так велико его могущество: оно полезно нам не только для будущего, но и здесь уже приносит нам награды. Итак, не будем величаться богатством, равно как и ничем другим. Если величающийся духовными благами губит себя, то тем более гордящийся плотскими.

Размыслим о нашей природе, подумаем о своих грехах, познаем, кто мы, и это будет нам достаточным поводом для смирения во всем. Поистине, тот больше всего знает себя, кто считает себя за ничто. Ничто так не любезно Богу, как считать себя в числе последних. *«Приидите..., – говорит (Господь), – научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем»* (Мф.11:28–29). Ведь если бы Я не был кроток, то разве Я, будучи Сыном Царя, избрал бы Матерью рабыню? Если бы Я не был кроток, то разве Я, Творец видимой и невидимой природы, пришел бы к вам? Если бы Я не был кроток, то разве Я, владеющий богатством всей твари, восприял бы бедные ясли? Если бы Я не был кроток, то разве дал бы хребет на бичевание за пленников? Мало того. Не говорю о более важном: если бы Я не был кроток, то разве Я, Который ничего не должен, тогда как другие должны были пострадать, уплатил бы за них долг смерти? Я так кроток, что, тогда как ты согрешил, Я подвергся бичеванию; Я так смиренен, что не стыжусь умолять Своих рабов, но предпочитаю просить, чтобы не быть вынужденным наказывать их.

Итак, когда тебе вздумается похвалить себя за смирение, подумай, куда снизошел Владыка твой, и ты уже не станешь ни удивляться, ни хвалить себя, а даже посмеешься над собой, как над человеком, ничего не сделавшим. Ты смиренен, смиреннее всех людей? Не величайся этим, не поноси других и не губи похвалы своей. Ты смиряешься для того, чтобы освободиться от гордости; поэтому, если ты по причине смирения впадаешь в гордость, то лучше не смиряться. Если же кто скажет, что лучше живущим добродетельно надмеваться, чем впадающим в грехи смиряться, тот далеко не знает ни вреда гордости, ни пользы смирения. Знай ясно, что человек, с гордостью живущий добродетельно, – если только вообще это значит жить

добродетельно, – неожиданно может впасть в полную погибель. Тот, кто допустил себя до падения, научившись из этого падения смирению, может и восстать, и вскоре восстановить свое прежнее положение, если только захочет; тот же, кто, по видимому, поступает хорошо с гордостью, но не терпит никакого зла, никогда даже и не заметит своего беззакония, а, напротив, лишь умножит зло и внезапно отойдет отсюда, лишенный всего, что существует здесь. Но почему же, скажут, право шествующие до искушений часто падают после искушений? Но кто же точно знает право шествующих кроме Единого Того, Кто создал сердца наши и проникает во все дела наши? Часто ведь многие, кажущиеся нам добродетельными, бывают нечестивее всех. Если же мы, оставив таких людей, обратимся к действительно живущим добродетельно, то кто знает, что у них, тогда как все прочее ими исполнено надлежащим образом, главное из благ – смирение – не оставлено в пренебрежении? И для того оставил их Бог, чтобы они познали, что эти подвиги они совершили не собственной силой, а благодатью Божией.

Кротостью называется не то только, когда кто-нибудь кротко переносит обиды от сильных людей, но когда уступает, будучи оскорбляем и людьми, которые считаются низшими. Посмотри, как Бог человеколюбив и какую показывает Он заботу о Своих рабах. Когда Исааку царем герарским и местными жителями было возбранено пользоваться собственными трудами, он не возроптал, не обнаружил малодушия, не возопиял в душе и не сказал: «Ужели я не имею права пользоваться колодцами? Ужели я оставлен Небесной помощью? Ужели я лишен попечения от Господа?». Ничего такого он ни подумал, ни сказал в себе, но все перенес с кротостью. Потому и удостоился большей чести и помощи свыше. Господь явился ему в ту ночь и сказал: *«Я Бог Авраама, отца твоего; не бойся, ибо Я с тобою; и благословлю тебя»* (Быт.26:24). Желая успокоить и ободрить праведника, Он является ему и говорит: Я Бог, Который сделал славным отца твоего, доставил ему такую знаменитость и сделал его, странника, богаче и могущественнее местных жителей. Я Тот, Который помог ему так возвеличиться. Итак, не бойся, потому что Я с тобою, и умножу семя твое ради

Авраама отца твоего, которому Я должен много наград за послушание Мне. Услышав это, праведник перестал уже страшиться, так как Тот, Кто сказал: *«Я с тобою»* и *«благословлю тебя и умножу потомство твое»*, дал ему и славу, и знаменитость. Смотри, какова сила смирения: те, которые раньше гнали праведника, теперь приходят к нему и не только извиняются за происшедшее и просят у него прощения, но и прославляют его. Действительно, кто может быть сильнее того, кто имеет Бога с собою? *«Мы, – говорят, – ясно увидели, что Господь с тобою»* (Быт.26:28). Посмотрим, как и сын Исаака Иаков совершал путешествие, когда подвергся гонению, – так как и отсюда получим немалую пользу. Когда он шел *«в Харран... зашло солнце. И взял один из камней того места, и положил себе изголовьем, и лег на том месте»* (Быт.28:10–11). Видишь несказанное любомудрие? Видишь, как древние совершали путешествия? Человек, воспитанный в дому, пользовавшийся многими услугами, взяв камень, положил его в изголовье. Смотри, какая мужественная душа у юноши: он употребил вместо изголовья камень и спал на земле. За это и удостоивается видения Господа, Который говорит ему: *«Я Господь, Бог Авраама, отца твоего, и Бог Исаака»* (Быт.28:13). Я и родоначальника, и отца твоего возвысил до такого славного положения; поэтому не бойся, а веруй, что Я, исполнивший Свои обетования им, и тебя удостою Моего попечения. Но и ныне Я с тобою, охраняя тебя в пути, куда бы ты ни пошел. Не думай, говорит, что ты один совершаешь путь свой; Меня имеешь ты своим спутником, Меня имеешь охранителем во все время путешествия, так как Я с тобою. Итак, если ты хочешь сделать великими свои подвиги, не считай их великими, но признавай, что спасаешься благодатью, чтобы сделать Бога своим должником не только за добрые дела, но и за такую твою признательность.

Когда мы делаем добрые дела, то имеем Его должником только за одни эти дела; когда же мы думаем еще, что и не совершили ничего доброго, то и за такое наше расположение, и даже гораздо более, чем за дела. Если, поэтому, хочешь быть смиренным, то покажи эту добродетель не на словах только и

во внешнем виде, а и делом, и словом: не будь кроток с одним и дерзок с другим, а будь кроток со всеми, будет ли то друг или враг, великий человек или малый, – потому что в этом и состоит смирение. Можно быть кротким, и между тем раздражительным и гневливым; однако в этом нет никакой пользы, потому что одержимый гневом часто губит все. Истинному смирению желающие могут лучше всего научиться из следующего. Когда Иисус пришел *«в Капернаум, то подошли к Петру собиратели дидрахм и сказали: Учитель ваш не даст ли дидрахмы?»* (Мф.17:24). И смотри, к Самому Христу они не осмелились приступить, а к Петру, да и к нему не с насилием, а довольно кротко, – они не с упреком, а тоном вопроса говорили: *«Учитель ваш не даст ли дидрахмы?»*. Они еще не имели надлежащего о Нем мнения, а относились к Нему, как к обыкновенному человеку, хотя по причине бывших уже чудес и чувствовали к Нему некоторое уважение и почтение. Что же Петр? Да, говорит. Но сказав им, что даст, Самому Христу не сказал, стыдясь, может быть, говорить с Ним об этом. Что же делает все ясно видящий Бог? Предваряя Петра, Он говорит: *«Как тебе кажется, Симон? цари земные с кого берут пошлины или подати? с сынов ли своих, или с посторонних? Петр говорит Ему: с посторонних. Иисус сказал ему: итак сыны свободны»* (Мф.17:25–26). Чтобы Петр не подумал, будто Он говорит это, услышав от сборщиков, Христос предваряет его, открывая вопрос и внушая ему смелость, так как он до сих пор медлил сказать об этом. Смысл же его слов следующий. Я свободен от уплаты подати. Если земные цари не берут со своих сыновей, а с подчиненных, то тем более должен быть свободен от такой дани Я, Царь и Сын не земного Царя, а Небесного. И вслед за тем говорит: *«но, чтобы нам не соблазнить их, пойдя на море, брось уду, и первую рыбу, которая попадется, возьми, и... найдешь... в ней статир; возьми его и отдай им за Меня и за себя»* (Мф.17:27). Смотри, как Он и не отказывается от подати, и не просто велит уплатить, а дает лишь после того, как наперед показал, что не должен давать ее: первое для того, чтобы не соблазнились сборщики, второе – чтобы не соблазнились ученики, так как дает не

потому, что должен, а по снисхождению к их немощи. Но почему Он повелевает дать не из имевшихся в готовности денег? Чтобы и через это показать, что Он Бог всяческих и что властвует над морем. В самом деле, немаловажно было предсказать, что первая рыба, попавшаяся из глубин морских, доставит дань, что Его повеление, опустившись как бы невод в морскую бездну, извлечет рыбу, несущую статир, заставит море так нести дары и доказать полное свое повиновение. Итак, если хочешь показать великим свое доброе дело, не величайся, и тогда сделаешь его более великим. Если мы, будучи грешниками, когда считаем себя за то, что мы есть на самом деле, становимся праведными, подобно мытарю, то насколько более в том случае, когда считаем себя грешниками, будучи праведными? Если ты назовешь себя достохвальным, то становишься непотребным, хотя бы был достойным похвалы; если же назовешь себя негодным, то становишься полезным, хотя бы был и негодным. Как гордым Бог обычно противится, так смиренным дает благодать, – Ему подобает слава и держава во веки веков. Аминь.

Слово 8. О душе

Люди, украшенные добрыми делами, но не познавшие веры в Бога, подобны останкам мертвых, одетых в красивые одежды, но не чувствующих этой красоты. В самом деле, какая польза человеку иметь душу, облеченную в добрые дела, но мертвую? Добрые дела совершаются по надежде на воздаяние и венцы; но если ты не знаешь Подвигоположника, то ради чего трудишься? Как людям первее нужно жить, а затем уже питаться, так точно и надежда на Христа должна предшествовать нашей жизни, а сверх того должно питаться и добрыми делами. Не питающийся иногда может жить; но не живущий не может питаться. Ты не можешь представить мне человека, который, совершая без веры добрые дела, жил бы; а я могу показать тебе верующего без дел, который и жил, и удостоился Царствия. Никто не жил без веры; а разбойник, только уверовав, получил оправдание. Не говори мне, что он не имел только времени для исправления жизни, так как, если бы он остался с верой, но пренебрег делами, то лишился бы спасения. И Корнилий получил свидетельство о своих милостынях и молитвах, но не знал Христа; и так как Око Истины, Великий Судья, видел, что эти дела хотя и хороши, но мертвы, потому что не соединены с верою, то посылает Ангела, присуждающего награду за дела, чтобы увенчать прекрасно подвизающегося верой. *«Корнилий..., – говорит он ему, – молитвы твои и милостыни твои пришли на память пред Богом»* (Деян.10:3–4). Но если молитва услышана и милостыни приняты, то чего же недостает мне для праведности? Но *«пошли, – говорит, – людей в Иоппию и призови Симона, называемого Петром..., который, пришед, скажет тебе слова, которыми спасешься ты и весь дом твой»* (Деян.10:5–6). Если, таким образом, сам он и дом его спасается благодаря словам Петра, то, следовательно, он не имел еще спасения через дела, пока вера не присудила награды делам его.

Рассказывают про одного языческого философа, что он, войдя в богатый дом, блещущий множеством золотых

украшений, мраморов и колонн, и видя, что пол повсюду устлан коврами, плюнул в лицо господина дома; и когда затем его стали обвинять, сказал, что он вынужден был плюнуть ему в лицо, так как нельзя было сделать этого нигде в другом месте дома. Видишь ли, как смешон и презренен для всех, имеющих ум, тот, кто украшает только внешность? И вполне справедливо. В самом деле, когда ты стараешься украшать стены, пол и все прочее, а на душу, одетую в грязные лохмотья, томящуюся голодом, исполненную язв, терзаемую тысячами псов, не обращаешь внимания, то какому, скажи мне, не подвергнешься ты наказанию? Если ты потеряешь деньги, то можешь дать другие деньги; равным образом, если потеряешь дом или раба, или что бы то ни было другое из имения; но если ты погубишь душу, то другой души дать не можешь, и хотя бы ты владел целым миром, хотя бы был царем вселенной, ты будешь не в состоянии купить одной души, отдав все, что есть во вселенной, вместе с самой вселенной. Имея болезненное от природы и неизлечимо больное тело, ты, хотя бы облечен был в тысячи диадем, не можешь сделать этого тела здоровым, хотя бы отдал все свое царство и присовокупил к тому бесчисленное множество тел, городов и денег. Если же так бывает с телом, то насколько более с душой? Бог все дал нашей природе в двойном числе: два глаза, два уха, две руки, две ноги, чтобы, если повредится один член, мы облегчали недостаток его через другой; но душу Он дал нам одну, и если мы погубим ее, то с чем будем жить?

Душа, однажды плененная страстью сребролюбия, нелегко и не скоро отстанет и делать, и говорить то, что прогневляет Бога, как ставшая рабой иного господина, повелевающего делать все противное Богу. Душа, раз отчаявшаяся в своем спасении, никогда не отстанет от безумия, но, отдав бразды своего спасения безрассудным страстям, носится всюду, внушая ужас встречным, так что все ее избегают и никто не осмеливается удержать; она бежит через все места нечестия, пока, наконец, увлекаемая в самую бездну погибели, не низвергнет своего спасения. Душа, раз вступившая в союз с грехом и ставшая бесчувственной, дает возможность недугу

весьма усиливаться. Как свинья, валяясь в грязи, чувствует удовольствие, так и душа, одержимая дурной привычкой, даже и не чувствует зловония грехов. И как земля, не орошаемая дождем, сколько бы на ней ни сеяли, не может произрастить колосьев, так и душа, не просвещенная наперед Божественным Писанием, не может показать какого-нибудь плода, хотя бы кто и излил бесчисленное количество слов. Подобно тому как земля, когда на ней ни сеют, ни насаждают, произращает просто лишь траву, так и душа, когда не знает надлежащего дела, так как не может оставаться в бездействии, а непременно желает что-нибудь делать, предается дурным делам. Чем бывает воспаление для тела, тем и гордость для души; а за гордостью обыкновенно следует пожелание неподобающего. И как люди, пренебрегающее телесными ранами, причиняют гнойные лихорадочные воспаления и смерть, так и те, кто не обращает внимания на малые грехи души, позволяют образоваться большим. Для того Бог дал нам тело от земли, чтобы мы и его возвели на Небо, а не для того, чтобы через него и душу совлекли на землю.

О, дивное дело! Как все пристращены к настоящим делам, а о будущих никогда и не подумают; непрестанно спешат к телесным удовольствиям, а душе предоставляют томиться голодом; получая ежедневно тысячи ран, никогда даже и не замечают того бедственного положения, в котором они находятся, и, старательно заботясь о теле, на несчастную душу, загрязненную и обремененную тысячами зол, не обращают и внимания. И что всего прискорбнее, – они после столь многих трудов и забот не только смертное тело не делают выше смерти, но и бессмертную душу вместе с этим смертным телом подвергают вечным наказаниям. Вот почему, горько оплакивая объявленное души людей безумие и окружающий их густой мрак, я желал бы найти какое-нибудь высокое место, с которого мог бы видеть все роды людей, равно как желал бы иметь голос, который оглашал бы все концы земли и был слышен всем живущим на ней, и тогда встать и взывать, возглашая слова Давидовы: *«Сыны мужей! доколе слава моя будет в поругании?»* (Пс.4:3). Не безумно ли, в самом деле, с нашей

стороны, что когда приключится с нашим телом даже ничтожная болезнь, мы и врачей зовем, и деньги тратим, и проявляем терпение, и не перестаем принимать всякие меры, пока не удалим боль; а о душе, которая каждый день получает раны, свергается в стремнины и губит себя всяким образом, даже и немного не позаботимся? Не того, кто просто лишь имеет гнойную рану, нужно оплакивать, а того, кто, имея ее, бесполезно лежит и не находит рук врачей; про того же, кто подвергается резанию и прижиганию, мы сказали бы, что он-то именно и стоит на пути к выздоровлению, так как смотрим не на боль, происходящую от резания, а на здоровье, происходящее от этой боли.

Так точно должно рассуждать и относительно души: нужно плакать и скорбеть не о тех, кто подвергается наказанию, – они ведь влекутся к здравью, – а тех, кто грешит безнаказанно. Кто питается благими надеждами и уповает на будущие блага, тот уже здесь вкусил Царствия, потому что ничто так не обновляет и не возвышает обычно душу, как благая надежда на будущее. Те, кто все старание употребляет на украшение своего дома, богатея во внешнем, не заботятся о внутреннем и не обращают никакого внимания на свою заброшенную, загрязненную и покрытую паутинами душу; между теми душа тех людей, которые, оставив заботу о внешнем, обратили все свое старание на душу, чтобы отовсюду украсить ее, будет служить местопребыванием для Христа. А что же может быть блаженнее того, кто имеет обитающего в себе Христа?

Итак, какое же будем иметь мы извинение или какое прощение, если мы при болезни тела, где нужно и деньги тратить, и врачей звать, и терпеть сильную боль, обнаруживаем такую заботливость, а душой пренебрегаем, несмотря на то, что нам не нужно в этом случае ни тратить денег, ни беспокоить других, ни подвергаться мукам, а мы сами без всего этого, через одно только произволение и пожелание, можем доставить себе исправление, и при том достоверно зная, что, если не сделаем этого, подвергнемся крайнему наказанию и неумолимым мукам и казням? Как сидящие в темнице, хотя всегда находятся в унынии и скорби, особенно испытывают их в тот день, когда

должны быть выведены и предстать перед самыми дверями судьи, и стоя перед решеткой и слыша изнутри голос судьи, цепенеют от страха и становятся по виду несколько не лучше мертвецов, так точно и душа, хотя и во время самого греха терзается скорбью и мучится, но гораздо более в то время, когда, влекомая отсюда к загробному отчету, должна предстать перед Страшным Судилищем. Вот почему она часто медлит и уходит внутрь, боится и трепещет, готовясь отлететь от тела. Тогда, – похитил ли кто, или присвоил обманом чужое, или обидел кого, или несправедливо стал чьим-либо врагом, или сделал вообще какое бы то ни было зло, – восстанавливается весь рой грехов, является перед очами и стоит суровым обличителем совести. Для того у нас и бессмертная душа, равно как и тело будет бессмертным, чтобы мы могли наслаждаться нескончаемыми благами. Если же ты пригвожден к земле, тогда как тебе предлежат небесные блага, то подумай, какое великое оскорбление наносится Дарующему, когда Он предлагает тебе горние блага, а ты несколько не ценишь их и промениваешь на землю блага небесные. Этих благ и да сподобимся все мы достигнуть, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Слово 9. О том, что не должно пренебрегать Церковью Божией и Святыми Таинствами

Немного присутствующих у нас сегодня. Что же за причина тому? Мы совершаем память мучеников, и никто не явился в наше собрание. Длиннота пути повергла их в лень; вернее же сказать, не длиннота пути, а лень помешала им. Как человеку ревностному и с бодрой волей ничто не может воспрепятствовать, так, наоборот, беспечному и ленивому все может послужить препятствием. Мученики кровь свою пролили за истину, а ты не можешь презреть даже и краткого пути? Они голову свою сложили за Христа, а ты не хочешь даже немного пройти ради Владыки? Владыка ради тебя умер, и ты ради Его мешкаешь? Память мучеников, и ты предаешься беспечности и лени? Тебе следовало бы явиться в собрание и видеть, как дьявол терпит поражение и мученик побеждает, как Бог прославляется и Церковь увенчивается. Но, говоришь, я грешник и не могу быть в собрании. Так как ты грешник, то и явись в собрание, чтобы стать праведником. Кто же из людей, скажи мне, без греха? Или ты не знаешь, что и сами предстоящие жертвеннику пригвождены к грехам? Ведь и они облечены плотью и связаны с телом. И мы сами, сидящие на кафедре и учащие, соплетены с грехами. Тем не менее, не отчаиваемся в человеколюбии Божиим и не приписываем Ему жестокосердия. Для того Бог и попустил самим священникам рабствовать страстям, чтобы они из собственного опыта научились снисходительно относиться и к другим. Не крайнее ли безумие и сумасшествие, что мы, если позовет нас какой-нибудь гусяр, или плясун, или кто другой из подобного рода людей, все охотно бежим к нему, благодарим его за такой зов и проводим целую половину дня в том, что внимаем только ему; а когда Бог через пророков и апостолов беседует с нами, то зеваем, почесываемся и смежаем глаза? На ипподроме, невзирая на то, что там нет крыши, которая защищала бы от дождя, множество безумствующих стоит, хотя бы шел страшный

ливень и ветер хлестал воду в лицо; они не обращают внимания ни на холод, ни на дождь, ни на длину пути; ничто их ни дома не удержит, ни сюда не помешает прийти; а сходить в церковь дождь и грязь становится нам препятствием. И если их спросить, кто такой Амос или Авдий, или каково число пророков или апостолов, они не могут и рта раскрыть; а о лошадях и кучерах ведут речи лучше софистов и риториков. Как можно выносить это, скажи мне?

Я много раз увещевал не ходить в театры. Ты слышал и не последовал совету; сходил в театр, не послушался моего слова: не стыдись же опять прийти и выслушать. Я слышал, говоришь, и не исполнил; как я могу прийти опять и слушать? Однако, ты это сознаешь, что не исполнил, все же ты стыдишься, все же краснеешь, все же ты налагаешь на себя узду, хотя и никто не обличает, все же слово мое укоренилось в тебе, все же учение мое очищает тебя, хотя я и не стою перед тобою. Ты не исполнил? Тем более приди, чтобы, услышав вновь, исполнить. Если тебе приложено будет лекарство, но не вылечит тебя, то на следующий день не прикладываешь ли ты его вновь? Представим дровосека, который хочет срубить дерево. Он берет топор и рубит корень. Если он нанесет один удар, и дерево не упадет, то не наносит ли он второго удара, четвертого, пятого, десятого? Так точно делай и ты. Говорю это не для того, чтобы сделать вас более беспечными, а для того, чтобы заставить вас быть более старательными. Ты вошел в церковь, человек, удостоился общения с Христом; не уходи, если не будешь отпущен. Если ты уйдешь прежде отпуска, то будешь судим, как беглый раб. Целый день ты тратишь на плотские дела и двух часов не можешь заняться духовными? В театр ты часто ходишь и до окончания не уходишь; а приходишь в церковь и уходишь прежде совершения Божественных Таинств? Побойся сказавшего: *«Кто пренебрегает словом, тот причиняет вред себе»* (Притч.13:13). Когда ты стоишь перед царем, то не смеешь даже и улыбнуться; предстоя же Господу всего, не стоишь со страхом и трепетом, а смеешься, когда Он часто гневается? Или ты не знаешь, что этим ты прогневлишь Его даже более, чем грехами? Ведь не так Бог

отвращается обычно от согрешающих, как от тех, кто не сокрушается после греха. Что делаешь ты, человек? Стоя в церкви, любострастно взираешь на красоту женщин и не трепещешь, нанося такое оскорбление храму Божию? Или церковь кажется тебе непотребным домом и менее достойной уважения, чем площадь? В самом деле, на площади ты боишься и стыдишься показаться высматривающим любострастно женщину, а в храме Бога, когда Он Сам говорит с тобою и угрожает за это, ты осмеливаешься на такой поступок в то самое время, когда слышишь повеление не делать этого, и не трепещешь, не содрогаешься, делая сердце и глаза вертепом беззакония? Лучше таким людям быть слепыми, чем пользоваться так глазами.

Подумай, человек, близ кого стоишь ты во время священного этого и страшного Таинства, с кем ты намереваешься призывать Бога: с Херувимами, с Серафимами и прочими небесными силами; размысли, кто соликовствует с тобою. Достаточно тебе для трезвости, если ты примешь только во внимание, что ты, облеченный телом и соединенный с плотью, удостоен вместе с бесплотными силами славословить общего всех Владыку. Итак, не с расслабленным духом принимай участие в этих священных и таинственных гимнах, не житейские помыслы имей в это время, а, исторгнув из души все земное и всецело перенесшись на Небо, воспевай всесвятую песнь хвалы Богу, как бы стоя близ самого Престола славы и летая с Серафимами. Для того повелевается нам стоять благоговейно во время Божественного Таинства, чтобы мы воздвигли влачащиеся по земле помыслы, чтобы, сбросив с себя расслабление, происходящее от житейских дел, могли прямо поставить душу нашу перед Богом. Не о телесных руках или коленях говорится, – говорится ведь не скороходам или гимнастам, – а повелевается этими словами восставить силу внутренних помыслов, повергнутую искушениями. Во время священного этого собрания, братия, не люди только возглашают эту страшную молитву, но и Ангелы припадают к Владыке, и Архангелы молятся, имея и время благоприятное для них, и помощь в приношении. И как люди, срезав масличные ветви,

машут ими перед царями, напоминая им через это растение о милосердии и человеколюбии, так и Ангелы в тот час, представляя вместо масличных ветвей само Владычнее Тело, молят Владыку за человеческий род, как бы говоря: мы просим за тех самых, кого Ты Сам благоволил наперед возлюбить так, что отдал душу Свою за них; мы проливаем молитвы за тех, за кого Ты Сам пролил Кровь; мы молим за тех, за кого Ты принес в жертву это самое Тело.

Пусть поэтому каждый размыслит в себе, какой порок он исправил, какую добродетель приобрел, от какого греха омылся, в чем сделался лучше; и если найдет, что от поста у него явился какой-нибудь прибыток на эту прекрасную торговлю и сознает, что приложил много попечения о своих ранах, пусть приступает; если же он оставался нерадив и может показать один только пост, а кроме того ничего доброго не сделал, то пусть остается вне церкви и входит только тогда, когда очистит все свои грехи. Тому, кто, ссылаясь на немощность тела, не постится, естественно получить и прощение; тому же, кто не исправил своих недостатков, невозможно найти оправдания. Что мы сделаем, если Бог потребует от нас ответа за нашу беспечность в собраниях? Вы знаете, конечно, как часто в то самое время, когда Он говорит всем нам через пророка, мы ведем с соседями длинные разговоры о вещах, нисколько до нас не касающихся.

Итак, если Он, оставив все прочее, захочет потребовать от нас ответа только за этот грех, будет ли нам какая-нибудь надежда на спасение? Не думай, что это ничтожный грех; а если хочешь узнать, насколько он велик, рассмотри то же самое применительно к отношениям между людьми и тогда увидишь, до какой степени это нелепо. Осмелюсь, когда говорит с тобой начальник или даже какой-нибудь друг немного почтнее, оставить его и разговаривать со своим слугой, и тогда ты увидишь, какой дерзкий поступок совершаешь ты, делая то же самое в отношении к Богу. Если разговаривавший с тобою принадлежит к числу знатных людей, то он может еще привлечь тебя и к ответу за такое оскорбление. А Бог, Который каждый день бывает оскорбляем так, и даже хуже того, и не одним, или

двумя, или тремя людьми, а почти всеми нами, сносит и долготерпит. Желая утишить гнев земного царя, вы все с детьми и женами сбегаетесь и часто спасаете осужденного от царского гнева; а когда нужно умиловать Царя Небесного и похитить из гнева Его не одного, не двух, не трех, не сто, а всех грешников, находящихся во вселенной, вы сидите вне и не стекаетесь все вместе, чтобы Бог, милостиво взирая на ваше согласие, и тем отпустил наказание, и вам простил согрешения. Если в тот час тебе случится быть на площади, или дома, или быть занятым неотложными делами, то нерываешь ли ты сильнее всякого льва всякие узы и не бежишь ли принять участие в общем молении о прощении? И какую будешь иметь ты надежду на спасение? В самом деле, что может быть могущественнее Церкви? Не говори мне о стенах и оружии. Стены ветшают от времени, Церковь же никогда не стареет; стены разрушают варвары, Церковь же и демоны одолеть не могут. А что эти слова не пустое хвастовство, о том свидетельствуют самые дела.

Сколько людей враждовало против Церкви, и враждовавшие погибли, а она вознеслась выше неба! Таково величие Церкви! Когда против нее враждуют, она побеждает; когда строят козни, она преодолевает; когда подвергают бесчестию, становится еще славнее. Знаете тот день, когда против нас направлено было столько оружий и ярость воинская, горевшая сильнее огня, когда нас отводили в царские дворцы и мы были позорищем для вселенной? И однако по благодати Божией ничто нас не сразило. Почему? Потому что ничто в настоящей жизни не есть зло. В самом деле, что есть зло? Смерть? Но она не есть зло, так как через нее мы только скорее приходим к пристани. Лишение имущества? *«Наг я вышел... наг и возвращусь»* (Иов.1:21). Изгнание? *«Господня земля и что наполняет ее»* (Пс.23:1). Клевета? *«Блаженны вы, когда будут поносить вас... ибо велика ваша награда на небесах»* (Мф.5:11–12). Если меня и отводили в тюрьму, как преступника, то для меня это не было бесчестием, так как бесчестие только в одном – в грехе; и хотя бы вся вселенная обесчестила тебя, но сам ты себя не обесчестишь, ты не обещен. Предательство

есть только одно – предательство совести; пусть не предаст тебя совесть, и никто не предаст тебя. Меня отводили в тюрьму, и я видел дела, или вернее – видел, что мои слова становятся делами, и то, что я говорил словами, возвещается на площади делами.

Итак, желал бы я знать, где проводят время те, которые презрели это священное собрание и отказались от участия в этой священной трапезе. Впрочем, я хорошо знаю: они или разговаривают о нелепых и смешных вещах, или пригвождены к житейским заботам. Между тем и то, и другое времяпровождение лишено извинения и заслуживает крайнего наказания. Что касается первого, то здесь не требуется ни слов, ни доказательств. А что и те, которые ссылаются на домашние дела и происходящую отсюда нестерпимую нужду, точно так же не могут заслуживать снисхождения, в силу того именно, что не предпочитают духовных занятий земным, очевидно также для всякого. Скажи мне в самом деле, какой слуга, прежде чем исполнить господскую службу, станет заботиться о собственных домашних делах? Как же не бессмысленно, в отношении к людям, где господство есть одно простое лишь имя, оказывать господам такое уважение и послушание, а истинного Господа, не нашего только, но и горних сил, не удостаивать даже и такого служения, какого мы удостаиваем наших сорабов? О, если бы я мог показать вашим глазам душу таких людей: вы увидели бы, как она грязна, неопрятна, обесчещена, уничижена и лишена дерзновения! Как тело, оставаясь без бани, покрывается всякой нечистотой и грязью, так точно и душа, оставаясь без духовного учения, облагается великой скверной грехов.

О, если бы можно было раскрыть сердца людей, оставляющих священное собрание! О, если бы вам возможно было проникнуть в их совесть! Тогда вы хорошо бы увидели, сколькими язвами они исполнены, сколько имеют терний. Как земля, не возделываемая руками земледельцев, запустевает и зарастает лесом, так и душа, оставаясь без духовного учения, произрастает терния и волчцы. Если мы, которые каждый день слушаем пророков и апостолов и унимаем свои страсти постоянно песнопениями из Священного Писания, едва

удерживаем свою вспыльчивость, едва обуздываем гнев, едва извергаем гной зависти, едва усмиряем похоть, едва укрощаем бесстыдных зверей, то какую же надежду на спасение будут иметь те, которые никогда не пользуются таким врачеванием и не слышат Божественного учения? Как вышедший из пристани всюду блуждает и лишенный света на все натывается, так и впавший в забвение страха Божия обрекается на непрестанные заботы, беспокойства и скорби. И как в том случае, когда Бог находится с нами и защищает нас, все печали исчезают, так, наоборот, когда Он оставляет и забывает нас, и душа раздирается, и сердце томится мукой, и скорби нападают, чтобы, уязвляясь всяческим образом, беспечные с большим рвением возвратились туда, откуда ниспали. *«Накажет тебя нечестие твое, – говорится, – и отступничество твое обличит тебя»* (Иер.2:19). Так и оставление Богом есть один из видов Его Промышления. Когда Он, промысля и заботясь о людях, находит пренебрежение, то оставляет немного и покидает, чтобы небрежные, отбросив беспечность, стали более ревностными. Думаю я, что сегодня присутствуют многие из тех, которые недавно оставили нас и убежали на зрелища беззакония; и желал бы я точно знать их, чтобы прогнать их от этих священных врат, – не для того, чтобы они всегда оставались вне их, а для того, чтобы они возвратились потом, исправившись. Так и отцы выгоняют из дома заблудших детей и удаляют от стола, не для того, чтобы навсегда лишиться их, а для того, чтобы они, сделавшись от такого урока лучшими, с подобающей честью возвратились к отеческому наследству.

Так делают и пастухи: они разобщают покрытых паршами овец от здоровых, чтобы, излечившись от болезни, они могли безопасно возвратиться опять к здоровым, и чтобы больные не заразили своей болезнью всего стада. Для того же и мы желали бы знать упомянутых людей. Впрочем, если мы и не можем различить их глазами, наше слово несомненно признает их и, коснувшись их совести, легко убедит их добровольно удалиться, научая их, что только тот находится в Церкви, кто обнаруживает достойное здешнего пребывания расположение души; а тот, кто участвует в этом священном собрании, будучи порочного

поведения, хотя и приводит сюда тело, извергается вон и изгоняется хуже заключенных вне и не могущих участвовать в священной трапезе. Последние, будучи извергнуты по законам Божиим и оставаясь вне, имеют по крайней мере благие надежды и, если пожелают исправить свои прегрешения, то могут через Церковь, от которой они отпали, возвратиться опять с чистой совестью; те же, которые, осквернив себя, после того, несмотря на увещание приходить не прежде, чем очистятся от греховной скверны, ведут себя бесстыдно, делают свою рану более тяжелой, – ведь не столь тяжкое зло – грех, сколько бесстыдство после греха.

Многие причащаются Таинств однажды в год, другие – дважды, а иные – многократно. Кого же из них нам похвалить? Тех ли, которые однажды причащаются, или тех, кто часто, или тех, кто редко? Ни тех, которые однажды, ни тех, которые часто, ни тех, которые редко, а тех, которые причащаются с чистой совестью, с чистым сердцем, с неукоризненной жизнью. Таковые пусть всегда приступают; кто же не таковы, пусть не приступают и раза, так как они принимают себе суд и осуждение. Подобно тому, как пища, будучи по природе питательной, если попадет в человека, страдающего отсутствием аппетита, все губит и разрушает, и становится причиной болезни, так точно и Страшные эти Тайны. Ты наслаждаешься Трапезой духовной, Трапезой Царской, и опять мараешь тело свое грязью? Помазуешь его миром, и опять наполняешь зловонием? Приступая через год к Причастию, думаешь ты, что этого тебе достаточно для очищения грехов за все время и опять, по прошествии недели, принимаешься за прежнее? Скажи мне, если ты, выздоровев на сорок дней от продолжительной болезни, опять предаешься тому, что причинило болезнь, то не губишь ли ты и прежнего труда? Если таким образом естественные предметы изменяются, то тем более то, что зависит от произволения. Если у тебя дурно пахнет изо рта, ты не питаешься даже за общим столом; а когда в душе такое зловоние, дерзаешь – скажи мне – приобщаться Таинств? И какое получишь ты прощение? *«Кто ест и пьет чашу Господню недостойно, –* говорит божественный апостол, –

тот ест и пьет осуждение себе» (1Кор.11:29), то есть, потерпит такое же наказание, какому подвергнутся и распявшие Христа. Как те убийцы стали повинны в крови, так и те, которые недостойно приобщаются Таин. Как тот, кто разорвет царскую порфиру или замазает ее грязью, одинаково оскорбит одевающегося в нее царя, так точно и здесь, – как умертвившие Тело Владычне, так и принимающие его нечистой душой одинаково надругаются над Царским одеянием. Иудеи разорвали Его на Кресте, а сквернит Его тот, кто принимает Его нечистой душой. Таким образом, хотя преступление и различно, но оскорбление одинаково.

Слова эти тронули многих слушателей, многих смутили, уязвили их совесть, вернее же сказать, не только слушателей, но прежде, чем вас, и меня самого, говорящего. Одно ведь для всех учение, одни у всех раны, – почему я прилагаю и общие для всех лекарства. Дело Божественного человеколюбия проявляется в том, что и говорящий, и слушающие подчинены одним и тем же законам, имеют одну и ту же природу, и всякий преступающий подлежит одинаковой ответственности. Почему? Чтобы учащий делал порицание с умеренностью, чтобы он был снисходителен к согрешающим, чтобы, памятуя о собственной слабости, не делал обличения нестерпимым. Итак, если ты увидишь, что кто-нибудь из пасомых вместе с тобой ведет блудную жизнь и приступает к Таинствам, то скажи тому, кто заведует раздаянием их: такой-то недостойн Таинств, не допускай непотребного к святыне. Ведь если таковой недостойн поведать оправдания Божии, то подумай, до чего дойдет наказание ему, когда он коснется еще и священной трапезы, да и не ему только одному, а и тебе, укрывающему его. В самом деле, не сказал Бог: «и ты прелюбодействовал», но: «с прелюбодеями общаешься» (Пс.49:18). Вот какое великое зло скрывать гнилостные язвы других! Ты, говорит Он, становишься соучастником наказания, полагающегося за преступление. И справедливо. В самом деле, тот может еще указать на страсть, хотя отговорка и не заслуживает извинения, а ты не можешь сделать даже и того. Зачем же ты, не наслаждаясь удовольствием, делаешься общником и участником наказания?

Не говори мне таких, исполненных крайней бесчувственности слов: что мне беспокоиться о других? Я забочусь о своей пользе. Нет; тогда-то ты более всего и будешь заботиться о собственной пользе, когда будешь искать ее в том, что полезно для ближнего, как и Павел говорил: *«никто не ищи своего»* (1Кор.10:24), чтобы найти свою пользу.

В самом деле, когда грешник увидит, что все отвращаются от него, то он будет думать, что сделал великое преступление; если же увидит, что к нему не только не относятся с негодованием и не питают отвращения, но и благодушно терпят и помогают ему, то растлевается и судилище совести, так как мнение окружающих оказывает помощь его развращенной воле. Многие, не вынеся тяжести сделанных вам обличений, придя после ухода, роптали и жаловались, говоря: ты удаляешь нас от священной трапезы, отгоняешь от общения? Я же для того принужден был сказать это, чтобы вы знали, что я не удаляю, а, напротив, собираю, не отгоняю, не отстраняю, а скорее привлекаю через эти обличения. Страх наказания, охватывая, как огонь – воск, совесть грешников и постоянно оставаясь при ней, разрешает и потребляет наши грехи и, делая душу чистой и светлой, сообщает нам большое дерзновение. И как врач, давая страдающим отсутствием аппетита горькие лекарства и удаляя дурные соки, возбуждает упавший аппетит и заставляет с большей охотой вкушать обычную пищу, так точно и учитель, говоря жестокие слова, очищая душу от худых помыслов и освобождая от тяжкого бремени грехов, дает свободно вздохнуть совести и доставляет возможность с полным наслаждением вкушать Тела Владычня. Справедливо поэтому говорит блаженный Павел: *«Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет»* (Евр.13:17). В самом деле, ты заботишься о своей жизни, и если ты устроил ее хорошо, тебе нет никакой заботы о других; священник же, хотя бы и устроил собственную жизнь хорошо, а о твоей не будет иметь тщательной заботы, пойдет вместе с порочными в геенну, и часто, не будучи предан собственными грехами, погибает от чужих. Однако после того, как мы так сильно обличили

недостойно причащающихся Божественных Таин, необходимо обратиться со словом и к вам, служителям Таинств, чтобы вы с великим вниманием раздавали эти Дары, так как немалое наказание угрожает и вам. В самом деле, если вы, зная о нечестии кого-нибудь, позволяете участвовать в этой трапезе, то кровь его взыщется от ваших рук. Будет ли то военачальник, или ипарх, или даже сам облеченный в диадему, но если он приступает недостойно, воспрети ему; ты имеешь власть большую, чем он; не прогневляй Владыку, оставляя неочищенным Его Тело. Не давай меча вместо пищи; но хотя бы он пришел под предлогом болезни причаститься, не бойся воспретить. Бойся Владыки Бога, не человека. Если ты убоишься человека, то и им будешь осмеян, и Владыку прогневишь; а если – Бога, то и для людей будешь почтенен, и Богу любезен. Если же сам сделать этого не смеешь, то приведи ко мне; я не позволю ему совершить такую дерзость; скорее душу свою положу, чем дозволю причаститься Крови Владычней недостойно, и скорее пролью собственную свою кровь, чем допущу до причастия столь страшной Крови недостодолжным образом. Гораздо лучше лишиться жизни ради Бога, чем Бога ради жизни. Ему подобает слава, держава, ныне и во веки веков. Аминь.

Слово 10. О Промысле

Почему Бог не уничтожил врага, обольстившего человека в начале? Если бы он одолевал силой, то вопрос имел бы какой-нибудь смысл; если же он чужд такой силы и действует только внушением, а не повиноваться ему в нашей власти, то зачем ты отнимаешь предлог к прославлению и уничтожаешь повод к получению венцов? Кроме того, если бы даже Бог оставил его, зная, что он всех победит, то и тогда не следовало бы смущаться, – так как, если он побеждает, это происходит от нас, которые добровольно покоряемся ему, а не насильно. А если было уже много победивших его и много еще будет впоследствии, то зачем ты лишаешь имеющих прославиться победою такой чести? Однако не все победят его. Но гораздо справедливее, чтобы доблестные имели случай показать свою доблесть, а беспечные были наказаны за свою собственную леность, чем ради последних причинит обиду первым. Ленивый, если и терпит обиду, то не от противника, а от собственной лености, о чем свидетельствует множество побеждающих. Между тем, тогда ревностные подвергались бы козням со стороны ленивых, если бы не имели цели, для которой могли бы пользоваться мужеством. Тогда могли бы жаловаться и на создание уст и глаз, потому что из-за последних многие желают того, чего не должно, и впадают в прелюбодеяние, а первыми иные произносят хулу и провозглашают погибельные догматы. Но неужели из-за этого людям следовало явиться на свет без языка и глаз? В таком случае мы отсечем и руки, и ноги, из которых одни исполнены крови, а другие текут на нечестие. А вслед за тем и уши, потому что и они принимают лживые слухи и передают душе растленные догматы; если же так, то и пищу, и питье, и небо, и землю, и море, и луну, и хор звезд. Для чего в самом деле будут они нужны, когда тот, ради которого они созданы, будет столь жалостным образом рассечен? Видишь, до каких смешных и нелепых выводов мы принуждены дойти? Дьявол – враг себе, не нам, потому что мы, если захотим, можем получить через него даже многие блага, вопреки его

воле и намерению; и в этом обнаруживается тем большее чудо и чрезмерное человеколюбие Божие. Действительно, когда люди становятся лучшими, это уже само по себе уязвляет и огорчает дьявола; когда же он сам является для нас виновником этого, то не может уже и снести обиды.

Если бы Бог, говорят некоторые, не попустил, дьявол не мог бы приступить к человеку и обольстить его в начале. Что сказать нам на это? То, что, если бы этого не случилось, Адам не узнал бы, сколь великое имел он благо, и никогда не отстал бы от своего безумия. В самом деле, тот, кто до такой степени возомнил о себе, что думал даже стать Богом, на что не осмелился бы, если бы не был вразумлен? Но предположим, что дьявол не давал бы никаких советов. Остался ли бы Адам безгрешным, если бы этого не было? Нельзя этого сказать. Тот, кто так легко убежден был женой, если бы дьявола и не было, скоро сам по себе впал бы в грех. Тот, кто так легко поддался обольщению со стороны другого, уже прежде обольщения был беспечен и слабодушен, потому что последний не мог бы иметь и такого успеха, если бы обратился к трезвой и бодрой душе. Но почему же Бог дал Адаму такую заповедь, зная, что он согрешит? Потому что и дарование заповеди свидетельствует о большем попечении, чем недарование. Допустим, что Адам имел бы столь слабую волю, как то показал конец, и при этом не получил бы никакой заповеди, а жил в полное свое удовольствие: к худшему или лучшему привела бы эта слабость и беспечность при такой распущенности? Для всякого очевидно, что, живя без всякой заботы, он впал бы в крайнее нечестие. Если он, не имея твердой надежды на бессмертие, но зная, что эта надежда еще сомнительна, впал в такое высокомерие и безумие, что думал сделаться Богом, и притом не взирая на то, что ниоткуда не видел, что обещавший заслуживает веры, то до какого безумия не дошел бы он, если бы имел твердую уверенность в бессмертии? Какого греха не совершил бы? Когда бы послушался Бога? Если он после дарования заповеди так презрел Того, Кто даровал ему эту заповедь, то, если бы он совсем ничего не слышал от Него, не стал бы, может быть, сознавать и того, что он находится под Его властью. Если бы

никто из порочных здесь не подвергался наказанию, а из добродетельных никто не получал награды, то многие из числа неверующих учению о воскресении стали бы избегать добродетели, как причины бедствий, и следовать пороку, как виновнику благ. Если бы, опять, все получали здесь по достоинству, то стали бы считать излишним и ложным учение о Суде. Поэтому, чтобы и учение о Суде не почиталось ложным, и множество заурядных людей не делалось хуже вследствие презрения к этому учению, Бог наказывает и здесь многих грешников, и награждает некоторых из добродетельных; и тем, что делает это не в отношении ко всем, удостоверяет учение о Суде, а тем, что наказывает некоторых раньше Суда, возбуждает спящих глубоким сном.

Действительно, вследствие того, что нечестивые терпят наказание, многие пробуждаются, боясь, чтобы не потерпеть того же; вследствие же того, что не все получают здесь по своим заслугам, вынуждаются заключать, что это соблюдается для другого времени. Для того и Каина, когда он согрешил, Бог не умертвил, чтобы все последующие люди вразумлялись через него и стали лучшими через постигшее его наказание. Не все ведь равно было слышать, что некто Каин, убивший брата, умер, или видеть самого убийцу, несущего наказание. Если в первом случае могли не верить рассказу об этом событии по причине чрезмерной ненависти, то теперь, когда убийца находится налицо и в течение долгого времени заставляя многих быть свидетелями наказания, он делает это событие очевидным и достоверным как для современников, так и для последующих поколений. Затем, если бы Бог тотчас же убил его, то не дал бы ему никакого срока для покаяния и исправления, – тогда как, проводя жизнь в страхе и трепете, он мог бы получить от такой жизни великую пользу, если бы не был крайне бесчувственным и скорее зверем, нежели человеком. Кроме того, через это наказание Бог делал для него меньшим будущее мучение, потому что скорби и наказания, наводимые на нас Богом в настоящей жизни, уничтожают немалую часть будущих мучений. Для того Бог обычно наказывает грешников, заслуживающих одинакового наказания, не всех вместе, чтобы

остальные сделались лучшими ввиду бедствий, постигших других. Но часто Он наказывает и всех вместе, как было, например, при потопе, чтобы самим грешникам прегражден был путь к дальнейшему нечестию, а последующие люди получили бы большую, нежели те, пользу, когда закваска, так сказать, и основа пороков будет удалена вместе с теми, которые их совершали, а также не имели бы столь многих учителей нечестия. В самом деле, если и без примера люди могут легко находить пороки, то что бы они сделали, если бы было много подстрекателей их на дурные дела?

Итак, нужно убедиться только в том, что все устроится для нас Богом на пользу, а каким образом – об этом не спрашивать, равно как не беспокоиться и не унывать, если мы не знаем этого. Знать это и невозможно, и не полезно; первое – потому, что мы смертны, второе – потому, что скоро впадаем в гордость. Бог хочет, чтобы и неверующие Ему спаслись через покаяние, как и Сам Он говорит о том: *«Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию»* (Мф.9:13). Даже и после того, как они, удостоившись такого попечения, не пожелают сделаться лучшими и признать истину, Он не оставляет их; но так как они добровольно сами себя лишили небесной жизни, доставляет им по крайней мере все необходимое для настоящей жизни, повелевая солнцу всходить над злыми и добрыми, посылая дождь на праведных и неправедных, и даруя все прочее, необходимое для поддержания настоящей жизни. Если же о врагах Он имеет такое попечение, то как презрит тех, которые веруют Ему и служат Ему по мере сил своих? Но почему дьявол не устранен совсем? Представим себе противника и двух борцов, которые должны сражаться с ним. Один из этих двух борцов страдает от пресыщения, небрежно относится к своему делу, бессилен и расслаблен; а другой прилежен, пользуется здоровьем, занимается в палестрах и школах для телесных упражнений и обнаруживает всякое старание приготовить себя к состязанию. Итак, если ты уничтожишь противника, то кому из них причинишь обиду? Беспечному ли и нерадивому, или прилежному и положившему столько трудов? Ясно, что

прилежному. Этому последнему из-за беспечного учиняется обида, если будет устранен противник; тогда как беспечному из-за прилежного, если противник остается, никакой обиды не причиняется, потому что он терпит поражение от собственной беспечности.

Таким образом, человек слабовольный, нерадивый и беспечный, хотя бы и не было никакого дьявола, скоро падает и ввергает себя в бездны порока. Равным образом, если мы обратимся к нашим собственным членам, то найдем, что и они являются причинами гибели, – если мы не бываем внимательны, – не по собственной своей природе, а вследствие нашей беспечности. Вот смотри. Глаз дан для того, чтобы ты, взирая на творение, прославлял Творца и Владыку; но если ты непристойно пользуешься глазом, он становится для тебя виновником прелюбодеяния. Язык дан для того, чтобы ты песнословил и восхвалял Создателя; но если ты недостаточно наблюдаешь за собой, он становится для тебя причиной богохульства и сквернословия. Руки даны для того, чтобы ты простирали их на молитву; но если ты не ведешь себя трезвенно, ты простираешь их на любостяжание. Ноги даны для того, чтобы ты устремлялся на добрые дела; но если ты беспечен, то у тебя будут через них дурные деяния. Видишь ли, что слабому человеку все приносит вред, и даже сами спасительные лекарства приводят к смерти, не по своей природе, а вследствие немощи такого человека? Одного только взора Божия достаточно, чтобы погубить нечестивых; если присутствие святых делает немощной силу демонов, то гораздо более присутствие Божие. Когда мы увидим расстройство и замешательство в делах, не будем обвинять Бога и думать, что течение настоящей жизни не предусмотрено; истинное расстройство и замешательство не в течении дел, а в находящемся в таком состоянии помысле; и для него не будет никакой пользы от благоустройства в делах, хотя бы он пользовался величайшим благоустройством, пока он не уничтожит расстройства и замешательства, находящихся в нем самом. Подобно тому, как больной глаз и в ясный полдень будет видеть тьму и одно вместо другого, и для него не будет никакой

пользы от солнечного луча, между тем как здоровый и крепкий глаз может и вечером верно руководить телом, так точно и око нашего ума, пока будет здорово, хотя бы увидело, по-видимому, и неустройство, будет видеть прекрасный порядок, а если будет повреждено, то, хотя бы ты возвел его на самое Небо, и там найдет великое неустройство и замешательство. Для того Бог не всех подвергает наказанию в здешней жизни, чтобы ты не отвергал воскресения и не терял надежды на Суде, как будто здесь все уже дают ответ; равно как не всем позволяет уйти отсюда и безнаказанно, чтобы ты не думал, что все лишено провидения. Если кто не верит в воскресение, пусть подумает, сколько создал Бог из ничего, – и получит доказательство и относительно воскресения. Взяв землю, Бог смешал ее и создал человека, – землю, которой раньше не было.

Итак, каким образом земля стала человеком? Каким образом и сама она, раньше не существовавшая, приведена в бытие? Какую опору имеет она? Что находится позади земли? И что, в свою очередь, вслед за этим? Как произведены из нее все бесконечные роды животных, семян, растений? Все это недоумение воскресения. В самом деле, не все равно – возжечь опять потухший светильник или явить огонь, который был нигде не видим; не все равно – восстановить упавший дом или выстроить совершенно новый дом. В первом случае, если ничего другого не было, по крайней мере было вещество; во втором же случае не было и самого вещества. Для того Бог и сотворил сначала то, что кажется нам труднейшим, чтобы через это примерно доказать более легкое. Равным образом при нашем рождении не маленькое ли семя, не имеющее вначале определенного вида и устройства, ввергается в воспринимающую его утробу? Откуда же такое устройство живого существа? А что сказать о хлебе? Не голое ли зерно бросается в землю? Не сгнивает ли оно после того, как бывает брошено? Откуда же колос, ости на нем, стебель и все прочее? Маленькое зернышко смоковницы, упавши на землю, не произрастает ли часто корня, ветвей и плодов? Затем, все это ты принимаешь и не подвергаешь излишнему исследованию, а от одного только Бога, преобразующего наше тело, требуешь

отчета? Может ли это заслуживать какого-нибудь извинения? Но для чего Бог оставил дьявола, когда он столь лукав, что нападает на нас неожиданно? Для того, чтобы мы, будучи побуждаемы страхом и ожидая нападения врага, обнаруживали великую бодрственность и постоянную трезвенность. И чему ты удивляешься, если Он ради этого оставил дьявола? Заботясь о нашем спасении и пробуждая нас от беспечности, а также доставляя повод к получению венцов, Он для того уготовал и самую геенну, чтобы страх мучений и тяжесть наказания направляли нас к Царству. Итак, если ты сделаешь что-нибудь доброе и не получишь за это воздаяния в здешней жизни, не смущайся: тебя с лихвою ожидает за это награда в будущем веке. Равным образом, если сделаешь что-нибудь злое и не потерпишь наказания, не будь самонадеян, потому что там постигнет тебя наказание, если не переменишься и не станешь лучшим. Ты возмущаешься, выходишь из себя и все наполняешь смущением, видя, как многие, живущие в нечестии, преуспевают и пользуются здесь благами, и сетуешь на долготерпение Божие. Что ты делаешь, скажи мне? Сколько подстерегают и нападают на дорогах? Сколько подрывают стены? Сколько отравляют ядами? Что же? Обвиняем ли мы за них судью? Ни в коем случае. Если он, когда они будут представлены на суде, отпустит их и того, кто пострадал, накажет, а того, кто причинил зло, оправдает и отпустит с почетом, то он действительно достоин обвинения и всяких порицаний; но когда они еще не преданы суду, зачем ты сам привлекаешь его к ответу и наперед осуждаешь? Подумай о своей собственной жизни, человек, войди в свою совесть, – и ты не только не похвалишь своего решения, но и изменишь свое мнение, прославишь долготерпение Человеколюбца и возблаговаришь за снисхождение, дивясь Его незлобию. Если бы каждый подвергался наказанию за грехи непосредственно вслед за совершением их, то род человеческий едва ли не был бы давно уже истреблен. Итак, братия, не будем унывать: ведь не так мы заботимся о своем спасении, как Создавший нас, и не столько у нас попечения о том, чтобы не потерпеть ничего бедственного, сколько у даровавшего нам душу Бога. Бог не

попускает людям ни оставаться всегда в несчастьях, чтобы они не впадали в отчаяние, ни в покое, чтобы они не делались беспечными, но разнообразно устрояет их спасение, переменяя одно на другое. Если корабль без кормчего не может благополучно существовать, а легко утопает, то каким образом мир мог бы существовать столько времени, если бы никто не управлял им? И чтобы не говорить многого, представь, что мир есть корабль, внизу, как бы киль, лежит земля, небо – паруса, люди – пассажиры, лежащая внизу бездна – море; каким же образом в течение столь долгого времени не произошло крушения? Оставь корабль на один хотя бы день без кормчего и пловцов, и ты увидишь, как он тотчас же потонет. Между тем мир, имеющий уже пять тысяч с лишком лет, ничего подобного не потерпел. Да что я говорю о корабле? Иной устроит в винограднике небольшой шалаш и после собрания плодов покидает его, и часто последний не просуществует даже и двух дней, вскоре же разрушается и падает. Если, таким образом, шалаш не может стоять без присматривающего за ним, то как же столь великое создание, столь прекрасное и дивное, могло бы остаться незыблемым в течение такого долгого времени без чьего-нибудь попечения? Размысли о красоте небес, сколько ей времени и она не помрачилась; размысли о силе земли, как не изнемогла ее утроба, рождая столько уже времени; размысли об источниках, как они текут и не расстаются с местом своего рождения; размысли о море, сколько рек принимает оно и не преступает своего предела.

Справедливо можно о каждом из названных явлений сказать: *«Как многочисленны дела Твои, Господи! Все соделал Ты премудро»* (Пс.103:24). Не безумно ли с нашей стороны, наблюдая за строителем и видя, как он раскалывает и распиливает деревья, не требовать от него отчета и не обвинять его; равным образом и в отношении к врачу, который прижигает и режет тело, заключает больного в отдельном помещении и томит его голодом, не обнаруживать бесполезного любопытства, а оставаться спокойными и молчать; между тем о неизреченной Премудрости, неизреченном человеколюбии предаваться неуместному любопытству и мелочному

исследованию? И оказать помощь, потратить деньги за бедняков, терпящих обиды, вы не легко решитесь, а всячески исследуете, почему такой-то беден, почему такой-то нищ, почему такой-то богат. Затем ты не опускаешь взоров долу и не осуждаешь самого себя, не налагаешь узды на язык и не укрощаешь ума, и, перестав празднo любопытствовать о таких предметах, не обращаешь этой пытливости на свою собственную жизнь? Взгляни на то, что тобою сделано, на море своих грехов; и если ты любопытен и пытлив, потребуй у себя самого отчета в словах, в делах, – в том, что ты худо сказал, что худо сделал. Между тем теперь себя самого ты оставляешь без испытания, а Богу учиняешь суд, и прилагаешь к своим грехам новые грехи. Может ли это не заслуживать наказания? Да избегнем же его все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Слово 11. О богатстве и бедности

Когда ты видишь, что кто-нибудь незаслуженно пользуется богатством, не называй его счастливым, не считай достойным соревнования, не осуждай Промысл Божий, не думай, что настоящая жизнь течет беспричинно и бесцельно. Вспомни о богаче и Лазаре, – как первый достиг последних пределов богатства и роскоши, будучи жестоким, лютым, бесчеловечным и свирепее всех собак, – и в самом деле, последние сожалели бедняка и служили ему, не ленись лизать языком своим раны, покрывавшие все его тело, а тот не давал ему даже и крох, – между тем как бедный Лазарь, этот истинно богатый, истинно живущий в довольстве, впал в самую крайнюю бедность, лишен был даже самой необходимой пищи, и боролся с болезнью и постоянным голодом. Один имел более, чем нужно, а другой не пользовался даже и соответственными необходимыми потребностям средствами. И, однако, он не возроптал, не стал обвинять Бога и порицать Промысл. Итак, не безрассудно ли, что в то время, как сами терпящие бедствия так благословляют за все Владыку, ты, который стоишь вне подвигов, хулишь Бога за то, что другие переносят с благодарением? Тот, кто терпит несчастья, если и скажет какое-нибудь тяжкое и жестокое слово, заслуживает все же снисхождения, хотя и не такого, как другой, а меньшего; но тот, кто стоит вне бедствий и губит свою душу из-за других, будет ли достоин какого-либо прощения, понося Бога за то, за что сам терпящий бедствия благодарит Его и никогда не перестает восхвалять? Почему богатство кажется тебе, человек, возделенным? Несомненно, вследствие удовольствия, получаемого от хорошего стола, вследствие почета и толпы телохранителей, состоящей из людей, служащих тебе ради богатства, вследствие того, что ты можешь отмстить оскорбителям и для всех быть страшным, – а других причин ты не можешь указать, кроме удовольствия и лести, страха и мести. В самом деле, богатство обычно не делает ни более мудрым, ни более воздержным, ни добрым, ни человеколюбивым; не вводит и не насаждает в душе и никакой

другой добродетели. И ты не можешь сказать, что оно вождено и желательно для тебя ради какого-либо из этих благ, потому что оно не только не может насаждать и возделывать ни одного из них, а, напротив, даже вредит и мешает им, если найдет их имеющимися уже налицо, а некоторые даже и совсем исторгает и вводит то, что противоположно им. Но не буду говорить об этом, потому что плененные этим недугом не в состоянии слышать, как их обвиняют и обличают, будучи всецело преданы удовольствию и став через это самые рабами.

Итак, скажите мне, потому ли богатство кажется вам желанным и высокоценным, что оно питает в вас тягчайшие страсти, доводя гнев до дела, вздувая пузыри большого честолюбия до громадных размеров и возбуждая к гордости? Потому самому нужно без всякой оглядки бежать от него, что оно поселяет в нашей душе диких и свирепых зверей, через которых лишает ее чести, признаваемой всеми, и окрашивая цветами последней ложную честь, представляет ее в таком виде обманутым и внушает, что последняя больше первой, хотя она не такова по природе, а представляется только по внешности. Подобно тому как красота распутных женщин, наведенная притираниями и подкрашиванием, на самом деле лишена красоты, но некрасивое в действительности и безобразное лицо кажется для обманутых красивым и благовидным, так точно и богатство обнаруживает вместо чести бесчестие. Не смотри на те похвалы, которые расточаются открыто вследствие страха и лести, а раскрой совесть каждого из тех, которые так льстят тебе, и увидишь тысячи обвинителей, которые в душе вопиют против тебя, отвращаются от тебя и ненавидят хуже злейших твоих врагов и неприятелей. И если когда-нибудь приключившаяся перемена обстоятельств удалит и изблечит личину, образуемую страхом, подобно тому, как яркий луч солнца – подкрашенные лица, тогда ты ясно увидишь, что в предшествовавшее время ты был в крайнем бесчестии у тех, которые служивали тебе, и пользовался, как ты думал, честью со стороны людей, которые более всего тебя ненавидели и желали видеть тебя в крайнем несчастье. Как человек есть

животное ничтожное, подверженное гибели и кратковременное, так и богатство таково же; вернее же сказать, даже и того ничтожнее. Часто оно погибает даже не вместе с человеком, а еще раньше человека; и вы все знаете, сколь многочисленные примеры преждевременной гибели богатства здесь вы наблюдали. И часто владелец остается в живых, а состояние погибает; и, о, если бы оно погибало одно только, а не губило вместе с собой и владельца. Вот почему не погрешит тот, кто назовет богатство неблагодарным рабом, рабом кровожадным и человекоубийственным, рабом, который воздает своему господину в благодарность убийством; и что всего тяжелее – оно подвергает его опасности не только в то время, когда покидает его, но еще и прежде, чем покинуть, доставляет ему беспокойство и тревоги.

Кто, например, был выше Евтропия? Не превзошел ли он своим богатством всю вселенную? Не достиг ли до самых высших почестей? Не все ли трепетали и боялись его? Но вот, он стал несчастнее даже узников в темнице, жальче рабов, нуждается хуже нищих, томимых голодом, видит каждый день перед собою изостренные мечи, яму, палачей и отведение на казнь; он даже не знает, пользовался ли когда-нибудь теми удовольствиями, и даже самых лучей солнца не чувствует, но, как бы окруженный непроглядной ночью, и в полдень лишен возможности видеть. Впрочем, сколько бы мы ни старались, мы будем не в силах изобразить то страдание, которое должен испытывать он, ожидая каждый час, когда отсекут ему голову. Вижу его желтое, как бук, лицо, выглядящее несколько не лучше, чем у лишенного уже навсегда жизни; к этому присоединяется еще стук и скрежет зубов, дрожание всего тела, прерывающийся голос, едва лепечущий язык и вид, какой может иметь только человек с окаменевшей душой. Не говорил ли я тебе постоянно, что богатство скоропреходяще? Но ты не выносил моих слов. Не говорил ли я, что оно – неблагодарный раб? Но ты не хотел поверить. Но вот опыт на самом деле показал, что оно не только беглый и неблагодарный раб, но и человекоубийца, так как оно именно теперь заставило тебя трепетать и бояться. Не говорил ли я тебе, тогда как ты

беспрестанно укорял меня, говорившего правду, что я люблю тебя больше, чем твои лъстецы? Что я, обличитель, забочусь о тебе больше, чем угождающие тебе? Не присовокуплял ли я к этим словам, что *«искренни укорижны»* друзей и *«лживы поцелуи»* (Притч.27:6)? Если бы ты потерпел мои раны, то не причинили бы тебе поцелуи их этой смерти, потому что раны доставляют здоровье, а их поцелуи производят неисцелимую болезнь. В самом деле, откуда это? От того, что ты не помышлял о превратности дел человеческих. Если бы ты боялся измены счастья, то не потерпел бы измены. Но так как ты ни сам по себе, ни от других не сделался лучше, то и испытал на самом деле то, что говорилось на словах. Всегда я говорю, что богатство предательски изменяет тем, кто худо пользуется им; вот наступает время и показывает самым делом истину этих слов. Что ты держишь его, если во время искушения оно не приносит тебе пользы? Если оно имеет силу, то пусть будет с тобой, когда впадешь в нужду; если же оно тогда убегает, то зачем оно нужно тебе?

Говорю, и не перестану говорить это, хотя многие и упрекают меня (говоря): всегда он говорит, докучает богатым. Однако ведь и те всегда докучают бедным. А я докучаю богатым, вернее же сказать, не богатым, а тем, кто худо пользуется богатством. Всегда говорю, обвиняя не богатого, а хищника. Иное дело – богатый, иное – хищник; различай эти две вещи, не сливай несоединимого. Богат ты? Не запрещаю. Похищаешь? Обвиняю. Имеешь свое? Пользуйся. Берешь чужое? Не смолчу. Желаете убить меня? Готов и кровь свою пролить, только бы удержать тебя от греха. Я не обращаю внимания на ненависть, не обращаю внимания на вражду; об одном только забочусь – о преспеянии слушателей. И бедные – мои дети, и богатые – мои дети; одна и та же утроба болела обоими, в одних и тех же муках родились и те, и другие. Пусть убивает, кто хочет; пусть ненавидит, кто хочет; пусть злоумышляет, кто хочет! Козни для меня – залогов венцов, раны – счет наградам. Не боюсь я козней; одного только боюсь я – греха. Только бы не уличил меня кто-нибудь в грехе, и пусть хоть вся вселенная воет со мной. Видите ничтожество дел

человеческих? Видите слабость власти? Видите, что богатство, которое я всегда называл беглецом, не только беглец, но и убийца? Оно ведь не только оставляет своих владельцев, но и убивает их. Когда кто-нибудь заботится о нем, тогда-то именно оно предательски и изменяет. Что ты заботишься о богатстве, которого никогда нельзя уберечь? Хочешь сохранить его? Не зарывай его, а дай в руки бедным. Богатство – дикий зверь; если его удерживают, оно убегает; если гонят, остается. Расточай богатство, чтобы оно осталось; не зарывай, чтобы не убежало. Где богатство? С удовольствием спросил бы я умерших: где богатство? Говорю это не в виде упрека, – нет, – и не для того, чтобы вновь растравить раны; а для того, чтобы из крушений других сделать для вас тихую пристань. В самом деле, кто сегодня богат, завтра становится беден. Вот почему я часто смеялся, читая такие договоры: такому-то должно принадлежать владение полями или домом, а пользование – другому. Все мы только пользуемся, и никто не владеет. Хотя бы в течение всей нашей жизни богатство оставалось у нас, не подвергаясь никакому несчастному случаю, мы волей-неволей при кончине уступаем его другим, извлекая из него только пользу, но не получив над ним власти, и переселяемся в загробную жизнь, будучи наги и ничего не имея. Отсюда ясно, что только те владеют богатством, кто презрел и пользование им, и посмеялся над наслаждением им. Тот именно, кто отверг богатство и раздал его бедным, воспользовался им достойным образом, и отходит отсюда, сохраняя полную власть над ним. Таким образом, если кто хочет и владеть, и пользоваться, и иметь полную власть над своим именем, пусть отвергнется от всякого имени; а тот, кто этого не сделает, при смерти лишится всего его, иногда же еще и раньше смерти потеряет его, потерпев бесчисленные бедствия и опасности. И не в том только беда, что с богатством случаются несчастия, и притом неожиданно, но и в том, что богатый оказывается совершенно неприготовленным к перенесению бедности. Ради чего же ты считаешь богатство достойным усилий и считаешь счастливыми тех, кто приобрел его, и завидуешь им? Чем отличается богатый от бедного? Не одним ли облечен он телом?

Не один ли питает желудок? Для чего у тебя множество слуг? Как в одежде и пище должно искать только необходимо нужного, так точно и в слугах. Одному господину следовало бы пользоваться одним только слугой; вернее же сказать, и двум или трем господам – одним слугой. Если же это кажется тяжким, то вспомни о тех, которые не имеют ни одного слуги и пользуются самыми легкими услугами. Для того ведь и дал нам Бог руки и ноги, чтобы мы не нуждались в слугах. В самом деле, не ради нужды введены в мире слуги, – иначе вместе с Адамом создан был бы и раб, – а как возмездие и казнь за грех и преслушание. Но если уже необходимо иметь раба, то разве лишь одного, или, самое большое, двух. В самом деле, зачем тебе нужно иметь толпу слуг и с важностью выступать на площади? Разве ты ходишь между зверей, что гонишь встречающихся? Не бойся; никто не кусается из подходящих и идущих вблизи тебя. Или ты, может быть, считаешь оскорблением для себя идти вместе со всеми? Но какое же безумие думать, что лошадь, если она идет рядом, не наносит оскорбления, а человек, если его не отогнать на тысячу верст, причиняет бесчестие? Что может быть несообразнее, как расталкивать и гнать людей, чтобы дать широкую дорогу скоту?

Итак, в первом городе, городе богатых, не будет ни одного ни ремесленника, ни зодчего, ни плотника, ни башмачника, ни хлебопека, ни земледельца, ни кузнеца, ни веревочника, ни чего-либо другого подобного. Кто, в самом деле, из богатых захочет когда-нибудь приняться за такие дела, если и сами те, которые занимаются ими, когда становятся богатыми, не выносят тяжести этих трудов? Как же будет существовать у нас этот город? Богатые, скажешь, давши серебро, купят это у бедных. Но как же они построят дома? Или и это купят? Но это по самому существу дела невозможно. Необходимо, следовательно, призвать туда мастеров; и, таким образом, нарушить закон, который мы установили вначале, созидая город. Посмотрим теперь на город бедных, будет ли и он точно так же терпеть недостаток, будучи лишен богатых. Предварительно точно определим при этом богатство, разумея под ним именно золото, серебро, драгоценные камни,

шелковые, пурпуровые и золототканые одежды. Что же? Если мы все это удалим из города бедных, станет ли он, скажи мне, вследствие этого недостаточным? Ни в коем случае. В самом деле, надо ли построить дом, или сковать железо, или соткать одежду, для этого нужны не золото, или серебро, или жемчуг, а искусство и руки. Равным образом, если нужно пахать или копать землю, богатые или бедные требуются для этого? Для всякого очевидно, что бедные. Где же, наконец, нам нужны будут богатые, как в том разве лишь случае, если нужно будет разорить этот город? Итак, когда ты увидишь, что кто-нибудь блистает одеждой и толпой телохранителей, раскрой его совесть и найдешь там много пыли. Вспомни о Павле, о Петре; вспомни об Иоанне, об Илии, прежде же всего о Самом Сыне Божиим, который не имел *«где главы преклонить»* (Мф.8:20); подражай Ему и Его рабам и представляй в своем уме их неизреченное богатство. Если же ты, немного прозрев, вслед за тем опять омрачишься, как бы во время крушения от налетевшего порыва бури, то послушай изречение Христово, гласящее, что невозможно *«богатому войти в Царство Небесное»* (Мф.19:23). К этому изречению присовокупи горы, землю и море, и все, если хочешь, сделай мысленно золотом, и ты увидишь, что ничто не может сравниться с тем вредом, который произойдет отсюда для тебя. В самом деле, если бы каждый из богачей владел целым миром, каждый имел столько людей, сколько есть их теперь во всей вселенной – на суше и на море, каждый владел землею и морем, и всеми существующими зданиями, городами и народами, и отовсюду к нему текло бы вместо воды и источников золото, то я сказал бы, что такие богачи не стоят и трех грошей, если они лишились Царствия Небесного. Если теперь, стремясь обладать деньгами, которые погибают, они испытывают муки, когда не успевают в этом, то что же в состоянии будет доставить им утешение, когда они получают ощущение тамошних благ? Скажи мне, если бы кто-нибудь ввел тебя в царский дворец, доставил тебе возможность в присутствии всех беседовать с царем и сделал тебя сотрапезником и сожителем его, – не назвал ли бы ты себя счастливее всех? Между тем, когда тебе предстоит взойти на

Небо, стать перед Самим Царем всяческих, сиять перед Ангелами и наслаждаться неприступной тамошней славой, ты сомневаешься, нужно ли пожертвовать деньгами, тогда как, если бы надлежало даже отказаться от самой жизни, следовало бы ликовать, веселиться и окрыляться радостью. Чтобы получить власть, доставляющую тебе возможность красть (я ведь не назову такого рода дело приобретением), ты тратишь и свои средства, и у других занимаешь, и, если нужно, не задумываешься заложить даже жену и детей; а когда тебе предлежит Царство Небесное, не имеющее никакого преемника власти, ты раздумываешь, медлишь и жалеешь денег?

Но увы, до чего велика бесчувственность! Тогда как нас ожидают такие блага, мы все еще пристращены к настоящим и не помышляем о коварстве дьявола, который через малое лишает нас великого; дает грязь, чтобы похитить Небо; показывает тень, чтобы отвратить от истины; обольщает сновидениями (а ничто иное – настоящее богатство), чтобы, когда настанет день, показать нас беднее всех. В самом деле, есть ли какой еще столь постоянный и ненасытный враг, как богатство? Когда мы живем, он губит нашу душу, а когда умираем, бесчестит и тело, не позволяя схоронить его в земле, каковая участь постигает и осужденных. При этом законоблудители, подвергнув последних смертной казни, дальше с ними ничего уже не делают, богатство же подвергает своих владельцев и по смерти жесточайшему наказанию, выставляя их нагими и непогребенными. Страшное и жалости достойное зрелище! Поистине, они терпят участь более тяжкую, чем преступники от гневного приговора судьи. Последние, оставшись первый и второй день непогребенными, предаются затем земле; богатые же, после того как предадут их земле, обнажаются и подвергаются бесчестию от гроборасхитителей. Если при этом последние не уносят и гроба, то здесь нужно благодарить уже не богатство, а бедность, потому что если бы мы и его доверили богатству, и, перестав изготавливать его из камня, сковали из золота, то и его погубили бы. Итак, что может быть несчастнее богатого, когда даже и смерть не доставляет ему безопасности, и его жалкое тело, даже лишенное жизни, не

избавляется от зол настоящей жизни, подвергаясь грабежу и обдиранию со стороны злодеев и гроборасхитителей, побуждаемых жадной любовью к деньгам воевать с прахом и пеплом, и с гораздо большей жестокостью, чем при жизни богатого. В самом деле, тогда они, войдя в кладовую, опустошали ящики, но тела не трогали, да и не могли столько унести, чтобы обнажить даже тело; теперь же они и его не щадят, но трогают и ворочают его во все стороны, и наносят ему жестокое поругание. После предания земле, лишив его как земляного покрова, так и одежд, они оставляют его валяться без всякой защиты. И в то время, как природа примиряет тогда с ним даже врагов, богатство, напротив, вооружает и тех, которые ничего не имеют против него, и до такой степени возбуждает и разъяряет неистовство злодеев против мертвого и недвижимого, что они не пощадили бы даже и самого тела, если бы его члены были им на что-нибудь полезны. Не будем, поэтому, считать богатство великим благом. Великое благо не в том, чтобы владеть деньгами, а в том, чтобы иметь страх Божий. Вот теперь, если бы был какой-нибудь праведник, имеющий великое дерзновение к Богу, то мог бы, хотя бы и был всех беднее, прекратить настоящие бедствия; достаточно было бы ему только воздеть руки к небу и призвать Бога, и эта туча прошла бы мимо; а столько золота имеется в запасе и оказывается бесполезнее всякого сору для прекращения постигающих нас бедствий. И не в этой только опасности, а и в других случаях – постигнет ли болезнь, или смерть, или что другое подобное – посрамляется сила денег, оказываясь не в состоянии сама по себе доставить никакого облегчения в приключающихся несчастьях. Где теперь богатые, исчисляющие проценты и проценты на проценты, берущие все у всех и никогда не насыщающиеся? Слышали ли вы глас Петра, который показывает, что бедность есть мать богатства, который ничего не имел и был богаче самих облеченных в диадему? В самом деле, он, ничего не имея, и мертвых воскрешал, и хромых исцелял, и демонов изгонял, и такие доставлял блага, каких никогда не в силах были дать ни облеченные в порфиру, ни вожди великих и страшных войск. Что же говорит он?

«Серебра и золота нет у меня» (Деян.3:6). Что может быть достойнее этих слов? Что может быть блаженнее и довольнее? Тогда как другие хвалятся противоположным, говоря: я имею столько-то талантов золота, бесчисленное количество десятин земли, дома и рабов, – он хвалится тем, что лишен всего, и не только не стесняется и не стыдится своей бедности, но даже гордится ей. Так-то не имеющий ничего может владеть всем, так-то он может обладать благами всех; если же мы будем обладать благами всех, то всего лишимся.

Итак, тот, кто считает свое имение не своим, а общим, будет пользоваться не только своим, но и чужим имением, как собственным; тот же, кто отделяет себя и делает господином только своего имения, не будет и его господином. Кто совсем ничего не имеет – ни дома, ни стола, ни лишней одежды, но всего лишился ради Бога, тот пользуется общим достоянием, как своим собственным, и от всех получит все, что пожелает. Не имеющий ничего, таким образом, обладает благами всех. Между тем тот, кто что-либо имеет, не будет господином и этого имения, потому что имеющему никто и не даст, и имение его скорее будет добычей разбойников, воров, клеветников, несчастных обстоятельств, словом, будет принадлежать скорее всем, чем ему. И, если хочешь, представлю тебе самого того, кто сказал это и исполнил на деле, скинотворца, киликийца, о котором даже неизвестно, откуда был он родом. Итак, он прошел всю вселенную, терпя голод, жажду и наготу, совершенно ничего не нося с собою, идя притом не к другу, не к близким людям, – потому что вначале он был общим врагом для всех, – и тем не менее он имел все, когда приходил. Между тем Анания и Сапфира из-за того, чтобы владеть небольшой частью своего имения, лишились всего вместе даже с самой жизнью. Итак, расстанься со своим имуществом, чтобы пользоваться чужим, как собственным.

Как человек, чувствующий угрызения совести, хотя бы обладал всеми богатствами, несчастнее всех людей, так, наоборот, имеющий чистую совесть, хотя бы одет был в лохмотья и мучился голодом, счастливее людей, живущих в полное свое удовольствие. Ты имеешь деньги для того, чтобы

облегчать бедность, а не для того, чтобы торговать бедностью; а ты под видом облегчения причиняешь еще большее бедствие и продаешь человеколюбие за деньги. Продавай, не запрещаю, но только за Царство Небесное. Не бери за столь великий подвиг малой цены – стократной прибыли, а будущую вечную жизнь. Зачем ты остаешься беден и нищ и занимаешься мелочами, продавая великое за малое – за деньги гибнущие? Зачем ты, оставив Бога, занимаешься приобретением корыстей человеческих? Зачем, минуя богатого, обременяешь неимущего, и, оставив воздающего долг, имеешь дело с неблагодарным? Тот желает уплатить долг, а этот даже ропщет, уплачивая его; этот едва уплачивает и сотую часть, а Тот воздает сторицею и жизнью вечной; этот с упреками и бранью, а Тот с благодарением и похвалами; этот питает к тебе зависть, а Тот сплетает тебе венцы; этот едва и здесь (воздает), а Тот и там, и здесь. Итак, не крайнее ли это неразумие даже не уметь приобретать прибыли? Деньгами должно владеть как подобает господам, а не рабам, так чтобы властвовать над ними, а не они властвовали над нами. Деньги (χρήματα) потому так и называются, чтобы мы пользовались (χρῶμεθα) ими на необходимые потребности, а не складывали в хранилище. Рабу ведь свойственно хранить, а тратить – господину и имеющему полную власть. Вот почему нет ничего неразумнее раба денег: будучи обладаем, он думает, что обладает; будучи рабом, думает, что он господин; наложив на себя цепи, он величается, как будто властвует над всеми; раздражая против себя зверя, он веселится и радуется, делаясь его пленником; видя бешеного пса, нападающего на его душу, он, вместо того, чтобы связать его и извести голодом, доставляет ему обильную пищу, чтобы он еще больше нападал и был еще страшнее. Итак, не думай, что от обладания большим богатством для тебя происходит какое-либо удовольствие; напротив, оно происходит от нежелания быть богатым.

В самом деле, если ты желаешь быть богатым, то никогда не перестанешь мучиться, потому что любовь к богатству бесконечна, и чем дальше ты будешь идти, тем дальше будешь отстоять от конца, и чем больше будешь желать чужого, тем

сильнее будут увеличиваться мучения. Так точно и испытывая жажду, мы тогда только получаем удовлетворение, когда выпьем, сколько нам хочется; а пока жажда остается, то, хотя бы мы вычерпали все источники, у нас только увеличивается мучение. И подобно тому, как узника ты считаешь особенно несчастным, когда видишь его с цепями на спине и на руках, а часто и на ногах, так точно и богатого, когда увидишь его владеющим бесчисленными имениями, считай поэтому не богатым, а потому-то самому и считай несчастным. Вместе с этими узами он имеет и жестокого тюремщика – несчастную любовь к деньгам, который не позволяет ему переступить за порог этой темницы, но изобретает бесчисленные узы и стражи, двери и запоры, и, ввергая его во внутреннейшую темницу, убеждает и услаждаться этими узами, чтобы он не нашел даже какой-нибудь надежды на освобождение от угнетающих зол. Подлинно, не столько бедный желает необходимого, сколько богатый – излишнего; равным образом не такую силу делать зло имеет первый, какую возможность – последний. Если же он и желает, и может больше, то очевидно, что и сделает скорее и больше. Бог сделал тебя богатым, чтобы ты помогал нуждающимся, чтобы искуплял свои грехи спасением других; дал тебе деньги не для того, чтобы ты запирали их на свою погибель, а чтобы расточал для своего спасения. Для того Он и обладание ими сделал сомнительным и непрочным, чтобы и этим ослабить силу безумной любви к ним. Если теперь, когда обладающие деньгами не могут смело положиться на них, видят даже, сколько из-за них возникает злых козней, они так сильно разжигаются страстью к деньгам, то кого они пощадили бы, от чего отказались бы, если бы к богатству присоединились еще прочность и безопасность?

Кто был, скажи мне, беднее Илии? Но потому именно, что он был беден, он побеждал всех богатых; и самую эту бедность он избрал от богатства души, и всякое денежное богатство считал ниже величия своей души и недостойным своеголюбомудрия. В самом деле, если бы он считал настоящие блага великими, то не владел бы одной только милотью. Он так презирал суету настоящей жизни, что смотрел на золото, как на

выброшенный сор. Вот почему сам царь нуждался в этом бедном, и, имея множество золота, с удивлением смотрел на уста не имевшего ничего, кроме милоти. Настолько славнее порфиры была милоть, и царских дворцов – пещера праведника! Вот почему, и восходя на Небо, он не оставил ученику ничего другого, кроме милоти. С нею, говорит, я боролся против дьявола; получив ее, и ты вооружись ею против него; нестяжательность – крепкое оружие и необоримая защита. И Елисей принял эту милоть как величайшее наследство; и поистине это было величайшее наследство, ценнее всякого золота. И был сугубым тот Илия, – был Илия вверху, и Илия внизу. Знаю, что вы ублажаете этого праведника и желали бы каждый быть Илиею. Но что, если я вам докажу, что все мы получили нечто, другое гораздо большее его. В самом деле, Илия оставил ученику милоть; между тем Сын Человеческий, восходя на Небо, оставил нам плоть Свою. Итак, когда мы услышим о гибели наших денег, не будем смущаться, а скажем: благословен Бог, – и найдем гораздо большее богатство. Подлинно, не столько получишь ты, если будешь тратить богатство на нуждающихся, обходить и разыскивать бедных, и расточать свое имение алчущим, сколько приобретешь через это слово. Потому-то и Иову я не так удивляюсь в том случае, когда он отворял дом свой для нуждающихся, как изумляюсь и прославляю за то, что он с благодарением переносил похищение имущества. Тот, кто, утишив волнение своей природы, сможет без слез сказать словами Иова: *«Господь дал, Господь и взял»* (Иов.1:21), за одно это слово станет вместе с Авраамом, будет прославляться вместе с Иовом.

Итак, когда дьявол лишит тебя золота или через разбойников, или через иное какое-нибудь ухищрение, воздай славу Владыке, и ты приобретешь больше и нанесешь врагу двойной удар – тем, что не возроптал, и тем, что возблагодарил. Если он увидит, что потеря денег огорчает тебя и побуждает роптать на Владыку, то никогда не перестанет делать этого; если же увидит, что ты не только не хулишь создавшего тебя Бога, а даже еще благодаришь Его за каждое

приключающееся бедствие, то перестанет наводить искушения, зная, что приключающиеся бедствия являются для тебя поводом к благодарению и делают более лишь блистательными для тебя венцы. Так было и с Иовом. Лишив его имущества и поразив тело, и видя, что этим побудил его еще к большей благодарности, дьявол не дерзнул уже нападать дальше и удалился, потерпев позорное и полное поражение, а борца Божия сделав более славным. И Иов, после того как увенчался всеми венцами терпения и мужества, получил опять все потерянное вдвойне; а ты, если перенесешь мужественно, получишь все даже не вдвойне, и не втройне, а сторицею, и наследуешь жизнь вечную, которую и да сподобимся все мы получить благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Слово 12. О пресыщении и пьянстве

Посмотрим, если желаете, какое удовольствие и какую цену имеет богатство. Сравним стол богатых и бедных и спросим пиршествующих, кто из них более получает чистое и истинное удовольствие: те ли, кто до полудня лежат в постелях, соединяют ужин с обедом, вспучивают свой живот, притупляют чувства, обременяют корабль чрезмерным грузом яств и, наполняя его сверх всякой меры, топят его как бы во время крушения тела, измышляют цепи и оковы на руки и язык, связывают все тело узами крепче железной цепи – узами пьянства и пресыщения, ни сна не имеют настоящего и безмятежного, ни от сновидений страшных не могут избавиться, и, сами подпуская к душе своей демона, бывают жалче беснующихся и посмешищем для слуг, не узнают никого из присутствующих, не могут ни говорить, ни слышать, и на руках переносятся с диванов на постель; или те, кто трезвятся и бодрствуют, определяют меру вкушаемого нуждою и лучшей приправой имеют голод и жажду? Подлинно, ничто так не доставляет удовольствия и здоровья, как если вкушать пищу, чувствуя голод и жажду, определять меру насыщения только одной нуждой и не налагать на тело бремени сверх сил. Если не веришь моему слову, исследуй тела тех и других и душу каждого: не крепче ли тела у тех, кто вкушают пищу умеренно, и чувства их не выполняют ли с большей легкостью свое назначение, а тела пресыщающихся не бывают ли вялыми и слабее всякого воска, и не осаждаются ли роем болезней? И болезни ног скоро нападают на них, и несвоевременное дрожание, и преждевременная старость, и головные боли, и растяжение и переполнение желудка, и потеря аппетита, почему они и нуждаются постоянно во врачах, в беспрестанных лекарствах и ежедневном лечении. Это ли удовольствие, скажи мне? И кто из людей, знающих, что такое удовольствие, скажет это? Удовольствие бывает тогда, когда наслаждению предшествует пожелание; если же наслаждение есть, а

пожелание совершенно отсутствует, то и удовольствие совсем пропадает и исчезает.

Подобно тому, как корабль, нагруженный больше того, что может вместить, будучи обременен тяжестью груза, идет ко дну, так точно и душа, и природа нашего тела, приняв пищу в размерах, превышающих свои силы, переполняется и, не выдерживая тяжести груза, погружается в море гибели и губит при этом и пловцов, и кормчего, и штурмана, и едущих, и самый груз. Как, следовательно, бывает с кораблями, находящимися в таком состоянии, так точно и с пресыщающимися. Как там ни тишина моря, ни искусство кормчего, ни множество корабельщиков, ни надлежащее снаряжение, ни благоприятное время года, ни что другое не приносит пользы обуреваемому таким образом кораблю, так и здесь ни учение и увещание, ни наставление и совет, ни страх будущего, ни стыд, ни порицание присутствующих, ни что другое не может спасти обуреваемую таким образом душу. Да и для настоящей жизни такой человек бывает непригоден и не способен ни на какое доброе дело. От того именно, не от другой причины, подвергаются тяжким и неизлечимым болезням живущие постоянно невоздержной жизнью и думающие, что они призваны к этой жизни для того, чтобы пресыщаться, переполнять желудок, утучнять тело, и с этим отойти отсюда, приготовляя из своих тел обильнейшую пищу для червя. Так они бывают подвержены дрожанию, расслаблению, чахотке, воспалениям, ножным болезням и многим другим, определяемым врачами.

Поистине, такого рода трапезы ничем не лучше ядовитых снадобий, а по правде сказать, даже гораздо хуже. Последние тотчас же умерщвляют принявшего их и незаметно приносят смерть, так что и этим самым не печаливают умирающего, а те приносят заботящимся о них жизнь, которая тяжелее тысячи смертей. Притом другие болезни возбуждают у многих сострадание, болезни же, происходящие от сластолюбия и пьянства, не позволяют видящим их, даже и при желании, сочувствовать одержимым ими: чрезмерность страдания склоняет к сожалению, но причина болезни приводит знающего ее в раздражение. В самом деле, они не природой обижены, как

те, и не от людей потерпели козни, а сами были виновниками этих болезней, добровольно ввергнув себя в бездну зол. Не так скорпион или змея, сидящая в наших внутренностях, всюду производит разрушение, как страсть сластолюбия губит и разрушает все. Те звери причиняют гибель только телу, а эта страсть, когда утвердится, вместе с телом губит и душу. Итак, если сластолюбие все губит и представляет крайне смешное дело, то пощадите ваше собственное телесное здоровье. Не говорю, чтобы вы предались суровому образу жизни, если не желаете; устраним по крайней мере излишнее, отсечем сверхнужное. В самом деле, какое будем иметь мы извинение, когда другие не пользуются даже необходимым, несмотря на то, что могут, а мы пресыщаемся сверх нужного? Кого мы назовем живущим в большем довольстве – того ли, кто питается овощами и пользуется здоровьем, и не имеет ничего неприятного, или того, кто имеет сибаритский стол и исполнен бесчисленных болезней? Очевидно, первого. Не будем поэтому искать ничего, кроме необходимого. Кто может довольствоваться бобами и быть здоровым, пусть не ищет ничего большего; более слабому и нуждающемуся в употреблении овощей пусть не возбраняется и это; если же кто и того слабее и нуждается в умеренном подкреплении мясом, и тому мы не положим запрета. Не для того ведь даем мы эти советы, чтобы убивать и губить людей, а чтобы устранить излишнее; а излишне то, что превышает меру необходимого. Когда и без этого мы можем проводить здоровую и благопристойную жизнь, то, несомненно, излишне то, что прибавляется. Или вы не видите, с кем у нас брань? С бестелесными силами. Как же мы, будучи плотью, победим их? Если борющемуся с людьми необходимо умеренно питаться, то гораздо более борющемуся – с демонами; если же мы привязаны к дебелисти плоти и богатству, то как одолеем противников? Как самое совершенное искусство делается бессильным, когда струны на гитаре мягки, слабы и нехорошо натянуты, и принуждается быть рабом дурного состояния струн, – так точно и душа, когда тело пользуется у нас большим

уходом, терпит горькое рабство. Итак, не будем утучнять тела и делать его через пресыщение дряблым и слабым.

Не говорю, чтобы вы изнуряли себя и вели суровую жизнь, а говорю лишь, чтобы вы принимали пищу в той мере, которая и доставляет удовольствие – истинное удовольствие, и может напитать тело и сделать его послушным и пригодным орудием для деятельности души, хорошо укрепленным и устроенным. Когда оно переполняется от пресыщения, то и самых гвоздей, так сказать, и связей бывает не в силах удержать от наводнения – наводнение, куда проникает, все разрушает и размывает. Что достаточно само по себе, есть пища, и удовольствие, и здоровье; а что сверх того, то вред, мерзость и болезнь. И что всего тяжелее, это то, что излишество вместе с телом губит и самую душу. И как слишком влажная земля родит червей, так и прирожденная телу похоть, будучи орошаема неводержностью, родит чувственные удовольствия; а когда тело делается более слабым, то и душа по необходимости разделяет с ним вред. Если пьющие процеженное вино не свободны от порицания, то что мы скажем про тех людей, которые ради вина предпринимают заморские путешествия и все делают, лишь бы им не остался неизвестным ни один род винограда, как будто они должны дать ответ или подвергнуться крайнему осуждению, если не нагрузятся всякого рода вином? Поистине, ничто так не любезно демону, как сластолюбие и пресыщение. В самом деле, какого зла не совершает сластолюбие? Оно делает из людей свиней, и даже хуже свиней. Свинья валяется в грязи и питается нечистотами; а сластолюбец питается столом еще более отвратительным, придумывая непозволительные совокупления и противозаконные любви. Такой человек ничем не отличается от бесноватого. Но бесноватого мы хоть сожалеем, а такого человека сторонимся и ненавидим. Почему? Потому что он сам на себя навлекает безумие и делает свой рот, глаза, нос, словом, все члены, проводниками греха. Если же ты посмотришь еще внутрь, то увидишь, что и душа как бы окоченела и оцепенела от непогоды и холода, так что и ладье не может оказать пользы вследствие слишком большой непогоды. Ведь люди, сделавшиеся рабами пьянства и

объедения, ни сна не имеют чистого и настоящего, ни от сновидений страшных не бывают свободны. Не противно ли здравому смыслу, что неразумные животные не ищут ничего, кроме необходимого, а разумные и одаренные образом Божиим люди делаются и их неразумнее, преступая пределы умеренности? В самом деле, насколько лучше таких людей осел? Насколько лучше собака? Животные, нужно ли им есть, или пить, знают в качестве предела довольство и дальше необходимого не идут; и сколько бы их ни принуждали, они не позволяют себе перейти меры; а эти люди почитают себя и их презреннее. Притом, животных они не принуждают есть пищу сверх меры, и если кто спросит: «почему?» – они ответят: «чтобы не повредить их»; а о себе самих не оказывают далее и такой заботы. Настолько они считают себя и их ничтожнее и так пренебрегают собой, несмотря на то, что постоянно испытывают бурю. Действительно, не только в самый день пьянства они терпят вредные последствия опьянения, но и после того дня; и подобно тому, как по миновании лихорадки остаются вредные следы лихорадки, так точно и после того, как пройдет опьянение, и в душе, и в теле продолжается буря опьянения, и бедное тело лежит разбитым, как корабль – крушением, а еще более его – несчастная душа, несмотря даже и на то, что оно разбито, возбуждает бурю и еще сильнее разжигает похоть.

Сколько зол приключается людям от пьянства, стыжусь и сказать, а предоставляю их собственной совести, которая знает это точнее. Что постыднее пьяного, который бессмысленно кружится, терпит тяжкое это крушение и дает неразумным повод хулить дары Божии? В самом деле, я слышу, как многие говорят, когда случится такое несчастье: пусть сгинет вино! О, безумие! О, сумасшествие! Потому, что другие грешат, ты осуждаешь дары Божии? Разве вино, человек, сделало это зло? Не вино, а невоздержность тех, кто худо пользуется им. Поэтому скажи: да не будет пьянства, да не будет пресыщения! Если же ты говоришь: да не будет вина, то, идя понемногу вперед, скажешь: да не будет железа, – по причине убийц; да не будет ночи, – по причине воров; да не будет света, – по причине клеветников; да

не будет жены, – по причине блуда; словом, уничтожишь все предметы.

Итак, не вино осуждай, а пьянство и того, кто худо воспользовался добром; и, обратившись к нему в трезвом виде, опиши его постыдное поведение и скажи ему: вино дано, чтобы мы веселились, а не бесчинствовали; чтобы смеялись, а не делались посмешищем; чтобы были здоровы, а не болели; чтобы врачевали немощь тела, а не разрушали силу души. Бог почтил тебя даром: зачем же ты бесчестишь себя неумеренностью? Если святой Тимофей, будучи даже одержим болезнью и терпя постоянные немощи, не вкушал вина, пока не позволил ему учитель, то какое извинение будем иметь мы, которые упиваемся, будучи здоровы? Тому он говорил: *«Употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов»* (1Тим.5:23), а каждому из нас скажет: употребляй немного вина ради блудодеяний, ради постоянных твоих сквернословий и других дурных пожеланий, которые обычно порождает пьянство. Вино дано для веселья: *«вино..., – говорится, – веселит сердце человека»* (Пс.103:15), а вы губите и это прекрасное его свойство. В самом деле, какое веселье быть не в своем уме, испытывать тысячи болей, видеть, как все кружится, быть объатым страшным мраком, подобно страдающим лихорадкой нуждаться в смачивании головы маслом, дни превращать в ночи и свет – в тьму, с открытыми глазами не видеть даже того, что под ногами, и причинять себе столько таких зол? Для людей, проводящих жизнь в пьянстве и невоздержании, действительно, день превращается в ночной мрак, не оттого, что солнце гаснет, а оттого, что их ум омрачается пьянством. Предающиеся пьянству, чем более вливают в себя вина, тем более распаляются жаждой, и каждый глоток делается поджогой жажды; в конце концов удовольствие пропадает, между тем жажда делается неутолимой и приводит на самый край пьянства тех, кто стал его пленником. Потому больше всего можно удивляться безумию людей, преданных пьянству, что они не хотят пощадить себя даже и в той мере, в какой другие щадят мехи. Продавцы вина не позволяют последним брать в себя сверх меры, чтобы они не разорвались, а те не достаивают

свой несчастный желудок даже и такой заботы, но, после того как наполнят и разорвут его, переполняют все вплоть до ушей, до ноздрей и до самого горла, причиняя тем большое стеснение дыханию – той силе, которая заправляет живым существом. Разве для того дано тебе горло, чтобы ты наполнял его до самого рта перекишшим вином и иной гнилью? Не для того, а чтобы ты воссылал святые молитвы Богу, читал Божественные законы и подавал ближним полезные советы.

Не так речные потоки размывают и заставляют оседать берега, как роскошь и удовольствия легко подрывают все опоры нашего здоровья. Кто с жадностью предается яствам, подрывает силы тела, равно как уменьшает и ослабляет и крепость души. И не в том только несчастье для сластолюбца, что он разрывается, раздирает свой желудок и разрушает здоровье тела и души, но и в том, что он очень скоро расстается с принятыми яствами и не может удержать их даже в продолжение одного дня, но, лишь только они переварятся, принужден снова наполнять себя другими яствами. Итак, не вкушать пищу – зло, нет, а объедаться, переполнять сверх должной меры и раздирать желудок; равным образом, не пользоваться умеренно вином – зло, а предаваться пьянству и извращать неумеренностью судилище разума. Господь соединил нас с таким телом, которое не может существовать иначе, как принимая пищу; пусть только устранена будет неумеренность; это содействует в высшей степени и нашему здоровью, и благосостоянию. Не видите ли вы ежедневно, как от роскошных трапез и чрезмерного объедения происходят бесчисленные болезни? Откуда болезни ног? Откуда головные боли? Откуда изобилие дурных соков? Откуда тысячи других болезней? Не от излишеств ли и поглощения вина сверх должной меры? Как корабль, переполненный водою, скоро погружается и тонет, так и человек, когда предается объедению и пьянству, падает в бездну, потопляет разум и лежит затем, как живой мертвец, который часто может делать зло, а в отношении ко всему доброму находится в ничуть не лучшем состоянии, чем мертвец. Пьянство столь великое зло, что может лишить даже чувств, и заставляя разумного человека, получившего власть

над всем существующим, лежать подобно бессильному труп, связав его несокрушимыми узами; вернее же – и трупа хуже, потому что последний не способен и на добро, и на зло, а тот выставляется на всеобщее посмеище. В самом деле, друзья пьяного, считая его позор своим собственным, стыдятся и краснеют за него; а враги радуются, насмехаются и посылают проклятия, только что не говоря таких слов: «Следует ли вообще ему жить? Следует ли ему дышать воздухом, этому скотине, свинье?» – или даже произнося еще более тяжкие ругательства. Избегая этого по мере сил, возлюбленные, постараемся вкушать пищу в такой мере, которая и удовольствие доставляет – удовольствие истинное, и может напитать тело, и сделать его послушным и удобным орудием для исполнения заповедей Христовых, чтобы нам и настоящую жизнь благополучно пройти, и будущих достигнуть благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Слово 13. О болезни и врачах

Когда, человек, ты подвергнешься болезни, вспомни о теле Иова, о святой его плоти, потому что она, и имея такие язвы, была свята и чиста. В самом деле, кто так болел когда-нибудь? Кто подвергался такому несчастью или видел другого подвергавшегося? Нет, нет, никто. Постепенно истощалось его тело, источник червей точился у него изо всех членов, и приток этот был непрерывен, повсюду было страшное зловоние, тело постепенно распадалось и, разлагаясь от такого гниения, делало противной пищу. И голод был у него необычайный и неслыханный, потому что он не мог вкушать предлагаемой пищи *«чувствую смрад в пище моей»* (Иов.6:7). Но, скажешь, он имел достаточное утешение и облегчение в сознании того, что эти бедствия навел на него Бог. Напротив, это-то особенно его и смущало и страшило, что праведный Бог, Которому он всячески служил, враждует, как он думал, с ним, так как он не мог найти никакой разумной причины для случившегося. Если же ты думаешь, что этого достаточно для утешения, то можешь и сам получить такое утешение. Хотя бы ты терпел какое-нибудь бедствие не ради Бога, а от людской злобы, но если ты не произнесешь хулы, а возблагодаришь Того, Кто мог воспрепятствовать этому, но попустил ради твоего испытания, то, подобно тому как увенчиваются страдающие ради Бога, и ты получишь те же самые награды за то, что мужественно перенес причиненные тебе людьми бедствия и возблагодарил Того, Кто мог, но не восхотел не допустить их. Нет ни одного ни доброго человека без греха, ни злого без правды; возмездие же и воздаяние бывает и тому, и другому. Если какой-нибудь праведник сделает нечто злое и заболит, подвергнется наказанию, то не смущайся, а скажи: этот праведник сделал когда-нибудь небольшое зло и получает должное здесь, чтобы не быть наказанным там.

Равным образом, если увидишь, что грешник похищает, обманывает, делает тысячи зол и, несмотря на то, благоденствует, точно так же не смущайся, а скажи: этот

грешник, делающий тысячи зол, когда-нибудь сделал нечто доброе и получает за это блага здесь, чтобы не требовать награды там. Это можно видеть и на примере Лазаря. Так как случилось и ему иметь кое-какие грехи, и богачу, в свою очередь, иметь нечто доброе, то послушай, что говорит Авраам: *«Ты получил уже доброе твое... там, а Лазарь – злое его»* (Лк.16:25). Какие? Ты сделал нечто доброе? Ты за то получил богатство, здоровье, удовольствие, власть, почет, и тебе не осталось никакого долга. А что Лазарь? Не согрешил ни в чем? Нет. Потому и говорит: *«а Лазарь – злое его»*, потому что когда ты получал *«доброе твое»*, тогда и Лазарь – *«злое»*. Итак, когда ты увидишь, что праведник терпит наказание, называй его блаженным и говори: этот праведник имеет какой-нибудь грех, получает возмездие за него и отходит в тот мир чистым. Если же он наказывается более, чем заслуживают грехи, это вменяется ему в умножение праведности. И слушай, что я говорю. Иов был праведен, непорочен, истинен, богочестив (Иов.1:1), и тело его подверглось наказанию здесь, чтобы получить награду там. *«Или ты думаешь, что Я поступил с тобою не так, или разве ты окажешься правым?»* (Иов.40:3). Итак, совратил ли этого святого Иова совет жены? Напротив, скорее даже сделал обратное, укрепил его еще более, так что он даже выразил порицание жене. Он предпочитал лучше скорбеть, мучиться и терпеть тысячи бедствий, чем найти освобождение от этих зол через хулу. Между тем многие из людей, когда подвергнутся какой-нибудь болезни, тотчас же извергают хулы и таким образом тяготу болезни несут, а пользы от нее, приобретаемой через терпение, лишаются. Что ты делаешь, человек? Хулишь своего Благодетеля, Спасителя, Защитника, Попечителя? Не замечаешь, что несешься в пропасть и ввергаешь себя в ров крайней гибели? Для того ведь дьявол и наводит тысячи бедствий, чтобы низвергнуть тебя в этот ров. И если он видит, что ты хулишь, то легко умножает и усиливает скорбь, чтобы ты под влиянием мук опять предавался ропоту; а если видит, что переносишь мужественно, и чем более усиливается страдание, тем более ты благодаришь Бога, то тотчас же отстает, видя уже тщетность и бесполезность

своих козней. Зачем ты ропщешь, человек, и извергаешь хулы, если подвергнешься когда-нибудь неожиданному несчастью? Разве ты сделаешь легче страдание, если будешь хулить? Наоборот, ты усилишь его и сделаешь скорбь гораздо более тяжелой. Но ты не можешь молчать, будучи пронзаем скорбью? Тогда вместо хулы возблагодари, восхвали, прославь Бога. Если ты произнесешь хулу, то и помощь Божию оттолкнешь, и дьявола сделаешь более сильным против себя; а если возблаговаришь, то и козни лукавого демона отразишь, и попечение Бога-Покровителя привлечешь к себе. Но часто язык по привычке стремится произнести эти непотребные слова? А ты, когда он устремится, закуси его отовсюду крепко зубами, прежде чем он произнесет эти слова. Лучше ему теперь обливаться кровью, чем в тот день, когда он будет желать капли воды, не иметь возможности найти облегчение, как то было с богатым; лучше ему потерпеть временную боль, чем непрерывно и вечно гореть в огне на том свете.

Итак, когда ты подвергнешься тяжелой болезни, и многие будут понуждать тебя облегчить страдание – одни заклинаниями, другие амулетами, третьи какими-либо иными чародейными средствами, а ты ради страха Божия мужественно и твердо перенесешь тяготу болезни и предпочтешь лучше все потерпеть, нежели решиться сделать что-нибудь подобное, – это доставит тебе венец мученичества. И не сомневайся; как мученик мужественно переносит муки истязаний, чтобы не поклониться идолу, так и ты переносишь муки болезни, чтобы не нуждаться ни в чем, исходящем от него, и не сделать того, что он повелевает. Но те муки сильнее? Зато эти продолжительнее, – так что оказываются равны тем, а часто даже и более сильными. В самом деле, когда горячка внутри мучит и сожигает тебя, а ты, несмотря на увещания других, отвергнешь заклинание, то не облакаешься ли ты в венец мученичества? Когда ты с великим срамом выгонишь из дома заклинателей, то все, кто услышат, похвалят и удивятся тебе, и будут говорить между собой: такой-то, страдая болезнью, несмотря на то, что некоторые много раз убеждали, уговаривали и советовали воспользоваться чародейными заклинаниями, не допустил

этого, а сказал: «лучше умереть так, нежели отречься от благочестия». Если же здесь бывает столько похвал, то представь, какие венцы ты получишь там, когда в присутствии Ангелов и Архангелов Христос подойдет к тебе и, взяв за руку, выведет на середину зрелища и вслух всем скажет: «Этот человек, некогда болея горячкой, невзирая на бесчисленное множество советовавших ему избавиться от горячки, ради имени Моего и страха ко Мне, чтобы не согрешить, с позором прогнал обещающих вылечить его таким образом и предпочел лучше умереть от болезни, чем отречься от служения Мне». В самом деле, если Он выводит на середину тех, кто напоил Его, напитал и одел, то гораздо более тех, кто решился ради Него терпеть горячку. Не одно ведь и то же дать ли хлеб и одежду, или претерпеть долгую болезнь; последнее гораздо более первого; а потому и венец будет более блистательным. Об этом будем размышлять и беседовать друг с другом, и будучи здоровы.

Вспомни блаженного Тимофея, которому болезнь никогда не давала отдыха, а постоянно была соединена с телом. Если же этот праведный и святой, которому вверено было попечение о вселенной, который воскрешал мертвых, изгонял демонов и исцелял бесчисленные болезни в других, терпел такие страдания, то какое извинение будешь иметь ты, который возмущаешься и ропщешь при кратковременных болезнях? Сыновей, хотя отцы часто и незаслуженно наказывают их, понуждают терпеливо сносить наказание; а ты не можешь потерпеть, когда наказывает тебя Бог, Который любит тебя больше отцов и все устрояет тебе на пользу, но, хотя бы приключилась даже незначительная болезнь, тотчас же выходишь из-под Его владычества и бежишь к демонам? И какое получишь ты прощение? Как ты оправдаешься перед Христом? Как призовешь Его в молитвах? С какой совестью после того войдешь в церковь? Какими глазами будешь смотреть на иерея? Какой рукой коснешься священной трапезы? Какими ушами будешь слушать читаемые там Писания, совершая против себя самого такие преступления? Как сможешь опять умолять Бога? Да и никто другой, хотя бы он

имел дерзновение Моисея, не в состоянии будет молиться за тебя. Или ты не слышишь, что говорит Бог Иеремии относительно иудеев: «Не молися о людях сих, яко *«аще станет Моисей и Самуил»*, не послушаю их» (Иер.15:1)?

Подобно тому, как торговцы невольниками, предлагая малым детям пирожки, сладкие фрукты и тому подобное, часто уловляют их такими приманками и лишают свободы и даже самой жизни, так точно и чародеи, обещаясь вылечить больной член, топят все спасение души. Многие, впавшие в крайнее безумие, не только просят у Бога всяческих богатств, власти и тому подобного, но и проклинают врагов и умоляют послать им какое-нибудь наказание; они желают, чтобы Тот Самый, Которого они молят быть снисходительным и милостивым к ним, был жестокосерд и бесчеловечен к врагам их. Плывающие на корабле не дают кормчему приказаний держать кормило известным образом и направлять корабль, но, сидя на палубе, доверяют его искусству не только, когда корабль плывет благополучно, но и когда ему угрожает крайняя опасность; а одному только Богу, Который заботливо устрояет полезное нам, не хотят доверять, уподобляясь больному, который упрашивает врача дать ему не то, что прекращает болезнь, а то, что питает вещество, являющееся матерью болезни. Но не послушается врач просьбы больного; и хотя бы видел его плачущим и жалобно умоляющим, скорее последует закону своего искусства, чем преклонится на его слезы. И такое невнимание мы называем не жестокосердием, а человеколюбием, потому что, если он слушается больного и доставляет ему удовольствие, то поступает с ним как враг, а если упорствует и противится его желанию, то обнаруживает милосердие и любовь. Равным образом и нежно любящие отцы ни в коем случае не позволяют себе дать детям нож или горящие уголья, когда те просят их, потому что хорошо знают, что удовлетворение такой просьбы пагубно для них. Так точно и Бог не может дать просящим гибельного в качестве полезного, поскольку знает, что это будет им на погибель. Думаю, что и древние врачи не напрасно и не без причины постановили законом публично показывать действие разных орудий, а для того, чтобы предостеречь

здоровых, показав им наперед, в чем они будут нуждаться, если станут вести беспорядочную жизнь.

Итак, Христос должен быть для нас и страшнее геенны, и вожденнее Царства Небесного; и если мы заболеем, лучше остаться в болезни, нежели через освобождение от недуга впасть в нечестие. Если даже чародей и вылечил тебя, он больше причинил вреда, чем пользы. Он часто приносит пользу телу, которое все равно немного позднее должно умереть и сгнить, но причиняет вред бессмертной душе. Тому, кто не врач, лучше и не иметь лекарств. Тот, кто их не имеет, ни спасает, ни губит; а имеющий губит, не зная, как ими пользоваться, потому что спасение не в природе только лекарств, но и в искусстве того, кто их прилагает. Иметь, следовательно, название врача не значит быть врачом. Слышал ли ты повествование о Лазаре, как он всю свою жизнь боролся с голодом, болезнью и полным одиночеством, так что и самую жизнь кончил перед воротами богача, будучи презираем, испытывая голод и служа пищей для псов. Телом он ослабел до такой степени, что не мог даже отогнать собак, которые нападали на него и лизали раны. И однако он не искал заклинателя, не привешивал ладанок, не обращался к колдовству, не звал к себе чародеев, не делал и ничего другого запрещенного, но предпочитал лучше умереть среди таких зол, чем изменить хотя бы отчасти благочестию.

Итак, когда он терпел столько бедствий и мужественно переносил их, какое же прощение будем иметь мы, если ради горячки или ран зовем в свой дом знахарей и чародеев? Многие часто хворают, но не имеют недостатка в необходимой пище, другие живут постоянно в крайней бедности, но пользуются здоровьем; Лазарь же был до такой степени обессилен, что не мог даже отогнать собак, а лежал как живой мертвец, видя, как те нападают на него, отогнать же их не имея сил, – так обессилели его члены, так были изнурены болезнью, так истощены испытанием. Если же каждое из этих бедствий само по себе невыносимо и ужасно, то, когда они соединены были вместе, не адамант ли был тот, кто терпел их? Если бы он терпел все это и был оставлен без всякой заботы, лежа в пустынной и необитаемой местности, то он не так бы

чувствовал скорбь, потому что отсутствие кого бы то ни было другого заставило бы и невольно переносить приключившееся несчастье; но то обстоятельство, что он лежал на виду стольких людей, и притом благоденствующих, и ни от кого не удостоивался даже и малейшей заботы, делало чувство боли гораздо более острым. Представь, что он должен был испытывать, видя, как тунеядцы, льстецы спускались, поднимались, выходили, входили, шумели, упивались. Мы, хотя бы потерпели тысячи бедствий, можем, взирая на него, получить достаточное утешение, потому что скорбящим приносит великое утешение то, что они находят сообщников своих страданий; между тем Лазарь не имел перед глазами никого другого, кто страдал бы одинаково с ним, причем даже думал, что настоящие дела кончатся здешней жизнью, так как он был из числа живших до благодати. Если же теперь, в наши времена, после такого познания Бога, после благих надежд на воскресение и благ, уготованных для хорошо подвижающихся, некоторые оказываются так малодушны, что не исправляются даже этими надеждами, то что же должен был чувствовать он?

Будем же подражать Лазарю все – и богатые, и бедные. Он выдержал не один, не два, не три только подвига добродетели, а гораздо более, – бедность, отсутствие покровителей: болезнь, то, что не два, не три дня, а всю жизнь видел себя в таком состоянии, а богача в противоположном; то, что не имел возможности видеть другого Лазаря, не мог ничего Любомудрствовать о воскресении; то, наконец, что вместе с указанными бедствиями еще имел о себе вследствие этих несчастий дурное мнение среди людей. Итак, когда он с таким мужеством переносил все эти бедствия вместе, какое извинение будем иметь мы, если не перенесем даже и половины их? В самом деле, ты не можешь ни указать, ни назвать никого другого, кто потерпел бы столь много, и притом таких зол. Для того Христос и представил его в притче, чтобы мы, в какое бы несчастье ни впали, взирая на преизбыток его бедствий, получали от его Любомудрия достаточное утешение и облегчение. Подлинно, он является общим учителем для всей вселенной, предоставляя всем, терпящим какое бы то ни было

бедствие, взирать на него, и всех побеждая преизбытком собственных страданий. Так и мудрые врачи, когда хотят отсечь сгнивший член, или извлечь камни, забившиеся в каналах тела, или исправить какую-нибудь другую погрешность природы, делают это, отведя больного не куда-нибудь в угол, а, напротив, выставляют его на площади и, образовав из проходящих толпу зрителей, производят сечение. И делают это не потому, что хотят выставить на позор человеческие несчастья, а для того, чтобы на чужих телах научить тех, которые смотрят, иметь надлежащую заботу о собственном здоровье. Итак, когда ты увидишь, что праведник находится в бедности, подвергается обидам и кончает настоящую жизнь в болезни и других бесчисленных бедствиях, то скажи самому себе: если бы не было воскресения и Суда, то Бог не попустил бы тому, кто претерпел ради Него столько зол, отойти отсюда, не испытав никакого блага. Отсюда очевидно, что Он уготовал им другую жизнь, более приятную и много сноснее здешней. Иначе, согласно ли было бы с разумом, что многим из нечестивых Он попускает наслаждаться довольством в настоящей жизни, а многих из праведников оставляет среди бесчисленных зол, – Он, Который и называется праведным, и на самом деле таков, и имеет силу праведно воздать каждому по его достоинству. Тому подобает слава, держава, честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Слово 14. О женщинах и красоте

Те, кто намеревается жениться, пусть наперед прочитают установленные Павлом законы о браке и узнают оттуда, что нужно делать, когда жена будет зла, бранлива, полна неистовства или будет обладать каким-либо другим подобным пороком. Если увидишь, что апостол дает тебе право, найдя один из таких недостатков в жене, отвергнуть ее и взять другую, то считай себя свободным от всякой опасности; если же он не позволяет этого, а повелевает любить жену, хотя бы она обладала всеми другими, кроме любодеяния, пороками, то приготовься к тому, чтобы терпеть всю ее злобу. Если же кажется это тяжким и невыносимым, то старайся и принимай все меры к тому, чтобы взять жену добрую, кроткую и послушную. Если мы, намереваясь купить дом или слуг, старательно разузнаем и расспрашиваем и продающих, и ранее владевших и об устройстве дома, и о телесном здоровье и характере слуг, то гораздо более должны мы обнаруживать такую же заботливость, или даже еще большую, когда намереваемся жениться. В самом деле, дом, если он окажется плохим, можно отдать назад; равным образом и слугу, если он окажется неспособным, можно возвратить продавшему; но кто взял жену, тому уже нельзя возвратить ее отдавшим. Худо взять бедную жену, худо – богатую; первое причиняет вред имуществу, а последнее лишает мужа независимости и свободы. Многие из людей, преданных блудницам, не только потерпели от этого вечную и бесконечную смерть, но и здесь, как злые, зло погибли, подвергшись бедствиям от распутных женщин. Последние, стараясь всецело привязать к своей любви преданного им, прибегают к колдовству, употребляют любовные средства и придумывают разные чары. Затем, напустив на него таким образом тяжкую болезнь, заставив долго изводиться и чахнуть и подвергнув другим бесчисленным бедствиям, удаляли из настоящей жизни. Итак, если ты не боишься геенны, человек, то побойся хоть их чар. В самом деле, когда ты таким распутством удалишь от себя помощь Божию и лишишься

небесной защиты, то блудница без всякого страха возьмет тебя и, призвав своих демонов, написав листочки и подстроив козни, с великой легкостью погубит твое спасение и сделает тебя позором и посмешищем для всех живущих в городе.

Итак, если ты хочешь найти увеселение, то иди не в театр, а в рощи, к текущей реке, на озера, в сады, слушай поющих кузнечиков, чаще посещай гробницы мучеников, где здоровье для тела и польза для души, и никакого вреда. У тебя есть жена, есть дети? Что может равняться с таким удовольствием? У тебя есть дом, есть друзья? Это доставляет большое удовольствие, и вместе с целомудрием приносит и пользу. Скажи мне, что приятнее детей? Что милее жены для того, кто желает жить целомудренно? Говорят, что варвары когда-то сказали полное мудрости слово. «Римляне, – сказали они, услышав об этих нечестивых театрах и неприличных увеселениях, – придумали такие удовольствия, как будто не имея жен и детей». Когда ты увидишь миловидную женщину с молниеносными очами, с весело сияющим лицом, с дивной красотой, которая сжигает твой ум и распаляет похоть, то подумай, что то, чему ты удивляешься и что разжигает тебя, есть лишь земля и пепел, и душа перестанет неистовствовать. Сними кожу с лица этой женщины, и тогда увидишь все ничтожество красоты. Не останавливайся на одной внешности, а проникни мыслью внутрь, и ты не найдешь ничего другого, кроме костей, нервов и жил. Но этого недостаточно? Представь же себе, как эта женщина изменяется, стареет, делается немощной, как вваливаются глаза, становятся впалыми щеки, как исчезает вся ее красота. Подумай, чему ты удивляешься, и постыдись своего суждения. Ты удивляешься глине и пыли; прах и пепел разжигают тебя. В самом деле, сущность видимой красоты составляет ничто иное, как мокрота, влага, кровь и сок пережеванной пищи. Ими орошаются и глаза, и щеки, и все прочее; и если ежедневно они не получают этого орошения, идущего от желудка и сердца, то вся красота лица тотчас же исчезает, так как щеки делаются слишком впавшими, а глаза глубоко ввалившимися. Если, таким образом, ты подумаешь, что скрывается за прекрасными глазами, что за прямым носом,

что за устами и щеками, то скажешь, что телесная красота представляет ничто иное, как побеленный гроб: так полна она изнутри нечистоты. Увидев рубище с мокротами или харкотинами, или чем другим подобным, ты не решишься и краем пальцев дотронуться до него или даже и посмотреть не захочешь, а к складам и житницам этих нечистот страстно стремишься? Тот, кто любит тело и питает страсть к красивой девице, если желает узнать безобразие сущности, может узнать ее по самому внешнему виду. В самом деле, многие сверстницы любимой, и часто даже еще более красивые, умирая, через день или два издают зловоние и представляют червивый гной и сукровицу. Итак, подумай, какую любишь ты, человек, красоту, и к какой прелести пылаешь страстью.

В чем достоинство глаз? В том ли, чтобы они были влажными, легковращаемыми, круглыми и темными, или в том, чтобы были остры и проницательны? В чем достоинство светильника? В том ли, чтобы он ясно светил и освещал весь дом, или в том, чтобы красиво был сделан? Истинная красота познается не по внешнему виду, а по нравам и пристойному поведению. Христос для того подверг порицанию смотрящего на женщину нескромными очами, чтобы избавить нас от большого труда. В самом деле, не так велик труд не смотреть на красивых женщин, как воздержаться, если смотришь на них. Тот, кто не видел красивого лица, будет чист и от пожелания, происходящего отсюда; тот же, кто пожелал видеть, наперед низложит помысл и тысячекратно осквернит его, и тогда уже извергает скверну плотского пожелания, если только извергает ее. Если, таким образом, и указанный труд для невоздержных меньше, и польза больше, то для чего же мы стараемся впасть в бездну бесчисленных этих зол? Итак, когда ты увидишь красивую женщину и что-нибудь почувствуешь к ней, то не смотри больше на нее, и ты освободишься от чувства. Но как, – скажешь, – я могу не глядеть больше на нее, влекомый к ней пожеланием? Если ты подумаешь, что то, на что ты смотришь, есть ничто иное, как мокрота, кровь и сок переварившейся пищи. Но, скажешь, пышен цвет лица ее. Однако нет ничего на земле пышнее цветов, но и те вянут и предаются гниению.

Поэтому и здесь не на цвет обращай внимание, а проникни мыслью внутрь и, снявши мысленно эту красивую личину, тщательно исследуй, что скрывается под нею. Ведь и тело страдающих водянкой ярко лоснится и по внешности не имеет ничего неприятного; однако мы, поражаясь при мысли о скрывающейся внутри жидкости, не можем любить таких больных.

Когда муж хочет бросить жену, или жена оставить мужа, пусть она вспомнит о следующем изречении Павла, пусть представит себе, что он стоит перед ней и, обращаясь к ней, громким голосом говорит: «Жена связана законом, доколе жив муж ее» (1Кор.7:39). Объясняя это, апостол далее не сказал: «если же скончается муж ее, то она свободна», но: «если же муж ее умрет» (почиет – *κοιμηθή*), как бы утешая вдову, и убеждал ее оставаться с первым мужем и не брать другого. Не умер муж твой, говорит он, а спит; а кто же не ждет спящего? Говоря же, что жена становится после смерти мужа свободной; апостол показал этим, что раньше, пока жил муж, она была рабой; будучи же рабой и подчиненной закону, она, хотя бы тысячу раз получила разводную книгу по гражданским законам, осуждается как прелюбодейка. И это потому, что Бог в тот день будет судить не по этим законам, но по тем, которые Он Сам установит. Да и гражданские законы не просто постановили это, а и сами подвергают наказанию прелюбодеяние и относятся с неумолимой строгостью к этому греху. В самом деле, ту сторону, которая дает повод к разводу, они наказывают лишением имущества, изгоняя виновного из дому без всякого состояния, с пустыми руками,

Рассказывают, что один из языческих философов, имевший злонравную, болтливую и бесчинно ведущую себя жену, ответил спрашивавшим его, почему он терпит такую жену: «Для того, чтобы иметь дома школу для обучения себя борьбе; ведь каждый день обучаясь на ней, – говорил он, – я буду относиться более кротко и к другим». И вот, этот философ, имея злую жену, как говорят, не отверг ее по указанной причине; а некоторые говорят, что по этой причине он и взял ее. Итак, когда даже эллины оказываются любомудрее нас, какое оправдание будем

иметь мы, подвергая оскорблениям ту, ради которой Бог повелел оставлять даже родителей? Какое слово в состоянии изобразить тот позор, когда по улицам несутся крики и вопли, и все соседи и проходящие бегут к дому того, кто так непристойно ведет себя и как бы какой зверь разрушает все в доме? Лучше, чтобы земля разверзлась перед тем, кто так бесчинствует, чем показаться ему после того на площади.

Будем же повиноваться закону Божию и ни своих жен не будем отвергать, ни отвергнутых другими брать к себе. В самом деле, с каким лицом ты будешь смотреть на мужа отвергнутой жены? Какими глазами будешь смотреть на его друзей, на слуг? Ведь если тот, кто возьмет жену кого-нибудь уже умершего, испытывает неприятное чувство и раздражается при виде одного только портрета этого умершего, то какую же жизнь будет проводить тот, кто видит живого мужа своей жены, как он войдет в свой дом, с какими мыслями, с какими глазами он будет смотреть на жену другого, которая теперь стала его? Вернее же, про такую можно сказать, что она не принадлежит ни тому, ни другому, потому что прелюбодейка никому не жена: она попраала и договор, заключенный с первым мужем, и к тебе не пришла с надлежащими законами. Какое же безумие вводить в свой дом источник стольких зол? Разве так уж мало женщин, что ты навлекаешь такую гибель на свою голову? Жена, удовольствовавшаяся первым мужем, показывает тем, что она и его не избрала бы сначала, если бы хорошо испытала дело; та же, которая приводит второго мужа на ложе первого, представляет тем немалое доказательство большой любви к миру и пристрастия к земным вещам. Притом первая, при жизни мужа, не питала страсти ни к кому другому; последняя же, если при жизни мужа и не согрешила с другими, однако чувствовала больше расположения ко многим другим, чем к нему, и ни первого, ни второго мужа не имела в качестве своей собственной плоти. Первый муж изгоняется из ее памяти вторым, а второй первым; и она не может ни первого помнить хорошо, будучи предана после него другому, ни на этого последнего взглянуть с подобающей любовью, так как сердце ее расположено к умершему. Подобно тому, как мы

обыкновенно тогда предаемся усердно делу, когда нам хорошо удается начало, а когда с самого начала и, так сказать, с первого шага чувствуем неудачи и затруднение, вскоре же отступаемся от него, потому что у нас пропадает охота к нему, так точно и женщины, подвергающиеся раннему вдовству, естественно должны бы воздерживаться от второго брака. В самом деле, та, которая много времени была при деле и хорошо свыклась с ним, приступит опять к таким же трудам, как ожидавшая найти то же самое; та же, которая испытала столь тяжкое начало, с каким расположением и надеждой пойдет опять на испытание тягостей? Если все мы уважаем и одобряем жен, которые воздерживаются от своих мужей еще при жизни их, то как нужно уважать и хвалить тех, которые и по смерти их обнаруживают к ним прежнее расположение?

Итак, мы не отвергаем второго брака, а только увещеваем, если кто может воздерживаться, довольствоваться первым. И это потому, что второй брак часто бывает источником и поводом для распри и ежедневных ссор. Часто бывает, что муж, сидя за столом, вспомнит о первой жене и тихо всплакнет о ней в присутствии второй, а та тотчас же приходит в ярость и бросается на него подобно зверю, желая наказать его за любовь к той; равным образом, если он вздумает похвалить умершую, эти похвалы являются поводом к ссоре и брани. С умершими врагами мы миримся и по окончании жизни прекращаем с ними всякую вражду; с женами же все бывает наоборот: ту, которой вторая жена не видала и не слыхала, от которой не потерпела никакого зла, она ненавидит и проклиная, и даже смерть не прекращает ее ненависти. Кто видел, кто слышал, чтобы ревновали к праху, чтобы враждовали с пеплом? Но и этим не ограничивается зло. Родятся ли от второй жены дети, не родятся ли, опять вражда и брань. Если они не родятся, она предается великой скорби и смотрит на детей от первой жены как на врагов своих, причинивших ей величайшую обиду, так как через их жизнь острее чувствует свою собственную бездетность. Если они рождаются, опять не меньшее зло: муж, часто будучи нежно расположен к умершей, оказывает покровительство ее детям, любя их и жалея как сирот; а та желает, чтобы всюду

оказывалось предпочтение ее детям. Слушайте, мужа, слушайте, жены, о любви супругов, которую они показали друг к другу, подвергаясь за нее даже опасностям! Когда Авраам поселился в Герахах, то сказал о Сарре, жене своей: *«она сестра моя»* (Быт.20:2), потому что боялся сказать: *«жена моя»*, чтобы из-за нее жители города не убили его. И *«послал Авимелех, царь Герарский, и взял Сарру»*. Представь ту бурю помыслов, которую испытал праведник, видя, как уводят жену его, и будучи не в состоянии ничем помочь себе. Молчаливо переносил он все, зная, что Господь не оставит его, а окажет скорую помощь. Нужно удивляться и великой любви Сарры, которую показала она, чтобы избавить праведника от опасности. Ей можно было открыть обман и избежать угрожавшего бесчестия; но она мужественно терпела все, чтобы доставить праведнику спасение. И исполнилось в этом случае изречение: *«будут одна плоть»* (Быт.2:24). Как бы будучи одной плотью, они заботились о спасении друг друга и обнаруживали такое согласие, как будто были одним телом и одной душой. Пусть слышат это мужа, пусть слышат жены, чтобы и эти последние обнаруживали такую же нежную любовь к мужьям, и те имели к ним столь же большое расположение, и чтобы делали все так, как будто имея одну душу и будучи одним телом.

И пришел Бог к Авимелеху ночью, и сказал: *«Вот, ты умрешь за женщину, которую ты взял, ибо она имеет мужа»* (Быт.20:3). Смотри на человеколюбие Божие, так как Он знал, что праведник из-за страха смерти мужественно перенес похищение Сарры, и что царь взял ее как сестру праведника, то показывает наконец Свое собственное попечение, делая в одно и то же время и праведника более славным, и Сарру избавляя от бесчестия, и царя отвращая от беззакония. *«Авимелех же, – говорится, – не прикасался к ней»*; мало того, даже еще оправдывается в своем проступке, и говорит: *«Владыка! неужели ты погубишь и невинный народ?»* (Быт.20:4). Разве я сделал это, зная, что она жена его? Разве я хотел обидеть странника? Разве хотел отнять у него жену? Я сделал это, намереваясь взять ее в качестве сестры и думая даже оказать этим ему честь. *«Не сам ли он сказал мне: она сестра моя? И*

она сама сказала: он брат мой» (Быт.20:5)? Что же Милосердный Господь? «И Я знаю, что ты сделал сие в простоте сердца твоего» (Быт.20:6), что они сами придумали этот обман, и что ты сделал это, будучи обманут их словами; и вот, чтобы ты вследствие их обмана не согрешил, Я пощадил тебя, чтобы ты не согрешил против Меня. Не относись же неуважительно к этому мужу, как к одному из обыкновенных людей, а познай, что он из числа тех, которые пользуются особенным Моим попечением и имеют большую близость ко Мне. Поэтому «возврати жену... человеку, ибо он пророк и помолится о тебе, и ты будешь жив» (Быт.20:7). Он придумал этот обман и как бы содействовал нанесению бесчестия Сарре, боясь смерти от тебя; но знай, что его молитвы доставят тебе жизнь. «А если не возвратишь, то знай, что непременно умрешь ты и все твои». Не только сам ты потерпишь наказание за непослушание, но и все, что принадлежит тебе. Восстав же, Авимелех «призвал всех рабов своих, и пересказал все слова сии в уши их» (Быт. 20:8). Вслед за тем он призвал и Авраама. Представь, с какой славой приводится уже теперь к царю праведник, который незадолго перед тем считался ничтожным человеком и ничего этого не знал. Он узнал теперь от самого царя, что ради него сделал Бог с последним; тот именно сказал ему: «Что ты с нами сделал? Чем согрешил я против тебя, что ты навел было на меня и на царство мое великий грех?» (Быт.20:9). Разве, говорит, наказание ограничилось бы только одним мною? Все мое царство должно было совершенно истребиться от твоего обмана. Что же имея в виду, ты сделал это? Ради чего? Что замышляя? Что же Авраам? Я, говорит он, боялся, что вы, как одержимые еще заблуждением, не имеете никакого уважения к справедливости и, узнав, что она жена моя, задумаете убить меня вследствие вожделения к ней. Не думайте, впрочем, чтобы я и в этом случае солгал. «Ибо... сестра ми есть по отцу, а не по матери, бысть же ми в жену» («да она и подлинно сестра мне: она дочь отца моего, только не дочь матери моей; и сделалась моею женою») (Быт.20:12). Итак, не осуждайте меня. Хотя и страх смерти понудил меня к тому и боязнь, чтобы вы

ради нее не убили меня, а ее оставили в живых, тем не менее и в этом случае сказанное мною не ложь. Этими словами праведник и укротил гнев царя, и обнаружил собственную добродетель, и преподал им достаточный урок благочестия. Устыдившись великой кротости праведника, царь награждает патриарха от себя щедрым даром: *«Взял, – говорится, – Авимелех тысящу дидрахм, и овцы, и телцы, и рабы, и рабыни,.. и отдаде ему Сарру жену его» («И взял Авимелех мелкого и крупного скота, и рабов и рабынь, и дал Аврааму; и возвратил ему Сарру, жену его»)* (Быт.20:14). Видишь дивно устрояющую Премудрость Божию? Тот, который боялся смерти и все сделал, чтобы только избежать ее, не только избежал смерти, но и удостоился такой свободы открыто говорить все, и вдруг становится славным. Таковы благодеяния Божии. Они не только освобождают от печалей тех, кто старается мужественно противостоять нападающим искушениям, но и среди самых печалей доставляют такую радость, что мы совершенно даже забываем о них и в великом изобилии получаем блага. Так случилось и с этим праведником. Царь не только оказывает ему почтение многочисленными этими дарами, но и дает ему право обитания на его земле. *«Вот, – говорит, – земля моя пред тобою; живи, где тебе угодно»* (Быт.20:15). Так как он узнал, что ради него и его молитвы дарована ему жизнь, то спешит уже услужить этому страннику, скитальцу, совершенно для него неизвестному, как своему благодетелю и заступнику. А когда Авраам достиг глубокой старости, то, желая удалить Исаака от родства с хананеями, чтобы он не взял себе оттуда жены, призывает наиболее благомысленного из своих слуг и заповедует ему относительно этого, говоря: *«положи руку твою... на стегно мое, и клянись мне Господом, Богом неба и Богом земли, что ты не возьмешь сыну моему жены из дочерей Хананеев, среди которых я живу, но пойдешь в землю мою, на родину мою, и возьмешь жену сыну моему Исааку»* (Быт.24:2–4).

Видишь, какая заповедь дается патриархом слуге? Подумай о том, как в древности старались искать не обилия денег, не большого богатства, не множества рабов и десятин земли, не

внешней красоты и благообразия, а искали красоты душевной и благородства нравов. Так поступает патриарх, заботясь о добродетели душевной и желая избежать нечестия местных жителей; ныне же никто даже и не подумает о чем-либо подобном, а все ищут только одного – обилия денег, все же прочее считается у них второстепенным, хотя бы будущая жена исполнена была бесчисленных зол, не зная того, что при испорченной воле, хотя бы кому досталось неизмеримое богатство, он скоро опять впадет в крайнюю бедность, и что не будет никакой пользы от обилия денег, если нет души, которая могла бы надлежащим образом распоряжаться ими. Итак, *«раб... взял верблюдов, и в руках у него были также всякие сокровища господина его. Он встал и пошел в Месопотамию, в город Нахора, и остановил верблюдов вне города, у колодезя воды, под вечер, в то время, когда выходят женщины черпать, и сказал: Господи, Боже господина моего Авраама! пошли ее сегодня навстречу мне и сотвори милость с господином моим Авраамом; вот, я стою у источника воды, и дочери жителей города выходят черпать воду; и девица, которой я скажу: наклони кувшин твой, я напьюсь, и которая скажет: пей, я и верблюдам твоим дам пить, – вот та, которую Ты назначил рабу Твоему Исааку; и по сему узнаю я, что Ты творишь милость с господином моим»* (Быт.24:10–14). Замечай благоразумие слуги. Так как он знал гостеприимство патриарха, а также и то, что девица, которую надлежало взять отсюда, должна быть одинакового образа мыслей с праведником, то он не ищет никакого другого доказательства, а желает определить гостеприимство девицы по расположению ее воли. Если, говорит, когда я попрошу у нее воды, она наклонит мне водонос и не только исполнит просимое, но и покажет свою услужливость, и скажет: «я и верблюдам твоим дам пить», то представит таким доставлением воды вполне достаточное доказательство кротости своего нрава. Затем, когда он увидел на деле действенность молитв патриарха, нашел, как он желал, девицу и увидел ее чрезвычайное гостеприимство (потому что *«тотчас вылила воду из кувшина своего в поило и побежала опять к колодезю почерпнуть, и начерпала для всех*

верблюдов» его (Быт.24:20), и ни убежала от него, как от чужого человека, ни отклонила просьбы под предлогом скромности), – после того уже он стал разведывать и расспрашивать относительно нее. *«Чья ты дочь..., – спрашивал он, – и есть ли в доме отца твоего место нам ночевать»* (Быт.24:23)? И смотри на ответ девицы. Когда слуга спрашивает, чья она дочь, то она называет не только отца, но и отца отца, говоря: *«Я дочь Вафуила, сына Милки, которого она родила Нахору»* (Быт.24:24). Равным образом, когда слуга спрашивает относительно места, есть ли где им только найти приют, она говорит: *«у нас есть не только место, но и много мякины и сена»* (Быт.24:25). Видишь ли, какая в таком возрасте полнейшая скромность, величайшее смирение и беспредельное гостеприимство? Каких богатств не дороже она? Каким сокровищам не предпочтешь ты такое сокровище? Это величайшее приданое, это бесчисленные блага, это сокровище, никогда не иждиваемое. Услышав такие слова, слуга удивился чрезвычайному гостеприимству и, узнав, что он пришел не к каким-то неизвестным людям, а в дом Нахора, бывшего братом господина его Авраама, радуясь по поводу сказанного ему девицею, поклонился Господу, Который ради благоволения к патриарху обнаружил и о нем такую попечительность и так легко и благоуспешно все устроил для него. *«Благословен, – говорит он, – Господь Бог господина моего Авраама, Который не оставил господина моего милостью Своею и истиною Своею»* (Быт.24:27). Теперь и сам он дает знать девице, кто он такой, и через благодарение Богу делает для нее ясным, что он пришел не из чуждого дома, но что тот, кто послал его, приходится братом Нахору. Услышав об этом, девица побежала с большой радостью и рассказала своим родителям, что слышала от слуги. *«Лаван выбежал к тому человеку, к источнику»* (Быт.24:29), и, увидев его стоящим около верблюдов, сказал ему: *«Войди, благословенный Господом; зачем ты стоишь вне? я приготовил дом и место для верблюдов»* (Быт.24:31). Затем, когда тот вошел, он *«расседлал верблюдов и дал соломы и корму верблюдам, и воды умыть ноги ему и людям, которые были с ним; и предложена была ему пища»* (Быт.24:32–33). Но

здесь посмотри на великое благоразумие слуги. Что говорит он? Я не буду есть до тех пор, пока не объясню вам причины, по которой я послан в столь дальний путь, почему я из Хананеи пришел сюда и как приведен был в ваш дом, чтобы и вы, узнавши все, показали свое расположение к моему господину. *«Я раб Авраамов...», – говорит он, начиная рассказывать, – Господь весьма благословил господина моего, и он сделался великим: Он дал ему овец и волов, серебро и золото, рабов и рабынь, верблюдов и ослов; Сарра, жена господина моего, уже состарившись, родила господину моему сына, которому он отдал все, что у него; и взял с меня клятву господин мой, сказав: не бери жены сыну моему из дочерей Хананеев, в земле которых я живу, а пойди в дом отца моего и к родственникам моим, и возмешь жену сыну моему»* (Быт.24:34–38). Такое поручение дал он; я же, представляя себе затруднение и соображая трудноисполнимость дела, спросил моего господина: *«может быть, не пойдет женщина со мною. Он сказал мне: Господь, пред лицом Которого я хожу, пошлет с тобою Ангела Своего и благоустроит путь твой, и возмешь жену сыну моему из родных моих и из дома отца моего»* (Быт.24:39–40). Дав такое поручение и напутствовав такими молитвами, он послал меня. Теперь, когда его молитвы услышаны, все так явно устроено Богом, чтобы я пришел к вам; и вы объявите ваше решение и, если окажете милость моему господину, сообщите мне, чтобы я мог знать, что нужно мне делать; если же нет, то направить свой путь в другое место. И говорят ему отец и брат девицы: *«От Господа пришло это дело; мы не можем сказать тебе вопреки ни худого, ни доброго»;* и невозможно, чтобы это было от нас. *«Вот... имеешь девицу: возьми и пойди; пусть будет она женою сыну господина твоего, как сказал Господь»* (Быт.24:50–51). Услышав такие слова от отца и брата, раб *«поклонился Господу до земли. И вынул раб серебряные вещи и золотые вещи и одежды и дал Ревекке»* (Быт.24:52–53), и открыто теперь оказывает ей уважение как обрученной уже на словах Исааку. Вместе с тем он почитает дарами брата и мать ее. И только после того уже, когда он увидел, что поручение господина исполнено на деле,

он предается отдыху. *«Ели, – говорится, – и пили он и люди, бывшие с ним, и переночевали. Когда же встали поутру, то он сказал: отпустите меня к господину моему. Но брат ее и мать ее, – говорится, – сказали: пусть побудет с нами девица дней хотя десять, потом пойдете»*(Быт.24:54–55). *«Он же рече к ним:»* для чего вы отсрочиваете и задерживаете, когда Бог дал мне такой успех во всем? *«Они сказали: призовем девицу и спросим, что она скажет. И призвали Ревекку и сказали ей: пойдешь ли с этим человеком? Она сказала: пойду. И отпустили Ревекку, сестру свою, и кормилицу ее, и раба Авраамова, и людей его. И благословили Ревекку и сказали ей: сестра наша! да родятся от тебя тысячи тысяч, и да владеет потомство твое жилищами врагов твоих! И встала Ревекка и служанки ее, и сели на верблюдов, и поехали за тем человеком»* (Быт.24:57–61).

Видишь ли, какую невесту берет патриарх? Она сама черпает воду, носит водонос на своих плечах и сама садится на верблюдов. Были ли здесь мулы, блещущие на шеях серебром? Была ли та вереница слуг и крайняя изнеженность, которая наблюдается ныне? Отнюдь нет; напротив, у древних женщин была такая мужественность, что они сами садились на верблюдов и таким образом совершали путешествие. Видите ли из того, что сделал Авраам для сына, как в древности родители старались брать жен для своих детей, как они раньше денег искали благородства души? Были ли у них долговые расписки? Были ли договоры и другие достойные смеха вещи, которые бывают теперь? Ничего такого у них не было, а величайшей и вернейшей распиской для них служил нрав девицы. И вы узнаете это, когда увидите девицу приведенной к жениху. *«Исаак, – говорится, – вышел в поле поразмыслить, и возвел очи свои, и увидел: вот, идут верблюды»*, на которых восседала Ревекка. Ревекка же, увидевши *«Исаака, ... спустилась с верблюда. И сказала рабу: кто этот человек, который идет по полю навстречу нам?»* И узнав, что это тот, который имеет жениться на ней, *«взяла, – говорится, – покрывало и покрылась»* (Быт.24:63–65). И подойдя, раб рассказал все с точностью Исааку. Смотри, как нигде нет ничего

излишнего и бесполезного; нигде нет дьявольской пышности; нигде нет ни кимвалов, ни свирелей, ни плясок, ни сатанинских этих пиршеств, но всюду пристойность, всюду мудрость, всюду скромность. «Ввел ее, – говорится, – *Исаак в шатер Сарры, матери своей, и взял Ревекку, и она сделалась ему женою, и он возлюбил ее*» (Быт.24:67). Пусть подражают ей жены, пусть соревнуют ему мужа, и пусть стараются брать себе невест таким образом, чтобы и любовь жениха увеличивалась, и целомудрие невесты возрастало, и они провели бы жизнь в радости, будучи тесно соединены благодатью Божией. Если же ты хочешь на браке показать щедрость, которая имела бы пользу, то призови лики бедных. Но ты стыдишься и краснеешь? И что может быть хуже этого безумия? Вводя в свой дом дьявола, ты думаешь, что не делаешь ничего постыдного; а когда намереваешься ввести Христа, краснеешь от стыда? Но, говоришь ты, никто в городе не делал этого. Так постарайся ты начать и сделаться первовиновником такого прекрасного обычая, чтобы последующие поколения приписывали это тебе. И если кто будет соревновать и подражать этому делу, то внуки и правнуки могут тогда сказать спрашивающим, что такой-то первый ввел этот прекрасный обычай; и то, что хорошо делается другими, принесет плоды их в награду тебе, насадившему впервые. И подобно тому, как когда на браке пляшут распутники и скоморохи, посреди них ликует дьявол, так, наоборот, когда входят бедные, приходит Христос. Притом, от той траты нет никакой пользы, а бывает даже великий вред; между тем как от издержек на бедных ты вскоре же получишь обильный плод. А что это достоверно, узнай от девицы, бывшей в Иоппии: ее, некогда лежавшую мертвой, получавшие от нее пропитание бедняки, ставши вокруг нее, своими слезами воскресили и возвратили к жизни, – во Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава и держава, со Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Слово 15. О корыстолюбии

Зачем, человек, ты желаешь обогащаться от корыстолюбия, чтобы другим доставалось золото и серебро, а тебе – проклятия и обвинения, и чтобы тот, у кого ты похитил, терзался и сетовал от недостатка необходимой пищи и навлекал на тебя тысячи обвинителей? И, что еще гораздо ужаснее, – когда потерпевший от тебя зло и потерявший все свое состояние предстанет в тот день перед Страшным Судилищем, а ты не будешь иметь ни одного защитника, что скажешь ты Судящему? Теперь ты еще можешь и подкупить этот, человеческий, суд; но тогда тот Суд уже не подкупишь. Вернее же сказать, ты не можешь подкупить и этого, потому что Бог видит происходящее и находится близ обижаемых, даже не будучи и призываем. Потерпевший зло, хотя бы сам был и недостойн получить за себя какое-либо отмщение, тем не менее имеет непременно мстителя, потому что происходящее не угодно Богу. И не говори мне: как такой-то наслаждается счастьем, будучи нечестив? Если он и наслаждается, то не до конца. «*Не ревнуй, – говорится, – злодеям*» (Пс.36:1), потому что они, как трава, скоро иссохнут и, как зеленеющий злак, скоро увянут. Корыстолюбие есть некая старая закваска, и куда бы она ни проникла, в какой бы дом ни вошла, делает его нечистым; и хотя бы ты немного приобрел от неправды, она заквашивает все твоё имущество. Вот почему часто немногое, внесенное худо, лишало многого, собранного хорошо. Но почему, скажешь, когда обогащающихся корыстолюбием много, они не терпят одного и того же наказания? Непременно потерпят, хотя и не тотчас терпят; если же теперь они и избегнут наказания, то тем более бойся тогда, потому что они соблюдают для большего наказания. Да если сами они и избегнут его, то получившие в наследство их имущество потерпят то же самое. Но как же это, скажешь, справедливо? Даже весьма справедливо. В самом деле, тот, кто получил наследство, полное неправды, хотя сам и не похищал, тем не менее отлично знал, что владеет чужим добром, и потому справедливо заслуживал наказания. Это

знают и гражданские законы, которые, оставляя похитивших и укравших, предписывают требовать всего от тех, у кого кто-нибудь найдет свое имущество.

Итак, если ты знаешь обиженных, то отдай им с великой лихвой по примеру Закхея; если же не знаешь, раздели между нуждающимися, и таким образом облегчишь зло. Если мы отдадим лишь все чужое, нам нет никакой пользы. И это возвещает Закхей, который сказал, что только тогда он умилиствовал Бога, когда отдал вчетверо более того, что было отнято. Между тем мы, которые грабим без конца, а отдаем немного, думаем, что умилиствуем Бога. Если Каин, принеши Богу менее важное (из своего имения), и, притом не обидев другого, подвергся крайнему наказанию, то как не потерпим тягчайшей казни мы, когда приносим от хищения и любостяжания? Зачем ты оскорбляешь Господа, принося Ему нечистые дары? Не хочет Христос питаться от любостяжания, не принимает Он такой пищи. Лучше презреть томимого голодом, чем напитать его от таких средств; лучше ничего не давать другим, чем чужое. Скажи мне: если бы ты увидел каких-нибудь двух людей, одного нагого, а другого имеющего одежду, и затем, раздевши имеющего одежду, одел нагого, не поступил ли бы ты несправедливо? Это для всякого очевидно. Если же, отдав другому все, что ты взял, ты причинил обиду, а не оказал милосердия, то, когда ты едва даешь самую малую часть из того, что похищаешь, и называешь это милостыней, какому не подвергнешься ты наказанию? Если Лазарь, который не потерпел никакой обиды от богача, а только не получил для себя пользы от его имущества, становится суровым обвинителем против него, то какое оправдание будут иметь те, которые, кроме того, что не дают милостыни из собственных средств, захватывают еще и чужое? Если те, кто не напитал алчущего Христа, вместе с дьяволом осуждаются на огонь неугасимый, то какому же наказанию подвергнутся те, кто своими хищениями даже предают Его голоду, обнажают одетого, не только не принимают Его как странника, но и гонят, не только не посещают Его болящего, но даже еще более удручают, не только не навещают заключенного в узы, но и освобожденного

стараятся ввергнуть в темницу? Если тот, кто любит любящих его, окажется в положении нисколько не лучше язычников, то какое прощение будет иметь тот, кто обижает не сделавших ему никакой обиды? Если тот, кто не уделяет из своего имущества, имеет обвинителя в лице того, кого он не пожалел, то какое прощение получит тот, кто похищает еще и чужое? Подлинно, не только похищать чужое, но и не уделять другим из своего имени есть хищение, любостязание и грабительство. Если не напивавшие алчущего Христа навлекают на свою голову такой огонь, то какое снисхождение найдут те, которые еще и похищают нисколько им не принадлежащее, несправедливо присвояют себе чужое и ниспровергают дома сирот и вдовиц? Устрашимся же такого дела; убежим от греха. А избежим мы его, если вспомним о тех, которые раньше нас делали неправды, предавались корыстолюбию, и отошли на тот свет: не пользуются ли их деньгами и трудами другие, тогда как сами они терпят мучения, наказание и нестерпимые бедствия?

Итак, не крайнее ли безумие изнуряться и мучиться, чтобы и при жизни изнемогать от трудов, и по смерти подвергнуться невыносимым казням и мукам? Что может быть жалче хищника, когда все собранные им богатства часто разделяют между собою враги и недруги, а сам он отходит отсюда, унося с собою накопившиеся от них грехи, чтобы со всей строгостью дать ответ за беззакония, которые он совершил из-за них. Что может быть несчастнее корыстолюбцев, которые и жизнь свою делают тяжелее всякой смерти, сная и постепенно истощая ее заботами, печалью и постоянной бессонницей, и отгоняя от себя вследствие этого всякое удовольствие и добродетели, и порока. В то время, когда они занимаются наживой, они, хотя бы получили все от всех, не чувствуют никакого удовольствия, так как желают еще большего; когда же терпят убытки, то, хотя бы потеряли грош, думают, что потерпели бедствие тяжелее всех и лишились самой даже жизни. Имеет ли такой человек жену, или детей, или друзей, если ему нельзя отовсюду наживаться, они кажутся ему враждебнее настоящих врагов. Справедливо некто сказал, что нет ничего жесточе сребролюбца. Такой человек и себя самого продает, и всюду

является общим врагом вселенной: он скорбит, что земля не приносит золота вместо колосьев, источники вместо потоков воды, и горы вместо камней; он досадует на успехи других, приходит в уныние от общих благ; устраняется от всякого дела, откуда нельзя получить серебра, терпит все, если отсюда можно извлечь хотя бы два гроша; он всех ненавидит, и бедных, и богатых, – первых – из опасения, чтобы они не подошли попросить, вторых – за то, что не владеет их богатствами; он думает, что все владеют его собственностью, и ко всем относится так, как будто все его обидели. Что для беснующегося нож, то и богатство для сребролюбца, или даже гораздо того хуже. В самом деле, беснующийся, схватив нож и наткнувшись на него, освобождается от бешенства, и уже не получит другого удара; между тем сребролюбец, ежедневно получая более тяжкие раны, не только не избавляется от бешенства, но и еще более усиливает его, и чем больше получает ран, тем больше доставляет себе поводов к получению новых, еще более тяжких ударов. Итак, что может быть несчастнее корыстолюбца? Кроме того, что он губит душу свою, он и тело изнуряет бесчисленными заботами, и лишается и наслаждений, и удовольствия, и чести, и всякой славы, ради которой люди особенно много грешат. И что еще горестнее, – сребролюбец, не будучи ничем обижен, пылает яростью и ополчается против тех, которые нисколько его не обидели, и, отбросив от своей души все хорошее, становится для всех врагом. Люди, обиженные им, ненавидят его, как потерпевшие уже зло; те же, кто еще не потерпел, боясь с одной стороны, чтобы не потерпеть, с другой – сочувствуя потерпевшим, выказывают ему такую же вражду; люди более великие и сильные, страдая душой и негодуя из-за униженных, а кроме того и завидуя ему, точно так же являются врагами и ненавидят его.

Да что я говорю про людей? Когда и Бога он имеет своим врагом, какая останется для него надежда или утешение? Это ли богатство, делать неправды, скажи мне? Не хуже ли это, чем быть осужденным? У осужденного связано тело, а у этого связана душа. Ты видишь его узником и не жалеешь его? Потому, скажешь, я ненавижу его, что он связан не по

необходимости, а по собственному желанию наложил на себя цепи. Опять ты (скажете) против богатых; опять (скажу) и вы против разграбляемых. Вы не насыщаетесь, поедая и терзая бедных; и я не насыщаюсь, исправляя вас. Всегда ты (скажете) пристаешь к богатым; всегда (скажу) и ты пристаешь к бедному. Отстань от овцы моей, отстань от стада моего; если же ты причиняешь вред моему стаду, то зачем обвиняешь, что я преследую тебя? Не тебя преследую я; волка преследую. Если ты не волк, я не преследую тебя; а если преследую тебя, то вини самого себя за то, что стал волком. Если царь прикажет не брать чужих денег, или даже отдать и свои собственные, мы все с готовностью приносим их; а когда Бог повелевает не грабить, мы не слушаемся и таким образом предпочитаем людей Богу. И как это не внушает ужаса? Ведь если мы, почитая человека наравне с Богом, оскорбляем Бога, то насколько более оскорбляем, когда предпочитаем Ему людей? Тяжко и неприятно это слово. Знаю и я. Но покажите, что оно тяжело, избегая самого дела. Если же вы дела не боитесь, то как я могу вам поверить, когда вы говорите: мы боимся твоих слов, ты удручаешь нас? Вы сами себя удручаете делом, и ничего; а если я на словах скажу о том, что вы совершаете на деле, негодуете? Не безрассудно ли это? О, если бы то, о чем я говорю, оказалось ложью! Хочу лучше сам оказаться в тот день клеветником, как поносивший вас без повода и причины, чем видеть вас обвиняемыми за такие дела. Тот, кто копает яму своему ближнему, сам упадет в нее. И как родящие женщины раздираются от болей, так точно и тот, кто совершает обман, прежде чем обидеть ближнего, сам терзается и мучится, и притом не как-нибудь, а весьма даже сильно. В самом деле, как бы кто ни был порочен, но судилище совести в нем не уничтожается, потому что оно свойственно природе и вложено в нас Богом от начала, и сколько бы мы ни заглушали его, оно стоит, обвиняя нас, казня, осуждая. И нет никого из проводящих жизнь в пороке, кто не испытывал бы безмерных мук, как в то время, когда замышляет злые дела, так и тогда, когда осуществляет свой замысел на деле. Что нечестивее Ахава? Однако и тот, когда пожелал чужого виноградника, припомни,

какую испытал муку? Несмотря на то, что он был царь, властвовавший над всеми и не имевший никого, кто бы противоречил ему, однако и он не вынес суда совести и потому вошел опечаленный, опустив голову, смущенный, с мрачным взором, ясно отражая на своем лице укор осуждающей совести и будучи не в силах скрыть муки, родившейся от уныния.

Хотите вы ясно знать, как богатство не позволяет людям быть людьми, а делает их зверями и демонами? Некогда постигла наш город засуха. Небо сделалось медным; все ежедневно ожидали смерти, тягчайшей всех смертей, и умоляли Бога избавить от этого страха. И по милосердию Его, вопреки всякой надежде, пролился с неба большой и чрезвычайно обильный дождь. И вот, когда все справляли торжество и праздник, как вышедшие из самых врат смерти, один из богачей ходил всюду печальным, с поникшим взором, мертвый от горя; и когда многие начали расспрашивать его о причине, он не в силах был утаить, но, мучимый одолевавшей его тяжелой страстью, объявил эту причину. «Я имею десятки тысяч мер хлеба, – сказал он, – и не знаю, что теперь сделать с ними». Что ты говоришь? Скорбишь, что не все погибли, чтобы тебе собрать золото? Не слышал ты, что говорит Соломон: *«Кто удерживает у себя хлеб, того клянет народ»* (Притч.11:26)? Но ты ходишь всюду, как общий враг благ вселенной, недруг щедрот Владычных и друг маммоны, или, вернее, раб ее. Не следовало ли вырезать этот язык? Не следовало ли перестать биться сердцу, породившему такие слова? В самом деле, что может быть несчастнее богача, который скорбит, ропщет и считает себя погибшим потому, что владеет безмерными богатствами, и каждый день молится, чтобы был голод, от чего умножалось бы у него золото? Как хотите, чтобы я изобразил вам бедственное положение корыстолюбца и хищника? Что преступнее их рук? Что бесстыднее, наглее и пошлее их глаз? Корыстолюбец не видит ни людей как людей, ни неба как неба, а все считает деньгами. Глаза людей видят обычно бедных, изнуренных работой, и трогаются состраданием к ним; а хищники видят бедных и приходят еще в большую ярость. Глаза людей не зарятся на то,

что дано другим, расточают даже и свое другим; а те не успокоятся, пока не отнимут всего у всех и не присвоят себе. Глаза людей не в состоянии спокойно видеть обнаженным тело ближнего; а те не насытятся до тех пор, пока не обнажат всех и не снесут в свой дом имущества всех; вернее же, даже и тогда не насыщаются. Вот почему их руки можно назвать даже не только руками зверей, но и гораздо более их хищными и свирепыми. В самом деле, медведи и волки, когда насытятся, отстают от пищи, а эти не знают сытости. Между тем Бог создал нам руки для того, чтобы мы помогали другим, а не для того, чтобы строили им козни; в противном случае, если бы нам предстояло пользоваться ими для этого, лучше было бы отсечь их и оставаться без них. Когда кто-нибудь, при виде терзаемой зверем овцы, скорбит и уязвляется душой, а совершая то же самое по отношению к своему единоплеменнику, думает, что не делает ничего особенного, то как он может быть человеком, а не зверем, или даже и зверя хуже? Ведь звери таковы по своей природе; между тем корыстолюбцы, имея по природе кроткий нрав, вопреки природе насильно доводят себя до зверства. И уста у них – уста зверей, или даже и тех лютее, потому что произносят слова, испускающие яд хуже, чем их зубы, и причиняющие смерть. Если же кто исследует и душу таких людей, то назовет их уже не только зверями, но и демонами, потому что они исполнены крайней жестокости и вражды к своему сорабу. Демоны имеют себе помощников в самих людях, которым они строят козни, так что, если бы последние не содействовали им, то большая часть их козней против нас не имела бы у них никакого успеха; эти же стараются одолеть обижаемых, когда последние и противодействуют им. И нет здесь ни любви к Царствию Небесному, ни страха геенны, ни стыда перед людьми, ни милосердия, ни сострадания, а есть лишь бесстыдство и наглость, и презрение ко всему будущему, и басней кажутся им слова Божии.

Подлинно, только самым свирепым зверям свойственно, не будучи никем обиженным, самому первому причинять обиду другим; вернее же, даже и зверям это не свойственно. Действительно, если ты оставишь их гулять на свободе и не

принудишь, стесняя их, защищать себя, то они никогда не причинят тебе вреда, не подойдут и не укусят тебя, а пойдут своей дорогой. Между тем ты, будучи разумным человеком, почтенным такой властью, честью и славой, не подражаешь даже и зверям в своем отношении к единоплеменникам, а обижаешь и пожираешь своего брата. И чем ты в состоянии будешь оправдать себя? Не видишь ли ты пчелы, труды которой вкушают во здравие и цари, и простые люди, как ничто не спасает ее от смерти, если она делает зло, а она умиряет вместе с жалом? На ее примере научись не огорчать ближних, – потому что мы сами первые принимаем от этого смерть. Тех мы на малое время, может быть, огорчим, между тем сами уже не будем жить, подобно тому как и пчела. Деньги (χρήματα) потому так называются, что мы должны пользоваться (χρῶμεθα) ими как следует, а не хранить их, потому что это значит уже не обладать, ими, а быть обладаемыми. Если мы будем заботиться о том, чтобы увеличивать их число, а не о том, чтобы употреблять их на должное, то извращается надлежащий порядок, и тогда скорее они обладают нами, нежели мы ими. Кто любит деньги, тот не только не станет любить врагов, но будет ненавидеть и друзей. Такой человек ни родства не знает, ни дружбы не помнит, ни возраста не щадит, ни друга ни одного не имеет; он ко всем относится враждебно, и прежде всех других – к самому себе, не только потому, что губит свою душу, но и потому, что изнуряет себя бесчисленными заботами. Тот, кто презирает деньги, останавливает страсть к ним; тот же, кто желает обогащаться и копить деньги, постоянно разжигает ее и никогда не может остановиться; хотя бы он получил десятки тысяч талантов, он хочет иметь еще столько же, а если их приобретет, опять желает еще вдвое более того; и, идя все далее и далее, начинает желать, чтобы и горы, и земля, и море, и все другое стало для него золотом, беснуясь некоторым новым и страшным безумием, которое никогда не может прекратиться. Когда мы, имея повеление давать другим свое собственное, похищаем чужое, то какая остается нам надежда спасения? Если ты за то, что не наплат алчущего,

подвергаешься наказанию, то какое получишь прощение, если еще и раздел одетого?

Скажи мне, если бы кто-нибудь повел тебя в Персию, чтобы посмотреть, что там есть и возвратиться назад, а затем велел бы тебе (там) построить дом: не осудил ли бы ты его за крайнее неразумие, как человека, который заставил тебя бесполезно потратиться? Как же ты делаешь то же самое на земле, которую ты немного погодя покинешь? Но я оставляю детям, говоришь ты. Но и они немного позднее после тебя оставляют ее, а часто даже и раньше тебя. Для того ты корыстолюбствуешь и грабишь у других, чтобы узда твоей лошади была густо позолочена, или крыша на доме и верхушки колонн? И какой геенны не заслуживает это, – когда брата своего, которого почтил такою честью Владыка твой, ты ввергаешь в бесчисленные бедствия, чтобы разукрасить камни, полы и тела неразумных животных, которые даже и не чувствуют этого украшения? О колонне тщательно заботятся, а человек, или лучше – Христос, ради этой колонны и всех вышеуказанных вещей, обрекается на самый крайний голод. Если нужно устроить кресло или подножье, все делается из золота и серебра; между тем член Христа, тот, ради кого Он пришел с Неба, не имеет даже и необходимой пищи: Христос стал для тебя всех презреннее. И что может быть тягче такого беззакония? Какие реки огня достаточны будут для такой души, – когда даже животные любят принадлежащих к своему роду, и этого сродства природы достаточно им для взаимной любви, а ты, имея помимо природы еще тысячи других поводов к любви, оказываешься свирепее их? Не будем же раздражать Бога ни тем, ни другим, т.е. и собирая, откуда не следует, и расточая, на что не подобает. Какого гнева не достоин ты, когда даешь блуднице, проходя без внимания бедного? Если ты дашь даже от праведных трудов, то не достойно ли порицания такое дело – давать награду за порок, награждать за то, за что следовало бы наказывать; а когда ты, раздевая еще сирот и обижая вдов, питаешь распутство, то подумай, какой будет огонь для тех, которые осмеливаются на такие дела? Убойтесь все те из вас, кто обижает бедных. Вы имеете и силу, и богатство, и деньги, и

благосклонность судей, но те имеют оружие, которое сильнее всего этого, – стоны и рыдания, и самые обиды, которые они терпят, потому что все это привлекает помощь с небес. Эти оружия разоряют дома, разрушают основания, уничтожают города, губят целые народы. Так велико у Бога попечение об обидимых. Подлинно, великое и сильное оружие – стон обижаемых людей. Когда терпящие зло не произносят ни одного худого слова, а только стенают и оплакивают свои бедствия, Бог преклоняется на их благомыслие и бывает к ним милостив, а обижающих подвергает наказанию. Будем же избегать делать обиды, чтобы милостив был к нам Бог, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Слово 16. О высокомерии и тщеславии

Желая смирить разгордившегося человека, не говори пространных речей, а напomini ему только о его природе и сделай ему строгое порицание такими словами: *«Что гордится земля и пепел?»* (Сир.10:9). Если же он скажет, что это бывает после смерти, то смири его при жизни, и научи, что он земля и пепел, потому что он не знает, что и теперь он то же самое. Он видит красоту тела, смотрит на могущество, на угодливость льстецов, на толпу тунеядцев; одет в дорогие одежды, наделен громадной властью; внешний вид обманывает его и заставляет забывать о своей природе; он ждет единственно лишь от смерти доказательства; он не ходит к гробницам и могилам предков; смотрит только на настоящее и нисколько не помышляет о будущем. Поэтому научи его еще здесь, что он земля и пепел, чтобы он при жизни мог принять врачество. В самом деле, сказав: *«Сто гордится земля и пепел?»*, Премудрый присовокупил далее: *«и при жизни извергаются внутренности его»* (Сир.10:10), называя внутренностями кишки, чрево, полное кала и всякой нечистоты и зловония. Смотри на ничтожество и бренность сущности. Не дожидаясь дня своей смерти, чтобы узнать свое ничтожество; исследуй человека еще при жизни, проникни мысленно в его внутренности и увидишь всю нашу ничтожность. Однако не падай духом. Не по ненависти к нам, а щадя нас, Бог так создал нас, желая доставить великие поводы к смирению и мудрости. В самом деле, если человек, будучи землею и пеплом, дерзнул сказать: *«взойду на небо»* (Ис.14:13), то куда бы ниспал он умом, если бы не имел узды природы?

Итак, когда ты увидишь надменного человека, который вытягивает шею, поднимает брови, несется на колеснице, грозит, ввергает в темницу, учиняет обиды, предаёт смерти, то скажи ему: *«Что гордится земля и пепел? И при жизни извергаются внутренности его»*. Это сказано не только о простом человеке, но и о самом сидящем на царском престоле. Не смотри ни на порфиру, ни на диадему, ни на золотые одежды, а исследуй самую природу и увидишь, что под ними

скрывается земля. Подлинно, «всякая слава человеческая – как цвет на траве» (1Пет.1:24). Ради чего и почему, человек, ты много думаешь о себе? Спустись с тщетной твоей высоты, рассмотри ничтожность своей природы; ты земля и пепел, прах и пыль, дым и тень, трава и цвет травный. И живя с такою природою, ты высоко думаешь о себе, скажи мне? Что же может быть смешнее этого? Ты начальствуешь над многими людьми? Но какая в том польза, когда ты властвуешь над людьми, а сам состоишь пленником и рабом страстей? Это похоже на то, как если бы кто-нибудь дома терпел побои и получал раны от слуг, а выйдя на площадь, стал величаться властью над другими. Ты раб всяких страстей и гордишься тем, что властвуешь над равными тебе по происхождению? О, если бы ты властвовал над первыми и был равен с последними! Если похваляющийся действительно добрыми делами заслуживает порицания и лишается всякой награды за них, то не смешнее ли всех оказывается тот, кто надмевается ничего не стоящими делами, и впадает в гордость из-за здешней славы? Жалкий и несчастный, когда душа твоя гибнет от тягчайшей болезни, когда ты страдаешь крайней бедностью, ты гордишься тем, что имеешь столько-то талантов золота и множество рабов? Но это не твое; и если ты не веришь моим словам, узнай по опыту из того, что бывало уже раньше. Если же ты так упоен страстью, что тебя не может образумить и то, что случается с другими, то подожди немного и узнаешь на собственном опыте, что тебе нет никакой пользы от богатства, что, лежа при последнем издыхании и не имея в своей власти ни единого часа, ни краткой минуты, ты невольно оставишь его присутствующим, и притом часто тем, кому ты не желал, и против воли уступишь тем, кому раньше не позволял и смотреть на него. Подлинно, сущность дел человеческих есть ничто иное, как прах и пыль, дым и тень, и даже еще того ничтожнее.

В самом деле, скажи мне, что ты считаешь великим? Какое достоинство находишь великим? Достоинство ипата⁴? Действительно, многие думают, что нет ничего выше этого достоинства. Итак, сравнительно с тем, кто окружен таким блеском и вызывает к себе такое великое удивление, ничуть не

менее имеет и не ипат; и первый, и второй находятся в одном и том же достоинстве, потому что и тот, и другой одинаково немного спустя перестают существовать. Когда был, сколько времени, скажи мне? Два дня? Это и во снах бывает. Но то, скажешь, сон. Что же из того? А разве то, что бывает днем, не сон, скажи мне? Почему мы не называем скорее этого сном? Как при наступлении дня оказывается, что сновидение суть ничто, так точно и с наступлением ночи оказывается, что и дела дневные суть ничто; и как днем никто не радуется тому, что было ночью, так точно невозможно, чтобы и ночью кто-нибудь наслаждался тем, что бывает днем. Ты был ипатом? И я был ночью. Но я, скажешь, днем, а ты – ночью. Что же в том? И все-таки ты не имеешь ничего большего сравнительно со мной, если только слышать, как говорят о тебе: «такой-то ипат», и получать удовольствие от таких речей, не значит иметь больше (а разве может значить?). Если я скажу: «такой-то ипат», и сделаю приятное этими словами, то вместе с тем, как сказаны эти слова, не улетели ли они? Так точно бывает и на деле: лишь только явился ипат, и его уже нет. Но допустим, что он был ипатом год, три, четыре года. Где же те, которые были ипатами в течение десяти лет? Нигде. Между тем Павел не так: он и при жизни всегда был славен, не день, не два, не десять или двадцать дней, даже не десять или двадцать лет, а и умер, и миновало вот уже четыреста лет, а он и ныне еще славен, и даже гораздо славнее, чем был при жизни. И это на земле; что же касается его славы на небесах, то какое слово в состоянии показать ее? И как волны моря то вздымаются на неизмеримую высоту, то вдруг опять низвергаются вниз, так точно и зараженные высокомерием, как мы видим, то превозносятся, сдвигают свои брови и страстно увлекаются делами настоящей жизни, то вдруг подвергаются унижению и впадают в крайнюю бедность. На них-то указывая, блаженный Давид говорил: *«Не бойся, когда богатеет человек, когда слава дома его умножается»* (Пс.48:17). Хорошо сказал: *«не бойся»*. Пусть, говорит, тебя не смущает обилие богатства и блеск славы, потому что ты немного спустя увидишь, как он будет лежать на земле, бессильный, мертвый, поверженный, став пищей для

червей, как он станет наг от всего этого, не будучи в состоянии решительно ничего унести с собою (ведь богатство и слава не сопутствуют уходящим отсюда), а оставив все здесь и влача с собою одно лишь нечестие и собранное из него бремя грехов. Справедливо поэтому людская слава названа у древних тщеславием; действительно, она совершенно тща внутри, не имея ничего полезного; как маски снаружи кажутся роскошными и прекрасными, а внутри пусты, почему никогда ни в ком и не пробудили любви к себе, хотя они и миловиднее плотских лиц, так точно, или лучше – и того жальче, и людская слава.

Подлинно, ничто так не отвращает милосердие Божие, и не предаёт так геенскому огню, как страсть гордыни. Если она присуща нам, то, какие бы подвиги мы ни совершали, воздержание ли, девство ли, пост ли, молитвы ли, милостыню ли, вся наша жизнь становится нечистой. *«Мерзость, – говорится, – пред Господом всякий надменный сердцем»* (Притч.16:5). Тщеславие потому такое великое зло, что оно не только толкает на порок плененных им, но приражается и к добродетелям; и когда не может низвергнуть нас оттуда, то в самой добродетели производит великий ущерб, заставляя нас таким образом нести труды, а плодов от них лишая. Невозможно, желая и земной, и небесной славы, достичь и той и другой; можно достичь обеих, когда мы желаем не обеих, а только одной – небесной славы; тому же, кто любит и ту и другую, невозможно достичь и той и другой. Кто делает что-либо доброе ради того, чтобы добыть славу у людей, тот, будет ли он в состоянии пользоваться ею или нет, получает уже здесь достаточную награду, и не получит за это никакого воздаяния там. Почему? Потому, что он сам уже наперед лишил себя щедрот Судьи, предпочтя людскую славу приговору Праведного Судьи. Кто же совершает какое-нибудь духовное дело единственно с той целью, чтобы угодить только единому этому Неусыпному Оку, у того и сокровище пребывает неотъемлемым, и добродетель беспримесной, и происходящая отсюда благая надежда доставляет ему великое утешение; а кроме того, что для него сохраняется в безопасном хранилище та награда, ему будет сопутствовать и слава у людей. Действительно, мы

пользуемся этой славой с избытком более тогда, когда презираем ее, когда не ищем ее, когда не гонимся за ней. Так и на конских ристалищах наездники, когда весь народ рукоплещет им и испускает тысячи приветственных кликов, не оборачиваются к нему и не получают какого-либо удовольствия от его восклицаний, а смотрят только на одного – сидящего посередине царя, и, внимая его мановению, не обращают никакого внимания на все множество народа, и только тогда гордо чувствуют себя, когда тот удостоит их победных венцов. Итак, что может быть несчастнее тех, кто подвизаются в добродетели напоказ людям, омрачают лица свои постами и творят молитвы на перекрестках, когда труды они претерпевают, а всякой награды лишаются? Что ты делаешь, человек? Одному ты должен дать отчет в соделанном, а другого призываешь в свидетели совершаемого? Одного имеешь Судьей, а другого ставишь зрителем? Не видишь ли, как возницы на конских состязаниях, когда весь город сидит наверху, пробегая всю остальную часть ристалища, стараются опрокинуть колесницы своих соперников там, где видят сидящим царя? Один глаз они считают более достойным доверия, чем столько взоров. А ты, видя на своем поприще в качестве подвигоположника Самого Царя Ангелов, оставив Его, обращаешься к взорам таких же, как и ты, рабов? Оттого-то ты после бесчисленных состязаний, после многих трудов и уходишь без венца, и без награды отходишь к Подвигоположнику. Не бессмысленно ли, что слуга, что бы он ни делал, делает в угоду господину, ничего более не ищет, как только его взгляда и не старается привлечь на свое дело чужих взоров, хотя бы смотрящие были великие люди, а заботится только об одном, чтобы видел господин; между тем мы, имея такого Господа, ищем других зрителей, которые пользы нам своим зрением оказать никакой не в состоянии, а повредить нам и сделать напрасным весь наш труд могут? Если же надмевающийся добродетелью губит все, то какого наказания будет достоин тот, кто делает это с грехами? Поистине, согрешая, еще и гордиться, гораздо более тяжкое зло, нежели грешить. Если хвалиться действительно добрыми делами – неразумие, то насколько более – такими делами,

которые ничего не стоят? Подлинно, ничто не делает людей столь преступными и безумными, как пристрастие к людской славе, равно как ничто не делает их так славными и непоколебимыми в добродетели, как презрение к ней. Вот почему нужна весьма мужественная душа тому, кто хочет устоять против такого порыва и силы ветра. Когда человек, гонящийся за славой, благоденствует, он ставит себя выше всех других, а когда подвергается несчастью, то готов закопать себя в землю, будучи поглощаем страстью. И слушай, что я скажу. Некогда царь Озия, переступив пределы и меру своей царской власти, вошел в храм, желая самолично воскурить фимиам. Что же ему иерей? Нельзя тебе, царь, кадить фимиамом (2Пар.26:18); ты преступаешь пределы своей власти, ищешь недарованного тебе; через это ты погубишь и то, что получил; не твое это дело, а мое. Похищал ли я твою порфиру? Не похищай и ты моего священства. Но тот не послушался, но, надмеваясь гордостью, вошел в храм, раскрыл Святое Святых, желая воскурить фимиам. Когда, таким образом, иерей был презрен, слово священства попрано, и ничего более уже не оставалось, как только обличить и показать дерзновение, а тот потрясал оружием и пользовался своей силой, тогда священник говорит: я сделал все со своей стороны, больше ничего не могу; помоги ты, Господи, попираемому священству, которого законы теперь нарушаются и уставы низлагаются. И смотри, что происходит. Тотчас же «проказа явилась на челе его» (2Пар.26:19). Где бесстыдство, там и наказание. Видишь милосердие Божие в самом наказании? Не молнии испустил Он, не землю потряс, не небо поколебал, а явилась проказа, и притом не на другом каком-нибудь месте, а на челе, чтобы она лежала как бы надпись на столбе, как бы закон на видном месте, гласящий: «не делайте таких дел, чтобы не потерпеть такого наказания».

Итак, зачем ты вытягиваешь шею, скажи мне? Зачем ступаешь на кончиках ногтей? Зачем поднимаешь брови? Зачем выпячиваешь грудь? Волоса ты не можешь сделать белым или черным, а заносишься так, как будто все в твоей власти. Может быть, ты хотел бы, чтобы у тебя выросли крылья, чтобы тебе не

ходить по земле? Как мне назвать тебя и низложить твою гордость? Назову ли тебя прахом и пылью, дымом и пеплом? Но этим я не достигну еще точного подобия. Ты кажешься мне похожим на горящую паклю, потому что и она, когда ее подожгут, по-видимому, вздувается и поднимается, а если немного дотронуться до нее рукой, вся опускается вниз и оказывается ничтожнее всякого пепла. И как дождевые пузыри, когда высоко поднимаются, весьма скоро лопаются, так точно и надмеваемые тщеславием легко погибают. Нет зла, равного гордости. Через нее и дьявол стал дьяволом, не будучи раньше таковым. Равным образом и первый человек пал и сделался смертным от горделивых надежд, навешанных ему дьяволом. Возымев надежду стать богом, он погубил и то, что имел. За это самое и Бог, порицая его и как бы осмеивая его безумие, говорил: *«Вот, Адам стал как один из Нас»* (Быт.3:22). Если дьявол, получив некоторую власть над Иовом, разорил до основания его дом, сокрушил его тело, учинил такое плачевное зрелище, погубил имущество, засыпал землю детей, пронзил плоть, напустил жену, заставил друзей, врагов, слуг говорить такие слова, то, если бы он не сдерживался бесчисленными узами, не погубил ли бы всех? Это злобный и ненасытный зверь, и если бы не обуздывался постоянно, то все бы ниспроверг и разрушил. Потому-то Бог, как Человеколюбец, и не дает ему власти над всеми. Тому подобает слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Слово 17. О зависти

Ничто так обычно не разделяет и не разъединяет нас друг от друга, как зависть и недоброжелательство, – этот жестокий недуг, лишенный всякого извинения, и гораздо более тяжкий, нежели самый корень зол – сребролюбие. В самом деле, сребролюбец хоть радуется тогда, когда сам получает; завистливый же тогда радуется, когда другой не получает, считая собственным успехом неудачу других. Что может быть безумнее этого? Пренебрегая собственные бедствия, он изводится чужими благами, делая через это недоступным для себя небо, а раньше еще неба и настоящую жизнь невыносимой. Поистине, не так червь ест дерево, или моль шерсть, как огонь зависти пожирает самые кости завистников и вредит чистоте души. Не погрешит тот, кто назовет завистников худшими зверей и демонов. Звери нападают на нас только тогда, когда они или нуждаются в пище, или наперед были раздражены нами, а эти люди, и будучи благодетельствованы, часто относятся к благодетелям, как обиженные. Равным образом и демоны, хотя к ним питают непримиримую вражду, не делают зла имеющим одну с ними природу, а эти люди ни общности природы не стыдятся, ни собственного спасения не щадят, но раньше тех, кому завидуют, сами подвергают наказанию свои души, наполняя их без причины и повода крайним смятением и унынием.

Зависть такой порок, что хуже его нет никакого другого. Прелюбодей, например, и некоторое удовольствие получает, и в краткое время совершает грех свой; между тем завистник раньше того, кому завидует, сам себя подвергает наказанию и мучению, и никогда не отстанет от своего греха, а постоянно совершает его. Как свинья радуется грязи, и демон нашей гибели, так и этот радуется несчастьям ближнего; и если с последним случится что-нибудь неприятное, тогда он успокаивается и облегченно вздыхает, считая чужие горести своими радостями, а чужие блага – собственными бедствиями. И как некоторые жуки питаются навозом, так и завистники –

чужими несчастьями, являясь общими врагами и недругами (человеческой) природы. Другие люди и бессловесное животное, когда его убивают, жалеют; а эти, видя человека, получающего благодеяния, приходят в бешенство, дрожат и бледнеют. И что может быть хуже такого безумия? Что ты бледнеешь, дрожишь и стоишь объятый страхом, скажи мне? Что случилось ужасного? То ли, что брат твой славен, пользуется известностью и добрым именем? Поэтому самому тебе следовало бы украситься венком, радоваться и славить Бога, что видишь член свой славным и знаменитым. Или ты скорбишь о том, что Бог прославляется? Смотри, куда простирается вражда. Не это, скажешь, меня печалит, но я хотел бы, чтобы Бог прославлялся через меня. Так радуйся, когда брат твой пользуется доброй славой, и через тебя опять прославится Бог. Если бы даже он был врагом и неприятелем твоим, а Бог прославлялся через него, то надлежало бы сделать его ради этого другом; а ты друга делаешь своим врагом из-за того, что через доброе имя, которым он пользуется, прославляется Бог. Как еще иначе ты можешь показать вражду против Христа? Поэтому, хотя бы кто совершал знамения, хотя бы показал подвиг девства, или поста, или лежания на голой земле, и добродетелью такого рода сравнялся с Ангелами, но если он подвержен страсти зависти, он оказывается всех мерзостнее. Если любовь к любящим не дает нам никакого преимущества перед язычниками, то где окажется тот, кто питает зависть к любящим?

Завидовать хуже, чем враждовать. Враждующий, когда забывается причина, из-за которой произошла ссора, прекращает и вражду; завистливый же никогда не станет другом. Притом первый ведет открыто борьбу, а последний – скрытно; первый часто может указать достаточную причину вражды, а второй не может указать ни на что другое, кроме своего безумия и сатанинского расположения. И как обижающий не другим причиняет обиду, а самому себе, так точно и строящий козни ближнему губит себя самого. И подобно тому как, обижая ближних, мы обижаем сами себя, так, наоборот, делая им добро, мы делаем добро самим себе. Тот, кто слышит

о себе худые речи, но ложные, не только не терпит от того обиды, а имеет и величайшую награду. Не тот, кто терпит, а кто делает зло, тот достоин наказания, если только первый сам не дал достаточных поводов к порицанию. И как невозможно человеку добродетельному слышать о себе от всех хорошие отзывы, так точно невозможно и слышать от всех дурные, если сам не доставит многочисленных поводов по многим обстоятельствам. Порицания же, которые делаются всенародно, часто делают людей наглыми и бесстыдными. Многие из грешников, пока видят, что им можно скрыть себя, легко решаются исправиться; а когда потеряют доброе мнение о себе в обществе, впадают в отчаяние и вдаются в бесстыдство. Но ты потерпел обиду от него? Так зачем же ты еще и сам себя обижаешь? Тот, кто мстит за обиду, обращает нож против самого себя. Если поэтому ты хочешь и себя облагодетельствовать, и обидевшему тебя отомстить, то говори о нем хорошо; если же ты будешь говорить худо, то тебе не поверят, как человеку, подозреваемому во вражде. Ведь вражда, сталкиваясь с помыслами слушающих, не позволяет запечатлеваться в их ушах тому, что говорится. Итак, не говори о других худо, чтобы не обесчестить и себя, не сплетай тины с грязью и мусором, а плети венки из роз, фиалок и прочих цветов; не износи навоза из уст, подобно жукам, – а таковы те, которые говорят худо о других. Они сами первые ощущают последствия своего зловония. В самом деле, злоречивого человека все сторонятся, как бы пахнущего гнилью, как какой-то гадины или жука, питающегося навозом, – чужими бедствиями; наоборот, человека, имеющего благоголивые уста, все принимают, как свой собственный член и как родного брата. Какую обиду причинил Авелю Каин? Не проводил ли он его против своей воли только скорее в Царство Небесное, а себе причинил бесчисленные бедствия? Какой вред причинил Исав Иакову? Не обладал ли последний богатством и не пользовался ли бесчисленными благами, а тот и отеческого дома лишился, и блуждал после злого своего умысла в чужой стране? Что сделали худого Иосифу братья, несмотря даже на то, что дошли до крови? Не они ли терпели голод и подверглись крайней

опасности, между тем как тот сделался царем всего Египта? Чем больше ты завидуешь, тем большие блага доставляешь тому, кому завидуешь. Бог все назирает; и когда видит, что обижают человека, который сам никому не делает обиды, то еще более возвышает его и делает славным, и таким образом наказывает тебя. Если Он не позволяет оставаться безнаказанными тем, которые надругаются над врагами, то гораздо более тем, которые завидуют людям, не причинившим им никакой обиды. Если тот, кто любит любящего его, не имеет никакого преимущества перед мытарями, то какого снисхождения заслуживает тот, кто ненавидит не сделавшего ему никакого зла?

Итак, ради чего ты скорбишь, человек, о благах ближнего? Если нужно скорбеть, то следовало бы скорбеть о бедствиях, какие мы сами терпим, а не о том, что видим других пользующимися доброй славой. Или ты не знаешь, что этот грех лишен всякого извинения? И справедливо. В самом деле, блудник может указать на похоть, вор – на бедность, убийца – на гнев, все могут представить те или другие предлоги, хотя пустые и неосновательные; а ты, скажи мне, какую назовешь причину? Никакой, кроме разве только чрезмерного нечестия. Если нам повелевается любить врагов, то какое мы понесем наказание, когда ненавидим и любящих? Если тот, кто любит любящих, окажется в положении несколько не лучше язычников, то какое прощение получит тот, кто причиняет обиды несколько его не обидевшим? Демон завидует, но людям, а не демонам; ты же, будучи человеком, завидуешь людям. И какое получишь ты прощение? Тяжкое, тяжкое зло – зависть; оно заставляет пренебрегать собственным спасением. Таким путем Саул привлек на свою душу злого демона; и после того, как привлек, к своему врачу опять питал зависть. Такова уж зависть: он знал, что спасен Давидом, и все же лучше желал, чтобы спаситель его погиб, чем видеть его пользующимся славой. А если хотите, я расскажу вам, какие благодеяния оказал Давид Саулу, и чем тот затем отплатил ему. Некогда постигла иудеев весьма тяжкая война; и когда прятались в страхе и ужасе, и никто не осмеливался выступить вперед,

когда весь город находился в крайней опасности, каждый видел перед своими глазами смерть, и все каждый день ждали гибели, пришел в воинский стан от своих овец Давид и взял на себя бой, предстоявший всем, не видя при этом никакой настоящей для себя необходимости, напротив, даже встречая со стороны многих препятствие (так, и брат порицал его, и царь, взирая на его юный возраст, удерживал его и приказывал остаться), а разгоревшись сам в своей душе, побежал на иноплеменников, и показал при этом такую заботливость о царе, что еще раньше сражения и победы, ободряя его, лежащего ниц, сказал: *«Пусть никто не падает духом из-за него; раб твой пойдет и сразится с этим Филистимлянином»* (1Цар.17:32). Маловажно ли это, скажи мне, что он, не имея к тому никакой необходимости, отдает свою душу и бросается в середину врагов ради помощи тем, от кого не получил еще никакого благодеяния? Не следовало ли назвать его после этого господином и провозгласить спасителем всего государства, как человека, который помощью благодати Божией сохранил жизнь всем? Какое другое благодеяние было больше этого? В самом деле, этим он оказал ему благодеяние не в отношении к имуществу, не в отношении к славе или могуществу, а в отношении к самой его жизни; он извел его из самых врат смерти; благодаря ему только царь остался жив и пользовался властью. Чем же он после этого отплатил ему? Если кто примет во внимание великость заслуг, то, если бы даже Саул снял венец со своей головы и возложил на Давида, он еще не воздал бы ему награды по достоинству, а остался бы в большом еще долгу. В самом деле, этот даровал ему и жизнь, и царство, а тот уступил бы ему только одно царство. Посмотрим однако, каковы же его награды. После того, как он снял голову с иноплеменника и возвращался со своей добычей, вышли, говорится, девы с плясками и пением, восклицая: *«Саул победил тысячи, а Давид – десятки тысяч»* (1Цар.18:7). И разгневался Саул, и с того дня стал подозрительно смотреть на Давида. Ради чего, скажи мне? Ведь если сказать нечто странное, то восклицавшие так делали приятное скорее Саулу, нежели Давиду, и тому следовало быть довольным, что ему

дали все же тысячи. Что же он негодует на то, что последнему дали десятки тысяч? Если бы он что-нибудь сделал для сражения, если бы внес хоть небольшую долю своего участия, то справедливо можно было бы говорить, что *«Саул победил тысячи, а Давид – десятки тысяч»*; если же сам он сидел в страхе и трепете дома, каждый день ожидая смерти, а Давид совершил все, то не безрассудно ли было со стороны того, кто ничего не сделал для отвращения опасности, сердиться на то, что он не получил больших похвал? Если уж следовало негодовать, то Давиду на то, что, совершив сам весь подвиг, он разделил похвалы с другим. Но такова зависть: она не может равнодушно видеть успеха других, а считает благополучие ближнего собственным несчастьем и изводится благами ближнего. Нечто подобное случилось и с царем герарским: видя, как каждый день умножались богатства Исаака, он начал бояться и заставил праведника переселиться оттуда. Следует, однако, выслушать самые слова Священного Писания, чтобы нам видеть из них, какое благоволение оказывает Бог Своим слугам. *«И сеял, – говорится, – Исаак в земле той и получил в тот год ячменя во сто крат»* (Быт.26:12). Видишь щедроты Владыки? Видишь преизобилие благодетельства? Но посмотрим и на зависть царя, которая возникла по причине богатства праведника. *«Удались, – говорит он, – от нас, ибо ты сделался гораздо сильнее нас»* (Быт.26:16). И действительно, он был сильнее их, имея во всем вышнюю помощь и будучи охраняем десницею Божиею. Итак, куда ты гонишь праведника? Или ты не знаешь, что куда бы ему ни случилось дойти, ему необходимо быть в том, что принадлежит его Владыке? Хотя бы ты заставил его уйти даже в пустыню, он имеет столь могучего Владыку, что Он в силах и там сделать его еще более славным. Он именно через противное часто устроляет противное. Ему подобает слава, держава, честь и поклонение, со Отцом и Святым Духом, во веки веков. Аминь.

Слово 18. О ненависти и вражде

Если кто потерпел обиду от ближнего, пусть вспомнит и приведет себе на ум Давида, чтобы, когда еще кипит сердце, воспоминанием об этом кротчайшем и незлобивом муже он мог укротить море гнева. Почему, в самом деле, брат твой – враг тебе? Оскорбил тебя? Но он не причинил тебе никакого вреда. Или, может быть, из-за денег ты смотришь на него как на врага? Не делай, умоляю тебя, не делай отсрочки, чтобы рассечь цепи гнева, потому что отсрочки порождают замедление: если ты пропустишь сегодняшний день, то будешь уже много стыдиться; если присоедилишь и завтрашний, будет еще больше стыда; если присовокупишь и третий день, еще больше станешь стыдиться вследствие столь долгого промедления. Дайте мне, прошу вас, свободно говорить об этом. Дайте мне возможность слышать, что от постоянного этого научения мы достигли какого-нибудь успеха, что кто-нибудь, выйдя отсюда, обнял врага обеими руками, сжал его в своих объятиях, поцеловал его, пролил слезы; хотя бы последний был зверем, или камнем, или чем бы то ни было, но, тронутый таким дружелюбием, он сделается кротким. Таким образом себя ты освободишь от обвинений, а его приобретешь, склонив к доброму расположению. И не говори мне: я имею врага безбожного, нечестивого, погибшего, неисправимого и не могу примириться с ним. Какого бы врага ты ни назвал, он не хуже Саула, который, будучи и раз, и два, и многократно спасен Давидом, сам тысячу раз строил ему козни, и, будучи вместо этого благодетельствован, продолжал хранить на него свою злобу. В самом деле, что ты можешь сказать? То ли, что он отмежевал себе твою землю? Что причинил тебе вред в поле? Что переступил порог дома? Что похитил рабов? Что оскорбил тебя? Что ограбил? Что довел до бедности? Но он еще не пытался отнять у тебя души, ни дважды, ни трижды, ни многократно (как Саул), и притом не получив от тебя стольких благодеяний, равно как не попадавшись многократно в твои руки и будучи спасен. А если бы и так, то и в таком случае

Давид опять имеет преимущество, так как, будучи воспитан в менее совершенных законах, не требовавших ничего подобного, достиг самой вершины закона благодати. Притом, ты часто злопамятствуешь, гневаясь за прошедшее; а этот (праведник), даже боясь за будущее и отлично зная, что ему не будет места в городе и жизнь будет невыносимой, если он спасет врага, все-таки не переставал заботиться о нем, но все делал на благо ему, питая против себя врага.

Итак, в чем же таком, скажи мне, ты обвиняешь врага, что не хочешь примириться с ним? Чем таким он обидел тебя? Лишил тебя денег? Но если ты мужественно перенесешь их похищение, то получишь такую же награду, как если бы ты отдал их в руки бедным. В самом деле, и тот, кто отдал деньги бедным, и тот, кто ради Бога не замышлял зла против похитившего у него, или даже не сказал ему худого слова, делают одно и то же. Если же причина траты одна, то очевидно, что и венец один. Но он злоумышлял на жизнь твою и покушался убить? Это вменяется тебе в мученичество, если только ты считаешь злоумышленника, доведшего до такой степени свою вражду, в числе своих благодетелей, и не перестаешь молиться за него, прося Бога смиростивиться над ним. Не на то будем смотреть, что Бог не допустил Саулу, преследовавшему Давида, убить его, а на то, что последний от его злых козней получил двойной, или тройной, или даже четверной венец мученичества. В самом деле, кто ради Бога спас врага, который не раз, не два, а многократно метал копье в его голову, кто, имея полную возможность убить его, пощадил, зная при том, что после такой пощады он опять нападет на него, тот, очевидно, тысячекратно подвергался закланию произволением; будучи же тысячекратно заклан ради Бога, он имеет и многочисленные венцы мученичества. И что говорил Павел, о том и он помышлял, и каждый день умирал ради Бога (1Кор.15:31). Имея возможность убить готовившего ему гибель, он не пожелал сделать этого ради Бога, а предпочел лучше каждый день подвергаться опасностям, нежели избавиться от стольких смертей, совершив даже справедливое убийство. Если же злоумышляющему даже против самой жизни не следует ни

мстить, ни платить ненавистью, то тем менее тому, кто причиняет нам обиду в каких бы то ни было других, внешних, вещах. Хочешь знать, что возможно примирить с собой, если только мы желаем, всякого человека, относящегося к нам враждебно, как бы он ни был нечестив, испорчен и неисправим? Что свирепее льва? И однако люди укрощают его, искусство осиливает природу; и тот, кто свирепее и царственнее всех зверей, делается смиреннее и послушнее всякой овцы и ходит по площади, никому не внушая страха вследствие своей кротости. Какое же извинение, какое прощение будем иметь мы, когда зверей укрощаем, а про людей говорим, что никак не можем укротить их и заставить хорошо относиться к нам, тем более что зверю не свойственна по природе кротость, а человеку чужда по природе свирепость? Если, таким образом, мы побеждаем природу, то какое будем иметь оправдание, когда говорим, что не можем исправить произволения? Если же он и неисцельно болен, то чем больше будет у тебя труда, тем обильнее будет и награда, когда ты не перестанешь заботиться о врачевании неисцельно больного. Но что столь тяжкого сделал тебе враг твой, что ты отказываешься от примирения с ним? Худо отозвался о тебе, назвал тебя прелюбодеем и блудником? Что же в том? Если он говорит правду, исправься; а если ложь, то посмейся. Если ты сознаешь за собой то, в чем он упрекает тебя, то образумься, а если не сознаешь, пренебреги; лучше же сказать – не только посмейся, не только пренебреги, а даже радуйся и веселись по слову Господа: *«Когда, – говорит Он, – будут поносить вас и пронесут имя ваше, как бесчестное, за Сына Человеческого, возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь, ибо велика вам награда на небесах»* (Лк.6:22–23; Мф.5:11–12). Если же он сказал правду, а ты с кротостью перенесешь его слова, не ответишь ему со своей стороны оскорблением, не станешь злословить его, а горько восстенаешь и осудишь свои прегрешения, то получишь награду не меньше, чем и в первом случае. Часто ведь враги своими справедливыми порицаниями делают то, чего не могут сделать друзья своими похвалами и приятными речами. Последние, обычно говоря приятное, или даже и льстя нам, только

усиливают болезнь; первые же, побуждаясь враждой и порицая наши грехи, заставляют нас исправляться, и таким образом вражда бывает для нас источником величайшей пользы.

Итак, не будем говорить: «такой-то меня раздражил, такой-то заставил меня сказать срамные слова». Мы сами всегда являемся виновниками их; если мы желаем любомудрствовать, то не только враг, но и сам дьявол не в силах будет привести нас в гнев. И это видно из истории с Давидом. Когда он сказал: *«посмотри на край одежды твоей в руке моей»* и все прочие дальнейшие слова в свое оправдание перед Саулом, то последний говорит: *«твой ли это голос, сын мой Давид?»* (1Цар.24:12, 17). Вот какая великая перемена произошла вдруг с этим озверевшим человеком, благодаря кротким словам Давида! Тот, кто раньше не мог назвать его даже просто по имени, а ненавидел даже самое его прозвище, теперь возводит его в родство с собою, называя его сыном, и трогается даже самым звуком его голоса. И как отец, услышав давно неслышанный голос возвратившегося откуда-нибудь сына, не только рад видеть его лицо, но с любовью прислушивается и к самому голосу, так и Саул, когда до него дошли слова Давида и исторгли вражду, узнал наконец святого и, освободившись от одной страсти, проникся другой страстью: отбросил гнев и проникся радостью и сочувствием. Что может быть блаженнее и возвышеннее Давида? Убийцу он сделал отцом, волка – овцою, пещь гнева исполнил обильной росой, волнение превратил в тишину и потушил весь пыл гнева. Итак, возлюбленные, будем стараться не о том только, чтобы не потерпеть никакого зла от врагов, но и о том, чтобы самим себе не делать никакого зла. И тогда мы не потерпим никакого зла, хотя бы подверглись бесчисленным бедствиям, подобно тому как и Давид, несмотря на изгнание, преследование и опасности для самой жизни, не потерпел никакого зла, а оказался даже славнее и достохвальнее врага, и вожденнее для всех, не только для людей, но и для Самого Бога. В самом деле, какой вред потерпел этот святой, испытав столько бедствий от Саула? Не прославляется ли он до настоящего дня, не славен ли он и на земле, и на Небе? Не ожидают ли его неизреченные блага и

Царство Небесное? С другой стороны, какую пользу получил тот жалкий и несчастный, который строил ему столько козней? Не лишился ли он царства, не потерпел ли вместе со своим сыном жалкой смерти и не подвергается ли всеобщему осуждению? Но что всего тяжелее, теперь его ожидают нескончаемые мучения. Когда, поэтому, ты увидишь своего врага или вспомнишь о нем, то не говори, что я то-то и то-то потерпел от него, то-то и то-то слышал от него, не разжигай через это гнева и не увеличивай еще более пыла страсти; напротив, забудь все огорчения, какие слышал или потерпел от него; а если и вспомнишь, то вмени их дьяволу; собери, наоборот, все, что тот сказал или сделал тебе когда-нибудь хорошего, и тогда ты скоро прекратишь вражду. Если же ты хочешь обратиться к нему с обличениями, то наперед смири страсть, угаси гнев, и тогда обличай и требуй ответа, и ты легко одержишь над ним победу. В самом деле, находясь в раздражении, мы не в состоянии будем ни сказать, ни услышать что-либо здоровое; освободившись же от страсти, и сами никогда не произнесем обидного слова, и в словах других не услышим обиды. Не так ведь обычно самые слова возбуждают в нас гнев, как враждебное предубеждение против другого. Подобно тому, как ночью мы часто не узнаем и стоящего перед нами друга, а когда наступает день, то и издали признаем его, так точно бывает обыкновенно и в случае вражды: пока мы относимся друг к другу неприязненно, то с предубеждением и слушаем голос других, и смотрим на лицо их; а когда освободимся от гнева, то то же самое лицо, которое раньше казалось враждебным и неприятным, становится милым и приятным. Когда враг будет поносить тебя за грех, который ты признаешь за собой, а ты, слыша это, не ответишь ему оскорблением, а горько восстенаешь и станешь умолять Бога, то тотчас же изгладишь весь грех.

И чтобы ты не подумал, что мы просто лишь утешаем тебя, представим свидетельство от Священного Писания. Были фарисей и мытарь; один дошел до крайней степени порока, другой ревностно заботился о праведности; и оба однажды пришли в храм помолиться. Фарисей, став, говорил: «*Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители,*

обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь» (Лк.18:11). Мытарь же, стоя вдали, не ответил оскорблением и поношением, не сказал каких-нибудь пустых слов, какими мы ежедневно перемываем друг друга, а говорил только, горько стеная и ударяя себя в грудь: «Боже! будь милостив ко мне грешнику!» (Лк.18:13), – и вышел оправданным. Видишь, как скоро? Принял поношение, и смыл поношение; сознал свои грехи, и освободился от грехов; обвинение во грехе сделалось отъятием греха, и враг против своей воли оказался благодетелем. Может ли быть что-нибудь блаженнее этого? Может ли быть легче средство к освобождению от грехов? В самом деле, сколько нужно было бы трудиться мытарю, пребывая в подвигах поста, бдения, лежания на земле, раздавая свое имущество бедным, сидя долгое время во вретище и пепле, чтобы загладить свои грехи? Между тем теперь, не сделав ничего такого, он одним только словом снял с себя все грехи и поношение; и злословие, по-видимому, обидевшего его, без продолжительных усилий и трудов, доставило ему венец правды. Потому Бог и повелел нам молиться за врагов, чтобы мы не только отпускали им долги, но и считали их в числе первых друзей. Если же ты не делаешь только никакой неправды другим, а отвращаешься от них и смотришь с неудовольствием, и в душе твоей имеется свежая рана, то ты еще не исполнил заповеди, преподанной Христом. Как же ты можешь просить Бога быть милостивым к тебе, сам еще не сделавшись милостивым к согрешившим против тебя? Если же хотите знать, что Сам Бог не отпустит вашим врагам и обидчикам, хотя бы мы и молились за них, когда они станут только хуже вследствие нашего незлобия, расскажу вам одну древнюю историю. Однажды Мариам упрекнула Моисея; что же Бог? Он наслал на нее проказу, сделал ее нечистой (Числ.12), хотя во всем прочем она поступала справедливо и разумно. Затем, когда сам обиженный Моисей просил и умолял оставить гнев на нее, Бог не внял ему, а что сказал? Если бы у нее был отец, и прогнал ее с своих глаз, то не снесла ли бы она наказания? Тебя Я одобряю за кротость и незлобие, но ее оставить без наказания Я не должен.

Итак, вспомни тот Страшный Суд, когда все будет обнажено и открыто; подумай о том, что тогда откроется все, что скрывается теперь. Если ты отпустишь ближнему согрешения, то все твои грехи, которые должны будут открыться тогда, будут истреблены уже здесь, и ты отойдешь отсюда, не влача с собою ничего из своих грехов. Таким образом ты больше получаешь, нежели даешь. Часто мы совершаем грехи, которых не видел никто другой. И если мы подумаем, что в тот день все наши грехи обнаружатся перед глазами всех, будут выставлены на позорище всей вселенной, то не будем ли мы испытывать более тяжких страданий от угрызений и мучений собственной совести, чем от какого бы то ни было наказания? Между тем столь великий твой срам, столь великие прегрешения можно омыть снисхождением к ближнему. И, если хотите, послушайте, какую силу имеет эта заповедь. *«Хотя бы, – говорится, – предстали пред лице Мое Моисей и Самуил, душа Моя не приклонится к ним»* (Иер.15:1). И однако тех, кого не могли похитить от гнева Божия Моисей и Самуил, может исхитить эта самая заповедь. Вот почему Бог постоянно и заповедал тем, кому сказал эти слова, говоря: *«Зла друг против друга не мыслите в сердце вашем»*, и: *«никто из вас да не мыслит в сердце своем зла против ближнего своего»* (Зах.7:10,8:17). Если же нам повелевается любить врагов, то какому подвергнемся мы наказанию, когда даже и любящих нас ненавидим? Если тот, кто любит любящего, не имеет никакого преимущества перед мытарями, то где же окажется тот, кто ненавидит не делающего ему никакого зла? Как он избежит геенны, оказываясь хуже язычников? Если тот, кто не любит брата, хотя бы роздал все деньги, хотя бы просиял мученичеством, не получает никакой пользы, то подумай, какого же наказания достоин тот, кто относится враждебно к человеку, ничем его не обидевшему? Если Бог не отпускает согрешений тем, которые не прощают совершенных против них поступков, то даст ли он прощение тем, которые осмеливаются обижать не причинивших им ничего худого? Итак, зачем мы безрассудно ссоримся друг с другом, зачем враждуем друг против друга, когда нам повелено любить даже и ненавидящих нас? Что говоришь ты, человек? Имеешь

врага и не стыдишься? Ужели не довольно нам дьявола, что мы возбуждаем против себя еще и единокровных нам? О, если бы и тот не хотел враждовать против нас! О, если бы и он не был дьяволом! Или ты не знаешь, какое удовольствие бывает после примирения? Нет нужды, если в разгар вражды это и не особенно ясно. Если же ты говоришь, что при воспоминании об обиде ты кипишь гневом, то припомни, не было ли сделано тебе чего-нибудь хорошего со стороны обидевшего, вспомни и о том, сколько сам ты причинил зла другим, и ты скоро оставишь вражду. Подлинно, ты не потерпел такого зла, какое причинишь сам себе злопамятством. В самом деле, как ты получишь прощение, которого не оказываешь другим? Язычники, не ожидая ничего великого, часто Любоумудрствовали о злоте рпении; а ты, за которого Христос отдал душу Свою и не отказался быть закланным, когда ты был еще врагом, ты, который должен отойти из здешней жизни с такими надеждами, не решаешься и медлишь прекратить вражду? То, что делает время, ты не хочешь сделать раньше времени ради закона Божия, и желаешь, чтобы страсть твоя погасла лучше без всякой награды, чем за награду? Ведь если это произойдет от времени, то тебе не только не будет никакой пользы, но будет и великое наказание за то, что закон Божий не убедил тебя сделать то, что сделало время. Для того именно Бог доставляет тебе неизреченную награду, чтобы ты предупреждал его. Если ты примиряешься с обидчиком только по его просьбе, то мир является следствием уже не твоей ревности об исполнении заповеди Божией, а старание другого; потому-то ты и остаешься без венца, тогда как тот получает награды. Разбойники, вступая в товарищеский союз с кем-нибудь, не являются уже более разбойниками в отношении к своим сообщникам: участие в общей трапезе изменяет нрав их и делает тех, которые были свирепее зверей, смирнее овец; а мы, принимая участие в такой трапезе, имея общение в такой пище, вооружаемся друг на друга? Не окажемся ли мы после этого хуже даже зверей? Вот почему мы с каждым днем делаемся все слабее и слабее, а общий наш враг сильнее и сильнее. Вместо того, чтобы защищаться общими силами против него, мы вместе с ним

восстаем друг против друга и делаем его своим вождем для такого рода браней. Будем же избегать такого его начальства над нами, благодатью Христа, Которому подобает слава, держава, честь и поклонение, со Отцом и Святым Духом, во веки. Аминь.

Слово 19. О печали и скорби

Бог вложил в нашу природу скорбь не для того, чтобы мы предавались ей неразумно и безвременно, при несчастных обстоятельствах, не для того, чтобы мы губили себя, а чтобы получали от нее величайшую пользу. Время скорби не тогда, когда мы терпим бедствия, а когда мы делаем дурные дела. Между тем мы извратили этот порядок и переменили времена: делая тысячи зол, мы не сокрушаемся и на малое время, а если потерпим от кого-нибудь какую-нибудь малость, падаем духом, приходим в смущение и просим избавить нас от настоящей жизни, не зная того, что скорби и искушения, и приключения, и нам печали, не менее чем и блага, обнаруживают попечение Божие о нас. Да что я говорю о здешних скорбях? Даже угроза геенной не менее, чем и Царство Небесное, показывает Его человеколюбие, потому что, если бы Он не угрожал геенной, никто так легко не достиг бы небесных благ. В самом деле, одного только обещания благ недостаточно для обращения к добродетели, если бы более беспечно относящихся к ней не побуждал и страх наказаний. Кроме того, печаль и скорбь существуют не для того, чтобы мы скорбели по поводу смерти, по поводу лишения денег, или по поводу чего-либо другого подобного, а чтобы пользовались ими для истребления грехов. Ведь и воин, который боится смерти, никогда не совершит ничего доблестного.

Итак, скорбящему нужно скорбеть не о том, что он подвергается наказанию, а о том, что своими грехами он раздражает Бога. Первого рода скорбь отдаляет от нас Бога и делает Его нашим врагом; второго же рода скорбь более всего примиряет Его с нами и делает близким к нам. Не для того явился ты в настоящую жизнь, человек, чтобы праздно питаться, не для того, чтобы не терпеть никаких бедствий, а для того, чтобы ты прославлялся путем страданий. Не доблестного мужа дело искать покоя и предаваться удовольствиям; такое стремление свойственно скорее бессмысленному червю, чем (человеку) обладающему разумом. Конечно, молись о том,

чтобы не впасть в искушение; но если когда-нибудь впадешь, не ропщи, не смущайся, не унывай, а старайся всеми силами о том лишь, чтобы стать еще более славным. Не видишь ли ты, как наиболее мужественные из воинов, когда их призывает звук трубы, обращают свой взор на трофеи, на победы, на отличившихся подвигами предков? Так и ты при звуке духовной трубы стань сильнее льва; выступи, хотя бы перед тобой был огонь, хотя бы железо; и стихии умеют уважать проявляющих такое мужество; и звери умеют бояться таких доблестных борцов, и как бы они ни были свирепы, от голода ли, или по самой природе своей, они все забывают и пересиливают свою страсть. Итак, христианину, если он печалится, можно иметь только два повода для скорби: или когда он сам прогневит Бога, или когда сделает то же ближний. Не тем, кто подвергается поношениям, следует страшиться и трепетать, а тем, кто наносит оскорбления, потому что не первые имеют нужду оправдываться в худых речах, какие они слышали, а последние в том, что они худо говорили; вся опасность угрожает этим последним. Таким образом, те, кто слышат о себе дурные речи, должны оставаться беспечальны, потому что они не будут давать отчета за то, что сказал худо другой; напротив – те, кто говорят худо, должны страшиться и трепетать, так как они привлечены будут за это на Страшное Судилище. Будем поэтому скорбеть не о том, что слышим худые речи о себе, а о том, что слышим такие речи заслуженно: если мы живем порочно, то, хотя бы никто не порицал нас, мы оказываемся всех несчастнее; наоборот, если мы ревнуем о добродетели, то, хотя бы весь мир говорил о нас худо, мы будем всех счастливее. Если дух наш настроен хорошо, то, хотя бы отовсюду поднимались бесчисленные бури, мы всегда будем пребывать в тихой пристани; и наоборот, когда он не благоустроен, то, хотя бы все нам благоприятствовало, мы будем находиться в положении несколько не лучшем терпящих крушение.

Это можно наблюдать и относительно пищи. Когда наш желудок силен и крепок, то какую бы грубую или сырую пищу он ни принял, он все превращает в здоровый сок, так как

естественное срастворение преодолевает дурное свойство пищи; наоборот, когда сила его расслаблена и делается вялой, то, хотя бы ты предложил ему самую доброкачественную пищу, он превращает ее в самую худшую и совершенно портит ее, так как его слабость уничтожает ее хорошие свойства. Душа, пораженная скорбью и объятая облаком уныния, не в состоянии ни спокойно выслушать что-либо полезное, ни сказать. Удрученная скорбью душа не желает долго распространяться на словах; но подобно тому, как густое облако, набегая на солнечный луч, отбрасывает его весь назад, так точно и облако уныния, когда становится перед нашей душой, не позволяет свободно проходить слову, а задушает его и насильственно задерживает внутри. И это бывает не только с говорящими, но и со слушающими.

Подобно тому, как скорбь не позволяет слову свободно вылетать из души говорящего, так точно не позволяет ему и проникать со свойственной ему силой в душу слушающих. Так, например, когда к Иову пришли его друзья, узнали о несчастье с его домом и увидели праведника сидящим на гноище, покрытого язвами, то растерзали одежды свои, зарыдали и молча сидели возле него, показывая тем, что для удрученных скорбью нет ничего полезнее вначале, как тишина и молчание. Итак, знай, что Тот, Кто попускает быть искушению, Сам же знает и время прекращения искушения. Бог силен прекратить все бедствия, но пока не увидит совершившегося обращения, не прекращает скорбей. Удивляйся тем, кто подвергается искушениям и мужественно переносит их, как например, трем отрокам. Последним никто не удивлялся бы за то, что они не были сожжены, если бы они были далеко от вавилонской печи; но что поразительно для всех, это то, что они, находясь столько времени в огне, вышли невредимее тех, которые в нем не были. То же самое должно сказать и относительно святых: если бы на них не посылалось никакого искушения, то мы не удивлялись бы тому, что они непрестанно радовались. Между тем, будучи отовсюду окружены бесчисленными волнами, они чувствовали себя лучше людей, наслаждающихся невозмутимой тишиной. Если бы не было ничего, что печаливало бы их, то для них не

было бы ничего великого в том, что они могли всегда радоваться; но когда они, при множестве опасностей, которые могли ввергнуть их в уныние, оставались выше всех их и радовались среди самых скорбей, это достойно всякого удивления. В самом деле, не кажется ли смерть невыносимее всего? Между тем ожидание ее не только не печалит их, а далее еще более только радует. Они знали, что пришествие смерти является концом трудов, что Человеколюбец Бог всегда чтит Своих рабов, и часто даже дарует им спасение и других. Так, например, сделал Он со святым Павлом, этим учителем вселенной, всюду испускавшим лучи своего учения. Именно, когда его вели в Рим, однажды поднялась на море сильная буря, так что все, находившиеся на корабле, трепетали за свое спасение и не имели никакой надежды ввиду чрезмерного волнения; тогда он, призвав всех, сказал: *«Убеждаю вас ободриться, потому что ни одна душа из вас не погибнет, а только корабль. Ибо Ангел Бога, Которому принадлежу я и Которому служу, явился мне в эту ночь и сказал: «Не бойся, Павел! ...Бог даровал тебе всех плывущих с тобою»»* (Деян.27:22–24).

Будем постоянно помнить об этом. Поистине, ничто нам не доставляет такой пользы, как всегдашнее памятование о благодеяниях Божиих, как общих, так и частных. Если мы при воспоминании о благодеяниях друга, или услышав приятное слово или дело, согреваемся душою, то гораздо более мы будем с большим усердием относиться к добродетели, когда мы сознаем, каким подвергались опасностям, и как от всех их избавил нас Бог. Так было и с Павлом. О том, что претерпел этот блаженный ради проповеди, о голоде, жажде, нагоде, крушениях, опасностях, кознях, темницах, бичеваниях и всем прочем, думаю, ничего не нужно и говорить. Каждого и из этих бедствий достаточно было, чтобы сильно смутить и сокрушить эту святую душу. Но когда он говорит: *«Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?»* (2Кор.11:29) – в этих словах указывается то, что более всего доставляло ему постоянную и невыносимую скорбь. В самом деле, если он воспламенялся из-за каждого

соблазнявшегося, то в его душе никогда не могло и потухнуть это пламенение, потому что в соблазнявшихся, и таким образом доставлявших пищу огню, не было недостатка. А видя, кроме того, еще и неверующих иудеев, мог ли он иметь хотя бы малейший отдых от скорби и муки? *«Я желал бы, – говорит он, – сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти, то есть Израильтян»* (Рим.9:3–4), то есть: для меня желательнее было бы впасть в геенну, нежели видеть израильтян неверующими. Если же он решался на мучение в геенне, чтобы только привести к вере всех иудеев, то очевидно, что, не достигнув этого, он страдал сильнее тех, которые мучатся в геенне. Ему же были сказаны и следующие слова: *«Довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи»* (2Кор.12:9), т.е. довольно с тебя, что ты воскрешаешь мертвых, исцеляешь слепых, очищаешь прокаженных и совершаешь другие чудеса; не ищи еще и того, чтобы жить безопасно и беззаботно и проповедывать без затруднений. Но ты страдаешь и скорбишь? Не считай, однако, признаком Моего бессилия то, что многие причиняют тебе зло, бьют, гонят и бичуют тебя; напротив, в том-то и обнаруживается Моя сила (*«ибо сила Моя, – говорит, – совершается в немощи»*), когда вы, будучи преследуемы, побеждаете преследующих, будучи гонимы, преодолеваете гонителей, будучи заключаемы в узы, обращаете тех, кто вас связывает. Конечно, тяжело слышать порицания себе и от кого бы то ни было; когда же это делает кто-нибудь из благодетельствованных, когда он порицает и поносит оказанные ему благодеяния, тогда особенно обида становится невыносимой, и кроме скорби возбуждает еще такой гнев, что он может даже задушить обиженного. Тот, кто терпит обиду от какого-нибудь великого человека, находит немалое удовлетворение чувству гордости в самом превосходстве делающего ему зло; тот же, кто терпит от человека ничтожного и презренного, испытывает гораздо большее огорчение и считает свою скорбь нестерпимой. Но ты обращай внимание не на то, смеются ли над нами люди, а на то, смеются ли справедливо и заслуженно; и если справедливо, то, хотя бы они и не

смеялись, мы должны плакать; если же несправедливо, то, хотя бы все смеялись над нами, будем почитать себя счастливыми, а о них плакать, как о самых несчастных людях, нисколько не отличающихся от беснующихся, – хотя для удрученных скорбью и нет ничего нестерпимее, как слово, могущее уязвлять душу. Говорите это ежедневно и себе самим, и друг другу, при удобном случае. Если намеревающийся просить кого-нибудь, хотя бы его просьба была и разумна, поджидает удобного времени, чтобы подойти к человеку, от которого зависит исполнить просьбу, когда он находится в спокойном и хорошем расположении, и благодаря удачно выбранному времени получает просимое, – то гораздо более говорящему нужно искать удобного времени. Мы должны так заботиться друг о друге, как заботимся о себе самих, и щадить ближних так же, как и нас Бог. Подлинно, никто не щадит так себя самого, как всех нас щадит Бог, Который гораздо более нас самих хочет, чтобы мы не потерпели никакого зла. Ему подобает слава, держава, честь и поклонение, ныне и во веки веков. Аминь.

Слово 20. О гневе и ярости

Хочешь ли знать, какое великое зло – гневаться? Стань возле дерущихся на площади. В себе самом, когда ты омрачен и упоен гневом, ты нелегко можешь видеть безобразие, но когда освободишься от страсти, тогда скорее увидишь свое положение. Гнев кипит и клокочет в груди, уста дышат огнем, глаза испускают пламя, все лицо искажается, беспорядочно вытягиваются руки, ноги смешно скачут и топчут удерживающих, и люди ничем не отличаются не только от беснующихся, но даже и диких ослов, лягая и кусая других, – так непристойен человек в гневе. Но, скажешь, сердце кипит и терзается от обиды. Знаю и я; потому-то и высоко уважаю тех, кто побеждает гнев. Действительно, если мы захотим, нам можно удержаться от этой страсти. Почему, в самом деле, когда нас оскорбляют начальники, мы не испытываем ее? Потому, что перед нами стоит равносильный этой страсти страх. Равным образом, почему слуги, которых мы без конца оскорбляем, сносят все молчаливо? Потому, что те же самые узы лежат и на них. Таким образом, ради людей мы и невыносимое сносим, и оскорбляющим нас говорим: такой-то оскорбил меня, не ты, а в отношении к Богу не будем иметь и такого почтения? Скажем же и нашей душе: оскорбляет нас теперь Бог, повелевающий молчать; не станем отвечать бранью, и пусть не будет Бог презреннее людей. Итак, когда кто-нибудь огорчит тебя, подумай о своих согрешениях против Бога, а также о том, что своим смирением перед Ним ты сделаешь более милостивым суд, когда должен будешь давать ответ за них. *«Прощайте, и прощены будете» (Лк.6:37).*

Кроме того, подумай и о том, не бывало ли случаев, когда ты, будучи доведен до неистовства, овладевал собою, и когда слепо увлекался страстью, и сравни те и другие случаи. Когда ты хвалил себя? Тогда ли, когда был побеждаем, или когда сдерживал себя? В первом случае не проклинали ли мы часто самих себя, и не находит ли на нас глубокое раскаяние и за слова, и за дела? Между тем, когда мы сдерживаем себя, мы

веселимся и радуемся как победители. Победа над гневом не в том, чтобы потерпевший или услышавший обиду отплачивал тем же самым, – это было бы крайним поражением, – а в том, чтобы кротко перенести обиду. Равным образом не противься тем, кто уговаривает тебя молчать, и не говори: я не стерплю, чтобы такой-то, насмеявшись надо мной, так и ушел. Нет, не тогда он посмеется над тобой, а когда ты станешь препираться с ним; если же он и тогда посмеется, то сделает это как безумный. Ты же, когда побеждаешь, не ищи одобрение от безумных, а довольствуйся добрым мнением разумных; или еще лучше: подними взор свой к Богу, и Он похвалит тебя; а на кого Бог с благоволением взирает, тому не нужно искать чести у людей. Владеет ли кто большими деньгами или именьями, он должен пользоваться ими как пришелец, который немного спустя волей или неволей должен будет оставить их. Обижен ли кто-нибудь кем-либо, он не должен вечно гневаться, вернее же сказать, даже и на недолго: *«Солнце да не зайдет, – сказано, – во гневе вашем»* (Еф.4:26). Действительно, эта страсть уничтожает целые дома, разрушает старинную дружбу, причиняет непоправимые несчастья.

Итак, когда кто-нибудь оскорбляет тебя, смотри не на обидчика, а на движущего им демона, и весь свой гнев излей на этого последнего, а того, кто возбуждается им, даже пожалей. Если ведь ложь от дьявола, то тем более напрасный гнев оттуда же. Гневаться нельзя, когда никто не раздражает нас; испытывать же похотение, хотя бы перед нами и не было лица, возбуждающего нас к этому, неизбежно. Когда кто-нибудь оскорбит тебя, подумай о том мучении, которое он испытывает, и ты не только не будешь иметь гнева против него, но и прольешь слезы. Никто ведь не сердится на страдающих лихорадкой или горячкой; напротив, всех такого рода больных жалеют и оплакивают. Но если даже ты хочешь и отомстить, смолчи, и ты нанесешь обидчику смертельный удар; а если ты на оскорбление сам ответишь оскорблением, то заставишь думать, что сказанное относительно тебя справедливо. В самом деле, почему богатый, когда ему говорят, что он беден, смеется? Потому, что не признает за собой бедности.

Следовательно, если мы будем смеяться над оскорблениями, то представим самое лучшее доказательство, что не сознаем за собою того, что про нас говорят. Кто-нибудь оскорбил тебя? Моли Бога, чтобы Он скорее смиростивился над ним: он – брат твой, член твой. Но, скажешь, он чересчур оскорбляет меня. Тем больше, следовательно, будет тебе награда за это. Потому особенно надо оставлять гнев на обидчика, что его ранил дьявол. Не укоряй же его еще и ты, и не повергай вместе с ним и самого себя. В самом деле, пока ты стоишь, ты можешь спасти и его; если же ты и себя повергнешь через ответное оскорбление, то кто после этого поднимет вас? Тот ли, раненый? Но лежа он не в состоянии будет сделать этого. Или ты, упавший вместе с ним? Но как же ты, оказавшийся не в силах помочь себе, протянешь руку другому? Того ранил дьявол; не наноси раны еще и ты, а, напротив, извлеки и прежнюю стрелу. Если мы будем так обращаться друг с другом, то вскоре же будем все здоровы: а если мы станем вооружаться друг против друга, то не нужно и дьявола для нашей гибели. Ты первый потерпел зло? Но не потерпеть зло – несчастье, а сделать зло. И не говори: в том нет никакого зла, если я оскорблю такого-то. Потому самому это и есть великое зло, что оно кажется совсем ничтожным; что кажется совсем ничтожным, легко может оставаться в пренебрежении, а что остается в пренебрежении, умножается, а умножаясь, становится и неисцельным. Итак, не думай, что ты не делаешь ничего худого, порицая брата. Как же в таком случае ты назовешь его братом? А если он не брат, то как ты можешь говорить: «*Отче наш*»? Ведь «*наш*» указывает на многих лиц.

Тот, кто имеет звероподобные и бесчеловечные чувства, не может называть Отцом Человеколюбивого Бога, так как не сохраняет признаков той благодати, которая находится в Небесном Отце, а превращает себя в звероподобный вид и лишается Божественного благородства. Когда кто-нибудь скачет как бык, лягается как осел, помнит зло как верблюд, обжирается как медведь, расхищает как волк, поражает как скорпион, коварен как лиса, похотлив на женщин как конь женонеистовый, – то как такой человек может воссылать подобающий сыну глас

и называть Бога своим Отцом? Чем нужно назвать такого человека? Зверем? Но звери страдают каким-либо одним из этих пороков, а этот соединяет все и становится бессмысленнее самих даже бессмысленных. В самом деле, звери, будучи по природе свирепыми, благодаря человеческому искусству часто делаются кроткими; этот же, будучи человеком и превращая свойственную зверям по природе свирепость в противоестественную им кротость, какое будет иметь оправдание, когда естественную свою кротость превращает в противоестественную свирепость? Какое будет иметь оправдание, когда свирепого по природе зверя делает кротким, а себя, кроткого по природе, делает свирепым, льва укрощает и делает ручным, а собственный свой дух делает свирепее льва? Лев умирляет и делает человеком, а сам о себе, делаясь из человека львом, пренебрегает; того наделяет сверхприродными свойствами, а себе не доставляет и того, что требуется природой. Если ничто так не уподобляет Богу, как то, когда обижаемый прощает обидчикам, то какого наказания будут достойны те, которые после всего этого не только не прощают врагам, но даже молятся Богу об отмщении им и обращаются с просьбами против них. Какую же после этого могут они иметь надежду на спасение, когда даже и в тот самый час, когда нужно Его умиловать, они только раздражают Его, принимая на себя вид молящегося о прощении, а на самом деле испуская вопли зверя и изошряя против себя же самих стрелы лукавого? В самом деле, если ты даже и в то время, когда нуждаешься в милосердии, не оставляешь гнева, но полон мыслью о нем, и притом зная, что точишь меч против себя же самого, то можешь ли ты когда-нибудь стать человеколюбивым?

Ты потерпел обиду и хочешь отомстить тому, кто тебе нанес ее? Сделай ему добро, и ты отомстил. Если ты станешь вымещать ему, то все будут одинаково порицать и тебя, и его; если же ты снесешь обиду, то тебя будут одобрять и хвалить, а его порицать. Для врага же может ли быть более горькая обида, как видеть, что врага его все уважают и хвалят, а его самого все бесчестят на глазах же врага? Гнев есть зверь, который легко выскакивает, почему нам и нужны бесчисленные преграды и

препоны, чтобы укротить и удержать его. Вот почему Бог эту именно часть нашего тела и устроил из костей, как бы из каких-то камней, дав ей твердую опору, чтобы он как-нибудь не разорвал и не сокрушил ее, и через то не причинил гибели всему существу. Гнев, как говорится, есть огонь и великая буря; и никакая другая часть нашего тела не в состоянии была бы выдержать его силы. Не так лев может растерзать наши внутренности, как гнев, постоянно подстерегая нас, губит все своими железными когтями, потому что он не только причиняет вред телу, но губит и здоровье самой души. Поэтому, когда кто-нибудь придет и скажет тебе, что такой-то оскорбил тебя и постоянно перед всеми злословит тебя, похвали перед пришедшими оскорбившего тебя; и, как бы последние ни были бесстыдны, они похвалят тебя и проникнутся уважением к тебе, а того станут презирать, считая его хуже всякого зверя, за то, что он, не будучи ничем обижен, огорчил тебя, а ты, даже и потерпев обиду, отплатил ему обратным. Кроме того, ты можешь этим самым доказать, что и все сказанное про тебя – пустая ложь. Если оскорбляемый раздражается, то этим самым дает доказательство, что он сознает за собой то, что про него говорят; если же он смеется, то освобождает себя в глазах присутствующих от всякого подозрения. Если же ты желаешь и отомстить обидчику, то и это будет достигнуто с полным успехом, так как и Бог накажет его за его слова, а раньше еще этого наказания и твое любомудрие будет для него как бы смертельным ударом. Ничто ведь обычно так не досаждало оскорбляющим нас, как если мы смеемся над наносимыми нам оскорблениями. Когда ты на оскорбление ответишь оскорблением же, ты потерпишь поражение, будучи движим не человеком, но, что гораздо постыднее, – низкой страстью, гневом; если же ты смолчишь, то одержишь победу и без труда воздвигнешь трофей, тысячи людей будут прославлять тебя и осуждать ложь злоречия. Кто отвечает на оскорбление, представляется отвечающим по чувству раздражения, а кто раздражается, тот заставляет подозревать, что он сознает за собой то, что ему говорят; между тем если ты посмеешься, то своим смехом уничтожишь и приговор над собою, и причинишь

гораздо больше досады оскорбившему тебя, который не так радуется тому, что не подвергается оскорблению, как досадует на то, что не может уязвить тебя. Если, таким образом, ты лишишь его того, чего он более всего желает, то лишишь его всего, совершенно уничтожишь его и покажешь достойным презрения. Подлинно, не так победа над врагами делает славными царей, как победа над яростью и гневом. Там дело совершают оружие и воины, а здесь исключительно только твоя победа; там победу вместе с тобой разделяют и другие, а здесь ты один воздвигаешь трофей.

Итак, когда кто-нибудь оскорбит тебя, мужественно перенеси обиду, потому что он обидел себя самого, а не тебя. Если кто-нибудь ударит тебя в десницу, не противься, потому что он сам терпит поражение, тебя поражая рукою, а себя самого гневом, и приобретая у всех дурную славу. Если же тебе кажется это тяжким, то подумай о том, кого бы ты назвал терпящим зло, если бы какой-нибудь сумасшедший изорвал всю твою одежду, – тебя ли, пострадавшего, или того, который сделал это? Очевидно, что этого последнего. Если же здесь, когда у тебя разрывается одежда, делающий это терпит более тяжкое зло, нежели потерпевший, то, когда разрывается сердце (что делает гнев), не признаешь ли ты, что гневающийся терпит гораздо большее зло, нежели ты, который не терпишь ничего решительно. Если не следует воздавать злом за зло, то тем более злом за добро, равно как воздавать злом, когда наперед нам не было оказано зла. Но такой-то, скажешь, негодяй, огорчил меня и причинил мне много обид. Хочешь ему отомстить? Не оплачивай ему, оставь без отмщения, поблагодари его. Это будет действительно месть, которая и ему принесет вред, и тебе пользу, потому что от такой мести рождается радость. В самом деле, когда мы имеем такую душу, что никому не мстим, а всем только благодетельствуем, то, скажи мне, откуда может проникнуть в нее жало печали? Кто до такой степени рад терпеть зло, что платит причинившему его даже благодеяниями, тот как может уже печалиться? В самом деле, скажи мне, какое зло потерпел ты? Болезнь постигла? Но в этом нет ничего странного, потому что тело наше смертно и

подвержено страданию. Или крайний недостаток денег? Но и деньги могут приобретаться и теряться, и остаются здесь. Или козни и клеветы? Но и от них не мы терпим вред, а те, кто были их виновниками: *«Душа, – сказано, – согрешающая, она умрет»* (Иез.18:20); грешит не тот, кто терпит зло, а тот, кто делает зло.

Итак, возлюбленные, ни о чем так не будем стараться, как о том, чтобы быть свободными от гнева и примирять с собою тех, кто враждебно относится к нам, зная, что ни молитва, ни милостыня, ни пост, ни приобщение Таинствам, ни другое что подобное, не в состоянии будет защитить нас в день Суда, если мы будем помнить зло. Не погрешит поэтому тот, кто назовет этот грех тягчайшим всякого греха. Ничего так не ненавидит и не отвращается Бог, как человека злопамятного и хранящего гнев. Да и как ты можешь желать, чтобы Бог был кроток и милостив к тебе, когда сам ты остаешься жесток и безжалостен к сорабу? Но тебя оскорбил сораб твой? И ты часто оскорбляешь Бога; но какое же равенство между сорабом и господином? Притом, тот оскорбил тебя, может быть, в припадке страсти, будучи обижен и раздражен; между тем ты оскорбляешь Бога, не потерпев от Него никакого зла, ни обиды, а, напротив, получая от Него каждый день благодеяния. Какое же мы будем иметь оправдание или прощение? Итак, подумай, что если Бог захочет со всей строгостью рассудить наши поступки против Него, мы не проживем и одного дня. *«Если Ты, – говорится, – Господи, будешь замечать беззакония, – Господи! кто устоит»* (Пс.129:3)? Твоя слава во веки веков. Аминь.

Слово 21. О начальстве, власти и славе.

Рассказывают, что блаженный Константин, когда однажды была разбита его статуя, и многие подстрекали его отмстить и наказать оскорбителей, говоря, что они изранили камнями все его лицо, пощупав своей рукой лицо и слегка улыбнувшись, сказал: «Я нигде не вижу на лице следов ударов, напротив, и голова цела, и все лицо невредимо», и таким образом посрамив и пристыдив их, заставил отказаться от такого пагубного совета. Если же благодаря этим словам он у людей получил такую славу, то какие же блага получит он от Человеколюбца Бога? Истинно тот царь, кто властвует над гневом, над завистью и удовольствием, и все подчиняет законам Божиим, и, сохраняя ум свободным, не дозволяет утверждаться в душе власти удовольствий; такого человека я охотно желал бы видеть владыкой земли и моря, городов, народов и войск. В самом деле, кто поставил разум начальником над страстями души, тот легко стал бы начальствовать над людьми согласно законам Божиим, так что был бы для подчиненных наподобие отца, обходясь с гражданами со всякой кротостью. Тот же, кто начальствует по-видимому над людьми, а сам рабствует гневу, властолюбию и удовольствиям, во-первых, может показаться смешным для подчиненных, что носит золотой и украшенный драгоценными камнями венец, а благоразумием не увенчан, что все тело его блистает порфирой, а душа остается неукрашенной; а во-вторых, он не будет знать и того, как распоряжаться властью, потому что тот, кто оказался не в состоянии управлять собою, как сможет исправлять других законами? Будем стремиться не к тому, чтобы пользоваться почестями и властью, а к тому, чтобы пребывать в добродетели и любомудрии. Сила и власть побуждают делать многое неугодное Богу; и нужна очень мужественная душа, чтобы по-надлежащему воспользоваться данной честью, славой и властью. Тот, кто лишен высокого достоинства, и невольно любомудрствует; тот же, кто пользуется им, испытывает нечто подобное тому, как если бы кто-нибудь, живя вместе с

благовидной и красивой девицей, положил себе за правило никогда не смотреть на нее нескромным оком. Таково свойство власти. Вот почему даже невольно она побуждает многих к нанесению обид, воспаляет гнев, снимает узду с языка, открывает дверь устам, обуревая душу, как бы ветром, и погружая ладью в самую глубину зол. Величие чести для людей, не старающихся жить достойно этой чести, служит к увеличению наказания.

Известность и успех среди народа, чем более славным делают человека, тем более представляют опасностей и забот, потому что такой человек не может даже остановиться и вздохнуть, имея столь жестокого и тяжкого господина. Да что я говорю: остановиться и вздохнуть? Хотя бы такой человек имел тысячи добрых дел, он с трудом входит в Царствие Небесное, потому что ничто так обычно не надмевает людей, как слава толпы. Переносить бесчестье – великое и благородное дело; но для обладания славой требуется мужественная и весьма великая душа, чтобы пользующийся славой не возгордился. Если хочешь получить славу, отвергай славу; если же будешь гнаться за славой, потеряешь славу. Эта слава – тень настоящей славы. Видя нарисованный хлеб, никто не схватится за изображение, как бы ни был томим голодом. Итак, те, кто говорят, что они получили все в настоящем, совершенно всего лишают себя в будущем. Так и Адам вследствие надежды на большую честь лишился и той, которую имел. И многие, желая большего, часто губят и то, что у них есть, и надеясь обладать всеми здешними благами, лишаются и части их. Чем выше и блестящее бывает успех в делах человеческих, тем большее готовит он падение; и так бывает не только с подчиненными, но и с самими царями; и частный дом не бывает исполнен столькими бедствиями, скольких зол полон царский дворец. Потому ли, скажи мне, завидуешь ты ближнему, что видишь, как он пользуется почетом и большой славой? А не помышляешь ты о том, как они скоротечны, и сколько зла рождается отсюда? Но что еще того тяжелее, это то, что происходящие от них бедствия остаются вечно, между тем как удовольствие не успеет еще и явиться, как уже исчезает. Он имеет большую силу у государя,

разоряет и грабит все, где только хочет, угнетает врагов и благодетельствует льстецам, может делать все? Но какое же зло может он причинить? Лишить достоинства? Но что же в том? Если справедливо, то он даже приносит пользу, потому что ничто так не раздражает Бога, как незаслуженное пользование почестями; если же несправедливо, то опять вина падает на него, а не на обиженного: тот, кто терпит что-нибудь несправедливо и мужественно переносит обиду, приобретает через это большее дерзновение перед Богом. Тот, кто покоряется властям, не властям покоряется, а повинуется Богу, установившему их; и кто не повинуется им, тот противится Богу.

«Нет власти, – говорится, – не от Бога» (Рим.13:1). То, что существуют власти, и одни начальствуют, другие находятся в подчинении, а не идет все без порядку и разбору, и народы не мечутся, как беспорядочные волны, – есть дело мудрости Божией. Потому Бог строго и карает за пренебрежение к ним. Если ты не станешь повиноваться им, Он подвергнет тебя не какому-нибудь ничтожному наказанию, а весьма тяжкому; и ничто не избавит тебя, если ты станешь прекословить, но и у людей ты потерпишь тягчайшее наказание, и Бога прогневишь чрезмерно. Подобно тому как, если ты отставишь кормчего от корабля, ты потопишь корабль, или если отнимешь вождя у войска, предашь воинов в руки врагам, так точно, если ты уничтожишь начальников в городах, мы будем проводить жизнь беспорядочнее зверей неразумных. Что связи брусьев в домах, то и начальники в государствах. Когда начальник безупречен во всем, тогда он может как угодно и наказывать, и миловать всех подчиненных, потому что не наказать виновных и помиловать тех, кто совершил не заслуживающее никакого снисхождение преступление, свойственно разве лишь одному – другому человеку, и в особенности когда оскорблению подвергается царь. Легко подчинить себе граждан страхом; но сделать всех своими приверженцами и заставить искренно быть расположенными к власти – дело трудное; и сколько бы иной не потратил денег, сколько бы ни поднял войск, что бы ни сделал и другое, он не легко может привлечь к себе расположение такого множества людей. Ничто так не показывает с хорошей стороны

начальника, как попечение о подчиненных. И отцом ведь делает не только одно рождение, но и любовь после рождения. Если же там, где природа, требуется любовь, то гораздо более (требуется она) там, где доброе расположение.

Поистине, власть священства больше власти царской, и постольку больше, поскольку царю вверены тела, а священнику – души. Один разрешает долги денежные, другой – долги грехов; первый действует принуждением, второй – увещанием: первый владеет оружием чувственным, второй – духовным; первый ведет войну с варварами, второй – с демонами. Вот почему и в Ветхом Завете священники помазывали царей, и теперь Бог подклоняет главу их под руки священника, научая нас, что последний владеет большей властью, нежели царь, так как *«меньший благословляется большим»* (Евр.7:7). Некогда Озия царь вошел в храм Господень, желая воскурить фимиам; вслед за ним вошел и Азария иерей, чтобы изгнать его отсюда не как царя, а как беглого и неблагодарного раба; устремился за ним со всей смелостью, как отважный пес бросившись на нечистого зверя, чтобы выгнать его из дома Господня. Не посмотрел он на все величие власти, не слышал Соломона, говорящего: *«Гнев царя – как рев льва»* (Притч.19:12), а обратив взор к истинному Царю Небесному и укрепившись страхом Его, напал на тирана. Впрочем, войдем, если угодно, и мы, чтобы видеть, что он говорит царю. *«Не тебе, – говорит, – Озия, кадить Господу»* (2Пар.26:18). Не назвал его царем, так как он сам себя лишил уже этого достоинства; так как тот, кто делает грех, есть раб, хотя бы имел на главе своей тысячи венцов; тот же, кто творит правду, хотя бы был самым последним из людей, и самого царя царственнее. И слушай, что я скажу. Нужно было некогда поставить иудеям царя, так как прежде бывший оказался недостойн царства. И вот посылается Самуил к Иессею и говорит: «Меня послал Бог, чтобы одного из сыновей твоих поставить в цари». Услышав о царе, Иессей приводит первого сына, считая его способным получить это достоинство. «Уведи его, – говорит Самуил, – не избрал его Бог». – Приводит второго; и не этот. Приводит третьего; и не этот. Приводит четвертого, пятого, шестого; и это не те. Кончился лик детей, а

искомого не обреталось. «Есть у тебя, – говорит ему Самуил, – еще сын»? Устыдился отец. «Есть, – говорит, – еще один, малый, не стоящий внимания, пастух». Что же? Ты хочешь поставить царя и меньшего считаешь лучшим лучшего? Человек человека уничижает, а Бог венчает: *«Я смотрю не так, как смотрит человек; ибо человек смотрит на лице, а Господь смотрит на сердце»* (1Цар.16:7). Разве мы ищем телесного дородства? Благородства души желаем мы.

Но почему же Бог не сказал определенно: «пойди, и помажь Мне в цари Давида», но: «одного из сыновей Иессеевых»? Чтобы Давид не потерпел того же, что случилось с Иосифом. Подобно тому как братья последнего, узнав, что он предназначался в цари, умыслили против него зло, так точно должно было опасаться, чтобы и братья Давида не сделали того же. Таким образом, неизвестность стала для Давида матерью безопасности. Итак, приходит Давид, помазуется елеем, и уходит облеченный царскою властью, будучи защищаем не броней, не щитом и копьем, а благоволением Божиим, могущественнейшим всего. И вот, побуждаемый войною, пошел он посмотреть сражение и нашел иноплеменника, который вызывал на единоборство, и никто не осмеливался выйти и сразиться с ним. Тогда стал он и говорит: *«Ибо кто этот необрезанный Филистимлянин, что так поносит воинство Бога живого»* (1Цар.17:26)? И говорят ему: откуда у тебя такое высокомерие? Нет, – отвечает он, – не высокомерием, а верою, не броней, а благочестием вооружен я; я смотрю не на рост его, а на скудость ума, гляжу не на то, что велик корабль, а на то, что у него нет кормчего. Что же братья? Опять злоба, опять зависть. *«На кого оставил немногих овец»?* Мы знаем *«высокомерие твое и дурное сердце твое, ты пришел посмотреть на сражение»* (1Цар.17:28). Он же, подрезая нарыв, отошел от них и, перейдя в другое место битвы, говорит: что будет человеку, который снимет с него голову? Те приводят его к царю. Видя перед собою упавшего духом царя, объятых страхом и трепетом, Давид говорит ему: «зачем опечалилось лицо господина моего?». И таким образом благовременно объявляет о рабской своей преданности. Кто этот? Или я не

пойду и не сниму с него голову? Что же царь? Как, – говорит, – можешь ты сразиться с ним, когда ты еще малый отрок, а он воин от юности своей? Не верит царь; Давид вынуждается рассказать о своих подвигах. Я, – говорит, – был малым отроком, пасшим овец отца своего, *«и когда, бывало, приходил лев или медведь и уносил овцу из стада моего, то я гнался за ним и... отнимал из пасти его; и поражал... льва и медведя... и с этим Филистимлянином необрезанным будет то же, что с ними, потому что так поносит воинство Бога живого... И сказал Саул Давиду: иди, и да будет Господь с тобою»* (1Цар.17:34–37). Царь дал ему свое оружие, но тот не мог носить его. Почему? Бог не попустил этого, чтобы доля победного подвига не отнесена была к оружию, чтобы царь не сказал: «мое оружие победило». Итак, Давид бросает оружие и облекается верой; мечет камень, и пал иноплеменник. Не силой тела, а силой духа стяжал он победу. Затем он подбежал, взял его меч и отсек ему голову. И исполнилось слово Писания: *«Нечестивый уловлен делами рук своих»* (Пс.9:17).

Итак, если ты любишь славу и честь, то старайся украшать не дом, не коня, а свою душу, – между тем как теперь не может быть ничего презреннее тебя, когда душа твоя пуста, а ты выставляешь на вид красоту дома или коня; но и то, и другое, скажешь, есть у меня? Что ты говоришь? Ужели ты не боишься произносить такие слова и ставить Христа наряду с лошадьми и камнями? Иль ты не знаешь, что Он и тело создал, и душу даровал, и весь мир предоставил тебе? А ты не воздаешь Ему за это и малой благодарности? Если ты отдашь в наем даже маленький домишко, то со всей строгостью требуешь платы; между тем, пользуясь всем Его творением и живя в таком благоустроенном мире, не хочешь отплатить и малой благодарностью? Можешь ли ты заслуживать какого-либо извинения? Подобно тому, как человек, бросающий камень вверх, не может ни расцечь свод небесный, ни достигнуть его вышины, а принимает удар собственной же своей головой, так как камень падает обратно на бросающего, так точно и хулящий блаженное Существо Божие никогда не причинит Ему никакого ущерба, поскольку Оно гораздо больше и выше того, чтобы

потерпеть какой-либо вред, а точит меч на свою же собственную голову, оказываясь неблагодарным к своему Благодетелю. Да слышат те, которые с излишним любопытством исследуют блаженную сущность Божества и утверждают, что непостижимая эта природа постижима, чтобы знать, что человеку невозможно видеть без опасности даже и существо Ангела.

Святой пророк Даниил, друг Божий, имевший великое дерзновение перед Богом, постился три седмицы дней, желанного хлеба не ел, мясо и вино не входило в уста его, и мастьми не умащал себя; и когда душа его, став благодаря посту более легкой и духовной, сделалась более способной к восприятию такого видения, тогда он увидел Ангела и сказал: *«От этого видения внутренности мои повернулись во мне... и дыхание замерло во мне; ...во мне не осталось крепости, и вид лица моего чрезвычайно изменился, не стало во мне бодрости»* (Дан.10:16–17,8). Так как он был благообразным юношей, а страх присутствия Ангела сделал его похожим на умирающего, разлив по лицу страшную бледность, уничтожив румянец юности и совершенно истребив здоровый цвет лица, то он и говорит: *«не стало во мне бодрости»*. Итак, Ангел поднял его, и он встал с трепетом; но когда Ангел начал говорить с ним, он опять пал на землю. И как пораженные страхом, после того как выйдут из оцепенения, придут в себя и очнутся, когда еще мы держим их и спрыскиваем лицо их холодной водою, часто умирают на самых наших руках, так и пророк испытал нечто подобное. Пораженная страхом душа его, не вынося зрелища присутствия сораба, и не в состоянии будучи сносить этот свет, находилась в смятении, спеша освободиться, как бы от каких цепей, от уз плоти; но тот удержал ее. Если же Даниил, перед которым львы потупили взор свой, Даниил, который в человеческом теле мог совершать сверхчеловеческие дела, который прославлен мудростью, праведностью и многими другими добродетелями, не вынес присутствие сораба, а пал бездыханным, то что же потерпят те, которые, будучи так далеки от добродетели этого праведника, излишне любопытствуют о Владыке Ангелов, мечтая узнать со всей точностью самое Его Существо, это высочайшее и первое

Существо, произведшее мириады тех Ангелов, одного из коих не в силах был видеть Даниил? Подобно тому, как неприступные солнечные лучи не так знает слепой, как обладающий зрением, так точно и непостижимое естество Божие не так знаем мы, как ангельские силы, поскольку они чище, мудрее и проницательнее человеческой природы. Насколько различается слепой от зрячего, настолько же и мы от них. Поэтому, когда ты слышишь пророка, который говорит: *«видел я Господа»* (Ис.6:1), то разумей не то, что он видел самую сущность, а некоторое снисхождение, и притом более прикровенным образом, нежели горние силы. Это ясно видно и из примера апостолов. *«Взошел..., – говорится, – на гору Иисус, и преобразился пред ними»* (Лк.9:28; Мф.17:2). Что значит *«преобразился»*? Несколько приоткрыл Божество и показал им обитающего в Нем Бога. *«И просияло лицо Его, как солнце, и одежды же Его сделались белыми, как свет»*. Евангелист хотел показать Его сияние, и говорит: *«преобразился»*. Как *«преобразился»*? Весьма сильно. Но как же, скажи мне? *«Как солнце»*. *«Как солнце»*, – говоришь? Да! Почему же? Потому что я не знаю другого столь светлого и ясного светила. Он был светел и бел, как снег; не знаю другого, более белого, вещества. А что Он не так сиял, это видно из дальнейшего. *«Ученики пали»* на землю (Мф.17:6). Если бы Он сиял, как солнце, ученики не пали бы на землю, потому что солнце они видели ежедневно и не падали; но так как Он сиял светлее солнца и ярче света, то, не вынося такого сияния, они и пали ниц. Но что мне делать? Я человек и с людьми говорю; глиняным владею языком.

Прощения прошу у Владыки, так как не по дерзости пользуюсь такими словами, а по скудости и слабости нашего языка. Будь милостив, Владыка, так как произношу эти слова не от гордости, а не имею других, и притом не останавливаюсь на низменности слов, а воспаряю ввысь на крыльях мысли. Для того мы и это сказали, равно как сообщали историю и относительно блаженного Даниила, и долго говорили о том, как он цепенел, трепетал, и был в положении ничем не лучше умирающих, когда душа стремилась освободиться от уз плоти,

чтобы вы, признающие Бога постижимым, с полной очевидностью знали, что невозможно вынести не только видение Бога, но даже и Ангела. Как кроткий ручной голубь, живущий в клетке, когда чувствует какой-нибудь страх, в испуге летит кверху и ищет какого-нибудь выхода через дверцы, желая освободиться от страха, так точно и душа этого блаженного спешила тогда выйти из тела и рвалась вон. И она вышла бы и улетела и совершенно покинула бы тело, если бы Ангел не поспешил тотчас же освободить ее от страха и возвратить опять в свое обиталище. Если же этот праведник, имевший такое дерзновение, не вынес видения Ангела, то что же будет с теми, которые, так далеко уступая ему, излишне любопытствуют не об Ангеле даже, а о Самом Владыке Ангелов? Он укротил ярость львов, а мы не можем преодолеть и лисиц; он сокрушил самого дракона, а мы и простых змей боимся. И если столь великий и доблестный муж, увидев явившегося ему Ангела, впал в тяжкое умопомрачение, – то какое извинение будут иметь те, кто пытается проникнуть в самую блаженную природу Божества? Вот почему и Павел в изумлении говорил: *«О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы⁵ судьбы Его и неисследимы пути Его!»* (Рим.11:33). Не сказал: «непостижимы», а: «неиспытанны». Если же их нельзя испытать, то тем более невозможно постичь. *«И неисследимы пути Его»*. Пути Его неисследимы, а Сам Он, скажи мне, постижим? Что ты говоришь? Судьбы Его исповедимы, пути Его неисследимы, блага, которые уготовал Он любящим Его, на сердце человеку не всходили, величие Его беспредельно, разуму Его нет числа, все непостижимо, и только Сам Он постижим? Не чрезмерное ли это безумие? И кто не восплачет о вас ввиду такого сумасшествия и крайнего безумия? Постараемся же, возлюбленные, по мере сил отвергнуть его от себя, представляя всегда перед очами нашими Павла, восклицającego в изумлении: *«Как неиспытанны судьбы Его и неисследимы пути Его!»*. Ему слава во веки. Аминь.

Слово 22. О терпении и великодушии.

Если угодно, предложим вам, возлюбленные, в качестве увещания к терпению доблестные подвиги праведного Иова. Этот самый праведник, стяжавший себе великую славу, всеми высокоуважаемый, имя которого всюду пользовалось большой известностью, неожиданно впадши в бесчестие и общее презрение, вел борьбу и с бедностью, и с болезнью, с потерей детей, с нападками врагов и неблагодарностью друзей, с голодом и телесными страданиями, со злословием и клеветой; и что всего тяжелее, – эти бедствия обрушились на него, когда он и не помышлял о них. В самом деле, тот, кто родился от бедных родителей и получил воспитание в бедном доме, легко может вынести бремя бедности, как человек уже приученный и привыкший к этому; но кто изобилует громадными средствами и владеет большим богатством, и потом неожиданно впадает в бедность, тому нелегко потерпеть такую перемену. Равным образом и при потере детей, хотя бы кто лишился и всех их, но не в одно время, находит утешение в своем горе по умершим в остающихся; и когда скорбь о раньше умерших утихнет, если и приключится спустя некоторое время смерть других детей, горе не чувствуется уже с такой остротой: оно падает не на свежую рану, а на затянувшуюся уже и залеченную; а это значительно уменьшает боль. Между тем у этого праведника вся семья была истреблена на его глазах в одно мгновение, и притом самым жестоким образом, во время пира, в доме, открытом для странников: дом стал для них гробом. Кто также может изобразить тот необычайный и не поддающийся описанию голод, и добровольный, и невольный? Право, я не знаю, как его и назвать. Добровольным? Но ему хотелось вкушать лежавшую перед ним пищу. Невольным? Но пища была перед ним, и никто не препятствовал ему, а между тем он воздерживался от предложенной трапезы и, видя перед собою яства, не прикасался к ним. Зловоние, исходившее из ран, покрывавших тело, уничтожало желание и самую пищу делало отвратительной. *«Смрад бо зрю, – говорит, – брашна моя»* («До

чего не хотела коснуться душа моя, то составляет отвратительную пищу мою» (Иов.6:7). Томящий голод заставлял браться за пищу, но чрезмерное зловоние, исходившее от тела, побеждало силу голода. Как изображу я его страдания, источники червей, потоки гноя, поношения друзей, презрительное обхождение слуг? Слуги мои, говорит, не пощадили лица моего от заплеваний; и те, которых я не считал достойными псов стад моих, ныне смеются надо мною, и дают мне наставление люди отверженные. Не тяжко ли, по видимому, все это? И подлинно, тяжко и невыносимо. И, тем не менее, когда Человеколюбец Бог благоволил открыть ему причину этих браней, когда сказал именно, что все это попущено было для того, чтобы он оказался праведником, то он так воспрянул духом, как будто бы совсем и не потерпел тех бедствий. Как борцу на состязании приходится терпеть и пот, и пыль, и сильный жар, и усталость, и утомление, так точно и праведнику здесь нужно терпеть многое, и все мужественно переносить, если он желает получить блистательные венцы в жизни будущей. Если мы с похвалой говорим о теле, которое может без труда выносить холод и зной, голод и нужду, путешествия и другие тяготы, то гораздо более должны ублажать душу, которая может твердо и мужественно выносить все напасти и бедствия, и всегда сохранять непорабощенным свой ум. Как душа, пребывающая в праздности и безопасности, легко пленяется страстями, так, наоборот, упражняющаяся постоянно в подвигах благочестия не имеет даже и времени когда-нибудь подумать об этом, потому что забота о подвигах отвлекает ее от всего этого. Не только тот, кто делает добрые дела, но и тот, кто терпит зло, получает великие награды; и доказательство тому представляет Иов, прославившийся более своими страданиями, нежели добрыми делами. В самом деле, он был не так славен в то время, когда владел богатством, отверзал свой дом для бедных и раздавал имение, как в то время, когда услышал, что дом его обрушился, и не возроптал; не так был славен, когда от волны овец своих одевал нагих, как славен и достохвален в то время, когда, услышав, что пал огонь и истребил все, возблагодарил Бога. Тогда он был

человеколюбом, теперь стал мудролюбом; тогда сострадал бедным, теперь благодарит Господа. И не сказал он в душе своей: «Что же это такое? Стада, от которых питались тысячи бедных, истреблены»; не сказал: «если недостоин был я пользоваться таким достатком, то ради хоть неимущих надлежало пощадить». Ничего такого ни сказал он, ни подумал, но знал, что Бог все устрояет на пользу. И чтобы ты знал, что он нанес более сильный удар дьяволу напоследок, когда, будучи лишен всего, возблагодарил, нежели в то время, когда, владея богатством, оказывал сострадание, послушай следующее. Когда он владел богатством, дьявол имел хоть какой-нибудь предлог сказать: «Разве даром богобоязнен Иов?» (Иов.1:9). Но когда дьявол все отнял у него, всего лишил, а он сохранил то же самое почтение к Богу, тогда заградились наконец бесстыдные его уста и более не могли уже ничего сказать, потому что праведник оказался еще славнее, чем прежде. Действительно, лишившись всего, мужественно и с благодарностью переносить лишение гораздо более славное дело, нежели творить милостыню, живя в богатстве. Благодарить Бога, когда все идет успешно, – в этом нет ничего достойного удивления; но когда поднимается буря, и ладья находится в опасности перевернуться, тогда это служит великим доказательством терпения и благородства духа. Если люди, сознающие за собою тысячи злодеяний, потерявши хотя бы малость золота, да и то часто добытого грабежом, считают жизнь свою не в жизнь, то каких же венцов достоин был Иов, когда он видел, как богатство его, собранное от праведных трудов, похищается без причины и повода, и после всего этого потерпел еще тучи бесчисленных искушений, и тем не менее ни от чего не смутился и воссылал за все это подобающее благодарение Владыке? В самом деле, не говоря обо всем прочем, одних слов жены достаточно было, чтобы поколебать даже камень. Если многих, живущих в счастье и не потерпевших ничего худого, часто уговаривают жены, то подумай, как мужественна была душа, отразившая ее с таким оружием. Когда говорившей была жена, и говорила жалобные слова, и помощниками своими имела и время, и язвы, и раны, и тысячи

обуревавших помыслов, то кто не признает по всей справедливости душу, которая ничего не потерпела от такой бури, твердейшей всякого адаманта? Смело могу сказать вам, что этот блаженный был если не больше, то и не меньше самих апостолов. Для последних служило утешением то, что они терпели бедствия ради Христа; а тот лишен был и этого утешения; и что еще важнее, все это он претерпел, будучи воспитан в большой роскоши, принадлежа не к числу рыбаков, мытарей, людей низкого сословия, а как человек, пользовавшийся большим почетом. И что представляется самым тяжким в рассуждении апостолов, и то он потерпел, подвергаясь именно поношениям и ненависти не со стороны врагов, а со стороны друзей, слуг и благодетельствованных им.

А что это так, давайте сравним добродетели и страдания, чтобы вам ясно знать, что не только за добродетели, но и за страдание уготованы награды, и награды весьма великие, не меньшие, чем и за добродетели. И если угодно, представим в качестве примера того же самого великого подвижника терпения – Иова, просиявшего как добродетелями, так и страданиями, и сравним, когда он был славнее, тогда ли, когда он отверзал свой дом для всех проходящих, или тогда, когда по поводу разрушения его не произнес ни одного горького слова, а воздал хвалу Богу? Когда он светлее сиял, скажи мне, тогда ли, когда приносил жертвы за детей и побуждал их к согласию между собою, или когда они засыпаны были землею и кончили жизнь свою несчастнейшим образом, а он перенес это несчастье с великим любомудрием? Когда он более блистал, тогда ли, когда от волны овец его согревались плечи нагих, или когда он, услышав, что пал огонь с неба и пожрал стада вместе с пастухами, не смутился и не впал в уныние, а спокойно перенес несчастье? Когда он был более велик, тогда ли, когда здоровьем тела пользовался для защиты обидимых, сокрушая зубы нечестивых и вырывая из самых зубов их добычу, или тогда, когда это самое тело, оружие обидимых, видел пожираемым червями и, сидя на гноище, сам скоблил его черепком? *«Обливаю, – говорит, – грудие земли, гной стружа» («Тело мое одето червями и пыльными трупами; кожа моя лопается и*

гноится») (Иов.7:5). Хотя все то были добродетели, а это страдания, однако последние сделали его более славным, чем первые. Когда у него были только добродетели, то дьявол, хотя и с крайним бесстыдством и наглостью, но все же попрекал его, говоря: «Разве даром богобоязнен Иов?» (Иов.1:9). Когда же случились эти несчастья, то со стыдом обратился в бегство, не смея уже бросить и тени какого-либо бесстыдного попрека. Поэтому, когда ты увидишь, что какой-нибудь праведный муж отличается великими добродетелями и терпит бесчисленные бедствия, не удивляйся: наоборот, нужно было бы удивляться, если бы дьявол, получая множество ударов, стал молчать и спокойно переносить раны. Нечему удивляться, если змея, подвергаясь постоянным уколам, приходит в ярость и бросается на того, кто ее колет. И воину, возвращающемуся с победы и битвы, неизбежно приходится быть в крови, а часто даже иметь и раны. Итак, когда ты увидишь человека, который творит милостыню и совершает тысячи других добрых дел, и таким образом сокрушает силу дьявола, и подвергается затем искушениям и опасностям, не смущайся этим: потому он и подвергается искушениям, что слишком сильный удар наносит дьяволу. Но как же, скажешь, Бог попускает это? Для того, чтобы праведник еще более прославился, чтобы дьявол получил еще сильнее удар. Великое, конечно, дело и при благоприятных обстоятельствах творить милостыню и преданно служить добродетели; но гораздо более еще великое дело, терпя бедствия, самоотверженно и с полнейшим усердием подвизаться за добродетель. Как грешники, не потерпевшие никакого бедствия здесь, подвергаются большему наказанию там, так и праведники, потерпевшие много бедствий здесь, получают большую награду там. И подобно тому как из двух грешников, если один подвергается здесь наказанию, а другой нет, блаженнее подвергшийся наказанию, чем неподвергшийся, – так точно и из двух праведников, если один терпит больше скорбей, а другой меньше, блаженнее тот, который терпит больше. Те же, которые не переносят вразумления Божия с благодарностью, а предаются ропоту, кроме того, что не

получают от того никакой пользы, еще и подвергают себя крайним бедствиям.

Но ты живешь в бедности, в голоде, и бесконечных опасностях? Так научись от нищих благодарить Владыку: эти всю жизнь свою проводят в прощении милостыни, и не хулят (Бога), не негодуют, не ропщут, а с благодарением несут свой жребий. В самом деле, что такого потерпел ты, подобно нищему? Лишился глаза? А он обоих. Подвергся продолжительной болезни? А он даже неисцельной. Потерял детей? А он даже и собственное свое здоровье. Потерпел большой убыток? Однако еще не дошел до того, чтобы нуждаться в помощи других. Но этого недостаточно? Вспомни об Иове, этом несокрушимом столпе терпения. Кто может сравниться с ним в бедности, когда он был беднее даже ютящихся около общественных бань и спящих на печной золе, словом, беднее всех людей? Эти хоть рваную одежду имеют, а он сидел нагой, и единственную одежду, которую имел от природы, одеяние плоти, и ту дьявол повредил страшным гноем. Нищие хоть находятся под кровлей преддверий в банях, хоть укрываются под соломой, а он проводил ночи под открытым небом, не имея утешения даже в самой легкой крыше; и что еще важнее, – те по крайней мере сознают за собой многочисленные злодеяния (а сознание того, что справедливо терпишь наказание, составляет немалое утешение в несчастье), а он лишен был и этого утешения, как человек, который показал жизнь, полную добродетелей, а терпел то, что свойственно самым последним злодеям. Притом, те с первых лет жизни приучаются к своему несчастью, тогда как он подвергся неожиданной бедности, внезапно лишившись богатства. Видишь, что он дошел до самой крайней бедности, хуже которой нельзя уже и найти? В самом деле, что же может быть беднее нагого, не имеющего даже и кровли и не пользующегося даже самой землей? – он ведь сидел не на земле, а на гноище. Итак, когда ты окажешься в бедности, вспомни о случившемся с этим праведником, и ты тотчас же воспрянешь и бросишь всякую мысль об унынии. Если же хочешь слышать и о брани, которую вела с чрезмерной

жестокостью сама природа против этого доблестного мужа, внимай тому, что я скажу. Десятерых детей потерял он, десятерых детей внезапно, в самом цвете лет, десятерых детей, обнаруживших великую добродетель, и даже не по общему закону природы, а от насильственной и жалости достойной смерти. Кто может изобразить такое несчастье? Какой железный человек, какой адамант вытерпит столько бедствий? Никто, никто поистине. Если каждое из них и само по себе невыносимо, то подумай, какое смятение произвели они, соединившись все вместе? Когда, поэтому, ты потеряешь одновременно сына и дочь, притеки к этому праведнику, и ты без сомнения обрешь себе великое утешение; вспомни слова его, сказанные по поводу несчастья с детьми, слова, которые лучше бесчисленных венцов увенчали эту святую главу; подумай о громадности несчастья, об этом небывалом крушении, об этой неслыханной и необычайной трагедии. В самом деле, ты, может быть, потерял одного, или двух, трех детей; а он потерял и стольких сыновей, и стольких дочерей, и из многочисленного внезапно стал бесчадным; и не постепенно истреблялись порождения утробы его, а весь плод был похищен вдруг, и притом когда его самого не было возле них, чтобы, хоть слыша их последние слова, иметь некоторое утешение в столь горестной их кончине; все совершилось вопреки всякой надежде, и одно горе превосходило другое. Несчастье заключалось не только в преждевременной их смерти, но и в том, что все они находились в расцвете сил, были добродетельны и дружелюбны, что погибли все вместе, сыновья и дочери, что погибли не по общему закону природы, что случилось это после потери всего имущества, наконец, в том, что он потерпел это, не сознавая ни за собой, ни за ними ничего худого. Каждого из этих несчастий и самого по себе уже достаточно, чтобы смутить душу; когда же они стекаются все вместе, то представь, какова высота волн, до какой степени сильна буря и непогода. Удивительно все это, если и просто лишь слышишь; если же ты исследуешь это тщательно, тогда еще более увидишь чудо. В самом деле, подумай: не половину взял дьявол, а половину оставил, не большую часть взял, а

меньшую оставил, но сорвал весь плод, а дерева не свалил; все море покрыл волнами, а ладью не потопил; всю силу свою истощил, а твердыни не поколебал: поражаемая со всех сторон, она стояла и оставалась непоколебимой; тучи стрел неслись, и не поражали ее, или, вернее сказать, – пускались, и однако не ранили. Подумай, каково потерять стольких детей? Что только не в состоянии было растерзать сердце? Не должно ли оно было разрываться от того, что все дети были похищены смертью, что все погибли неожиданно и в один день, что погибли в самом цвете лет, что отличались великой добродетелью и кончили жизнь такою тяжкою казнью, что этот последний удар нанесен был после уже стольких ударов, что, наконец, он был отец нежнолюбящий, и отошедшие были для него вожделенны? Когда кто-нибудь лишается порочных детей, то хотя и испытывает страдание, однако не с такой силой, потому что нечестие умерших не позволяет особенно усиливаться горю; но когда дети бывают добродетельны, то рана въедается глубоко, потому что чувство жалости обуславливается не только природой, но и их благочестием. Равным образом, когда смерть похищает детей постепенно, есть некоторое утешение в несчастье, потому что остающиеся несколько умеряют скорбь по умершим; но когда умирают все до одного, то на кого обратит свой взор отец, который был многочаден, и вдруг остался бездетным? Если женщины и все близкие, когда кто-нибудь умрет в три-пять дней, больше всего горюют о том, что умерший так скоро и внезапно похищен у них из глаз, то гораздо более должен скорбеть тот, кто лишился всех не в три-два дня, даже не в один день, а в один час. Бедствие, когда его предвидят задолго, хотя бы было и крайне тяжким, вследствие ожидания может сделаться довольно легким; но когда оно случается внезапно и вопреки надежде, то, хотя бы по существу было и легким, оно становится невыносимым вследствие того, что случается внезапно и вопреки ожиданию. Когда же бедствие и само по себе тяжело, и усиливается еще оттого, что случается вопреки ожиданию, то подумай, как оно становится невыносимо и выше всякого описания. Он даже и на ложе не видал их при последнем

издыхании, а всех нашел погребенными под развалинами дома. Подумай же, каково ему было раскапывать этот могильный холм, извлекая то камень, то какой-нибудь член ребенка, видя то руку, еще держащую фиал, то другую, опершуюся на стол, каково ему было смотреть на изуродованный вид тела, видеть разбитый нос, проломленную голову, исчезнувшие глаза, вывалившиеся мозги, словом – всю внешность обезображенной, покрытой таким множеством ран, что отцу нельзя было даже и признать черты любимых лиц? Вы растроганы и плачете, слыша это? Вообразите же, каково было ему видеть это. Если мы, спустя даже столько времени, не можем без слез слышать об этой горестной истории, и притом, слыша о чужом несчастье, то каков адамант был тот, кто видел это своими глазами и Любомудрствовал не в чужих, а в собственных бедствиях? Не возроптал он, не сказал: «Что же это такое? Это ли награда за мое дружелюбие? Для того ли отверзал я дом свой странникам, чтобы видеть, как он станет гробом для детей? Для того ли я всячески заботился о них, чтобы они подверглись такой смерти?». Ничего такого он ни сказал, ни подумал, но все переносил мужественно, даже лишившись их после таких забот. Но этим ли только ограничивались его бедствия? А оставление и измена друзей, а насмешки и злословие, а поругание и издевательство, а общее презрение, – выносимо ли все это и поддается ли утешению? Это и слышать невыносимо, а не то что терпеть на самом деле. Не так, ведь, сами по себе несчастья обычно терзают нашу душу, как глумящиеся над нами в несчастьях.

Но посмотри теперь и здесь на кротость и богобоязненность этой доблестной и адамантовой души. Несмотря на то, что себя самого, исполнившего всякую добродетель, он видел в крайних бедствиях, а людей нечестивых и развращенных – благоденствующими, он не сказал ничего такого, что, вероятно, сказали бы более слабые люди: для того ли я воспитывал и со всем тщанием наставлял детей, для того ли отверзал свой дом приходящим, чтобы после стольких забот и хлопот о нуждающихся, о нагих, о сиротах, получить такую награду? Напротив, вместо того произнес слова, превосходнейшие

всякой жертвы: *«Господь дал, Господь и взял»* (Иов.1:21). Если же он разодрал одежду и остриг голову, то не дивись: он был отец, и отец нежнолюбящий, и должен был показать как свойственное природе сострадание, так и любомудрие души; если бы он и этого не сделал, то иной мог бы счесть такое любомудрие следствием бесчувственности. Так-то и ты, когда потеряешь свои деньги, и не будешь роптать, а мужественно перенесешь и возблаговаришь Бога, говоря словами Иова: *«Господь дал, Господь и взял»*, то обратишь этим потерю в пользу для себя. Как, скажешь ты, *«Господь дал, Господь и взял»*? Вор украл; как же я могу сказать: *«Господь и взял»*? Не удивляйся; ведь и Иов относительно того, что дьявол похитил у него, сказал: *«Господь и взял»*; почему же относительно того, что вор украл, тебе не сказать: *«Господь и взял»*? Не говори: «Я не обязан этим себе; не моей воли это было дело, разбойник взял без моего ведома и желания; за что же мне будет награда?». И с Иовом ведь случилось это без его ведома и желания. И что же? Однако он, не дававши тогда милостыни, нисколько не уступает подававшим. Если же тебя будут уговаривать сходить к какому-нибудь прорицателю, а ты, зная, что это запрещено, по страху Божию предпочтешь скорее не получить своих денег, чем послушаться Бога, то получишь такую же награду, как и раздавший их бедным, за то, что, потеряв их, благодарил Бога, и, хотя мог сходить к прорицателям, решил лучше не получить их, чем получить таким образом. В самом деле, подобно тому как тот издержал их на бедных по страху Божию, так точно и ты, когда их похитили воры, не получил обратно по страху Божию. Вор лишил тебя денег? Не лишай ты сам себя спасения, потому что, скорбя о бедствиях, которые ты потерпел от других, ты сам подвергаешь себя еще большим бедствиям. Тот поверг тебя, может быть, в бедность, а ты злодейски причиняешь себе смертельное зло; тот лишил тебя внешних благ, которые с течением времени и помимо твоего желания уйдут, а ты лишаешь себя вечного богатства. Огорчил тебя дьявол, лишив денег? Огорчи и ты его, воздав благодарение Богу, а не доставляй радости. Если ты пойдешь к прорицателям, то доставишь ему радость; если возблаговаришь

Бога, то нанесешь ему смертельный удар. И смотри, что бывает. Сходяв к прорицателям, ты все равно не найдешь своих денег, потому что не в их власти знать это; если же они как-нибудь и скажут удачно, то ты и душу свою погубишь, и будешь осмеян своими братьями, и опять потеряешь их несчастным образом. Если демон видит, что ты не выносишь потери денег, и из-за них отрекаешься от Бога своего, то опять даст их тебе, чтобы иметь повод опять обольстить тебя и отвлечь от Бога. Подобно тому, как мы стараемся сделать врагам то же, чем огорчаемся сами, а когда видим, что они не огорчаются, перестаем это делать, не находя уже возможности опечалить их, так точно и дьявол, если увидит, что ты смеешься и смотришь с презрением на его умысел, бросит такой путь и больше уже не приблизится к тебе. Итак, терпеливо снося потерю денег, ты можешь получить точно такую же награду, как если бы и добровольно бросил их. И мы справедливо удивляемся больше тому, кто с благодарностью переносит испытания, нежели тому, кто добровольно отдает деньги. Почему именно? Потому, что этот последний находит себе поддержку в похвалах и в своей совести, имеет благие надежды и отрекается от денег после того уже, как наперед мужественно перенес лишение их, тогда как первый лишается их, будучи еще привязан к ним. Между тем не все равно, наперед ли решившись отречься от денег, раздать их, или лишиться их, питая еще любовь к ним; не все равно, опять, в течение ли долгого времени научиться презирать деньги или перенести неожиданно случившуюся потерю. Тот, кто приготовлен уже к бедствиям, может легко перенести их, когда они наступят; но кто предался беспечности и оставил всякую мысль о заботах, тот, если с ним опять случится что-нибудь подобное прежнему, вдвойне смущается и становится удобоуловим – и вследствие неожиданности, и вследствие того, что у него исчезла всякая ревность и подготовленность к бедствиям.

Между тем в рассуждении скорбей является не только немаловажным, а даже самым невыносимым то обстоятельство, когда человек, решив уже, что он освободился от скорбей и дошел до самого конца их, и потому отложив всякую заботу и

попечение, опять находит новый источник бедствий. Почему дьявол не погубил вместе с детьми Иова и его жену? Потому, что знал, что она окажет весьма большое содействие его козням против последнего. Если через жену, думал он, я изгнал Адама из Рая, то тем более смогу довести до падения Иова на гноище. И смотри на злодейство: это свое изобретение он приводит в действие не тогда, когда гибли волы, ослы и верблюды, не тогда, когда был разрушен дом и дети погибли под его развалинами, – до сих пор он молчит и выжидает, наблюдая за подвижником, – но когда забил источник червей, стала отпадать гниющая кожа, и разлагающееся тело начало выделять полный страшного зловония гной, когда рука дьявола истязала его мучительнее раскаленных сковород и всякого пламени, хуже всякого зверя грызла со всех сторон и пожирала его тело, когда в таком несчастье прошло много времени, и вследствие этого, как он видел, праведник жаждет освобождения и желает себе смерти, не имея возможности перевести и дыхание (если бы я мог, говорит он, наложить на себя руки или попросить другого, чтобы он сделал мне это), – тогда он приводит ее и говорит: *«Доколе терпиши глаголя: се, пожду время еще мало, чая надежды спасения моего»*. (*«И сказала ему жена его: ты все еще тверд в непорочности твоей! похули Бога и умри»*). (Иов.2:9) Утешая и ободряя ее несбыточными надеждами, когда она докучала ему, он постоянно говорил ей: подожди еще немного, и скоро будет всему конец. Поэтому она с упреком и говорит ему: ужели и теперь ты скажешь то же самое? Ведь много уже времени прошло, а конца этому и не видится. *«Потребися же от земли память твоя, сынове твои и дочери твои, моего чрева болезни и труды, имиже вотще трудихся с болезнями, ...и аз скитающийся и служаще, место от места... и дом от дому ...преходящи»* (Иов.2:9). Я не только нищенствую, но и скитаюсь, и испытываю новое и необычайное рабство, всюду бродя и нося с собой знаки несчастья, и всем выставляя напоказ свои бедствия, и, что всего прискорбнее, *«ожидаючи солнца, когда зайдет, да почию от трудов моих и... угнетающих меня болезней, яже мя ныне обдержат. Но рцы глагол некий ко Господу, и умри»*. Что же этот блаженный и

твердейший адаманта муж? Строго взглянув на нее, – о, целомудренная и бесстрастная душа! – он раньше слов, уже взглядом отразил коварные ее замыслы. Та думала вызвать потоки слез, а он, став сильнее льва и исполнившись гнева и негодования, говорит ей: *«Ты говоришь как одна из безумных: неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?»* (Иов.2:10). В самом деле, за что дал их нам Бог, за что воздавая награду? Ни за что; единственно только по благодати и человеколюбию. *«Наг, – говорит, – я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь»* (Иов.1:21). Итак, вообразите себе этого подвижника, представьте, что видите это гноище, и на этом гноище сидит он, золотая статуя, украшенная драгоценными камнями, и не знаю уже, как и назвать его, потому что не могу найти такого драгоценного предмета, с которым можно было бы сравнить это обагренное кровью тело, – до того во много раз блистательнее всякой драгоценности оказывалась эта плоть, и светлее солнечных лучей ее раны. В самом деле, те светят телесным очам, а эти просвещают наши душевные очи. Кто слышал, кто видел такие удивительные состязания в борьбе? В обычных боях бойцы, когда рассекут голову противникам, являются победителями и получают венцы; а этот, когда поразил тело праведника, оказался побежденным и отступил. Что случилось, дьявол? Почему ты отступаешь? Не исполнилось ли все, чего ты желал? Не уничтожил ли ты стада овец и волов, табуны лошадей и мулов? Не погубил ли всех детей, и не поразил ли все тело? Почему же ты отступил? Потому, говорит, что хотя и все исполнилось, чего я желал, но чего я больше всего желал, и ради чего все это сделал, того не достигнуто: он не изрек хулы на Бога. Для того, ведь, говорит, я все это и делал, чтобы достичь этого; а раз этого не достигнуто, мне нет уже никакой пользы от лишения имущества, гибели детей и поражения тела; вышло даже совершенно обратное тому, чего я хотел: я только сделал врага еще славнее, сделал противника еще достохвальнее. Узнал ты теперь, сколько пользы получилось от страданий?

Прекрасно, конечно, и полно здоровья было тело праведника; но оно стало гораздо досточтимее, после того как было иссечено этими язвами. Так и шерстяные ткани, хотя и до окраски хороши, но когда делаются пурпурными, приобретают необыкновенную красоту и великолепие. Если бы дьявол не обнажил его, то никогда бы не узнал прекрасного состояния тела этого победителя; если бы не пронизал его тело ранами, то не просияли бы изнутри его лучи; если бы не посадил его на гноище, мы не узнали бы его богатства. Поистине, не так славен царь, сидящий на троне, как славен и знаменит был тогда этот праведник, сидя на гноище; после царского престола – смерть, а после этого гноища – Царство Небесное. Не для того дьявол лишил его имущества, чтобы сделать бедным, а для того, чтобы заставить его извергнуть какую-нибудь хулу на Бога; равным образом, не для того поразил тело, чтобы подвергнуть его недугу, а для того, чтобы поколебать добродетель души. И несмотря на все злоухищрения, пущенные в ход дьяволом, несмотря на то, что он сделал праведника из богатого бедным, – а это всем нам кажется самым ужасным бедствием, – и из многодетного бездетным, несмотря на то, что истерзал все тело его хуже палачей в судилищах (действительно не так крючки последних рвут бока попадающим в их руки, как уста червей терзали его тело), не только изгнал его из города и дома, и прогнал бы в другой город, не сделал для него гноище и городом, и домом, – несмотря на все это, не только не причинил ему никакого вреда своими кознями, а даже сделал его еще славнее. Так и ты, если кто-нибудь отнимет у тебя деньги, а ты мужественно перенесешь потерю, получишь ту же самую награду, что и расточившие свое имущество на бедных. Как при старании с нашей стороны мы и от обижающих нас получаем пользу, так, наоборот, при беспечности и от благодетельствующих нам не становимся лучше. Если Иов, потерпев столько бедствий, не получил никакого вреда, и притом потерпев не от человека, а от злейшего всех злых людей демона, то будет ли иметь оправдание кто-либо из тех, которые говорят: «такой-то обидел меня и причинил вред»? В самом деле, если исполненный столь великой злобы дьявол,

пустив в дело все свои орудия, выпустив все стрелы и излив на дом и тело этого праведника в преизобильной мере все бедствия, какие только существуют среди людей, не причинил ему никакого вреда, а даже еще принес пользу, то как же кто-нибудь может обвинять тех или других людей, точно он потерпел вред от них, а не от себя самого? Ты удивляешься трем отрокам? Дивлюсь и я, что они попрали пещь и воспротивились тирану, говоря: *«Мы богам твоим служить не будем и золотому истукану, которого ты поставил, не поклонимся»* (Дан.3:18). Но для них величайшим утешением было то, что они ясно сознавали, что все страдания терпят ради Бога. Между тем этот праведник не знал, что его страдания были подвигами борьбы и состязания; иначе, если бы он знал это, он совершенно даже и не почувствовал бы случившегося с ним. В самом деле, когда он услышал: *«Ты хочешь ниспровергнуть суд Мой, обвинить Меня, чтобы оправдать себя?»* (Иов.40:3) – подумай, как он тотчас же от одного лишь слова воспрянул духом, как уничижил себя, как вменил ни во что все понесенные страдания, говоря: что еще сужусь я, будучи вразумляем и обличаем Господом, когда слышу такие слова, – я, который есть ничто? Будем же каждый подражать благочестию этого святого, зная, сколько благ произрастает от терпения. Как бы на зрелище всей вселенной стоит этот блаженный и доблестный муж, и приключившимися с ним страданиями всех убеждает мужественно переносить все, что бы ни случилось, и не падать духом ни перед какими обрушивающимися на нас бедствиями. Нет, поистине нет ни одного человеческого страдания, для которого нельзя было бы извлечь отсюда утешения; какие только ни рассеяны по всей вселенной страдания, все они в совокупности обрушились на одно тело этого праведника. Какое же будет извинение тому, кто не может с благодарностью перенести даже и части бедствий, наведенных на Иова, который терпел, как мы видим, не какую-нибудь часть, а все в совокупности бедствия всего человечества? Но такой-то, скажешь, творивший столько дел милостыни, лишился всего; другой потерял все от случившегося пожара; иные потерпели кораблекрушение и впали в бедность;

некоторые, опять, подверглись несчастью и болезни, и ни от кого не получили никакой помощи. Что же из того? Вспомни о бедствиях, приключившихся с Иовом, и возблаговари Владыку, Который мог воспрепятствовать этому и не воспрепятствовал. Но ты проводишь жизнь в бедности, голоде и бесчисленных бедствиях? Вспомни Лазаря, который боролся с нищетой, одиночеством и другими бесчисленными бедствиями; вспомни апостолов, которые проводили жизнь свою в голоде, жажде и нагоде; вспомни пророков, праведников, – и ты найдешь, что все они были людьми небогатыми, не в удовольствиях проводившими жизнь, а бедными, терпевшими скорби и бедствия.

Собрав все это в своем уме, возблаговари Бога за то, что Он дал тебе такой жребий, не по ненависти, а, напротив, вследствие сильной любви к тебе; подобно тому как и тем всем попустил потерпеть столько бедствий не вследствие ненависти, а наоборот, потому именно, что сильно любил их, сделал их более славными через эти бедствия. В самом деле, если люди не допускают трудящимся за них уйти без награды и платы, то гораздо более Бог не захочет лишить столько потрудившихся ради Его награды за их труды. Необходимо поэтому должно быть некоторое другое время по смерти, когда они получают воздаяние за понесенные здесь труды. Я слышал, как многие говорят: такой-то скромный и смиренный человек каждый день влачится в суд каким-нибудь преступником и злодеем; другой умирает, будучи несправедливо оклеветан; третий потоплен; четвертый брошен в пропасть, – и Бог все это попускает. Для чего? Для того попускает им Бог терпеть бедствия, чтобы они ввиду величия чудес и подвигов добродетели не впали скоро в гордость; для того, чтобы другие не предполагали в них чего-либо высшего человеческой природы и не сочли их богами, а не людьми; для того, чтобы сила Божия являлась побеждающей, преодолевающей и умножающей проповедь через изнемогающих и связанных узами; для того, чтобы больше обнаружилось их терпение, как людей, которые служат Богу не за награду, но проникнуты таким чувством любви к Нему, что даже и после стольких бедствий обнаруживают свою

преданность Ему; для того, чтобы все подвергающиеся несчастьям могли иметь достаточное утешение и ободрение, взирая на них и приводя себе на память случившиеся с ними бедствия; для того, чтобы вы, когда мы убеждаем вас следовать их добродетели и каждому из вас говорим: «подражай Павлу, соревнуй Петру», ввиду чрезмерной высоты их добродетелей не думали, что они обладали иной природой, и не отказывались от подражания; для того, наконец, чтобы мы, когда нужно ублажать или оплакивать кого-нибудь, знали, кого надо считать счастливым, а кого – несчастным и достойным сожаления. Если же хочешь знать, что не тот бывает сильнее, кто делает зло, а тот, кто терпеливо переносит причиняемое ему зло, то посмотри, сколько зла потерпел Иаков от Лавана, и кто же оказался сильнее: последний ли, захвативши его в свои руки, но в страхе и трепете не смевший и коснуться его, или первый, без оружия и войска оказавшийся для него страшнее тысячи царей? Не этот ли именно? Подобно тому, как ступающий на огонь себя самого обжигает, или ударяющий по алмазному себе самому причиняет боль, или бьющий по иглам себя самого окровавляет, так точно и старающийся причинить обиду другому себя же самого обижает и становится ничтожнее всякой глины. Блаженный Давид бежал некогда из отечества, подвергался опасности лишиться свободы и самой жизни, и, когда войско перешло на сторону распутного юнца – похитителя власти и отцеубийцы, блуждал в пустыне, и однако не вознегодовал, не возроптал на Бога, и не сказал: «Что же это такое? Бог попустил сыну восстать против отца? Если бы даже он мог в чем-нибудь справедливо обвинять меня, и тогда не должно бы этого быть; между тем он, не потерпев от меня ни малой, ни великой обиды, всюду ищет меня, желая осквернить руку свою отцовской кровью; и Бог спокойно смотрит на это?». Ничего такого не сказал он. И что еще удивительнее, когда на него, блуждавшего в пустыне и лишившегося всего, напал некто Семей, человек порочный и преступный, называя его убийцей и беззаконником и упрекая в бесчисленных преступлениях, он и тогда не раздражился, и даже когда начальник войска просил у него позволения пойти и снять с Семей голову, не только не

позволил этого, но и с чувством негодования сказал: *«Что мне и... тебе, сын Саруин? Пусть он злословит... может быть, Господь призрит на уничтожение мое, и воздаст мне Господь благостью за теперешнее его злословие»* (2Цар.16:10–12). Видишь ли, как знал этот праведник, что мужественное перенесение злословия бывает поводом к большей славе? И действительно так. Когда мы, подвергаясь поношениям и бесчисленным бедствиям, спокойно относимся к поносящим нас, то привлекаем к себе гораздо большее благоволение Божие. Хотел и Моисей оказать помощь одному обиженному, и из-за этого подвергся крайней опасности и лишился отечества. И Бог попустил это, чтобы ты узнал терпение святых. Если бы мы приступали к духовным подвигам, зная наперед, что не потерпим ничего худого, это не представляло бы ничего великого с нашей стороны. Это и три отрока говорили: *«Бог наш, Которому мы служим, силен спасти нас от печи, раскаленной огнем, и от руки твоей, царь, избавит. Если же и не будет того, то да будет известно тебе, царь, что мы богам твоим служить не будем и золотому истукану, которого ты поставил, не поклонимся»* (Дан.3:17–18). Так и ты, когда думаешь сделать что-либо угодное Богу, предусматривай многие опасности, многие лишения, многие смерти, и когда они случатся, не удивляйся и не смущайся. *«Сын мой, – говорит (Премудрый), – если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению»* (Сир.2:1). Никто, решаясь выступить на бой, не ожидает получить венец без ран. Когда, поэтому, сам ли ты сделаешь что-нибудь доброе, и получишь обратное, или увидишь, что с другим случилось то же самое, то веселись и радуйся, потому что от этого бывает тем большая польза.

Итак, не ослабевай в своем усердии, не делайся ленивее, а, напротив, примись за дело еще с большей ревностью; и хотя бы дьявол тысячи раз прерывал тебя, никогда не отставай. Так и апостолы, когда проповедывали, подвергаясь бичеваниям и постоянно обитая в темницах, не только после освобождения от опасностей, но и во время самых опасностей еще с большим усердием возвещали проповедь истины. Так, например, Павел в

самой темнице, в самых узах оглашал и совершал Таинства, равно как и в судилище делал то же самое. И посмотри, чем эта святая душа похвάζεται: узами, страданиями, цепями, язвами. *«По влечению Духа, – говорит, – иду в Иерусалим, не зная, что там встретится со мною; только Дух Святой по всем городам свидетельствует, говоря, что узы и скорби ждут меня»* (Деян.20:22–23). Зачем же ты идешь, если узы и скорби ждут тебя? Для того самого и иду, чтобы быть связанным ради Христа, чтобы умереть ради Него: я готов не только быть связанным, но и умереть за имя Господа моего. Что же это? Ты не стыдишься, не боишься пройти вселенную в качестве узника? Не боишься, что кто-нибудь обвинит Бога твоего в бессилии, что из-за этого кто-нибудь не придет к тебе? Не таковы, говорит, мои узы: я умею блистать и в царских чертогах: *«Так что узы мои..., – говорит, – сделались известными всей претории и всем прочим, и большая часть из братьев в Господе, ободрившись узами моими, начали с большею смелостью, безбоязненно проповедывать слово Божие»* (Флп.1:13–14). Видишь ли силу скорее уз, нежели воскрешения мертвых? Заключен был он в узы в Риме, и привлек еще более многочисленных последователей; заключен был в узы в Иерусалиме, и, проповедуя в узах, поразил царя и привел в страх правителя, так как *«пришел в страх»*, отпустил его (Деян.24:25). В узах плыл он, и избавил от крушения, и удержал бурю; в узах на него напал страшный зверь (Деян.28:3) и упал, не причинив ему никакого вреда. И смотри, как то же самое происходило везде и в других случаях. Подвергнут он был бичеванию, и бичеванию сильному: *«дав..., – говорится, – ему много ударов»*, и был связан, и тоже очень крепко: *«ввергнул, – говорится, – его во внутреннюю темницу»* (Деян.16:23–24), – и с особенной предосторожностью; и находясь в таком положении, он около полуночи, когда и самые бодрственные люди спят, пел и славословил Бога. Что может быть тверже этой души? Вспоминал он, что и отроки пели в пещи огненной. Может быть, он думал, что ничего такого сам он не потерпел. Но вот и, кстати, речь наша привела нас опять к другим узам, к другой темнице. Что мне делать? Хочу молчать, и не могу: нашел

другую темницу, гораздо более дивную и поразительную, нежели та. Хочу прервать речь, но она не позволяет этого; не могу перестать, не могу умолчать. Слишком многое приходит мне на ум; не знаю, что сказать прежде, что потом. Прошу, поэтому, не требовать от меня порядка, потому что предметы очень близки между собою. Продолжительны были узы Павла, и потому задержали нас. Но не буду поэтому молчать. Если он в темнице и среди бичеваний не молчал, то как стану я сидеть молча, когда стоит день, и я могу говорить с полным спокойствием? Сообразно ли это со здравым смыслом? Итак, много в разных местах записано чудес Павловых, но не так вожделенны они, как его язвы; и не так в Писаниях радуется он, совершая чудеса, как терпя страдания, подвергаясь бичеваниям, будучи влачим, побиваем камнями, – *«побили... камнями его, – говорится, – и вытащили за город»* (Деян.14:19), и еще: избивши его и *«дав... много ударов, ввергли в темницу»* (Деян.16:23). Какая похвала, какое удовольствие, какая честь, какая слава знать, что заключен в узы ради Христа. Но посмотри на чудо. И потряслась, говорится, темница связанного Павла, и *«у всех узы ослабели»* (Деян.16:26). Видишь, как природа уз разрешает узы? *«Темничный же страж, пробудившись и увидев, что двери темницы отворены, извлек меч и хотел умертвить себя»*. Что же Павел? *«Возгласил громким голосом, говоря: не делай себе никакого зла, ибо все мы здесь»* (Деян.16:27–28). Видишь ли отсутствие у него тщеславия, гордости, и любвеобилие? Не сказал он: «ради нас произошло это», а как один из узников говорит: *«ибо все мы здесь»*. Если бы он смолчал и громким голосом не удержал руки стражника, то последний вонзил бы нож в горло; вскричал же он потому, что заключен был во внутреннюю темницу. Ты себе самому, говорит, сделал хуже, посадив в самую глубь темницы тех, которым предстояло избавить тебя от опасности. Видишь ли человеколюбие Павла и попечительность о ближнем? Он предпочел лучше сам остаться в узах и подвергнуться опасности, чем допустить погибнуть ему. Кого не поразит сила облежавших его уз? Связавших она привела к ногам связанного и сделала их покорными ему.

«Припал, – говорится, – темничный страж к Павлу» (Деян.16:29): свободный от уз был у ног узника, и связавший умолял связанного освободить его от страха. Не ты ли связал его, скажи мне? Не ты ли ввергнул его во внутреннюю темницу? Не ты ли забил ноги его в колоду? Что же ты трепещешь? Что смущаешься? Что плачешь? Зачем извлек меч? Я не знал, говорит, что так велика сила узников Христовых. Что ты говоришь? Он получил власть отверзать небеса, и не мог отворить темницы? Связанных демонами освобождал он, и железо могло удержать его? Тот, кто освобождал души от уз, тело ли свое не мог бы освободить? Тот, кто одеждами своими разрешал других от душевных уз и освобождал от демонов, сам ли себя не освободил бы? Для того он сначала был связан, и после того освободил связанных, чтобы ты знал, что рабы Христовы, и будучи в узах, имеют гораздо большую силу, нежели свободные от уз. Так ведь гораздо блистательнее обнаруживается сила святого, когда он и связанный побеждает свободных от уз. Итак, когда он, будучи связан, освобождает не только себя, но и других узников, то какая польза в стенах, зачем нужно было заключать его во внутреннюю темницу, если он отворил и внешнюю? Но послушаем, как сам он похвально этими самыми узами: «Умоляю вас, – говорит, – я, узник в Господе» (Еф.4:1). И подлинно, великое и высокое достоинство, превосходнее и царства, и ипатства, и всех достоинств, быть узником ради Христа.

Подлинно, нет ничего столь славного, как узник ради Христа, как цепи, облегающие эти святые руки. Это гораздо славнее и почтеннее, чем быть апостолом, быть учителем, быть евангелистом. Кто любит Христа, тот знает, что я говорю. Кто воодушевлен и горит любовью к Господу, тот знает силу уз: он предпочтет лучше быть узником ради Христа, нежели обитать на небесах. Это, пожалуй, даже славнее, чем сидеть одесную Его; это почетнее и блаженнее, чем сидеть на двенадцати престолах. Если бы кто-нибудь предложил мне все небо или ту цепь, которой были связаны руки Павла, я предпочел бы последнюю; если бы меня поставили с горними Ангелами или с Павлом связанным, я избрал бы темницу; если бы мне

предложили быть с теми силами, которые окружают Престол Божий, или сделали таким же узником, я предпочел бы скорее стать таким узником, – потому что нет ничего лучше, как потерпеть какое-нибудь страдание ради Христа. Если бы кто-нибудь дал мне силу воскрешать теперь мертвых, я избрал бы не ее, а узы, – потому что нет ничего блаженнее этих уз. Желал бы я теперь быть в тех местах, где хранятся эти узы, и видеть цепи, которых боятся и трепещут демоны, и почитают Ангелы. Если бы я был свободен от церковных забот и был здоров телом, я не отказался бы совершить такое путешествие, чтобы видеть только те узы и ту темницу, где заключен был Павел. О, блаженные узы! О, блаженные руки, которые украсили те оковы, наложенные на Павла! Не так были драгоценны руки его, воздвигая хромого в Листрах, как нося на себе узы. Если бы я жил в те времена, я обнял бы их, что есть сил, и берег бы как зеницу ока; не перестал бы лобызать руки, удостоившиеся принять узы за Господа моего. Не так ублажаю его за то, что он восхищен был на третье небо и в Рай, как за то, что он ввергнут был в темницу; не так ублажаю его за то, что он слышал неизреченные глаголы, как за то, что потерпел узы, – потому что последнее гораздо больше первого. Вожделеннее для меня пострадать за Христа, чем удостоиться чести от Христа. Такие мысли были, вероятно, и у Павла. Если Христос, говорил он, ради меня сделавшись рабом и истощив славу, не так почитал Себя в славе (когда пребывал у Отца), как когда был распинаем за меня, то чего же не должен я претерпеть? Послушай в самом деле, как Он говорит: *«Прославь Меня Ты, Отче»* (Ин.17:5). Что Ты говоришь? Ты ведешься на крест вместе с разбойниками и гроборасхитителями, чтобы потерпеть смерть людей проклятых, Тебе предстоят оплевания и заушения, и Ты называешь это славой? Да, говорит; Я терплю эти страдания за возлюбленных, и справедливо почитаю их за славу. Итак, если Господь мой, возлюбив несчастных и обремененных, называет это славой, и предпочитает это славе на Отческом Престоле, то тем более я должен почитать это славой. Все люди изумляются Иову за его терпение, за чистоту жизни, за свидетельство Бога о нем, за его мужественную борьбу, за дивную победу, завершившую эту

борьбу; но какая адамантовая душа может показать Павлово терпение? Действительно, он проводил в таких подвигах не многие месяцы, а многие годы; не грудь земли обливая, «гной стружа» (*«Тело мое одето червями и пыльными стругами; кожа моя лопается и гноится»*) (Иов.7:5), а постоянно впадая в самую мысленную пасть льва, борясь с бесчисленными искушениями, терпя поношения, оплевания и поругания не от трех-четырех друзей, а от всех неверующих, выдерживая тучи искушений, то подвергаясь бичеваниям, то побиению камнями, и будучи изнуряем постоянным голодом и холодом. Но велико щедролюбие Иова? Не будем и мы возражать; но находим его настолько ниже щедролюбия Павлова, насколько душа ниже тела. То самое, что первый делал в отношении к страдавшим телесным увечьем, последний совершал в отношении к страдавшим душевным пороком; притом, первый делал это, имея несчетное число овец и волов, тогда как последний, не имея у себя ничего, кроме тела, помогал нуждающимся от самого этого тела: *«Нуждам моим и нуждам бывших при мне, – восклицает он, – послужили руки мои сии»* (Деян.20:34). Будем же все соревновать и подражать им, чтобы получить и одинаковые с ними похвалы и награды, во Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава во веки. Аминь.

Слово 23. О милостыне и страннолюбии.

Слово о милостыне, возлюбленные, относится не к одним только богатым, но и к бедным; хотя бы даже кто питался подаянием, и к нему относится это слово, потому что нет ни одного такого бедняка, как бы он ни был беден, чтобы не иметь даже и двух грошей. Можно, поэтому, и дающему немного из малого оказаться выше тех, которые подают обильную милостыню из большего имения, как это случилось и с евангельской вдовицей. Величина милостыни оценивается не размером подаяния, а склонностью и расположением подающих. Не на то нужно смотреть, что вдовица положила две лепты, а на то, что имея всего лишь эти две лепты, она не пожалела их, и пожертвовала всем своим достоянием. От нас, следовательно, требуется не изобилие, а усердие. И если последнее есть у нас, то нет никакого вреда и от бедности; если же его нет, то не будет никакой пользы и от богатства. Богатые, если они остаются злыми, будут наказаны больше бедных, за то, что не сделались кроткими и при избытке. Не говори мне, что они подавали милостыню; все равно они не избегут наказания, если давали ее несоразмерно своему имуществу, – потому что милостыня ценится не размером подаваемого, а избытком произволения. А можно ли, скажешь, богатому спастись? Вполне возможно. Авраам был богат. Видишь его богатство? Посмотри и на его страннолюбие. В полдень, когда он сидел у дуба Мамврийского, явился ему Господь в виде трех мужей. И встав (он не думал, что перед ним Бог, – мог ли он так думать?), он поклонился им, говоря: «Если бы вы сочли меня достойным войти под сень шатра моего!» Видишь, что сделал старец в полдень? Богатый и знатный, он не сидит под кровлей дома, а как странник и путник, оставив дом, жену, детей, слуг, выходит на лов, распуская мрежу страннолюбия, чтобы какой-нибудь странник, какой-нибудь путник не прошел мимо его дома. И смотри, что он делает? Он не поручает этого слуге, хотя их было у него триста восемнадцать человек (он знал нерачность слуг), боясь, чтобы слуга не задремал, и

странник не прошел мимо, и мы, – думал он, – упустим ловитву; но сидел сам, принимая знойный луч, как росу в жару, и любовь к гостеприимству была для него вместо тени. И это Авраам! И это богатый! А ты достаиваешь ли бедного, чтобы хоть взглянуть на него, хоть ответить ему, поговорить с ним? Хочешь подражать Аврааму? Не препятствую; напротив, даже желаю этого, хотя от нас требуется и большее, чем от Авраама. Но что же, скажешь, имел Авраам? Он был страннолюбив. И встал, – говорится, – Авраам и поклонился, не зная, кто были пришедшие. Если бы он знал, то не было бы ничего удивительного с его стороны в том, что он почтил Бога; между тем неведение относительно пришедших показывает в нем величайшую любовь к гостеприимству. Он зовет и Сарру, чтобы сделать и ее участницей в гостеприимстве. Пусть будут общими, – говорит он, – как блага супругов, так и добродетели; поспеши и смеси три меры лучшей пшеницы. И та не сказала чего-нибудь в таком роде: «С такими ли надеждами я шла к тебе, чтобы ты сделал меня, владеющую таким богатством, мельничихой и хлебопекаркой? У тебя триста восемнадцать рабов, и ты не пошел приказать им, а возлагаешь на меня такую службу?». Нет; она слышит: «поспеши», – и быстро исполняет приказание. Где нынешние женщины? Получают ли они такие приказания? Возьми руку такой женщины, и увидишь, что снаружи она украшена золотом, а внутри ее хищение. Грабеж скольких бедных носит твоя рука? Дай мне руку свою, покажи, во что одета она? В хищение. Возьми руку Сарры, чем одета она? Страннолюбием, милостыней, любовью, нищелюбием. Поспеши и замеси три меры лучшей пшеницы. А сам побежал к стаду коров. Они делят вместе труд, чтобы разделить и награду. Затем он заклал тельца. Старец вдруг сделался быстроногим, потому что не дряхлая сила тела его, а укреплялась духом любомудрия: усердие победило природу. Господин триста восемнадцати слуг не чувствовал тяжести бремени, неся на себе тельца, а облегчался мыслью и усердием. Старику нужно было бежать. Какой труд! И однако он не чувствовал труда, благодаря надежде на получение пользы. Что же пришедший? *«Я опять буду у тебя в это же время, и будет у Сарры сын»*

(Быт.18:10). Видишь, какой плод произрастила трапеза? Какой прекрасный, скорый и спелый? Как почернела и совершенно созрела лоза? Таковы плоды гостеприимства.

Итак, не будем думать, что наше имущество уменьшается, когда мы подаем милостыню; оно не уменьшается, а увеличивается, не расточается, а умножается; милостыня есть как бы некая купля или посев, вернее же сказать, прибыльнее и безопаснее и того и другого. В самом деле, торговые предприятия подвергаются опасности и от морских ветров и волнений, и от частых крушений; равно и посевы подвергаются засухам, чрезмерным дождям и другим случайностям погоды. Между тем деньги, положенные в руку Господа, недоступны ни для каких козней; и раз они даны, никто уже не может похитить их из руки получившего, и они непременно приносят нам обильный и несказанный плод, и в надлежащее время дают богатую жатву. Если человек, получая их, не станет презирать (давшего), а платит ему благодарностью, то гораздо более Христос. В самом деле, если Он и не получив, дает, то как же не даст после получения? Слушай, что говорит Соломон: *«Благотворящий бедному дает займы Господу»* (Притч.19:17). Видишь ли, какой чудный и удивительный заем? Один берет, а Другой принимает на себя ответственность за долг. Почему он не сказал: «милующий нищего дает Богу», а сказал: *«дает займы»*? Чтобы ты не предположил здесь простой отплаты. Знает Писание наше корыстолюбие; принимает во внимание, что наша алчность, взирая на корысти, ищет излишнего, и что человек, имеющий деньги, никогда не захочет дать в долг бедному без обеспечения, залога, ручательства или поручителя. И так как Бог знает, что без этих условий никто не дает в долг, никто не руководится человеколюбием, а смотрит только на прибыль, между тем бедный всего этого лишен, – не имеет ни обеспечения, потому что ничем не владеет, ни залога дать не может, потому что всего лишен, ни поручителя представить, потому что по бедности ему никто не верит, – так как знает Бог, что этот последний подвергается опасности от бедности, а имеющий деньги – от жестокосердия, то ставит между ними Себя Самого в качестве

поручителя для бедного и в качестве залога для дающего в долг. *«Благотворящий, – говорит, – бедному дает займы Господу»*. Между тем мы, когда приходится давать в долг, тщательно ищем таких должников, которые дают большие проценты и исправно платят долг, а здесь поступаем совершенно наоборот: Бога, Который с признательностью принимает долг и возвращает сторицей, оставляем, а кто не возвратит нам даже и самого капитала, тех ищем. В самом деле, что воздаст нам чрево, на которое тратится едва не все? Помет и тление. Что воздаст тщеславие? Зависть и зложелательство. Что – скупость? Беспокойство и заботу. Что – распутство? Геенну и ядоносных червей. Таковы должники богачей, таковы проценты, уплачиваемые ими на капитал, – бедствие здесь и наказание в жизни будущей. Итак, отчего ты не даешь в долг Тому, Кто несомненно отдаст тебе, и отдаст гораздо больше? Может быть потому, что Он отдаст спустя много времени? Но Он и здесь воздает, потому что не ложен сказавший: *«Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам»* (Мф.6:33). Кроме же того, и самое получение через долгий срок только увеличивает твоё богатство, так как прибыль делается большей. Так ведь поступают, как мы видим, и заимодавцы с должниками, давая именно охотнее в долг тем, которые уплачивают через долгий срок. Если должник тотчас же все отдает, он пресекает течение процентов; а если удерживает на долгий срок, то и прибыль делает большей. Когда, таким образом, дело идет относительно людей, мы не только не тяготимся отсрочкой, а даже нарочно стараемся сделать ее длиннее, в отношении же к Богу будем ли поступать так малодушно? *«Благотворящий бедному дает займы Господу»*. И Ты занимаешь у меня, Господи, милостыню, данную бедному? Чтобы когда-нибудь Ты отдал ее, назначь мне время отдачи, определи срок получения. Когда и где отдам тебе этот долг? *«Когда же приидет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов – по левую... и скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего,*

наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира». За что? За то, что «алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; ...был наг, и вы одели Меня» (Мф.25:31, 33–36). Почему же Ты, Господи, не упоминаешь о других путях, а только о милостыне? Я не сужу, – говорит, – грех, а жестокосердие; не сужу согрешивших, а непокаявшихся; осуждаю вас за жестокосердие, за то, что имея такое великое и действительное средство спасения – милостыню, которой изглаждаются все грехи, вы не воспользовались таким благодеянием. Не для того ты получил деньги, чтобы тратить на удовольствия, а для того, чтобы употреблять на милостыню. Разве они принадлежат тебе? Тебе вверено достояние бедных, хотя бы ты приобрел их от трудов праведных, хотя бы получил в наследство от отца. Если тебе по великому милосердию дано повеление давать из своего имущества, то не думай поэтому, что оно и твое, и не обращай чрезмерного человеколюбия в повод к неблагодарности. Разве Бог не мог отнять у тебя все? Но Он не делает этого, предоставляя в твою волю обнаруживать щедрость в отношении к нуждающимся. Почему же ты не даёшь? Не веришь, что получишь обратно? Но может ли это быть? Тот, кто дает и не дающему, ужели не даст тем более после того, как получит? Не для того попустил тебе Бог иметь больше других, чтобы ты тратил на распутство, пьянство, сластолюбие, драгоценные одежды и другие предметы роскоши, а для того, чтобы раздавал нуждающимся. Если ты истратишь на себя что-нибудь сверх необходимо нужного, то дашь на том свете самый строгий отчет.

Между тем я знаю, что многие дошли до такого озверения, что из-за маленького беспокойства отказывают в помощи голодающим беднякам, говоря им такого рода слова: со мной нет теперь слуги, я далеко от дома, никто из находящихся здесь неизвестен мне. Какая жестокость! Какое высокомерие! Если бы нужно было пройти даже десять верст, и тогда не следовало бы отказываться, потому что тем больше награда. В самом деле, когда ты даешь, ты получаешь награду только за подаяние; когда же ты еще и сам пойдешь, то тебе предстоит награда еще и за это. Так и патриарху Аврааму мы удивляемся главным

образом потому, что, имея триста восемнадцать домохозяев, он ни к кому из них не обратился с приказанием, а сам побежал в стадо и взял тельца. Итак, не стыдись собственной своей рукой услужить бедному. Христос не стыдится простирать руку и брать подаяние через бедного, а тебе стыдно протянуть руку и дать денег? Разве же это не постыдно? Если одна чаша холодной воды доставляет Царство Небесное, то какой же, скажи мне, плод принесет тебе то, если ты сделаешь бедняка своим сочашником, участником трапезы, и упокоишь его? Итак, не будем стыдиться служения бедным, не будем отказываться собственными руками служить им, потому что наши руки освящаются через такое служение; и если от такого служения мы прострем их на молитву, то Бог, взирая на них, скорее умиловывается и дает просимое. Дать деньги – дело довольно обычное; но самому оказать помощь нуждающимся и сделать это с усердием – для этого нужна великая и любомудрая душа. Если кто-нибудь помогает тебе в житейских делах, или оказывает содействие на суде, или в чем-либо другом подобном, то ты встречаешь и принимаешь его с полным радушием, и целуешь ему руки, и платишь деньги, и ухаживаешь за ним; а если видишь проходящего к тебе Христа, то медлишь и отказываешься послужить Ему? Если ты не как Христа принимаешь странника, то не принимай его; если же принимаешь как Христа, то не стыдись умыть ноги Христу. Пока еще продолжается торг, купим милостыню, или вернее, – через милостыню купим спасение. Христа одеваешь ты, одевая бедного. Если чаша студеной воды заслуживает награду, то одежды и деньги, даваемые из милости, не заслуживают ли ее? Напротив, они заслуживают великой награды. Если там, где подаяние не сопряжено ни с какими расходами, таково признание заслуги, то какую же награду надлежит получить от Праведного Судьи там, где изобилие одежд, трата денег и избыток других благ?

Знаю, что такие и подобные наставления вы часто слышали; но, о, если бы мы, многократно слыша добрый совет, хоть изредка выполняли его на деле. Ведь крайнее неразумие, когда человек, желая купить поле, ищет плодоносной земли, а когда

вместо земли предлежит Небо и есть возможность там приобрести место, остается на земле и обременяет себя связанными с ней трудами. Скажи мне, в самом деле, если бы кто-нибудь сказал тебе, что через год этот город будет разрушен, а другой город – нет, стал ли бы ты строить дом в городе, которому угрожает разрушение? Не будем поэтому и мы строить в этом мире, потому что он немного спустя разрушится и погибнет; да что я говорю: «разрушится»? Раньше его разрушения мы сами погибнем и потерпим бедствия. Будем же лучше созидать нашу храмину на небесах, где нам не нужны ни зодчие, ни строители, и где такие храмины устроят руки бедных, и мало того, доставляют еще и Царство Небесное, и дают дерзновение перед Богом. Таково превосходство милостыни. И подобно тому как, когда входит царица, никто из привратников не осмеливается спросить, кто она и откуда, а все с радостью принимают ее, так точно и милостыня беспрепятственно ставит творящих ее перед Царским Престолом, – потому что Бог любит ее, и она всегда стоит близ Его, и о даровании чего бы ни попросила, тотчас же получает. Сила милостыни так велика, что не только изглаждает грехи, но отгоняет и самую смерть.

Но кто же, скажешь, из творивших милостыню оказался выше смерти? Все ведь, как мы видим, находятся под ее владычеством? Не волнуйся, а самым делом удостоверься, как сила милостыни победила власть смерти. Была, например, некая женщина Тавифа, которая давала себе труд ежедневно собирать богатство от милостыни. Она одевала, говорится, вдовиц и доставляла им всякое другое довольство. *«Случилось в те дни, что она занемогла и умерла»* (Деян.9:37). Что же вдовицы, которые пользовались ее услугами, и тела которых она прикрывала? В нужное время они платят благодарностью своей благодетельнице. Став перед апостолом, они показывали ему одежды и платья, которые она делала вместе с ними, проливали слезы и возбудили в нем сострадание. Что же Петр? *«Преклонив, – говорится, – колени, помолился, и, обратившись к телу, сказал: Тавифа! встань. И она открыла глаза свои и, увидев Петра, села. Он, подав ей руку, поднял ее, и, призвав...*

вдовиц и предстоявших, поставил ее перед ними живую» (Деян.9:40–41). Видишь, какая награда за благотворение вдовицам? В самом деле, скажи мне, что в такой мере великого доставила она вдовицам, в какой они воздали ей награду? Подлинно, величина милостыни ценится не количеством даваемого, а усердием дающих. Действительно, много могут стопы святых, входящие в дом: они освящают самую землю, приносят сокровища неисчислимых благ, исцеляют телесные увечья, прекращают голод и приносят великое изобилие. Так стопы Илии, войдя в дом вдовицы, показали некоторый новый и дивный род благодеяния: сделали дом вдовицы пашней, и водонос – гумном (3Цар.17). Явился тогда некий новый род сеяния и жатвы. Как? Вдовица сеяла в уста праведника, и пожинала посеянное с великим изобилием из водоноса; сеяла пшеничную муку, и пожинала пшеничную муку. Она не имела нужды ни в волах, ни в ярме, ни в плуге, ни в борозде; не нужно было ей ни дождя, ни погоды, ни серпа, ни гумна, ни снопов, ни ветра, отделяющего мякину от зерна, ни мельницы, размельчающей зерно, а в одно мгновение она нашла завершение всего этого в водоносе.

Вот каковы дары святых; вот что даруют стопы святых, вернее же сказать, даже гораздо больше того. И если бы не слишком пространна была моя речь, я перечислил бы много таких даров. Но как в том случае, когда их почитают, они приносят такие дары, так наоборот, когда относятся к ним с пренебрежением, они навлекают казнь и огонь неукротимый. Но то, скажешь, был Петр, то был Илия. Что ты говоришь, скажи мне? Пусть то были Петр и Илия: но разве они имели не ту же самую природу? Разве они не тем же путем, как и мы, явились в жизнь? Разве не одной и той же питались пищей? Разве не одними и теми же пользовались условиями? Разве некоторые из них не имели даже жен и детей? Разве иные не занимались житейскими ремеслами, а другие не дошли даже до самой глубины порока? Ты скажешь, что они получили великую благодать? Но если бы нам повелевалось воскрешать мертвых, отверзать очи слепым, очищать прокаженных, исцелять хромым, изгонять демонов и врачевать другие подобного рода недуги, то

такое оправдание с нашей стороны еще было бы уместно; если же вопрос идет теперь о надлежащем образе жизни, о проявлении послушания и удалении от пороков, то какое отношение к этому может иметь такое оправдание? Ведь и Христос дает награды не тем, кто просто лишь творил чудеса, – а тем, кто исполнил Его повеления. *«Приидите, – говорит, – благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира»,* не за то, что вы совершали чудеса, а за то, что *«алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня»* (Мф.25:34–35). Если бы, следовательно, благодать ныне и упразднила чудеса, это нисколько не может повредить нам; но, с другой стороны, не может и оправдать нас, когда мы будем давать отчет в своих делах. Жизнь правая и без чудес получит венцы; а жизнь преступная и с чудесами не сможет избежать наказания.

Итак, будем стараться о приобретении таких добродетелей, которые вместе с нашим собственным спасением могли бы приносить пользу и ближним. Такова милостыня. Отсюда получают свою силу и молитва, и пост, и всякая другая добродетель. Если, например, ты постишься, то без милостыни это даже и в пост не вменяется, а оказывается настолько же хуже пресыщения и пьянства, насколько жестокость составляет более тяжкий порок, чем роскошь. Да что говорю я – пост? Хотя бы ты сохранял целомудрие, хотя бы пребывал девственником, ты останешься вне брачного чертога, если не имеешь милостыни. Между тем что может равняться с девством, которое даже и в Новом Завете не сделано обязательным законом ввиду его особенной высоты? Если же девственники извергаются вон, когда не имеют в надлежащем обилии милостыни, то кто же может получить прощение без нее? Никто, поистине никто; не имеющий ее должен непременно погибнуть. Если в житейских делах, никто не живет только сам для себя, а все – и ремесленник, и воин, и земледелец, и купец – все трудятся на общую пользу и благо ближнего, то гораздо более должно делать то же в делах духовных; в этом ведь и состоит главным образом жизнь; а кто живет только для себя одного,

всех же других презирает, тот напрасно и существует, и даже не человек он, и не нашего рода. Итак, кто хочет стать богатым, пусть станет бедным, чтобы сделаться богатым; пусть тратит, чтобы получить; пусть расточает, чтобы собрать. Если это кажется странным и невероятным, то посмотри на сеющего и размысли, что и он не может иначе собрать большего, если не посеет того, что имеет, и не расточит готового запаса. Почему, в самом деле, ты не подаешь нуждающимся? Скажешь: у меня куча детей, и я желаю оставить их богатыми. Так зачем же ты делаешь их бедными? Если ты оставишь все им, то вверишь все свое богатство опять ненадежному хранилищу; если же оставишь им в качестве сонаследника и защитника Бога, то оставишь несметное сокровище. Если, следовательно, ты хочешь оставить детям большое богатство, то оставь попечение Божие. Тот, Кто без всякой заслуги с твоей стороны и дал душу, и создал тело, и даровал жизнь, когда увидит проявленную тобою такую щедрость, как не отверзет им всякого богатства? Если Илия, напитанный небольшим количеством муки, когда увидел, что вдовица предпочла его своим детям, сделал ее жилище гумном и точилом, то подумай, какие щедроты обнаружит Владыка Илии? Если хочешь оставить детей богатыми, оставь им должником Бога. Если они получают деньги, то не будут даже и знать, куда их деть; а если ты сам наперед дашь их в заем Богу, то сокровище останется уже вне всякой опасности, и возвращение последует с большою скоростью. Бог бывает благодарен нам, и когда должен нам, и когда уплачивает, и благосклоннее взирает на Своих заимодавцев, нежели на тех, кто ничего не дал Ему взаймы; и кому особенно много должен, тех особенно и любит. Если, следовательно, желаешь иметь Его другом, сделай Его должником. Подлинно, не так радуется заимодавец, имея должников, как веселится Бог, имея заимодавцев; и кому Он ничего не должен, от тех и удаляется, а кому должен, к тем и приближается.

Итак, зачем ты отдаешь деньги на хранение людям? Перед тобою стоит Христос, готовый принять и сохранить, и не только сохранить, но и умножить, и воздать тебе с великою лихвою. Из Его руки никто не похищает. И Он не только сохраняет их, но за

это самое освобождает тебя и от всех опасностей. У людей бывает так, что принявшие клады считают, что делают нам одолжение, сохраняя взятое у нас; у Христа же наоборот: когда Он принимает их от тебя, то признает, что Он не оказал благодеяния, а Сам получил. Притом, принявши деньги на хранение, требует за это у тебя платы, тогда как Христос дает тебе за это даже награду. Для того Бог и велел тебе давать деньги другому, чтобы ты сам владел ими, потому что пока ты один только будешь иметь их, и сам не будешь владеть ими, а когда дашь другому, тогда и сам получишь. Подобно тому, как кто-нибудь дал бы деньги маленькому ребенку, чтобы он крепко держал их в руках, или даже слуге приказал крепко сторожить, чтобы желающему нельзя было похитить, так точно делает и Бог: дай их, говорит, нуждающемуся, чтобы кто-нибудь не похитил их у тебя, как, например, клеветник, или дьявол, или вор, или напоследок смерть. Пока ты сам владеешь ими, ты владеешь ненадежно; а если дашь их Мне в лице бедных, то Я тщательно сохраню их тебе во всей целости. Я беру не заем, чтобы лишить тебя их, а чтобы умножить и тщательнее сохранить, чтобы сберечь их тебе на то время, когда никто не даст уже в долг, никто не пожалеет. Зачем ты, богатый, напрасно трудишься прятать в своих кладовых достояние бедных? Что ты негодуешь, когда они просят у тебя, как будто ты тратишь свою собственность? Они желают принадлежащего Отцу, а не твоего; желают того, что вверено тебе ради них, а не родившегося вместе с тобой. Отдай то, что ты получил, и стяжи прибыль из пользования; довольно для тебя, что ты поставлен давать, не получать. Зачем ты предаешь сокровище земле? Дай, говорит, в Мою руку. Ужели Владыка земли кажется тебе менее достойным доверия, чем земля? Я, скажешь, дал. Но не следует никогда переставать делать это; только тогда ты оправдаешься, когда ничего не будешь иметь, когда ничем не будешь владеть; а пока ты что-нибудь имеешь, то хотя бы ты дал тысячам людей, а остаются еще другие алчущие, нет тебе никакого оправдания. Итак, ни богатый пусть не величается тем, что много дает, ни бедный пусть не унывает, как будто мало давая, потому что последний часто дает больше первого.

Многое и малое определяется не мерой подаяния, а размером имущества подающих. Кормя прихлебателей и льстецов, ты так радуешься, как будто расточаешь какие источники; а если увидишь бедняка, тотчас на тебя нападает страх бедности. Давай нуждающемуся, и не давай плясуну, чтобы вместе с твоими деньгами тебе не погубить и его душу, потому что ты являешься виновником его гибели через неуместную твою щедрость. Ведь если бы плясуны знали, что их занятие будет для них безвыгодно, они давно бы уже перестали заниматься этим. Слепой, которому оказано сострадание, может руководить в Царство Небесное; тот, который натывается на стены и падает в ямы, делается путеводителем восхождения на Небо. Когда ты делаешь не напоказ людям, то хотя бы весь мир знал о твоих делах, никто не знает, потому что ты делал не с таким намерением. Не просто сказал Христос: не делайте перед людьми, но присовокупил: *«с тем, чтобы они видели вас»* (Мф.6:1). О, сколь велико достоинство бедности! Она является личиной Бога; в бедности скрывается Бог; бедняк протягивает руку, а принимает Бог. Когда случится с тобою какое-нибудь горе, подай скорее милостыню; возблагодари за то, что оно случилось, и ты увидишь, какая найдет на тебя радость. Духовная прибыль, хотя бы и небольшая, столь велика, что покрывает всякую материальную потерю. А если не верите, испытайте, и увидите славу Божию.

Но, о, легкомыслие, о, неблагодарность! Все время живем мы во грехах и пороках, а если когда-нибудь и сделаем маленькое доброе дело, то, как неблагодарные рабы, с торгашеской мелочностью исследуем и справляемся о воздаянии, есть ли какая-нибудь награда за это дело. Между тем награда бывает больше, если ты делаешь, не руководясь надеждой на награды: нужно ведь все делать ради Христа, а не ради надежды на награду. В самом деле, если Бог, сотворивший нас вначале, без всякого с нашей стороны доброго дела, тотчас же даровал нам столько благ, то чего не дарует Он потерпевшим за Него и понесшим столько трудов и подвигов? Тогда как мы ради себя же самих с трудом решаемся пожертвовать даже ничтожным количеством золота, Он предал

за нас даже Своего Сына. Ради дружбы с людьми мы часто бываем готовы даже подвергаться опасностям, а ради человеколюбия Божия не жертвуем даже и деньгами? И как не постыдно, что Христос и душу предал за нас, и драгоценную кровь пролил ради нас, которые не были ни преданы Ему, ни праведны, а мы ради Него не проливаем даже и денег, и равнодушно смотрим на нагого и странника, который умер за нас? И кто избавит нас от будущего наказания? Если бы не Бог, а мы сами наказывали себя, то не произнесли ли бы мы обвинительного приговора над собою? Не осудили ли бы себя на геенский огонь, оставляя томиться голодом Того, Кто положил за нас душу Свою? Да что говорить о деньгах? Если бы мы имели тысячи душ, не надлежало ли бы все их отдать за Него? Если бы кого-нибудь из нас вели на смерть, а затем предложено было, отдав все свое имущество, освободиться, то мы почли бы это счастьем; между тем, когда мы ведемся в геенну, и можно, хотя бы отдав половину, освободиться, мы предпочитаем подвергнуться наказанию и безрассудно сохранить свое имущество, чтобы погубить свои блага? Но какое мы будем иметь оправдание, какое извинение, лишая себя и здешних, и тамошних благ, когда есть возможность безопасно воспользоваться и теми и другими? Если иные за мирское достоинство часто отдают все свои средства, за достоинство, которое должно остаться здесь, да и здесь даже не удерживается долгое время, – так как многие еще задолго до смерти лишаются связанной с этим достоинством власти, а другие из-за нее часто лишаются даже и самой жизни, и, тем не менее, зная это, делают ради нее все, – итак, если из-за этой власти столько делают, то что может быть несчастнее нас, когда ради достоинства вечно пребывающего и неотъемлемого мы не жертвуем даже и малым, и не даем того, что немного спустя должны невольно оставить здесь? Какое же безумие, когда можно добровольно отдать и взять с собою то, чего мы невольно будем лишены, не желать этого? На слуг, на мулов и лошадей мы надеваем золотые ожерелья, а на Владыку, когда Он ходит нагим, проводит ночи под открытым небом и протягивает руку за подаянием, не обращаем никакого

внимания, а часто даже смотрим суровым взглядом. Что может быть хуже такого безумия? В самом деле, когда Бог посылает к нам бедных, повелевая дать им из принадлежащего Ему, а мы мало того, что не даем, еще и с надругательством прогоняем их, то подумай, каких громов, каких молний достоин наш поступок? Если бы твой слуга, которому ты приказал пойти к другому слуге, имеющему твои деньги, и взять у него, не только возвратился с пустыми руками, но и подвергшись оскорблению; то чего бы ты не сделал оскорбившему? Какому не подверг бы его наказанию, как бы уже сам получивший оскорбление? Если же так бывает у людей, то насколько же более у Того, Кто есть Владыка и людей, и всех тварей? Если ты не хочешь ничего дать просящему бедняку, то для чего еще поражаешь его душу укоризнами? Разве он подошел бы к тебе, если бы ожидал услышать их? Но он, скажешь, нахален, и пристаёт с криком. Что ты говоришь? Как часто бывает, что, когда стол уже готов, ты, позвав прислуживающего раба, если тот замешкается, из себя выходишь из-за маленькой только задержки, хотя отлично знаешь, что если и не тотчас, то немного спустя ты получишь удовольствие; и однако себя самого, когда ты приходишь в ярость из-за пустяка, ты не называешь бесстыдным, а бедняка, который боится и трепещет из-за более важного (потому что весь страх у него не о замедлении, а о голоде), называешь наглым и бесстыдным? Разве же это не крайнее бесстыдство? Если ты, видя какую-нибудь ничтожную каплю, упавшую с потолка, зовешь и слуг, и мастеров, и шумишь на весь дом, то как же ты равнодушно смотришь на бедняка в лохмотьях, лежащего на соломе, в грязи, и терпящего всякий холод? Какой зверь не смягчился бы, видя такое бедственное положение? Кто так жесток и бесчеловечен, чтобы не стать от этого кротким и сострадательным? Между тем есть люди, которые дошли до такой жестокости, что не только не жалеют, не плачут и не облегчают несчастий, а часто даже оскорбляют бедняков и говорят, что они терпят это заслуженно. Почему, скажи мне, они заслуживают этого? Потому ли, что они хотят питаться, а не голодать? Нет, говоришь, а потому, что они предаются праздности. А ты не ленишься, предаваясь удовольствиям? Не

занимаешься часто делом, худшим всякого бездействия, грабя и притесняя других, предаваясь любостяжанию? Лучше было бы, если бы и ты предавался такой праздности, потому что так предаваться праздности гораздо лучше, чем заниматься любостяжанием и грабить.

Итак, когда ты увидишь нищего и скажешь: «изумляюсь, что юноша, и такой здоровый, ничего не имея, хочет питаться, оставаясь без дела», – скажи эти самые слова самому себе, или еще лучше – позволь нищему смело сказать их тебе: «изумляюсь, что ты, будучи здоров, предаешься лени и не делаешь ничего из того, что повелел Бог». Ты порицаешь его за праздность, а он тебя еще и за дурные дела, за то, что ты грабишь, лихоимствуешь и разрушаешь дома других. Но он большей частью лжет и обманывает? Но и за это он достоин сожаления, что впал в такую нужду, что даже и такого дела не стыдится. Между тем мы не только не жалеем его, а говорим еще вдобавок такие жестокие слова: не получил ли он и раз, и два? Что же? Разве не нужно уже опять питаться, если однажды напился? Почему ты и своему собственному чреву не ставишь тех же законов и не говоришь ему: «ты наполнилось вчера, сегодня не взыщи»? Напротив, последнее ты переполняешь сверх меры, а тому отказываешь, когда он просит надлежащего. И как же ты сам, когда молишься, хочешь быть услышанным? Кто презирает находящегося в скорбях и не дает ему из собственных средств, как может желать получить что-либо из благ, не принадлежащих ему? Разве не достойно порицания то, что питая тунеядцев и льстецов, мы не считаем этого убытком, а если увидим подходящего бедняка, изнуряемого голодом и холодом, то не только презираем его, но и тотчас же набрасываемся с укорами? Почему, говорят, он не трудится, почему он питается, предаваясь праздности? А ты, трудясь ли, имеешь то, чем обладаешь? Не получивши ли в наследство от отца? А если даже и трудишься, неужели из-за этого упрекаешь другого? Но он обманщик. Что ты говоришь? Ради какого-нибудь куска хлеба или одежды называешь его обманщиком? Но он тотчас же, говоришь, продает полученное. А ты всеми своими средствами распоряжаешься хорошо? Да и неужели все

бедствуют от праздности? Никто от кораблекрушения? Никто от судебных тяжб? Никто от воровства? Никто от болезни? Никто от смелых предприятий? Никто от других несчастных случайностей? Между тем едва только мы услышим, как кто-нибудь жалуется на такие несчастья, громко сетует и, всего лишенный, взирает на небо, – тотчас же называем его плутом, обманщиком, притворщиком. Не стыдно ли тебе называть кого-нибудь плутом? Уж не давай ничего, и не порицай бедняка. Но он имеет, скажешь, и притворяется только бедняком. Это твоя вина, не его; он знает, что подходит к людям жестоким, скорее к зверям, нежели к людям, и что, если даже будет говорить жалкие слова, никого не тронет; поэтому самому и вынуждается принимать на себя жалкий вид, чтобы тронуть состраданием твою душу. О, жестокость, о, бессердечие, о, бесчеловечие! Если видим бедняка, подходящего с благородным видом, – это, говорим, обманщик, и подходит так, чтобы его считали человеком из знатного рода; а если видим нагого и одетого в лохмотья, и того охуждаем. О, бесстыдное зверство! Если хочешь, дай; если не хочешь, прогони. Зачем ты жалок и несчастен? Зачем ты и сам не жалеешь, и желающих того отвращаешь? Ведь когда кто-нибудь услышит от тебя, что этот обманщик, тот притворщик, то он не даст ни тому, ни другому. Но для чего, скажешь, они обнажают изувеченные члены? Из-за тебя; если бы мы были сострадательны, им не было бы нужды прибегать к таким средствам; если бы они с первого раза склоняли к милосердию, то не употребляли бы столько хитростей. Кто так жалок, чтобы иметь желание во всеуслышание жаловаться на свою судьбу вместе с обнаженной женой и детьми? Не хуже ли это всякой бедности? И так несчастные не только не находят с нашей стороны сострадания, но даже порицаются нами, как бесстыдные. Ты, если грабишь, не бесстыден; а тот, если умоляет о хлебе, бесстыден? Всякому *«просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся»* (Мф.5:42). Как не бессмысленно, что ты проводишь жизнь в чревоугодии и пресыщении, затягиваешь пиры до глубокой ночи и засыпаешь на мягкой постели, а на нагого, трепещущего и голодающего нищего не обращаешь

никакого внимания? Да что я говорю о наготe и трепете, когда иные вынуждаются даже ослеплять своих детей в самом раннем возрасте, чтобы тронуть нашу бесчувственность? Так как, оставаясь зрячими и ходя нагими, они ни своим возрастом, ни несчастьем не возбуждают сострадания у бессердечных, то к стольким бедствиям присоединяют новое, еще более тяжкое несчастье, чтобы избавиться от голода, находя более легким лишиться этого общего света и данного всем солнечного луча, нежели постоянно бороться с голодом и подвергаться самой жалкой смерти.

Подлинно, великая вещь – человек, и драгоценная – мужемилостивый. Милостыня бывает тогда, когда подается с усердием, с щедростью, когда ты думаешь, что не даешь, а получаешь, когда ты как бы получаешь благодеяние, когда ты как бы приобретаешь прибыль, а не теряешь; иначе это не было бы и благодеянием, потому что милующему другого нужно радоваться, а не роптать. В самом деле, не нелепо ли, если ты, освобождая другого от печали, сам предаешься печали? Если ты печалишься, что освободил другого от печали, то представляешь доказательство крайней жестокости и бессердечности; лучше уж не освобождать, чем освобождать таким образом. Да и что ты вообще печалишься, человек? Боишься, чтобы не уменьшилось у тебя золото? Если у тебя такое расположение, то и не давай вовсе. Если ты не веришь, что оно умножится тебе на небесах, не подавай. Но ты ищешь воздаяния здесь? Для чего? Оставь милостыне быть милостыней, а не торговлей. Правда, многие и здесь получают воздаяние; однако получают не так, чтобы поэтому самому имели больше, чем не получившие. Те, которые здесь ищут и получают, уменьшают себе награду там. Итак, не будем говорить: такой-то порочен и недостойн благодеяния, такой-то презренный, такой-то отверженный. Смотри не на достоинство нуждающегося в помощи, а на одну только нужду. Хотя бы то был человек ничтожный, отверженный, презренный, Христос однако вменяет тебе награду так, как будто Сам получит благодеяние через него. Петр и Иоанн вошли однажды в храм помолиться; и вот хромо́й от чрева матери его, которого носили,

лежал при дверях храма, и, увидя их входящими, пристально смотрел на них, надеясь получить от них милостыню. Что же Петр? *«Взгляни на нас»*, – говорит (Деян.3:4); в самом внешнем виде ты имеешь достаточное доказательство бедности; не нужно ни слов, ни ответа; одеяние показывает тебе ничего не имущего. Что же? В этом ли все дело апостольства в отношении к нищему, чтобы не облегчить его бедноты, чтобы только сказать ему: *«золота и серебра нет у меня»*? Подожди немного, и ты увидишь большее богатство? *«Серебра и золота, – говорит, – нет у меня; а что имею, то даю тебе: во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи»* (Деян.3:6). Видишь недостаток денег и богатство дарований? Посмотри далее и на его кротость. Не оскорбил, не укорил, не отверг он, как то часто делаем мы по отношению к обращающимся к нам, требуя от них объяснений, посылая на труд, порицая за то, что они спят. Разве этому научен ты, человек? Тебе не велено ни обвинять за праздность, ни порицать за нечестие, ни укорять за леность, а облегчать бедность, спасать в несчастии и простирать руку помощи лежащим. Итак, не любопытствуй о жизни и делах, собираясь дать милостыню; ведь это верх непристойности из-за какого-нибудь одного куска хлеба исследовать всю жизнь. Хотя бы просящий был убийцей, хотя бы разбойником, или кем бы то ни было, ужели он кажется тебе недостойным куска хлеба или нескольких монет? Владыка твой заставляет солнце восходить над ним, а ты считаешь его недостойным даже ежедневной пищи? Или ты не знаешь, что и Авраам главным образом заслуживает особенного удивления за то, что, увидев пришедших к нему, и не зная, кто были они, поднялся и поспешил к ним навстречу, и, поклонившись им до земли, сказал: *«Владыка! если я обрел благоволение пред очами Твоими, не пройди мимо раба Твоего»* (Быт.18:3)? Так и ты, не любопытствуй, потому что ты принимаешь ради Христа; а если станешь всегда с точностью разузнавать, то часто пройдешь мимо и достойного уважения мужа, и погубишь награду, которую имел бы за это. И будем заботиться не о своих только по вере, об остальных не радея, но кого бы ни увидали в несчастии, ни о чем другом не будем любопытствовать; то, что он терпит

бедствие, служит оправданием помощи. Право, не знаю, откуда укрепился этот обычай: если мы видим мирского человека в несчастьи, не простираем руку помощи, и только к сидящим на горах оказываемся рачительны. Эллина ли, иудея ли, или кого другого увидишь в несчастьи, должно благодетельствовать всем. Если ты ищешь одних только монахов, и только им одним хочешь благотворить, причем и относительно их опять разузнаешь, достоин ли, праведен ли, творит ли чудеса, и без того не простираешь руки, то ты уничтожаешь пользу от милостыни; да и эту самую со временем опять погубишь. Если ты поднимаешь осла, когда видишь, что он задыхается, и не любопытствуешь, чей он, то гораздо более не следует любопытствовать о человеке, чей он. Он Божий, будет ли то эллин или иудей; достаточно, что он нуждается в помощи. Если бы ты видел, что он обладает обильными средствами и пользуется славой, то справедливо мог бы говорить так; но если видишь, что он терпит бедствия, не говори, что он порочен и ленив, потому что это признак жестокости, бессердечия и величайшего высокомерия. Милостыня потому так и называется, чтобы мы подавали и достойным, и недостойным. Если мы будем разбирать и разузнавать недостойных, то и достойные, пожалуй, нелегко попадутся нам; а если будем подавать и недостойным, то несомненно и достойные, и равные со всеми ними попадут в наши руки. Если мы станем расследовать достоинство и быть строго взыскательными в отношении к нашим сорабам, то и Бог сделает с нами то же самое; и стараясь требовать отчета у сорабов, сами лишимся высшего милосердия. Тому, кто показывает дружелюбие, нужно не отчета в жизни требовать, а облегчать бедность и восполнять нужду.

Итак, когда ты увидишь нищего, не проходи мимо, а тотчас же подумай, как бы ты себя чувствовал, если бы был на его месте; подумай о том, что он так же, как и ты, свободен, принадлежит к одному с тобою обществу, имеет все общее с тобою, и ты часто не равняешь его даже со своими собаками: тогда как те насыщаются, этот часто засыпает голодный, и свободный становится для тебя презреннее твоих рабов. Но

последние исполняют для тебя нужные дела, и хорошо служат тебе? Так я покажу тебе, что и тот служит тебе службу, и гораздо более важную, чем они: он окажет тебе помощь в день Суда, и избавит тебя от огня. Что подобного могут сделать твои рабы? Когда умерла Тавифа, кто воскресил ее? Рабы ли, окружавшие ее, или бедные? А ты не хочешь поставить даже наравне с рабами свободного, который одним внешним видом должен был бы склонить тебя к милосердию? И как ты можешь просить Бога избавить тебя, когда ты будешь в опасности, если сам оставляешь без всякой помощи человека, ничем не согрешившего против тебя, когда он скорбит, стонает и томится голодом и холодом? Как Он оставит без наказания тебя, согрешившего против Него? *«Кто затыкает ухо свое, – сказано, – от вопля»* нищего, прошения его не послушает Бог (Притч.21:13). Итак, будем относиться к нашим сорабам так же, как мы желаем, чтобы относился к нам Бог. Милостыня есть более великая жертва, чем молитва, пост и многое другое, если только она бывает от праведных стяжаний и таковых же трудов, если чиста от всякого любостяжания, хищения и насилия. Такие приношения Бог принимает, другие же отвергает и ненавидит. Он не хочет, чтобы Его почитали насчет чужих несчастий, потому что такая жертва нечиста и непотребна, и скорее может раздражать, нежели умиловать Бога. Милостыня для того так и названа, чтобы мы миловали, а не мучили наших сорабов. А кто берет чужое и дает другому, тот оказывает не милость, а скорее подвергает наказанию, и учиняет немалую обиду. Кто желает быть богатым, имеет нужду в деньгах; кто не желает быть богатым, всегда остается в довольстве. Не богатым быть, а не желать богатеть, – вот в чем богатство. Есть, – скажу к примеру, – богач, который грабит все у всех, и есть богач, который отдает свое имущество бедным; один богатеет, собирая, другой – расточая; один сеет землю, другой возделывает Небо. Но насколько Небо превосходнее земли, настолько и плодоносность последней скуднее первого. И вот что удивительно: с хищником бывает так, что его ненавидят не только обиженные им, но и не потерпевшие от него никакого зла, сочувствуя именно потерпевшим. Если же с ним случится

несчастье, отовсюду несутся тысячи криков: «злодей, нечестивец, распутный», и все нападают на него. С милостивым же человеком бывает так, что его любят не только те, которым он оказал сострадание, но и те, которым не оказал, относя к себе самим благодеяние, оказанное первым. А если с ним случится какое-нибудь несчастье, то все молятся, чтобы Бог помиловал его, устроил ему все благополучно, чтобы у него всегда оставалось богатство. Видишь, как злоба и тех имеет своими врагами, которые не потерпели никакой обиды, а милосердие имеет своими приверженцами и тех, коим оно не было оказано? Прежде всего, поэтому, отстань от хищения, и тогда твори милостыню; удержи руки от любостяжания, и тогда простирай их на милостыню. Если же мы теми же самыми руками и раздеваем бедных, то, хотя бы мы подаянием взятого от них даже одели других, мы все равно не избежим наказания, потому что основа милосердия становится основой всякого греха. Лучше совсем не жалеть, чем так жалеть. Если Каин, принеши менее важное, прогневил Бога, то как может не прогневить тот, кто дает еще и чужое? Милостыня есть благороднейшее искусство и заступница для совершающих ее, потому что она любезна Богу, если не бесчестится нами; а она бесчестится, когда мы творим ее насчет хищения чужого; если же она бывает чиста, то дает воссылающим ее великое дерзновение и молится за навлекших на себя гнев Божий. Такова ее сила: она расторгает узы, разрешает тьму, угашает огонь, и делает творящих ее подобными Богу.

«Будьте, – говорится, – милосерды, как и Отец ваш Небесный милосерд» (Лк.6:36). Не упустим же удобного времени, какое представляет настоящая жизнь, но будем всеми силами заботиться о нашем спасении. Можно ведь, можно и при последнем издыхании благоугодить Богу; можно заслужить похвалу и завещанием; не так, правда, как при жизни, но все же можно. Как же именно? Если ты вместе в число твоих наследников впишешь и Бога, если уделишь и Ему часть всего наследства. Ты не напитал Его при жизни? Так по крайней мере по смерти, когда ты уже не господин, удели Ему из твоих богатств. Конечно, более желательно и больше награда, если

бы ты питал Его при жизни; но если ты не сделал Ему этого, то займи хоть второе место; если же колеблешься и это сделать, то подумай, что Отец Его сделал тебя сонаследником Ему, и отрешись от жестокосердия. В самом деле, какое получишь ты прощение, когда ты мало того, что не напитал Его при жизни, даже собираясь отойти к Нему, не хочешь дать Ему и малой частицы тех денег, над которыми ты уже не властен, а относишься к Нему до такой степени враждебно и неприязненно, что не уделяешь Ему даже чего-нибудь из ставшего для тебя бесполезным? Не видишь ли, сколько людей не удостоились далее и такой кончины, а внезапно были похищены смертью? Тебе же Бог дал возможность разъяснить и сказать своим близким относительно имущества, и распорядиться всем по дому. Какое же будешь иметь ты извинение, когда ты, получивши от Него даже и эту милость, не пользуешься благодеянием, и даже в силу необходимости не хочешь стать милосердным? Конечно, много лучшее дело и доставляющее великое дерзновение – облегчать бедного при жизни; но если ты не захотел сделать этого, то, хоть умирая, сделай что-нибудь доблестное: хоть это дело и не великой любви, но все же доброе дело. Хотя ты не будешь иметь первого места среди овец, но немаловажно и то, чтобы по крайней мере быть с ними, а не стать вместе с козлицами. Если же ты не сделаешь и этого, то какое слово оправдания после того избавит тебя от казни? Когда ты жил, ты прилеплялся к богатству, как будто бы был бессмертным; теперь же, когда ты узнал, что смертен, по крайней мере теперь оставь такое заблуждение и рассуди, как смертный, о своем имуществе. Хотя и тяжело, и полно ужаса то, что предстоит сказать, тем не менее необходимо сказать: сопричисли Владыку твоего вместе с рабами. Ты освобождаешь рабов? Освободи Христа от голода, нужды, темницы и наготы. Ты ужасаешься, слыша это? Следовательно, еще ужаснее, когда ты этого самого не делаешь. Вот и здесь такое слово заставило тебя оцепенеть; что же ты скажешь тогда, когда отойдешь туда, услышишь гораздо более того тяжкие слова и увидишь нестерпимые мучения? К кому прибегнешь? Кого призовешь в качестве

союзника и помощника? Авраама? Но он не услышит. Или отца, или деда? Но и из них никто, как бы ни был свят, не в силах будет отменить тот приговор. Но ты бесчеловечен, жесток и безжалостен? Устыдись достоинства просящего. Но не пристыжает тебя это достоинство? Преклонись к несчастью. Но и несчастье не склоняет тебя к жалости? Дай ввиду легкоисполнимости просьбы. Если же ни достоинство, ни крайняя нужда, ни легкость подаяния не могут убедить тебя, то дай нуждающемуся хоть ради величия обетованных благ. Какое же будет прощение тем, которые после стольких увещаний оставляют без помощи нуждающихся? Пусть слышат посвященные в Таинства: Христос, когда нужно напитать тебя, не щадит и собственной Плоти; когда нужно напоить, не щадит и Крови; а ты не даешь даже хлеба и воды? И какое будешь иметь ты прощение, получая такие Дары, и скупясь на вещи ничтожные? Ведь ты не уйдешь отсюда с деньгами, если не дашь их ради Христа; не будешь бессмертным, если не умрешь ради Христа. Он требует от тебя того, что ты отдашь и без Его требования, потому что ты смертен; Он хочет, чтобы ты по своей воле сделал то, что ты должен сделать и по необходимости. Что тебе безусловно необходимо потерпеть, предпочти потерпеть ради Меня; пусть только будет такое намерение, и Я сочту за достаточное послушание. Может ли быть терпимо, что, тогда как Бог даже Сына Своего предал за тебя, ты даже и хлеба не даешь Ему, преданному за тебя, закланному за тебя? Отец ради тебя не пощадил Сына, и притом Сына Истинного; а ты презираешь даже томимого голодом, и притом когда ты должен тратить из Его же благ, и тратить ради себя самого. И что может быть хуже такого беззакония? Ради тебя Он предан, ради тебя заклан, ради тебя ходит, алкая, чтобы ты, давая из Его же благ, сам получил пользу, и ты все-таки не даешь? Не оказываешься ли ты бесчувственнее всяких камней, когда столько побуждений влечет тебя к милостыне, а ты упорствуешь в этой дьявольской жестокости? Если, говорит, ты не вознаграждаешь Меня за то, что Я пострадал за тебя, то пожалей ради бедности; если не хочешь пожалеть ради бедности, будь сострадателен ради

болезни, сжался ради уз; если и это не делает тебя сострадательным, преклонись ради легкости просьбы: ведь он не просит ничего, требующего больших издержек, а только хлеба, кровли и словесного утешения. Если же и после этого ты остаешься еще жестоким, то стань снисходительнее хотя бы ради Царствия. Но тебе нет никакого дела и до него? Тогда имей хоть сострадание к самой природе, видя нагого, и вспомни о той наготе, которую обнажился Я ради тебя на Кресте. Если же не хочешь вспомнить о ней, то вспомни хотя бы о той, которую обнажаюсь Я ради бедных. Не говорю: «избавь Меня от бедности», не говорю: «дай Мне богатство», а прошу только хлеба, одежды и небольшого облегчения в голоде; если попаду в темницу, не заставлю разрешить и освободить от уз, а ищу только одного, – чтобы ты навел на заключенного ради тебя, и Я получу вполне достаточный дар любви. Я могу, конечно, и без этого увенчать тебя, но хочу быть еще и должником тебе, чтобы венец принес тебе некий плод и дерзновение. Вот почему, хотя Я и Сам мог бы напиться Себя, Я хожу как нищий, и, стоя перед твоими дверями, простираю руку, желая быть напитанным тобою. И Я похваляюсь этим, чтобы в свое время прославить тебя перед лицом всей вселенной, и во всеуслышание объявить Моего питальца. Вы, когда питаетесь от кого-нибудь, стыдитесь этого и скрываете; а Я, так как слишком люблю вас, объявляю о вашем деле с великими похвалами, хотя бы вы и молчали, и не стыжусь сказать, что вы одели Меня нагого, напители голодного, а, напротив, даже похваляюсь этим, чтобы вы провозглашены были наследниками Царства Небесного. Итак, помышляя об этом, возлюбленные, будем усердно заботиться о спасении, чтобы достигнуть и вечных благ, во Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава во веки веков. Аминь.

Слово 24. О грехе и исповеди.

Путешествовал ли кто-нибудь из вас, возлюбленные, когда-нибудь в Палестине? Думаю, что так. Что же? Вы, видевшие те места, засвидетельствуйте. Есть там обширная и плодоносная земля, или, вернее сказать, была, потому что теперь ее уже нет; итак, эта некогда столь богатая земля, соперничавшая со всеми странами и равнявшаяся по благосостоянию с Раем Божиим, теперь пустынное всякой пустыни. Стоят там, правда, и теперь деревья, и имеют плоды, но плоды эти служат памятником гнева Божия; стоят гранатовые яблони, и как дерево, так и плод имеют пышный вид, и человеку неведущему подают большие надежды; но если взять его в руки и разломить, то оказывается, что внутри не заключается никакого плода, а только зола и пепел. Такова вся эта страна; и деревья, и камни, и воздух, и вода подверглись такой участи. Вы видите там землю, но она не имеет ничего, свойственного настоящей земле; видите деревья и плоды, но в них нет ничего, свойственного настоящим деревьям и плодам, а только один пепел; видите воздух и воду, но они не имеют ничего общего с настоящими воздухом и водой, потому что и они превращены в пепел силою Совершившего это. Как у сожженного тела наружный образ остается в виде огня, а сущность уже не остается, так точно и в тех предметах. Ужели и это одни лишь угрозы? Ужели и это пустые звуки? Но это тяжело? А то не тяжело, когда ты говоришь, что нет геенны? Ты, не верящий, заставляешь меня говорить это; ты доводишь меня до таких речей. Если бы ты поверил словам Христа, мне не было бы нужды приводить доказательства, представляемые самой действительностью. Тот, Кто излил столь великий гнев за один грех, не преклонившись ни на мольбы Авраама, ни Лота, пощадит ли нас, когда нами совершено столько грехов? Поистине, это смех, вздор, дьявольский обман и обольщение. Если же хочешь видеть, как подвергаются наказанию и люди верующие и преданные Богу, но не ведущие правой жизни, то слушай, что говорит Павел: *«Не станем блудодествовать, как некоторые*

из них блудодействовали, и в один день погибло их двадцать три тысячи» (1Кор.10:8). Если же блуд мог столько сделать, то чего не сделают наши грехи? Если же ты и не потерпишь казни теперь, не удивляйся. Те не знали геенны, почему и подвергались непосредственно тотчас же наказаниям; ты же, хотя бы не понес здесь никакой казни, получишь возмездие за все, в чем бы ни согрешил, там. И хотя мы совершим те же самые грехи, что и они, однако заслуживаем большего наказания, чем они. Почему? Потому, что получили большую благодать. Когда же мы и больше их, и более тяжко согрешаем, то какому не подвергнемся наказанию? Если бы мы, согрешая и оставаясь ненаказанными, не делались хуже, то Бог отпустил бы, конечно, нам наказание; но Он ясно знает, что безнаказанность наших грехов приносит нам не меньше вреда, чем и самые грехи. Поэтому Он и налагает наказание, не только для того, чтобы наказать за прошедшее, но и для того, чтобы исправить на будущее время. И что это так, послушай, что Он говорит Моисею: *«Оставь Меня, да воспламенится гнев Мой на них, и истреблю их» (Исх.32:10).* «Оставь Меня», – говорит, не потому, чтобы Моисей удерживал Его, – ведь последний ничего не говорил Ему, а в молчании предстоял Ему, – но желая доставить ему случай к молитве за них. Так делаем часто и мы, когда, не желая ни наказать своих слуг, совершивших достойные наказания проступки, ни освободить их от страха наказания, внушаем друзьям вырвать их из наших рук, чтобы таким образом и страх у них остался в полной силе, и они избежали наших побоев.

Подобного рода случай был, как можно видеть, и с Ионой. *«И было, – говорится, – слово Господне к Ионе... пророку: встань, иди в Ниневию, город великий, и проповедай в нем: ...еще три дня (синод. пер. – «сорок дней») и Ниневия будет разрушена».* Услышав же, *«Иона, чтобы бежать в Фарсис от лица Господня, и пришел в Иоппию» (Ион.1:1–3, 3:4).* Куда бежишь ты, человек? Бежишь от Господа, скажи мне? Но подожди немного, и ты на опыте узнаешь, что не можешь избежать рук даже и рабского моря. В самом деле, не успел он взойти на корабль, как то подняло волны и стало вздыматься на

громадную высоту. И подобно тому, как верная какая-нибудь служанка, найдя беглого сораба, укравшего что-нибудь из господского имущества, причиняет принявшим его тысячи хлопот, пока не получит его обратно, так точно и море, найдя и признав своего сораба, доставляет тысячи беспокойств пловцам, волнуясь, шумя, и не к суду привлекая их, а угрожая потопить корабль вместе с людьми, если они не отдадут ему сораба. Тогда, – говорится, – *«стали бросать в море кладь с корабля»* (Ион.1:5); но корабль не облегчался, потому что вся тяжесть оставалась еще на нем, именно тело пророка, этот тяжкий груз, не по природе самого тела, а по причине тяжести греха. Действительно, нет ничего столь тяжкого и неудобноносимого, как грех и преслушание. И подобно тому как на суде, хотя бы и обвинители были налицо, и свидетели присутствовали, и доказательства преступления были приведены, судьи не раньше выносят приговор, пока сам подсудимый не сознается в своем преступлении, так точно обстояло дело и у пловцов с пророком. *«Бросили, – говорится, – жребии»* (Ион.1:7), и жребий подверг наконец виновного приговору. Но пловцы и тогда не потопили его; нет, несмотря на такое смятение и охватывавший их страх, несмотря на то, что море не давало им ни минуты покоя, неистовствовало, шумело и вздымало на них волну за волной, они, как будто наслаждаясь полной тишиной, учинили даже судилище на корабле, предоставили ему слово, дали возможность защищать себя, и все с точностью исследовали, как будто им предстояло дать кому-нибудь ответ за свое решение; и не взирая на то, что и море требовало его, и жребий уличил его, и сам он сознался в преступлении, не произносят приговора. Откуда же явилась такая осторожность? От домостроительства Божия. Бог изволил совершиться этому, чтобы научить через это пророка быть человеколюбивым и кротким. *«Подражай пловцам, людям невежественным и бессмысленным, – как бы так взывает Он к нему, – они не презирают даже и одной души, не пренебрегают даже и одного твоего тела, а ты, насколько это от тебя зависело, предал целый город, имеющий столько тысяч жителей; они, даже найдя виновника приключившихся с ними*

бедствий, не спешат произнести осуждающий приговор, а ты, не имея никакого повода в чем-либо обвинять ниневитян, потопил и погубил их».

Но большинство людей к своим собственным погрешностям относятся снисходительно, а чужие осуждают. И многие часто говорят, что государственные и общественные дела идут худо, и в качестве причины указывают на неразумие правительства; я же говорю, что не неразумие правящих лиц, а наш грех служит тому причиной: он именно все расстроил, он довел до всех этих зол, не из другого чего разлился над нами этот рой бедствий. Поэтому, будь начальник хоть Авраамом, хоть Моисеем, хоть Давидом, хоть мудрейшим Соломоном, или грешнейшим из всех людей, но если мы настроены худо, причина к бедствиям остается безразлична. Получать начальников по сердцу нашему – это значит не что иное, как то, что мы наперед согрешили, и потому нашли такого начальника. Но если начальник будет даже весьма праведен, так праведен, что достигнет добродетели Моисея, одна его праведность не в состоянии будет покрыть несметных согрешений подчиненных. Наоборот, если хотите, я покажу вам, как грех даже одного часто пересиливает неповинность добрых граждан. Иисус Навин некогда приступил к Иерихону, и, производя новую дивную осаду, когда стены готовы уже были пасть, говорит народу: *«Город будет под закланием, и все, что в нем, Господу... Итак, берегитесь закланного, чтоб и самим не подвергнуться закланию, если возьмете что-нибудь из закланного»*, и потребит нас Бог. (Нав.6:16–17). Что же затем? Пали стены, и город оказался в руках осаждавших. И вот, когда весь народ соблюдал это приказание, преступление одного возбудило гнев Божий на весь народ. *«Сыны Израилевы сделали преступление [и взяли] из закланного»* (Нав.7:1). И однако согрешивший был один, именно Ахар; как же согрешили «сыны Израилевы»? *«И гнев, – говорится, – Господень возгорелся на сынов Израиля. Иисус из Иерихона послал людей в Гай... Итак пошло туда из народа около трех тысяч человек, но они обратились в бегство от жителей Гайских; жители Гайские убили из них до тридцати шести человек»* (Нав.7:1–2, 4–5). Смотри на взыскание за один грех, смотри на неумолимую

казнь; один согрешил, а на весь народ напала смерть и бедствия. Что же это, Добролюбивый Господи? Ты един Праведен, и правы судьбы Твои; Ты каждому воздаешь суд сообразно делам его; Ты сказал, Человеколюбец, что каждый умрет в собственном своем грехе, и один не будет подвергаться наказанию за другого; итак, что же это за праведный Твой суд? Достохвальны все дела Твои, Господи, и свыше всякой меры достохвальны; и устроятся на пользу нам; почему же Ты за грех одного навёл казнь на других? Грех, – отвечает Он, – есть некая зараза; пусть же через наказание, наложенное на всех, он будет выставлен на позор, чтобы не заразил всех. Видишь, как грех одного принес наказание всему народу? Посмотри затем и на позорную и несчастную смерть преступника. *«Иисус и все Израильтяне с ним взяли Ахана, сына Зарина, и серебро, и одежду, и слиток золота, и сыновей его и дочерей его, и волов его и ослов его, и овец его и шатер его, и все, что у него было, и вывели их на долину Ахор... И побили его все Израильтяне камнями»* (Нав.7:24–25). Итак, не будем самонадеянны, если Бог долготерпеливо сносит причиняемые Ему оскорбления, но поэтому-то самому именно и будем особенно сокрушаться. У людей, когда кто-нибудь, будучи ударен в правую щеку, подставляет и левую, то этим отмщает гораздо сильнее, чем если бы он нанес сам тысячи ударов; или когда, будучи злословим, не только не злословит сам, но и благословляет, то этим наносит обидчику более тяжкий удар, чем если бы осыпал его бесчисленными ругательствами; если же у людей бывает так, то гораздо более у Бога: те, кто постоянно грешат и не терпят никакого зла, должны бояться, потому что на главу их собирается несказанное мщение. Для согрешающего зло не в том, что он подвергается наказанию, а в том, если он, оставаясь таковым, не терпит наказания; подобно тому как для больного зло – не лечится. Когда наши добрые дела малы и ничтожны, а бремя грехов велико, и мы при этом наслаждаемся здесь счастьем и не испытываем ничего худого, то мы отойдем отсюда совершенно нагими и лишенными награды даже и за добрые дела, как получившие уже все здесь; наоборот, когда наши добродетели велики и многочисленны, а

грехи малы и ничтожны, и вдобавок к тому мы потерпим какое-нибудь зло, и очистимся здесь даже и от малых грехов, то получим полное и совершенное воздаяние за добрые дела в той жизни.

Итак, не наказание будем считать тяжким бедствием, когда мы согрешаем, а отсутствие наказания. Если бы даже Бог не наказывал нас, то мы сами должны были бы подвергнуть себя наказанию, как оказавшихся столь неблагодарными к своему Благодетелю. Сказать ли нечто странное и удивительное? Кто имеет ум и любит Господа, как должно любить, для того бывает больше утешения, если он подвергается наказанию после того, как прогневит столь Милосердного, нежели в том случае, когда он не терпит наказания. Обидевший нежно любимого тогда ведь только и находит успокоение, когда подвергнется наказанию и как-нибудь пострадает. Не видите ли, как потерявшие своих детей и бьют себя в грудь, и рвут волосы по этому поводу, так как подвергать себя мучению за любимых доставляет утешение. Если же в том случае, когда мы не причинили любимым ничего худого, страдание за то, что те потерпели, приносит нам утешение, то когда мы сами причиняем огорчение и оскорбление, не гораздо ли более доставит нам успокоения, если мы потерпим наказание (здесь) и не подвергнемся (вечному) мучению? Это для всякого очевидно. Для скольких-нибудь любящих не то тяжело, чтобы потерпеть какую-нибудь неприятность за то, что они огорчили любимого, а прежде всего самое огорчение, причиненное любимому. И если последний, будучи разгневан, не накажет любящего его, то доставит ему большое мучение, а если подвергнет наказанию, то даст большее утешение. Если кто любит Христа, как должно любить, то не захочет даже и при Его соизволении оставаться без наказания, потому что прогневавший Его испытывает величайшее наказание. Нет, подлинно нет никого, будь то отец, или мать, или друг, или кто бы то ни было, кто так возлюбил бы нас, как сотворивший нас Бог. Если же ты укажешь мне на печали, скорби и бедствия в жизни, то подумай, сколько раз каждый день ты оскорбляешь Его, и ты уже не будешь удивляться, хотя бы тебя постигли даже большие бедствия;

напротив, когда будешь пользоваться каким-либо благом, тогда будешь и удивляться, и изумляться. Теперь же постигающие нас бедствия мы видим, а тех оскорблений, которые мы ежедневно наносим Ему, не видим, – почему и приходим в смущение; между тем, если бы мы точно сосчитали наши грехи в течение хотя бы только одного дня, то хорошо узнали бы, каких зол достойны мы. Оттого вкрадываются к нам тяжкие грехи, что не получают надлежащего исправления грехи меньшие; оттого внезапные перемены и падения; оттого постоянные преждевременные смерти, что мы так высоко думаем о себе, как будто мы уже достигли самого Неба, грабим, как будто не предполагая никогда умереть, и предаемся корыстолюбию, как будто нам не предстоит дать никакого ответа; и ни слово Божие, ни сама действительность не вразумляет нас, но все напрасно, и ничто не разбивает нашей очерствелости. Никто не презирает земных благ; никто не взирает на Небо; но подобно тому как свиньи смотрят вниз, нагибаясь к чреву и валяясь в грязи, так и большинство людей, оскверняя себя пагубнейшим навозом, не чувствуют этого. Лучше ведь замарать себя нечистотами, чем грехами. Замаравший себя нечистотами живо может вымыться и стать таким же, как и человек, никогда не попадавший в такую грязь; тот же, кто впал в ров греха, получает осквернение, которое не водою смывается, а требует длительного и усердного покаяния, и более обильных и горячих слез, стенаний и рыданий, чем по самым дорогим нашим умершим. Подобно тому, как нет никакой пользы тому, кто облечен в царскую порфиру и носит оружие, а не имеет ни одного подданного, и всякий желающий может поносить и оскорблять его, так точно нет никакого приобретения и для христианина, если он имеет веру и дар, полученный в крещении, а является игрушкой для всех страстей. Напротив, как тот не только ничего не приобретет для своей чести от царской одежды, но и эту последнюю обесчестит собственным позором, так точно и верующий, живя порочною жизнью, не только не будет за это достоуважаем, но и будет тем более смешон.

Итак, не будем позорить нашей жизни, не будем жить жизнью, смеха достойной; не будем осквернять тела блудом. В

самом деле, как сможешь ты войти в церковь после общения с блудницами? Как ты будешь простирать к небу руки, которыми обнимал блудницу? Как сможешь двинуть языком и молиться теми устами, которыми целовал блудницу? Какими глазами будешь смотреть ты на почтеннейших друзей своих, взирающих на это? Да что я говорю – друзей? Хотя бы и никто не знал о том, ты сам себя прежде всех принужден будешь стыдиться и краснеть, и больше всех чувствовать отвращение к своему телу. Если бы было не так, то зачем ты после этого греха бежишь в баню? Не потому ли, что считаешь себя нечистым хуже всякой грязи? Так какой же приговор, думаешь ты, произнесет Бог, когда ты сам, согрешивший, имеешь такое мнение о своем поступке? Итак, если бы это была нечистота телесная, то ты мог бы, как и следует, очищать себя омовением в бане; но так как ты загрязнил и сделал нечистой всю душу, то ищи такого очистительного средства, которое могло бы смыть ее скверну; а если мы не сделаем этого, то, хотя бы исходили все речные источники, мы не в состоянии будем удалить далее и малейшей части этого греха. Если бы в сундук, где лежали господские одежды, какой-нибудь слуга положил грязную рабскую одежду, кишашую вшами, то, скажи мне, снес ли бы ты спокойно такое бесчестие? Равным образом, если бы в золотой сосуд, обычно содержащий всегда благовонные масла, кто-нибудь налил испражнений и нечистот, то не побил ли бы ты даже совершившего такой проступок? Итак, о сундуках, сосудах и одеждах мы обнаруживаем такую заботливость, а душу нашу будем считать ничтожнее всего этого, и туда, где излияно было духовное миро, будем ввергать дьявольские прелести, сатанинские речи и распутные песни? И как Бог стерпит это, скажи мне? Когда ты, развращенный театральным зрелищем, и став врагом всякого целомудрия, по возвращении оттуда увидишь свою жену, то непременно будешь смотреть на нее с отвращением, какова бы она ни была. Пленный распутным зрелищем, ты бесчестишь, оскорбляешь и осыпаешь тысячами ругательных слов чистую и пристойную подругу всей твоей жизни; и будучи всецело поглощен гнусным и нечистым пожеланием, слыша в душе своей еще раздающийся звук

голоса, вспоминая и вид, и взгляд, и движения, и все позы блудницы, от которой получил рану, ни на что уже в доме не смотришь с удовольствием. Как находящиеся в состоянии опьянения и страдающие головной болью носятся без всякого соображения в разные стороны, и что бы перед ними ни было, ров ли или пропасть, падают туда, не принимая никаких мер предосторожности, так точно и пристрастившиеся к греху, будучи одержимы греховным пожеланием как бы тяжким опьянением, не знают, что делают, и не помышляют ни о чем ни настоящем, ни будущем.

Таково свойство греха: после того, как он сделан и доведен до самого конца, он причиняет родившей его душе муки, в противоположность законам нашего рождения. Мы, как только родимся, так и прекращаем муки; грех же, лишь только родится, начинает терзать мучениями породивший его ум. Во время совершения греха, будучи упоены удовольствием, мы не так это чувствуем; но когда он совершен и кончен, и все удовольствие пройдет, тогда-то именно и проникает в душу острое жало раскаяния. И во время совершения греха, и прежде совершения, и после совершения наша совесть является суровым обличителем. Грешащие, – так обычно бывает с ними, – ко всему относятся с подозрениями, боятся теней, пугаются всякого шума, и про всякого думают, что он идет за ними; многих видят часто спешащих на другие дела, и думают, что те идут за ними; и когда другие говорят между собою о других предметах, они, сознавая за собой грех, думают, что те говорят про них. Таково свойство греха: он выдает согрешившего, без всякого обличителя, осуждает без всякого обвинителя и делает его пугливым и трусливым. Совершенно наоборот правда. Слушай как о трусости грешника, так и о дерзновении праведника. *«Нечестивый, – говорится, – бежит, когда никто не гонится за ним»* (Притч.28:1). Почему бежит он, когда никто не гонится за ним? Гонящий находится в нем самом; это – обличающая совесть, и он носит его всюду вместе с собой; и как от себя самого он не может убежать, так и от гонящего его внутри него. Совершенно не так праведник, – а как? *«Праведник смел, как лев»*. Таков был Илия: он видит царя, идущего к нему,

и когда последний сказал: «для чего ты развращаешь Израиль?» – «не я смущаю Израиля, а ты и дом отца твоего» (3Цар.18:17–18). Поистине, «праведник смел, как лев». Он восстал на царя, как лев на какую-нибудь ничтожную собачонку. Правда, тот облечен был в порфиру; но этот имел милоть, которая была почтеннее той порфиры. В самом деле, та порфира породила тяжкий голод, между тем как эта милоть прекратила бедствия; она разделила Иордан, она сделала Елисея сугубым Илией (4Цар.2). Итак, что оскверняющиеся блудом считают себя нечистыми, это я весьма хвалю и одобряю; а что они прибегают не к надлежащему средству очищения, за это упрекаю и порицаю. Лучше, конечно, совсем не быть знакомым с этим гнусным грехом; но если уже кто поскользнулся как-нибудь, то пусть употребляет наперед такие средства, которые могут устранить самую сущность греха, обещавшись никогда уже впредь не впадать в этот грех; а если мы, согрешая, хотя и осуждаем совершенный грех, но опять принимаемся за то же, то нам не будет никакой пользы от очищений. Тот, кто омывается и снова затем валяется в той же самой грязи, равно как и тот, кто разрушает, что построил, и строит, чтобы опять разрушить, не получает ничего, кроме напрасных трудов и мучений. Если мы каждый день будем грешить и ранить нашу душу, но никогда не замечать этого, то, подобно тому как люди, получающее постоянно раны и не обращающие на них внимания, причиняют себе воспаление и смерть, и мы вследствие постоянной такой бесчувственности навлечем на себя неотвратимую кару. Подлинно, ничто так не губит человека, как потеря страха Божия; равно как, наоборот, ничто так не спасает, как обращение взоров сюда. В самом деле, если мы, имея перед глазами человека, иногда не так скоро решаемся на грехи, и, стыдясь благопристойных слуг, не делаем ничего постыдного, то подумай, какой надежной охраной будем мы пользоваться, имея перед глазами Бога.

Итак, самое лучшее – совсем не грешить; ниже этого – греша, сознавать свои грехи и исправляться. Если же у нас не будет и этого, то как мы будем умолять Бога и просить об оставлении согрешений, раз мы не обращаем на них никакого

внимания? Когда сам ты, совершив грех, не хочешь сознать даже того самого, что ты согрешил, то о каких же грехах ты станешь умолять Бога? О тех, которых не знаешь? И как ты познаешь величие благодеяния? Тяжкое зло – делать дела постыдные; но когда делающий их стыдится, это уже наполовину зло; когда же кто-нибудь еще и похваляется ими, это уже крайнее бесчувствие. Кто после совершения греха осуждает грех, тот со временем может опять восстать; но кто хвалит порок, тот лишил уже себя врачества покаяния. Итак, подобно тому, как не только делающие дурные дела, но и похваляющие последних подвергаются вместе с ними тому же самому, или даже еще более тяжкому наказанию, так точно и те, кто хвалит и высоко почитает людей добродетельных, являются соучастниками уготованных последним венцов. Итак, если ты, греша, не скорбишь, не почитай поэтому грех маловажным, но поэтому-то самому особенно и стесняйся, что ты не чувствуешь скорби о грехах. Не оттого, ведь, происходит это, что грех не уязвляет, а оттого, что согрешающая душа бесчувственна. Если тот, кто не скорбит о грехах других людей, достоин осуждения, то заслуживает ли какого-нибудь извинения тот, кто относится бесчувственно и пренебрежительно к своим собственным грехам? Если Павел пренебрегает собственной пользой, чтобы обрести спасение других, то какого наказания не достойны будем мы, когда не хотим отказаться даже от собственного вреда, чтобы приобрести пользу других, но с радостью губим вместе с собою и других, тогда как можно спасти и себя, и других. Для того даны крылья птицам, чтобы избегать сетей; для того дан разум людям, чтобы они избегали грехов. Но ты говоришь, что не знаешь грехов. Но согласно ли это со здравым смыслом? Если относительно чужих грехов ты и законы пишешь, и наказания определяешь, и являешься строгим судьей, то какое же оправдание можешь ты иметь в своих собственных грехах, говоря, что ты не знаешь, что нужно делать? Совершил прелюбодеяние и ты, и другой; почему же ты того наказываешь, а себя считаешь заслуживающим прощения? Если ты знал, что прелюбодеяние не есть преступление, то не следовало наказывать и другого; если же другого ты

наказываешь, а себя считаешь неподлежащим наказанию, то согласно ли с разумом – за одни и те же грехи не налагать одних и тех же наказаний? Тем же самым судом, говорится, который ты произносишь над другим, осудит и тебя Бог. И слушай, что говорит Павел: *«Неужели думаешь ты, человек, что избежишь суда Божия, осуждая делающих такие дела и (сам) делая то же»* (Рим.2:3)? Своего суда не избежал ты, и избежишь суда Божия? Мыслимо ли это? Не одно, ведь, и то же – просто ли согрешить, или, наказав другого за грех, впасть опять в тот же самый грех. Если ты наказываешь совершившего меньшие грехи, хотя должен сам стыдиться, то как же Бог не осудит и не накажет тем более тебя, совершившего более тяжкие грехи и осужденного уже собственной своей совестью, – Бог, Которому притом же не за что стыдиться? Если же ты скажешь, что знаешь, что достоин наказания, но не придаешь этому никакого значения ввиду долготерпения Божия, и остаешься спокойным ввиду того, что не подвергаешься тотчас же наказанию, то, наоборот, поэтому-то тебе и следовало бы бояться и трепетать. Из того обстоятельства, что ты еще не потерпел наказания, следует не то, что ты не потерпишь наказания, а то, что потерпишь более тяжкое, если останешься без исправления. Если кто-нибудь совершит тяжкий грех, но сделает его тайно и никого не соблазнит, то подвергнется меньшему наказанию, нежели тот, кто совершит более легкие грехи, но открыто, и соблазнит многих. Человек ничтожный и отверженный, если и поскользнется и падет, приносит обществу не столь великий вред; но кто с великою славой стоит, как бы на какой высоте, на самом верху добродетели, кто всем известен и явен, кому все удивляются, тот, если падет от искушения, причиняет великое разрушение и вред, не только потому, что он сам пал с высоты, но и потому, что делает более беспечными многих из тех, кто смотрит на него. И подобно тому, как для тела не велик вред, когда поврежден какой-нибудь неважный член, но когда потеряны глаза или повреждена голова, все тело делается бесполезным, так точно можно сказать и относительно достигших высокой степени добродетели: когда они померкнут, когда запятнают себя каким-

нибудь поношением, то приносят общий и тягчайший вред остальному телу. Итак, не бойся козней судьи, а убойся силы греха. Человек не повредит тебе, если ты сам не причинишь себе вреда. Если ты чист от греха, то, хотя бы тысячи мечей висели над твоей головой, Бог избавит тебя; а если за тобой есть грех, то, хотя бы ты был в Раю, будешь извержен из него. Адам был в Раю, и пал; Иов был на гноище, и был увенчан. Какую пользу принес первому Рай? Какой вред причинило последнему гноище? Тому никто не строил козней, и он пал; против этого злоумышлял дьявол, и он оказался победителем. Не отнял ли последний у него имущества? Но благочестия его не лишил. Не похитил ли его детей? Но веры его не поколебал. Не растерзал ли его тела? Но сокровища не нашел. Соблюдайте этот закон, со слезами умоляю вас, обнимая колена ваши, если не руками, то мысленно, – соблюдайте этот закон, и никто никогда не будет в состоянии причинить вам зло.

Видите царя и пророка – разумею Давида, – как он сражается, падает, восстает и побеждает? Видите, как налегает грех и закаляется через покаяние? Посмотрите, как он, и после того как получил благодать Духа, приобрел дерзновение у Бога, после множества подвигов добродетели, после стольких трофеев, возглашает: *«Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей»* (Пс.50:3). Ты сказал: *«великой»*; скажи же, сколь великой. Что велика, это знаю; но измерить или постичь не могу; я стою перед морем человеколюбия Господа моего. Но что ты говоришь, скажи мне? Ты слышал, как пророк сказал: *«и Господь снял с тебя грех твой»* (2Цар.12:13). Чего же еще ты ищешь? Не того, говорит, только ищу, но и красоты моей ищу, дерзновения моего ищу. *«Многokrатно омой меня от беззакония моего»* (Пс.50:4). Видишь, чего он ищет? Ищет еще большего блеска и еще большей чистоты. Но что же даешь ты, Давид, когда ищешь этого? Что даю? *«Ибо беззакония мои я сознаю»* (Пс.50:5). Это даешь? Но какой же человек не сознает своего греха? Нет, говорит: сколько есть людей, которые грешат, и нисколько не сознают за собой вины; сколько есть людей, которые угнетают своих ближних, и не печалются о том. Но я *«беззакония мои я сознаю, и грех мой всегда предо мною»*

(Пс.50:5). О, благородная душа! Не предал он забвению свой грех, но, когда он и прощен был ему, написал его, как бы на какой картине, на своей совести. И смотри, что отсюда происходит. Если ты будешь помнить о своем грехе, Бог не вспомнит о нем; если же ты забудешь, Бог вспомнит о нем. Ты сделал какое-нибудь злое дело? Помни о нем, чтобы Владыка твой забыл о нем. Сделал доброе дело? Забудь, чтобы Владыка твой помянул о нем, потому что ты сам не так скажешь о своих добрых делах, как Он. А как, слушай. Если ты дашь бедному, то, когда тебя спрашивают, ты говоришь: видел бедняка голодным, и накормил его. А Владыка твой скажет не так; а как? Видели вы Меня алчущим и напители. Итак, когда ты согрешишь, не жди обличения со стороны другого, но прежде, чем будешь обличен, сам осуди свой поступок, – потому что, если другой обличит тебя, твое исправление является добрым делом не твоего исповедания, а обличения другого.

Исповедаться значит не то, чтобы осудить себя после обличений, а то, чтобы наперед самому осудить себя, не ожидая обличений со стороны других. Так, например, Петр после тяжкого своего отречения, так как тотчас же сознал свой грех, и без всякого обличителя, и поведал свое прегрешение, и горько восплакал, так смыл с себя это отречение, что сделался даже первым среди апостолов, которому вверена была вся вселенная. Если иерей получил власть отпускать грехи против Бога, то гораздо более может опять и изгладить грехи, совершенные против человека. И иерей есть начальник, и притом начальник, заслуживающий большего почета, нежели царь. Священные законы самую царскую главу подчинили руке иерея; и когда бывает нужно какое-либо благо свыше, обычно обращается царь к иерею, а не иерей к царю. Бог для того не Ангелов низвел с Неба и сделал учителями человеческого рода, чтобы они, вследствие превосходства своей природы и неведения человеческой немощи, не делали нам слишком суровых прещений, но дал в качестве учителей и иереев смертных людей, людей, подверженных немощи, чтобы самое то обстоятельство, что и говорящий, и слушающие подлежат одинаковой ответственности, служило уздой для языка

говорящего, не позволяя ему делать обличение сверх меры. Для чего же я это сказал? Для того, чтобы вы не говорили, что ты-де, будучи чист от грехов и свободен от скорби, бывающей после обличения, с великой силой наносишь нам слишком тяжкое сечение. Я первый чувствую скорбь, потому что и сам повинен в грехах. *«Все мы находимся под эпитимиями»*, и никто не *«может сказать: «я очистил мое сердце»»* (Сир.8:6, и Притч.20:9). Таким образом, не о чужих мудрствуя бедствиях, и не по какому-нибудь жестокосердечию, делаю я обличения, а по великой заботливости. У тех, кто лечит тела, бывает так, что наносящий сечение сам нисколько его не чувствует, а раздирается от боли один только тот, кому производится сечение; у врачующих же души дело обстоит не так, – если только я не ошибаюсь, судя по себе о других, – а сам говорящий первый испытывает боль, когда порицает других. Поистине, не так чувствуем мы скорбь, будучи обличаемы другими, как обличая других за грехи, в которых повинны сами. Желаете знать, сколь полезное дело помнить о своих грехах? Когда дело идет о трате денег, то мы, лишь только встанем с постели, прежде чем выйти на рынок или приняться за какие-нибудь домашние или общественные дела, призываем слугу и требуем от него отчета в издержках, чтобы видеть, что потрачено худо, что правильно, и сколько осталось; и если видим, что остается немного, всячески придумываем источники доходов, чтобы по неосмотрительности не погибнуть с голоду. То же самое будем делать и относительно наших поступков: призвав свою совесть, потребуем у нее отчета в словах, в делах, в помышлениях; исследуем, что употреблено на пользу, что во вред нам; какое слово потрачено худо, на брань, на сквернословие, на оскорбления; какой помысл побудил глаз к любострастию; какое слово перешло на погибель нашу в дело, при посредстве ли рук или языка, или даже глаз; и постараемся отстать от бесполезной траты, а вместо уже худо истраченного собрать иные приобретения: вместо напрасно произнесенных слов – молитвы, вместо бывших невоздержных взглядов – милостыню, пост. Если мы будем тратить бесполезно, и не станем ни отлагать, ни собирать себе ничего доброго, то, дойдя до

крайней бедности, доведем себя, сами того не замечая, до вечного геенского наказания. Насколько же лучше променять временное сокрушение и плач на вечные блага и радость, не имеющую конца, нежели, проводя в веселии эту краткую и временную жизнь, отойти в ту жизнь на вечные мучения? Если Павел, столь великий и доблестный муж, обтекавший как бы на крыльях всю вселенную, ставший выше телесных нужд и удостоившийся слышать неизреченные глаголы, которых до сегодня не слышал никто другой, писал: *«Усмиряю и порабощаю тело мое, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным»* (1Кор.9:27), то что же можем сказать мы, которые отягощены бременем грехов, и притом обнаруживаем великую беспечность? Разве эта брань когда-нибудь прерывается? Нужно всегда бодрствовать и трезвиться, и никогда не чувствовать себя в безопасности, потому что нет и определенного времени для нападения того, кто враждует против нас.

Слово 25. О будущем Суде.

Многие из находящихся среди нас людей, будучи пленены плотью и поработаны обстоятельствами настоящей жизни, полагают, что затем ничего не будет и, ссылаясь на Божие человеколюбие, говорят, что нет ни наказания, ни мучения. Так вот, если Бог человеколюбив, каков Он и есть действительно, то всенепременно Он и праведен; если же праведен, то каким образом не было бы справедливо, чтобы подвергнут был наказанию тот, кто, насладившись сначала тысячью благ, потом совершил достойное наказания и не сделался лучше ни от угроз, ни от благодеяний? Ведь, если вникнешь в правду, то (найдешь, что) по силе правды нам скорее следовало бы с самого начала и тотчас же быть наказанными, и даже было бы человеколюбиво, если бы мы потерпели и то, чего не случилось. Если кто обижает ни в чем неповинного, то по закону правды несет ответственность; а если кто не только обижает, но каждодневно своими поступками огорчает Благодетеля, оказавшего тысячи благодеяний единственно по Своему побуждению, а не в воздаяние за полученное добро, то какого он будет достоин снисхождения? Как, скажи мне, ты не страшишься, произнося такую дерзость и утверждая, что «Бог человеколюбив и не наказывает»? А если накажет, то, по твоему, окажется уже не человеколюбивым? Почему же, скажи мне, ты, согрешая, не желал бы быть наказанным? Разве Он не предупредил тебя обо всем? Разве не угрожал? Разве не вспомоществовал? Разве не совершил многого для твоего спасения? Если злые не наказываются, то иной, быть может, скажет, что и добрые не увенчиваются; а в таком случае где будет человеколюбие и праведность Божии? Итак, люди, не обманывайте себя, прельщаемые дьяволом, – потому что все это его (дьявола) мысли. Если и судьи, господа и учителя добрых награждают, а дурных наказывают, то как было бы сообразно, если бы у Бога совершалось наоборот, если бы добрые и злые удостаивались одного и того же? Когда бы уже злые и отстали от зла? В самом деле, если и в ожидании

наказания они не отстают от зла, то, будучи свободны от этого страха, не только не впадая в геенну, но еще и достигая Царства, где злые остановились бы? Слышал я, как некоторые грехолюбцы говорят, что для острастки людям угрожал Бог геенной, так как будто бы невозможно, чтобы Он, будучи милосердным, наказал кого-нибудь, в особенности того, кто Его не знает. Скажите же мне вы,ставляющие Бога обманщиком, кто во дни Ноя излил волны на всю вселенную, произвел то ужасное кораблекрушение и устроил гибель всего нашего рода? Кто ниспослал те молнии и громы на землю Содомскую? Кто потопил весь Египет? Кто истребил шестьсот тысяч в пустыне? Кто сожег сборище Авироново? Кто повелел земле раскрыть уста и поглотить соумышленников Корея и Дафана? Кто во время Давида поразил в одно мгновение семьдесят тысяч? Кто во время пророчества Исаии умертвил в одну ночь сто восемьдесят пять тысяч? А каждодневных несчастий, которые мы, согрешая, переносим, разве не видишь? Какой был бы смысл, если бы одни наказывались, а другие не наказывались? Подлинно, если Бог не есть неправеден, – а Он именно и не есть неправеден, – то и ты непременно понесешь за грехи наказание; если же Бог не наказывает, потому что Он человеколюбив, то и тем не следовало понести наказание. Вот даже и за эти самые слова, нами переданные, Бог наказывает многих и в настоящей жизни, чтобы, если вы не поверите словам угрозы, то хотя бы поверили делам кары. И чем нам убедить возражателей, что учение о геенне не есть басня? Тем разве подтвердить его истинность, что не мы одни, но также поэты, философы и риторы любомудрствовали о будущем воздаянии и говорили о наказании злых в аду. Действительно, они, хотя и не могли говорить об этом согласно с истиной, но все же восприняли некоторое подобие суждения, руководствуясь умозаключениями и тем, что от нас услышали. Так некоторые говорят о Коцитах-реках и пламененосных реках, о воде Стикса и о Тартаре, настолько отстоящем от земли, насколько земля от неба, говорят и о многих видах наказания; еще (говорят) и об Елисейских полях, и об островах блаженных, и о цветистых лугах, и о великом благовонии, и о приятности

воздуха; и еще – о хорах, там пребывающих, и об одетых в светлую одежду, и о поющих какие-то песни; вообще же – о воздаянии, предстоящем для добрых и злых после отшествия из здешней жизни.

Не будем же не верить в геенну, чтобы нам не впасть в геенну, потому что неверящий бывает более нерадивым, а нерадивый несомненно и пойдет в нее; напротив, будем верить без колебания и говорить о ней непрестанно, – тогда и не согрешим скоро. Ведь памятование о таких словах, если только оно постоянно присуще нашей душе, подобно какому-нибудь горькому лекарству, в состоянии будет стереть всякое зло. Если ты жестокосерд и немилостив, то вспомни о тех девах, которые, потушив свои светильники вследствие того, что не имели елея, были извергнуты из чертога Жениха, – и ты сейчас же станешь человеколюбив. Если тебе желательно хищничать, то послушай, как говорит Судья: *«Свяжите ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю»* (Мф.22:13), – и ты изгонишь эту страсть. Если ты стремишься напиваться и объедаться, то послушай, как говорит богач: *«Пошли Лазаря, чтобы... концом перста... прохладил разожженный язык»* (Лк.16:24), и не получает просимого, – и ты тотчас освободишься от стремления. Если у тебя есть огонь нечистого пожелания, то подумай об огне того наказания, – и этот (огонь) удалится потушенным. А хотя бы и не было огня, все же размысли, как велико наказание – быть отвергнутым Богом и уйти с позором: поверьте, это бедствие невозможно и выразить словами, невозможно. И в самом деле, если те, которые не видят солнечного света, ведут жизнь прискорбнее всякой смерти, то что – полагать надо – претерпеваем мы, будучи лишены этого света? Разве мы живем, дышим и существуем, если не располагаем этим созерцанием? Если никто нам не позволит тогда видеть нашего Владыку? Если человек, получивший благородное воспитание, будучи ввергнут в темницу, одну только вонь, лежание во мраке и заключение вместе с разбойниками почитает тяжелее всякой смерти, то подумай, что будет, когда будем там сжигаемы с разбойниками вселенной, когда и сами не будем видеть, и нас не увидят, но среди такого

множества будем полагать, что мы находимся одни. Ведь мрак и темнота не допустят нас распознать своих ближних, и каждый будет считать, что он один это терпит, потому что хотя это и так называемый огонь, но он сумрачен и не имеющий света. В особенности же для нас страшно и ужасно, что он сильно жжет и не угасает, а света не имеет. Если же мрак только сам по себе так угнетает и смущает наши души, то что же будет, когда к мраку присоединятся такие страдания и жжения? Не думай, в самом деле, что если геенна называется огнем, то она похожа на обыкновенный огонь, – этот последний, что захватит, сожжет и перестанет, а тот однажды захваченное постоянно жжет и никогда не перестает. Потому-то он и зовется неугасаемым: ему желательно облекать грешников нетлением, но не ради их чести, но для того, чтобы иметь постоянный источник этого мучения. Но это и иное еще более тяжелое – в геенне; самое же лишение благ соединено с таким страданием, такой скорбью и теснотой, что если бы здесь не предстояло грешникам никакого мучения, одно это само по себе было бы достаточно, чтобы уязвить и потрясти наши души горче гееннских истязаний. Если же мы, входя в темницу и видя, как одни покрыты грязью, другие связаны железными узами, третьи объаты мраком, стенаем, трепещем и всячески стараемся, чтобы не попасть в такую же нужду и беду, то что почувствуем, что станем делать, когда сами мы, связанные узами, будем отведены на гееннские муки? И эти узы не из железа, а из огня, никогда не угасающего, и наблюдать над нами будут не какие-нибудь равночестные с нами существа, которых нередко можно и умиловать, но страшные и недоступные состраданию Ангелы, на которых и взглянуть невозможно, – до того сильно они разгневаны оскорблениями, какие мы причинили Владыке. Там нельзя будет, как здесь, видеть, что одни предлагают серебро, другие – жизненные припасы, третьи – оправдательные речи, и получают облегчение, но все там неумолимо: будет ли то Ной, или Иов, или Даниил – никто из них не посмеет заступиться и протянуть руку при виде присных, испытывающих мучения, потому что естественное сродство будет тогда уничтожено. Ведь когда отыщутся праведные отцы у грешных детей, и добрые дети у

злых родителей, то нужно, чтобы у них была чистая радость, а не примешивалось к наслаждению их теми благами сокрушение вследствие естественного родства: таковое, повторяю, будет истреблено, и они будут негодовать вместе с Владыкой на порождения собственной утробы.

Итак, никто пусть не ждет добра, если сам не совершил ничего доброго, хотя бы он имел бесчисленное множество праведных предков. Если мы данное нам время издержим на то, на что не следует, то все отойдем туда и отдадим последний отчет за ненадлежащую растрату. Ведь и взявший деньги для торговых оборотов, и расточивший их привлечен будет кредитором к ответственности и понесет наказание: насколько же более (будет наказан) растративший попусту эту жизнь? И как мы требуем у наших слуг отчета не только в расходе, но и в приходе денег, откуда, сколько, от кого и каким образом получены деньги, так и Бог требует отчетности в трате и приобретении и у богатого, и у бедного: у богатого – из праведных ли источников, не из хищения ли и любостяжания он собрал богатство, издерживал ли богатство на блуд или же на бедных, на роскошество, неумеренность и пьянство или же на помощь угнетенным; а у бедного – мужественно ли и с благодарением ли переносил бедность, не унывал ли, не роптал ли, не винил ли Промышление Божие, сам живя в нужде и видя, как другой роскошествует и не щадит имущества. Впрочем, не только богатые и бедные, но также властители и судьи подвергнутся с великой тщательностью испытанию – не нарушили ли они справедливость, не постановили ли приговора над подсудимыми по пристрастию или ненависти, не произнесли ли ненадлежащего суда вследствие того, что обольщены были лестно. И каждый, чем на большую возшел высоту власти, тем более строгому подвергнется отчету. Бестолковые удовольствия настоящей жизни ничем не отличаются от теней и сновидений: прежде чем кончится грех, удовольствие гаснет, а наказание за него не имеет конца, сладость кратковременна, а мука вечная. Потому-то Бог и говорит нам постоянно о геенне, чтобы мы получили большой плод от угрозы и от страха. Ведь если бы Он, намереваясь

ввергнуть в нее грешников, не высказал наперед этой угрозы, то многие попали бы в нее. Если и теперь, когда души наши потрясены этим страхом, некоторые грешат с такой легкостью, как будто ее и нет, то каких ужасов мы не натворили бы, если бы ничего такого не было сказано и угрозы не произнесено? Таким образом, это – дело не жестокости, а скорее милости и человеколюбия. И действительно, если бы при Ионе не угрожало крушение, то и не было бы предотвращено крушение; если бы не было сказано, что Ниневия разрушится, то и не устояла бы Ниневия. Так точно, если бы не угрожала геенна, все мы попали бы в геенну. Если бы для Бога не было никакой заботы в том, грешим ли мы или живем праведно, то еще был бы какой-нибудь смысл говорить, что нет наказания; а если Он прилагает такую тщательность к тому, чтобы мы не согрешали, и столько хлопочет о том, чтобы мы исполняли заповеди, то ясно, что Он грешников карает, а праведников венчает. Но обрати внимание на несообразность многих: здесь они ставят Богу в вину, что Он часто долготерпит и пренебрегает многими злодеями, развратниками, любостяжателями, не понесшими наказания, а там выступают сильными и строгими обличителями за то, что Он грозит им наказанием. Уж если последнее прискорбно, то первое должно бы быть принято с восхищением. Но, увы – безумие, увы – душа, любящая грех и похотение! Угрозой на словах пренебрегают, наказанию же на деле подвергнутся. Действительно, никто, не освободившись здесь от грехов, по отшествии туда не сможет избежать возмездия за них; но подобно тому, как из здешних темниц приводятся в цепях на судилище, так и отошедшие отсюда с различными цепями грехов ведутся на Страшный Суд. Вот, когда тебе случится быть в бане, истопленной сильнее, чем нужно, вспомни тогда гееннский огонь; и опять, когда случится тебе гореть в тяжелой горячке, перенесись мыслью к этому пламени, и тогда ты сможешь хорошо настроиться. В самом деле, если баня и горячка так нас тревожат и угнетают, то, когда впадем в ту огненную реку, влекущую к Страшному Суду, как мы себя будем чувствовать? И тот, кто отходит туда с добрыми и дурными делами, получит некоторое облегчение в наказании и

этих муках, а кто добрых лишен, дурные же только приносит, тот нельзя и сказать что перенесет, будучи послан на вечное мучение. Там последует взвешивание дел злых и не злых; если последние перетянут весы, то немалую пользу окажут своему виновнику, вред же от совершения злых дел настолько будет силен, насколько сдвинуты ими весы с первоначального места, и если они перевешивают, то уводят в гееннский огонь, потому что обилие добрых дел не настолько велико, чтобы быть в состоянии устоять против этого сильного натиска. А из добрых дел ни одно, как бы незначительно ни было, не оставлено будет там судьей в пренебрежении. Если за грехи, за слова и помышления мы должны будем отплатить мучением, то тем более зачтутся добродетели, великие ли то или малые. Недостаточно поэтому освобождение от зла, но требуется и большое совершение добра, потому что для того, чтобы избавиться от геенны, нужно удерживаться от порока, а чтобы достигнуть Царствия, нужно прилепляться к добродетели. Так и во внешних делах обычаем принято венчать не того, кто никакого зла не сделал, – это пригодно ему только, чтобы избежать наказания, – но того, кто проявил великие благодеяния. Да и когда я думаю, что для избежания геенны достаточно уклонения от зла, мне представляется некоторая страшная угроза, сулящая наказание не тем, которые осмеливаются делать зло, а карающая тех, которые пренебрегли сделать добро. Что же это за угроза? *«Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный... ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть»* (Мф.25:41–42). Значит, мы веруем, что те, которые не уделяют нуждающимся из того, что сами имеют, не только наказаны будут лишением благ, но и посланы будут в гееннский огонь.

Итак, мы научаемся, что совершившие доброе наслаждаются благами на небесах, а те, которых нельзя уличить ни в каком пороке, но которым недостает какой-нибудь из добродетелей, будут отведены в гееннский огонь вместе с соделавшими злое. Ведь если и на земле, кто преступает законы властителей, подлежит неумолимому наказанию, то тем более предан будет невыносимым мучениям тот, кто презирает

заповеди Небесного Владыки. Знаю, что вам тяжелой кажется беседа о геенне и великую производит печаль, но ведь насколько угрызает совесть, настолько получает пользы душа угрызаемых. Если бы там это нам говорилось, подобно тому как богачу в рассказе о Лазаре, то поистине следовало бы плакать, рыдать и стенать из-за того, что у нас уже не осталось времени для покаяния, а так как мы слышим это, находясь здесь, где и отрезвиться возможно, и очистить грехи, и приобрести великое дерзновение, и перемениться, устрашившись зол, приключившихся с другими, то возблагодарим человеколюбивого Бога, наказанием других возбудившего нас от лености и восставившего нас спящих. А для чего наказываются одни здесь, другие там, и не все здесь? Для того, что если бы так было, то все мы погибли бы, потому что все заслуживаем наказания. Далее, если бы никто здесь не наказывался, то многие сделались бы очень нерадивыми, и многие говорили бы, что нет Промысла. В самом деле, если теперь, когда на виду много наказываемых грешников, многое такое суесловится, то что говорили бы, когда бы ничего этого не было? До какого бы безумия не дошли? Поэтому-то Бог одних здесь наказывает, других не наказывает. Именно наказывает некоторых, с целью истребить в них зло и облегчить тамошнее мучение, или даже совершенно от него освободить и их, живших во зле, сделать благоразумнее посредством наказания за зло; остальных же опять не наказывает, чтобы, если они образумятся и покаются, то почтили бы великодушие Божие и избавились бы от здешнего наказания и тамошнего мучения, если же пребудут в упорстве и нисколько не воспользуются Божиим незлобием, то за свое крайнее небрежение понесли бы большее мучение. Когда мы, согрешая, пользуемся честью от Бога за то, за что должны бы быть наказаны, то это самое по преимуществу более всего сможет ввергнуть нас в огонь. Ведь если кто, имея только в своем распоряжении великодушие, и не воспользовавшись им, как должно, несет очень тяжелое наказание, то если с великодушием он обладает также величайшими почестями, и все же пребывает в пороке, кем в таком случае он будет исторгнут от наказания? Подобно тому, как не понести

возмездия за здешние грехи значит подготовить там тягчайшее наказание, так точно, когда грешники наслаждаются великим снисхождением и достатком, то это служит для грешников источником и основанием большего наказания. [Если назвавший брата своего глупцом достоин бывает крайнего наказания, то назвавший его злодеем, завистником и многими другими тому подобными именами какой огонь гееннский не навлечет на себя? Ведь со стороны оскорбительности слово «глупец» гораздо легче, чем сейчас упомянутые. Поэтому-то Христос, опустив эти последние, поставил первое, чтобы ты узнал, что если более удобовыносимое выражение навлекает на говорящего геенну, то тем более выражения тяжелые и неносные причинят то же самое. Если же некоторые, замечая гиперболическое значение слова, полагают, что эта угроза высказана только с целью устрашения, то смотри, как бы не освободить от названного наказания самих прелюбодеев и идолослужителей. Ведь если ради устрашения Он грозил ругателям, то ясно, что и этим ради того же, потому что, объединив их всех вместе, привел таким образом для них извержение из Царства. Как же это, скажешь, злословец поместится туда же, куда прелюбодеев и малакия? Наложено ли будет на них то же самое наказание, это исследуем в другое время, а что он одинаково извергнется из Царства, в этом удостоверяюсь Павлом, который говорит, лучше же сказать – Христом, который в нем действует, что ни те, ни другие Царства Божия не наследуют. Если кто-нибудь из нас увидит, что его поступок, совершенный втайне, сегодня разглашен в одной только церкви, то не предпочел ли бы он лучше погибнуть в разверстой земле, чем иметь стольких свидетелей своего порока? Что же тогда будем переносить, когда все будет вынесено въявь перед вселенной, на зрелище столь славное и блистательное, и смотреть будут на все знаемые и незнаемые нами? Каковы-то мы будем, когда нас, связанных, поведут во внешнюю тьму? Лучше же сказать, что мы поделаем, когда разгневаем Бога, – а это всего страшнее? Ведь для того, у кого есть чувство и рассудок, быть лишенным созерцания Бога – значит уже терпеть геенну. Ведь скорбеть должно не тогда, когда

наказываемся, а когда согрешаем, и прогневить Бога тяжелее всякого наказания. Теперь же мы находимся в таком бедственном положении, что не будь страха геенны, мы пожалуй и не подумали бы совершить что-нибудь доброе. Итак, если не по другой какой-нибудь причине, то уже по той мы достойны будем геенны, что боимся геенны более чем Бога]. Те, кто во многом претыкаются и не наказываются, должны бояться и страшиться, потому что им умножается наказание вследствие ненаказанности и великодушия Божия.

Итак, когда ты увидишь, что кто-нибудь неправильно обогащается и благоденствует, не считай такого блаженным, а оплакивай, потому что это богатство служит для него умножением наказания. Как много грешившие и не желающие покаяться сберегают самим себе сокровище гнева, так точно те, которые, кроме того, что не наказаны, пользуются еще благополучием, понесут большее наказание. Не за все грехи полагаются те же самые наказания, но многие и различные, смотря по времени, по лицам, по достоинству и по разумению. Если существуют два грешника, которые пользуются не одним и тем же в настоящей жизни, но один живет в богатстве, другой в бедности, то там они будут наказаны не одинаково, но который богаче, тот тяжелее. Потому-то Бог в здешней жизни и не подвергает всех наказанию, чтобы ты не сомневался в воскресении и не отчаивался в суде, на том основании, что здесь все отдали отчет; равно Он не допускает всем отойти ненаказанными, чтобы ты опять не думал, что все лишено Промышления. Разве же и теперь многие не поступают подобно тем, которые прежде были наказаны за грехи? И очень даже. В самом деле, когда ты убиваешь брата, не плотским образом, как Каин, а духовным, то ты не делаешь ли того же самого? Нет нужды, что не мечом, а другим способом. Разве теперь никто не позавидовал своему брату? Никто не подвергнул его опасностям? Но здесь они (скажешь) не понесли наказания. Зато понесут. Если и не слышавший ни писанных законов, ни пророков, не видевший также великих знамений наказывается так строго, то совершивший это впоследствии и не образумившийся, несмотря на такое множество примеров –

ужели останется ненаказанным? Где же правосудие Божие? Вот и сыновья Илии, за то, что ели перед жертвенником, понесли тяжчайшее наказание вместе с отцом. Итак, не было никакого (другого) отца нерачительного о детях, и детей не было преступных? Но никто не понес наказания: когда же и понесут, если нет геенны? А Анания и Сапфира, которые украли часть из того, что положили, и тотчас были наказаны? Никто разве в то время этого не сделал? Почему же (другие) не понесли того же наказания? Успеет ли мы убедить тебя в существовании геенны, если воспользуемся еще большим числом примеров? Я и сам желал бы, чтобы не было наказания, я, быть может, более всех. Почему так? Потому что на каждом из вас лежит забота о собственной душе, а я несу ответственность и по должности этой, так что мне более всех невозможно избежать его. Итак, Бог благ и человеколюбив не только тогда, когда благодетельствует, но и когда наказывает. К тому же наказания Его и кары составляют величайшую долю благодеяния. Так и врач, не только когда выводит больного в сады и на луга, не только когда сажает в ванны и бассейны, но и когда приказывает оставаться без пищи, когда режет, когда дает горькие лекарства, и тогда одинаково остается врачом и даже обнаруживает свое человеколюбие в большей степени. Поэтому, когда видишь, что кто-нибудь преданный добродетели терпит тысячи испытаний, называй такого блаженным, достойным соревнования, так как ему и здесь разрешатся все грехи, и там уготоваются за терпение великие награды. Вот из людей одни здесь только наказываются, другие здесь ничего такого не терпят и все наказание получают там, а третьи наказываются и здесь, и там: кого же из этих трех родов вы считаете блаженными? Хорошо знаю, что первых, тех именно, которые здесь наказываются и слагают грехи. А следующих за ними – кого? Вы, быть может, тех, которые здесь ничего не потерпели и которые все наказание понесут там, а я – не этих, но тех, которые и здесь, и там наказываются, – потому что для понесшего здесь наказание легче покажется тамошнее наказание, а кто принужден будет нести там все наказание, потерпит неумолимую казнь. Для чего же Бог предупреждает об ужасах, которые намерен совершить?

Для того, чтобы не пришлось Ему совершать то, о чем предупреждает. Для того Он и геенной грозил, чтобы не ввергать в геенну. Пусть, – говорит, – устрашают вас слова, но не смущают дела. Прекрасны и обетования Твои, Владыка; прекрасно и ожидаемое Твое Царство, равно и угрожающая геенна; Царство прекрасно призывает, геенна же с пользой устрашает. И угрожает Бог геенной не для того, чтобы ввергнуть в геенну, но чтобы освободить от геенны, а если бы он хотел наказать, то не угрожал бы, побуждая тем быть осторожнее, чтобы нам избежать того, чем угрожается. Он грозит наказанием, чтобы мы избежали наказания на опыте; устрашает на словах, чтобы не наказывать на деле. Кто не надеется на воскресение и не имеет в виду, что ему придется дать отчет за все, здесь совершенное, но полагает, что все наши дела ограничиваются настоящей жизнью, а за пределами ее ничего не будет, тот не станет и о добродетели заботиться, и от порока удерживаться, но предастся гнусным пожеланиям и займется всяким видом зла; кто же убежден в будущем Суде, имеет перед глазами то Страшное Судилище, неумолимый отчет и непреоборимый приговор, тот всеми способами будет стараться преуспевать в целомудрии, скромности и других добродетелях, и избегать неумеренности, строптивости и всяких других пороков.

Подлинно, не столько слово сможет сделать, сколько делает страх, – именно страх геенны приносит нам венец Царства. Знаю, что многие боятся только геенны, я же говорю, что лишение небесной славы составляет гораздо более тяжкое наказание, чем геенна. А если невозможно этого объяснить с помощью слова, ничего в том нет удивительного: ведь мы не знаем блаженства от тех благ, чтобы с ясностью представлять себе бедственность от их лишения; Павлу же, сознававшему это ясно, было известно, что отпасть от славы Христовой всего тягостнее. И мы узнаем это тогда, когда подвергнемся самой опасности. Но да не приключится этого с нами, о Единородный Сын Божий, да не постигнет нас когда-нибудь какая-нибудь опасность такого непоправимого наказания! Невыносима уже и геенна, и то наказание; между тем, хотя бы были мириады

геенн, ничего ты не укажешь такого, как лишиться блаженства этой славы, как быть возненавиденным Христом, как услышать: «не знаю вас», как быть обвиненным в том, что, видя Его алчущим, не напители. Лучше вытерпеть мириады молний, чем видеть, как этот кроткий лик отвращается от нас и как это сладостное око не выносит глядеть на нас. И если Он Сам, несмотря на то, что я был Его врагом, ненавидел Его и отвращался, так устремлялся ко мне, что даже не пощадил Себя, но отдал Себя на смерть, то какими глазами я взгляну на Него, когда после всего этого даже не удостою хлеба Его, алчущего? Скажи-ка мне: если бы кто тебя, состарившегося и живущего в бедности, пообещал вдруг сделать молодым, привести в самый цветущий возраст, превратить в чрезвычайно сильного и превосходящего всех красотой, к тому же дать царскую власть над всем миром на тысячи лет, – чего ты за такое предложение не взялся бы и сделать, и вытерпеть? А когда Христос обещает не это, а гораздо того большее, что Он уготовал любящим Его, – какими богатствами не следовало бы пожертвовать? Лучше же сказать – какими не следовало бы пожертвовать душами? Но так как невозможно созерцать это плотскими глазами, то вознесись мыслью и, ставши выше этого неба, взгляни на то Небо, которое повыше первого, на высоту беспредельную, на свет неприступный, на полчища Ангелов, и опять позаимствуй картину от нас, сойди сверху и изобрази то, что бывает около царя на земле, как-то: золотоносных мужей, запряжку блестящих, золотом украшенных мулов, золотистую колесницу с унесенными на ней дощечками, драконов, начертанных на шелковых одеждах, аспидов с золотыми глазами, золотоносных лошадей, золотые поводья, – и старательно все это соединив, перенеси от этого мысль свою опять наверх и подумай о страшном дне, в который Христос придет. Ведь ты увидишь тогда не запряжку мулов, не золотые колесницы, не драконов и аспидов, но все небо открытым, а Единородного Сына Божия сходящим в сопровождении не десятка или сотни телохранителей, но тысяч и мириад Ангелов и Архангелов; все преисполнено будет страха и трепета, между тем как люди, когда-нибудь существовавшие,

начиная с Адама и до того дня, будут подниматься и извлекаться из земли; и Сам Он явится с такою славой, что перед ее превосходным сиянием сокроют свой свет солнце и луна, и Он воздаст каждому по делам его. Но многие из неразумнейших думают найти утешение в том, что все будут нести наказание в геенне. Чрезвычайно несуразное это слово, когда говорят: как все, так и я. Представь хотя бы одержимых болезнью ног: когда они мучатся страшной болью, то если бы ты представил даже десятки тысяч, страдающих еще более тяжело, они и в ум не возьмут; напряженность страдания не даст даже рассудку какой-нибудь минуты свободной, чтобы подумать о других и найти утешение. Не будем поэтому питаться этими холодными надеждами. Получать утешение от бедствий ближнего – это возможно еще в посредственных страданиях; а когда мучение переходит границы, когда вся внутренность исполнена кипения, когда, наконец, душа не сознает себя самой, то откуда тут заимствовать утешение? Если бы кто привел тебя в театр, где все сидели бы одетые в золотые одежды, и среди толпы указал на иного кого-нибудь, имеющего и одежду, и венец на голове из камней и жемчуга, потом обещал бы зачислить тебя в ряды этой толпы, – ужели бы ты не сделал всего, чтобы достигнуть этого обещания? И вот когда на небесах составлен для нас театр не из таких вещей, а из таких, что и выразить невозможно (о Царе же нельзя уж и сказать), то ужели мы лишим себя таких благ только из-за того, чтобы краткое время не потрудиться? Если бы нужно было каждодневно претерпевать тысячи смертей, даже самую геенну, за то, чтобы видеть пришествие Христа во славе Его и сопричисляться к хору святых, то ужели не следовало бы перенести все это? Но многие из неразумнейших одно считают для себя желательным – избавиться от геенны. Я же считаю наказанием гораздо более тягостным, чем геенна, не находиться в славе Христа, и если кто удален отсюда, такому – я полагаю – горевать надо не из-за гееннских зол, а из-за отпадения от Владыки: в отношении наказания одно это всего тягостнее.

Если бы мы любили Христа, как любить следует, то знали бы, насколько тягостнее геенны оскорблять любимого; а так как не любим, то и не знаем великости этого наказания, – и это есть то, из-за чего я всего более рыдаю и плачу. Если бы на месте так любящего был человек, а на месте любимого – Царь, то не изумился ли бы ты великости любви? И очень даже. Если же происходит обратное, со стороны Его, любящего нас, неизреченная красота, слава и богатство, а с нашей стороны – великое ничтожество, то как мы не будем достойны тысячи наказаний, мы, которые так ничтожны и отвержены, возлюблены сверх всякой меры таким Великим и Дивным, и пренебрегаем Его любовью, тогда как Он не восхотел ничего предпочесть нам? Одного Он имел Сына, Единородного и Истинного, и не пощадил Его для нас, а мы предпочитаем Ему повеления сатаны. Разве же не по заслугам геенна, увеличенная даже вдвое, втрое и в бесчисленное число раз? Не осуждайте меня за сетование, потому что тяжело, возлюбленные, не сетовать, но делать достойное сетования, не плакать противно, а поступками причинять плач. Не будешь наказан, и я не стану скорбеть; не будешь ввергнут в геенну, и я не стану плакать. Лучше нам теперь погоревать по этому поводу, нежели в то время быть наказанными. Ты вот, когда болеешь телом, созываешь всех, чтобы соболезновали тебе, и не соболезнующих тебе считаешь бессердечными; а когда душа погибает, ты требуешь от меня, чтобы не скорбел? Но я не могу: ведь я отец, и отец, любящий детей. О, если бы вы могли видеть пыл моей души, если бы вы знали, как я сгораю сильнее всякой женщины, подвергшейся безвременному вдовству! Не так жена оплакивает своего мужа, не так отец – сына, как я – это множество собравшихся около нас, из-за того, что не вижу никакого преуспевания в вас. Все-то преданы наветам и обвинениям; все время тратится на обвинения. Видели ль вы когда-нибудь отводимых на смерть? Каково – полагаете вы – у них на душе, пока они идут до ворот? Скольких смертей не хуже? Чего бы не захотели они сделать и потерпеть, чтобы освободиться от этого тумана и тучи? Я слышал от многих, которые были отведены и затем по царскому человеколюбию

позваны назад, как они говорили, что мы-де и в людях не признавали людей, – в таком душа была расстройстве, остоленении и растерянности. Если же плотская смерть наводит на вас такой ужас, то что станем делать, когда наступит вечная? Когда увидим землю расторгаемой, небо открывающимся, Самого Царя всяческих сходящим, – каково тогда будет у нас на душе? Если когда других умерщвляют, из-за этой ничем не отличающейся от сна смерти люди, которых дело не касается, настраиваются таким образом, что душа от страха и беспокойства приходит в изнеможение и расслабление, то каково будет состояние, когда мы сами подвергнемся еще большему – наказаниям вечным? Невозможно, поверьте, невозможно изобразить словом это бедствие. Да, скажут, но Бог человеколюбив, и ничего этого не будет. Итак, написанное – тщетно? Нет, говорят, но с целью угрозы, чтобы мы опамятавались. Итак, если не опаматуемся, а остаемся злыми, Он не наложит наказания? В таком случае и добрым не воздаст наград. Да, говорят, потому что дело приличное – благодетельствовать сверх заслуг. Значит, это вполне верно, а касательно наказаний – не вполне, они только для угрозы и страха. Что же? Слышал ли ты о потопе? Уж и о нем не говорится ли для угрозы? Самое событие не произошло, его не было? И тогдашние люди говорили много такого, и пока в течение ста лет строился ковчег, а праведник взывал, не было никого, кто бы поверил; и так как не поверили угрозе на словах, то понесли наказание на деле. Постараемся же по мере сил избежать этой опасности, чтобы нам и настоящую жизнь провести благополучно, и достигнуть будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым слава Отцу и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Слово 26. О добродетели и пороке.

Есть в числе здешних некоторые ревнители добродетели, которые предпочитают покинуть город и удалиться на горы, а если кто спросит о причине удаления, оказывается основание, не заслуживающее оправдания: я уйду, говорят, чтобы не погибнуть, чтобы не ослабеть в добродетели. А насколько было бы тебе лучше самому ослабеть, да других приобрести, чем, пребывая на (горной) высоте, видеть, как погибают братья? Если одни небрегут о добродетели, а другие, ревнующие о ней, уйдут далеко из строя, то как мы одолеем врагов? Ведь если бы даже существовали теперь знамения, кто из внешних подошел бы, кто пристал бы к нам, когда порок выставляется так открыто? В самом деле, праведная жизнь наша многим кажется убедительнее. Знамения у людей бесстыдных и дурных допускают подозрение в дурную сторону, а чистая жизнь в состоянии с великой силой заградить уста и самого дьявола. Если поэтому от расположения и доброй воли зависит оставаться или не оставаться на земле, и если, следуя примеру Павла, желающему дозвоительно на земле не оставаться, то исторгнем себя от земли и уйдем на Небо. Нет никакого препятствия всем нам перейти, если захотим. Если в искусствах многие достигают превосходства, то тем более достигнем мы того же в том, что не требует такого труда. Что, скажи мне, труднее, как ходить по натянутому канату точно по ровному месту и, расхаживая наверху, одеваться и раздеваться, точно сидя на постели? Что также, скажи мне, труднее, как взять шест на чело, затем положить поверх его ребенка и совершать бесчисленные действия на увеселение зрителей? Не кажется ли нам это дело настолько страшным, что даже смотреть не хотим, от одного взгляда трепещем и дрожим? Но добродетель легче всего этого, хотя бы мы захотели взойти даже на самое Небо. И не говори мне: хочу, да не могу. Ведь если для того, чтобы овладеть каким-нибудь предметом, нам недостаточно захотеть, но нужно еще приложить деятельность, то тем более для того, чтобы взойти на Небо, нам нужна деятельная добродетель.

Если же хочешь знать, как добродетель не трудна и как удобоисполнима, то вспомни о тех, которые в безмолвии живут на горах: они оставляют дома, жен, детей, всякое властное положение, устраниются от мира, одеваются в рубище, обсыпаясь пеплом, вешают цепь на шею и заключают себя в небольшую келью; не довольствуясь и этим, подвизаются в посте и непрерывном неядении. И не говори мне, что они обладали для этого силами. Многие гораздо более, чем ты, слабы, более состоятельны и изнежены, а между тем избрали эту суровую и строгую жизнь. Но это поприще велико, цель высока, конец близок к Небу: ты не можешь достигнуть такого величия? Тогда, если ты обладаешь меньшим, достигай по крайней мере более низкого. Не можешь расточить свое имущество? По крайней мере не похищай чужого. Не можешь поститься? По крайней мере не предавайся роскошеству. Если Христос столько потерпел за нас, бывших врагами, то на что мы сможем сослаться, если ничего за Него не потерпим? Откуда нам будет взять дерзновение в тот день? Не знаете разве, что и воин тогда только может сделаться славным у царя, когда покажет раны и увечье, а если он не в состоянии сослаться на подвиг, то, хотя бы и ни в чем не провинился, зачисляется в последние ряды? Но, скажешь, теперь не время войны. А если бы было время, то, скажи мне, кто бы сражался, кто бы напал на врага, кто бы прорвал его строй? По всей вероятности – никто.

В самом деле, когда я вижу, что ты не можешь пренебречь имуществом ради Христа, каким образом поверю, что ты пренебрежешь ранами? Он сказал: мужественно переносите злословящих и благословляйте. Ты и этого не делаешь, не повинуюешься. Если же не делаешь того, что не заключает в себе никакой опасности, то, скажи мне, перенесешь ли удары, соединенные с великой болью и страданием? Не обманывайте же себя, говоря: будем пока наслаждаться удовольствиями жизни, а впоследствии, потрудившись малое время, получим награду за все время. Если иной, вынеся много опасностей и окончивши много войн, едва может взглянуть с дерзновением и на земного царя, то как сможет кто-нибудь смотреть на

Небесного (Царя), после того как все время прожил для другого и сражался за другого? Ты получил от Бога благородство: зачем же изменяешь природной доблести? Что делаешь, скажи мне? Иные обладают искусством в пределах возможности переделывать бессловесных тварей на манер человеческого благородства, обучать попугаев и сорок произносить человеческие слова: искусством они берут верх над природою; приручают львов и водят их по площади. Льва ты делаешь ручным, а себя самого приводишь в состояние свирепее волков? А еще жалче то, что каждое из бессловесных животных имеет один недостаток, у порочного же человека бывает не так: человек часто не один только приобретает недостаток, но пороки многих бессловесных собирает в своей душе. Не указывай же мне на то, что у тебя есть человеческая душа, укажи лучше, человек ли ты со стороны разума. Ты начальник над неразумными животными, а между тем сделался рабом неразумных страстей? Как же я назову тебя человеком, если у тебя нет царственных принадлежностей? Вспомни, по чьему образу ты создан, и ты не унизишься до ничтожества бессловесных. Ведь подобно тому, как на зрелищах упражняющиеся на протянутом снизу вверх канате поднимаются и спускаются, но если малость не досмотрят и ошибутся, то ниспровергаются вниз и погибают, так точно и шествующие по духовному пути, если хоть немного предадутся небрежности, падают стремглав. Это потому, что путь этот более тесен, чем тот канат, прямее и круче поднимается, и гораздо более высок, – ведь вверху он оканчивается у самого Неба, – и ступеньки его будут для нас шаткими даже тогда, когда мы доберемся до самой крайней вершины. Стоящих на вершине объемлет великий трепет, и для устойчивости остается одно только – не обращать взоров книзу и не смотреть на землю, – а иначе произойдет от этого большое и тяжелое головокружение. И как на цитре недостаточно одной только струны, чтобы произвести мелодию, но нужно ударять по всем (струнам) с соответствующим ритмом, так и в душевной добродетели недостаточен нам для спасения один закон, но нужно все (законы) соблюдать с точностью. Какая, скажи мне,

польза, когда кто молится протяженно, но не творит милостыни щедро? Или когда раздает щедрую милостыню, но предается любостыжанию и насильничеству? Или когда чужд любостыжания и насильничества, но поступает так напоказ людям, из честолюбия? Или когда проявляет милосердие со всяким тщанием и согласно с волей Божьей, но противится Самому (Богу) и много о себе думает? Или когда скромен и привержен к постам, но сребролюбствует, торгашничает, прилепляется к земле и вводит в свою душу мать всех пороков – сребролюбие?

Невозможно, говорится, *«служить Богу и маммоне»* (Мф.6:24). Поэтому Человеколюбец Бог устроил так, что все люди сближены, злые перемешаны с добрыми, чтобы и порок злых отсекался, и добродетель добрых проявлялась блистательнее, таким образом и нерадивые при желании многое приобретали бы от обращения с рачительными. Ведь подобно тому, как добрые и благочестивые достойны двойственной награды, за то именно, что остались чистыми и нисколько не повредились от соприкосновения с порочными, так и злые достойны двойственного наказания, именно за то, что остались порочными, имея возможность сделаться добрыми, и за то, что ничего не приобрели от соприкосновения с добродетельными. И как добродетельным удивляются не только добродетельные, но и порочные, так и злых ненавидят не только добрые, но и злые. Правда, многие удивляются порочным из-за того, что они способны совершать несправедливость и вредить другим; не понимают они того, что следовало бы считать их самыми несчастными, так как, думая вредить другим, обращают меч на самих себя; а это – крайнее безумие – поражать себя самого и не сознавать этого, полагать, что наносишь обиду другому, а убивать себя самого. Не в том зло, чтобы терпеть несправедливость, но в том, чтобы наносить несправедливость и не сознавать чинимой неправды. Сколько несправедливостей вытерпел Давид? Сколько нанес их Саул? А кто из них более несчастен и жалок? Кто в то же время более блестящ и блаженен? Последний не мучился ли унынием и злобным демоном, а первый не просиял ли ярче солнца подвигами и

любовью к Богу? Не задыхался ли последний от зависти, а первый, перенося все молчаливо, не овладел ли всеми и не привязал ли к себе, так как тот часто старался погубить, а этот, будучи гоним, забрал врага в руки и, взявши, пощадил? Кто оказался немогущее, кто слабее? Не тот ли, что нападал несправедливо? И весьма естественно. Один имел союзниками и помощниками вооруженных воинов, а другой – правду, превосходящую силою мириады полчищ. А когда он сам, подвергавшийся несправедливости, одолел и впоследствии совершил несправедливость, то смотри, как он сделался более слабым. Неправедливо он поступил с Урией – и вот строй изменился, бессилие перешло на сторону обидчика, а сила – на сторону обиженного; последний, будучи даже мертв, ниспроверг дом первого, сам царь, и находясь в живых, ничего не мог поделывать, а он, и будучи заколот, продолжал оставаться воином и перевернул у того все вверх дном. Поэтому, если ты увидишь, что кто-нибудь живет праведно и постоянно устремляет взор к благочестию, то хотя бы таковой связан был бесчисленными узами, постоянно проживал в темнице, находился в рабстве у недостойных, хотя бы у него выкалывали (глаза) или жгли, хотя бы тело его доведено было до совершенного изнурения, и вообще какие бы ужасы ни потерпел он, все же считай его блаженным и заслуживающим подражания. А если увидишь, что другой живет в распутстве, нечестии и крайних пороках, то хотя бы пользовался большой честью, взошел даже на царский престол, облачился в диадему и порфиру и завладел всей вселенной, поэтому самому такового оплакивай и почитай несчастным. Действительно, нет ничего бедственнее настроенной таким образом души, хотя бы ей подвластна была вся вселенная. Какая в самом деле польза от изобильного богатства тому, кто всех беднее добродетелью? Какая выгода обладать столь многим тому, кто не в состоянии владеть собою и своими страстями? Ведь если для нашего спасения недостаточно нашей собственной добродетели, но необходимо, чтобы и другие ушли, имея таковую, то что с нами будет, откуда, наконец, почерпнем надежду на спасение, если не послужим ни собственному спасению, ни спасению других? Если

благоугождать Богу значит быть человеком, то чем другим, как не зверем, будет тот, кто не хочет даже слышать о том, чтобы это выполнить?

Подумай же, каково это нечестие, когда в то время, как Христос желает сделать нас, людей, равными ангелам, сами мы низвергаем себя с человеческого достоинства в звериное. А действительно, раболепствовать чреву, поработаться страстью к деньгам, разъяряться гневом, угрызать, лягать – это не человеческое дело, а звериное. Подобно тому как при склонности к легкомыслию мы терпим вред от всякой случайности, так точно, если пожелаем трезвиться, ничто не в состоянии будет повредить нашей рачительности, хотя бы тысячи предметов влекли нас к пороку. Если же хочешь знать, что Бог вложил в природу законы для различения, что добро и что зло, то обратись с вопросом к жизненному опыту: почему все, делающие зло, избегают имени злых? Прелюбодей прелюбодействует, но ему стыдно слышать, что он прелюбодей. Скажи заведомому прелюбодею: «прелюбодей», – он стыдится, слыша то, что охотно делает. Скажи клятвопреступнику: «клятвопреступник», – он принимает за обиду наименование собственных поступков. Итак, если, ты считаешь грех добром, то зачем избегаешь имени (греха)? Но вот скажи скромному: «скромник», – он не стыдится названия того, что ему нравится на деле. Назови праведного праведником, – он и от дела увенчивается, и от названия получает почет, и хотя из осторожности устраняется от имени, но в душе воспринимает похвалу. И опять, ты не встретишь, чтобы кто-нибудь обнаруживал порок с открытым лицом, не позаимствовав личины у добродетели, – а как, послушай. Лжец говорит ложь не открыто, но обманывает, притворяясь говорящим истину; коварный не обнаруживает коварства, но устраивает гадость, показывая вид дружелюбия; клеветник, пришедший в судилище, не для того приходит, чтобы признаться в том, в чем следует, но по наружности выставляет себя свидетелем истины, а посредством лжи проявляет себя свидетелем нечестия. Впрочем, и душа наша, хотя преисполнена пороков, любит хорошее имя. Часто властителям, дышащим любостяжанием,

ни о чем другом не думающим, кроме грабительства и неправды, некоторые льстят, что будто бы они или бедняка избавили от крайней нужды, или простили какой-нибудь долг, или не отомстили своим оскорбителям либо намеревавшимся оскорбить. И когда кто приходит в качестве хорошего посла к человеку властному и злому, то он не начинает сразу с истины и не говорит ему то, что следует, но наперед ставит перед ним имя добродетели: ты добрый муж, говорит, твое имя прославлено, все воспевают твои благодеяния – и присовокупляет много тому подобного, с целью смягчить его похвалою и устранить злобу. Вот как порок побеждается похвалами добродетели; никакой дурной человек не желает слышать дурного; природа предпочитает то, что ей свойственно, хотя бы свободная воля избирала противоположное. Потому не станем говорить: такой-то по природе хорош, а такой-то по природе дурен, потому что если по природе хорош, то никогда не в состоянии будет сделаться дурным, и если по природе дурен, то никогда не сделается хорошим. Если бы не от свободной нашей воли зависело быть злыми или добрыми и Человеколюбец (Бог) не создал бы нашу природу самовластною, то следовало бы имеющим общую природу и подверженным тем же самым страстям быть или всем порочными, или всем добродетельными; когда же мы видим, что подобные нам по происхождению люди, буруеваемые теми же самыми страстями, не одно и то же с нами претерпевают, но, обуздав природу здравым рассудком, одолевают непристойные порывы, смеются над всеми прелестями настоящей жизни и воспаряют к истинной славе, то не ясно ли, что все это они могут совершать собственным усердием при помощи благодати свыше, а мы, по собственному небрежению лишившись того высшего благоволения, теряем свое спасение? Итак, никто пусть не винит другого, будто бы тот послужил ему помехой для трудов в добродетели, но пусть все приписывает собственному нерадению. И что говорю я – другого? Пусть не считает никто и самого дьявола имеющим возможность воспрепятствовать на пути, ведущем к добродетели: он правда соблазняет и подставляет ногу более нерадивым, но не препятствует и не

насилует. В этом удостоверяет и самый опыт: когда мы хотим жить трезво, то обнаруживаем такую напряженность, что если даже многие склоняют на путь зла, удерживаемся от их совета, бываем тверже всякого адаманта и закрываем уши от внушающих постыдное; а когда мы нерачительны, то и при отсутствии какого бы то ни было советника или обольстителя, по собственному побуждению устремляемся ко злу.

Итак, добродетель и сама по себе заслуживает удивления, если же кто, и попавши в среду людей, препятствующих добродетели, все же ее достигнет, то она явится у него заслуживающей тем большего удивления. Ведь не место красит добродетель, а добродетель место – по самой ее природе. Добродетелью и одного человека многие пользуются, даже люди порочные, а пороками и многих, хотя бы один кто подвизался среди громадной толпы, и он не соблазнится. Один человек, праведно живущий, в состоянии будет избавить весь народ от гнева Божия; напротив, целый город порочный не будет в состоянии увлечь и приобщить к собственному наказанию и мучению хорошо живущего человека. Это ясно из примера Ноя: когда все погибали, он один спасся; видно также из примера Моисея: он один имел силу вымолить пощаду такому народу. Но я укажу еще и на иной пример человеколюбия Божия. Когда именно среди живущих у Него нет людей, с дерзновением могущих заступиться за грешников, то Он обращается к умершим: через них, говорит, отпустятся грехи. Так, Он говорит к Езекии: *«Буду охранять город сей, чтобы спасти его ради Себя и ради Давида, раба Моего»*, уже скончавшегося (4Цар.19:34). Видишь ли, какова добродетель святых? И не только их слова, но и самая одежда почитается всегда всяческим созданием. Милоть Илии разделила Иордань, обувь трех отроков угасила огонь; древо Елисея изменило природу воды и заставило нести железо на поверхности; жезл Моисея разделил Чермное море и прорвал скалу; одежды Павла прогнали демонов; тень Петра обратила смерть в бегство; прах святых мучеников изгонял злых демонов. И все совершали со властью, как, например, Илия. Он именно смотрел не на одну диадему и внешнюю пышность царя, но

смотрел и на душу, одетую в лохмотья, тощую, грязную, выглядевшую жалче всякого осужденного (преступника), и видя, что он пленник, поработанный страстями, пренебрег его царским достоинством, так как ему казалось, что он видит царя как бы представленного на сцене, а не действительного. Какая польза во внешнем богатстве, когда внутри такая бедность? Какой опять же вред от внешней бедности, когда внутри сложено такое сокровище? Таковым львом проявил себя и блаженный Павел: войдя в темницу, он одним только голосом поколебал основания и сокрушил узы, воспользовавшись для этого не зубами, а словами. Поэтому их следовало бы даже назвать не львами, а чем-нибудь другим, еще более значительным. Ведь лев нередко улавливается, попавши в сети, а святые, когда связаны, тогда именно делаются более сильными; лев рычит, и все звери обращаются в бегство, а святой издает звук, и демоны отовсюду убегают. Но какое слово достаточно для Павловых подвигов, какой язык сможет возвыситься до похвал ему? Проявили ль что доблестное пророки, или патриархи, или праведники, или апостолы, или мученики, он, совокупив все это вместе, владел в таком совершенстве, в каком никто из названных не владел порознь из того, что доблестного каждый имел. Итак, если одна душа обладает совокупностью всего того, что есть доброго в людях, притом же в совершенстве, и не только в людях, но и у Ангелов, то как мы одолеем похвалами это величие? Какого порицания не заслужим, если, видя, как один человек сосредоточил в себе все доброе, сами мы не постараемся подражать ему хоть в малейшей части? В ряду многих других подвигов патриарху Аврааму дивятся в особенности за то, что он пожертвовал своим сыном; Исааку – за незлопамятность, за то, что, будучи изгнан из собственных пределов, не сопротивлялся, но всюду уступал свои владения, пока нечестивая страсть его обидчиков не была утолена; Иакову – за стойкость и терпение; Давиду – за кротость; Илии – за ревность о (славе) Владыки. Но что могло бы сравниться с Павлом, который все это соединил в высочайшей степени? Он не сына принес в жертву, но самим собою жертвовал бесконечное число раз; он не из своих

пределов только был изгоняем, но точно на крыльях обошел землю и море, Элладу и варварскую страну, всякую вообще землю, находящуюся под солнцем, причем его влачили, били, побивали камнями и каждый день подвергали смерти; он не дважды по семи лет служил, истощаемый дневным жаром и ночным холодом, но всю жизнь провел в голоде, в наготе, в оковах, темницах, в кознях и в опасностях. А по смирению и кротости кто превосходит, кто даже совершил равное с Павлом в отношении обоих этих качеств души? Если же обратишь внимание на его ревность, то найдешь, что он настолько превосходит Илию, насколько этот последний превзошел других пророков. Правда, Иоанн питался акридами и диким медом; но он (Павел) жил посреди вселенной, точно тот в пустыне, не акридами и диким медом питаюсь, но пользуясь гораздо более скромной трапезой, не располагая даже необходимой пищей вследствие ревности к проповеди. Остается, наконец, уравнивать его с Ангелами. И пусть никто не укоряет за смелость такого слова: если Писание называло ангелом Иоанна, то что удивительного, когда мы сопоставим с этими силами человека, всех лучшего? Павел более всех людей показал, что такое человек, каково благородство нашей природы, на какую это живое существо способно добродетель, откуда оно произошло, громогласно таким образом оправдывая Владыку против всех обвинявших наше сотворение и выясняя, что между Ангелами и людьми расстояние небольшое, если только мы захотим внимательно отнестись к себе. Ведь не другою он обладал природою, не другой душе был причастен, не в другом обитал мире, но в той же земле и стране, при тех же законах и нравах он вырос, а между тем превзошел всех людей, какие где ни появлялись; и как труп рядом с трупом остался бы неподвижен, так и он, тщательно укротив естественные порывы, не потерпел никогда ничего рядом с чем бы то ни было человеческим. Подобно тому как бывает в отношении денег, что приобретший два золотых получает большое желание увеличить их и довести до десяти и двадцати, так и в отношении добродетели: кто доблестно совершил какое-нибудь доброе дело, тот получает какое-то побуждение и поощрение к деятельности, к тому, чтобы

подобным же образом приступить к совершению и многих других дел.

Пусть никто у меня не ссылается на то, что многие доблестно поступают; не в этом вопрос, а в том, чтобы все так поступали. Разве ты не видишь, что это бывает и с телом: если мы ушибем и повредим хотя бы только ноготь, все тело болеет вместе с этим членом. Поэтому не о том говори, что немногие остались, которые не поступают доблестно, но на то обращай внимание, что эти немногие, не исправившись, вредят многим другим. В Коринфе один был блудодей, и тем не менее Павел так сокрушался, точно весь город погибал. И весьма справедливо: он знал, что если тот не уцеломудрится, то болезнь скоро пойдет по дальнейшему пути и поразит всех других. Если между членами тела мы отсекаем гнилой и нездоровый, из опасения, чтобы та же гибель не распространилась на остальное тело, и делаем так не из пренебрежения к нему, а из желания сберечь остальное, то насколько более необходимо поступать таким же образом по отношению к тем, которые живут вместе с нами в пороках? Если мы можем и их исправить, и сами не развратиться, то нужно все для этого сделать; если же и им предстоит остаться неисправленными, и нам пострадать, то необходимо их отсечь и отбросить. Если мы, имея испорченных сыновей, прогоняем их, не стесняясь и естественными связями, то насколько более нам следует избегать родных и знакомых, если они порочны? Что же это значит? А то, что ты уважай сам себя, и никто не сможет тебя обидеть; если же ты себя не уважаешь, то хотя бы тебя все почитали, никогда ты не будешь в почете. Если кто считается порочным, между тем в действительности он добрый, то от этого он не несет никакого вреда, потому что продолжает быть таким, каким он есть, – мало того, тот, кто заподозрил несправедливо и понапрасну, подвергается тягчайшему наказанию; если же порочный подозревается в противоположном (тому, что он есть в действительности), то отсюда он ничего не приобретает, даже понесет больший вред и упадет в большее нерадение. Кто признается таким, каков он есть, тот, быть может, и смирится, и придет к сознанию своих

грехов; а кто укрывается, тот впадает в бесчувственность. Ведь если погрешающие люди с трудом доводятся до сокрушения, даже когда все их обвиняют, то каким образом смогут опомниться, когда не только их не обвиняют, но некоторые даже хвалят? Итак, невозможно, чтобы люди, преданные добродетели, от всех слышали о себе хорошее; невозможно также, чтобы человек, заботящийся о добродетели, не имел многих врагов: добрая у всех слава служила бы величайшим доказательством, что добродетели не придается большего значения. Да и как таковой всеми может быть восхваляем, если он старается избавить терпящих неправду от делающих неправду? Опять же, если он хочет исправить согрешающих и похвалить правильно поступающих, то неужели следует первых хвалить, а последних порицать? Итак, кто прилежно следует добродетели и получает похвалу только от Бога, тому невозможно быть восхваляемым и пользоваться хорошей славой от всех людей. Порок проявляет большую ярость против добродетели, однако ж не только не вредит ей нисколько, но и делает ее более сильной для борьбы.

Сила добродетели именно такова, что, и когда она терпит обиду, берет перевес над обидчиками, и когда одолевается, становится выше противников. Вспомни вот Авеля. Разве он не был убит Каином? Но, и убитый им, он доселе провозглашается и величается, и так долгое время не могло затмить его память, а убивший, хотя победил, и в свое время вел жизнь тяжелее смерти, и после того доныне несет клеймо и от всех получает укоризны. И это в настоящей жизни, а что произойдет в будущем веке – какое слово, какой ум в состоянии представить? Послушай же, что говорит Христос: *«Подобно Царствие Небесное закваске, которую женщина, взяв, положила в три меры муки»* (Лк.13:21). Таким образом, праведники обладают силою закваски, чтобы сообразно своему свойству обращать нечестивых. Но немного праведников, потому что и закваска мала, однако ж малость эта по присущей ей силе приспособляет к себе все тесто. Так точно и сила праведников получает свою мощь не в численном количестве, но в благодати Духа. А каким образом – послушай. Апостолов было двенадцать. Видишь, как

мала закваска? Вся вселенная находилась в неверии. Видишь, как велико тесто? Но те двенадцать обратили к себе всю вселенную, потому что и закваска, и тесто – одной и той же природы, но не того же самого качества. Если же и из другого примера хочешь узнать, насколько дерзновение праведника преобладает над властью тирана, то послушай, что говорит Иоанн Ироду: *«Не должно тебе иметь жену брата твоего»* (Мк.6:18). Ирод – царь, имевший телохранителей, окруженный богатством, управлявший с царской властью; Иоанн – бедняк, не имевши ни дома, ни города, ни имущества, ни пищи, кормившийся травяными акридами и диким медом. Но этот бедняк, бродивший по пустыням, самовластно повелевает властителю многолюдных городов: *«не должно тебе»*. Видишь ли, как добродетель по природе начальствует над пороком? Но праведник ввергается за это в темницу; происходит горестное то пиршество, входит среди пиршества девица-плясунья и нравится Ироду и пирующим, так что Ирод клянется: *«Проси у меня, чего хочешь, и дам тебе... до половины моего царства»* (Мк.6:22–23). Видишь, как он отрекся от царства? *«Чего ни попросишь у меня, дам тебе, даже до половины моего царства»* (Мк.6:23). Бедный и несчастный, как поспешно ослеплены очи твоего ума! Так-то ты оцениваешь царство! Раз проплясала девица и ты отдал половину; а если пропляшет другой раз, как поступишь? Молись, чтобы вновь она не заплясала и, заплясавши, не понравилась, а не то тебе останется нищенствовать. Подлинно, те, кто зарится на настоящие блага, хотя бы безмерно обогащались, хотя бы были облечены великой властью, стоят у людей преданных добродетели в ряду рабов и невольников. Пусть кто-нибудь из порочных будет царем, а из благочестивых – частным человеком: посмотрим, кто над кем будет господином, на чьей стороне будут сиять принадлежности власти, кто будет правителем и кто управляемым. Как же нам это узнать? Повелевает царь частному человеку совершить какое-нибудь дурное, исполненное нечестия дело: что же этот благочестивый частный человек и подданный? Он не только не уступит и не послушается, но еще постарается отклонить повелителя от его

намерения, хотя бы пришлось за это умереть. Итак, кто же свободен – тот ли, кто делает, что хочет, не боясь даже царя, или кто находится в пренебрежении у подданного? Ведь подобно тому как пленник, хотя бы он владел безмерным богатством, поэтому самому в особенности и доступен пленению у всех, так точно и тот, кто уловляется страстями, хотя бы он повязан был диадемой, бывает ничтожнее всякой паутины. Что может быть жалостнее предающихся пороку, когда они лишаются и самого наименования, права называться людьми, и подвергаются наказанию за то, что, получив по природе много способностей, продали их, добровольно позволили похитить и переметнулись на сторону порока? Если лукавый (раб) возвращает данное ему, за то, что не удвоил, то что придется услышать тому, кто еще и растратил? Если тот уводится в узах туда, где скрежет зубов, то что потерпим мы, которые, будучи увлекаемы многим к добродетели, увертываемся и медлим? Разве не видишь, как жизнь ничтожна, как она ненадежна и какой труд соединен с делами настоящей жизни? Ведь невозможно, чтобы добродетель протекала с трудом, а порок без трудов? Если же здесь и там труд, то почему ты не предпочитаешь ту (добродетель), которой присуща великая польза? Когда ты увидишь недостойного иерея, то не порицай самого иерейства, потому что нужно порицать не самый предмет, но того, кто дурно пользовался хорошим (предметом); так и Иуда сделался предателем, но это послужило к укору не апостольству, а его памяти; так и многие врачи сделались палачами, давши яду вместо лекарства, но я виню за это не искусство, а того, кто дурно воспользовался искусством; так и иные пловцы потопили корабли, но за это на них (лежит) худая память, а не на искусстве плавания.

«Надобно же прийти соблазнам, – сказано, – но горе тому человеку, через которого соблазн приходит» (Мф.18:7). Что же? Разве предсказание Его влечет соблазн? Нет, не предсказание Его; не потому это случилось, что было предсказано, но потому и предсказано, что непременно должно было случиться; так, если бы приносящие соблазны не захотели действовать соблазнительно, то сами соблазны не пришли бы; а

если бы не имели прийти, то и не было бы предсказано; но так как те действовали соблазнительно, болели неисцельно, то (соблазны) пришли, и Он предсказывает то, что должно случиться. А если бы, скажут, те исправились и не было бы никого, приносящего соблазны, то не употреблено ли было бы это слово как ложное? Никоим образом, – иначе не было бы сказано; если бы надлежало всем исправиться, Он не сказал бы: *«надобно прийти»*; но так как Он предвидел, что сами по себе они будут неисправимы, то поэтому и сказал, что непременно придут. А почему, скажут, (соблазны) их не погубили? Потому что потерпевшие вред гибнут не от этого, а от своего нерадения; если бы гибель происходила от соблазнов, то всем пришлось бы погибнуть. Таким образом, когда бы мы пребывали трезвы, то извлекли бы отсюда немалую пользу, побуждаясь постоянно бодрствовать. Ведь если и при наличности врагов, будучи угрожаемы столькими искушениями, мы спим, то каковы бы мы были, если бы жили в безопасности? Обрати, если угодно, внимание на первого человека. Если он, прожив короткое время, быть может, не целый даже день, в Раю и вкусив наслаждения, дошел до такого зла, что вообразил себя равным Богу, счел обманщика благодетелем и не соблюл никакой заповеди, то, когда бы он провел и дальнейшую жизнь, чего бы не наделал? Если кто, однажды избавленный от зла, не вразумляется, то потерпит зло более тяжелое, чем прежде. А ему следовало бы из многого почерпать вразумление: и из того, что он прежде терпел, и из того, что избавился, и из того, что предстоит потерпеть худшее, если не переменится; если же ни от чего этого он не сделался лучше, то как ему не потерпеть более тяжелого зла, чем прежде? И фараон, если бы исправился после первой казни, не испытал бы последующих и не утонул бы напоследок в море со всем своим войском. Кто под угрозой оков бывает добр, тот никогда не будет добр, – освобожденный от принуждения, он возвратится к прежнему. Потому, исследуя это, не станем говорить: какое место займет тот, кто не совершил никакого ни зла, ни добра? Ведь не совершить добра значит то же, что совершить зло. Если у тебя есть какой-нибудь слуга, который и не ворует, и не огорчает, и не

противоречит, воздерживается даже от пьянства и всего остального, но если он постоянно сидит без дела и ничего не исполняет из того, что должен исполнять слуга для господина, то, скажи мне, не подвергнешь ли ты его бичеванию и мучению? А между тем он не совершил никакого зла. Значит, то уже зло, что не сделал ничего хорошего. Или пусть у нас будет какой-нибудь земледелец, который нисколько не наносит вреда нашему (имуществу), не злоумышляет, не крадет, а только, сложив руки, сидит дома, не сеет, не пашет поля, не обрабатывает виноградника и ни в чем другом не трудится около земли: разве мы не накажем такого? А между тем он не нанес никакой обиды, мы не можем его ни в чем обвинить. Значит, он нанес обиду тем самым (что перечислено). Также в отношении нашего тела пусть будет рука, которая не наносит удара в голову, не отсекает языка, не вырывает глаза и никакого другого подобного зла не делает, а только остается в бездействии и не выполняет свойственного ей служения всему телу: разве она не заслуживает, чтобы отрубить, а не носить ее, праздную и вредную для всего тела? А что, если рот не съедает руки и не грызет груди, но оставляет без внимания то, что его касается, – разве не гораздо лучше было бы его замкнуть? Итак, если в этих вещах не только неделание зла, но и опущение добра составляет великое нечестие, то тем более в вещах духовных. О, если бы мне возможно было подвизаться за вас, а вам получать награды за подвиги, – никогда бы я на это не обижался! Как мать, видя ребенка в горячке, стоит возле него – страдающего и горящего, плачет и нередко говорит: «о, дитя, если бы возможно бы мне взять твою горячку на себя, перетянуть на себя этот жар!» – так и я говорю: «о, если бы мне возможно было потрудиться за вас и выполнить все!». Но нельзя этого, нельзя. Поэтому, кто может и других исправлять, пусть присоединяется к принимающим на себя это служение и делает людей лучшими; а кто более слаб, пусть избегает порочных, чтобы не заимствовать от них погибель. Таким образом вы и настоящую жизнь проживете в безопасности, и достигнете будущих благ, которых и да сподобимся мы все, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с

Которым слава Отцу и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Слово 27. О воспитании детей.

Аудио

Прошу вас и умоляю, возлюбленные, будем иметь большое попечение о наших детях и всячески заботиться о спасении их души. Подражайте блаженному Иову, который, даже опасаясь прегрешений их в помышлении, приносил за них жертвы и проявлял о них большую заботливость; подражайте Аврааму, который тоже хлопотал не о деньгах и имениях, но о Божественных законах, – каким бы образом передать сохранение их невредимо потомкам. И когда Давид умирал, то он вместо великого наследства, призвав своего сына, внушал то же, и обстоятельно говорит, что если захочешь, дитя, жить по законам Божиим, то ничего с тобою неожиданного не случится, все дела потекут у тебя по желанию и большою будешь ты наслаждаться безопасностью; если же ты отпадешь от этой помощи, то никакой пользы не будет тебе от царства и от этой великой власти. Ведь, если благочестие отсутствует, то и те сокровища, какие есть, погибают с опасностью и крайним позором; если же оно налицо, то и те, каких нет, приходят. Поэтому родителям следует думать не о том, как бы сделать детей богатыми серебром и золотом, а о том, как бы они стали всех богаче благочестием, мудростью и стяжанием добродетели, – как бы они не имели надобности во многом, как бы не увлекались житейскими и юношескими пожеланиями. И тщательно нужно исследовать их входы и выходы, их беседы и собрания, зная, что если это будет пренебрегаемо, то они не получат никакого снисхождения у Бога. Ведь, если с нас взыщется за заботу о других, – а сказано: *«Никто не ищи своего, но каждый пользы другого»* (1Кор.10:24), – то насколько более за заботу о детях? Ты же все делаешь и предпринимаешь, как бы у них были красивая лошадь, блестящие жилища, многоценные поля, а на то, чтобы душа была хорошая и воля добрая, не обращаешь никакого внимания. Хотя бы у кого приобретения были велики и многоценны, но если он не исполнен ревностью добродетельно

ими распоряжаться, – все погибнет и уйдет вместе с ним; когда же душа благородна и предана мудрости, то хотя бы в доме ничего не было отложено, безбоязненно сможет обладать всяческими благами. А что многие из родителей многое терпят из-за детей, так это оттого, что не хотят посечь, образумить словами и огорчить своих беспутно и противозаконно живущих сыновей, почему им и приходится нередко видеть, как те попадают в крайние беды, приводятся в судилище и отдаются палачам на усечение (головы). Действительно, когда сам ты не воспитываешь, когда сам не умудряешь, то он, присоединившись к негодным и испорченным людям, приобщившись к ним в пороке, приводится под действие общественных законов и наказывается на виду у всех; а после казни наступает еще больший позор, потому что после его кончины все указывают пальцами на отца и тому зазорно даже появиться на рынок. Какими в самом деле глазами он в состоянии будет смотреть на встречных после такого безобразия и несчастья его дитяти? Что могло бы быть хуже этого безумия? Неужели, скажи мне, тебе не стыдно и ты не краснеешь, когда судья наказывает и умудряет твоего сына, и он, столько времени сначала живший с тобою, нуждается в исправлении от чужого? Неужели у тебя нет желания закрыться и спрятаться? И ты, тем не менее, скажи мне, осмеливаешься еще называться отцом, предавши таким образом сына, не оказавши ему необходимой помощи и не обративши внимания на его гибель от всяких пороков? Когда ты видишь, что какой-нибудь бродяга заушает твоего ребенка, ты негодуешь, сердишься, злобствуешь и яростнее зверя подсакиваешь к лицу ударившего, – а когда видишь, как дьявол каждодневно его заушает, как демоны приводят к порокам, ты спишь, не негодуешь, не сердишься, не исторгаешь сына от самого ужасного зверя? И какого удостоишься человеколюбия? Разве же не безрассудно, что ты, когда сын твой впадет в беснование, прибегаешь ко всем святым, надоедаешь живущим на вершинах гор, чтобы только избавить от этого беснования, а когда его непрерывно угнетает грех, который тяжелее всякого беса, ты ничего не предпринимаешь? Да и ничего нет тяжелого в том, чтобы быть

мучимым бесом, потому что бес во всяком случае не может свергнуть в геенну; и если мы трезвимся, с благодарностью переносим такие нападения, то испытание это может даже нам доставить светлые и славные венцы; а кто ведет жизнь в пороке, тому никогда невозможно спастись, тот неизбежно и здесь достоин будет поругания, и по отшествии из этой жизни понесет там вечные наказания. Чем ты в конце концов оправдаешься? Не предоставил ли я, сказано будет тебе, дитяти жить с тобою с самого начала? Я поставил тебя над ним в качестве учителя, наставника, опекуна и начальника, – всю власть над ним не отдал ли я в твои руки? Не повелел ли я его, такого нежного, обрабатывать и упорядочивать? Какое же ты получишь оправдание, если с беспечностью смотрел на его прыжки? Что ты скажешь? Что он разнуздан и неукротим? Но тебе нужно было глядеть на все это сначала, – обуздывать его, когда он был молод и доступен узде; тщательно его приучать, направлять к должному, укрощать его душевные порывы, когда он был восприимчивее к воздействию; сорную траву тогда нужно было исторгать, когда возраст был нежнее и исторгнуть можно было легче: вот тогда бы оставленные без внимания страсти не усилились и не сделались неисправимыми.

Итак, какое мы представим извинение, когда Бог не щадит даже жизни детей, в случае если они нас оскорбляют, – *«кто, – сказано, – злословит отца своего, или свою мать, того должно предать смерти» (Исх.21:16–17)*, – а мы даже не сердимся на них, если они оскорбляют Бога? Я, говорит, не отказываюсь даже умертвить, когда он тебя оскорбляет, а ты не осмеливаешься и словом огорчить, когда он попирает Мои законы? Какого же это будет достойно снисхождения? Поэтому не будем нерадивы к детям, зная, что, если они хорошо будут вести себя в отношении к Богу, то будут уважаемы и славны в настоящей жизни. Все почитают и уважают того, кто живет добродетельно и честно, хотя бы он был всех беднее, равно как к порочному все относятся с отвращением и ненавистью, хотя бы он владел большим богатством. Кто небрежен к своим детям, тот, хотя бы в других отношениях был хорош и порядочен, понесет крайнее наказание за этот грех. А если

хотите точно знать, что и в том случае, когда все наши дела будут у нас в исправности, о спасении же детей не будем заботиться, мы подвергнемся крайнему наказанию, то старательно вникайте в то, что будет сказано. Был у иудеев некий священник, человек смиренный и благочестивый; имя его было Илий, он был отцом двух сыновей; видя, что они ходят во зло, он не удерживал и не препятствовал, лучше же сказать – и удерживал, и препятствовал, но делал это не со всем тщанием, наказания не налагал, а пытался только словесными вразумлениями отклонить их от нечестия, и постоянно говорил им такие слова: *«Нет, дети мои... не делайте этого, нехороша молва, которую я слышу»* (1Цар.2:24). Правда, и эти слова были достаточны для их исправления; но так как он не все сделал, что надлежало, то восстановил Бога против себя и против них, и щадя неблагоприятно себя и детей, погубил вместе с детьми и собственное спасение. Кроме небрежности по отношению к детям, Богу не в чем было обвинить старика. Если же Бог ниспроверг его со всем домом, его – согрешившего более легко, то оставит ли без наказания тех, которые грешат более тяжело? Если и то, что он был священник, и что старец, и что знаменит, и что двадцать лет беспорочно начальствовал над еврейским народом, – если все это не в силах было его оправдать, но он крайне бедственно погиб за то, что не заботился тщательно о детях, и грех его нерадения, точно суровая громадная волна, все завалил и все подвиги закрыл, то какое наказание ожидает нас, которые и в добродетели много ему уступаем, и детей не только не наставляем, но поступаем в отношении их жесточе всякого варвара? Подобно тому, как кто-нибудь не может рассчитывать на оправдание и снисхождение в собственных грехах, так и родители – в грехах детей. И очень правильно. Если бы грех присущ был людям по природе, то иной по праву мог бы рассчитывать на оправдание, а так как мы по доброй воле бываем злы и добры, то какое благовидное основание может указать тот, кто допускает любимейшему своему (дитяти) развращаться и делаться порочным? Не оставляй лучше детям богатства, а оставь добродетель. И разве не крайне безрассудно, что при своей жизни не делают их

распорядителями всего имущества, а по смерти предоставляют великую свободу легкомысленной юности. Находясь в живых, мы по крайней мере в состоянии были бы потребовать отчета, в случае дурного пользования образумить и обуздать; а когда помрем, то, лишив их нас самих и оставив в их распоряжении молодость и богатство, толкнем их в бесчисленные пропасти бедствий и несчастий. Будем поэтому стремиться не к тому, чтобы покинуть их богатыми, но к тому, чтобы – добродетельными. Ведь если они понадеются на богатство, то ни о чем другом не станут заботиться, потому что изобилие денег затемнит для них порочность нравов; а если они увидят, что лишены всякого с этой стороны утешения, то предпримут все, чтобы при помощи добродетели найти великое утешение в бедности.

Итак, не будем приступать к частным или общественным занятиям прежде, чем направим их душу. Если вы воспитаετε своих сыновей, то они в свою очередь воспитают своих, а эти последние опять научат своих: продолжаясь таким образом вплоть до пришествия Христова, дело это доставит всю награду тому, кто послужил корнем. И действительно, если ты хорошо воспитаешь ребенка, то и он также – своего сына, а тот – своего: и до самого края будет простираться как бы некоторая цепь и последовательность превосходнейшей жизни, берущая от тебя начало и корень и тебе же приносящая плоды от усердия потомков. А те отцы, которые не заботятся о благопристойности и скромности детей, бывают детоубийцами, и жесточе детоубийц, поскольку здесь дело идет о гибели и смерти души. Поэтому, подобно тому как, если ты видишь лошадь, несущуюся к пропасти, ты набрасываешь на уста ее узду, с силою поднимаешь ее на дыбы, нередко и бьешь, – что правда составляет наказание, но ведь наказание это – мать спасения, – так точно поступай и с детьми твоими, если они погрешают: связывай грешника, пока не умилиставишь Бога; не оставляй его развязанным, чтобы ему еще более не быть связанным гневом Божиим. Если ты свяжешь, Бог затем не свяжет; если же не свяжешь, то его ожидают невыразимые цепи. Но, скажут, он достаточное время нес наказание. Какое,

скажи мне? Год, два или три? Но я требую не продолжительности времени, а исправления души; ты то скажи – раскаялся ли, изменился ли, выполнено ли все; если этого нет, то – никакой пользы от времени. Так, мы требуем не частого перевязывания раны, а того, чтобы повязка принесла какую-нибудь пользу: если она принесла пользу в короткое время, то больше не налагается, а если никакой не принесла пользы, то и после десяти лет все еще налагается: вот он, срок освобождения связанного – его польза. И ничто так не рекомендует имеющего власть, как горячая любовь к подвластным. И отцом делает не то только, что он родил, но и то, что, родивши, любит. Если в области природы необходима любовь, то тем более в области благодати. А ты, о, дитя, повинуйся родившим тебя, как слуга (господину). Ведь чем ты сможешь воздать за то, что они (дали) тебе? Тебе нельзя в свою очередь родить их. Также, когда отец вразумляет твоего брата, негодуй вместе с ним и ты – или из попечения о брате, или из сочувствия к отцу, потому что если провинившийся увидит, что отец его наказывает, а ты потворствуешь, он сделается более нерадивым, и вред не ограничится им одним, но ты и на себя навлечешь возмездие. Так и тот, кто препятствует лечить рану, повинен не меньшему, а даже большему наказанию, чем тот, кто нанес (рану), потому что не одно и то же – ранить и мешать излечению поранения, последнее окончательно порождает смерть, а первое – не совсем.

Не будем же неуважительны к родителям, потому что если к ним отнесемся без уважения, то непременно придется смириться из боязни перед начальством; а если, согрешая, пренебрежем им, то ни в каком случае не сможем избежать укора совести; если и ее поставим ни во что и отвергнем, то должны будем исправиться из опасения перед людским мнением; если же и его не уважим, то нас и против нашей воли в состоянии будет образумить страх перед законами. Подобно тому как в том случае, когда наказываются злые, другие становятся лучше, так и в случае, когда некоторые поступают правильно, многие побуждаются подражать им. И ребенок, пока

находится под руководством строгого воспитателя, не возбуждает удивления, хотя бы был скромен, хотя бы жил благопристойно, – все приписывают скромность юноши страху перед воспитателем; а когда эта надобность (в воспитателе) минует и он останется при той же чистоте нравов, тогда все вменяют ему самому и скромность предшествовавшего возраста. Поэтому воспитателей нужно более ценить и любить, чем отцов: от этих последних получается (просто) жизнь, а от тех жизнь хорошая. И если у тебя отец – святой жизни, не чванься: это именно и послужит для тебя к большему осуждению, когда, имея дома образец благородства, ты поведешь себя недостойно прародительской добродетели. Великое благо – в собственных добрых поступках иметь надежды спасения, потому что в тамошнем веке ни в каком случае никакой друг не заступится. Если здесь сказано Иеремии: «не проси за народ этот», – здесь, где мы властны перемениться, то тем более в тамошнем веке. Таким образом похвала предкам, если мы к ней причастны, служит похвалой и нам; а если – нет, то никакого значения не имеет, навлекает даже большее осуждение. Каким именно образом – послушай: у Давида был сын Авессалом, юноша неисправимый, испорченный; он восстал некогда против отца и, лишив его царства, дома и отечества, овладел всем вместо него; он не уважил ни природы, ни воспитания, ни возраста, ни того, что раньше получил, но так был жесток и бесчеловечен, зверь более, чем человек, что, разрушив все эти препятствия, с бесстыдством попрали самые законы природы и все наполнил смятением и ужасом. Ведь ему следовало бы отнестись с уважением, если не как к отцу, то как к старцу: если же пренебрег старостью, то следовало постыдиться его как благодетеля; если и не это, то как не совершившего никакой несправедливости. Но страсть властолюбия изгнала всякий такой стыд и сделала человека зверем. И этот блаженный, родивший его и воспитавший, бродил по пустыне точно скиталец и беглец, точно изгнанник, наказанный ссылкой и соединенными с нею невзгодами, а он между тем наслаждался отцовским добром. Когда обстоятельства находились в таком положении, когда и войска у него были приготовлены, и города

находились под властью тирана, некто Хусий, человек добрый и друг Давида, сохранивший к нему дружбу несмотря на такую превратность времен, когда увидел, что он бродит по пустыне, разорвал одежду, посыпал себя пеплом, издал стон, горько и жалостно вскрикнул: он предложил в утешение слезы, потому что ничего сделать не мог. Он был другом не времен и не власти, но добродетели; поэтому, когда власть была утрачена, он не изменил дружбы. И вот, видя, что он так поступает, Давид говорит к нему: это – признак друга и искренне к нам расположенного, но никакой пользы нам не приносит; а что следовало бы посоветовать и предпринять, чтобы ужасы разрешились и я нашел бы какой-нибудь выход из несчастий? Сказав это, он предлагает ему такую мысль: иди, говорит, к моему сыну, надень личину друга, расстрой его замыслы и сделай недействительным совет Ахитофела. А этот Ахитофел имел влияние на тирана, был близок к нему, был искусен в военных делах, умел командовать и сражаться; потому-то Давид более боялся его, чем тирана: до того этот человек был опасен в советах. Выслушав это, Хусий повиновался, не подумал ничего малодушного или трусливого, и не сказал: «А что, если меня схватят? Что, если личина моя откроется и изобличится? Что, если дело притворства обнаружится? Ахитофел хитер, – пожалуй и это он изобличит и раскроет, а я погибну задаром и понапрасну». Ничего такого он не подумал, отправился к войску и, положившись на Бога, бросился в середину опасностей. Когда же вступил в город, то, видя тирана приближающимся, подошел к нему; а тот, заметив его вдруг и будучи опьянен властолюбием, не стал тщательно расследовать его дел, но сказал с насмешкой и укором: «уходи к своему товарищу!» – из ненависти и великой вражды не желая даже назвать имени отца. Хусий же, несколько не смутившись и не испугавшись, – что говорит? Когда Бог был с ним, и я стоял за него, а когда Он теперь с тобой, естественно служить тебе. Польстило это тирану и возбудило гордость, и он, ничего тщательно не исследовавши, – ведь легкомысленный человек, обойденный противниками, верит всякому слову, – вводит его в число приближенных и вписывает в число первых друзей. Все

же это устраивал Бог, там присутствовавший и направлявший события. И, наконец, когда составлен был военный совет, и с разных сторон разные предлагались мнения насчет того, сейчас ли нужно действовать или немного погодить, выступил в качестве советника, подающего мнение, тот страшный Ахитофел и подал такой совет: пока отец твой в настоящее время смущен и напуган, мы ударим на него, и таким образом, не давши ему и мало вздохнуть, погубим; если мы теперь нападём на него, пока он не подготовлен, то нам не представится никакого труда. Выслушав это, тиран зовет и Хусия, лицемерно к нему перебежавшего, и говорит: обменяемся и с ним словом, – что случилось отнюдь не в силу человеческой последовательности, т.е. что сейчас только пришедший был так почтен, признан заслуживающим веры и удостоен совещания по таким делам, но, как я сказал, тогда Бог направлял, и трудное делалось легким. И Хусий приводится, тиран откровенно передает ему дело и предлагает сказать, что он думает? Что же Хусий? Никогда, говорит, так не ошибался Ахитофел. Замечаешь ли благоразумие мужа? Не сразу выражает перед ним мнение, но с похвалой, – сначала удивляется ему, как подававшему удачные советы в прежнее время, и потом уже порицает настоящее его мнение, – как бы так говорит: дивлюсь, каким образом он ошибся, потому что это мнение не представляется мне соответствующим. Если мы теперь нападём, то отец твой, как обезумевший какой-нибудь медведь, будучи преисполнен ярости, отчаявшись в собственной жизни, сражаясь с пылающим гневом, не обратит никакого внимания на собственное спасение, и с великим неистовством обрушится на нас; если же мы немного помедлим, то нападём с большими силами и с большей уверенностью, без труда и легко захватим его как бы в сети и уведём. Авессалом похвалил это мнение и признал его более для себя полезным. Говорил же это Хусий с целью дать Давиду время несколько оправиться, отдохнуть и собрать войско. Устранив таким образом мнение Ахитофела, он через некоторых тайно отправленных мужей сообщил обо всем Давиду, что именно тиран одобрил его мнение, обещающее победу Давиду.

Так и случилось, потому что когда бывшие с тираном немного уступили, Давид, подготовившись, напал и одержал верх. Ахитофел, который благодаря большому уму и проницательности знал, какой будет конец этому, что именно мнение то губительно для Авессалома, не вынеся такого огорчения, ушел, надел петлю и удавился, и таким образом покончил жизнь.

Итак, об Ахитофеле и Авессаломе сказано: «Злоба его обратится на его голову» (Пс.7:17), потому что наказание сошло на голову обоих. Воспользовавшийся веревкой так именно окончил жизнь; Авессалом же не повесился, но против воли повис, и не сразу умер, но как бы в темнице прежде был связан и прикреплен к дереву, и по Божью приговору, свыше произнесенному, долгое время висел, бичуемый сверх того совестью. И чтобы ты знал, что не человеческим старанием это произошло, но всецело был суд Божий, его привязали к дереву волосы, ему изменило неразумное животное, вместо веревки послужили волосы, вместо столба – дерево, вместо воина – лошак. И обрати внимание на Божие милосердие; Он оставил его на долгое время, склоняя к раскаянию и давая возможность испытать отцовское расположение. Ведь если бы он не был зверем и не обладал каменной душой, то все это способно было бы отклонить его от несчастного безумия – (разумею) стол, за которым он имел общение с отцом в пище, дом, собрания, на которых обменивался разговорами, и все другое, откуда могло последовать примирение для него, совершившего такое смертоубийство. Кроме этого, и нечто другое в состоянии было его смягчить. Он именно слышал, что (отец) скитался как изгнанник и беглец, что он вытерпел крайние беды. Как же ему было не понять, что даже в случае победы ему, проклятому и преступному в самом торжестве, пришлось бы вести жизнь самую бедственную? И в довершение этого, отец был стар и близок к ожиданию – протянуть короткое лишь время. Где теперь оплакивающие его бедственность? Какой бедственности это не тяжелее, какой болезни, какой печали? Однако ж ничего такого не сказал самому себе этот праведник, не пришел в отчаяние, не восстал, говоря: «Хорошее же я получаю

возмездие, я – упражнявшийся в законе Его день и ночь, после такого достоинства ставший всех униженнее, пощажённый врагами и отданный в руки необузданного сына»! Ничего такого он не сказал, не подумал, но все переносил с благоразумием, одно только утешение случившемуся имея в убеждении, что это случилось с ведома Божия. И как три отрока, находясь в пещи, говорили: *«Если же и не будет того, то да будет известно тебе, царь, что мы богам твоим служить не будем и золотому истукану, которого ты поставил, не поклонимся»* (Дан.3:18), и если бы кто сказал им: «С какой надеждой умираете? Чего ожидая, на что надеясь после смерти, после этого огня? Нет надежды на воскресение», – то услышал бы от них, что для нас в том заключается величайшее воздаяние, что умираем за Бога, – так точно и он то считал величайшим для себя утешением, что Бог, зная это, не воспрепятствовал. И если любящий тысячи раз готов потерпеть смерть за любимую, хотя бы после смерти ничего от нее не ждал, то много более мы должны переносить это не в ожидании Царства, не в какой-нибудь другой надежде на будущие блага, но для Самого Бога, потому что Ему приличествует слава во веки веков. Аминь.

Слово 28. О клятвах.

Не будем, возлюбленные, пренебрегать добродетелью души. В самом деле, скажите, какое мучение оставить гнев на обидевшего? Наоборот, мучение – помнить зло и не мириться. Какой труд никого не злословить? Какая тяжесть быть свободным от зависти, ссор и зложелательства? Какая трудность любить ближнего? Какая тягость не клясться? Часто, в припадке гнева и ярости, мы клянемся никогда не мириться с оскорбителями, а потом, когда гнев утихнет, хотя и желаем помириться, не решаемся сделать этого, будучи удерживаемы, как бы какой западней, необходимостью данной клятвы. Поэтому с нами должно случиться что-либо одно из двух: или мы, помирившись, нарушим клятву; или, не помирившись, сделаем себя повинными наказанию за злопамятство. Не безрассудно ли, с нашей стороны, что имея одежду, лучшую прочих, мы не позволяем себе постоянно употреблять ее, между тем как имя Божие всюду треплем без всякого уважения и причины. Не всякий ведь грех влечет за собою одинаковое наказание; грехи, которые могут быть легко исправлены, навлекают на нас большее наказание; клянущиеся же не могут представить в свою пользу никакого оправдания, кроме лишь пренебрежения к имени Божию. Я знаю, что кажусь вам уже тяжким и ненавистным, докучая, по-видимому, постоянными увещаниями; и все же не отстану докучать, чтобы вы, хоть устыдившись такого моего бесстыдства, отстали от дурной привычки клясться. Если неумолимый и жестокий судья, о котором говорится в Евангелии, устыдившись неотступных просьб вдовицы, изменил свое поведение (Лк.18:1–8), то гораздо более сделаете это вы, и особенно, когда убеждающий вас делает это не ради себя, а ради вашего же спасения. Впрочем, я не отказался бы делать это и ради себя самого, потому что считаю ваши добрые дела собственными своими заслугами. Если бы не было ни геенны, ни наказания, а я, подойдя к вам, попросил бы сделать это в качестве милости, то не согласились ли бы вы? Не удовлетворили ли бы столь легкой

просьбы так просящего у вас милости? Когда же Бог просит того же самого, и притом ради вас, дающих, а не ради Себя, получающего, то кто так неблагодарен, кто так жалок и несчастен, что не даст Богу, просящему милости?

Итак, умоляю вас, чтобы вы, принявши усекновенную и еще истекающую теплой кровью главу Иоанна, возвратились с ней каждый в свой дом, и имели мысленно ее перед своими глазами, и слышали, как она говорит: «ненавидьте моего убийцу – клятву». Часто ведь бывает, что мастер клянется своему ученику, что не даст ему ни есть, ни пить до тех пор, пока он не кончит всей данной ему работы. Точно так же поступает часто и воспитатель с юношей, и госпожа со служанкой. А когда наступает вечер и работа бывает не кончена, оказывается необходимым или неисполнившим дела умереть с голоду, или поклявшимся нарушить свою клятву. Нередко также бывает, что, когда мы дома обедаем и кто-нибудь из слуг провинится, жена клянется наказать его, а муж клянется наоборот, поднимает спор и не позволяет этого делать. В этом случае, что бы они ни сделали, им всячески необходимо совершить клятвопреступление: что бы ни случилось, тот или другой из них непременно будет виновен в клятвопреступлении, вернее же – и тот и другой. А как, я объясню это – потому что это представляется довольно странным. Тот, кто поклялся наказать слугу или служанку, а потом был удержан от этого, и сам совершает клятвопреступление, не сделавши того, в чем поклялся, и на того, кто удержал его и заставил нарушить верность клятвы, навлекает обвинение в клятвопреступлении, – потому что не только нарушающие сами клятву, но и заставляющие других делать это заслуживают одинаковое обвинение. Не странно ли, что слуга не смеет при всяком удобном и неудобном случае называть своего господина по имени, между тем как Владыку Ангелов мы всюду поминаем легкомысленно и с полным пренебрежением? Хочешь знать, как можно освободиться от дурной привычки клясться? Я научу тебя одному способу, и если ты применишь его, то непременно победишь эту привычку. Именно. Когда ты увидишь, что или сам ты, или кто другой пленен этой дурной страстью, и, несмотря на

постоянные увещания, не исправляется, то вели лечь спать, не поужинавши. Наложим это наказание и на себя, и на другого, – наказание, приносящее не вред, а пользу. Язык, будучи подвержен постоянно такой пытке, если даже никто не будет и напоминать, получает достаточное внушение; и хотя бы мы были совершенно бесчувственными, но, получая целый день напоминание от такой пытки, мы не будем иметь нужды ни в каком другом совете или увещании. *«Ибо, как раб, – говорится, – постоянно подвергающийся наказанию, не избавляется от ран, так и клянущийся непрестанно именем Святого не очистится от греха»* (Сир.23:10). Итак, принудим себя оставить привычку клясться и измениться к лучшему.

Хотя я и вчера, и третьего дня беседовал с вами об этом предмете, но не перестану внушать то же и сегодня, и завтра, и послезавтра. И что говорю: завтра и послезавтра? Не отстану до тех пор, пока не увижу вас исправившимися. Не говорящий виноват, если он постоянно напоминает об одном и том же, а слушающие, которые нуждаются в постоянном научении. Что может быть легче, как не клясться? Это дело только привычки; не какой-нибудь телесный труд. Пусть тот, кто уже успел исправиться, порицает отставшего, чтобы сильнее побудить его укоризнами; пусть тот, кто запоздал и еще не исправился, смотрит на преуспевшего и старается скорее сравняться с ним. И пусть не говорят мне: «А что, если кто-нибудь поставит нас в необходимость поклясться? Что, если он не поверит?». Нет; где нарушается закон, там не следует совершенно и упоминать о необходимости, потому что есть только одна неотвратимая необходимость – не оскорблять Бога. Впрочем, теперь я говорю только о том, чтобы мы прекратили излишние клятвы, произносимые без причины и необходимости, – дома, перед друзьями, перед слугами. И если ты уничтожишь эти клятвы, то для тех тебе уже не будет никакой нужды во мне, потому что сами уста, научившись бояться и избегать клятв, не допустят уже никогда впасть в эту привычку, хотя бы их тысячу раз принуждали к тому. Говорят, что один из языческих риториков имел странную привычку во время ходьбы постоянно двигать правым плечом; и тем не менее он одолел эту привычку,

положивши на оба плеча острые мечи, чтобы страхом укола удержать двигавшийся член. Так поступай и ты со своим языком, и вместо меча возложи на него страх наказания, и ты непременно победишь. Невозможно, подлинно невозможно, чтобы заботящиеся и старающиеся сделать это когда-нибудь потерпели неудачу. Какое же будет нам оправдание, какое прощение, если после стольких увещаний мы все еще предаемся пороку клясться? Как мы будем просить Бога об избавлении от обдержавших нас бедствий, когда оказываемся не в состоянии исполнить даже одной заповеди? Как мы можем ожидать доброй перемены обстоятельств? Как будем молиться? Каким языком призовем Бога? Не безрассудно ли, когда приказывает царь, и труднейшее переносить, а когда заповедует Бог заповеди отнюдь не тяжкие и трудные, пренебрегать их и ссылаться на дурную привычку? Не будем, умоляю вас, не будем до такой степени пренебрегать своим спасением: убоимся Бога, как боимся человека. Безрассудно ведь царские законы соблюдать с точностью, а законы Божественные и нисшедшие с Неба легкомысленно пренебрегать. Почему Бог поражает мечом не только самого клянущегося, но и дом его? Потому, что Он хочет, чтобы наказания за наиболее тяжкие грехи оставались навсегда, дабы стали осторожнее все последующие поколения. В самом деле, клятвопреступник после смерти необходимо должен быть погребен и предан в недра земли. И вот, чтобы вместе с телом его не похоронить и нечестия, Бог делает дом его могильным холмом, дабы все преходящие, видя его и узнавая причину разрушения, бежали подражания греху. Так случилось с содомлянами. Когда они разожглись похотью друг на друга, возожглась и природа земли, и вид этой земли яснее всякого голоса увещевает все последующие поколения, как бы взывая и говоря им: не делайте таких дел, чтобы не потерпеть такого же наказания. Что ты делаешь, человек? Клянешься у священной трапезы, и где лежит закланный Христос, там закалаешь своего брата? Разбойники хоть убивают на дорогах; а ты на глазах у матери убиваешь ее сына, совершая более преступное убийство, чем Каин; тот убил брата в пустыне настоящей смертью, а ты

убиваешь брата среди церкви смертью будущей. Разве церковь существует для того, чтобы мы клялись в ней? Для того она, чтобы мы молились в ней. Разве священная трапеза стоит для того, чтобы заставлять перед ней клясться? Для того стоит она, чтобы мы разрешали наши грехи, а не связывали. Устыдись, если не другого чего, то хоть той самой книги, которую протягиваешь для клятвы; раскрой Евангелие, которое держа в руках, ты велишь клясться, и услышав, что там заповедует Христос относительно клятв, вострепещи и откажись от своего требования. Что же говорит Он там о клятвах? *«А Я говорю вам: не клянись вовсе»* (Мф.5:34). А ты тот самый закон, который запрещает клясться, делаешь свидетелем клятвы? Какое оскорбление! Какое противозаконие! Ведь ты делаешь то же самое, как если бы взял в свои сообщники законодателя, запрещающего убивать, и в его присутствии велел совершить убийство.

Итак, подобно тому, как во время битвы мы часто спокойно сносим оскорбления и говорим оскорбителю: «Что мне делать с тобою? Такой-то, защитник твой, обидел меня; он удерживает мои руки»; и этого бывает достаточно для нашего утешения, – так точно и в том случае, когда ты думаешь заставить кого-нибудь поклясться, удержишься и не допусти этого, и скажи собирающемуся поклясться: «Что мне сделать с тобою? Бог не повелел ни клясться, ни требовать от других клятвы: Он удерживает меня теперь». Этого достаточно, чтобы оказать честь и Законодателю, и дать надежное ручательство тебе, и внушить страх намеревавшемуся поклясться. Позвольте мне сказать уходящим отсюда: ни в одном городе нельзя наблюдать того, что есть в Антиохии: жители этого города скорее готовы вырвать язык, чем выпустить с уст своих клятву. Если приобретший одного или двух получит от Бога великую награду, то каких же воздаяний не получают те, кто наставляет всю вселенную? Но часто по привычке язык порывается произнести это дурное слово. А ты, когда он будет порываться, закуси его крепко со всех сторон зубами, прежде чем он произнесет слово: лучше ему теперь обливаться кровью, чем тогда жаждать капли воды и не иметь возможности получить утешение. Что ты

делаешь, человек, хуля своего Благодетеля, Спасителя, Заступника и Попечителя? Или ты не замечаешь, что несешься в стремнину и чаешь свое несчастье, если будешь хулить Бога? Напротив, ты только усиливаешь его и делаешь свою муку более тяжелой. Для того ведь дьявол и наводит бесчисленные беды, чтобы ввергнуть тебя в эту бездну; и если видит, что ты хулишь Бога, легко умножает и делает более тяжелой твою скорбь, чтобы ты от огорчения опять потерял терпение; а если видит, что ты переносишь мужественно, и чем более усиливается страдание, тем более благодаришь Бога, то тотчас же отстает, чувствуя, что уже напрасно и бесцельно строит козни. И подобно тому как собака, стоящая около стола, если видит, что сидящий за столом человек постоянно бросает ей что-нибудь из кушаний, постоянно остается у стола, а если, постояв раз-два, уходит, ничего не получивши, то отстает, наконец, видя, что совершенно напрасно ожидает, так точно и дьявол постоянно смотрит на нас: если ты бросишь ему, как собаке, богохульное слово, он, получивши его, будет приставать опять, а если ты будешь постоянно благодарить, то задушишь его голодом, скоро отстранишь его от себя и заставишь удалиться. И что это так, расскажу вам одну древнюю историю.

Однажды, когда на иудеев напали враги, и Ионафан (он был сыном Саула) одних перебил, а других обратил в бегство, его отец Саул, желая как можно больше возбудить войска против оставшихся и заставить их до тех пор не прекращать преследования, пока не одолеют всех, сделал обратное тому, чего желал, поклявшись, что никто не будет есть хлеба до отмщения врагам его (1Цар.14:24). Могло ли быть что-либо безрассуднее этого? Вместо того, чтобы дать отдохнуть утрудившимся и утомившимся воинам и направить на врага более свежие силы, он обошелся с ними хуже самих врагов, обрекши их насильственной клятвой на жестокий голод. Опасно даже и относительно себя самого клясться, потому что часто мы встречаем препятствия во внешних обстоятельствах: тем более опасно связывать узами своих клятв свободу других, как это сделал тогда неосмотрительно Саул. Войско проходило через лес, в котором был пчельник, и мед был перед глазами людей;

и вошел народ в пчельник, и проходил через него, говоря о меде. Видишь, какая пропасть: трапеза неожиданная; и легкость достать ее, и приятность пищи, и надежда остаться незамеченными влекла их к нарушению клятвы. И *«Ионафан..., не слышавший, когда отец его заклинал народ, и, протянув конец палки, которая была в руке его, обмакнул ее в сот медовый и обратил рукою к устам своим, и просветлели глаза его»* (1Цар.14:27). Смотри, кого лукавый толкнул на клятвопреступление? Не кого-либо из простых воинов, но самого сына поклявшегося царя. Он хотел не только совершить клятвопреступление, но подготовлял и сыноубийство, и старался вооружить против себя саму природу; и что он некогда сделал с Иеффаем, то же самое надеялся сделать и теперь. И тот, ведь, обещавшись принести Богу в жертву первого, кто встретится ему после победы над врагом, впал в детоубийство, потому что принес в жертву дочь свою, которая первой вышла ему навстречу (Суд.11).

Да что я говорю: детоубийство? Этот лукавый ухитрился найти убийство даже и того еще преступнее. В самом деле, если бы он сознательно согрешил и был убит, то совершилось бы только детоубийство; теперь же, когда он согрешил по неведению (так как он не слышал клятвы) и был бы убит, он причинил бы отцу вдвойне скорбь. Затем, говорится, один из воинов, увидя это, сказал: *«Отец твой заклинал народ, который есть будет («хлеб в день сей: и изнемогоша людие»»), сказав: «проклят, кто сегодня вкусит пищи»; от этого народ истомился. И сказал Ионафан: погубил отец мой всех»* (1Цар.14:28–29). Итак, несмотря на то, что клятва была нарушена, все об этом молчали, и никто не осмеливался указать на виновного. Между тем и это составляло новое немалое преступление, потому что не только нарушители клятвы, но и знающие и укрывающие их делаются виновными в преступлении. *«Священник же сказал: приступим здесь к Богу. И спросил Саул Бога: идти ли мне в погоню за Филистимлянами? и предашь ли их в руки... мои? Но Он не отвечал ему в тот день»* (1Цар.14:36–37). Смотри на милосердие и снисхождение Человеколюбца Бога: не послал

Он молнию, не потряс землю, а как поступают друзья в отношении к друзьям, когда подвергаются оскорблению, так поступил со своим рабом и Владыка. *«Тогда сказал Саул: пусть подойдут сюда все начальники народа и разведают и узнают, на ком грех ныне? ибо, – жив Господь, спасший Израиля, – если окажется и на Ионафане, сыне моем, то и он умрет непременно»* (1Цар.14:38–39). Согрешивший не был еще открыт, а он уже совершил над ним суд; не зная виновного, произнес осуждение, отец стал палачом, и прежде исследования дела вынес обвинительный приговор. И что много говорить? Предоставил решение дела жребию. *«Тогда сказал Саул: бросьте жребий между мною и... Ионафаном.. И сказал Саул Ионафану: расскажи мне, что сделал ты? И... сказал Ионафан: я отведал концом палки, которая в руке моей, немного меду; и вот, я должен умереть»* (1Цар.14:42–43). Кого не тронули бы, в ком не возбудили бы сожаление эти слова? Представь, какую бурю испытывал теперь Саул, когда разрывалась утроба его, и с той и другой стороны перед ним открывалась глубочайшая бездна. Но несмотря и на это, он не одумался, а что говорит? *«Пусть то и то сделает мне Бог, и еще больше сделает; ты, Ионафан, должен сегодня умереть! Но народ сказал Саулу»:* пусть то и то сделает нам Бог, и еще больше сделает, если смертью *«умрет сотворивый спасение... велие...»* (*«Ионафану ли умереть, который доставил столь великое спасение Израилю?»*). *«Жив Господь, и волос не упадет с головы его на землю, ибо с Богом он действовал ныне»* (1Цар.14:44–45). Вот и народ вторично поклялся, и поклялся в противном царю. Необходимо наконец разорвать клятву, потому что невозможно, чтобы все они дали верную клятву. В самом деле, если бы царь захотел настоять на своем и исполнить клятву, то восстал бы против этого весь народ, и вышло бы страшное насилие; с другой стороны, если бы сын, спасая свою жизнь, захотел отдаться под защиту войска, то сделался бы тотчас же отцеубийцей. Видишь ли и насилие, и сыноубийство, и отцеубийство, и междоусобную войну, и брань, и убийства, и потоки крови, и тысячи трупов из-за одной клятвы? Видишь, какой ров погибели учинила клятва? Итак,

чтобы и с нами не случилось того же, что и с ними, отстанем от дурной привычки клясться, дабы, привлекая этим благоволение Божие на себя, и настоящую жизнь безопасно пройти, и удостоиться будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, со Отцом и Всесвятым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Слово 29. О незлобии, злоте́рпении и злопамятовании.

Кого другого, возлюбленные, должны указать мы в качестве примера, намереваясь говорить с вами о кротости, как не того, кто получил свидетельство свыше и кому особенно удивляются именно за это? *«Нашел Я, – говорится, – мужа по сердцу Моему, Давида, сына Иессеева»* (Деян.13:22), который не только кормил и поил своих врагов, но часто избавлял их даже от смерти, когда они подвергались опасностям. Саул, например, после бесчисленных благодеяний, оказанных ему Давидом, после блестящих побед и спасения от Голиафа, до такой степени ненавидел и не терпел его, что не мог спокойно вспомнить даже его имени. Так однажды во время праздника, умыслив на него хитрый и коварный умысел, он спрашивал, не видя его в числе присутствующих: *«Где сын Иессеев?»* (1Цар.20:27). Не имея возможности указать никакого позорного дела, он выставляет на вид низкое его происхождение, думая этим помрачить его славу. Между тем Давид, найдя его спящим в пещере, не назвал его сыном Кисовым, а именем его сана: *«Да не нанесу руку мою, – говорит, – на помазанника Господня»* (1Цар.26:10). Так был он чужд всякого гнева и злопамятства: помазанником Господа называет человека, который причинил ему столько обид, который жаждал его крови, который после бесчисленных благодеяний неоднократно замышлял убить его! Он смотрел не на то, чего тот заслуживал, а на то, что подобало и сделать, и сказать ему. Что это? Ты, захватив врага как бы в темнице, связанного тройными узами – и теснотой места, и отсутствием защитников, и узами сна, – не подвергаешь его ни мщению, ни наказанию, а говоришь: *«Да не нанесу руку мою на помазанника Господня»*? Да, говорит, потому что я смотрю теперь не на то, чего он заслуживает, а на то, что надлежит мне делать. Вы, может быть, удивляетесь Давиду потому, что он не вспомнил ни одного из прошедших бедствий, а я изумляюсь ему по другому, гораздо более важному, обстоятельству. По какому же именно? По тому, что даже и страх за будущее не заставил

его поднять руку на врага. Он ведь прекрасно знал, что Саул, избежав его рук, снова поднимается против него; однако предпочел лучше сам подвергаться опасностям, отпустив на свободу своего гонителя, чем убить врага, заботясь о собственной безопасности. И ни память о прошедших обидах, ни страх за будущее, ни побуждение со стороны военачальника, ни пустынность местности, ни легкость убийства, ни что другое не побудило его к кровопролитию; напротив, он пощадил своего врага и гонителя, как будто какого благодетеля, оказавшего ему великие услуги; и отрезав у него край одежды и взяв сосуд с водою, отошел на большое расстояние и, став там, громко позвал спасенного и показал ему эти предметы; и сделал это не напоказ или ради честолюбия, а желая самым делом убедить его, что он совершенно напрасно смотрит на него как на врага, и стараясь этим расположить его к дружественному отношению. Не отмстить просто врагу, причинившему нам неприятности, в этом нет ничего удивительного; но, захвативши в свои руки и имея полную возможность убить человека, который был облагодетельствован многочисленными и великими благодеяниями, и затем в отплату за эти благодеяния не раз и не два, а многократно замыслил убить благодетеля, – захвативши такого человека, отпустить его и спасти от злоумышлений других, и притом когда он намерен опять поступать так же коварно, – выше этого может ли простираться любомудрие? Наоборот, может ли быть что-нибудь преступнее тех отношений, которые показал Саул к Давиду? Когда последним только что отражены были враги, когда народ пришел в себя и все приносили благодарственные жертвы за победу, он замыслил убить благодетеля и спасителя, и виновника всех этих благ. И даже оказанное благодеяние не укротило этого злобствовавшего безумца, и не раз, не два, а многократно он бросал в него копье, желая убить его: таковы-то награды он воздавал ему за те опасности, которым тот подвергал себя. *«И злой дух от Бога напал на Саула, и он сидел в доме своем, и копье его было в руке его, а Давид играл рукою своею на струнах. И хотел Саул пригвоздить Давида копьем к стене, но Давид отскочил от Саула, и копье*

вонзилось в стену» (1Цар.19:9–10, 18:11). Кого из людей, даже весьма привыкших любомудрствовать, не привело бы это в ярость? А этот предпочел лучше бежать, лишиться отеческого дома, быть скитальцем и беглецом, и с трудом добывать себе необходимое пропитание, чем сделаться для царя виновником убийства. Он заботился не о том, чтобы отомстить за себя, а о том, чтобы избавить врага от его страсти. Для того он и скрылся от глаз врага, чтобы ослабить гнев, охладить пыл и утишить зависть. Лучше мне, говорил он, быть в нужде и терпеть тысячи зол, чем ему быть судимым Богом за несправедливое убийство. Итак, что может равняться с этой благородной и алмазной душой, которая избрала бедность вместо богатства, одиночество пустыни вместо родины, труды и опасности вместо спокойной и безопасной жизни, чтобы только избавить своего врага от ненависти к себе? Какого озверевшего и жестокого человека не заставило бы это оставить вражду и отстать от зависти? Но того жестокого и бесчеловечного ничто не могло заставить склониться к доброжелательству: напротив, он преследовал и всюду разыскивал того, кто не причинил ему никакой обиды, и, будучи, напротив, обижен в высшей степени, сделал ему вместо этого бесконечное множество добра. Наконец, совершенно неожиданно он попадает в самые сети Давида. «Там, – говорится, – была пещера, и зашел туда Саул для нужды; Давид же и люди его сидели в глубине пещеры. И говорили Давиду люди его: вот день, о котором говорил тебе Господь: «вот, Я предам врага твоего в руки твои, и сделаешь с ним, что тебе угодно». Давид встал и тихонько отрезал край от верхней одежды Саула. Но после сего больно стало сердцу Давида, что он отрезал край от одежды Саула. И сказал он людям своим: да не попустит мне Господь сделать это господину моему, помазаннику Господню, чтобы наложить руку мою на него, ибо он помазанник Господень». (1Цар.24:4–7). Да будет милостив, как бы так говорит он, ко мне Бог; если бы даже я сам захотел, да не попустит Он когда-нибудь мне сделать это, да не допустит дойти до такого греха. Что может быть кротче этой души? Назовем ли человеком этого мужа, который в естестве человеческом показал жизнь

ангельскую? Но этого не допустили бы Божественные законы. В самом деле, скажи мне, кто бы мог скоро решиться обратиться с такой молитвой к Богу? Да что я говорю – обратиться с такой молитвой? Кто, наоборот, легко согласился бы не проклинать причинившего ему обиду? Видишь натянутые сети Давида, видишь пойманную добычу, видишь стоящего охотника, и как все понуждают его вонзить нож в грудь врага? Смотри же теперь и на любомудрие, смотри на брань, победу и венец. Поистине, эта пещера была ристалищем, и здесь совершилась некая дивная и неслыханная борьба.

Боролся Давид, бойцом-противником был гнев, в качестве награды за победу служил Саул, и Судьей состязания был Бог. Брань у него была не только с самим собою и со своей страстью, но и с присутствовавшими воинами. Если даже сам он и желал показать любомудрие и пощадить обидчика, то ему следовало еще опасаться их, чтобы они не убили его в пещере, как предателя и погубителя их спасения, как человека, который спасает их общего врага. Естественно, что они могли с негодованием говорить ему: мы стали скитальцами и беглецами, лишились и дома, и родины, и всего прочего, и разделяли с тобой все тягости; а ты, захватив в свои руки виновника этих бед, думаешь отпустить его, чтобы нам никогда не иметь отдыха от этих бедствий, и, стараясь спасти врага, предаешь друзей? Где же тут справедливость? Если ты пренебрегаешь собственным спасением, то пощади нашу жизнь. Тебя не огорчает прошедшее, и ты не помнишь зол, которые потерпел от него? Так хоть ради будущего убей его, чтобы нам не подвергнуться еще большим и более тяжким бедствиям. Но ни о чем подобном не думал этот праведник, а смотрел только на одно, как бы ему украситься венцом незлобия. Не так, ведь, было бы удивительно, если бы он пощадил своего обидчика, будучи наедине только с самим собою, как удивительно теперь, когда он сделал то же самое в присутствии других, и притом других – не кротких и скромных людей, а воинов, приученных воевать, приходивших в отчаяние от множества трудов и желавших несколько отдохнуть от них, и притом знавших, что разрешение всех зол заключалось тогда в убийстве врага, и не

только разрешение зол, но и приобретение бесчисленных благ, потому что после убийства его ничто не препятствовало перейти царской власти тотчас же к Давиду. И несмотря на то, что было столько обстоятельств, раздражавших воинов, этот доблестный муж оказался в силах победить всех их и убедить пощадить врага. Великое дело, если кто-нибудь сам побеждает собственные свои страсти; но гораздо большее, когда он может и других убедить иметь одинаковые с ним мысли. Много, конечно, есть врагов, и, по-видимому, любомудрствующих, которые, хотя сами и не допустят себе убить своих врагов, не станут, однако, препятствовать, когда последних собираются убить другие. Но Давид поступал не так; но, как бы приняв какой-нибудь залог и готовясь дать за него ответ, он не только сам не трогал врага, но и других, желавших убить его, удерживал, являясь таким образом вместо врага наилучшим телохранителем и стражем.

Итак, не погрешит тот, кто скажет, что Давид подвергался тогда больше опасности, чем Саул. Действительно, он выдержал немалую борьбу, когда всячески старался избавить его от злого умысла воинов, и не так боялся бы, если бы ему самому предстояло быть убитым, как боялся того, чтобы кто-нибудь из воинов, увлеченный гневом, не погубил человека. Вот почему он и сказал в его защиту такое слово. Те обвиняли, и обвинялся спящий; защищал враг; судил же Бог, и Своей силой утвердил приговор Давида. Действительно, без помощи Божией он не в силах был бы победить до крайности возбужденных воинов; но благодать Божия, соприсущая устам его, сообщала некую силу убеждения тогдашним словам его. Кто не подивится в высшей степени его великодушию и ввиду этого обстоятельства, что, захватив в свои руки врага, когда тот спал, был недвижим и ничего не мог сделать, он не только сам не убил его, но удержал и других, желавших сделать это? Как же после этого должны были быть преданы ему воины, с каким расположением относиться к нему? Если бы они имели тысячи душ, то не отдали ль бы с готовностью после этого все их за своего вождя, когда они самым делом, из заботливости о враге, узнали его расположение к людям, близким ему? В самом деле,

кто оказывается кротким и дружелюбным в отношении к причинившим ему зло, не гораздо ли более должен так относиться к людям, относящимся к нему доброжелательно? Не благовременно ли кто-нибудь покажет здесь, что Давид, пощадивши Саула, воздвиг более величественный трофей, нежели когда поверг Голиафа и отсек голову этому иноплеменнику? Эта именно победа блестящее той, и трофей славнее. В самом деле, там нужны были и праща, и камни, и противоборство; здесь же все совершалось мыслью, без оружия была одержана победа, и без пролития крови воздвигнут трофей. Итак, когда Давид одержал эту прекрасную и дивную победу, встал, наконец, от сна тот, из-за кого шло состязание, – Саул, и вышел из пещеры, не зная ничего о том, что с ним случилось. Вслед за ним вышел и Давид, взирая уже очами свободного человека на небо; вышел не с головой иноплеменника в руках, а с умерщвленной страстью, с обессиленным гневом, нанеся врагу тысячи ран и спасши Саула, а настоящего врага – дьявола поразив многими ударами; вышел, имея увенчанную вместе с головой и десницу, – ту десницу, которая могла извлечь чистый меч, показать Богу необагранный кровью кинжал и удержаться против такого порыва гнева; вышел с такою же славой, с какой вышли три отрока из печи. Как тех не поглотил пламень, так и его не возжег огонь гнева; тем ничего не сделал огонь, окружавший их извне, а этот, имея внутри себя горящие уголья, и дьявола, разжигавшего печь извне – видом врага, увещанием воинов, легкостью совершения убийства, отсутствием защитников, воспоминанием о прежних бедствиях, страхом за будущее (подлинно, это разжигало более сильный пламень, нежели хворост, смола, пакля и все прочее, чем разжигалась вавилонская печь), – не зажегся гневом и не потерпел ничего такого, что можно было бы потерпеть человеку в его положении, но вышел чистым и неповрежденным. Итак, *«встал и Давид, и вышел из пещеры, и закричал вслед Саула, говоря: господин мой, царь! Саул оглянулся назад, и Давид пал лицом на землю и поклонился [ему]»* (1Цар.24:9). Меньшей ли это заслуживает похвалы, чем спасти врага? Именно то, что тот самый, кто спас,

преклоняется перед спасенным, называет царем, а себя именует рабом, и все делает, чтобы только утешить его гордость и высокомерие, утишить гнев и прекратить зависть. Но послушаем и самое оправдание. *«Зачем ты слушаешь речи людей, которые говорят: «вот, Давид умышляет зло на тебя»? Вот, сегодня видят глаза твои, что Господь предавал тебя ныне в руки мои в пещере; и мне говорили, чтоб убить тебя; но я пощадил тебя и сказал: «не подниму руки моей на господина моего, ибо он помазанник Господа». Отец мой! посмотри на край одежды твоей в руке моей; я отрезал край одежды твоей, а тебя не убил»* (1Цар.24:10–12). Если бы я, говорит, не был вблизи тебя, не стоял около твоего тела, то не отрезал бы края одежды. Действительно, если бы он не отрезал, то ничем другим не в состоянии был бы уверить врага. В самом деле, каким образом тот, кто после стольких благодеяний враждовал против человека, нисколько его не обидевшего, мог поверить, что другой, потерпевший обиду, пощадит своего обидчика, захвативши его в свои руки? Теперь же Давид представил несомненное доказательство своего попечения о нем, и самого врага призывает в судьи и свидетели своей заботливости, говоря: *«Узнай и убедись, что нет в руке моей зла, ни коварства, и я не согрешил против тебя; а ты ищешь души моей, чтоб отнять ее»* (1Цар.24:12). Так он был чужд высокомерия и свободен от всякого тщеславия, и только на одно взирал – на Суд Божий: *«Да рассудит, – говорит, – Господь между мною и тобою»* (1Цар.24:13). Сказал он эти слова, не того желая, чтобы Саул подвергся наказанию или получил казнь от него, а чтобы уstraшен был напоминанием о будущем Суде, – потому что он не дерзнул бы призвать Всеведущего Судью и навлечь на себя осуждение, если бы не был совершенно уверен в том, что он был чист и непричастен какому бы то ни было злему умыслу. Кто не изумится, кто не удивится этой благородной и адамантовой душе (когда подумаете), что, имея право высчитать Саулу многочисленные и великие благодеяния, – так, например, он мог, если бы хотел, сказать ему: когда нашествие иноплеменников, как бы какой потоп, готово было сокрушить все государство, когда вы

прятались в страхе и ужасе, и каждый день ожидали себе смерти, я пришел; и без всякого принуждения, напротив даже, несмотря на то, что ты препятствовал и удерживал, я не стерпел и прежде всех бросился на врага, принял бой с ним и отсек ему голову и, как бы какой стремящийся поток, отразил нашествие иноплеменников и утвердил колебавшееся государство; благодаря мне, ты владеешь царством и жизнью, а все остальные, вместе с жизнью, владеют городом, жилищами, детьми и женами, – мог вслед затем указать опять другие войны, которые он вел с успехом, не меньшие первой; мог указать на то, что, несмотря на то, что Саул не раз, не два, а многократно замышлял его убить и метал копье в его голову, он не помнил зла; мог указать и на другие многочисленные дела, гораздо более важные, – и однако ничего такого он не сказал, а приводит в свое оправдание только то, что случилось в тот день, говоря: *«Узнай и убедись, что нет в руке моей зла, ни коварства, и я не согрешил против тебя; а ты ищешь души моей, чтоб отнять ее»*. Кого не тронут такие слова? Ведь не попрекнуть его благодеяниями хотел он, а только убедить, что он принадлежит к числу любящих и пекущихся о нем, а не злоумышленников и врагов.

Так и ты, когда захватишь в свои руки врага, старайся не о том, чтобы отомстить ему и осыпать тысячами ругательств, а о том, чтобы расположить его к себе услужливостью, чтобы довести его до кротости, и до тех пор не отставай и делать все, и увещевать, пока своей кротостью не победишь его жестокости. Так именно сделал и Давид. Видя, что враг вооружается против собственного своего спасения и все делает для этого, он не только не пришел в ярость, а проникся даже еще большим к нему состраданием, и чем преступнее были умыслы последнего, тем более он плакал о нем, и не переставал принимать всякие меры до тех пор, пока не заставил и его принести оправдание со слезами и воплями. В самом деле, когда Саул услышал, как Давид сказал: *«господин мой, царь»*, то оказался не в силах без слез слышать эти слова, но зарыдал, испустил горький вопль, и со скорбью воскликнул: *«Ты правее меня, ибо ты воздал мне добром, – за козни, за*

убийство, за бесчисленные злодеяния, – а я воздавал тебе злом» (1Цар.24:18), – и все-таки не стал лучше, но после всех благодеяний упорствовал в злобе. И ты все же не изменился, а продолжаешь поступать по-прежнему, и опять оказываешь нам, злоумышляющим против тебя, благодеяние. «Ты показал это сегодня, поступив со мною милостиво, когда Господь предавал меня в руки твои, ты не убил меня» (1Цар.24:19). Что может быть блаженнее Давида, который в одно краткое мгновение так преобразил врага и неожиданно поверг в плач и рыдание душу, жаждавшую крови и убийства? Не так удивляюсь я Моисею, что он из крутой скалы извел источники вод, как удивляюсь этому праведнику, что он из таких глаз низвел источники слез. Тот победил природу, а этот препобедил свободную волю; тот ударил жезлом камень, а этот порастил словом сердце, не для того, чтобы огорчить, а чтобы сделать его чистым и кротким. Итак, сколько бы я ни восхвалял его за его собственную кротость, но гораздо больше удивляюсь ему по причине перемены, совершившейся с Саулом. Господствовать над собственными страстями далеко не такой подвиг, как победить неистовство других, утишить пылающее гневом сердце, сделать из такой бури такую тишину, и наполнить очи, обращенные на убийство, горячими слезами. И это полно изумления и удивления. В самом деле, если бы Саул был из числа людей кротких и воздержных, то было бы не особенно много труда привести его к свойственной ему добродетели; но человека, дошедшего до состояния озверения, дошедшего до крайней злобы и всем существом стремящегося к убийству, в одно краткое мгновение заставить извергнуть всю эту горечь, – кого из людей прославленных когда-либо знанием философии не затмит такое дело? Бесспорно, величайшей похвалы и удивления заслуживает уже и то, что он не вонзил меча и не отсек вражеской головы; но когда он еще изменил и самое его настроение, сделал его лучшим и возвел его к подобающей ему кротости, то может ли что-нибудь быть выше такого Любомудрия? Между тем многие из людей не только отстраняются от общения с врагами, но не хотят даже ни видеть их взоров, ни слышать их голоса.

Не так Давид: напротив, он и врага спас, и первый оказал ему честь, обратившись со словами: «*господин мой, царь*». И мало того, пал даже ниц перед ним, поклонился ему, и удостоенный чести со стороны последнего, когда тот сказал: «*сын мой Давид*» (1Цар.24:17), опять воздал ему со своей стороны еще большую честь, сказав: «*раб твой, господин мой, царь*». Кто может указать больше этого незлобие? Тот, облагодетельствованный вплоть до самой жизни, возводит благодетеля в родство с собою; этот, облагодетельствовавший, называет облагодетельствованного господином. Он назвал, говорит, меня сыном; для меня же вполне приятно и достаточно, если ты считаешь меня рабом, только бы ты отложил гнев, только бы ты не подозревал относительно меня ничего худого и не считал меня злоумышленником и врагом. И смотри, чего достиг он. Когда он сказал это, тот не в состоянии был уже без слез слышать его речь, а горько зарыдал, показывая своими слезами и душевное здравие, и любомудрие, которое сообщил ему Давид. Каких же венцов не достоин Давид за то, что своей кротостью и смирением до такой степени победил Саула, что заставил его осудить и собственную жестокость, и восхвалить его добродетель? «*Кто, – говорит, – найдя врага своего, отпустил бы его в добрый путь? Господь воздаст тебе добром за то, что сделал ты мне сегодня. И теперь я знаю, что ты непременно будешь царствовать, и царство Израилево будет твердо в руке твоей. Итак поклянись мне Господом, что ты не искоренишь потомства моего после меня и не уничтожишь имени моего в доме отца моего*» (1Цар.24:20–22). И откуда, скажи мне, ты знаешь это? У тебя войско, у тебя деньги, оружие, города, кони, воины, вся сила царского вооружения; а тот всеми оставлен и наг, не имеет ни города, ни дола, ни родного приюта. На каком же основании, скажи мне, ты говоришь так? На основании самого образа действий Давида. Лишенный всего и всеми покинутый изгнанник не победил бы меня, вооруженного и располагающего такой силой, если бы не имел с собою Бога; а имеющий Бога с собою – сильнее всех. Видишь, как любомудрствует Саул после своих злоумышлений? Видишь, как можно отвергнуть все нечестие,

перемениться и перейти на лучшее? Каких венцов достоин Давид за каждое из этих слов? Ведь, хотя и говорили их уста Саула, но мудрость Давида насадила их в его душу. *«Поклянись мне, – говорит, – Господом, что ты не искоренишь потомства моего после меня и не уничтожишь имени моего в доме отца моего»*. Так-то царь обращается с просьбой к простому человеку, и облеченный диадемой умоляет и просит беглеца за своих детей, и требует клятвы, не потому, чтобы не верил его нраву, а помышляя о том, сколько он причинил ему зол. *«Поклянись мне... что ты не искоренишь потомства моего после меня»*: врага оставляет опекуном своих детей и вверяет в его руки свое потомство, как бы беря его за десницу этими словами и ставя Бога посредником. Что же Давид? Отнесся ли к этому хоть сколько-нибудь с насмешкою? Отнюдь нет, но тотчас же изъявил согласие и полную готовность исполнить просимое, и по смерти Саула не только не убил их, но сделал даже для них больше, чем обещал. Именно, внука его, хромого и с сухими ногами, он взял в дом свой, сделал своим сотрапезником и удостоил величайшей чести (2Цар.9); и не стыдился, не краснел, не считал увечья отрока позором для царского стола, а, напротив, даже хвалился и гордился этим. Видя, в каком почете находится у Давида внук Саула, причинившего ему столько зол, кто из сидевших за его столом, хотя бы был свирепее всех зверей, не заключил бы мира со всеми врагами, стыдясь и краснея за себя? Если бы даже он приказал давать ему пищу из какого-нибудь другого места и назначил определенное содержание, то и это было бы великим делом; но допустить к самой царской трапезе, – это уже верх любомудрия. В самом деле, многие из людей не только мстят врагам при жизни их, но и по смерти их изливают гнев, питаемый против них, на их детей. Давид же, напротив, и при жизни спас врага, и по смерти его оказал расположение, которое имел к нему, в отношении его детей. Что может быть блаженнее этого мужа? Видя врага, лежащего у ног его хуже пленника, он не только пощадил его, но, и захватив его в свои руки вторично, – когда тот после этого спасения напал на него и хотел убить, – и имея возможность поразить его вместе со всем войском, отпустил его

здравым и целым; и сознавая, что тот неисцельно болен, и ни в каком случае не прекратит своей вражды к нему, скрылся с его глаз и жил среди иноплеменников в рабстве, в бесчестии, в позоре, добывая тяжкими трудами и усилиями необходимое пропитание. И не это только удивительно, но и то, что, услышав, что Саул пал в сражении, он разорвал одежду свою, посыпал пеплом главу, и плакал так, как плакал бы кто-нибудь, потеряв единственного родного сына, постоянно выкликал его имя вместе с сыном, сложил в честь его песнь, горько рыдал, оставался до вечера без пищи и проклинал те места, где пролилась кровь Саула. *«Горы, – говорит, – Гелвуйские! да [не сойдет] ни роса, ни дождь на вас»* (2Цар.1:21), – горы смерти, потому что там сокрушены шатры сильных. Я ненавижу, говорит, и самое место ради павших там мертвых; пусть же не орошаетесь вы небесными дождями, потому что вы раз навсегда преступно оросились кровью друзей моих. Он непрестанно повторяет их имена, говоря: *«Саул и Ионафан, любезные и согласные в жизни своей, не разлучились и в смерти своей»* (2Цар.1:23). Так как он не имел возможности обнять их тел, за отсутствием последних, то как бы обнимает их имена, смягчая этим, насколько возможно, свою скорбь, и облегчая тяжесть несчастья. Нельзя, говорит, сказать, что сын оплакивал свое сиротство, или отец оплакивал свою бездетность: но чего, говорит, ни с кем не случилось, то случилось с ними: они вместе и в один день кончили жизнь, и, не пережив один другого, каждый из них считал свою жизнь невыносимой в разлуке с другим. Пусть теперь, пока еще душа горит скорбью, каждый вспомнит о своем враге и огорчителе, и пусть и при жизни заботится о нем, и по смерти скорбит о нем; и если даже нужно что-либо потерпеть, чтобы только не огорчить обидчика, пусть все терпит и все делает, ожидая великого воздаяния от Бога.

Поистине, нет ничего безопаснее, как щадить врагов, равно как нет ничего ненадежнее, как желать отплатить и отмстить за себя. В самом деле, погубивший другого нередко может и осудить сам себя, и будет иметь нечистую совесть, будучи всякий день и час уязвляем своим грехом; тот же, кто пощадит

врага и несколько времени мужественно потерпит, после этого радуется и веселится, пребывая в благих надеждах и ожидая от Бога воздаяния за свое незлобие; и если когда-нибудь подвергнется какому-либо несчастью, то с большим дерзновением будет просить у Бога воздаяния себе. И это можно видеть из того, что случилось с Давидом и Саулом. Последний, захотев убить Давида, беспомощный, без оружия, лишенный всего, как пленник преданный, лежал в пещере; первый же, всюду уступая и устраниаясь, и не желая даже справедливо подвергнуть его каре, без орудий и оружия, без коней и воинов, захватил в свои руки врага; и, что всего важнее, привлек к себе большее благоволение Божие, и впоследствии получил великое и достойное удивления воздаяние за свою заботливость о враге. Какое же прощение будем иметь мы, помня прошедшие грехи и отмщая обидавшим нас, когда этот невинный, несмотря на то, что столько претерпел, и ожидал для себя еще больших и тягчайших зол от спасения врага, так щадил его, что предпочитал лучше сам подвергаться опасности и жить в страхе и трепете, чем справедливо даже убить того, кто имел доставить ему тысячи огорчений? Прекрасно, конечно, не причинять обид другим; но гораздо более служит доказательством любомудрой души, когда обиженный не мстит. Таков-то и был Давид. Несмотря на то, что закон допускал тогда такую меру, повелевая вырывать *«глаз за глаз, зуб за зуб»* (Втор.19:21), и это не было преступлением; Давид однако был так любомудр, что не только не преступал закона, но и далеко превосходил его, и перескакивал, так сказать, его границы. Он считал для себя недостаточным в деле добродетели, если еще не превзойдет данных заповедей.

Между тем от нас требуется не только то, чтобы мы не отмщали, но чтобы и благодетельствовали. *«Молитесь, – говорится, – за обижающих вас... благодетельствуйте ненавидящим вас»* (Мф.5:44). Какое же будем мы иметь прощение, какое оправдание, если даже после пришествия Христова не достигаем меры тех, кто жил в Ветхом Завете, и это когда от нас требуется великий преизбыток? *«Если, – говорится, – праведность ваша не превзойдет праведности книжников и*

фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное» (Мф.5:20). Подобно тому как неравны между собою те, кто проявляет одинаковую добродетель под законом или до закона, так точно – и те, кто во время благодати или [до закона, а вернее] под законом, но в зависимости от времени между ними существует большое различие. Когда я подумаю о благодати, милосердии и любвеобилии Господа нашего Иисуса Христа, то поражаюсь, трепещу и прихожу в изумление, как Он и на самом даже Кресте молился за распинателей. Что может сравниться с этим? Даже оба разбойника сначала поносили Его: но когда благоразумный разбойник, придя в сознание, сказал: *«помяни меня, Господи» (Лк.23:42)*, то Он раньше всех отверз ему Рай. Он плачет о готовившихся распять Его и смущается, видя предателя, не потому, что Ему предстояло распятие, а потому, что погибал этот последний. Он смущался, именно, предвидя его удушение и наказание после удушения, и, зная его нечестие, до самой последней минуты заботился о нем, не отвергал его. Мало того, Преблагой Господь даже поцеловал предателя, давая нам образец и пример благодати и долготерпения. *«Иуда, – говорит, – целованием ли предаешь Сына Человеческого» (Лк.22:48)?* Кого не смягчили бы, кого не тронули бы эти слова? Какого зверя, какую каменную душу? Но только не этого несчастного! В самом деле, не сказал Он: *«о, мерзкий и презлейший предатель, такой ли наградой отплачиваешь ты Мне за столько благодеяний?»*. А как? *«Иуда»*, – назвав собственным именем, что свидетельствовало скорее о том, что Он сожалел его и призывал опять к Себе, а не гневался. Равным образом не сказал: Учителя твоего, Господа твоего, Благодетеля, а: *«целованием ли предаешь Сына Человеческого»*? Если бы Он не был ни Учителем, ни Господом, как ты предаешь Того, Кто так кротко, так искренно расположен к тебе, что целует тебя даже во время самого предательства? Так-то Он поступает с предателем; а как с пришедшими на Него с мечами и колющими? Но что же может быть кротче тех слов, какие были сказаны к ним? Будучи в силах в один миг уничтожить всех их, Он не сделал ничего подобного, а с намерением пристыдить говорит им: *«как будто на разбойника*

вышли вы с мечами и кольями» (Лк.22:52), и, повергнув их ниц, опять добровольно – так как они оставались в бесчувствии – предал Себя и терпеливо смотрел, как заключали в узы Его святые руки, хотя мог всех их привести в ужас и повергнуть ниц. «Кто изреклет могущество Господа, возвестит все хвалы Его» (Пс.105:2)? Будем же подражать и мы, братия, Его незлобию, кротости, смиренномудрию. «Научитесь, – говорит, – от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим» (Мф.11:29). Потому и Павел повелевает это, говоря: «благословляйте гонителей ваших» (Рим. 12:14), т.е. каким бы то ни было образом причиняющих вам огорчение. И не сказал: «не злопамятствуйте», или: «не отмщайте», а требует гораздо большего, говоря: «благословляйте». Первое – не злопамятствовать и не мстить – свойственно любомудрому мужу, а последнее – ангелу. Сказав затем: «благословляйте», – он присовокупил: «а не проклинаяте», чтобы мы делали не то и другое, а только первое. И это потому, что гонители являются для нас виновниками наград. Если же ты будешь бодрствовать, то вместе с ними доставишь себе еще и сам награду: гонитель доставит тебе награду от гонения, а ты сам – от благословения его, представляя величайшее доказательство своей любви к Христу. Вот почему этот духовный учитель повелевает воздавать добром учиняющим нам какие бы то ни было обиды, гонящим нас, причиняющим вред делами, и, заповедав сначала благословлять их, далее увещевает и благодетельствовать им самым делом: «Радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими» (Рим.12:15). Так как можно благословлять и не проклиная, но делать это не из любви, то он хочет, чтобы мы и пламенели любовью. Потому он и присовокупил эти слова, чтобы мы не только благословляли, но и соболезовали, и сострадали, если когда-нибудь увидим их в несчастьи. Ничто, ведь, так не соединяет любви, как если мы разделяем друг с другом и радость, и горе.

Послушай, что говорит Петр Христу: «Сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи ли раз?» (Мф.18:21). Он и спрашивает, и вместе с тем обещает, и прежде чем узнать, показывает свое великодушие. Отлично зная образ

мыслей Учителя, что Он склоняется больше к человеколюбию, он желает угодить Учителю и говорит: «до семи ли раз?». Затем, чтобы ты знал, что человек и что Бог, и как щедрость ученика, до каких бы пределов ни простиралась, по сравнению с богатством Учителя оказывается скуднее всякой бедности, и что капля в сравнении с беспредельным морем, то и наша благодать в сравнении с Его неизреченным человеколюбием, Христос, когда тот сказал: «*седьмь крат*», и думал, что он показал весьма большую щедрость и великодушие, говорит: «*Не говорю тебе: до семи раз, но до седмижды семидесяти раз*» (Мф.18:22), что составляет четыреста девяносто. И не думай, что эта заповедь трудноисполнима; если ты решился столько раз оставлять без внимания грехи против тебя, то, обучившись на одном, другом, третьем опыте прощения, ты не будешь уже чувствовать никакого и труда в таком любомудрии, раз навсегда приобретя навык к многократному прощению, и не будешь поражаться грехами ближнего. Но, равным образом, если кто-нибудь потерпит несправедливое хищение и возблагодарит Бога за такую неправду, то приобретет через эту благодарность бесчисленные награды. Ничто так не радует Бога, как если не воздавать злом за зло. Если же кто-нибудь скажет: «Чем я мог отмстить обидчику, когда я слабее его?», – то я отвечу, что ты мог бы это сделать, именно, если бы стал роптать, негодовать, молиться против обидевшего, посылать ему тысячи проклятий, перед всеми обвинять его: все это находится в нашей власти. Вот почему тот, кто этого не сделал, получит награду за неотмщение, так как очевидно, что, и будучи в состоянии отмстить, он не сделал бы этого. Итак, когда враг попадет в твои руки, не думай, что это время отмщения, а считай его временем спасения. Тогда-то особенно и нужно щадить врагов, когда они оказываются в нашей власти. И если мы так устроим себя самих и будем стараться о спасении ближних, то вскоре станем вождественны и любезны и для них самих, и – что всего важнее – достигнем уготованных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, со Отцом и Святым и Животворящим Духом, ныне и присно, и в бесконечные веки веков. Аминь.

Слово 30. Похвала св. Апостолу Павлу, составленная Федором Магистром из различных слов св. отца нашего Иоанна Златоустого.

Мы уже изложили все, касающееся надписания Деяний Апостольских. Затем нам следовало бы коснуться начала книги и сказать, что это было некогда: *«Первую книгу написал я к тебе, Феофил, о всем, что Иисус делал и чему учил от начала»* (Деян.1:1). Но Павел не позволяет нам говорить в этой последовательности, призывая наше слово к себе и своим подвигам. Я хочу видеть, как его ведут в Дамаск, как он связан не железными цепями, но словом Господним. Я хочу видеть, как уловлена эта великая рыба, которая возмутила все море, возбудила великое волнение в Церкви. Я хочу видеть, как он уловлен не удой, но словом Господним. Как какой-нибудь ловец, сидя на высокой скале и с высоты поднимая уду, бросает ее в море, так и Господь наш, явивший духовную ловлю, как бы сидя на высокой скале небес, посылая свыше Свой голос, точно уду, и говоря: *«Савл, Савл! что ты гонишь Меня?»* (Деян.9:4), – выловил ту великую рыбу. Кто остановил бы этого жестокого и бесчеловечного преследователя, хулителя и опустошителя Церкви до такой степени, что он, врываясь даже в дома, влек мужей и женщин, все приводил в смятение и возмущал, – кто остановил бы его, если бы Царь наш, призвавши его, внезапно не переменял его и не заставил прийти в себя? Ведь даже ученики, где бы они не узнавали о его появлении, в ужасе трепетали и не смели прямо смотреть на него. И когда он уже сделался любящим их, они обнаруживали все тот же самый страх. Если они так боялись, когда он уже изменился, то чего не делали они, когда он питал к ним вражду, был их врагом? А что со мной будет? Необходимо мне избегать мужа такой силы, чтобы, задержавшись, снова не отойти от предмета. Вам известно, как часто, в то время как я имел в виду другое и направлялся к нему, он, встретившись со мною, перехватывал

меня в середине слова и задерживал до такой степени, что я приходил к убеждению на нем закончить самое слово. Этот блаженный Павел, просветивший всю вселенную, был некогда ослеплен во время своего призвания. Но его слепота стала просвещением вселенной. Так как он видел одно худое, то Бог правильно ослепил его, чтобы ему с пользой для себя снова получить зрение. И так как он свыше меры преследовал Церковь, неистовствовал и был недоступен жалости, то тем тяжелейшее он получает обуздание, – чтобы, увлекаемый потоком своей ревности, не пропускал мимо ушей проповедуемого, и чтобы узнал, с Кем борется: с Тем, Кого не в силах вынести не только тогда, когда Он наказывает, но даже когда благодетельствует. И не тьма ослепила его, но преизбыток света погрузил его во мрак. Если бы мы были кругом обложены варварами, и если бы неприятели наделали нам бесчисленные затруднения; если бы затем полководец варваров, который располагал бы бесчисленными осадными машинами, все у нас привел бы в замешательство, наполнил смущением и великим страхом, угрожал разрушить и предать огню самый город, а нас всех обратить в рабство; если бы он, сам вдруг попавшись в плен к нашему царю, был пленником приведен в город, – не сбегались ли бы все мы, вместе с женами и детьми, на это зрелище? Вот и теперь война наступила. В то время как иудеи все наполняют смущением и страхом и замышляют многие ухищрения против безопасности Церкви, глава же врагов Павел, более всех старавшийся об этом, проповедовавший и все наполнивший смущением и страхом, и его-то именно Господь наш Иисус Христос, Царь наш, связал и привел пленником: неужели мы не выйдем все на это зрелище, чтобы видеть его ведомого пленным? И Ангелы на Небе, видя его связанным и ведомым, ликовали, – не потому, что видели его связанным, но потому, что представляли, сколько людей освободит он от оков; не потому, что видели его ведомым за руку, но потому, что размышляли о том, скольких он имеет возвести от земли к Небу; не потому, что видели его ослепленным, но потому, что думали о тех, кого он имеет извести из мрака. Поэтому, оставивши всех других, я спешу обратиться к Павлу. Павел и

любовь к Павлу заставляют нас сделать этот скачок. «Кто изречет могущество Господа» (Пс.105:2), что Ты не позволил Павлу быть в неизвестности, что показал вселенной такого мужа? Все Ангелы восхваляли Тебя единодушно, когда Ты сотворил звезды и солнце; но не так, как тогда, когда Ты явил Павла всей вселенной. Земля стала светлее неба, потому что тот – светлее света солнечного. Это солнце сменяется ночью, а тот победил дьявола. Оно, нисходя с высоты, посылает вниз свои лучи; он же, восходя снизу, наполнил светом не только пространство между небом и землей, но едва открыл уста, как даже Ангелов исполнил великой радостью. И если об одном грешнике кающемся бывает радость на Небе, – а он в первом же проповедании уловил бесчисленное множество мужей, – какой же радостью наполнил он горние силы?

Что говорю я? Достаточно, чтобы Павел начал говорить, как небеса играют и радуются. Есть ли что пламеннее сердца человека, который прошел всю вселенную, претерпел насилие, биение камнями, оковы, – и все это затем, чтобы освободить связанных и привлечь их к себе? И не как борющийся совершал он свои подвиги; но, будто идя к готовой и верной победе, воздвигал он победные памятники, срывая, опустошая, уничтожая до основания укрепления дьявола и все заграждения демонов; он не останавливался, устремляясь вперед от этих к тем и от тех к этим и, подобно отличному полководцу, каждый день, а лучше сказать – каждый час воздвигая победные памятники. Проникнув в одной одежде во вражеский строй, он взял неприятельские города вместе с людьми. Язык Павла был луком, копьем, стрелами и всем. И он не говорил только. Слова его, поражая врагов сильнее всякого огня, изгоняли демонов, а людей, потерявших власть над самими собой, возвращали себе. Когда он изгнал злого духа, бесчисленное множество заклинателей сожгли свои магические книги и обратились к истине. И как на войне, после того как башня упала или тиран низвергнут, все, кто был вместе с ним, побросавши оружие, сбегаясь к полководцу, так и тогда было: когда демон был низвержен, все побежденные, побросавши книги, вернее уничтоживши их, устремились к ногам Павла. А он, превращая

весь мир как бы в один лагерь, нигде не останавливался, но все делал, словно у него были крылья: то исцелял хромого, то воскрешал мертвого, то кого-нибудь ослеплял, – я говорю о маге. Даже заключенный в темницу, он не успокоился, но и там привлек к себе стража, выполнив этот прекрасный плен. Удивляются Давиду за то, что он одним только камнем поразил Голиафа. Но если бы исследовали дела Павла, то увидели бы, что то – ребяческое дело, и что насколько различаются между собой пастух и полководец, столько же разницы между этим и тем, потому что этот уничтожил мысленного Голиафа, и не бросая камня, но одним словом разгромив все полчище дьявола. Как лев ревущий и дышащий огненной пастью, так страшен был для всех и он, когда приходил. Он появлялся постоянно повсюду: приходил к этим, шел к тем, возвращался к этим, уходил снова к другим, – появляясь быстрее ветра и управляя всей вселенной, как одним домом или судном, вытаскивая тонущих, спасая окутанных тьмой, давая приказание морякам, сидя у кормового весла, наблюдая за носом, натягивая канаты, принимаясь за весла, поднимая паруса, смотря на небо, будучи сам всем: и моряком, и кормчим, и заведующим носом корабля, и парусом, и судном, – и все терпя, чтобы уничтожить зло других. И как атлет, сам борясь, бегая, вступая в бой, или солдат, разбивая стены, сражаясь на суше и на море, – так он участвовал во всех видах борьбы, разжигал ревность и, овладевая единолично вселенной и всех побеждая одним своим словом, сам был для всех неприступен. Не так звуки множества труб, упавши на стены города Иерихона, уничтожили их, как громкий голос Павла сравнивал с землей дьявольские укрепления и врагов привлек на свою сторону. Он был спущен через окно со стены, чтобы вознести поверженных на землю.

Я думаю, что не нужно и упоминать о голоде, жажде, наготе, кораблекрушениях, страхах, кознях, темничных заключениях, ударах и о всем прочем, что претерпел блаженный Павел ради проповеди: все это в отдельности достаточно, чтобы возмутить и сокрушить тот святой дух. Но когда он говорит: *«Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто*

соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?» (2Кор.11:29), – то это есть то, что более всего доставляло ему непрерывную и непереносную скорбь. Если с каждым из соблазняющихся он и сам разжигался, то это горение его духа не могло погаснуть, потому что не оскудевали соблазняющиеся и доставляющие материал для огня. Видя только иудеев неверующими, какую он мог иметь хоть непродолжительную передышку от скорби и страдания? *«Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти, то есть Израильтян»* (Рим.9:3–4). А сказанное им вот что значит: для меня желательнее впасть в геенну, чем видеть израильтян неверующими. Тот, кто согласен принять муки геенны за то, чтобы получить возможность обратить всех иудеев, – он, не имея ее, очевидно, живет тяжелее, чем те, кто мучится в геенне. О, пламенная любовь милосердия! О, Павел, презиравший огонь, адамантовый, твердый, непреклонный, стойкий; – он, который говорит: *«Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?»* (Рим.8:35). Тот, кто был выше земли и моря, кто смеялся над железными вратами смерти, – он, видя слезы возлюбленных, так был огорчен и потрясен, что не мог скрыть печали, но сейчас же говорит: *«Что вы делаете? что плачете и сокрушаете сердце мое?»* (Деян.21:13). О, чудо! Бездна вод не смутила его, а малые слезы смутили и огорчили. *«Что вы делаете? что плачете и сокрушаете сердце мое?»* Что, скажи мне, говоришь ты? Тот адамантовый дух могли сломить слезы? Да, говорит он. Велика сила любви, она меня осилила и победила. Я всему могу противостоять, кроме любви.

Выслушайте вы, кто не презираете имущества ради Христа, а лучше сказать, ради самих себя, и трепещите, размышляя о любви Павла ко Христу. Он полюбил Христа не через Христово, но Христово полюбил через Него, и он боялся лишь одного, чтобы не лишиться любви к Нему. Это для него было страшнее геенны, как и оставаться в ней было желательнее Царства. Итак, когда он ради любви к Христу согласен впасть в геенну и лишиться Царства, если бы то и другое было предложено ему, мы же не презираем и настоящей жизни, – то неужели мы

достойны сандалии его, – мы, которые так отстоим от великого его духа? Если кто-либо, управляя всего одним домом, имея слуг, смотрителей и управителей, часто не может вздохнуть от забот, хотя никто еще не беспокоит его, то, подумай, что же должен был вытерпеть он, имеющий попечение не об одном доме, но о городах, народах, племенах, о целой вселенной, когда, притом, столько дел, столько врагов, а он один, – он, который заботился так, как отец не заботится о своих детях? Если кто хочет любить чистой любовью и узнать силу любви, пусть такой устремится к питателю ее, блаженному Павлу, и он покажет ему, какого труда стоит вынести разлуку с любимым, и какое для этого нужно мужество.

Он, который словно разлучился с плотью, оставил тело и с незакрытой почти душой обходил вселенную, который изгнал всякую мысленную страсть и подражал бесстрастию бестелесных сил, – да, он переносил легко все остальное, как будто был в чужом теле, переносил темничное заключение, оковы, изгнание, плети, угрозы, смерть и все виды наказания, но, разлученный с одной душой, любимой им, был так опечален и смущен, что тотчас же ушел из города, где он надеялся увидеть любимого и не нашел его. Что же это, блаженный Павел? Заключение в колодки, сидя в тюрьме, терпя удары плетей, с плечами, залитыми кровью, – ты преподавал Таинства, крестил, приносил жертвы и не презрел ни одного, кто должен быть спасен: как же, придя в Троаду и нашедши почву, возделанную и готовую принять семена, как ты выпустил из рук удобный случай и тотчас же удалился? Да, говорит он. Я был охвачен великой силой скорби, отсутствие Тита так поразило мою мысль, так осилило и сломило меня, что я принужден был сделать это. Видел ли ты, как много труда нужно, чтобы кротко вынести разлуку с любимым? Какое это тяжелое и горькое дело? Какой требует возвышенной и храброй души? Для любящих недостаточно быть связанным только духом; этого им мало, чтобы утешить их; им нужно еще и телесное присутствие. Если его нет, немалая часть радости отпадает. Хочешь ты узнать, какое сильное оружие – быть кротким, мягким, любезным для того, чтобы привлечь к себе братьев, хотя бы они

были неверные? Послушай, что говорит Павел, входя к неверующему судье с тем, чтобы принять от него суд: *«Почитаю себя счастливым, что сегодня могу защищаться перед тобою»* (Деян.26:2). Он сказал это, не льстя ему, нет, – но желая кротостью расположить его к себе. Отчасти он достиг этого и даже покориł себе судью, – он, считавшийся уже осужденным. Побужденный сам признал эту победу, в присутствии всех, громким голосом говоря: *«Ты немного не убеждаешь меня сделаться Христианином»*. Что же Павел? Молил бы я Бога, чтобы мало ли, много ли, не только ты, но и все, слушающие меня сегодня, сделались такими, как я» (Деян.26:28–29).

Много повсюду свидетельств чудес Павловых, но ничто так не вожделенно, как язвы его. И в Писании он радуется не столько тогда, когда творит чудеса, сколько тогда, когда терпит страдания, бичевание, насилие, бичение камнями. *«Побили Павла камнями, – говорится, – и вытащили за город»* (Деян.14:19); и еще: избивши его и давши *«много ударов, ввергли в темницу»* (Деян.16:23). Какая радость, какое наслаждение, какая честь, какая слава видеть, что он в узах ради Христа! Но взгляни на то, что достойно удивления: поколебалась, говорится, темница, когда Павел был в узах, и у всех узы ослабели. Видишь ли ты, как разрушаются узы самою природой уз? *«Темничный же страж, пробудившись и увидев, что двери темницы отворены, извлек меч и хотел умертвить себя»* (Деян.16:27). Что же Павел? Он возгласил громким голосом, говоря: *«Не делай себе никакого зла, ибо все мы здесь»* (Деян.16:28). Видишь ли ты его презрение к славе, скромность, его милосердие? Он не сказал: через нас это случилось, но, как один из узников, говорит: *«ибо все мы здесь»*. Если бы он промолчал и громким голосом не сдержал рук стража, тот перерезал бы себе горло мечом. Возвысил же он голос потому, что был брошен во внутреннее помещение. Во вред самому себе ты сделал это, как бы говорит он, потому что посадил во внутреннее помещение тех, кто имел освободить тебя от опасности. Видишь ли человеколюбие и заботливость Павла? Он предпочел быть в узах и сам подвергнуться

опасности, чем видеть, как погибает тот. Как солдат, если бы он, воюя с целым миром, попал в самую середину неприятельских войск и остался невредимым, так Павел один появлялся среди варваров и эллинов, – повсюду на суше, повсюду на море. И как искра, попадая в солому или сено, изменяет горючий материал сообразно своей природе, так он, приходя ко всем, всех обращал к истине. Кого не приведет в изумление сила уз, возложенных на блаженного Павла? Она связавших привела к ногам связанного, тех отдала во власть этого. «Припал, – говорится, – страж к Павлу» (Деян.16:29). Свободный от уз у ног узника, и связавший умоляет связанного избавить его от страха. Не ты ли, скажи, заключил в узы? Не ты ли бросил во внутреннее помещение тюрьмы? Не ты ли забил ноги в колодки? Что же ты дрожишь? Чего боишься? Зачем плачешь? Зачем извлек меч? Я не знал, как бы говорит он, что так велика сила уз Христовых. Что говоришь? Он получил власть отверзать небо, – ему ли не открыть темницы? Он давал свободу плененным демонами, – ему ли не освободиться от собственных уз? Освобождающий связанные души неужели не в силах освободить свое тело? Тот, кто своими одеждами освобождал других от оков, кто сокрушал демонов, – как не освободит он себя своими силами? Поэтому, он был сперва заключен в узы, а потом освободил узников, чтобы ты узнал, что рабы Христовы, заключенные в узы, гораздо сильнее, чем свободные от них. Да и сила святого является славнейшей, если, даже заключенный в узы, он торжествует над свободными. Итак, если узник освобождает не только себя, но и других, то для чего стены? Какой имело смысл заключать его во внутреннее помещение тюрьмы, когда он открыл даже внешнее? Хотите ли вы узнать, какую имеют силу железные узы, надетые во имя Христова на рабское тело? Послушайте блаженного Павла, как он гордится этим и говорит: «Я, узник в Господе, умоляю вас» (Еф.4:1). Великий и славный подвиг, выше царства и консульства и всего – быть узником во имя Христова!

Нет ничего славнее, как узничество во Христе, как оковы, одетые на те святые руки. Это гораздо славнее и почетнее, чем

быть апостолом, дидакалом, евангелистом. Если кто любит Христа, он знает, о чем я говорю; если кто вне себя и пламенеет любовью к Владыке, он поймет силу уз: он предпочел бы быть узником во Христе, чем обитать на небесах. Это славнее, чем воссесть одесную Его, почетнее и блаженнее, чем сидеть на двенадцати престолах. Если бы кто предложил мне или все небо, или узы, которые возложены были на руки Павла, я предпочел бы последнее. Если бы мне предоставили стать или вместе с Ангелами, или с Павлом, заключенным в узы, я предпочел бы темницу. Если бы мне предложили разделить могущество, которое окружает трон, или сделаться узником, я предпочел бы быть таким узником. Нет ничего выше, как пострадать за Христа. Если бы мне дали даже власть воскрешать мертвых, я принял бы не это, но узы, – потому что ничего нет блаженнее этих уз. Желал бы я быть в тех местах, где находится тюрьма, и видеть узы, которых демоны боятся и трепещут, перед которыми Ангелы благоговеют. Если бы я был свободен от церковных забот и имел здоровое тело, я не замедлил бы предпринять путешествие для того только, чтобы видеть те узы и ту темницу, куда был заключен Павел. Если бы мне предоставили увидеть и услышать Павла или с неба, или из темницы, я предпочел бы – из темницы, потому что, когда он там, к нему нисходят туда и небожители. О, блаженные узы! О, блаженные руки, украшенные цепями, надетыми на Павла! Они не так были славны в то время, когда исцеляли хромого в Листрах, как тогда, когда на них надели оковы. Если бы я был в то время, я крепко обнял бы их и возложил бы их на мои глаза. Я не переставал бы целовать эти руки, удостоившиеся уз ради Владыки моего. Я ублажаю его не столько за то, что он вознесен был на третье небо и в Рай, сколько за то, что он был брошен в темницу; и не так я ублажаю его за то, что он слышал неизреченные глаголы, как за то, что он вытерпел узы, – потому что это гораздо выше, чем то. Для меня привлекательнее пострадать за Христа, чем получить честь помимо Него. Как кажется, это имея в виду, и Павел говорит: если Он, ставши ради меня рабом и совлеки с Себя славу, думал, что никогда Он не будет так славен, как тогда, когда Его пригвоздят за меня

ко кресту, – то не должен ли и я страдать? Выслушай, что Он говорит: *«Прославь Меня Ты, Отче»* (Ин.17:5). Что говоришь Ты? Тебя ведут на крест вместе с разбойниками и грабителями, подъемлешь смерть проклятых людей, имеешь претерпеть заплевания и заушения, – и это Ты называешь славой? Да, говорит Он. Я терплю это за возлюбленных Моих, и по справедливости вижу в этом Свою славу. Итак, если Владыка мой, возлюбивший несчастных и обремененных, считает это Своей славой и возлюбил больше, чем славу на Престоле Отчем, – тем более я должен видеть в этом славу свою. Ничего нет блаженнее, поэтому, духа Павла! Чем он гордится? Темницей, скорбями, узами, ранами. *«Я, по влечению Духа, иду в Иерусалим, не зная, что там встретится со мною; только Дух Святый по всем городам свидетельствует, говоря, что узы и скорби ждут меня»* (Деян.20:22–23). Что же ты идешь, если тебя ждут узы и скорби? А именно для этого самого, чтобы потерпеть узы за Христа, чтобы умереть за Него, – потому что я готов не только быть в узах, но и умереть за имя Господа моего. Что же это такое? Ты не стыдишься, не боишься обойти в узах вселенную? Не боишься, что кто-нибудь станет обличать бессилие твоего Бога, что из-за этого не пойдут за тобой? Не таковы, говорит он, мои узы. Они смогут сиять и в царских палатах. *«Так что узы мои, – говорит (апостол), – о Христе сделались известными всей претории и всем прочим, и большая часть из братьев в Господе, ободрившись узами моими, начали с большою смелостью, безбоязненно проповедывать слово Божие»* (Флп.1:13–14).

Ты видишь, что сила уз более воскресения мертвых? Он был заключен в узы в Риме и множество привлек к себе; был заключен в Иерусалиме и, связанный, говоря к народу, привел в изумление царя и испугал правителя: *«будучи в страхе, отпустил его»*. Он поплыл в узах и спас корабль, воспрепятствовал буре; когда он был узником, на нем повисла ехидна, но он сбросил ее без всякого вреда для себя. Подобное всюду случалось с ним. Его подвергали бичеванию и бичевали жестоко. *«Давши ему, – говорится, – много ударов»*. Он был ввергнут в темницу, – и это с новой жестокостью: *«ввергли его*

во внутреннее помещение темницы», и со строгой охраной. При таких обстоятельствах в полночь, когда люди, освободившиеся от всяких забот, спят, он воспевал и восхвалял Бога. Что может быть тверже этой души? Он думал, что и отроки пели в огне и в печи. Может быть, он размышлял о том, что я ничего подобного не потерпел. Но вот слово привело нас снова к другим узам и к иной темнице. Что со мною? Хочу молчать, и не могу. Я нашел иную темницу, гораздо удивительнее и изумительнее, чем та. И вы усильте внимание теперь, когда я начинаю слово, и приступите к нему с напряженным размышлением. Я хочу окончить слово, но не в силах. Не могу остановиться, не могу молчать; многое со всех сторон теснит меня, я не знаю, что я скажу сначала, что потом. Поэтому, умоляю, пусть никто не требует от меня порядка, потому что предметы находятся между собой в близкой связи. Продолжительны были узы Павла и надолго задержали нас, но я не буду молчать только поэтому. Если не молчал в темнице, под плетями, как могу молчать я, сидя у себя днем и имея возможность говорить с великим спокойствием. Какой смысл был бы в этом? Кто не подивился бы этому? И еще более, кто по достоинству не изумится и не удивится благородному и возвышенному духу Павла, когда он, заключенный в темницу и в узы, из такой дали написал послание филиппийцам? Вы знаете, какое расстояние между Македонией и Римом. Но ни долгий путь, ни продолжительность времени, ни множество дел, ни опасности и различные бедствия, – и ничто другое не могло истребить любовь и память об учениках. Он всех их держал в своей мысли, и не так руки его были скованы цепями, как дух связан и сокрушен тоскою по ученикам. И как царь, с рассветом взойдя на трон и сидя во дворце, принимает тотчас же тысячи писем, так и он, находясь в темнице, как в царских палатах, непрерывно получал и отсылал гораздо больше писем, – (получал) именно ото всех народов, обращавшихся по своим делам к его мудрости. И таких дел он решал настолько больше, чем всякий царь, насколько шире ему вверена власть.

О, могущество Павлово! Он возложил на себя цепи, и низверг Нерона, облеченного в диадему; надел убогое рубище,

когда жил в темнице, и всех приковал надетыми на него цепями больше всякого пурпура: стоял на земле, закрывши свое лицо и потупив голову, но к нему устремились, оставив сидящего на золотой колеснице. И справедливо. Видеть царя на блестящей колеснице – привычное зрелище. Но странно и неожиданно видеть, как узник разговаривает с царем с таким дерзновением, с каким царь говорит с несчастным и жалким пленником. Кругом стояло много народа, были все царские рабы. Но они удивлялись не своему господину, а тому, кто победил их господина. Однако я незаметно стал хвалить льва за его когти, в то время как следует хвалить его за другое. За что же? За то, что он придет с Небесным Царем в блестящем одеянии, в то время как Нерон будет стоять жалкий и опозоренный. Если борец получает такую честь, когда еще не настало время наград, то как же будет почтен он, когда придет Судья? Он жил среди чужих, был гостем и пришельцем, и однако же является предметом такого удивления! А когда он окажется среди своих, каким благом он не будет пользоваться? Чему не будет причастен? Чего не получит? Никто из царей римских не пользовался такой честью, как Павел. Ведь вот царь лежит где-нибудь вне города, поверженный; Павел же занимает самую середину его, царствуя и продолжая жить. Если даже там, где его гнали и преследовали, он имел такую честь, то что же будет, когда он снова придет? Если он был столь блестящим там, где занимался деланием палаток, то что будет, когда он придет, сияя солнечными лучами? Если он в своем ничтожестве превзошел такое величие, то что будет, когда он снова придет? Ведь непозволительно уклоняться от затруднений?

Хотите, я покажу вам, как делатель палаток стал выше по чести самого удивительного из всех царей? Что может быть славнее славой этого мира, чем Александр? Что выше? Не совершил ли он при жизни много великих подвигов? Не покорил ли народы и города, не выиграл ли много войн и битв, не воздвиг ли победные памятники? Не почтен ли он был как тринадцатый бог в Римском Сенате? Но нет ничего удивительного в том, что живой человек, будучи царем и владея войском, ведет счастливые войны и одерживает победы. А вот

после смерти и погребения совершать это, совершать повсюду, ежедневно, на суше и на море, – это поистине заслуживает самого великого уважения. Где, скажи, могила Александра? Покажи ее мне и назови день, когда он скончался? Вряд ли ты сделаешь это. А великолепную гробницу Павла может видеть всякий, если посетит царственный Рим; и всякий знает славный день смерти, когда бывает праздник целой вселенной. Могила того, конечно, известна близким к нему людям, но могилу этого знают и варвары; так, гробница раба Христова стала славнее царских палат. Одевающийся в пурпур ждет обнять гробницу его и, оставивши тщеславие, начинает умолять мертвого, чтобы он предстательствовал перед Богом, – умоляет делателя палаток, рыбака и умершего тот, кто владеет короной. И это можно видеть не в одном только Риме, но и в Константинополе. И здесь сын Константина Великого думал, что почитит его великим почетом, если поставит его у порога рыбака. Что в царских дворцах для царей – привратники, то в могиле цари – для рыбаков. Одни на положении владельцев места владеют внутренним помещением; другие, как чужие и соседи, охотно согласились бы, если бы им была открыта дверь во двор. Цари там являются в роли слуг и помощников, а подначальные пользуются честью царей. Если же здесь случается то, что выше природы, то насколько же больше будет в будущем веке? Кто теперь дает мне возможность обнять тело Павла и поклониться его гробнице, видеть прах тела его, с которым он прошел по всей вселенной, восполнив незаконченное Христом, на котором носил язвы, в котором сеял повсюду проповедь? Видеть прах уст, через которые говорил Христос, из которых воссиял свет, превосходнейший всякой молнии, и слышался голос, который для демонов страшнее всякого грома? Для нас гром не так страшен, как его голос для демонов. Если они трепетали перед его одеждой, тем более – перед его голосом. Я хотел бы увидеть прах этих уст, через которые Христос говорил великое и неизреченное и высшее, чем Сам от Себя; прах уст, через которые раздалось блаженное слово его, говорящее: *«Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих»* (Рим.9:3); уста, которыми он говорил перед

лицом царей и не был посрамлен, от которых убегали демоны и даже не только тогда, когда слышали голос его, но и тогда, когда он был вдали, которыми он преобразовывал все на земле и управлял, как хотел, всем на небе, связывая, кого хотел, и разрешая данной ему властью. Кто покажет мне прах сердца Павлова, пламенеющего за всех погибающих и рождающего во второй раз извергнутых детей? Я хотел бы видеть это сердце, даже распавшееся, оно превыше небес, шире вселенной, чище лучей солнца, горячее огня, крепче железа, оно живет больше новой жизнью, чем этой. *«Уже не я живу, но живет во мне Христос»* (Гал.2:20).

Сердце Павлово было поистине сердце Христово,местилище Духа Святого и книга благодати; удостоенное возлюбить Христа, как не возлюбил никто другой; презревшее смерть и геенну, сокрушенное братскими слезами: *«Что вы делаете, – говорит, – что плачете и сокрушаете сердце мое?»* (Деян.21:13). Хотел бы я видеть прах рук Павловых, заключенных в узы, рук, возложением которых ниспосылался Дух, которыми он написал Божественные Писания: *«Видите, как много написал я вам своею рукою»* (Гал.6:11), – рук его, которые увидев, ехидна упала в огонь. Хотел бы я увидеть прах очей, своевременно ослепленных, взиравших на спасение вселенной, удостоенных видеть Христа во плоти. Хотел бы я видеть прах ног его, обошедших без утомления вселенную, забитых в колодки, в то время когда он поколебал темницу, обошедших вселенную и места ненаселенные. О чем же еще нужно частнее говорить? Хотел бы я видеть его, льва духовного! Как лев испускает пламя из глаз на стада лисиц, так он обрушился на сонмы демонов и философов и, подобно удару молнии, ниспал на полчища дьявольские. Дьявол не вступил с ним в бой, но так испугался и так задрожал перед ним, что только издали видел его тень и слышал голос, чтобы тотчас же убежать. Размыслите и вострепещите, какое удивительное зрелище увидит Рим, когда Павел внезапно восстанет из гроба вместе с Петром и будет взят в сретение Христа: какой дар пошлет Христу Рим, в какие два венка облечется, какими будет опоясан золотыми цепями. Не так блеснит небо, когда солнце

посылает свои лучи, как город римлян, пославший ко всей вселенной эти два светильника. Какое же слово достойно подвигов Павла, или какой язык в состоянии произнести приличную ему похвалу? Какое благородство ни явили пророки ли, или патриархи, или праведники, или апостолы, или мученики, все это он имеет, и притом в такой высокой мере, в какой ни один из тех людей не владеет, что ни есть прекрасного у каждого из них.

Итак, когда все, что есть в людях прекрасного, заключает в себе одна душа, заключает, при этом, в возвышенной мере, и не только то, что есть в людях, но и что есть в Ангелах, как мы можем преувеличить его похвалы? Какого только презрения не будем достойны мы, если, в то время как один человек собрал в себе все добродетели, мы не станем подражать ему даже в ничтожной мере? Удивляются Аврааму за его многие подвиги, особенно же за то, что он приносит в жертву собственного сына. Исааку удивляются за то, что, изгнанный из своих пределов, он не противился, но уступил везде, во всем, чем он владел, пока не были удовлетворены несправедливые желания его обидчиков. Иакову удивляются за его твердость и терпеливость, Давиду – за его кротость, Илии – за то, что он возревновал о Владыке. Но что может сравниться с Павлом, который всем этим владеет, и владеет в преизбытке? Правда, он не приносил в жертву сына, но самого себя приносил тысячи раз. И из родных пределов его выгоняли не раз, но он обошел, словно у него были крылья, и сушу, и море, Элладу и земли варваров, – одним словом, прошел всюду, где светит солнце, прошел среди насилий, ударов, побиений камнями, каждый день умирая. И не дважды семь лет служил он, сжигаемый зноем дня и холодом ночи, но провел всю жизнь в голоде и наготе, в оковах и темнице, среди козней и опасностей. А кто исполнил требования справедливости и кротости более, чем Павел, кто выполнил что-нибудь равное ему? Если же ты посмотришь на ревность его, ты увидишь, что он превосходит Илию настолько, насколько Илия превосходит остальных пророков. Иоанн питался акридами и диким медом, Павел же жил в самом средоточии вселенной, точно в пустыне; он не ел акрид и дикого

меда, но имел стол гораздо проще, чем это, – у него не было, по ревности к проповеди, даже необходимой пищи. Остается еще приравнять его к Ангелам. Пусть никто не подумает, что это – дерзкое слово. Если Писание называет Иоанна ангелом, что же ты удивляешься, когда мы сопоставляем с теми силами лучшего из всех? Чем был когда-то человек, какое благородство присуще нашей природе, какой добродетелью наделено это живое существо, – это более всех показал Павел. Теперь он стал тем, чем был, с очевидностью отвечая от имени Владыки всем, кто нападает на устройство наше, и показывая, что люди немногим отличаются от Ангелов, если мы захотим быть внимательными к самим себе. Имея не иную природу, получив в удел не другую душу, обитая не в ином мире, но в той же самой земле и стране, воспитанный в одинаковых законах и нравах, он превзошел всех людей, какие только существовали. И как мертвец остался бы неизменен для мертвого, так он, тщательно успокаивая порывы природы, не поддался ни одной слабости, свойственной человеку. Если Павел, украшенный столькими подвигами и являющийся, как ангел, на земле, каждый день старался сделать приобретение, подвергнуться опасностям за истину, собрать себе духовное обогащение и никогда не останавливаться, – то какое оправдание будем иметь мы, не только совсем лишенные славных подвигов, но и подверженные стольким порокам, из которых даже один присущий нам достаточен, чтобы ввергнуть нас в бездну гибели, – мы, которые не прилагаем никаких усилий к тому, чтобы исправить эти пороки и быть причастными делам добродетелей? Не одинаковую ли с нами природу имел тот блаженный? Я горю любовью к этому мужу и потому не перестану обращаться к нему. Взирая как на некоторый образец на его душу, я размышляю о суете страстей, о превосходстве мужества, о горячей любви к Богу. И я изумляюсь, как один человек, пожелавши, исполнил весь сонм добродетелей, каждый же из нас не хочет выполнить и самой простой из них. Кто избавит нас от неумолимого наказания, когда Павел, причастный нам по природе, отданный во власть тех же страстей, бывший в таких затруднительных обстоятельствах и ежедневно, так сказать,

мучимый, терзаемый, влачимый всенародно теми, кто враждовал против его проповеди, несмотря на все это, явил такое величие добродетели? Чтобы вы услышали не из наших уст о славных его подвигах, – нужно выслушать собственное его слово. *«А если кто смеет хвалиться чем-либо, то (скажу по неразумию) смею и я» (2Кор.11:21).*

Наблюдай душу боголюбивую. Он называет дело не только смелостью, но даже безумием, – научая нас, если бы среди нас нашлись люди, сделавшие что-нибудь доброе, не выставляя наши дела без всякой нужды, когда никто не принуждает нас к этому. *«Они Евреи? и я. Израильтяне? и я. Семя Авраамово? и я» (2Кор.11:22).* Не этим ли, говорит он, гордятся они? Пусть же они не думают, что мы уступаем им, потому что и мы участники того же самого. Потом прибавляет: *«Христовы служители? (в безумии говорю): я больше» (2Кор.11:23).* Посмотри здесь на добродетель души этого блаженного мужа. После того, как он назвал происшедшее смелостью и безумием, он, поставленный в необходимость, однако не остановился на том, что сказал; но когда хотел показать, что многим превосходит тех, он, чтобы не подумали, что он говорит из-за самолюбия, снова называет сказанное им безумием, говоря приблизительно следующее: *«Неужели я не знаю, что делаю дело, которое многим будет неприятно и которое для меня неприлично? Но необходимость, приведшая меня к этому, заставляет меня. Поэтому, простите мне, – говорит он, – что говорю слова безумия».* Будем подражать хоть тени его мы, которыеотягчены таким бременем грехов и часто, даже если сделаем какое-нибудь достойное дело, не храним его в сокровищницах ума, но гоняясь за славой перед людьми, выставляем его напоказ и этим безмерным пустословием лишаем себя воздаяния от Бога. А тот блаженный не допустил чего-либо подобного, но сказав: *«я больше»*, потом перечисляет свои подвиги и говорит: *«Я гораздо более был в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти» (2Кор.11:23).* Что говоришь ты? Странны и неожиданны твои слова. Разве можно часто испытывать смерть? Да, говорит он, если не опытом, то в мысли. Он хочет сказать нам, что постоянно отдавал себя таким опасностям

ради проповеди, приносившей ему смерть. Но благодать Божия хранила бойца в самой середине опасностей, так что ученики получали от него великую пользу. То, что затем по порядку следует, как бы покрывает сказанное: *«Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?»* (2Кор.11:29). Вот какая нужная любовь у этого мужа, какое бодрствование, какое попечение! У какой матери терзается так сердце, когда ее сын, больной лихорадкой, лежит на постели, как у того блаженного мужа? Он за изнемогающих в каждом месте сам изнемогал еще более, и за соблазняющихся еще более воспламенялся. Посмотри также на выразительность слов. Он не сказал: «кто соблазняется, за кого бы и я не огорчился?» но: «*воспламенялся*», – говорит, показывая нам напряженность горя и заявляя, что он словно в огне, горит внутренно в тех, кто соблазняется. Я сознаю, что слишком растянул свое слово. Но я не знаю, как это случилось, что, когда я коснулся подвигов святого мужа, я был увлечен стремительностью языка, как каким-нибудь потоком быстро несущихся вод. Поэтому, останавливая здесь свое слово, я умоляю любовь вашу постоянно держать его в своей памяти и не переставая размышлять о том, что он был причастен нам по природе и подвержен одинаковым с нами страстям. Занимаясь ремеслом незначительным и непочетным, сшивая кожи и работая в мастерской, он, после того как решил и восхотел отдать себя трудам добродетели и явить достойным восприятия Святого Духа, получил свыше величайшую честь. Да достигнем ее и мы все благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава со Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Слово 31. О смерти

Дух наш, возлюбленные, побуждает нас многое уразуметь и многое знать, но более всего время кончины. Поэтому, Павел, обличая одержимых этим неблагоприятным любопытством, говорит: *«О временах же и сроках нет нужды писать к вам, братия»* (1Фес.5:1) Да и какая, скажи мне, от этого польза? Если мы скажем, что кончина последует после двадцати, тридцати, после ста лет, что для нас в этом? Для каждого из нас собственная его кончина не есть ли предел его жизни? Что же хлопчешь и беспокоишься об общей кончине? Но как в других случаях, оставивши собственные дела, мы заботимся об общих делах, и обо всем печемся более, чем о своем, так и здесь, оставляя каждый попечение о своем конце, мы желаем получить научение об общей кончине. Если вы хотите узнать, почему конец скрыт от нас, и почему он придет, как тать в ночи, я скажу: по моему разумению, это – благо. Никто, если бы знал свой последний конец, не стал бы заботиться о добродетели в течение целой жизни; но, зная последний свой день, всякий умирал бы, совершивши наперед бесчисленные преступления и только тогда уже пришедши к раскаянию. Если и теперь, когда страх перед неизвестностью заставляет содрогаться души всех, они все все-таки во зле проводят всю прежнюю жизнь и только при последних вздохах предаются раскаянию, то стал ли бы кто-нибудь заботиться о добродетели в том случае, когда они имели бы достоверное знание о конце? Затем, если бы каждый знал, что завтра он обязательно умрет, он не имел бы никаких побуждений сдерживаться перед этим днем, но он убивал бы, кого хотел; мстя своим врагам, примирялся бы снова с собою и принимал бы кончину, наперед успокоивши свою душу. Кроме того, и сами доблестные мужи, готовые на все, несмотря на несчастья, не имели бы награды, потому что они были бы мужественны, но не перед лицом смерти: ведь и самый ленивый человек пошел бы в огонь, если бы нашел достоверного поручителя своей безопасности.

Кто думает, что он погибнет от какой-либо опасности, и, напротив, уверен, что останется жив, если не станет рисковать, – если он, решившись на это, примет смерть, – такой человек явит величайшее доказательство своей ревности и презрения к здешней жизни. Исследующий сущее и устремляющийся к надеждам будущего не будет смерть считать за смерть; и, видя умершего, лежащего перед глазами, не будет, подобно толпе, страдать, размышляя о воздаянии. И как земледелец, видя разбрасываемый хлеб, не падает духом и не приходит в печаль, так и праведник, украшенный добродетелями и ежедневно ожидающий Царствия, когда увидит смерть, лежащую перед его глазами, – не тревожится, как толпа, не трепещет и не возмущается, потому что знает, что смерть для живших праведно есть перемена на лучшее, удаление к более превосходному, устремление к воздаянию. Поэтому есть могилы перед городами, могилы перед полями; и повсюду предлагается научение нашему смирению, чтобы мы постоянно помнили о собственной слабости. Как кто-либо, спеша войти в царственный город, украшенный богатством, могуществом и иными достоинствами, прежде чем он увидит то, что он воображает, видит сначала, что есть, так и мы научаемся сначала тому, во что мы обратимся, и только потом научаемся видеть внутренние образы. И не только это, но часто бывает также, что муж, когда хочет взять жену, поступает по закону, пишет обязательство, касающееся приданого, – и тут же, хотя брачный союз еще не заключен, вписывается о смерти. Он еще не жил с женою, но решению смерти против него и против нее он уже наперед подчиняется и пишет следующее: если умрет муж прежде жены; если жена умрет прежде мужа, то будет то-то и то-то. И не только о существующем и о живом принимаются во внимание решения смерти, но также и о том, что еще не явилось на свет. В самом деле, что это значит: если «рожденное» дитя умрет? Еще нет плода, а решение принято. Затем кто-нибудь изучает природу по табличкам; но вот ему пришлось испытать что-нибудь, что случается с человеком, или у него умерла жена, – он забывает, что написал, и начинает выкликать вот эти и другие трагические слова: «Вот что, –

говорит он, – довелось испытать мне! Думал ли я, что это случится со мной, и я лишусь супруги?» Что говоришь ты? Ты был вне несчастий, – и тогда знал пределы природы; а когда впал в несчастье, ты позабыл о ее законах? Итак, когда видишь кого-нибудь из близких уходящим отсюда, не негодуй, приди в себя, исследуй совесть, смотри: немного спустя и тебе предстоит та же участь.

Но умерший, говорят, истлевает, становится прахом и пеплом. Вот именно этому-то следует особенно радоваться. Ведь когда кто-нибудь намеревается перестроить старый, пришедший в ветхость дом, он сначала выселяет живущих в нем и уже потом строит более великолепный. И это не огорчает выселенных, а, напротив, радует, потому что они обращают внимание не на видимое разрушение, но представляют себе в воображении будущее строение, которого еще не видят. Совершенно то же самое и в действиях Божиих: имея разрушить наше тело, Он прежде изводит обитающую в нем душу, как из жилища, чтобы, построивши более великолепное, снова ввести ее в него с большею славой. И Адам при творении не видел, что он взят от земли. Бог сотворил душу не прежде тела, чтобы он не видел творения, а потому не знал и о своем ничтожестве; но когда он восстанет в воскресение, он конечно узнает, что восстает, освобождаясь от праха. Если мертвый и не видит себя, он видел ставшего прахом прежде него и видением научается. Не видел ли ты мужей смелых и гордых, как они в смерти были унижены? Возвещается смерть, и сердце всех трепещет. Вблизи памятников мы философствуем о том, что с нами будет, и пустословим; но едва вышли из гробниц, как уже забыли об унижении. В гробнице каждый обращается к своему соседу с такими восклицаниями: «О, бедствие! О, жалкая жизнь наша! Что будет с нами!». Но что же это – мы издаем восклицания, а продолжаем грабить и злопамятствовать? И каждый рассуждает с таким видом, как будто тотчас же намерен отказаться от всех пороков, но рассуждает только в своих внутренних размышлениях, внешними же делами он противится Богу. Но возвратимся к предмету. Почему, скажи мне, ты плачешь так об умершем? Что

он был дурен? Но тут следует благодарить, потому что пресечены пороки его. Он был щедр и разумен? Но и в этом случае следует благодарить за то, что он скоро взят, и прежде чем зло изменило его разум. Но он был молод? И за это возблагодари и прославь Взавшего. Как призванных к власти многие провожают с молитвами, так и умерших святых, как призванных к большей чести, следует провожать с усиленными молениями. Я, конечно, не хочу сказать, что вы не должны скорбеть по умершим, но не следует делать это неумеренно. Если мы будем думать, что умерший мертв, и что Бог оставил его, мы не получим достаточного утешения. Негодовать на это есть свойство тех, кто ищет от природы того, что выше ее.

Человек рожден и смертен: итак, что же скорбишь о совершившемся сообразно с природой? Ведь ты не скорбишь, что питаешься, принимая пищу? Не стремишься жить без питания? Так и относительно смерти: не ищи бессмертия, родившись смертным. Это однажды определено и узаконено. Но когда Бог призывает и хочет нечто взять от нас, не станем, как неблагодарные рабы, покидать Владычного. Если бы Он взял деньги, честь и славу, тело, самую даже душу, Он взял бы Свое; если бы он взял твоего сына, – не сына твоего, но раба Своего Он взял бы. Если мы сами не принадлежим себе, как может быть нашим то, что есть Его? Если душа не твоя, как могут быть твоими деньги? Если же они не твои, как ты тратишь на недолжное то, что не принадлежит тебе? Не говори, что трачу мое и от моего роскошничая. Не от твоего, но от чужого. Говорю: «от чужого», – ты сам так хочешь, – потому что Богу угодно, чтобы твоим было то, что доверено тебе от имени бедных. Чужое бывает твоим, если ты тратишь это на них; если же ты тратишь на себя, тогда твое становится чужим. Разве ты не видишь, что в нашем теле руки служат, рот растирает пищу, желудок принимает ее? Ведь не говорит же желудок: так как я принял, я должен все удержать? То же самое и глаз: хотя им принимается весь свет, но разве он один удерживает его на этом основании, разве не дает свет и всему телу? И ходят одни ноги, но разве они переставляют только себя? Разве ими не переставляется и все тело? Каждый из тех, кто имеет какое-

либо необходимое дело, если бы он не захотел передать другому от своего искусства что-либо полезное, погубил бы не только других, но также и себя. Если бы бедные стали мстить за вашу порочность, свойственную людям скупым и богатым, они скоро сделали бы вас бедняками, если бы те не захотели поделиться своим с нуждающимися. Но я, говорит, потерял сына своего единственного, воспитанного среди большого богатства, подававшего прекрасные надежды, сына, который должен бы быть моим преемником по наследию. Так что же? Не испускай стонов, но возблагодари Бога, и прославь Отнявшего, – и это будет нисколько не ниже Авраама: как тот отдал сына по повелению Божию, так и ты не сетовал, когда Бог взял его. Если ты, видя твоего сына умершим, возблагодаришь Бога, то получишь награду не меньшую, чем тот, кто привел сына своего и отдал его как жертву. И если ты остановишь рыдания и сетования, и всех станешь побуждать к славословию, ты получишь бесчисленные награды и свыше, и от земли: люди будут удивляться тебе, Ангелы – рукоплескать, Бог – награждать. Но как можно, скажет кто-либо, не плакать о том, от кого я уже не услышу более имя «отец». Что говоришь ты? Разве ты потерял дитя, лишился сына? Нет, ты только приобрел его и крепче овладел им. И имени отца ты не утратил, но получил право на лучшее имя, потому что на будущее время ты получишь имя отца не от смертного сына, но от бессмертного. Хоть сына и нет, ты не думай, что потерял его; но, будто отлучившись в путешествие, он даже по родству не оставил тебя вместе с телом. Он есть не дитя, лежащее перед тобой, но тот, который разлучился и вознесся к небу.

Итак, когда видишь глаза закрытые и уста сомкнутые и тело недвижимое, ты думай не о том, что вот эти уста уже не издают звука, эти глаза не видят, эти ноги не ходят; но думай о том, что уста эти будут говорить лучшее, глаза увидят большее, ноги будут вознесены на облаках, и что тленное это тело облечется в бессмертие, и что ты получишь превосходнейшего сына. Вспомни патриарха Авраама, который не видел Исаака умершим, но, что гораздо тяжелее и мучительнее, получил приказание самому принести его в жертву. Однако он не

противился приказанию, не рыдал и не восклицал чего-нибудь вроде следующего: «Разве для того Ты сделал меня отцом, чтобы стать мне убийцей сына? Лучше было бы совсем не давать его, чем давши, взять его так обратно. Ты хочешь взять? Но для чего приказываешь мне убить его, мне осквернить собственную мою десницу? Не через этого ли сына Ты обещал мне наполнить потомством вселенную? Как Ты дашь плоды, вырывая корень? Кто видел, кто слышал подобное? Я ошибался, обманут!»! Ничего подобного он не говорил, не думал, не противился Повелевшему, не требовал доводов, но услышавши: *«Возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака; и... принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе»* (Быт.22:2), исполнил повеление с такой ревностью, что сделал даже больше, чем было приказано. Он скрыл это от жены и утаил от рабов, оставив их ждать внизу горы. Теперь подумай только, каково ему было разговаривать с сыном наедине, когда никого другого не было, и сердце оттого разгоралось еще сильнее, и любовь делалась пламеннее? Какое слово может достаточно выразить это? Он повел мальчика на гору, связал ему ноги, положил на дрова и поднял нож, готовясь нанести удар. Не знаю, как рассказать это, в каких словах. Знал один он, сделавший это. Никакими словами нельзя выразить это. Как не отнялась у него рука? Как нервы выдержали напряжение? Как не удержал его вид мальчика, исполненного тоски? Было дано здесь увидеть все вместе, – как отец стал священником, как жертва принесена без крови, всесожжение совершилось без огня. Он и заколол сына, и не заколол его; не заколол рукой, но заколол в намерении, чтобы этим научить всех на будущее время тому, что следует чтить повеления Божии выше и детей, и природы, всего сущего и даже выше самой души. Вообрази доблесть человека, когда он получил приказание заколоть сына своего единокровного, данного ему сверх всяких ожиданий, – сколько поднялось в нем размышлений! Но он все подчинил их, все они были перед ним в трепете, более чем копьеносцы перед царем. Одним взглядом он усмирил их, и ни одно из них не осмелилось подать свой голос, но все они были в такой согласии, что

скорее украшали самого Авраама, чем внушали ему страх. Посмотри еще на его твердость. Природа своим оружием клонила его к земле, но он стоял, воздвигнув руку, в ней был не венок, а нож, который лучше всякого венка. Сонмы Ангелов приветствовали его, и Бог объявил с Неба о его торжестве. Может ли быть что-нибудь, равное этому трофею? Если бы, после победы атлета, не вестник снизу, но царь сверху объявил его победителем на Олимпийских играх, разве он не думал бы, что это драгоценнее венков? И разве это не приковало бы внимание всего театра? Когда же не царь-человек, а Сам Бог, и не в театре, а перед вселенной, при сонмах Ангелов и Архангелов, объявляет его победителем, возглашая это свыше громким голосом, – где, скажи мне, поместим такого святого? Если родителям нелегко высказать пренебрежение даже к дурным детям, но они и таких жалеют, то можно ли бояться преувеличений красноречия в таком случае, когда сын был кровный, единственный, возлюбленный, и когда он должен был принять заклание от самого отца? О, блаженная десница, какого она сподобилась меча! О, меч достохвальный, какой десницы он удостоен! О, меч достохвальный, на какое употребление он был приготовлен, и какое служение принял, какому образу послужил, как, обагренный кровью, не был однако обагрен ею! Поистине не знаю, что говорю, так удивительно было зрелище! Он не коснулся шеи отрока и не прошел по гортани святого, не обагрился кровью праведного, но он более, чем коснулся, прошел, обагрился; орошенный кровью не был омочен ею.

Может быть, вы думаете, что я вне себя говорю такие противоречия; правда, я вне себя, когда воображаю удивительное зрелище праведника, но я не высказываю противоречий. Рука праведного вонзила нож в гортань отрока, но рука Божия не допустила ей, готовой нанести удар, оскверниться кровью отрока. Поистине не только Авраам держал нож, но и Сам Бог. Бог в мыслях Авраама побуждал его, но удержал его через слово. Смотри же, Он сказал: «заколи», и Авраам тотчас готовится к ножу; сказал: «не закалай», и он с такой же поспешностью опускает нож. Он почитал за лучшее вовсе не называться отцом, чтобы только явить себя рабом

верным. И так как он отказался от своего ради Бога, то поэтому и Бог, возвращая принадлежащее ему, сверх того оказал ему милость Свою. По мере ревности было также и повеление. Ты не говори того, что он только построил жертвенник и возложил дрова, но вспомни также голос отрока; подумай о том, какой вихрь мыслей захватил его, как они словно огненные копья вонзались и терзали его, в то время, когда он слышал слова отрока: *«отец... где же агнец?»* (Быт.22:7). Если многие, даже теперь, и не будучи родителями, не в силах выдержать это, что же должен был испытать он? Он, который родил и воспитал отрока, получил его в старости, и только его единственного; который видел его, слушал, а вскоре намеревался заколоть? Но во всем этом ничто не поколебало этого адаманта и не сокрушило его. Он не говорил: что ты называешь отцом того, кто немного спустя уже не будет твоим отцом, кто утратит эту честь? Но что он сказал? *«Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой»* (Быт.22:8). Оба называют друг друга природными именами, – тот говорит: *«отец»*, этот – *«сын»*. С обеих сторон начиналась трудная борьба; предстояла великая буря, но нигде не было кораблекрушения. Исаак же, после того как услышал о Боге, ничего не сказал более и не предлагал еще вопросов: так мудро было дитя в таких молодых летах!

Неужели все вы не возгорались духом? Неужели каждый из вас мысленно не обнимает отрока, не любит его, не удивляется его разумению, не отдает должного его чистоте? Даже связанный и положенный на дрова, он не пришел в иступление от ужаса, не пытался спрыгнуть, не поносил отца как безумного, но был связан, вознесен, возложен и все переносил в молчании, как некий агнец, даже более, как общий всем Владыка, Которому он уподобился кротостью и Которого был образом: *«Как овца, веден был Он на заклание, и как агнец предстригущим его безгласен»* (Ис.53:7). Пусть не говорят мне, что Авраам не скорбел и не испытал свойственного родителям чувства; желая изобразить его философом свыше меры, пусть не лишают его венца похвалы. Если мы, увидев неожиданно на площади людей, которых ведут на смерть, приходим в уныние, скорбим, а часто даже плачем, хотя бы люди эти отдавались

порокам и долгое время вели такую жизнь, хотя бы они были незнакомы с нами, и мы никогда не видели их, то как же не испытал скорби, которая тяжелее всякого наказания и страдания, тот, кто получил приказание убить своими руками и принести во всесожжение собственного сына, кровного, единственного, рожденного вопреки ожиданиям, после того как прошло столько времени, в глубокой старости и уже выросшего? Если бы это был камень, железо, сам адамант, – не подался ли бы и он, не был ли бы тронут видом отрока, разумностью его слов, чистотой его души? Он услышал, что *«Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой»* (Быт.22:8), и более не расспрашивал; он видел, как отец связывает его, и не противился; он был возложен на дрова и не соскочил; он видел нож, занесенный над ним, и не пришел в ужас. Что может быть чище этой души? Итак, осмелятся ли еще сказать, что все это не причинило Аврааму никаких страданий? Если бы кто-нибудь намеревался убить своего врага, неприятеля; если бы это был даже зверь, – неужели он сделал бы это без скорби? Нет, нет. Поэтому, прошу тебя и умоляю: если ты потерял сына или дочь, не плачь так непристойно и не терзай себя, но подумай, что Авраам заколол собственного сына и не плакал, не сказал горького слова.

И Иов скорбел, сколько следует скорбеть отцу, любящему детей. Но то, что мы делаем теперь, есть скорее дело недругов и противников. Если бы ты стал скорбеть и плакать в то время, когда кого-нибудь взяли во дворец и там стали венчать на царство, я назвал бы тебя не другом венчанного, но недругом и противником. Но я не знаю, скажешь ты, куда он ушел? Почему же не знаешь, скажи мне? Хорошо ли он жил, или худо, ясно, куда он пойдет. Я потому, скажут, скорблю, что он ушел из жизни грешником. Но и в этом случае следует радоваться тому, что пресечены грехи, и он еще не увеличил их; помогать же ему, насколько помощь возможна, следует не слезами, но молитвами, умилоствлениями, милостынями и приношениями, потому что не напрасно это придумано, и не всуе предстоящий перед алтарем, при совершении страшных Таинств, восклицает: за всех, принявших во Христе успокоение, и за тех, кто творит

память о них, – это совершается по установлению Святого Духа. Ведь, если детей Иова очистила жертва отца, что же удивительного, если умершим будет дано некоторое успокоение, когда мы делаем за них приношения? Итак, не будем безрассудно оплакивать умерших, но будем плакать о тех из них, кто скончался в богатстве и не сумел получить от богатства ничего, облегчающего судьбу души их; о тех, кто имел возможность очиститься от грехов и не захотел воспользоваться этим.

Будем плакать об этих людях, каждый наедине и все вместе, и не один день, не два, а всю нашу жизнь, и поможем им по мере сил. Придумаем помочь им чем-нибудь: хоть немного, но поможем. Как и какими способами? Молясь сами, убеждая других творить молитвы за них, постоянно подавая за них милостыню бедным. Какую цену имеет это дело? Послушай, что говорит Бог: *«Я буду охранять город сей... ради Себя и ради Давида, раба Моего»* (4Цар.19:34). Но если одна память о праведном имеет такое значение, какую же цену будет иметь то, когда ради него будут совершены и дела? Не напрасно узаконили апостолы творить память об умерших при совершении страшных Таинств. Они знали, что умершим будет великая выгода, что они получают от этого много пользы. Когда весь народ стоит, простирая руки, и сонм священников с ними; когда предлежит страшная жертва, – как мы можем не умиловить Бога, молясь за тех людей? Но это мы говорим о тех людях, кто принял смерть в вере; оглашаемые же недостойны воспринять это утешение, они лишены всякой подобной помощи, кроме одного средства помочь им. Какого же? Можно неустанно подавать за них бедным, и это даст им некоторое успокоение. Таким образом не смерть есть зло, но смерть во грехах. Не хотите ли вы, чтобы я сказал любви вашей, откуда в нас страх смерти? Любовь к Царству Небесному не поразила нас, желание будущих наград не возгоралось в нас, – потому что мы презрели бы тогда все настоящее. Тот, кто всегда боится геенны, не будет бояться смерти. Дозвольте мне, братья, благовременно сказать вам: не будьте детьми по уму, но умалите себя во зле. Малые дети

боятся маски, но не боятся огня, и, если их случайно поднесут к зажженному светильнику, они неосторожно протягивают руку к светильнику и к огню: боятся пустой маски и не боятся действительно страшного огня. Хочешь ли я скажу и другую причину, почему мы не боимся смерти? Мы не ведем строгой жизни, в нас нет доброй совести. Если бы это было, ничто нас не испугало бы, ни смерть, ни потери в имуществе, ничто подобное. Дай мне уверенность в том, что я получу Царство Небесное, да тогда заколи меня, если хочешь, хоть сегодня: я буду благодарен тебе за это, потому что ты ускоряешь для меня наслаждение теми благами. Но я боюсь, скажет кто-нибудь, умереть несправедливой смертью? Что говоришь ты, скажи мне? Ты боишься несправедливой смерти, а справедливой хочешь? Но кто же этот несчастный и жалкий человек, что предпочитает справедливую смерть, когда можно умереть несправедливо? Если следует бояться смерти, то, конечно, такой, которая постигает нас по заслугам, потому что принявший несправедливую смерть через это самое вступает в общение со всеми святыми. Большинство из тех, кто угодны Богу, приняли несправедливую кончину, – и первый – Авель. Он не погрешил против Каина, не оскорбил его, но был убит за то, что чтит Бога. Бог же дозволил это – любя его или ненавидя? Очевидно, дозволил потому, что любил и восхотел сотворить ему большую награду за это несправедное убийство. Не видишь ли отсюда, что следует бояться не несправедливой смерти, а того, чтобы умереть в грехах? Авель умер несправедливо, Каин жил, стеная и трепеща. Кто же, скажи мне, блаженнее? Тот, кто получил праведное успокоение, или живущий в грехах? Умерший несправедливо или тот, кто получил праведное наказание? Что, скажи мне, преступнее убийства? Однако, сделавший его некогда мог явить правду. Выслушай, как это случилось. Некогда мадианитяне, желая навлечь на иудеев гнев Божий и надеясь восторжествовать над ними через то, что лишат их благоволения Владыки, нарядили девушек в нарядные одежды и, поставивши в виду войска, обольстили иудеев, введя их в непотребство. Увидевши это, Финеес выхватил меч и поразил двух осквернявших себя, – обоих он

убил при самом грехе их, – убил не потому, что ненавидел умерщвленных, но чтобы не погибли другие. Убийство совершилось, но последовал счастливый конец – спасение всех погибающих: убил двух, а спас неисчислимое множество. И как врачи, отсекая сгнившие члены, спасают все тело, так и он сделал, и это было вменено ему в правду. Итак, не будем безрассудно оплакивать умерших; будем плакать о тех, кто умер во грехах: эти достойны плача, воплей и слез. Какая надежда, скажи мне, остается тому, кто ушел во грехах туда, где нельзя сложить с себя грехи свои? Пока они были здесь, была, может быть, великая надежда, что они покаются и исправятся. Но после того как они сошли в ад, где нельзя приобрести что-нибудь покаянием («*во гробе, – говорится, – кто будет славить Тебя?*» (Пс.6:6)), не достойны ли они слез?

Итак, будем плакать об умирающих так, – я не препятствую. Будем плакать, но не бесчинно, – не рвя на себе волос, не обнажая плеч, не царапая лицо, но с тихой душой источая необильные слезы. Это принесет нам пользу, потому что оплакивающий так умершего сам гораздо лучше позаботится, чтобы с ним не случилось того же самого. И еще – когда ты видишь такую картину: несут по улице мертвого, за ним идут осиротевшие дети, жена-вдова рыдает, слуги плачут, друзья печальны, – тогда вспомни о суетности всего существующего и о том, что оно ничем не разнится от тени и сновидений. Подумай о дворцах великих и славных людей и о том, как теперь они скрыты до основания; вообрази, как эти люди были сильны, а теперь исчезла даже самая память о них. *«Многие из властелинов сидели на земле, тот же, о ком не думали, носил венец»* (Сир.11:5). Тебе недостаточно этого? Подумай тогда о том, что может случиться с тобой еще раньше смерти, в то время, когда ты спишь: не в силах ли тогда убить тебя даже незначительный зверь? Со многими часто случалось, что небольшой зверек, упавший с крыши, повредит глаз или причинит какую-нибудь другую опасность. Поразмысли об этом и не удивляйся блестящей внешности людей, не дивись на самодовольно закинутую голову, на щегольское платье, на коней и слуг. Подумай о том, чем все это кончится. Если ты

дивишься видимому, я покажу тебе в живописи гораздо лучше этого. Но как мы не удивляемся, в то время, когда видим существо того, что изображено в живописи, потому что оно – одна грязь, так и то. И то – тоже грязь, или лучше: оно таково, прежде чем разрушится и превратится в прах. Покажи мне надменного человека, когда он в лихорадке и лишился самообладания, – и тогда я буду разговаривать с тобой и скажу тебе: где теперь те, кто, в сопровождении толпы слуг, тщеславясь, выступали на улице? Где одетые в шелковые одежды, раздушенные благовонными мастями, содержащие приживальщиков, не покидающие театра? Где те роскошные пиры, толпы музыкантов, услужливость льстецов, безмерный смех, покой души, широкие планы, жизнь изнеженная, праздная и роскошная? Все прошло, все исчезло. А что случилось с телом, на которое тратилось столько попечений, о чистоте которого так заботились? Пойди к гробнице, посмотри на прах, на пепел, на червей, на отвратительный вид места: посмотри и рыдай горько. И если бы наказание ограничилось только прахом! Но ты теперь от этого гроба и от этих червей перенесись мыслью к тому бессмертному червю, к скрежету зубовному, к тьме кромешной, к огню неугасимому, к тем страшным невыносимым мукам, к жизни бесконечной. Здесь и блага, и страдания имеют свой конец, – конец весьма близкий, – а там то и другое продолжается на веки вечные, по качеству же они так отличаются от теперешних благ и несчастий, что нельзя и выразить это. А что случилось с многочисленными украшениями? Куда девалась изнеженность, угодливость слуг, обилие имущества и владений? Какой ветер, ворвавшись, все это вымел? Для чего дорогие и ненужные расходы на погребение, – расходы, которые приносят значительный ущерб погребающим и никакой пользы умершему. Когда ты слышишь, что Владыка воскрес из мертвых без одеяния, – оставь ради этого безумные заботы о погребении. Христос, когда говорил: «так как вы видели Меня алчущим и накормили, жаждущим и напоили, нагим и одели», – Он не прибавил: «умершим и погребли». Если же Он даже живым повелевает не иметь ничего больше, кроме покрывала, тем более – умершим. Чем же мы оправдаем себя,

когда тело, которое отдано гниению и червям, украшаем, о Христе же, алчущем, жаждущем, нагом и страннике – не печемся? Но и умерший, лежащий на ложе, говорят, носит на себе знаки своего звания и богатства, когда он одет в блестящую одежду, когда бедные и богатые провожают его, когда народ соблюдает благоговейную тишину. Вот особенно это и достойно осмеяния; да оно вскоре и изобличится, как цвет опадающий. Как только мы переступим порог городских ворот и, предавши тело червям, возвратимся назад, где будет, снова спрашиваю тебя, то многочисленное собрание? Что станет с воплями, с волнением? Где светильники, где хоры женщин? Не сон ли все это? А что те крики? Куда девались многочисленные уста, вопившие и убеждавшие быть мужественными, потому что никто не бессмертен? Не теперь следовало это говорить, когда он не слышит; но в то время, когда он хищничал, когда был корыстолюбив, тогда следовало сказать, немного изменивши: не годится быть бесстрашным – никто не бессмертен. Если бы тебе построили дом там, где ты не имел намерения оставаться, ты счел бы для себя это дело убыточным. Но поистине ты хочешь богатеть там, откуда часто приходится уходить, раньше чем наступит вечер. Воздержись от безумия, укроти пожелание. То же самое следует сказать: «мужайся!» – тому, кто терпит несчастье. Если это и бесполезно для того, кто уже прошел ристалище, – пусть услышат это те, кто болеет такими же недугами, как и он, и кто идет к тому же концу. Так как они, опьяненные деньгами, раньше ни о чем подобном не думают, – то пусть они придут в разум хоть в это время, когда самый вид лежащего подтверждает слова; пусть будут научены, помышляя о том, что немного позднее провожающие и их отведут на тот Страшный Суд и для получения возмездия за то, что они дурно поступали здесь. Итак, чтобы нам не потерпеть одного и того же вместе с теми, – постараемся измениться, насколько это в наших силах, и исправиться, чтобы быть участниками и будущих благ во Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава и держава со Отцом и Животворящим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Слово 32. О мужестве и храбрости.

Трусливой и робкой делает душу отсутствие просвещения, – делает не через природу, но через свободное изволение. Когда я вижу, что человек, когда-то мужественный, стал теперь трусом, я не говорю, что это порок природы, потому что природное – неизменно. Когда затем я вижу, что теперешние трусы вдруг становятся смелыми, я опять прихожу к тому же решению: так и ученики были очень робки, прежде чем были научены тому, что надлежало, и прежде чем удостоились дара Духа; позднее же они стали храбрее львов. И Петр, не выдержавший угроз девушки, был казнен через распятие, терпел бичевание и не молчал, подвергаясь тысяче опасностей. Конечно, не следует уклоняться от борьбы, но не следует и напрашиваться на нее; тогда и для нас победа будет славнее, и для дьявола поражение унизительнее. Итак, мы должны храбро стоять, если вовлечены в борьбу; если же мы не званы, – оставаться в покое и ожидать времени борьбы, чтобы явить вместе и презрение к славе, и храбрость. Быть храбрым безрассудно – часто есть свойство простых людей. Но чтобы пользоваться обстоятельствами для дела, в удобное время, с соответствующей выдержанностью и благоразумием, – на это нужна великая и удивительная душа. Храбр только тот, кто имеет силу внутри себя, – он храбр, хотя бы был повержен на ложе, – также как без этой силы я не сказал бы, что он сильнее девушки и жалкой старухи, хотя бы телесными силами он поднял гору с ее основания. Это потому, что тот борется с бестелесным злом, на что этот не смеет даже взглянуть.

Хочешь ли научиться, что никакая сила не превозможет того, кто огражден высшей помощью, и нет никого слабее, чем тот, кто лишен ее, хотя бы он был окружен тысячами войск? Давид, будучи совсем молодым, и по молодости лет оставшийся в отеческом доме, отправляется своим отцом навестить братьев. Явился он навестить их уже в то время, как война началась – начал ее чужеземец Голиаф – и весь народ вместе с царем трепетал. Между тем Давиду хотелось быть

зрителем, и вот он пошел посмотреть на новое для него и удивительное дело, что один человек стал против нескольких мириад. Он и говорит: *«Кто этот... чужеземец, что так поносит воинство Бога живого?.. Что... будет человеку, который убьет его?»* (1Цар.17:26–27). Саул, узнавши об этом, посылает за юношей, который не знал ничего, кроме пастушеского дела; но, видя его лета, он отнесся к нему с невниманием. Потом, узнавши от него, как он справлялся с медведями, когда они нападали на стадо, Саул захотел вооружить его собственным оружием. Но он, надевши, не мог носить его. Это случилось для того, чтобы в чистоте явилась сила Божия, действующая через него, и чтобы происшедшее не было приписано оружию. Так как ему было неловко в оружии, он снял его и, взявши пастушескую сумку с камнями, с этим пошел на твердыню из плоти. Когда Голиаф увидел, что тот идет на него с одной пастушеской сумкой и камнями, он обратился к нему приблизительно со следующими словами: «Не думаешь ли ты, что ведешь, как когда-то, стадо и гонишь собак? И не потому ли вышел ты на борьбу со мной с таким оружием, как будто хочешь гнать какую собаку? Но вот опыт научит тебя, что не тебе воевать с первым встречным». После этих хвастливых слов, он бросился бегом, подхватив свое тяжелое вооружение и потрясая оружием. Но он начинал борьбу, веря в силу своего оружия; оградивший же себя верою и высшей помощью сначала словами унизил тщеславие чужеземца, сказавши ему: *«Ты идешь против меня... с щитом... и копьем... и думаешь победить собственными силами, а я иду... во имя Господа... Бога»* (1Цар.17:45). После этих слов Давид вынул из пастушеской сумки камень, как будто хотел отогнать собаку, подошедшую к стаду, и, нанеся, при помощи пращи, чужеземцу удар прямо в лоб, повалил его; потом, поспешно подбежав к нему и выхватив у него меч, отсек им у него голову, принес ее к царю и таким образом положил конец войне. Царь получил через него спасение, и весь народ воспрянул духом. И было дано увидеть удивительное и неожиданное дело: вооруженный в полное оружие поражен невооруженным, и опытный в войне – тем, кто не знал ничего, кроме пастушеского

дела. Для чего это и почему? Потому что одного ограждала высшая помощь, сопутствующая ему; другой же, лишенный ее, был предан в руки его.

Конечно, высоко и дивно не допускать пожелания, зарождающегося в нас, но, уклоняясь, погашать его. Но если это нам не по силам, будем хоть бороться и всячески задерживать его. Здесь дело не так обстоит, как у атлетов. У последних, если не повергнешь, ты не одержал победы; здесь же, если тебя не повергли, ты победил и поверг врага. И это понятно. Там сражаются за победу: если один повержен, другой получает награду; здесь не так, но дьявол стремится к нашему порабощению. Поэтому, когда я полагаю конец тому, о чем он старается, я победил. Он направляет свои усилия не к тому, чтобы низвергнуть, а к тому, чтобы низвергнуть вместе с собой. И победа его – не в награде, а в общей гибели. Если бы ты даже часто терпел поражения, ты не уклоняйся из-за этого от борьбы. Не получать ран есть удел тех, кто не борется; те же, кто идет на войну с большим воодушевлением, они получают раны и терпят поражения. Никто, видя солдата, возвращающегося с войны раненым, не стал бы укорять его за это; бесчестно, напротив, бросить оружие и убежать с войны. Пока кто-нибудь стоит с оружием в руках, не найдется человека, настолько несправедливого в военном деле, который бы поставил ему в вину то, что он терпел поражения и на короткое время отступал. Если кто сам не захочет нанести себе обиду, другой не в силах будет сделать это. Ведь вот ни оружие, ни машины внешних врагов часто не в силах бывают взять твердынь городов; предательство же одного или двух человек, живущих внутри, без труда отдает их во власть врага.

Если тебя не предадут внутренние твои мысли, злой дух ничего тебе не сделает, хотя бы употреблял тысячи средств. Что скажем мы о матери Маккавеев, этой благородной женщине? Не женщина ли она была? И не дала ли семь детей своим сонму святых? Не видела ли она, как они мучились? Не терпела ли и сама мучения с каждым отдельно? Когда их подвергали пытке, и она принимала удары, – потому что она была мать. Подумай, как она подготовила их к борьбе, как построила Богу семь

храмов. Стоял тиран и отступил, побежденный одной женщиной. Он осаждал оружием, она победила ревностью; он разжигал плавильную печь, а она еще сильнее воспламеняла свой дух; он готовил войско, а она вручала себя Ангелам. Она видела тирана преисподней и думала о Царе, царствующем свыше; видела преисподние муки и исчисляла горные награды; видела теперешнее мучение и размышляла о будущем бессмертии. А что Исав? Не больше ли он был Иакова? Не перворожденный ли? Не возлюбленный ли сын у отца? Но, предав себя через грех, лишился и первородства, и был принужден служить меньшему. Сказал, говорится, Господь Ревеке через священника: *«Два племени во чреве твоём, и два различных народа произойдут из утробы твоей; один народ сделается сильнее другого, и больший будет служить меньшему»* (Быт.25:23). Посмотри на прорицание, ясно предуказавшее ей все, что совершится. Бьющиеся и играющие во утробе младенцы уже все предсказали с точностью. И, наконец, жена узнала не только то, что она родит детей, но и то, что они распространятся в народы, и меньший будет господином над большим. *«И настало время родить ей: и вот близнецы в утробе ее. Первый вышел красный, весь, как кожа, косматый... Потом вышел брат его, держась рукою своею за пятку Исава; и наречено ему имя Иаков»* (Быт.25:24–26), – так что почти уже от начала Бог указал, что меньший, как сказано, будет владычествовать над большим. Держал, сказано, рукою пятку Исава: это было знамение того, что он превзойдет того, кто кажется сильным. Но уже время обратиться со словом к блаженнейшему Павлу. Я пламенею любовью к этому мужу и потому не устану непрерывно обращаться к нему. Пусть никто не смущается этим моим решением. Если бы мы были кругом обложены варварами, и если бы неприятели устроили нам в строю бесчисленные затруднения; если бы затем полководец варваров, который располагал бы бесчисленными осадными машинами, все у нас привел бы в замешательство, наполнил смущением и великим страхом, угрожал разрушить и предать огню самый город, а нас всех обратить в рабство; если бы он, сам вдруг попавшись в плен к нашему царю, был пленником

приведен в город, – не сбежались ли бы все мы вместе с женами и с детьми на это зрелище?

Вот теперь и у нас война наступила. В то время как иудеи все наполняют смущением и страхом и замышляют многие ухищрения против безопасности Церкви, глава же врагов Павел, более всех старавшийся об этом, проповедовавший и все наполнивший смущением и страхом, и его-то именно Господь наш Иисус Христос, Царь наш, связал и привел пленником, – неужели мы все не выйдем на это зрелище, чтобы видеть его ведомого пленным? И Ангелы на Небе, видя его связанным и ведомым, ликовали, – не потому, что видели его связанным, но потому, что представляли, скольких людей освободит он от оков; не потому, что видели ведомым за руку, но потому, что размышляли о том, скольких он имеет возвести от земли к Небу; не потому, что видели ослепленным, но потому, что думали о тех, кого он имеет извести из мрака. Поэтому, оставивши всех других, я спешу обратиться к Павлу. Павел и любовь к Павлу заставляют нас сделать этот скачок. Есть ли что пламеннее сердца человека, который прошел всю вселенную, претерпел насилие, биение камнями, оковы, – и это все затем, чтобы освободить связанных и привлечь их к себе? И не как борющийся совершал он свои подвиги; но, будто идя к готовой и верной победе, воздвигал он победные памятники, срывая, опустошая, уничтожая до основания укрепления дьявола и все заграждения демонов; он не останавливался, устремляясь вперед от этих к тем и от тех к этим, и, подобно отличному полководцу, каждый день, а лучше сказать, каждый час воздвигал победные памятники. Проникнув в одной одежде во вражеский строй, он взял неприятельские города вместе с людьми. Язык Павла был луком, копьем, стрелами и всем. Он произносил только звук, и слова его, поражая врагов сильнее всякого огня, изгоняли демонов, а людей, потерявших власть над самими собой, возвращали себе. Когда он изгнал злого демона, бесчисленное множество заклинателей сожгли свои магические книги и обратились к истине; и как на войне, после того как башня упала или тиран низвергнут, все, кто был вместе с ним, побросавши оружие, сбегаются к полководцу, так и тогда

было: когда демон был низвержен, все побежденные, побросавши книги, вернее уничтоживши их, устремились к ногам Павла. А он, превращая весь мир как бы в один лагерь, нигде не останавливался, но все делал, словно у него были крылья: то восстанавливал хромого, то воскрешал мертвого, то иного ослеплял, – я говорю о маге. Даже заключенный в темницу, он не успокоился, но и там привел в себя стража, совершив этот прекрасный плен.

Удивляются Давиду за то, что он одним только камнем поразил Голиафа. Но если бы наследовали дела Павла, то увидели бы, что то – ребяческое дело, и что насколько различаются между собой пастух и полководец, столько же разницы между этим и тем, потому что тот уничтожил мысленного Голиафа, и не бросая камня, но одним словом истребил все полчище дьявола. Как лев, ревущий и дышащий огненной пастью, так страшен был для всех и он, когда приходил. Он появлялся постоянно повсюду: приходил к этим, шел к тем, возвращался к этим, уходил снова к другим, – появляясь быстрее ветра и управляя всей вселенной, как одним домом или судном, вытаскивая тонущих, спасая окутанных тьмой, давая приказания морякам, сидя у кормового весла, наблюдая за носом, натягивая канаты, принимаясь за весла, поднимая паруса, смотря на небо, будучи сам всем – и моряком, и кормчим, и заведующим носом корабля, и парусом, и судном, все терпя, чтобы уничтожить зло других. И как атлет, сам борясь, бегая, вступая в бой, или солдат, разбивая стены, сражаясь на суше и на море, – так он участвовал во всех видах борьбы, разжигал ревность и, овладевая единолично вселенной и всех побеждая одним своим словом, сам был для всех неприступен. Не так звуки множества труб, упавши на стены города Иерихона, уничтожили их, как громкий голос Павла сравнял с землей дьявольские укрепления и врагов привлек на свою сторону. Он был спущен через окно со стены, чтобы вознести поверженных на землю. Как солдат, если бы он, воюя с целым миром, попал в самую середину неприятельских войск и нисколько не пострадал, – так Павел, являясь один среди варваров и эллинов, повсюду на суше, повсюду на море,

оставался невредимым. И как искра, попадая в солому и сено, изменяет горючий материал сообразно своей природе, так и он, приходя ко всем, всех привлекал к истине. Что, скажи мне, славнее славой этого мира, чем Нерон, что выше? Что, напротив, незначительнее или непочетнее Павла? Тот был тиран, совершил много блестящих дел, воздвиг множество славных победных памятников, имел повсюду громадное богатство, бесчисленное войско, ему подчинена была большая часть вселенной, в его распоряжении был царственный город, перед ним преклонялся весь синклит; в царских палатах он ходил в блестящей одежде; если нужно было взяться за оружие, являлся в золотом оружии, украшенном драгоценными камнями; если приходилось выходить в мирное время, облачался в пурпур; за ним ходили много телохранителей и много оруженосцев; он считался господином суши и моря, был самодержец, Август, кесарь, царь, у него не было ни в чем недостатка, что составляет славу, но и мудрые, и могущественные, и цари трепетали его и боялись. Кроме того, о нем была еще молва, что он жесток и бесстыден; он хотел быть богом, презирал всех идолов и Самого Бога всех; его почитали как бога. Но противопоставим ему, если будет позволено, Павла. Он был киликиянин, занимался кожевенным делом, был беден, несведущ во внешних науках, знал только по-еврейски, – язык, над которым многие издевались, – жил часто впроголодь и спать ложился голодный; раздетый, он не имел чем накрыться. И не только это, но он был брошен в темницу вместе с разбойниками, чародеями, грабителями могил, убийцами; по приказанию того же Нерона его, как преступника, подвергали бичеванию. Так кто же из них славнее? Не правда ли, что большинство не знает даже имени того, а этого прославляют ежедневно и эллины, и варвары, и скифы, и те, кто живет у самых пределов вселенной? Кто почетнее? Тот, кто побеждает, находясь в оковах, или побеждаемый, облеченный в пурпур? Стоящий внизу и наносящий удары, или сидящий наверху и поражаемый? Повелевающий, но чьих приказаний не слушаются, или тот, кто получает приказания, но не придает им никакого значения? Кто один, но побеждает, или тот, кто с

бесчисленным множеством войск терпит поражения? Если побеждать славнее, чем быть побежденным, то Павел вообще славнее. И не то только удивительно, что он победил, но то, что он победил такого, и имея такой вид. *«Кто изречет могущество Господа»* (Пс.105:2), что Ты не дозволил Павлу быть в неизвестности, что показал вселенной такого мужа? Все Ангелы восхваляли Тебя единодушно, когда Ты сотворил звезды и солнце; но не так, как тогда, когда Ты явил Павла всей вселенной. Земля стала светлее неба, потому что тот – светлее света солнечного. Это солнце сменяется ночью, а тот победил дьявола. Оно, нисходя с высоты, вниз посылает свои лучи; он же, восходя снизу, наполнил светом не только пространство между небом и землей, но едва открыл уста, как даже Ангелов исполнил великой радостью. И если об одном грешнике кающемся бывает радость на небе, – а он в первом же проповедании уловил бесчисленное множество мужей, – то какой радостью наполнил он горние силы? Что говорю я? Достаточно, чтобы Павел начал говорить, как небеса играют и радуются.

Итак, если Павел, украшенный столькими подвигами и являющийся как ангел на земле, каждый день старался сделать приобретение, подвергнуться опасностям за истину, собрать себе духовное богатство и никогда не останавливаться, то какое же оправдание будем иметь мы, не только совсем лишенные славных дел, но и подверженные стольким порокам, из которых даже один, присущий нам, достаточен, чтобы ввергнуть нас в бездну гибели, – мы, которые не прилагаем никаких усилий к тому, чтобы исправить эти пороки и быть причастными делам добродетели? Не одинаковую ли с нами природу имел тот блаженный? Я горю любовью к этому мужу и потому не перестану обращаться к нему. Взирая, как на некоторый образец, на его душу, я размышляю о суете страстей, о превосходстве мужества, о горящей любви к Богу. И я изумляюсь, как один человек, пожелавши, исполнил весь сонм добродетелей; каждый же из нас не хочет выполнить и самой простой из них. Кто избавит нас от неотвратимого наказания, когда Павел, причастный нам по природе, отданный во власть

тех же страстей, бывший в таких затруднительных обстоятельствах и ежедневно, так сказать, мучимый, терзаемый, влачимый всенародно теми, кто враждовал против его проповеди, несмотря на все это, явил такое величие добродетели? А чтобы вы услышали не из наших уст о славных его подвигах и о мужестве, которое он являл ежедневно ради проповедания благочестия, необходимо выслушать собственное его слово: *«А если кто смеет хвалиться чем-либо, то (скажу по неразумию) смею и я»* (2Кор.11:21). Наблюдай душу боголюбивую. Он называет дело не только смелостью, но даже безумием, научая нас, если бы нашлись среди нас кто-либо, сделавшие что-нибудь доброе, не выставляя наши дела без всякой нужды, когда никто не принуждает нас к этому. *«Они Евреи? и я. Израильтяне? и я. Семя Авраамово? и я»* (2Кор.11:22). Не этим ли, говорит он, гордятся они? Пусть же они не думают, что мы уступаем им, потому что и мы участники того же самого. Потом прибавляет: *«Христовы служители? (в безумии говорю:) я больше»* (2Кор.11:23). Посмотри здесь на добродетель души этого блаженного мужа. После того как он назвал происшедшее смелостью и безумием, он, поставленный в необходимость, однако не остановился на том, что сказал; но когда хотел показать, что многим превосходит тех, он, чтобы не подумали, что он говорит из-за самолюбия, снова называет сказанное им безумием, – говоря приблизительно следующее: неужели я не знаю, что делаю дело, которое многим будет неприятно и которое для меня неприлично? Но необходимость, приведшая меня к этому, заставляет меня. Поэтому простите мне, говорит он, что говорю слова безумия. Будем подражать хотя бы тени его мы, которые отягчены таким бременем грехов и часто, даже если сделаем какое-нибудь достойное дело, не храним его в сокровищницах ума, но, гонясь за славой перед людьми, выставляем его напоказ и этим безмерным пустословием лишаем себя воздаяния от Бога. А тот, блаженный, не допустил чего-нибудь подобного, но сказав: *«я больше»*, – потом перечисляет свои подвиги и говорит: *«в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготы. Кроме посторонних*

приключений...» (2Кор.11:23, 27–28). Теперь взгляни еще на другое море искушения, открывающееся для нас. Говоря: «кроме посторонних приключений», он подразумевает, что опущенное, может быть, больше того, что он сказал. Но он и на этом не остановился, а опять указывает нам на возмущение и скопление людей, говоря так: «у меня ежедневно стечение людей, забота о всех церквах» (2Кор.11:28). Вот и еще подвиг, достаточный, если бы даже он был только один, для того, чтобы возвести его на самую вершину добродетели. Попечение, говорит, «о всех церквах»: попечение не об одной и не о двух, и не о трех, но о всех церквах по вселенной, которую проходит солнце, посылая на землю свои лучи. Такое имел попечение и заботу блаженный апостол. Посмотри на широту души! Посмотри на величие мысли! А приведенное сряду затем, так сказать, покрывает все сказанное: «Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?» (2Кор.11:29). Вот какая нежная любовь у этого мужа! Какое бодрствование! Какое попечение! У какой матери терзается так сердце, когда ее сын, больной лихорадкой, лежит на постели, как у того блаженного мужа, который за изнемогающих в каждом месте сам изнемогал еще более, и за соблазняющихся еще более воспламенялся? Посмотри также на выразительность слов. Он не сказал: «кто соблазняется, за кого бы и я не огорчился?», но: «кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?» – говорит он, показывая нам напряженность горя и заявляя, что он словно в огне, горит внутренне за тех, кто соблазняется. Я сознаю, что слишком растянул свое слово. Но я не знаю, как это случилось, что, когда я коснулся подвигов святого мужа, я был увлечен стремительностью языка, как каким-нибудь потоком быстро несущихся вод. Поэтому, останавливая здесь свое слово, я умоляю любовь вашу постоянно держать его в своей памяти и не переставая размышлять о том, что он был причастен нам по природе и подвержен одинаковым с нами страстям. Занимаясь ремеслом незначительным и непочетным, сшивая кожи и работая в мастерской, он, после того как решил и восхотел отдать себя трудам добродетели и явить достойным восприятия

Святого Духа, получил свыше величайшую милость. Да удостоимся и мы все воспринять ее благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава со Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Слово 33. На св. праздник Ваий

За шесть дней до Пасхи пришел Иисус в Вифанию, где был Лазарь, в дом Марии и Марфы. Там приготовили Ему угощение, и Марфа служила, а Лазарь вкушал (Ин.12:1). Это было знамением истинного Воскресения, что спустя много дней Он будет и жить, и вкушать. Отсюда ясно, что в доме Марфы был завтрак: именно друзья и преданные Иисусу принимали Его. Некоторые же говорят, что это происходило в чужом доме. И Мария служила, потому что была ученицей. Но она опять служила более духовным служением и не прислуживала Ему, как званому; она не несет обыкновенного служения, но оказывает Ему единственную честь, – относится к Нему не как к человеку, а как к Богу. Поэтому, она возлила миро и отерла власами головы своей. Это показывало, что она не держится о Нем такого мнения, какого – большинство. Но Иуда стал укорять, и под благовидным предлогом. Что же Христос? *«Оставьте ее; она сберегла это на день погребения Моего»* (Ин.12:7). Почему же Он не обличил ученика за женщину? Почему не сказал того, что сказал евангелист, что он укорил женщину потому, что был вор (Ин.12:6). Он хотел обратить его Своим долготерпением. Вследствие того, что Он знал, что он – предатель, Он прежде обличал его, часто говоря: «не все веруют», и: *«один из вас диавол»* (Ин.6:65, 70). Он показал этим, что Он знал о нем, что он – предатель; не обличил же его, но снизошел, желая, чтобы он оставил свое намерение. Как же другой говорит, что все ученики сказали это? И все, и он, – но остальные по другому побуждению. Если же кто стал бы допытываться, почему Он вору поручил кассу бедных и сребролюбца поставил распорядителем, то мы ответили бы, что Иисус знал тайную причину. Если же и нам следует сказать что-либо, доискиваясь причины, то мы сказали бы: для того, чтобы лишить Иуду всякого оправдания. Он уже не мог сказать, что сделал это по любви к деньгам, – потому что имел достаточно средств удовлетворить своей страсти, пользуясь кассой, – но по своей великой порочности, и если бы он захотел от нее

отказаться, он не предал бы своего Благодетеля. Христос же, по Своему великому снисхождению, долготерпеливо переносил его. Поэтому, Он не обличил его в том, что он вор, хотя и знал это, сдерживая его порочную страсть таким образом, что отнимал у него всякое оправдание. Поэтому, Он и говорит: *«Оставьте ее; она сберегла это на день погребения Моего»*.

Говоря о погребении, Он еще раз напомнил о нем предателю. Но обличение не достигло до него, и слово не смягчило его, хотя было достаточно, чтобы вызвать в нем вопли. Он как бы говорил: Я тягостен и неприятен, но вот еще немного, и Я уйду. Именно это Он имел в виду, когда говорил: *«Меня не всегда имеете»* (Ин.12:8). Но ничто не тронуло дикого и безумного человека, – хотя Он сказал и сделал гораздо больше, омыл его ноги в ту же самую ночь и разделил с ним трапезу. *«Многие из Иудеев узнали, что Он там, и пришли не только для Иисуса, но чтобы видеть и Лазаря, которого Он воскресил из мертвых»* (Ин.12:9). Видя чудо, многие там уверовали. Старейшины же, не удовлетворенные собственным злом, решили убить также и Лазаря. *«Первосвященники же положили убить и Лазаря, потому что ради него многие из Иудеев приходили и веровали в Иисуса»* (Ин.12:10–11). Пусть так, – Христа они решили взять за то, что Он разрушал субботу, что делал Себя равным Отцу, и из-за римлян, – как они говорили, – чтобы они не взяли и места их, и народа. Но за какую вину они решили взять Лазаря? Вот разве он тем виноват, что получил благодеяние. Видишь ли, как был кровожаден их замысел? Он сотворил много чудес, но ничто не привело их в такую ярость, – ни расслабленный, ни слепой. Это чудо было и по природе своей самое удивительное, и случилось оно после уже многих чудес; и было странно видеть, как мертвый четверодневный ходит и говорит. О, безумие архиереев! Их делом в этот их праздник было то, чтобы замешать в убийстве всенародное собрание. В других случаях они надеялись поставить Ему в вину нарушение субботы и этим отвлечь от Него народ. Здесь же, так как у них не было никаких оснований для клеветы, они обращают свой замысел против того, кто пользовался Его попечением. Здесь они не могли сказать:

противится Отцу, – потому что им заграждала уста молитва. Итак, вследствие того, что и обвинить Его было не в чем, и чудо было изумительное, они задумывают убийство. Таким образом и со слепым они сделали бы то же самое, если бы не могли поставить в вину субботу. Но он был незначителен, и они изгнали его из храма. Тот же был человек, пользующийся влиянием: это ясно из того, что многие пришли утешать сестер. Чудо произошло в виду всех и всех повергло в изумление: поэтому, все шли, чтобы видеть это. А они были уязвлены, что, при наступлении праздника, все, забывши о нем, стремились в Вифанию. Они решили убить его, и им не пришло даже в голову, что они затевают дурное дело, – так они были злы! Между тем закон начинается с того, что говорят: «не убивай» (Исх.20:13). И пророк укоряет их за это, говоря: «руки... их полны крови» (Ис.1:15).

«На другой день множество народа, пришедшего на праздник, услышав, что Иисус идет в Иерусалим, взяли пальмовые ветви, вышли навстречу Ему и восклицали: осанна! благословен грядущий во имя Господне, Царь Израилев» (Ин.12:12–13)! Но как же Он снова с дерзновением входит в город, после того как Он не появлялся в Иудее и уходил в пустыню? Укротивши же ярость Своим удалением, Он приходит к ним, когда они уже успокоились. Впрочем, толпы, идущей впереди Его и следующей за Ним, было достаточно для того, чтобы вызвать в них тревогу. Ни одно чудо не производило на народ такого впечатления, как чудо с Лазарем. «Постилали одежды свои» под ноги Его, говорит другой евангелист (Лк.19:36), «и... весь город пришел в движение» (Мф. 21:10), – с такою честью входил Он. «Иисус же, найдя молодого осла, сел на него, как написано: Не бойся, дочь Сионова! се, Царь твой грядет, сидя на молодом осле» (Ин.12:14–15). Сделал же Он это, исполняя одно пророчество и предызображая другое: это было именно началом одного и завершением другого пророчества. В словах: «не бойся, дочь Сионова, радуйся, потому что Царь твой грядет к тебе кроткий», – исполняется пророчество. То же, что Он воссел на осла, – это значит, что Он предугазывал будущее событие, что нечистый народ языков

покорится Ему. Как же евангелисты говорят, что послал учеников и сказал: «отвяжите ослицу и осленка», а этот (евангелист) не говорит ничего такого, но что *«найдя молодого осла, сел на него»* (Ин.12:14)? Потому что, может быть, было то и другое. После того как отвязали осла, (Господь), когда пришли ученики и нашли осленка, воссел на последнего. Пальмовые же и масличные ветви постилали для того, чтобы показать, что они воздают Ему большую славу, чем пророку, и говорили: *«осанна! благословен грядущий во имя Господне!»* (Ин.12:13). Видишь ли, что архиереев и книжников всего более смутило то, что все были убеждены, что Он не противник Богу? И народ разделяло всего более то, что Он говорил о Себе, что пришел от Отца. А эти слова: «не бойся, радуйся сильно, дочь Сионова!» – пророк говорит потому, что все их цари обыкновенно были несправедливы, корыстолюбивы, предавали их врагам, развращали народ, делали его виновным перед неприятелями. Мужайся! – говорит. Этот не таков, но кроткий и достойный. Это изображается ослицей: он вошел, ведя с собой не войско, но имея всего одного осла.

«Ученики Его, – говорит, – сперва не поняли... того, что так было написано о Нем, но они сделали это Ему» (Ин.12:16). Видишь ли, что они сделали, не зная значительнейшего? Но когда Он воскрес из мертвых, тогда они вспомнили, что это было написано о Нем, и что они это сделали Ему, а Он не открыл им. То же и когда Иисус сказал: *«разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его»* (Ин.2:19), – ученики не поняли этого. Другой евангелист говорит, что это слово было сокровенно от них, и что они не знали, что Ему надлежит восстать из мертвых. Но это справедливо было скрыто от них. Поэтому, другой евангелист говорит, что, слушая каждый день о страданиях, они огорчались и были в печали: это оттого, что они не знали смысла Воскресения. Это справедливо было скрыто от них, – потому что было больше, чем они могли вместить, – но то, что касается ослицы, почему это не было им открыто? Потому что и это было велико. Посмотри на мудрость евангелиста, как он не стыдится исповедать прежнее их незнание: что было написано, – это они знали; но что было

написано о Нем, – не знали, и они были бы в смущении, если бы узнали, что Царь должен так пострадать. Во всяком случае они не скоро вместили знание Царства, о котором говорилось, – другой евангелист именно говорит, что они думали, что речь идет об этом царстве.

«Народ, бывший с Ним прежде, свидетельствовал, что Он вызвал из гроба Лазаря и воскресил его из мертвых» (Ин.12:17). Весь народ потому встретил Его, что слышал, что Он сотворил это чудо. Столько народа не обратилось бы вдруг, если бы не поверили чуду. *«Фарисеи же говорили между собою: видите ли, что не успеваете ничего? весь мир идет за Ним» (Ин.12:19).* Мне кажется, эти слова принадлежали тем, кто мыслил о Нем здраво, но не смел исповедать это вслух. И Павел, рассуждая о Воскресении, употребил тот же прием. Итак, какое же имеют оправдание те, кто не верит в Воскресение? Поэтому, возлюбленные, чтобы нам не задерживать вас напрасно, и чтобы слово наше не показалось лабиринтом, оставивши это, мы скажем следующее: внимайте Священным Писаниям и не спорьте бесполезно на погибель слушающих. Это и Павел заповедал Тимофею, хотя он, конечно, исполнен был великой мудрости и имел силу знамений. Послушаем же его и мы и, оставив празднословие, запасемся делами, – я говорю о братолюбии и благотворении, – усвоим великий смысл милостыни, чтобы сделаться нам причастниками возвещенных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым слава Отцу со Святым Духом, во веки веков. Аминь.

Слово 34. На св. Рождество Христово.

Наступил всех праздников праздник и наполнил радостью вселенную. Праздник увенчания всех добродетелей, источник и корень всех благ наших; праздник, которым Небо отверсто, Дух ниспослан, средостение уничтожено, преграды пали, расстоящее соединилось, мрак рассеялся, свет воссиял, Небо приняло природу, происшедшую из земли, земля – Почивающего на Херувимах, рабы стали свободными, враги – чадами, иноплеменники – наследниками. Через него уничтожена продолжительная вражда и долгая война, и наступил мир, давно ожидаемый Ангелами и праведными людьми. И Павел восклицал, говоря: *«Он есть мир наш, соделавший из обоих одно и разрушивший стоявшую посреди преграду, упразднив вражду Плотию Своею»* (Еф.2:14). Через него воздвигнуто знамение Креста блестящее и славное, добыча Христова, начаток природы нашей, доспехи Царя нашего. Есть ли что-нибудь равное этому празднику? Бог на земле, человек на Небе, Ангелы сослужат людям, люди в общении с Ангелами и прочими горними силами; демоны убегают, смерть уничтожена, Рай отверст, клятва снята, грех исчез, заблуждения изгнаны, истина снизошла. Природа, от которой Херувимы оберегали Рай, соединилась сегодня с Богом. Слыша это, оставь уныние. Выше всякой надежды и ожидания то, что Бог стал человеком. Если это совершилось, то и все последует затем с разумной последовательностью. Он не унизил бы Себя так безрассудно и так напрасно, если бы не имел возвысить нас. Он родился по плоти, чтобы тебя возродить по духу; родился от Жены, чтобы ты перестал быть сыном женщины; попустил, что отец Его стал рабом, чтобы тебе, рабу, сделать Отцом Владыку. Итак, возрадуемся и возвеселимся, с радостью вспоминая наши блага. Если патриарх Авраам рад был видеть день Господень, и видел, и возрадовался, – тем более нам, когда мы видим Бога в пеленах – это страшное и изумительное зрелище – следует радоваться и веселиться, удивляться и приходить в изумление от величия такого благодеяния. Но как же случилось это

удивительное и великое дело? Как мы, погрешившие, явившиеся недостойными земли, лишившиеся власти долу, вознесены на такую высоту? Как война прекращена? Как гнев уничтожен? Как? Всего удивительнее и изумительнее то, что мир наступил не тогда, когда обратились за помощью мы, погрешившие, не тогда, когда враги и неприятели низвергнуты, но когда призвал нас Тот, Чей праведный гнев мы заслужили. *«По Христе убо молим, яко Богу молящу нами» («от имени Христова просим: примиритесь с Богом»)* (2Кор.5:20). Что это? Его оскорбили, и Он же молит. Да, говорит, Он Благ и потому молит. И мы попытаемся, если позволите, ведя далее речь, показать, что, в то время как человек не совершил никакого подвига, Он единственно по Своей благодати дарует нам настоящие и будущие блага.

Но слушайте внимательно. Прежде чем появились Ангелы и прочие Небесные Силы, существовал Бог, Безначальный и от века Вседовольный, – потому что это есть свойство Божественного. Он сотворил Ангелов, Архангелов и прочие бестелесные существа, – сотворил, не по чему другому, но единственно по Своей благодати. Он не нуждался в их служении, и не был бы их Творцом, если бы не был Благ. После сотворения их, Он творит и человека, опять по той же причине, и весь этот мир. И наполнив его тысячами благ, Он поставил незначительного и ничтожного распорядителем стольких дел, явив его на земле тем, чем Сам Он является на Небе. Сотворивши же его и окруживши такой честью, Он отдал в его распоряжение, как дворец отдают царю, лучшее из всего, что было на земле, – Рай. И не только этим почтил Он его, но ему одному из всех даровал слово, удостоил знания о Себе, дал возможность наслаждаться, – насколько он мог вместить, – беседой с Собой, обещал даровать бессмертие, исполнил его многой мудрости, дал ему духовный дар, чтобы он мог нечто и пророчествовать. Что же случилось после стольких и таких благ? Дьяволу он поверил больше, чем Даровавшему ему все это, и, презрев заповедь Давшего ее, предпочел ей обман того, кто всячески хотел его погубить. Итак, уничтожил ли его Бог, – что согласно было с правдой, – после того как он от начала,

можно сказать, с первого шага, показал такую неблагодарность? Нисколько. Он заботится о павшем больше, чем прежде. Вслед за тем, когда род человеческий стал развращаться, так что была опасность, что он исчезнет с лица земли, те, кто оскорблял его, пользовались однако таким попечением, что Господь оправдывал Себя перед рабом, разговаривал с ним, как с другом одинаковой чести, и указывал, по какой причине совершится гибель. Потом Он даровал закон в помощь, посылал пророков, чтобы они указывали, что нужно делать. Напоследок Он послал Сына Своего Единородного, рожденного от Жены, ставшего под законом, чтобы искупить находившихся под законом, чтобы мы приняли сыноположение. Поэтому, пророк, удивляясь великому попечению Его о вселенной, восклицает громким голосом во всеуслышание, говоря: *«Он явился на земле и обращался между людьми»* (Вар.3:38). Поистине изумительно слышать, что Бог, Неизреченный и Несказанный, Необъятный и равный Отцу, подлинный Сын Безначального Бога, прошел через девическую утробу и благоизволил родиться от Жены. Он не перестанет до тех пор все делать и устроить, пока не приведет нас к Нему, к Богу, и пока из врагов не сделает друзьями. Как если бы кто-нибудь, в то время как двое борются друг с другом, ставши посередине, распростерши обе свои руки и взявши руки борющихся, соединил их, так и Он сделал, соединив Божескую природу с человеческой, Свое – с нашим.

Обрати внимание на преизбыток благодати: оскорбленный, Он Сам же молит, как было сказано, и устраивает примирение. Посмотри затем, как он низверг тирана: царь, например, снявши пурпур и диадему, часто надевает платье солдата, чтобы не привлечь к себе неприятелей, после того как они распознают его; здесь же случилось обратное, – Христос пришел в нашей одежде, чтобы, после того как Он будет узнан, не заставить врага убежать от столкновения с Ним, и чтобы не смутить всех Своих, – потому что Он хотел спасти, а не привести в ужас. Но почему же, скажут, примирение совершилось не при посредстве одной из бестелесных сил или простого человека, но через умаление Слова? Потому что, если бы мы приняли общее

спасение человеческого рода через какого-нибудь другого праведника, мы не узнали бы всего величия Его Промышления о нас; дело, удивительное на все века, ниспало бы в разряд дел незначительных, не заключающих в себе ничего поистине удивительного. Когда тварь соединяется с тварью и участвует в общем рабском положении, – в этом нет ничего таинственного, и не дает это повода для изумления. А кроме того, как человек мог совершить дело Бога и Божественное? Если бы что-нибудь и случилось, – что бы ни было, – то скорее падение, и человек легче или стал бы самым собой, или даже сделался бы хуже. Если иудеи Моисея, на которого они часто роптали, говоря, что принесенное им спасение хуже страданий в Египте, если они, после его смерти, хотели провозгласить богом, – что и было, как говорят некоторые, причиной, что его гроб остается доныне скрытым от глаз иудеев и неизвестным, – то не провозгласили ли бы они богом того, кто освободил их от худших насилий, не провозгласили ли бы даже в том случае, если бы знали его природу? Но очевидно, что это было бы не уничтожением греха, а более тяжким и более неисправимым грехом. Потом можно указать и другую причину, почему, если бы для спасения нас от греха был избран Ангел или простой человек, мы не только не получили бы спасения, но род человеческий лишился бы прекраснейшей и драгоценнейшей, несказанной славы. Что же это за причина? Мы не могли бы быть даже вблизи того, чем мы наслаждаемся и чему приобщаемся, с того времени как воплотилось Слово. Если бы человеческая природа или ангельская приняла на себя Промышление о нас, как могло бы быть даровано человеческому роду стать одесную Отца, быть превыше всех хоров ангельских и архангельских и наслаждаться такой честью и славой, что и они, горние силы, стоящие в близости Бога, желают проникнуть в нашу славу, которой мы наслаждаемся ради того смешения, и находят нашу участь выше всякого желания? И если бы род наш лишился этой блаженной доли, если бы, именно, (при человеческом или ангельском соединении) он не принял славы, которой теперь просветлен, если бы мы не достигли такой силы, могущества и такого превосходства чести, – то на что бы не отважился против

нас враг наш? Какие бы средства не употребил он, питая надежды снова покорить себе, посредством их, человеческий род, подчинив его своей изначальной власти? Над кем бы он не пытался взять силу? Не показал ли бы он дерзость больше прежней, так что не счел бы дерзостью питать злые замыслы против самого Неба? По этой и по другим подобным причинам Слово Божие, Сын и Истинный Бог, а не кто-нибудь другой, принявши нашу плоть, совершил общее спасение человеческого рода. Пусть никто не обвиняет нас в том, что мы говорим недостойное Бога, – говорим именно, что Бог, устроив Себе живой храм в девической утробе для спасения всего мира, через него внес в нашу жизнь небесное устройство. Какой в самом деле был бы урон Богу от такого домоправления? Не видишь ли ты того, что солнце, ощущаемое нашим телом, тленное, изменяющееся, – хотя бы с этим несогласны были эллины, – приобщаясь к нечистоте и многому другому подобному, не принимает однако ж в себя даже незначительной порчи и, напротив, уничтожает упавшим лучом зловоние? Но неужели же ты не допустишь, что Единородный Сын Божий может произвести в нашей плоти нечто равное, так чтобы не только не быть загрязненным ею, но сделать ее даже чище и святее? Ты не трепещешь, осмеливаясь заключать существо Божие в деревьях, камнях и даже в том, что малоценнее этого. Как же ты обвиняешь нас, и говоришь, что Богу неприлично обитать в чистом и нескверном теле, через него спасая вселенную? Если вочеловечение, как ты говоришь, позорно для Бога, тогда гораздо позорнее для Него быть в камне и дереве, насколько камень и дерево ничтожнее человека. Или, быть может, род человеческий представляется тебе ничтожнее этой чувственной материи?

Но мы оставим слово об этом на другое время, а теперь нам необходимо вести речь о сказанном в Евангелии: *«Рождество Иисуса Христа было так»* (Мф.1:18). О каком рождестве говоришь ты? Очевидно о плотском. О безначальном рождении никто не знает, даже Сам Единородный Сын Божий, сущий в лоне Отца. Как же совершилось рождество Христово по плоти? *«По обручении Матери Его Марии с Иосифом, прежде*

нежели сочетались они, оказалось, что Она имеет во чреве от Духа Святаго» (Мф.1:18). Нужно заметить, что он не сказал: «обрученной бо бывши Деве», но просто: «*по обручении Матери Его*». А это он сделал, чтобы легче могло быть принято слово, и чтобы не привести в крайнее изумление дальнейшей речью – что «*прежде нежели сочетались они, оказалось, что Она имеет во чреве от Духа Святаго*». Но почему же Она не зачала и не понесла во чреве прежде замужества? Чтобы совершившееся все было в тайне, и чтобы дурная слава не коснулась Девы. Так как обрученный должен был бы Ее ревновать, а между тем он не только не торжествовал над Нею после зачатия, но принял и служил Ей, то это должно всех убедить в том, что он удержал Ее и стал служить Ей, после того как убедился, что случившееся произошло по действию Святого Духа. Здесь (евангелист) говорит, обозначая только то, что обыкновенно говорят в странных случаях: «*имеет во чреве от Духа Святаго*». И ты, услышав, что «*от Духа Святаго*», не расследывай ни о чем другом, например: «Как Беспредельный – и во чреве? Всесодержащий – и зачинается женой? Как Дева рождает и остается Девой? Как Дух Святой приготовил этот храм?» и т.п. Сила Всевышнего осенила Деву, и Сын Бога стал рожденным: «*Иосиф же муж Ее, будучи праведен и не желая огласить Ее, хотел тайно отпустить Ее*» (Мф.1:19). Такой был удивительный человек, что не только не наказал Ее, но даже и не сказал никому, в том числе и Самой подозреваемой, а размышлял только сам с собой о том, чтобы не выгонять Ее, но отпустить. И вот, когда он находился в смущении от подобных размышлений, предстал перед ним Ангел, чтобы разрешить затруднения в его размышлениях. Что он был в смущении, это видно из его планов: «*хотел, – говорит, – тайно отпустить Ее*». Если бы он был убежден, что зачатие произошло от незаконного семени, он отпустить Ее восхотел бы ни тайно, и никак вообще, но предал бы Ее закону и для наказания, именно потому, что был праведен. Но он не был в этом убежден. А с другой стороны он не был убежден и в том, что зачатие есть следствие Божественного действия, – потому что это выше человеческого разума. Итак, он колебался в

своих мыслях. И вот в это время, когда он был в смущении от своих размышлений, к нему явился Ангел и говорит: *«Не бойся принять Марию, жену твою, ибо родившееся в Ней есть от Духа Святаго»* (Мф.1:20). Говоря: «не бойся... удержать жену при себе», – слово «принять» значит именно это, а не «отпустить Ее», как у него было предположено, – говоря это, Ангел показал, что он боялся и трепетал, как бы не оскорбить Бога. Она, говорит, не только свободна от противозаконного соития, но зачала силою, высшей природы. Это именно означает то, что он прибавил, говоря: *«Родившееся в Ней есть от Духа Святаго; родит же Сына, и наречешь Ему имя Иисус»* (Мф.1:20–21). Не думай, говорит, что, из-за того, что я сказал, что «*есть от Духа Святаго*», ты – вне служения домостроительства; я тебе даю власть дать имя Рождаемому. Хотя ты и ничем не содействовал Его рождению, ты однако дашь Ему имя. Если Он и не твой сын, ты все-таки покажешь на Нем свои отцовские права и через назначение имени станешь близким рождаемому. Он не сказал: «родит тебе Сына», но – «*родит*», – потому что не ему Она родила, но всему миру. Поэтому он и прибавил: *«ибо Он спасет людей Своих от грехов их»* (Мф.1:21).

Говоря: «*людей Своих*», он понимает не одних иудеев, но и язычников. Его народ – все, принимающие познание о Нем. Рождаемый показывает Себя Сыном Божиим еще и в том, что отпускает грехи, потому что отпускать грехи не может быть свойством иной силы, кроме как Божественного существа. *«А все сие произошло, да сбудется реченное Господом через пророка, который говорит: се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил, что значит: с нами Бог»* (Мф.1:22–23). Хотел бы я, чтобы здесь были все иудеи и эллины, чтобы, взявши от иудеев эту книгу, прочитать им пророчество. Вы знаете, конечно, что и в судилищах, и повсюду свидетельство бывает совершенно, вне подозрений, если исходит от врагов. Без сомнения, они не могут сказать, что это измышлено нами, – не нами, но людьми, которые пригвоздили Христа ко кресту, и которые передали нам книги, говорящие о Его домостроительстве. Впрочем, есть ли они или

их нет, мы сделаем свое дело и приступим к истолкованиям. Но, если позволите, возьмем пророчество немного выше, чтобы вы могли видеть сказанное в связи. *«И продолжал, – говорится, – Господь говорить к Ахазу, и сказал: проси себе знамения у Господа Бога твоего: проси или в глубине, или на высоте. И сказал Ахаз: не буду просить и не буду искушать Господа. Тогда сказал Исаия: слушайте же, дом... Израилев: разве мало для вас затруднять людей, что вы хотите затруднять и Бога моего? Итак Сам Господь даст вам знамение: се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил»* (Ис.7:10–14). Когда пророк сказал: «проси себе знамения», он, лицемерно изображая из себя вполне верующего, сказал: *«не буду просить и не буду искушать Господа»*. Посмотри, с какой великой силой пророк наносит удар, справедливо, после обличения лицемерия, усиливая обвинение. Поэтому, он не устаивает его и ответа, но обращается к народу, говоря: *«Слушайте же, дом Давидов! разве мало для вас затруднять людей, что вы хотите затруднять и Бога моего?»*. Сказанное темно, нужно поэтому с точностью разъяснить изречение. То, что он говорит, значит следующее: «Разве это мои слова? Разве мое изречение?». Если же не верить людям без всяких оснований есть тяжкое преступление, тем более преступно не верить Богу. «Затруднять» значит не что иное, как – не верить. Разве, говорит, это – малая вина? Разве это незначительное преступление – не верить людям? Если же это преступно, тем более преступно – не верить Богу. Он сказал это, чтобы все узнали, что пророк не обманут и что его не обольстили сказанные слова, но что он высказывает свое решение на мысль Ахаза. После того, как он с великой кротостью переговорил с ним, избавил его от бедствия, приказал быть спокойным за настоящее, дал доказательства этого, раскрывши намерения неприятелей, открывши предательство, предсказавши плен полный и решительный и указавши время, – он не удовольствовался этим, но идет дальше и не ждет, пока тот потребует знамения, но обращается к нему, хотя он даже не желает этого по чрезмерной гордости. И не просто обращается,

но предоставляет ему выбор; он не говорит: «вот такое и такое знамение», но – «если хочешь».

Богат Владыка, всесильно Его могущество, Его существо неизреченно: если хочешь знамения с неба, – ничто не мешает; если хочешь – от земли, и тогда нет никаких затруднений. Вот что значат слова: *«или в глубине, или на высоте»*. Так как он не привлек его этими словами, и так как в то же время сам пророк не молчал, но обличил его в последующей речи, – а это для исправления слушающего и для того, чтобы показать, что он не обманут, не обольщен, – то он открывает таинственное пророчество, имеющее послужить к спасению мира, к исправлению всего. И он говорит, что знамение дается не Ахазу, но всему народу иудейскому. Сначала пророк обращал свое слово к Ахазу, но так как он явил себя недостойным, то он говорит всему народу. Поэтому, *«даст...»*, – говорит, – не тебе, но *вам знамение*. *«Вам»* – кому? Дому Давидову. Затем следует знамение. Что же это за знамение? *«Се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил»*. Нужно заметить, что я сказал раньше, что знамение дается не Ахазу, и что это – не догадка, но сам пророк обвиняет и обличает, говоря: *«разве мало для вас затруднять людей?»*. И прибавляет: *«Итак Сам Господь даст вам знамение: се, Дева во чреве приимет»*. Если бы иудеи сказали, что пророк не говорил: «Дева», но – «молодая женщина» (νεανίς), то и тогда победа за нами: Писание обыкновенно прилагает имя молодой женщины (νεανίς) к девушке, как написано в псалмах: *«юноши и девицы, старцы и отроки да хвалят имя Господа»* (Пс.148:12–13). И Моисей говорит о девушке, которая сделалась предметом посягательства: *«отроковица обрученная кричала»* (Втор.22:27), то есть девушка. Да совсем не было бы и знамения, если бы Она не была Девой, потому что знамение должно выходить за пределы обыкновенного порядка вещей, быть выше обычного в природе, казаться странным и неожиданным, так чтобы каждый из тех, кто слышит и видит, видел в этом знамение. Потому и говорится: «знамение», что оно – замечательно. Но оно не может быть замечательным, если будет теряться среди других событий. Итак, если бы речь шла о женщине, рождающей по

закону природы, то почему же он называет знамением то, что бывает каждый день? Поэтому и в начале он не сказал просто: «се, Дева» (ἰδοὺ παρθένος), но, прибавив член (ἰδοὺ ἡ παρθένος), намекает на то, что Она – Замечательная и Единственная Дева. Что именно это выражается прибавкой члена, можно видеть и из Евангелий. Когда иудеи послали к Иоанну спросить: «кто ты?» – они не сказали: «Христос (Χριστός) ли ты?», но: «ты ли Христос» (ὁ Χριστός); не сказали: «пророк (προφήτης) ли ты?», но: «ты ли пророк (ὁ προφήτης)?» (Ин.1:19, 21).

Каждый из этих вопросов имеет свой оттенок. Поэтому и Иоанн, начиная Евангелие, не сказал: «в начале было Слово» (Λόγος – без члена), но: «в начале было Слово» (ὁ Λόγος, с членом), «и Слово было у Бога» (Ин.1:1). Так и здесь пророк не сказал: «се, дева», без члена, но: «се, Дева» (ἰδοὺ ἡ παρθένος), с членом. Это «се» прилично достоинству пророка. Оно значит, что он видит и представляет совершающееся и имеет великую уверенность в том, что говорит. Его глаза видят невидимое яснее, чем наши глаза. Чувства могут заблуждаться, благодать же Духа дает достоверное решение. Почему же, скажут, он не прибавил, что это будет от Духа? Сказанное было пророчеством и должно было возвестить то, о чем он часто говорил прикровенно, по причине безрассудства слушающих, – чтобы они не сожгли и самых книг, когда ясно узнают об этом. Если они не щадили пророков, тем более не стали бы стесняться с Писаниями. А что сказанное – не догадка, это видно из того, что другой царь при Иеремии, взявши эти самые книги, изрезал их и предал огню. Видишь ли безумие невыносимое? Видишь ли гнев бессмысленный? Ему недостаточно было испортить книги, но он сжег их, желая удовлетворить своей неразумной страсти. А между тем, удивительный пророк, говоря прикровенно, сказал однако же все. От кого, как не от Духа Святого, может зачать Дева, пока Она остается Девою? Никто другой, кроме Устроителя природы, не в состоянии препобедить закон природы. Поэтому, говоря: «родит Дева», он объявил все. Говоря о рождении, он называет и имя Рождаемого и говорит: «и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил». А как же,

скажут, Ему было дано имя не Еммануил, как говорил пророк, но Иисус Христос? Но он не сказал: наречешь, но – «*нарекут*» народы, то есть, это – уже исход событий. Подобно тому как Иерусалим он называет городом правды, хотя город нигде не был назван правдою, давая это название за дела его, – оттого что в нем произошла великая перемена к лучшему и оттого что он во власти праведника; и раньше, когда он называет город блудницей, то это не потому, что город когда-нибудь был назван так, но он дает ему такое имя за порочность, и позднее он называет его указанным именем за добродетель, – то же самое следует сказать и о Христе, потому что пророк дал Ему имя за Его дела. Тогда Бог, явившийся на земле и поживший с человеками, показавший великое попечение о нас, – по преимуществу был с нами. С нами был не Ангел, не Архангел; но Сам сошедший Владыка принял на Себя всеобщее исправление, говоря с блудницами, возлежа с мытарями, входя в дома грешников, давая надежду разбойникам, привлекая к Себе магов, везде обходя и все исправляя, соединяя с Собой самую природу. Все это пророк и предсказывает, говоря вместе и о Рожденном, и о том несказанном и безмерном приобретении, которое произойдет из этого рождения. Когда Бог стал с людьми, нечего уже бояться и трепетать, но нужно быть спокойным за все. Так это и случилось: изначальное и непоколебленное зло уничтожено, отвержение, тяготевшее над всем родом человеческим, снято; сила греха ослабела, власть дьявола поколеблена; Рай, недоступный для всех, открывается прежде всего человекоубийце и разбойнику; своды Неба отверсты, люди вступили в общение с Ангелами; наша природа вознесена до Царского трона, узы ада стали ненужными; смерть, лишенная своего содержания, осталась только по имени; хоры мучеников и женщины стерли жало ада. Пророк, предвидя все это, возликовал и возрадовался и все это выразил одним словом, пророчествуя нам об Еммануиле: *«Масло и мед снесет, прежде неже разумети Ему изволити злая, или избрати благое. Зане прежде неже разумети отрочати благое или злое, отринет лукавое, еже избрати благое»* («Он будет питаться молоком и медом, доколе не

будет разуметь отвергать худое и избирать доброе;.. Этот Младенец будет разуметь отвергать худое и избирать доброе») (Ис.7:15–16). Так как рождаемый Отрок не был простой человек и не был только Бог, но был Бог в человеке, то пророк справедливо изменяет слово, говоря то о том, то об этом, излагая странное и не позволяя, ради чрезмерности чуда, отвергать домостроительство. Сказавши, что родит Дева (что выше сил природы), и что Рожденный будет назван Еммануилом (что также превышает всякое ожидание), он, чтобы кто-нибудь, услышавши об Еммануиле, не заболел вместе с Маркионом и не захворал с Валентином, по предусмотрительности, выразительно привел яснейшее доказательство домостроительства, удостоверяя Его от трапезы. Что же он говорит? *«Он будет питаться молоком и медом»*. Это не может быть свойством Божеской природы, но это есть свойство нашей природы. Поэтому, Он обитал в человеке, не приняв только образ его, но Он претерпел зачатие и девятимесячное пребывание в чреве, рождение, пелены и питание раннего возраста, чтобы всем этим заградить уста тех, кто замышляет отрицать домостроительство. Предвидя все вышеизложенное, пророк говорит не только о рождении и о Том удивительном Рожденном, но также о питании в раннем возрасте, в самых пеленах, которое ничем не отличается от питания остальных людей, не имеет с этой стороны ничего странного. Нельзя сказать ни того, что в Нем все отличное, ни того, что все – общее. То, что Он родился от Жены, это – общее; то же, что родился от Девы, это – больше, чем бывает с нами. Затем то, что он имел питание по общему закону природы, это у Него общее со всеми людьми; быть же храмом, недоступным для зла, и не терпеть искушения, это для нас странно, необычно и принадлежит только Ему. Поэтому пророк касается и того, и другого, – сказав: *«Он будет питаться молоком и медом»*, он прибавил: *«зане прежде неже разумети отрочати благое или злое, отринет лукавое, еже избрати благое»* («ибо прежде нежели Этот Младенец будет разуметь отвергнет худое и избереет доброе»). Он в одинаковых выражениях опять излагает одну и ту же мысль и оттеняет слово. Так как сказанное им было

очень возвышенно, то он удостоверяет его настойчивостью повествования. То, что он выше обозначил, говоря: *«доколе не будет разуметь отвергать худое»*, на это же он указал далее, говоря: *«прежде нежели Этот Младенец будет разуметь»*; затем он пользуется течением рассказа и продолжает: *«благое или злое, отринет лукавое, еже избрати благое (отвергать худое и избирать доброе)»*. В этом повторении и заключается исключительная особенность. Потому же и Павел обращается постоянно к одному и тому же. Так как Христос должен был умереть, то, чтобы кто-нибудь из неверных не подумал, что Он терпит наказание за Свой грех, апостол постоянно указывает на Его безгрешность, чтобы показать, что смерть Его есть очищение наших грехов. Поэтому он и говорит: *«Христос, воскреснув из мертвых, уже не умирает»* (Рим.6:9). *«Ибо, что Он умер, то умер однажды для греха»* (Рим.6:10). Он, говорит, претерпел смерть не как виновный, по причине Своего греха, но за общий грех всех. Если же Он сообразно этому в первой смерти не нес ответственности, то этим доказано больше, чем нужно, что Он и впредь не умрет.

Но это сказано нами мимоходом; время снова обратиться к Евангелию. *«Встав от сна, – говорится, – Иосиф поступил, как повелел ему Ангел Господень, и принял жену свою»* (Мф.1:24). Посмотри и здесь на мудрость мужа и на его совершенное нелицеприятие. Он ни пытался удерживать при себе Деву, когда заподозрил позорное и неприличное, ни стал настаивать на том, чтобы расстаться с Нею, когда освободился от того подозрения, но он принимает Ее и служит всему домостроительству. Евангелист употребляет постоянно имя «жена», не желая, чтобы то Таинство было открыто до времени, и в то же время не давая места дурному подозрению. *«Прият... же Ю, не знаяше Ея, дондеже роди Сына Своего Первенца»* (*«и не знал Ее, как наконец Она родила Сына Своего Первенца»*) (Мф.1:24–25). Он сказал здесь: *«дондеже»* (*«как наконец»*), не для того чтобы ты питал подозрение, что он после этого познал Ее, но чтобы тебе было известно, что Она осталась перед рождением совершенно неприкосновенной. Но для чего же, скажут, он употребил это *«дондеже»* (*«как наконец»*)? Потому что в Писании принято

часто так делать, употребляя это речение для обозначения неопределенного времени, – например: ворон не вернулся к Ною, «дондеже» не высохла земля, хотя он и потом не вернулся. И в псалмах говорится: *«Рече Господь Господеви моему: седи одесную Мене, дондеже положу враги Твоя подножие ног Твоих»* («Сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих») (Пс.109:1). И Павел говорит: *«подобает.. Ему царствовать, дондеже положит вся враги под ногама Своима»* («Ибо Ему надлежит царствовать, доколе низложит всех врагов под ноги Свои») (1Кор.15:25). Но ни там, ни здесь «дондеже» не указывает границы времени. Иначе, как могло бы стоять следующее пророческое слово: *«власть Его власть вечна, и царство Его»* («Которого владычество – владычество вечное, и Которого царство») – царство, которое не погибнет, и царству Его не будет конца (Дан.4:31) – если бы он имел царствовать до такого-то времени? Так и здесь: он сказал «дондеже», утверждая то, что было прежде рождения; то же, что было после, он оставил тебе для размышления. Что тебе необходимо узнать от него, он сказал это, говоря, что Дева до рождения осталась неприкосновенной; то же, что является вытекающим из сказанного и согласным с ним, это тебе предоставлено для размышления, – например, что он, будучи таким праведником, и впоследствии не хотел познать Ее, Которая так стала матерью и удостоена такого нового и дивного способа рождения. *«Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока и говорят: где родившийся Царь Иудейский? ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему»* (Мф.2:1–2). Враги истины, привязываясь здесь к слову, говорят: «Вот и когда Христос родился, явилась звезда: это показывает, что астрология – верное занятие».

Что же нам на это сказать? С самой звезды мы положим начало решению. Эта звезда не была одна из многих звезд; даже более, – она не была вовсе звездой; это была невидимая сила, облекшаяся в такой вид. Это видно, во-первых, из того, что солнце, луна и звезды, мы видим, с востока склоняются к

западу; эта же звезда шла с севера на юг, – ведь так Палестина лежит по отношению к Персии. Во-вторых, из того, что она была видна не ночью, но и среди дня, при свете солнца. В-третьих, из того, что она то появлялась, то скрывалась. Она была видна вплоть до самой Палестины, в то время когда она вела магов. Но когда они достигли Иерусалима, она скрылась. Потом, как только они вышли от Ирода, она снова явилась. Все это свойственно не звезде, но какой-то разумной силе. В-четвертых, из того, что она указывала место. Она показывала место, нисходя вниз, потому что невозможно было сделать это, оставаясь наверху, так как высота неизмерима, и, оставаясь там, нельзя было очертить и сделать заметным для тех, кто хочет видеть, такое узкое место. Видишь ли, сколько оснований думать, что та звезда не была одной из многих звезд, и что она явилась, следуя вовсе не за внешним рождением. Для чего же, скажут, она явилась? Чтобы поразить бесчувственность иудеев. Так как, непрерывно слушая, что пророки говорили о Его пришествии, они не внимали им, то Он заставил прийти из далекой земли варваров, отыскивающих царя иудеев у них самих, чтобы они на языке персов узнали то, чему не могли научиться у пророков; чтобы они имели величайший повод для убеждения, если они окажутся благомыслящими, и чтобы на будущее время у них было отнято всякое оправдание, если они будут продолжать свое упорство. Бог влечет магов через звезду, призывая их через то, что для них привычно; Он показывает им большую и необычную звезду, чтобы привести их в изумление величиной, красотой вида и способом ее шествия. Когда же Он привел их и, руководя ими, поставил их у яслей, тогда Он стал говорить с ними уже не через звезду, но через Ангела. Магов через звезду и через Ангела, а нас через Самого Единородного Он научил возвышенному, таинственному и превосходящему наш разум.

Размышляя о величии такого Его снисхождения, воздадим Ему достойную честь и воздаяние. Нашим же воздаянием Богу не может быть ничего другого, кроме спасения нашего и наших душ, кроме забот о добродетели и попечения о наших братьях. Ничто другое не может быть признаком и отличием верующего

во Христа и любящего Его, кроме забот о наших братьях и попечения о их спасении, – потому что и Христос угождал не Себе, но многим. Павел так и говорит: *«Ища не своей пользы, но пользы многих, чтобы они спаслись»* (1Кор.10:33). Зная это, возлюбленные, обсудим нашу жизнь, будем иметь великую заботу о братьях наших, будем сохранять единение с ними. К этому побуждает нас та страшная, приводящая в трепет, жертва, повелевающая нам подходить к ней в величайшем единомыслии, с горячей любовью и, ставши здесь орлами, возноситься, таким образом, до самого Неба. *«Ибо, где будет труп, там соберутся орлы»* (Мф.24:28), – трупом называя тело, потому что оно умирает. Если бы Он не был трупом, мы не воскресли бы. Об орлах же Он говорит, показывая, что приступающий к тому Телу должен быть настроенным возвышенно, не должен иметь ничего общего с землей, не должен устремляться вниз и никнуть, но должен постоянно устремляться вверх, взирать на Солнце правды и иметь острый мысленный взор. Ведь это – трапеца орлов, а не галок. Те, кто вкушает теперь достойно, встретят Его и тогда, когда Он будет сходить с небес; напротив, вкушающие Трапезу недостойно потерпят самые ужасные муки. Если без надобности не прикасаются к царю, – что говорю: к царю? – без надобности не прикоснутся нечистыми руками к царским одеждам, хотя бы царь был в пустыне, хотя бы он был один, и с ним никого еще не было, – а ведь одежда есть ничто иное как нити, выпряденные червями и шелковичными гусеницами, окраска же, которой ты дивишься, только кровь убитой рыбы, и однако к ней не осмеливаются прикасаться нечистыми руками, – итак, если не смеют без надобности коснуться человеческой одежды, то как мы с таким поруганием воспримем Тело Бога всяческих, – Тело неоскверненное, чистое, причастное Божественной природе, Которым мы существуем и живем, Которым сокрушены врата смерти и отверсты своды Неба? Умоляю вас, не будем губить себя бесстыдством, но будем приходить к Нему с трепетом и всяческой чистотой, чтобы не потерпеть нам тяжелейшего наказания. Чем более мы получили благоденствий, тем тяжелее мы примем наказание, если окажемся недостойны благоденствия.

Перед этим Телом, даже когда оно лежало в яслях, маги склонились в благоговении, и мужи, не знающие Бога, и варвары, оставивши отечество и дом, совершили длинный путь и, пришедши, поклонились Ему с великим страхом и трепетом. Будем же подражать варварам мы, граждане Неба. Те подошли к Нему с великим трепетом, видя Его в яслях и под шатром и не видя ничего из того, что мы теперь видим: ты же видишь Его не в яслях, но на жертвеннике; видишь, что не женщина держит Его, но иерей предстоит, и Дух с великим изобилием осеняет предложение. Ты видишь не просто самое Тело, как те, но тебе известна и сила Его, и все домостроительство; тебе, посвященному с тщательностью во все, не остается ничего неизвестным из совершенного Им. Воспрянем же и исполнимся трепета, покажем большую, чем те варвары, чистоту, чтобы, подходя безрассудно и как-нибудь, не собрать нам огонь на свою голову. Говорю же это я не затем, чтобы не приступали к Таинству, но чтобы не приступали безрассудно, потому что как без внимания приступать к той таинственной Трапезе – опасно, так вовсе не приобщаться – голод и смерть. Эта Трапеза есть двигатель нашей души, сила, связующая наш разум, основание дерзновения, надежда, спасение, свет, жизнь. Уходя туда с этой Жертвой, мы с великим дерзновением достигнем священных врат, точно огражденные со всех сторон золотым оружием. Да что я говорю о будущем? Здесь это Таинство делает для тебя землю Небом. Раскрой же врата Неба и взгляни на них, – на врата даже не неба, но Неба небес, – и тогда ты увидишь то, о чем было говорено. То, что там ценнее всего, это я покажу тебе лежащим на земле. Как в царских чертогах всего ценнее не стены, не золотая крыша, но тело царя, восседающее на троне, – так и на небесах всего дороже Тело Царя. Но ты можешь видеть Его и на земле. Я покажу тебе не Ангелов, не Архангелов, не Небо и небеса небес, но Самого Владыку их. Видишь ли, как ценнейшее из всего открыто для тебя на земле? И ты не только видишь, но и касаешься, и не только касаешься, но и вкушаешь и, взявши, уходишь домой? Очисти же душу, приготовь ум к восприятию этих Таинств. Если бы тебе дали нести царского сына в украшениях, пурпуре и диадеме, не

отказался ли бы ты от всего, что есть на земле? Как же, скажи мне, ты не трепещешь теперь, взявши в свои руки не царского человеческого сына, но Самого Единородного Сына Божия? Как не отбрасываешь всякую любовь к житейскому? Как не украшаешься тем единственным украшением, но еще смотришь на землю, любишь деньги, жадно влечешься к золоту? Какое может быть для тебя извинение? Какое оправдание? Разве ты не знаешь, как Владыка твой не благоволит ко всякой роскоши в жизни? Не потому ли Он по рождении был положен в ясли и избрал Себе Матерью женщину простую? Не потому ли Он сказал человеку, который думал о выгодах: «а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Мф.8:20)? А что ученики? Не следовали ли они тому же закону, обходя дома бедных? Не останавливались ли они – один у кожевника, другой у делателя палаток? Потому так, что они искали не пышного убранства домов, но добродетелей душ. Будем подражать им и мы, не обращая внимание на красоту колонн и мраморов и ища горнего местожительства; растопчем всякое здешнее тщеславие, вместе со страстью к деньгам, и примем горний разум. Если мы будем трезвенны, мир этот не будет достоин нас, ни портики, ни галереи. Поэтому, молю вас, будем украшать свою душу, с которою и отойдем туда, чтобы достигнуть вечных скиний, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки Веков. Аминь.

Слово 35. О покаянии

Покаяние, тяжкое и страшное для грешника, есть исцеление прегрешений, истечение слез, уничтожение неправды, дерзновение к Богу, оружие против дьявола, меч, отсекающий ему голову, надежда на спасение, отнятие отчаяния. Оно открывает небо, вводит в Рай, побеждает дьявола. Поэтому, я не перестану возбуждать относительно него слово, чтобы ты не отчаивался в грехах, а поступая право, не гордился. *«Посему, кто думает, что он сто́ит, берегись, чтобы не упасть»* (1Кор.10:12), – чрезмерная уверенность действительно приводит к падению. Ты праведен? Не падай. Грешник? Не отчаивайся. Я не перестану натирать вас этим лекарством, потому что я не знаю, есть ли какое оружие против дьявола, чтобы вы не отчаивались. Если ты грешен, не отчаивайся. Я не перестану говорить тебе следующее: если ты каждый день грешишь, каждый день кайся. То же самое, что мы делаем в ветхих домах: когда они разрушаются, мы убираем разрушающееся и поправляем новым, никогда не переставая заботиться. Если сегодня ты пришел в ветхость от греха, восстанови себя завтра покаянием. Но можно ли, скажут, спастись покаянием? Да, обязательно. Неужели я, всю жизнь прошедший в грехе, если покаюсь, получу спасение? Да. Чем это доказать? Человеколюбием Господа. Могу ли я питать доверие к твоему покаянию только? В состоянии ли твое покаяние уничтожить столько зла? Если бы было одно покаяние, – тогда ты в самом деле должен трепетать. Но когда к покаянию примешивается Божие милосердие, мужайся. Нет меры Божию милосердию; никаким словом не выразить Его благодати. Есть мера для твоей порочности, но для исцеляющих средств нет меры. Твоя порочность, какая бы она ни была, есть все-таки человеческая порочность; милосердие же Божие неизреченно. Мужайся, потому что твое зло побеждено.

Представь себе искру, упавшую в море. Она не может держаться или светить. Что для моря искра, то для милосердия Божия – грехи; и даже не то, но гораздо менее. Море, как оно ни

велико, имеет все-таки меру, милосердие же Божие безгранично. Я говорю это не затем, чтобы сделать вас легкомысленнее, но чтобы вы стали усерднее. Я часто убеждал не ходить в театр: ты выслушивал, но не исполнял, снова шел в театр; пропускал мимо ушей мое слово, чтобы не стыдно было снова прийти и слушать. Я выслушал, скажут, и не исполнил: как мне идти и слушать? Между тем ты знаешь, что не исполнил, стыдишься, краснеешь, сдерживаешься, в то время, когда никто не обличает тебя; мое слово пустило в тебя корни, мое учение очищает тебя и тогда, когда меня нет. Ты не исполнил? Но ты себя осудил? Ты исполнил наполовину, если не исполнил, но сказал: «я не исполнил». Осудивший себя за то, что не исполняет, склонен к тому, чтобы исполнять. Ты был на зрелище? Совершил грех? Пленен блудницей? Возвратился из театра? Пришел в себя? Тебе стало стыдно? Приходи в церковь. Ты огорчен? Воззови к Богу.

Но не останавливайся на следующем: «Горе мне! Я выслушал и не исполнил! Как мне идти в церковь? Как снова слушать?». Потому особенно и иди в церковь, что ты не исполнил, чтобы, выслушавши снова, исполнить. Если бы тебе было предложено лекарство, и оно не очистило бы твоего тела, не возьмешься ли ты за него на другой день снова? Допустим, дровосек хочет срубить дуб. Он берет топор, подрубают корень; давши один удар, разве он не даст другой, если дерево не упадет? Разве не даст третий, четвертый, пятый, десятый? Так и ты делай. Блудница есть дуб, неплодное дерево, приносящее желуди, пищу неразумных свиней. Он пускал корни в твоей душе в продолжение долгого времени; опутывая совесть твою своими ветвями, он захватил ее. Слово мое – это топор; ты уже однажды слышал это. Но разве может упасть в один день то, что вращало своими корнями столько времени? Если оно не упадет за два раза, за три, за сто, – и то неудивительно. Сруби хоть одно дурное, но имеющее над тобой власть дело, хоть одну дурную привычку. Иудеи ели манну и требовали лука, который – в Египте: *«хорошо нам было в Египте»* (Числ.11:18). Вот как крепка и какое зазорное дело – привычка! Если ты через десять дней сделаешь достойный поступок, если через

двадцать, через тридцать, как мне не полюбить тебя? Как не быть благодарным? Как не обнять? Ты только не уставай, но стыдись и осуждай себя. Я снова заговорил о любви: ты выслушал, но, отошедши, совершил хищение, не оправдал слово делами своими. Не стыдись однако опять прийти в церковь; стыдись, когда грешишь; не стыдись, каюсь, но греша.

Выслушай, что сделал с тобою дьявол. Существует две вещи: грех и покаяние. Грех, это – рана; покаяние – лекарство. В грехе – стыд, в грехе – позор; в покаянии – дерзновение, в покаянии – свобода, в покаянии – очищение от греха. Выслушайте со вниманием. За грехом следует стыд; спутником покаяния является свобода. Но сатана извратил порядок и соединил свободу с грехом, а стыд – с покаянием. Я не перестану говорить об этом до вечера, до тех пор пока не разрушу это. Есть рана, и есть лекарство. В ране – гниение, лекарство обладает средством очищать гниение. Разве в лекарстве – гниение? Разве в ране – спасительное средство? Не имеет ли это свой порядок, то – свой? Можно ли переменить это на то, а то – на это? Но обратимся теперь к грехам души. В грехе есть стыд, в грехе – позор, его удел – бесчестие. В покаянии – свобода, в покаянии – пост, оправдание. *«Глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися»* (*«Говори ты, чтоб оправдаться»*) *«Праведник себе самого оглагольник в первословию»* (*«Праведник в первой речи своей обличает себя»*) (Ис.43:26; Притч.18:18). Дьявол, видя, что в грехе стыд (а этого достаточно, чтобы отвратить грешника от греха), в покаянии же свобода (что в состоянии привлечь кающегося), видя это, извратил порядок, соединив стыд с покаянием и свободу с грехом. Вот в чем дело, говорю я. Сильное вожделение влечет кого-нибудь к публичной женщине. Он делается пленником блудницы, приходит в публичный дом, без стыда, не краснея, соединяется с блудницей, совершает грех. В это время нет в нем ни стыда, ли упреков. Но стыд является с концом греха: он стыдится покаяться. Безумец! Когда соединялся с блудницей, не стыдился, а когда идешь на покаяние, тебе стыдно? Стыдится сказать, что совершил прелюбодеяние, краснеет. Совершая самое дело, не краснеет, а от слова краснеет? Дьяволы это

козни. Он позволяет ему в то время, когда грешит, не только не стыдиться, но делать это на глазах всех, потому что знает, что он убежит от греха, если ему будет стыдно; в покаянии же он заставляет его испытывать стыд, потому что знает, что, стыдясь, он не станет каяться. То и другое производит зло, задерживает раскаяние, влечет ко греху. Что же ты стыдишься потом? Когда творил прелюбодеяние, не стыдился, когда же предлагают лекарство, стыдишься? Когда очищаешься от греха, тебе стыдно? Ты должен был тогда стыдиться; тебе тогда должно было быть стыдно, когда ты грешил. Когда становился грешником, не стыдился, когда же принимаешь оправдание, стыдишься? *«Говори ты, чтоб оправдаться»*. О, милосердие Господне! Не сказал: *«чтобы тебе не принять наказание»*, но: *«чтоб оправдаться»*. Прекрасно. Но обрати внимание на слово: Он оправдывает его. Но как же Он делает это? А вот что случилось с разбойником: довольно было, чтобы он сказал: *«или ты не боишься Бога»*, и затем своему товарищу: *«и мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли»*, как Он говорит: *«ныне же будешь со Мною в раю»* (Лк.23:40–41, 43). Он не сказал: освобождаю тебя от наказания и осуждения, но Он вводит его в Рай. Видишь ли, как он оправдался исповеданием?

Бог человеколюбив. Он не пожалел Сына, чтобы пощадить раба; Он предал Единородного, чтобы искупить неблагодарных рабов; кровь Сына Своего Он сделал ценой их свободы. О, человеколюбие Господне! И не говори еще: я много согрешил, как могу я спастись? Ты не можешь, но Господь спасет тебя. Он так уничтожит грехи твои, что от них не останется даже следа. С телом этого нельзя сделать. Если бы врач десятки тысяч раз пытался сделать это; если бы он клал на раны лекарства, – рана зажила бы, но рубец не уничтожился бы. Этому препятствуют слабость природы, бессилие искусства, несовершенство лекарств. Но Бог, изглаждая грехи, не оставляет рубца, не позволяет, чтобы остался какой-нибудь след; вместе со здоровьем Он дает также и благообразие, освобождая от наказания, дарует также правду и согрешившего уравнивает с несделавшим греха. Но не может ли грех привести

к отчаянию или победить милосердие Божие? И как погиб Иуда? Как? Ведь покаяние не может быть принудительным. Выслушай, что говорит ему Учитель: «Что Мне сделать с тобою, Иуда? Ты не знаешь, что намерен сделать. Я знаю, но не хочу. Качество грехов требует этого, величие же милосердия удерживает. Что Мне сделать с тобою? Пощадить тебя? Но ты станешь еще нерадивее. Наказать? Но Мое милосердие не позволяет Мне этого. Что Мне сделать с тобою? Не поступить ли мне с тобою как с Содомом, не поразить ли как Гоморру? Но Я – Отец, и Отец Милосердный». И мы, зная об этом милосердии, не будем отчаиваться, но не будем также предаваться беспечности: то и другое – гибель. Отчаяние не позволяет встать лежащему, беспечность заставляет упасть вставшего. То имеет свойство лишать дарованных благ, это не позволяет освободиться от окружающего зла.

Нерадение низвергает с самого неба, отчаяние приводит к бездне зла, подобно тому как сохранение мужества заставляет сейчас же спастись оттуда бегством. Взгляни на силу того и другого. Дьявол прежде этого был благ, но, вследствие нерадения и отчаяния, ниспал в такую бездну зла, чтобы потом уже не встать. Что он был благ, выслушай, что сказано: «Я видел сатану, спавшего с неба, как молнию» (Лк.10:18). Уподобление молнии указывает на сияние прежнего состояния и на скорость падения. Павел был хулитель, преследователь, гонитель. Но так как он имел ревность и не отчаивался, то он восстал и сделался равным Ангелам. Иуда был апостол, но по нерадению стал предателем. Разбойник затем, – так как он не отчаялся, даже после того как совершил столько зла, – вошел в Рай прежде всех. Фарисей за то, что был самонадеян, ниспал с высоты добродетели; мытарь же, – так как не пришел в отчаяние, – был за это так возвышен, что превзошел того. Хочешь, я покажу тебе, как то же самое случилось с целым городом? Так был спасен весь город ниневитян. Приговор привел их, конечно, в уныние. Ведь пророк не сказал, что, если покаются, будут спасены, но просто: «Еще три дня, и Ниневия будет разрушена». И однако, несмотря на то, что прещение исходило от Бога, и что говорил пророк, и приговор был без

отсрочки и ограничения, они не пали духом и не изменили добрым надеждам. А он потому не прибавил ограничения и не сказал: «если покаются, будут спасены», – чтобы и мы, слыша решение Божие, не имеющие ограничения, не приходили в отчаяние, глядя на этот пример. Ничто не дает дьяволу такого надежного оружия, как отчаяние. Поэтому, мы не так радуем его, когда грешим, как тогда, когда отчаиваемся. Выслушай же, как в случае с совершившим блудодеяние Павел боялся отчаяния больше, чем греха. Пиша к коринфянам, он говорил так: *«Есть верный слух, что у вас появилось блудодеяние, и притом такое блудодеяние, на которое не осмеливаются и какого не слышно даже среди язычников»* (1Кор.5:1). То, что для тех невыносимо назвать даже по имени, вы осмелились осуществить самым делом: *«И вы возгордились»* (1Кор.5:2). Он не сказал: «и он возгордился», но, оставив согрешившего, говорит со здоровым, как делают врачи, которые, оставив больных, говорят больше с теми, кто их сопровождает. Но во всяком случае и они были повинные в его безумии, – в том, что не высказывали ему ни обличений, ни порицаний. Он сделал обвинение общим, чтобы лечение раны стало легче. Ужасно грешить, но еще ужаснее гордиться грехами. Если гордиться правдой есть лишение правды, то тем более, относясь к грехам, эта гордость нанесет нам последний вред и будет виной большей, чем самые грехи. Поэтому и говорится: *«Когда исполните всё повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие»* (Лк.17:10). Если сделавшие все должны быть смиренными, тем более следует плакать, считая себя среди самых последних. Указывая именно на это, апостол и сказал: *«вместо того, чтобы лучше плакать»* (1Кор.5:2). Что говоришь ты? Другой согрешил, а я должен плакать? Да, говорит, мы все связаны друг с другом в наказании по телу, и по членам. По телу: если нога получит рану, мы видим, как поникает и голова. Что может быть выше ее? Однако во время несчастья она не показывает своего достоинства. Так и ты делай. Поэтому и Павел убеждает радоваться с радующимися и плакать с плачущими.

Но посмотри, как Павел боится (как я уже сказал) отчаяния, как великого оружия дьявола. Сказавши: *«прошу вас оказать ему любовь»*, он указал и причину: *«дабы он не был поглощен чрезмерною печалью»* (2Кор.2:7–8). Овца, говорит он, в пасти волка. Поспешим же, отобьем ее, прежде чем он пожрет ее и погубит член наш. Корабль теперь захвачен бурей. Поспешим же спасти его прежде крушения. Как корабль затопляется, когда море бушует, и волны вздымаются со всех сторон, так и душа, когда уныние отовсюду постигнет ее, скоро задыхается, если у нее нет руки, которая бы поддержала ее. Печаль о грехах спасительна, но она приносит гибель, если она неумеренная. Павел, зная, что сделал дьявол с Иудой, боялся, чтобы и здесь не случилось того же самого. А что же он сделал с Иудой? Иуда покаялся: *«Согрешил я, – говорится, – предав кровь невинную»* (Мф.27:4). Дьявол слышал эти слова. Он увидел, что тот начинает путь к лучшему, идет ко спасению, и испугался перемены. У него есть ведь Милосердный Господь: Он плакал о нем, когда он имел намерение предать Его, и убеждал его бесчисленное количество раз: тем более не примет ли Он его теперь, когда он кается? Когда он делал недостойное, Он привлекал его и призывал к Себе: тем более не будет ли Он звать к Себе теперь, когда он исправился и сознал свой грех? Ведь Он для того и пришел, чтобы Его пригвоздили. Что же сделал дьявол? Он навел на Иуду ужас, он ослепил его чрезмерным унынием, он гнал его, преследовал, пока не довел до петли, пока не отнял у него эту жизнь и не лишил желания раскаяться. А что он был бы спасен, если бы остался жить, это доказывается примером тех, кто пригвоздил Господа ко Кресту. Если Он спас тех, кто возвел Его на Крест, и, будучи уже на самом Кресте, молил Отца, прося простить им их преступление, то очевидно, что Он со всем благоволением принял бы и предателя, если бы он по установленному закону совершил покаяние. Но он, подавленный чрезмерной скорбью, не дал подействовать лекарству. Павел, боясь этого, и настаивает перед коринфянами вырвать человека из пасти дьявола. Да что говорить о случае с коринфянами? Петр, после участия в Таинстве, трижды отрекся, но слезами загладил все; блудница

слезами приобрела благоволение Господа; Павел, после исповедания грехов, сделался учителем кающихся. Пользуясь этими средствами, станем лечить раны свои, говоря: «Исцели меня, Господи, и исцелю; исцели душу мою, потому что я согрешил». Приняв нас, Врач скажет: *«Аз есмь заглаждаяй беззакония твоя, и не помяну»* (*«Я, Я Сам изглаживаю преступления твои ради Себя Самого и грехов твоих не помяну»*) (Ис.43:25). Посмотри, сколько лечебных средств приготовил для тебя Врач, избери какое хочешь; разнообразную помощь Он указал применительно к разнообразию твоих ран. Если не можешь поститься, как ниневитяне, тогда омой, как блудница, слезами грехи твои. Если не в состоянии дать милостыни, раскрой грехи твои и прибегни к милосердию Божию вместе с Давидом, говоря: *«Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей»* (Пс.50:3). Ведь это не укушение ехидны, чтобы я стал накладывать на укушенное место лекарство, и не грязная нечистота, чтобы я стал омыwać ее водою; это – рана от укушения дьявола, она нуждается в сострадании Твоего человеколюбия. Подходи, прося только об одном, да ниспошлет милость Свою Человеколюбец, Который сказал: «Если обратится беззаконник от злого пути своего, не помяну беззаконий его, которые он сотворил» (Иез.18:21–22). Обратимся же и мы, воззовем, омоем слезами нечистоту греха, будем бить себя в грудь и лицо, почувствуем грехи свои, чтобы и нам услышать от Господа: «Сегодня будете со Мною в Раю». Ему подобает всякая слава, честь и поклонение, ныне, и в бесконечные веки. Аминь.

Слово 36. Похвала св. апостолу Павлу

Благодать Духа оставила нам описание жизни святых и их поведения, чтобы, научаясь, как люди, имеющие одинаковую с нами природу, выполнили все, относящееся к добродетели, мы и сами возбуждались к упражнению в ней, возгревая в себе горячее стремление любви к ним. Но как же это случится? Если мы постоянно будем прилепляться к тем мужам и будем держать их в своей памяти, мы усвоим и их образ жизни. И в этом Бог имеет быть прославлен больше, чем во всем остальном. Если небеса поведуют славу Божию, сами не издавая звука и только располагая других к этому своим видом, то тем более будут прославлять Бога, хотя бы и молчали, те, кто ведет достойную удивления жизнь, потому что другие прославляют через них Бога. Небо, которое видят столько времени, недостаточно убеждало удивляться перед их Творцом; блаженные же апостолы, проповедуя немного времени, покорили весь мир. Небо пребывает, сохраняя свой закон и уставы. Высота души их стала выше всех небес, красота же была так велика, что Сам Бог засвидетельствовал это. Ангелы удивлялись звездам, когда они были сотворены. Красоту же души их восхвалил Сам Бог, говоря: *«Вы – свет мира»* (Мф.5:14). Это небо часто закрывается облаками; душа же их не затемняется никаким искушением, но сияет от этого еще ярче. Поэтому и Павел говорил: *«Благодушествоую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа»* (2Кор.12:10), а затем филиппийцам: *«потому что я имею вас в сердце в узах моих»* (Флп.1:7), и в другом месте: *«чтобы вы слышали, я в узах, всюду предан узам»*. Я настойчиво буду говорить о них, потому что они возбуждают мое сердце и поселяют во мне желание поставить Павла перед лицом всех, – Павла, который потрудился более всех остальных, о котором Сам Христос говорит: *«он есть Мой избранный сосуд»* (Деян.9:15). Когда началась проповедь, он опустошал Церковь, врываясь в дома, влача мужей и жен. Но в то время как он приближался к Дамаску, его внезапно осенил свет, и он ослеп.

Но ослепление его сделалось просвещением вселенной. Так как видимое представлялось ему дурным, Бог, чтобы он мог видеть это в правильном виде, ко благу ослепил его, являя вместе и собственное Свое могущество, и предуказывая способ проповеди, – именно, что следует везде следовать за Ним, оставив все свое и закрыв глаза. Указывая именно на это, Павел и воскликнул: *«Если кто из вас думает быть мудрым... тот будь безумным, чтобы быть мудрым»* (1Кор.3:18). Не может кто-либо смотреть правильно, если он не ослеплен прежде к своему благу, если не отбросил смущающие его мысли и не доверился во всем своей вере.

Но пусть никто, слыша это, не подумает, что это призвание было вынужденным. Он снова мог вернуться туда, откуда пришел. Многие, видя другие, большие чудеса, опять возвращались в прежнее состояние, в Ветхом и Новом Заветах, например: Иуда, Навуходоносор, Елима маг, Симон, Анания, Сапфира, весь иудейский народ. Но не Павел: он, получивши зрение, устремился к нетленному свету и был возвышен до самого Неба. Если же станешь спрашивать, ради чего он был ослеплен, то выслушай его слова: *«Вы слышали о моем прежнем образе жизни в Иудействе, что я жестоко гнал Церковь Божию, и опустошал ее, и преуспевал в Иудействе более многих сверстников в роде моем, будучи неумеренным ревнителем отеческих моих преданий»* (Гал.1:13–14). Так как он был так стремителен и необуздан, то тем тверже нужна была для него узда, чтобы увлекаемый потоком своей ревности он не оттолкнул того, что ему сказано. Поэтому, укрощая его безумие, Бог сначала через ослепление успокаивает волны его бурной стремительности, и уже тогда начинает говорить с ним, показывая недоступность Своей мудрости и превосходство ведения, чтобы он научился, что он не в состоянии вынести Того, с Кем борется, не только тогда, когда Он наказывает, но даже когда благодетельствует. Не мрак причинил ему вред, но преизбыток света ослепил его, вместе с тем подняв его на такую высоту, что даже одежды его внушали страх демонам. Но я не удивляюсь этому, как не удивляюсь тому, что болезни изгонялись тенью Петра. Удивительно то, что он являлся

творящим великое даже прежде получения благодати, с самого начала, с самых первых своих путей. Не имея той силы и не приняв рукоположения, он был так воспламенен ревностью ко Христу, что возбудил против себя весь иудейский народ. Видя себя в такой опасности, что даже город был в осаде, он спустился через окно по стене. Избежавши опасности, он не впал при этом в нерешительность, в боязнь, в страх, но обнаружил большую ревность, пошел своим путем, снова взяв крест, уклоняясь от опасностей ради домостроительства, но никому не уступая в учительстве. Пошел, имея перед глазами близкий еще пример Стефана, видя, как иудеи дышат против него более всех убийством, как они жаждут насладиться (гибелью) его тела. Но как же он не впал в опасности, оставаясь без всяких предосторожностей, и, избегая их, не потерял решительности? Без сомнения, он ценил настоящую жизнь за приобретение, которое можно получить от нее; но, конечно, он и презирал ее по своей философии, которая приводила его к презрению, – иными словами: потому что он стремился уйти к Иисусу.

Что я всегда говорю о нем и не перестану никогда говорить, – это то, что никто так не умел, встречаясь с противоположными вещами, с тщательностью удовлетворить той и другой; никто так не умел ни любить настоящей жизни (никто даже из тех, кто горячо привязан к жизни), ни презирать ее (никто даже из тех, кто умирает с восторгом): так он был чист от всякого желания и не увлекался ничем из настоящего, но всюду следовал в своем желании воле Божией! Он то говорил, что жизнь для него нужнее даже, чем быть со Христом и беседовать с Ним, то – что она так тяжка и несносна, что он вздыхает о разрешении и стремится к Нему. Он желал только того, что дает ему приобретение, согласное с волей Божией, – желал, хотя бы и случалось, что это противоречит совершившемуся ранее. Он отличался разнообразием и разнокачественностью, не притворяясь – да не будет! – но будучи всем вся, что было необходимо для проповеди и спасения людей, подражая этим своему Господу. Так и Бог являлся в образе человека, когда следовало в нем явиться; являлся некогда и в огне, когда этого

требовали обстоятельства; являлся то в виде облеченного в доспехи Воина, то в виде Старца, то в тихом воздухе, то как Путник, то даже как истинный Человек – и таковым Он не отказался принять даже смерть. Когда же я говорю: следовало явиться, пусть никто не подумает, что это – необходимость событий; нет, необходимость одного только милосердия. Он восседает то на троне, то на Херувимах. Но все это Он делал сообразно целям домостроительства. Поэтому и через пророка Он сказал: «Я умножил видения и в руках пророческих Я уподобился». Так и Павел, подражая своему Господу, не считал для себя бесчестьем быть то иудеем, то как бы вне закона. Он то соблюдал закон, то не радел о нем; то прилеплялся к настоящей жизни, то презирал ее; то требовал имущества, то и от данного отказывался; приносил жертвы, остригал волосы и снова анафематствовал делающих это; то обрезывал, то отвергал обрезание. То, что случалось с ним, было противоположно; но намерение и мысль, из которой это вытекало, были страшно последовательны и верны себе: он одного искал, – спасения слышащих и видящих это. Поэтому, он то возвышает закон, то уничижает его. И не только в том, что он делал, но и в том, что говорил, он обнаруживал разнообразие и разнокачественность; обнаруживал, не изменяя своему плану и не становясь с одним один, с другим другой, но все сказанное приносив к настоящей нужде. Поэтому, не было бы ошибки, если бы кто-нибудь назвал душу Павла лугом добродетелей и раем духовным: такой он блистал великой благодатью, показывая вместе с тем и философию души своей, достойную благодати. Так как он был сосудом избранным и так как надлежащим образом очистил себя, то обильные дары Духа излились на него; из них он источил и на нас достойные удивления реки, но не четыре только, как было в райском источнике, а гораздо больше: они истекают каждый день, орошая не землю, но возбуждая души человеческие к плодоношению.

Но чтобы вы выслушали не из наших уст о подвигах блаженного Павла и о доблести, которую он ежедневно показывал ради проповеди благочестия, необходимо выслушать

собственные его слова. Когда обманом лжеапостолов он был поставлен в необходимость объяснять свое (учение), он, сказавши многое другое, начал так: «Служители ли Христовы суть? Не в мудрости глаголю, паче аз. В трудах множае, в ранах преболе, в темницах излиха, в смертех многащи. От Иудей пять краты четыредесять разве единый приях: трищи палицами биен бых, единою каменьями наметан бых, трикраты корабль опровержеся со мною: ночь и день во глубине сотворих. В путных шествиих множицею: беды в реках, беды от разбойник, беды от сродник, беды от язык, беды во градах, беды в пустыни, беды в мори, беды во лжебратии. В труде и подвизе, во бдениих множицею, во алчбе и жажде, в пощениих многащи, в зиме и нагоде. Кроме внешних...» («Христовы служители? (в безумии говорю:) я больше. Я гораздо более был в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти. От Иудеев пять раз дано мне было по сорока ударов без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине морской; много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями, в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в нагоде. Кроме посторонних приключений...») (2Кор.11:23–28). Сказавши: «кроме посторонних приключений», он намекает, что опущенное может быть больше, чем то, о чем сказано. Затем он говорит: «У меня ежедневно стечение людей, забота о всех церквах» (2Кор.11:28). Видишь широту души? Видишь величие ума? Как солнце, посылая свои лучи, проходит всю землю, – такую заботу и попечение имел и блаженный Павел. Поэтому он и говорил: «Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?» (2Кор.11:29). О, какая любовь у этого мужа! Какое бодрствование! Какое попечение! У какой матери терзается так сердце в то время, когда сын ее, больной

лихорадкой, лежит на ложе, как блаженный Павел болел за страдающих в каждом месте и разжизался за соблазняющихся? Какое слово достаточно для его подвигов? Какие уста в состоянии обнять его похвалы? Когда одна душа имеет в себе собранным все, что есть прекрасного в человеке, и все с избытком, и не только в людях, но и в Ангелах, то можем ли мы допустить преувеличение в похвалах? Однако ради этого не будем молчать, напротив, будем особенно говорить.

Величайший вид похвалы, то – когда величие подвигов со всей их спасительностью превосходит способность речи; поражение здесь для нас лучше тысячи победных наград. Откуда же удобнее приступить к его похвалам? Откуда как не с того, чтобы показать сначала, что у него есть блага, свойственные всем? Пророки ли явили что-либо доблестное, или патриархи, или праведники, или апостолы, или мученики, – все это он соединил в себе, притом в таком избытке, в каком никто из них не владеет тем благом, какое у кого есть. Смотри же: Авель принес жертву, и его прославляют за это. Но если ты поставишь на вид жертву любви Павловой, то она окажется настолько же славнее той, насколько небо выше земли. Какая же жертва? Я скажу, если угодно. Он каждый день приносил в жертву себя, и затем приносил двойное приношение: одно – каждый день умирая, другое –нося мертвость в теле своем. Он постоянно отдавался опасностям, закалал себя по свободному желанию и так умертвил природу тела своего, что пришел в состояние, которое ничем не уступает состоянию заколотых жертвенных животных и даже гораздо выше его. Он приносил не быков и овец, но самого себя он закалал дважды каждый день. Поэтому, он и имел смелость сказать: *«Ибо я уже становлюсь жертвою»* (2Тим.4:6), назвав возлиянием собственную кровь. Он однако не удовольствовался этими жертвами, но так как справедливо считал себя жертвой, то он пронес ее по всему миру, по суше и по морю, в Элладе и среди варваров, одним словом, во всех поселениях; он появлялся, не просто путешествуя, но вырывая терние греха, сея слово благочестия, изгоняя заблуждение, насаждая истину, делая из людей ангелов, и даже более – делая людей из демонов ангелами.

Поэтому, намереваясь уйти после многих трудов и после многочисленных победных наград, он говорит, утешая своих учеников: *«Но если я и соделываюсь жертвою за жертву и служение веры вашей, то радуюсь и сорадуюсь всем вам. О сем самом и вы радуйтесь и сорадуйтесь мне»* (Флп.2:17–18). Может ли что быть равное этой жертве, которую он принес, извлеки меч духа? Но Авель был умерщвлен Каином коварно, и в этом отношении он имеет больше славы? А я уже перечислил тебе тысячи смертей, – столько, сколько дней жил проповедуя блаженный Павел. Если же ты захочешь дойти до расследования убийства, то – тот пал от руки брата, которому не причинил обиды, но не оказал и благодеяния, этот же был убит теми, кого он стремился вырвать из бесчисленных бед и через кого потерпел все, что выстрадал.

Но праведник Ной, совершенный в роде своем, был единственный между всеми? И Павел был единственный между всеми. Тот спас только себя со своими детьми; этот же, когда вселенная была захвачена гораздо более ужасным потопом, скрепляя не доски и строя не ковчег, но вместо досок составляя послания, извлек из самой пучины волн не два, не три и не пять родственников, но всю вселенную, в то время, когда ей предстояло затонуть. Этот ковчег был не таков, чтобы ему кружиться на одном месте, но он захватил пределы вселенной; и до сих пор он вводит в этот ковчег всех, устраивая его соответственно множеству спасающихся; принимая людей неразумнее бессловесных, он делает их равными горным силам: всем этим он превосходит тот ковчег. Тот ковчег, принявши ворона, впустил ворона же, и, принявши волка, не уничтожил в нем дикости. Этот же не так, но, принявши волков, сделал из них овец, и, принявши воронов и галок, превратил их в голубей; уничтоживши всякое неразумие и дикость человеческой природы, ввел в нее чистоту Духа. До сих пор ковчег этот продолжает плавать и не разрушается; буря неправды была не в силах разбить его доски, но он сам, плавая, укрощал свирепую бурю. И так и должно было быть, потому что те доски были намазаны не цементом и смолой, но на них почил Святой Дух.

Мы удивляемся еще Аврааму за то, что он, услышав: *«пойди из земли твоей, от родства твоего»* (Быт.12:1), оставил родину и дом, друзей и родственников, – удивляемся за то, что повеление Христа было для него все. Мы удивляемся даже этому. Но может ли что быть равное тому, что сделал Павел, который оставил ради Иисуса не отечество, дом и родственников, но самый мир и все, что в нем, самое небо и Небо небес и искал только одного – любви Иисуса? *«Ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией»* (Рим.8:38–39). Но Авраам вырвал племянника из рук варваров, сам подвергаясь опасностям? Этот же спас не племянника, и не три и не пять городов, но всю вселенную, и не от варваров, а от рук демонов, сам терпя ежедневно тысячи опасностей и собственным умиранием приобретая для других великую безопасность. Главная же из его добродетелей и венец мудрости – то, что он принес в жертву своего сына? Но и здесь мы найдем, что первенство принадлежит Павлу, который, как я уже сказал, приносил в жертву тысячи раз не сына, но самого себя.

Чему можно бы удивляться в Исааке? Многому и другому, но всего более его незлобию – тому, что роя колодцы и изгоняемый из собственных пределов, он не мстил, но, видя их зарытыми, разрывал снова и постоянно передвигался на другое место, не нападая на тех, кто причинял ему обиды, но поступаясь и оставляя везде собственное имущество, до тех пор, пока не удовлетворял их несправедливого желания. Но Павел, видя, как забрасывали камнями не колодцы, но собственное его тело, не просто уступал, как тот, но, сам нападая, пытался возвести на самое небо тех, кто побивал его камнями. Чем более засоряли источник, тем он стремительнее вырывался наружу и тем большими потоками изливался в терпение. Писание удивляется отроку за его постоянство? Но какой же алмазный дух может явить терпение Павла? Он, не дважды семь лет, но всю жизнь служил за невесту Христову, не только сжигаемый зноем дня и холодом ночи, но выдерживая бесчисленные бури искушений, с телом, терзаемым то бичами,

то камнями, то сражаясь со зверями, то воюя с морем, постоянно испытывая голод днем и холод ночью, повсюду перепрыгивая через пропасти и вырывая овец из пасти дьявола.

Но Иосиф был непорочен? Здесь я боюсь, как бы не было смешно прославлять Павла, который пригвоздил себя миру и не только чистое в телах, но и все вещи видел так, как мы видим прах и пепел; и как мертвый вблизи мертвого остался бы неподвижным, так он, успокаивая со тщательностью возбуждения природы, никогда не испытывал ничего похожего на человеческую страсть.

Все люди изумляются Иову, и совершенно справедливо: он великий борец и может состязаться с самим Павлом терпением, чистотой жизни, мученичеством ради Бога, упорной борьбой, удивительной победой, последовавшей за этой борьбой. Но Павел провел в этой борьбе не многие месяцы, а много лет, и остался тверже всякой скалы, хотя не то что увлажнял кучи земли, сидя на гноищи, но впадал непрерывно в мысленную пасть самого льва и боролся с тысячами искушений, хотя не три или четыре друга, но все неверующие ложные братья оскорбляли его, подвергали заплеванию и издевательствам. Но Иов отличался большим гостеприимством и милосердием к нуждающимся? Мы не будем отрицать этого, но мы найдем, что это настолько же ниже милосердия Павлова, насколько тело отстоит от души. То, что тот оказывал увечным по телу, этот делал тем, кто имел повреждение в душе, исправляя размышлением всех хромых и убогих, одевая одеждой мудрости голых и непристойных. Да что касается и тела, он был настолько же выше его, насколько то, когда помогают нуждающимся, живя среди бедности и в голоде, выше того, когда делают это при достатке. У того дом был открыт для всякого, кто приходил в него; у этого же душа захватывала всю вселенную, и он обнимал все народы, говоря: *«Вам не тесно в нас; но в сердцах ваших тесно»* (2Кор.6:12). Тот был гостеприимен к нуждающимся в то время, когда у него было бесчисленное количество овец и быков; этот же, не владея ничем, кроме тела, от него помогал нуждающимся, — он восклицает, говоря: *«нуждам моим и нуждам бывших при мне*

послужили руки мои сии» (Деян.20:34); свой телесный труд он употребляет на иждивение жаждущих и голодающих. Но черви и язвы доставляли Иову трудные и непереносные боли? Совершенно согласен с этим. Но если ты противопоставишь этому бичевания Павловы в продолжение стольких лет, непрерывное голодание, наготу, узы, темницу, нападения со стороны своих, со стороны чужих, со стороны тиранов и всей вселенной и, наконец, то, что всего горче, – я говорю о скорби за падающих, – заботу о всех церквях, огненную печаль, которую он переживал за всех соблазняющихся, – ты увидишь, как душа, перенесшая все это, была тверже скалы, как она превзошла железо и адамант; и что тот вытерпел телом, этот – в душе, скорбь же за каждого из соблазняющихся точит душу хуже всякого червя. Поэтому он непрерывно источал источники слез, не только днями, но и ночами, и о каждом из тех страдал тяжелее, чем страдает жена в муках рождения. Поэтому он и говорил: «дети мои, от которых я снова в муках рождения».

Кому же еще могут дивиться после Иова? Без сомнения, Моисею. Но он превзошел многим и его. Конечно, в святой душе Моисея велико и все прочее, но ее вершиной и венцом является то, что он принял решение быть изглаженным из книги ради спасения иудеев. Но он желал погибнуть вместе с другими, Павел же – не погибнуть вместе с ними, но, спасши их, самому лишиться вечной славы. Один боролся с фараоном, другой же боролся ежедневно с дьяволом; один трудился ради одного народа, другой же ради целой вселенной, всюду обливаясь не потом, но кровью вместо пота и исправляя не только обитаемые места, но и необитаемые, не только Элладу, но и землю варваров. Можно еще выставить Иисуса, Самуила и других пророков, но, чтобы не удлинять слова, мы обратимся к главным из них: если он окажется лучше их, то уже никакого сомнения не останется и относительно прочих. Какие же это корифеи? Да кто же другой, как не Давид, Илия и Иоанн? Один – предтеча первого пришествия Христова, другой – второго: оттого они имеют общее друг с другом и в самом наименовании. Что же необычайного в Давиде? Смирение и любовь к Богу. Кто

же выполнил более, кто не исполнил менее в том и другом отношении, чем дух Павла?

А в Илии что удивительного? Что он заключил небо, наслал голод, низвел огонь? Не думаю. Скорее – то, что он ревновал о Боге и был пламеннее огня. Но если ты посмотришь на ревность Павлову, ты увидишь, что он настолько же превосходит того, насколько последний превосходит других. Что может сравняться с теми словами, которые он сказал, ревнуя о славе Господа, – что *«я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти»* (Рим.9:3)? Поэтому, когда ему были предложены небеса, венцы и награды, он медлил и колебался, говоря: *«а оставаться во плоти нужнее для вас»* (Флп.1:24). Он думал, что ни тварь, видимая ему, ни духовное творение недостаточны для того, чтобы выразить его любовь и ревность; но словом своим он создал поэтому другое творение, еще не существующее, чтобы явить то, чего он хотел и к чему стремился. Но Иоанн ел акриды и дикий мед? Этот же проводил жизнь среди мира, как тот в пустыне, проводил, питаясь не акридами и диким медом, но довольствуясь гораздо более простой пищей и не имея даже самого необходимого пропитания по причине ревности к проповеди. Но тот явил великое дерзновение против Ирода? Этот же заставлял замолчать таких, как тот, не одного и не двух и трех, а тысячи, да и не таких, а людей гораздо ужаснее, чем тот.

Остается затем сопоставить его с Ангелами. Поэтому, оставив землю, вознесемся к сводам неба. Пусть никто не осудит смелое слово. Если Писание назвало ангелами священников, что же удивительного, если мы сопоставим с горними силами лучшего из всех? Что же в Ангелах великого? То, что они со всевозможной тщательностью повинуются Богу, – чему изумляясь, Давид говорил: *«крепкие силою, исполняющие слово Его»* (Пс.102:20). Но с Павлом ничто не сравнивается, пусть они даже тысячи раз бестелесны. Что всего более делает их блаженными, – это то, что они повинуются повелениям, что они никогда не ослушиваются. Но и Павел, можно видеть, с точностью соблюдает это. Ведь он не только творил слово свое,

но также исполнял и заповеди. Указывая на это, он говорил: «*За что́ же мне награда? За то́, что, проповедуя Евангелие, благовествую о Христе безмездно*» (1Кор.9:18). А чему другому удивляясь, пророк говорил и о них: «*Ты творишь ангелами Твоими духов, служителями Твоими – огонь пылающий*» (Пс.103:4)? Но это можно видеть и на Павле. Точно дух и огонь, он проходил всю вселенную и очищал землю. Но неба он не достиг? Удивительно однако ж то, что на земле был таковой, и что облеченный в смертное тело состязался с бестелесными силами. Поэтому, ушедши туда, он находится вблизи Царского трона, – там, где Херувимы прославляют и Серафимы парят. Там и мы, умерши, увидим Павла; стоя хотя бы и не вблизи, мы во всяком случае увидим его, вместе с Петром и сонмом святых, как главу нашу и заступника, и насладимся чистой его любовью. Если, будучи здесь, он так возлюбил людей, что, хотя у него было желание «*разрешиться и со Христом быти*» (Флп.1:23), он однако же предпочел остаться здесь, то тем пламеннее любовь он окажет там. Я люблю Рим за то, что он при жизни писал туда, и что он так любил римлян, при личном свидании говорил с ними, там окончил свою жизнь, и они хранят его тело. Этим и город славится больше, чем всем остальным. Как великое и сильное тело, он имеет два сияющих глаза, это – тела тех святых. Не так небо светится, когда солнце посылает свои лучи, как город римлян, посылающий по всей вселенной эти два светильника. Отсюда будет восхищен Павел, отсюда Петр.

Подумайте и трепещите при мысли, какое зрелище увидит Рим, когда Павел вместе с Петром восстанет из той гробницы и будет взят в сретение Христу; какой дар Рим пошлет Христу, в какие два венка будет облечен город, какими будет опоясан золотыми цепями, какие у него будут источники. Поэтому я удивляюсь этому городу не ради большого количества золота, не ради колонн, не ради другого великолепия, но ради тех столпов Церкви. Кто даст мне возможность обнять тело Павлово, приблизиться к гробнице его, видеть прах тела его, – его, который восполнил недостающее Христово, носил язвы Его, повсюду сеял проповедь о Нем, видел прах уст, которые

возвещали Христа, которыми он говорил в присутствии царей и не был посрамлен, через которые мы узнали о Павле и о Господе Павла? Не так страшен гром для нас, как голос его был страшен для демонов. Как молния, явившись на небе, приводит в ужас видящих ее, так голос Павла приводил в ужас дьявола; подобно удару молнии, он обрушивался на его полчища. Дьявол был не в состоянии устоять перед ним, но так боялся его и трепетал, что, как только видел его тень и слышал голос, далеко убегал. Если трепетал даже перед его одеждами, тем более перед голосом. Он вел его, связанного, очищал вселенную, исцелял болезни, избавлял от неправды, насаждал истину, имел Христа, почивающего, и вместе с Ним всюду выступал: чем являются Херувимы, тем был и голос Павла. Как Он почивает на этих силах, так же почивает и на языке Павла. Он был достоин воспринять Христа, так как возвещал то, что угодно Христу, и так как касался неизреченной высоты, как Серафимы. Я желал бы видеть не только прах уст, но и прах сердца его, которое безошибочно называют сердцем вселенной, источником бесчисленных благ, началом и элементом нашей жизни. Дух жизни его ниспослан здесь на всех и дарован членам Христовым. Я желал бы видеть его даже разрушенное, потому что оно выше небес, шире вселенной, светлее лучей, пламеннее огня, крепче адаманта, потому что оно удостоено возлюбить Христа, как никто другой не любил Его. Я желал бы видеть в узах прах рук его, возложением которых ниспослан Дух Святой, которыми написаны Божественные Писания, – тех рук, увидевши которые, ехидна упала в огонь. Я желал бы видеть прах очей, которые были справедливо ослеплены, но прозрели для спасения вселенной, которые были удостоены видеть даже Христа в теле, которые видели земное, не видя, и взирали на то, что недоступно видению, которые не знали сна, бодрствовали в полночь, которые не терпели того, что свойственно глазам. Желал бы также я увидеть прах ног его, которые обошли вселенную и не знали усталости, были заключены в колодки, когда поколебалась темница, обошли обитаемые и не населенные места, которые часто путешествовали.

О чем следует еще говорить? Желал бы я видеть гроб, в котором покоится оружие правды, оружие света, члены, теперь живые, но умерщвляемые, когда в них была жизнь, члены Христовы, облекшиеся во Христа, храм Духа, жилище святое, связанные Духом, прикрепленные к гробнице страхом Христовым, носящие язвы Христа. Это тело является стеной для того города и надежнее всякой башни и бесчисленных укреплений; вместе же с ним также и тело Петрово, потому, что он чтит его при жизни: *«ходил я в Иерусалим видеться с Петром»* (Гал.1:18). Поэтому благодать, когда он и умер, удостоила сделать Петра его сообитателем. Будем же подражать ему. Ведь он был человек, причастный нам по природе, имеющий общим и все прочее; но так как он показал великую любовь ко Христу, то он стал выше небес и находится с Ангелами. Поэтому, если бы и мы захотели немного возвыситься и возжечь в себе тот огонь, мы можем подражать тому святому. Если бы это было невозможно, он не воскликнул бы: *«подражайте мне, как я Христу»* (1Кор.4:16). Будем же не только удивляться ему и приходить в изумление, но и подражать, чтобы, и когда уйдем отсюда, быть удостоенными видеть его и быть участниками неизреченной славы, которой мы все да сподобимся благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым слава Отцу, со Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Слово 37. О молчании и о тайнах

Слово, произнесенное безрассудно, колеблет целые дома, губит души, наносит им непоправимый вред. Можно еще восстановить потерю в имуществе; вырвавшееся слово вернуть невозможно. «Ты, – говорится, – услышал слово, и пусть оно умрет с тобою» (Сир.19:10). Погаси его в себе, закрой, не позволяй выйти наружу, не позволяй ему двинуться. Умертви сказанное, предай забвению, чтобы тебе уподобиться не слышавшим этого. Многие люди, когда выдадут какую-нибудь тайну, начинают упрашивать услышавшего ее и заклинают не говорить еще никому другому, показывая этим, что они сделали дело, достойное осуждения. Если ты упрашиваешь не говорить этого никому другому, тем более тебе не следовало говорить прежде. Если ты хочешь, чтобы слово не переходило к другому, ты сам не должен говорить; когда же ты передаешь хранение слова другому, ты делаешь ненужное и неумное, прося его и заклиная относительно хранения сказанного. Но злословить приятно? Скорее приятно не злословить. Злословящий затем беспокоится, подозревает и боится, раскаивается, кусает язык свой, боясь и дрожа, как бы слово, сказанное другим, не произвело большой опасности; а тот, кто хранит его у себя в великой сохранности, живет в великом удовольствии. Не может быть, чтобы человек, пересуживающий чужую жизнь, заботился когда-нибудь о собственной жизни. Когда все его занятия идут на то, чтобы пересуживать других, его собственные дела по необходимости делаются кое-как и небрежно. Тот, кто сурово судит о чужих делах, никогда не будет пользоваться снисхождением по отношению к себе. Бог произнесет Свой приговор, глядя не только на природу наших грехов, но и на суд о других. Ему слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Слово 38. О непостыдном исповедании Честного Креста и о том, как Христос спас нас через него, и как нам в нем следует полагать славу свою; о добродетели и о том, как (Господь) хочет нашего спасения, и о милостыне.

Вот, братья, знамение, которое Господь всем нам обещал дать, говоря: *«Род лукавый и прелюбодейный ищет знамения; и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка»* (Мф.12:39), подразумевая Крест, смерть, погребение и Воскресение. И потом в другой еще раз, указывая на силу Креста, Он сказал: *«Когда вознесете Сына Человеческого, тогда узнаете, что это Я»* (Ин.8:28). То есть: «Когда пригвоздите Меня ко кресту и будете думать, что я побежден, тогда всего более познаете Мое могущество». И превосходно сказал Христос! После того, как Христос был пригвожден ко кресту, иудейские обычаи прекратили свое существование, проповедь процвела, слово распространилось до пределов вселенной, земля и море, обитаемые места и необитаемые повсюду возвещают Его силу. Никто да не стыдится честных знаков нашего спасения и самого главного из наших благ, которым мы живем и существуем. Как венок, будем носить Крест Христов. Все важное для нас совершается через него: нужно ли было совершиться возрождению – явился Крест; нужно ли вкусить таинственную пищу, принять поставление или сделать что-либо другое – везде является нам этот символ победы. Поэтому мы и изображаем его с великим усердием в жилищах, на стенах, на дверях, на челе и в душе. Это есть знак нашего спасения, общей свободы и благоволения к нам Господа: *«как овца, веден был Он на заклание»* (Ис.53:7).

Итак, когда знаменуешь себя крестом, размысли о всем значении креста, укроти гнев и все прочие страсти; когда полагаешь на себе крест, пусть лицо твое будет исполнено

великого дерзновения, и душу свою сделай свободной. Знайте во всяком случае, что дает нам свободу. Поэтому и Павел, возводя нас к этому (я говорю о приличной для нас свободе), поступал так, вспоминая о Кресте и о Крови Господней: *«Вы, – говорит, – куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков»* (1Кор.7:23). «Подумай, – говорит, – о цене, данной за тебя, и ты не будешь ничьим рабом из людей»; ценой же он называет Кровь, пролитую на Кресте. Поэтому не следует изображать его просто перстом, но прежде своей волей с великой верой и уже потом осенять им лицо. Никто из нечистых демонов не в силах будет стоять вблизи тебя, видя тот меч, от которого он принял удар, видя меч, которым он был усечен на смерть. Если мы дрожим, видя места, на которых осужденные терпят казнь, подумай, что испытает дьявол, видя оружие, которым Христос уничтожил всю его силу и которым отсек главу дракона. Не стыдись же этого блага, чтобы и тебя не постыдился Христос, когда Он придет в славе Своей, и когда наперед явится это знамение, сияющее ярче лучей солнечных. Именно тогда явится Крест, говорящий самым видом своим, оправдывающий Господа перед всей вселенной и показывающий, что Он ничего не упустил из того, что нужно для людей. Это знамение еще при наших предках открывало заключенные двери; оно уничтожало губительные яды; оно разрушало силу цикуты; оно исцеляло укушения вредоносных животных. Если оно открыло врата ада, поколебало своды неба и обновило вход в Рай, если перерезало дьявольские сети, что же удивительного в том, что оно победит губительные яды, зверей и все прочее? Начертай его в твоей мысли, обними спасение наших душ.

Этот Крест обратил вселенную, изгнал заблуждение, явил истину, землю сделал небом, людей превратил в ангелов. Поэтому и демоны уже не страшны более, но заслуживают презрения, и смерть уже не смерть, а сон; поэтому все, что враждует с нами, низвергнуто долу и помянуто. Если же скажут тебе: «Ты чтишь Распятого», – скажи громким голосом и с радостным лицом: «Да, чту, и никогда не перестану делать это». Если же кто станет смеяться, пролей над ним слезы, потому что

он безумствует. Возблагодари Господа за то, что Он дал нам такие благодеяния, каких нельзя и узнать без откровения свыше. Он потому и смеется, что *«душевный человек не принимает того, что от Духа Божия»* (1Кор.2:14). Ведь вот дети допускают это, когда видят что-либо великое и удивительное: если ты поведешь его к Таинству, дитя будет смеяться. На детей похожи и эллины, но они гораздо несовершеннее, чем те, а потому и более жалки, так как допускают свойственное детям не в незрелом, а в совершенном возрасте: отсюда они недостойны и прощения. Но мы будем кричать и говорить громким голосом, ясно и открыто; если бы здесь были на лицо все эллины, мы скажем с тем большей свободой, что Крест – наша радость и главное из всех благ, что он – наша свобода и совершенный венец. Я хотел бы получить возможность сказать вместе с Павлом: *«Для меня мир распят, и я для мира»* (Гал.6:14), но я не могу, так как отягчен разнообразными страстями. Поэтому я умоляю вас, прежде же вас – себя: пригвоздиться миру и не иметь ничего общего с землей, но взирать на горнее отечество, на нездешнюю славу и на вечные блага.

Мы – воины Царя Небесного и облечены в духовное оружие; зачем же мы ведем жизнь лавочников и бродяг, даже более – жизнь червей? Где Царь, там следует быть и воину. Мы сделались воинами, но не из тех, кто стоит вдали, а кто вблизи. Царь земной не позволил бы быть всем в царском дворце, и даже около него; Царь же Небесный хочет, чтобы все были вблизи Царского трона. «Но как же, – скажут, – можно, будучи здесь, стоять возле того трона?» Но ведь Павел, будучи на земле, был же там, где Серафимы, где Херувимы и ко Христу был ближе, чем те телохранители к царю. Они часто обращают свои взоры повсюду, этот же ни о чем не думал, ничто его не привлекало, но все его мысли были напряжены по направлению к Царю и Господу. Итак, если бы мы захотели, это было бы возможно также и для нас. Если бы Он был отделен от нас местом, ты был бы прав в своем изумлении; если же Он повсюду, Он близок к тебе, когда ты стараешься и стремишься. Поэтому пророк и говорил: *«Не убоюсь зла, потому что Ты со*

мной» (Пс.22:4). А затем Сам Бог говорит: «Разве Я – Бог только вблизи... а не Бог и вдали?» («Бог приближаясь Аз есмь... а не Бог издалеча») (Иер.23:23). Итак, как грехи удаляют нас от Него, так правда приводит нас к Нему. «Тогда ты воззовешь, – говорит, – и Господь услышит; возопиешь, и Он скажет: «вот Я!» (Ис.58:9). Какой отец когда-нибудь выслушивает так рожденных им? Какая мать так готова и так постоянно настороже, когда бы ее ни позвали дети? Нет таких ни отца, ни матери. Бог же постоянно ожидает, не позовет ли Его кто-нибудь из Его слуг, и никогда не оставит без ответа, если Его позовут, как должно. Призовем же и мы Его, как Он хочет, чтобы мы звали Его. А как Он хочет? «Разрешь, – говорит, – оковы неправды, развяжи узы ярма, и угнетенных отпусти на свободу, и расторгни всякое ярмо; раздели с голодным хлеб твой, и скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого, одень его, и от единокровного твоего не укрывайся. Тогда откроется, как заря, свет твой, и исцеление твое скоро возрастет, и правда твоя пойдет пред тобою, и слава Господня будет сопровождать тебя. Тогда ты воззовешь, и Господь услышит; возопиешь, и Он скажет: «вот Я!» («Разрешай всяк союз неправды, разрушай обдолжения насильных писаний... всякое писание неправедное раздери: раздробляй алчущим хлеб твой и нищия безкровныя введи в дом твой: аще видиши нага, одей, и от свойственных племени твоего не презри. Тогда разверзется рано свет твой, и исцеления твоя скоро возсияют, и предыдет пред тобою правда твоя, и слава Божия обьимет тя. Тогда воззовеши, и... услышу тя, ...еще глаголющу ти... скажу: се, приидох») (Ис.58:6–9). Но кто же, – скажут, – все это в состоянии сделать? А кто не в состоянии, скажи мне? Что в сказанном замысловатого? Что затруднительного? Что нелегкого? Да это и не только возможно, но и совершалось, потому что многие даже превзошли меру сказанного, не только раздирая неправедные писания, но отказываясь и от своего; не только принимая под свой кров и допуская к столу бедных, но даже напряженно трудясь для того, чтобы дать пропитание бедным; благодетельствуя не только родственникам, но и врагам. Что же

вообще из сказанного трудно? Он не сказал: взойди на гору, перейди море, рассеки столько и столько-то слоев земли, оставайся голодным, надень вретисце, но: «поделись жилищем, удели от хлеба, раздери несправедные писания». Что, скажи мне, легче этого?

Если же ты и это считаешь затруднительным, взгляни на награды, и все станет для тебя легким. Как цари на ристалищах раскладывают перед состязающимися венки, одежды и награды, так и Христос посреди ристалища полагает победные награды, предлагая их, точно при посредстве многих рук, через слова пророческие. Цари, хотя бы они были царями тысячи раз, но так как они все-таки люди, и достояние их расходуется, средства уменьшаются, они имеют склонность немного выдавать за многое, поэтому, вручая каждому из служителей в отдельности по одной из всех вещей, они, таким образом, выставляют их напоказ. Наш же Царь поступает совершенно обратно: соединивши все вместе, так как достояние Его велико и Он ничего не делает напоказ, Он таким образом полагает на виду у всех то, что распространено до безграничности, и Ему будет нужно много рук, чтобы сохранить это. А чтобы ты узнал это, тщательно просмотри в отдельности все, что дано. *«Тогда, – говорится, – разверзется рано свет твой»*. Ты, может быть, думаешь, что это один дар? Нет, не один: внутри его скрыто многое: венки, трофеи и иные награды. И, если угодно, мы, разъяснивши, покажем все это богатство, как сумеем. Только бы не утомить вас! И прежде всего узнаем, что значит *«разверзется»*. Он показывает нам этим скорость и обилие, и то, как Он хочет нашего спасения, и как желает и ведет к тому, чтобы эти блага явились, и как ничто не будет препятствовать их невыразимому течению: всем этим он показывает их обилие и безграничность средств. Что значит *«рано»*? Это значит: не после того как ты будешь охвачен искушениями, и не после наступления зла, но прежде, чем явится все это. Как о плодах мы говорим: «ранний», именно, явившийся прежде времени, так и здесь. Он сказал так, снова обозначая скорость, как я приводит уже выше: еще говорящему тебе скажу: *«вот Я»*. Про какой это свет Он говорит, и что это будет за свет? Это не

чувственный свет, а гораздо лучше, тот свет, что показывает нам Небо, Ангелов, Архангелов, Херувимов, Серафимов, Престолы, Господства, Начальства, Власти, все воинство, царские грады, скинии. Если ты будешь удостоен того света, увидишь это, освободишься от геенны и червя вредоносного, от скрежета зубовного, от уз печали, от тесноты и скорби, и мрака беспросветного, от рассечения надвое, от огненных рек, от проклятия, от мест печали, и пойдешь туда, откуда отбежала болезнь и печаль, где великая радость, мир и любовь, наслаждение и веселье, где жизнь вечная, слава несказанная и красота невыразимая, где вечные скинии, слава Царская неизреченная и те блага, которых глаз наш не видел, ухо не слышало и мысль о которых не приходила человеку на ум (2Кор.2:9), где место духовного брака и небесное брачное ложе, где девы с зажженными светильниками и в брачном одеянии, где местопребывание Господа и Царские сокровищницы.

Видишь, сколько наград, и сколько их Он обозначил одним словом и как сопоставил все вместе? Так объясняя и каждое из следующих по порядку речений, мы найдем великое обилие и море необъятное. Не будем же откладывать, не станем медлить с помощью нуждающимся; не будем, умоляю вас, но, если потребуется все отбросить, если потребуется кинуться в огонь, пойти на меч, столкнуться в смертельном столкновении или потерпеть что-нибудь другое – все перенесем с легкостью, чтобы иметь возможность иметь на себе Духа Святого. Великой честью Он почтил и того, кому вручено действие Божественных Таинств: велико достоинство священников. *«Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся»* (Ин.20:23). Поэтому и Павел сказал: *«повинуйтесь наставникам вашим и покоряйтесь»* (Евр.13:17), и преимущественно почитайте их. Ты имеешь попечение о своих делах. Если ты устроишь их надлежащим образом, ни о чем другом у тебя не будет заботы. Иерей же, если и устроит надлежащим образом свою жизнь, но не будет со вниманием заботиться о твоей, пойдет в геенну вместе с злодеями; часто, не имея осуждения за свои дела, он получает гибель за ваши, если не устроит надлежащим образом все, требуемое от него.

Зная, как велика опасность, окажите ему великое же благоволение – на что указывает и Павел, говоря, что *«они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет»* (Евр.13:17). Следует относиться к ним с великой заботливостью. Если же вместе с другими нападаете на них и вы, тогда и ваши дела не будут в хорошем состоянии. Пока кормчий чувствует себя хорошо, будут в сохранности и едущие с ним. Если же они станут бранить его и будут относиться к нему со враждой, он будет не в состоянии ни трудиться и бодрствовать, ни сохранять своего искусства и, не желая, подвергнет их тысячам опасностей. Так и иерей: если он будет пользоваться со стороны вас заботливостью, он надлежащим образом управит и ваши дела. Если же вы, дав волю рукам, повергнете их в уныние, тогда отдадите вместе с собой и их во власть волн; хотя бы они были очень храбры. Подумай, что говорит об иудеях Христос: *«На Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; итак все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте»* (Мф.23:2–3). Теперь нельзя сказать: «на Моисеевом седалище воссели иереи», но – «на седалище Христа», потому что они приняли Его учение. Поэтому и Павел говорит: *«как бы Сам Бог увещевает через нас; от имени Христова просим»* (2Кор.5:20). Не видишь ли ты на примере внешних начальников, как все повинуются им, и даже те, кто часто выше судей и родом, и жизнью, и благоразумием. Однако же, принимая во внимание того, кто поставил их, они ни о чем таком не думают, но повинуются царскому решению, каков бы ни был человек, получивший власть. Вот как боятся, когда поставил человек; если же поставил Христос, неужели мы выскажем по отношению к Нему небрежение, неужели оскорбим Его, неужели обременим бесчисленными поношениями? Мы, которым не дозволено судить братьев наших, неужели станем изощрять язык свой против священников? Разве достойно какого извинения то, когда в своем глазу мы не замечаем бревна, в чужом же глазу тщательно рассматриваем сучок? Разве ты не знаешь, что, судя так, ты готовишь себе суд еще тяжелее? Я говорю это, не оправдывая тех, кто правит священство недостойно, но сожалея и плача над ними. Однако я говорю, что на этом

основании они не могут быть судимы подчиненными, хотя бы жизнь их и заслуживала сильного порицания. Ты же, если поразмыслишь в себе, не будешь испытывать смущения относительно врученного ему Богом. Ведь если Бог сделал слышным Свой голос через ослицу, и если через прорицателя даровал духовные благословения, действуя через неразумные уста и через нечистый язык Валаама, ради иудеев, которые оскорбляли Его, тем более Он устроит все Свое ради вас, благомыслящих, хотя бы священники были очень дурны, и пошлет Духа Святого. Ведь и чистый священник привлекает Его не своей чистотой, но благодать есть сила, действующая во всем. *«Павел ли, или Аполлос, или Кифа... – все ваше»* (1Кор.3:22). То, что вручено священнику, может даровать только Бог, и чего бы ни достигла человеческая мудрость, она окажется меньшей, чем благодать. Это я говорю не затем, чтобы нам нерадиво устраивать свою жизнь, но чтобы вы, подчиненные, не увеличивали зачастую свое зло в то время, когда некоторые из предстоятелей нерадивы. Да что я говорю – иереи? Ни Ангел, ни Архангел не в состоянии что-либо сделать в том, что дано Богом, но Отец, Сын и Святой Дух управляют всем; священник же служит своими устами и простирает руки свои. Да и несправедливо было бы людям, которые с верой приступают к символам нашего спасения, терпеть вред по неправде другого. Зная все это, станем же бояться Бога и почитать священников Его, оказывая им всякую честь, чтобы нам воспринять воздаяние от Бога и за собственные свои подвиги, и за великое о тех попечение, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава во веки веков. Аминь.

Слово 39. О том, что Бог дал нам много путей для того, чтобы не грешить, если хотим, и что тому, кто намерен получить Царство Небесное, следует соблюдать все заповеди; соблюдающий же одни и нарушающий другие узнает в геенне, чем он отличается от других людей.

Снова, возлюбленные, я вынуждаюсь говорить о предметах настоящей жизни. Что же делать? Не хотел бы, но принужден. Если бы можно было, молча и не говоря ни о чем из случившегося, уничтожить это молчанием – следовало бы молчать; но если бывает обратное, если случившееся, когда мы молчим, не только не уничтожается, но становится еще обременительнее, необходимо говорить. Обличающий грешников, если не сделает ничего другого, то хотя бы не дозволит им идти дальше. Нет души настолько бесстыдной и наглой, чтобы, слушая непрерывно, как некоторые обличают ее, она не почувствовала стыда и не оставила великую неправду. Ведь есть же, есть хоть немного стыда и в человеке бесстыдном, потому что Бог насадил стыд в нашей природе. Так как страх недостаточен, чтобы сдерживать нас, то Он приготовил много и других путей к тому, чтобы мы не грешили, например – обличение человека, страх перед установленными законами, любовь к славе, влияние дружбы. Все это пути к тому, чтобы не грешить. Часто чего не совершается действием Бога, то бывает из-за страха перед людьми. Желательно же следующее: научить сначала не грешить, а потом мы исправим это тем, чтобы делать это при помощи Божией. Для чего же и Павел убеждает тех, кто имеет намерение повлиять на своих врагов, делать это, внушая не страх перед Богом, но то, что его ждет возмездие? *«Делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья»* (Рим.12:20). Между тем, он хочет того, чтобы была исполнена добродетель.

Итак, в нас есть, как я сказал, некоторый стыд. По природе мы имеем много благ, располагающих нас к добродетели – например, все люди склонны от природы к жалости, и ни одно благо не заложено в нашу природу так прочно, как это. На этом основании имеют право спросить: отчего же в нашу природу заложено всего более то, чтобы сокрушаться слезами, склоняться, чувствовать готовность? Всякий человек не от природы беспечен, не от природы ему чуждо тщеславие, не по природе он выше зависти, но сострадание заложено во всех по природе, хотя бы кто-либо и был жесток и суров. И что удивительно! Мы жалеем и зверей – в таком избытке в нас заложена жалость. Если мы видим львенка, мы нечто испытываем, тем более, когда видим существо той же природы. Взгляни, сколько увечных. Это достаточно, чтобы возбудить в нас сострадание. Ничто так не радует Бога, как милостыня. Поэтому священники помазываются елеем, тоже цари и пророки: елей – символ милосердия Божия. Сверх того, они научались, что начальнику следует иметь больше сострадания; им показывалось, что даже Дух имеет снизойти на человека ради сострадания. Так как Бог оказывает людям сострадание и милосердие, поэтому и они помазываются елеем. Именно священство Он установил по Своему милосердию. Цари тоже помазываются елеем, потому что говорится: *«Ты всех милуешь, потому что все можешь»* (Прем.11:24). Если кто-нибудь хочет похвалить начальника, он ничего не найдет сказать ему более приличного, чем о милосердии. Подумай, что мир сотворен по милосердию, и подражай Господу. *«Милость человека – к ближнему его, а милость Господа – на всякую плоть»* (Сир.18:12). Будешь ли ты говорить о грешниках, или о праведниках – всем нам нужна милость Божия, все мы пользуемся ею, хотя бы это был Павел, или Петр, или Иоанн. Не нужно наших слов – выслушай, что они говорят сами. Что же говорит тот блаженный? *«Помилован потому, что так поступал по неведению, в неверии»* (1Тим.1:13). Что же? После этого он не нуждался в милости? Выслушай, что он говорит: *«Я более всех их потрудился: не я, впрочем, а благодать Божия, которая со мною»* (1Кор.15:10); и об Епафродите говорит: *«Ибо*

он был болен при смерти; но Бог помиловал его, и не его только, но и меня, чтобы не прибавилась мне печаль к печали» (Флп.2:27); и еще: «мыотягчены были чрезмерно и сверх силы, так что не надеялись остаться в живых. Но сами в себе имели приговор к смерти, для того, чтобы надеяться не на самих себя, но на Бога, воскрешающего мертвых, Который и избавил нас от столь близкой смерти, и избавляет, и на Которого надеемся, что и еще избавит» (2Кор.1:8–10); еще: «яизбавился из львиных челюстей. И избавит меня Господь» (2Тим.4:17–18). И повсюду находим, как он радуется тому, что по милости был спасен. Петр был таким также по милосердию. Выслушай, как Христос говорит к нему: «Сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу, но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя» (Лк.22:31–32). И Иоанн был таким по милосердию. Одним словом, все. Выслушай, что говорит Христос: «Не вы Меня избрали, а Я вас избрал» (Ин.15:16).

Все мы нуждаемся в милосердии Божиим. «Милость... Божия, – говорится, – на всякую плоть». Если те нуждались в милосердии Божиим, что же сказать про остальных? Отчего, скажи мне, Он посылает солнце на злых и праведных? Что, если бы Он удержал на год дождь, не погубил ли бы Он всех? А если бы послал наводнение? Если бы – чрезмерный дождь? А что было бы, если бы Он послал мух? Да что говорить? Не погибли ли бы все, если бы Он сделал так, как некогда? «Что есть человек, что Ты помнишь его» (Пс.8:5)? Благовременно сказать теперь: «Если только Он выскажет прещение, все станут как один гроб. Как капля воды из кадки, так, говорится, народы перед лицом Его; они будут вменены, как плюновение, как колебание весов». Как легко нам сдвинуть стрелку весов, так Ему легко погубить все и снова возродить. Тот, Кто имеет над нами такую власть, видит, как мы каждодневно грешим, и не наказывает – неужели Он не оставляет нас не по милосердию? Равным образом и наше имущество – тоже по милосердию. Он призрел на землю и наполнил ее живыми существами. Для чего? Для тебя. Тебя же почему сотворил? По благи. Нет ничего лучше ел: он – источник света, и там милосердие тоже

будет источником света. «Разверзется, – говорится, – рано свет твой» (Ис.58:8), если ты окажешь милость ближнему. Как елей удерживает этот свет, так милостыня подает нам там великий и удивительный свет. У Павла было великое понимание этого рода милосердия. Выслушай, что он говорит: «только чтобы мы помнили нищих» (Гал.2:10), и в другом месте: «если прилично будет и мне отправиться» («аще достойно будет и мне ити») (1Кор.16:4). И повсюду, выше и ниже, ты видишь, как он заботится об этом. Еще: «Пусть и наши учатся упражняться в добрых делах» (Тит.3:14), и еще: «это хорошо и полезно человекам» (Тит.3:8). Выслушай, что говорит и другой: «милостыня от смерти избавляет» (Тов.12:9). «Если Ты, Господи, будешь замечать беззакония, – Господи! кто устоит» (Пс.129:3)? «И не входи в суд с рабом Твоим» (Пс.142:2). «Великое – человек и драгоценное – человек милосердный, но найти правдивого человека трудно». («Велика вещь человек, и драгая муж, творяй правду») (Притч.20:6). Вот что значит человек милосердный! Даже более: Бог есть то, чтобы быть милосердным. Видишь, какова сила милосердия Божия? Оно совершило все, оно и мир создало единственно по благодати; ради него и геенной Он угрожал для того, чтобы мы достигали Царства; Царства же мы достигаем через милосердие. Почему Он, Единый, сотворил столько? Не по благодати ли? Не по человеколюбию ли? Если станешь спрашивать: «Почему то, почему это?» – повсюду увидишь одну только благодать.

Будем же милосердны, чтобы и нам была оказана милость. Не столько тем, сколько самим себе мы собираем милость в тот день, когда пламя огня будет свирепствовать. Милосердие умеряет огонь и служит для нас источником света, через него мы освободимся от геенны огненной. На каком основании Он сжалится над нами и окажет милость? Сострадание происходит от любви. Ничем нельзя так обрадовать Бога, как милосердием. У нас есть пять чувств, и как всеми ими следует пользоваться по нужде, так и всеми добродетелями. Если бы кто-нибудь был целомудрен, но не имел сострадания; или если бы кто подавал милостыню, но был корыстолюбив; или воздерживался бы от

чужого, но не уделял из своего – все было бы напрасно. Нам недостаточно одной добродетели, чтобы с дерзновением приступить к Престолу Христову, но необходимо много добродетелей, различных, разнокачественных, всяких. Выслушай, что говорит Он Своим ученикам: *«Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам»* (Мф.28:19–20), и еще: *«кто нарушит одну из заповедей сих малейших... тот малейшим наречется в Царстве Небесном»* (Мф.5:19), то есть в воскресении, значит: «не войдет в Царство»; Царством же он, очевидно, называет самое время воскресения. «Если, – говорится, *нарушит одну... малейшим наречется»* – итак, мы должны соблюдать все заповеди. Посмотри, насколько невозможно войти помимо милостыни, но если бы даже она одна была оставлена, мы пойдем в огонь. *«Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его»*. Но за что же и почему? *«Ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня»*(Мф.25:41–42). Видишь, как, не имея никакой другой вины, они погибли только поэтому? И девы только за это были изгнаны из брачного чертога, хотя они и сохранили целомудрие. *«Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа»* (Евр.12:14). Конечно, думай так, что и без чистоты нельзя увидеть Господа. Но одна чистота не делает способным видеть Его во всех случаях: часто другое что-либо препятствует.

Еще: если мы все исполним, но не принесем пользы ближнему, мы так и не войдем в Царство. Откуда это известно? Из случая со слугами, которым были вверены таланты. Добродетель там вся была чистая и ни в чем не имела недостатка; но так как он был нерешителен в действии, он справедливо был извергнут. Можно и за одно злословие впасть в геенну: *«Кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной»* (Мф.5:22). Если кто-нибудь все исполнит, но будет гневаться, он не войдет. И пусть не упрекают в жестокости Бога, когда Он извергнет впавших в этот грех из Царства Небесного. Если даже у людей, когда кто-либо сделает беззаконие, он удаляется с глаз царя, хотя бы нарушил всего один из

установленных законов; если, далее, обвиняя, дозволят себе клевету, теряют власть; если кто-либо будет уличен в прелюбодеянии, считается недостойным и погибает, хотя бы совершил бесчисленное количество правых дел; если совершит убийство и будет уличен, то этого достаточно, чтобы его погубить, – если человеческие законы пользуются такой охраной, тем более законы Божии. Но, – скажут, – Он Благ. До каких же пор мы будем приводить это глупое основание? Я сказал: «глупое» не потому, чтобы Он не был Благ, но потому, что мы считаем благодать Его полезной для вышеуказанного, хотя мы уже тысячи раз говорили об этом. Выслушай, что говорит Писание: «Не говори: щедроты Его многи, множество грехов моих очистит» (Еккл.5:6). Оно вообще не препятствует говорить нам: «щедроты Его многи», оно убеждает не в этом, и напротив, желает, чтобы мы непрестанно говорили это, к этому и Павел клонит все свои поучения, – препятствует же только ради того, что следует далее: «не удивляйся, – говорится, – человеколюбию Божию по тому поводу, что ты грешишь и можешь сказать: множество грехов моих очистит».

Мы говорили так много о благодати не для того, чтобы, уповая на нее, нам дозволять себе все, но чтобы не отчаиваться в грехах, а каяться. Благодать Божия ведет тебя к покаянию, а не к большей неправде. Если же ты становишься через благодать порочным, ты возводишь на нее особенную клевету перед людьми, потому что многие, я вижу, обвиняют долготерпение Божие, так что понесешь наказание за то, что не воспользовался ею на должное. Бог Милосерд, но Он и Правый Судья: прощая грехи, Он однако каждому воздает по делам его. Он оставляет неправду, уничтожает беззаконие, но Он же и испытывает. Но как же это не противоречит одно другому? Не противоречит, если мы разделим то и другое временем: Он уничтожает неправды здесь, через крещение и покаяние, испытание же совершенного творит там, через огонь и муки. Если, – скажут, – я сделаю бесчисленные неправды, а низвергнут буду и лишен Царства за одну из них, тогда почему же мне не совершать всякое зло? Это слово неблагодарного раба; однако мы опровергнем и это слово. Не делай зла, чтобы

себе самому принести пользу. Все мы одинаково будем лишены Царства, в геенне же потерпим не все одно и то же наказание, но один – большее, другой – меньшее. Если вы оба: ты и он не соблюли, но один не соблюл большее, другой – меньшее, вы одинаково будете лишены Царства. Но если вы не соблюли не одинаково, но один – в большем, другой – в меньшем, вы почувствуете разницу и в геенне. Почему же, – скажут, – Он угрожает не подающим милостыни тем, что они пойдут в огонь, и не просто в огонь, а в огонь, уготованный дьяволу и ангелам его? Для чего это и почему? Бог ни на что так не гневается, – это Он полагает впереди всякого зла. В самом деле, если следует любить даже врагов, то какого наказания не будет достоин тот, кто губит своих друзей, и в этом отношении хуже даже язычников? Таким образом, размер греха сделал то, что он идет с дьяволом.

«Горе тому, кто не творит милостыни». Если же так было в Ветхом Завете, тем более – в Новом. Если там, где дозволялось приобретение имущества, пользование им и забота о нем, такая предусмотрительность направлялась для помощи бедным, то насколько же более она требуется, когда мы получили приказание оставить все? Чего не делали те? Они уделяли десятины и еще десятины сиротам, вдовам, прозелитам. А мне кто-то с удивлением говорил: «Такой-то отдает десятину!» Какой же стыд, если то, что не было удивительным у иудеев, стало удивительным для христиан. Если тогда было опасно уклоняться от десятин, подумай, как это опасно теперь. Затем: «пьяницы не наследуют Царства». Но что же говорят многие? Если и я, и он в одинаковом положении, это немалое облегчение. Что это значит? Прежде всего, ведь ты и он потерпите не одно и то же наказание, – это просто не облегчение. Общение в страданиях тогда доставляет утешение, если страдания умеренны; если же они чрезмерны и повергают нас в исступление, это уже перестает давать облегчение. Скажи обезображенному мукой, брошенному в огонь, что и такой-то терпит то же самое, он не почувствует облегчения. Не вместе ли погибали израильтяне? Какое же это принесло им облегчение? Не огорчало ли это их еще более? Поэтому, они и говорили:

«Вот, мы умираем, погибаем, все погибаем!» («потребихомся, погибохом, исчезохом») (Числ.17:12). Какое уж это утешение? Напрасно мы утешаем себя надеждами. Одно есть облегчение – вовсе не впадать в тот неугасающий огонь. Впавши же, невозможно получить облегчение там, где скрежет зубов, плач, где червь неумирающий и огонь неугасающий. О каком, скажи мне, ты думаешь облегчении? Ты ведь останешься с самим собой. Не будем же, прошу вас и умоляю, понапрасну обманывать себя, не будем утешать себя теми речами, но будем делать то, что в состоянии нас спасти. Тебе предложено воссесть со Христом, а ты так торгуешься относительно этого? Какое наказание следует нам потерпеть за одни эти слова, если бы даже никакого другого греха не было! Мы так невежественны, так жалки и несчастны, что, в то время как нам предложена такая честь, мы говорим это. А когда ты будешь думать о тех, что поступали тогда правильно, не будешь ли ты томиться еще больше? И когда увидишь, что там есть и из рабов, и из худородных, потрудившиеся немного здесь и там допущенные к Царскому трону – не будет ли это для тебя хуже всякого наказания? Если теперь, видя, как некоторые пользуются славой, ты от одного этого, хотя бы не потерпел никакого зла, страдаешь больше, чем от всякого наказания, плачешь над самим собой, проливаешь слезы, считаешь себя достойным тысячи смертей, что ты будешь чувствовать там? Если бы не было геенны, одна мысль о Царстве не достаточна ли была бы для того, чтобы тебя погубить и уничтожить? А что это будет так, это можно узнать, испытывая обстоятельства. Итак, не станем же понапрасну утешать себя такими речами, но будем внимательны, будем заботиться о своем спасении, будем иметь попечение о добродетели, будем возбуждать себя к деланию добрых дел, чтобы нам удостоиться достигнуть великой славы во Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Отцу и Святому Духу держава, слава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Слово 40. О том, что нужно все делать и предпринимать ради спасения наших братьев, и что великое благо – прощать грехи согрешившим против нас, что это больше милостыни.

Нет, братья, блаженства выше, чем получить Царство Небесное, и нет большего несчастья, чем потерять его. Ведь если изгнанный из отечества заслуживает всеобщего сострадания и потерявший наследство кажется для всех жалким, то какими же следует оплакивать слезами того, кто ниспал с неба, лишившись предлежащих там благ? Как не оплакивать его? Плачут, когда кто-либо страдает будучи невинным. Когда же он впадет в неправду по собственному изволению, таковой достоин не слез, но воплей; поистине он достоин тогда скорби. Ведь и Господь наш Иисус Христос скорбел и пролил слезы об Иерусалиме, хотя он был нечестивым. Поистине мы достойны бесчисленных рыданий, бесчисленных сетований! Если бы вся вселенная, получив голос, если бы камни и лес, деревья, звери, птицы, рыбы – одним словом, если бы вся вселенная, получив голос, стала оплакивать нас, лишившихся тех благ, и тогда она не оплачет нас в надлежащей мере, не даст нам надлежащих сетований. Какое слово в состоянии обнять, какой ум представит то блаженство, ту добродетель, наслаждение, славу, радость, веселие – *«не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку»* (1Кор.2:9)? Он не сказал просто: «превосходит», но – «нельзя и представить, что приготовил Бог любящим Его» (1Кор.2:9). Так как Бог уготовлял и устраивал те блага, то каковы же они предположительно должны быть? Если сотворив нас, Он сейчас же, в то время когда мы не сделали еще ничего, оказал столько благодеяний – даровал Рай, общение с Собой, обещал бессмертие, жизнь блаженную и свободную от забот, то чего же Он не даст тем, кто столько потрудился, боролся, страдал за Него? Он не пощадил

для нас Единородного, Истинного Сына Он предал на смерть ради нас, бывших врагами: чего же не удостоит Он нас, когда мы стали Его друзьями? Чего не даст нам, примирив нас с Собой? Богатый чрезвычайно и Неизмеримый, Он хочет и старается приобрести наше расположение; мы же, возлюбленные, не так стараемся приобрести – да что говорю: «не стараемся» – не так хотим получить те блага, как хочет Он. А что Он хочет более, чем мы, это Он показал через то, что сотворил. Мы ради себя самих с пренебрежением отнесемся разве к небольшому количеству серебра, Он же отдал ради нас даже Сына Своего. Воспользуемся же, как должно, любовью Божией, причастимся расположения Его.

«Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам» (Ин.15:14). Взгляните – врагов, безмерно отстоящих от Него, кого Он во всем превосходит безмерно, их Он называет Своими друзьями. Чего же не следует потерпеть ради такого расположения? За дружбу человеческую мы часто подвергаемся опасностям, – неужели же не отвержемся имущества за расположение Божие? Скорби заслуживает наше положение, скорби, слез и рыданий, великих сетований и воплей. Мы лишились нашей надежды, низвергнуты с высоты нашей, явились недостойными чести Божией, стали непризнательными и неблагодарными после благодеяний: дьявол отнял у нас все эти блага. Удостоенные быть сынами, братьями и сонаследниками, мы стали нисколько не отличаться от врагов Его, оскорбляющих Его. Какого же ждать нам снисхождения? Он призвал нас к Небу, а мы низвергли себя в геенну. Ложь, воровство, прелюбодеяние излились на землю. Одни кровь смешивают с кровью, другие делают дела худшие, чем кровь; многие из обижаемых и обманутых желают лучше умереть бесчисленное количество раз, чем терпеть это, и если бы их не удерживал страх перед Богом, они наложили бы на себя руки – так они жаждут своей смерти. Разве это не хуже крови? *«Горе мне! Ибо... не стало милосердых на земле, нет правдивых между людьми» («У люте мне, душе! Яко погипе благочестивый от земли, и исправляющаго в человецех несть»)* (Мих.7:1–2).

Теперь мы будем взывать прежде всего о самих себе. Но вы присоедините к моим свои слезы. Может быть, кто-нибудь будет обращаться за предзнаменованиями, станет смеяться. Следует увеличить слезы оттого, что мы безумствуем и заблуждаемся до такой степени, что даже не знаем, что мы безумствуем, но смеемся над тем, о чем следует рыдать. *«Открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков, подавляющих истину неправдою» (Рим.1:18). «Грядет Бог наш, и не в безмолвии» («Бог яве приидет») (Пс.49:3). «Перед лицом Его огонь возгорится и поглотит окрест враги Его» (Пс.96:3). «День Господень, пылающий как печь» (Мал.4:1).* И никто не берет этого на ум, но эти страшные и ужасные догматы пренебрегаются и преступаются больше всяких басней; и нет никого, кто бы слушал это, но все смеются и издеваются. Какой же исход предстоит нам? Откуда мы получим спасение? *«Умираем, погибаем» (Числ.17:12)*, стали предметом насмешки для врагов наших и издевательства – для язычников и демонов. Дьявол превозносится, ликует и радуется; все Ангелы, которым мы вверены, в стыде и печали. Нет обращающегося – неужели же все потрачено нами напрасно, и неужели мы кажемся для вас болтунами? Благовременно воззвать теперь к небу, потому что нет никого слышащего, и стихии призвать в свидетели. *«Слушайте, небеса, и внимай, земля, потому что Господь говорит» (Ис.1:2).*

Дайте руки, протяните их вы, которые еще не потонули, к тем, кто погибает от невоздержания, здоровые к больным, здравомыслящие к безумствующим и колеблющимся. Никто пусть не предпочитает спасению друга его благодарности; и гнев его, и обличение пусть направляется к одной его пользе. Когда приключится с кем-либо лихорадка, и рабы становятся сильнее господ. Господин лежит в жару, душа в нем возмущена, а множество рабов тут же, никого не слушаются и не исполняют законов господина во вред господину. Умоляю вас: воспрянем. Ежедневные войны, потопления, бесчисленные гибели кругом, повсюду гнев Божий; мы же, точно угодные Ему, чувствуем себя в безопасности: все простираем руки свои на корыстолюбие, и никто – на помощь, все – на грабеж, и никто –

на заступничество. Каждый старается о том, как бы умножить свое достояние, и никто, чтобы помочь нуждающемуся; каждый имеет великую заботу о том, чтобы увеличить имущество, и никто, чтобы спасти свою душу. Один страх владеет всеми – чтобы не стать, говорят, нам бедными; о том же, чтобы не впасть в геенну, никто не беспокоится и не трепещет. Это достойно слез, это достойно обличения, осуждения. Я не хотел бы говорить об этом, но вынуждаюсь скорбью. Простите, меня вынуждает скорбь – я многое говорю, о чем бы и не хотел. Я вижу тяжкий удар, безутешное несчастье; зло, поразившее нас, не поддается утешению: мы погибаем. *«О, кто даст голове моей воду и глазам моим – источник слез! Я плакал бы день и ночь»* (Иер.9:1). Восплачем возлюбленные, восплачем, возрыдаем. Может быть, некоторые говорят здесь: «Он все говорит нам о плаче, о слезах». Я не хотел бы, верьте, не хотел бы; напротив, я хотел бы говорить хвалы и одобрения – но теперь этому не время. Тяжко, возлюбленные, не плакать, но тяжело делать достойное слез; ужасно не рыдать, но делать достойное воплей. Пусть не постигнет тебя наказание, и я не буду рыдать; пусть не умрешь, и я не буду плакать. Но если лежит мертвое тело, и ты убеждаешь всех к состраданию, тех же, кто не скорбит, считаешь безжалостными, то как же говоришь ты, чтобы не скорбеть о погибшей душе? Но я не могу: я отец, и я плачу, я – отец, любящий детей.

Послушайте, что говорит Павел: *«Дети мои, для которых я снова в муках рождения»* (*«Чадца моя, имже паки болезную»*) (Гал.4:19). Какая мать выпускает такие горькие вопли, как тот? Если бы можно было видеть огонь моего духа, ты тогда увидел бы, что я страдаю больше всякой девушки и женщины, обреченной на преждевременное вдовство. Не так она скорбит о своем муже, не так отец скорбит о сыне, как я о множестве людей, находящихся в моем распоряжении. Я не вижу никакого преуспевания, никто не считает делом своим угождать Богу. Но позлословим, говорят, о том, о другом: тот недостойн клира, тот ведет непочтенную жизнь. Нам следует скорбеть о своем, а мы судим о том, что дурно в других. Не следует ли нам, даже когда мы свободны от грехов, говорить следующее: *«Кто отличает*

тебя? Что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что хвалишься, как будто не получил?» (1Кор.4:7). Ты, что судишь брата твоего, сам полный бесчисленных зол? Когда ты говоришь, что такой-то дурен, соблазнитель, испорчен, подумай о себе, взвесь точно свое и покайся в том, что ты сказал. Если кто-нибудь задумает проверить наши слова в церкви, как на верных весах, он среди десятков тысяч талантов житейских слов вряд ли найдет сто динариев слов духовных – даже более, не найдет и десяти оболмов. Ведь если Бог будет наблюдать за этим, кто устоит? Зная это, будем сострадательны, снисходительны к согрешающим против нас. Сто динариев – вот что представляют собой грехи против нас; наши же грехи против Бога – бесчисленные таланты.

Знайτε и то, что преступления оцениваются и по положению лиц. Скажем, например: кто оскорбил частного человека, сделал преступление, но не такое, как оскорбивший начальника; даже более: оскорбивший большого начальника сделал не одинаковое преступление, как тот, кто оскорбил меньшего; оскорбивший же царя сделал гораздо важнейшее преступление. Оскорбление одинаковое, но оно становится более тяжким в зависимости от высокого положения лица. Но если тот, кто оскорбил царя, ради достоинства лица предается непереносимому наказанию, то сколькими же талантами должен отвечать тот, кто оскорбил Бога? Поэтому если по отношению к Богу мы допустим то же самое, что по отношению к человеку, это не все равно, но какое различие между Богом и человеком, такая же разница между теми преступлениями и этими. Теперь же я нахожу еще более тяжкие грехи, которые стали великими грехами не от положения лица, но и по самой природе. Страшное это слово и ужасное, но необходимо, чтобы оно было произнесено, чтобы поколебать и возбудить ваш дух, слово, показывающее, что мы боимся людей гораздо больше, чем Бога, и перед людьми гораздо более в страхе, чем перед Богом. Подумай: прелюбодей знает, что Бог видит его, но пренебрегает этим; если же его видит человек, он воздерживается от пожелания. Он не только предпочитает людей и не только оскорбляет Бога, но он делает гораздо более тяжкое

преступление – боясь тех, он небрежет об Этом. Видя тех, он удерживает огонь страсти. Да и какой это, в самом деле, огонь? Это уже не огонь, а оскорбление. Если бы было нельзя пользоваться женщиной, мы действительно имели бы дело с огнем, теперь же это – оскорбление и превозношение. Видя людей, он воздерживается от безумия, о долготерпении же Божиим меньше заботится. Еще: другой вор знает, что он грабит, но пытается обмануть людей, оправдывается перед своими обвинителями и своей защитой надевает на себя личину; о Боге же, не имея возможности убедить Его, он и не заботится, не стыдится Его, не ценит. Если царь прикажет воздерживаться от чужих денег, если даже прикажет дать свои, мы с поспешностью все предложим их. Когда же Бог повелевает не грабить и не брать чужого, мы не слушаемся.

Видишь ли, что мы предпочитаем людей Богу? Страшно это слово и тяжело, но вы покажите, что оно страшно – избегайте дела. Если же вы не боитесь дела, как я могу поверить вам, когда вы говорите, что мы боимся слов и что вы жестоки к нам? Вы отягчаете себя делом, и ничего; когда же я говорю слова о тех делах, которые вы совершаете, вы негодуете. И неужели же это не бессмысленно? Пусть будет ложью то, что я говорю. Но я хочу лучше принять поношение в тот день за то, что я понапрасну и без оснований поношу вас, чем видеть, что вас обвиняют в тех вещах. Вы не только сами предпочитаете людей Богу, но и других заставляете делать это. Многие заставляют так толпы своих слуг и своих детей; одни влекут к браку нежелающих этого, другие понуждают служить непотребными служениями: нечистой любовью, хищениями, корыстолюбием, насилием, так что здесь двойная вина, и они не могут искать к себе снисходительного отношения, ссылаясь на то, что они были принуждены. Если ты делаешь дурное против воли и по приказанию начальника, то это вовсе уж не такое достаточное оправдание. Впрочем, грех становится тяжелее, когда ты и других принуждаешь впасть в такие же дурные дела. Таковому какое может быть снисхождение? Я сказал это, имея желание не осуждать вас, но показать, какие мы должники перед Богом. Если, приравнивая человека Богу, мы оскорбляем Его, тем

более это случается, когда мы предпочитаем Ему людей. Если те грехи, совершенные против людей, в отношении Бога являются гораздо более тяжкими, насколько же они будут тяжелее, когда грех и по своему качеству будет тяжелее и обременительнее? Пусть каждый исследует себя, тогда он увидит, что он все делает ради людей. Мы будем совершенно блаженными, если ради Бога сделаем столько, сколько делаем ради людей, ради славы перед людьми, ради страха, почета. Виновные в стольких преступлениях, мы должны со всей готовностью прощать обижающих нас, обманывающих и не ненавидеть их. На пути же отпущения грехов не нужно ни трудов, ни раздачи денег, ничего иного, кроме одного простого изволения. Не нужно также предпринимать путешествия, не нужно идти на край света, не нужно подвергаться опасностям и трудам; следует только захотеть. Вправе ли мы, скажи мне, рассчитывать на снисхождение в том, что нам кажется трудным, когда мы не делаем дела, в котором такое приобретение, такая польза и никакого труда? Ты не можешь пренебречь деньгами, не можешь истратить их на нуждающихся? Не в состоянии пожелать чего-либо доброго? Не в состоянии простить обидчика? Если бы ты не был так виновен, но только Бог приказал бы тебе простить, не следовало ли бы тебе сделать это? Но как же ты в таком положении не исполняешь, ты, виновный во стольких грехах? Да ведь и то Он требует из того, что ты получил от Него же. Когда мы приходим к нашему должнику, он, зная в чем дело, услуживает, принимает, оказывает почет, не скупясь, показывает всякое благожелание; и это не для того, чтобы освободиться от данного в долг, но желая, чтобы мы были снисходительнее при уплате. Ты же, столько должный Богу, получивший приказание простить, ты не отпускаешь, чтобы получить затем снова? Почему же, скажи, умоляю тебя? Горе! Какого мы приобщились человеколюбия и какую показываем неправду, какую тяготу, какую вялость? А как легка добродетель! Для этого не нужно телесной крепости, не нужно имущественного богатства, не нужно могущества, дружбы, ничего другого; достаточно только захотеть, и дело кончено, оно будет иметь великую пользу. Тебя кто-нибудь

огорчил, оскорбил, насмеялся? Подумай, что и ты делаешь много такого же другим и Самому Владыке. Отпусти и прости. Подумай, что говоришь: *«Прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим»* (Мф.6:12). Подумай, что, если не отпустишь, ты не вправе с дерзновением сказать это. Если же отпустишь, ты потребуешь этого как должного не по природе дела, но по человеколюбию Давшего. Как можно сравнивать прощение грехов сорабам с получением отпущения грехов, сделанных против Самого Владыки? Однако же мы удостаиваемся такого человеколюбия, потому что Он Благ в милосердии Своем и сострадании.

Чтобы я мог показать тебе, что и кроме того, и кроме отпущения ты будешь иметь приобретение, подумай о том, сколько друзей у такого человека, как все повсюду прославляют его. Муж благой скоро примиряется, не умеет злопамятствовать; ему сделали больно, но он сейчас же снова здоров. Кто не пожалеет такого человека, если он впадет в несчастье? Кто не простит, если он согрешит? Кто не окажет милости, если он просит за других? Кто не захочет быть другом и рабом столь благой души? Да, уверяю вас, мы все сделаем ради него, сделаем не только друзьям и родственникам, но и слугам. *«Умеряя, – говорится, – строгость, зная, что и над вами самими и над ними есть на небесах Господь»* (Еф.6:9). Будем же прощать грехи ближних, будем творить милостыню, будем смиренными (это тоже изглаждает грехи; ведь если мытарь только оттого, что сказал: *«Боже, милостив будь мне грешному»* (Лк.18:13), вышел оправданным, – тем более мы, если будем смиренными и будем сокрушаться, будем иметь возможность получить великое милосердие). Если мы будем исповедываться в грехах своих, если будем осуждать себя, мы совершенно очистимся от грязи. Есть много путей очищения. И на всех путях мы враждуем с дьяволом. Я не сказал ничего затруднительного, ничего тягостного. Прости огорчившему тебя, подавай милостыню нуждающемуся, смири душу свою. Если ты даже великий грешник, и тогда ты будешь в состоянии получить Царство, очищая через это грехи и стирая пятно позора. Да будет же дано нам всем здесь очиститься исповеданием от

грязи грехов своих, и там получить обещанные блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Слово 41. О том, что мы должны подражать хотя бы слугам нашим, чтобы ради страха Божия делать то, что они делают из-за страха перед нами, и о неизреченных благах, уготованных СВЯТЫМ.

Павел, возлюбленные, писав к Тимофею, заповедал слугам оказывать великое послушание господам. Подумайте же, как мы должны относиться к Владыке, Который привел нас из небытия в бытие, дает нам пищу, одежду. Будем же, если нельзя как-либо иначе, служить Ему, как служат наши слуги. Не проходит ли вся жизнь их в том, чтобы устроить покой своих господ? Не это ли составляет дело их, не к тому ли сводится их жизнь, чтобы заботиться о делах господина? Не посвящают ли они заботам о делах господина весь день, своим же часто – небольшую часть вечера? Мы же напротив: о своих делах заботимся непрестанно, о Владычных же не заботимся и немного времени, и это несмотря на то, что Ему не нужно наше, как господам нужны дела рабов, но и все, сделанное для Господа, идет в нашу же пользу. Там служба слуги приносит господину пользу, здесь же служба раба не нужна Владыке, полезна же она самому слуге: *«блага мои Тебе не нужны»* (*«Благих моих не требуеши»*) (Пс.15:2). Какое, скажи мне, приобретение для Бога в том, что я праведен? Какой ущерб, если я неправеден? Не остается ли природа Его неповрежденной, не свободна ли от потери, не выше ли всякого страдания? Слуги ничего не имеют своего, но все господское, хотя бы они были неизмеримо богаты. У нас же есть много своего, и не беспричинно мы восприняли такую честь от Бога всех. Отдаст ли какой господин за слугу своего сына? Ни один, но все предпочтут отдать слуг за детей. Здесь же напротив: Он не пощадил Сына Своего, но предал за всех нас, за врагов, которые ненавидят Его. Слуги, если им дадут какое-нибудь

трудное приказание, не выражают такого недовольства, особенно если они добропорядочны, мы же с неудовольствием покидали Господа бесчисленное число раз. Ни один господин не обещал своим слугам столько, сколько нам Бог. Но что же? Здешняя свобода, говорят, часто тяжелее рабства, потому что часто случается голод, и тогда самая свобода становится горче рабства, а ведь это величайший дар. У Бога же нет ничего непрочного, ничего тленного – но что?

«Не называю вас рабами, – говорит, – вы друзья Мои» (Ин. 15:15). Постыдимся же, возлюбленные, убоимся. Будем служить Владыке, хотя столько, сколько служат нам слуги, право же, мы не обнаруживаем даже в ничтожнейшей мере нашего служения. Те в нужде философствуют, имея только одежду и пищу; мы же недовольны в роскоши. Если не от другого кого, примем хоть от них правила мудрости. Писание имеет обыкновение посылать людей даже не к слугам, а к неразумным существам, например, когда приказывает подражать пчеле или муравьям. Я же умоляю вас подражать хоть слугам. Что они делают из-за страха перед нами, будем делать хоть столько же ради страха Божия, ведь мы не находим, чтобы вы делали даже это. Они тысячи раз испытывают оскорбления, но лучше всякого философа сохраняют молчание, имея страх перед нами, негодуют справедливо и несправедливо, но не противоречат, а со смирением просят, не сделав часто никакого проступка, не получая ничего сверх необходимого, а часто и меньше необходимого, они все-таки оказывают любовь; ложась спать на соломенной постели, довольствуясь одним хлебом, имея и все остальное содержание ничтожное, они не ропщут и не высказывают недовольства. Они, боясь нас, возвращают полностью деньги, когда им доверяют их (не говори мне о некоторых из испорченных слуг, но имей в виду не слишком дурных); если мы пригрозим им, они сейчас же смиряются. Неужели все это не есть свойства философии? И не говори, что все это делается по необходимости, потому что и тебе предстоит необходимость геенны, а ты однако не воздаешь Богу такой чести, какой сам пользуешься от слуг. Каждый из слуг имеет установленное помещение и не врывается в помещение

ближнего, не грязнит себя пожеланием большего. И все это соблюдается слугами из-за страха перед господами; редко можно видеть, чтобы слуга похищал или портил то, что принадлежит слуге же. У свободных же людей бывает обратное этому: мы угрызаем друг друга, пожираем, не боимся Владыки; похищаем то, что принадлежит рабам, воруем, наносим удары в то время, когда Он видит. Слуга не сделал бы этого, но если бы и нанес удар, то тогда, когда господин не видит; если бы стал безумствовать – то когда господин не слышит. Мы же осмеливаемся делать, хотя Бог все видит и слышит. Страх перед господином всегда перед глазами слуг; у нас же его нет совсем. Поэтому все у нас перевернулось вверх дном, все перепуталось, испорчено: своих грехов не замечаем вовсе, грехи же наших слуг замечаем все до точности, даже самые ничтожные.

Я говорю это не потому, что намерен сделать слуг беспечными, но потому, что хочу встряхнуть нашу беспечность и возбудить нашу нерадивость; чтобы мы служили Богу хоть столько, сколько служат нам наши слуги; чтобы служили Сотворившему нас так, как служат нам едinosущные нам и не имеющие от нас ничего такого, что мы имеем от Него. По природе и они свободны: *«да владычествуют они над рыбами»* (Быт.1:26); это сказано и им. Рабство – свойство их не от природы, но по положению и по случаю, и однако же они оказывают нам великую честь. Мы со всей тщательностью настаиваем на служении их нам, но не исполняем такого служения Богу даже в ничтожной мере. И это несмотря на то, что мы же отсюда получаем пользу. Чем усерднее служим мы Богу, тем больше приносим пользы себе, и тем более приобретаем сами. Не лишим же себя этой пользы. Бог вседоволен и не нуждается ни в чем; воздаяние и приобретение снова возвращаются к нам. Если же следует Любомудрствовать и о благах, уготованных святым, то поистине подлинное успокоение есть там, откуда отбежала болезнь, печаль и воздыхание; где нет ни забот, ни трудов, ни тревог, ни страха, поражающего и колеблющего душу, но один только страх Божий, исполненный наслаждения. Там нет того, что выражено

словами: «*в поте лица твоего будешь есть хлеб*»; нет терний и волчцов; нет «*в болезни будешь рождать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою*» (Быт.3:19,16). Там все – радость, мир, веселье, удовольствие, благость, кротость, любовь. Там нет клеветы и зависти, нет смерти – этой, телесной, и той, духовной, нет мрака и ночи; все там чисто, все свет, все ясно. Там нет труда, нет насыщения, мы будем жить там с постоянной жаждой благ. Хотите, я дам вам некоторое подобие того состояния? Это вполне невозможно, но, насколько только могу, попытаюсь дать вам некоторый образ. Взглянем на небо при полной его безоблачности, когда оно являет свой венец. Потратив немалое время на созерцание его прекрасного вида, представим себе, что и у нас будет местопребывание, но не такое, а настолько прекраснее, насколько золотая кровля прекраснее глиняной; а за этой опять горняя кровля, затем Ангелы, Архангелы, неизмеримое множество бестелесных сил, чертоги Самого Бога, Отчий трон.

Но слово не в силах изобразить всего, что я сказал; нужен опыт и знание, полученное через этот опыт. Как по вашему мнению, скажи мне, Адам чувствовал себя в Раю? А это местопребывание настолько лучше того, насколько небо выше земли. Но мы поищем еще и другое уподобление. Если бы теперешнему царю удалось завоевать всю вселенную, а затем его не беспокоили бы ни войны, ни заботы, но он пользовался бы только почетом, жил бы в роскоши, у него было бы много телохранителей, отовсюду к нему стекалось бы золото, и он был бы предметом удивления, как, думаете, чувствовал бы он себя, если бы видел, что войны прекращены по всей земле. Будет нечто подобное и там. Но я еще не нашел подобия тому состоянию, нужно, поэтому, подыскать и другое уподобление. Представь себе следующее. Как царское дитя, пока находится в утробе, ничего не чувствует; но если бы случилось, что явившись на свет, оно должно было взойти на царский престол, оно получило бы все сразу, а не постепенно – таково будет и то состояние. Или будет нечто такое, как если бы какой-нибудь узник, после того как он вытерпел бесчисленные страдания,

вдруг был потом посажен на царский престол. Но и здесь я еще не нашел точного образа. Ведь здесь какие бы кто ни получил блага, скажем, даже самое царство, он пользуется полнотой удовольствия на первый день, на второй, на третий; но по мере того как идет время, удовольствие остается, но уже не такое, оно постоянно слабеет, каково бы оно ни было; там же оно не только не уменьшается, но возрастает. Подумай, что будет, когда душа, ушедши туда, будет не в состоянии представить ни конца тех благ, ни изменения в них, но будет ждать увеличения их и жизни, не имеющей конца, свободной от всяких опасностей, печали, забот, полной радости и бесчисленных благ. Если вышедши в поле, где мы видим воинские палатки, скрепленные из полотнищ, копья, шлемы и блестящие выпуклости на щитах, мы останавливаемся в восхищении; а когда доведется увидеть и то, как посредине идет царь или мчится лошадь в золотом оружии, нам кажется, что мы достигли всего, то что же будет, когда ты увидишь вечные скинии святых, утвержденные на Небе? «Примут, – говорится, – в вечные обители свои» (Лк.16:9). Что будет, когда ты увидишь, как каждый из них сияет ярче лучей солнечных, сияет не медью и железом, но той славой, сияния которой человеческий глаз не в состоянии видеть? И это говорится о людях. А что сказать о тысячах Ангелов, Архангелов, Херувимов, Серафимов, Престолов, Господств, Начальств, сил, красота которых невообразима, превосходит всякий ум? Но что же я не остановлюсь, стремясь к недостижимому? «Око, – говорится, – не видело того, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1Кор.2:9). Итак, нет ничего несчастнее, как не получить тех благ, и нет ничего блаженнее, как получить их. Да будем же и мы сопричислены к блаженным, да воспримем вечные блага во Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Слово 42. О том, что не следует нам смущаться, видя, как добрые люди терпят несчастья, злые же имеют все в изобилии; и о том, что живущий в грехах ничем не отличается от смердящего мертвеца.

Никто из вас, возлюбленные, пусть не смущается, видя, что злые люди счастливы: здесь нет воздаяния ни неправде, ни добродетели. Если же как-либо это и случится с неправдой ли или с добродетелью, то не по заслугам, а просто как предвкушение Суда, чтобы не верящие воскресению пришли в разум хотя бы от того, что совершается здесь. Поэтому, когда увидим, что нечестивый роскошествует, не будем упадать духом; когда увидим, что добрый терпит худое, не будем смущаться, потому что там венцы, там наказания. И кроме того, не бывает, чтобы злой всецело был злым, но у него есть и кое-что доброе; также чтобы и добрый всецело был добрым, но есть у него кое-какие прегрешения. Потому, когда нечестивый благоденствует, то это во вред ему самому: получая здесь воздаяние за то небольшое добро, он наслаждается за него здесь, а там понесет окончательное наказание. И блажен бывает в особенности тот, кто здесь наказывается с тем, чтобы ему, сложив все грехи, уйти прославленным, чистым и невинным. Научая нас этому, Павел говорит: *«Оттого многие из вас немощны и больны и немало умирает»*, и опять: *«предал такового сатане»* (1Кор.11:30; 1Кор.5:5). И пророк говорит: *«от руки Господней принял вдвое за все грехи свои»* (*«прият от руки Господни сугубы грехи»*) (Ис.40:2); опять же Давид: *«Посмотри на врагов моих, как много их – ...более, нежели волос на голове моей,... и какую лютою ненавистью они ненавидят меня»* (Пс.24:19, 39:13); и: *«прости все грехи мои»* (Пс.24:18); и еще другой: *«Господи! Ты даруешь нам мир; ибо и все дела наши Ты устрояешь для нас»* (*«Господи, мир даждь нам, вся бо воздал еси нам»*) (Ис.26:12). Но это указывает на добрых, получающих здесь наказание за грехи; а где же

говорится, что нечестивые, пользующиеся здесь благами, понесут там окончательное наказание? Послушай, что говорит Авраам к богачу: *«Ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь – злое»* (*«восприял еси благая твоя, и Лазарь злая»*) (Лк.16:25). Говоря здесь: *«восприял»*, а не *«приял»*, показывает, что оба потерпели должное, когда именно один находился в благополучии, а другой в злополучии, и продолжает: *«потому тот здесь утешается – ведь, как видишь, он чист от грехов, – и ты страдаешь»* (Лк.16:25). Не будем же огорчаться, когда увидим, что грешники живут здесь счастливо, но и сами, претерпевая бедствия, будем радоваться, потому что это – оплата за грехи. Не будем искать успокоения, потому что Христос обещал скорбь ученикам Своим. И Павел говорит: *«все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы»* (2Тим.3:12). Ни один доблестный ратоборец не ищет на месте состязаний ванны и стола, наполненного кушаньями и вином; это дело не ратоборца, а неженки. Ратоборец сражается в пыли, в масле, в жарких солнечных лучах, в великом поту, утеснении и затруднении; это время борьбы и состязания; поэтому нужно даже принимать раны, обливаться кровью, терпеть боль. Послушай, что говорит блаженный Павел: *«бьюсь не так, чтобы только бить воздух»* (1Кор.9:26). Будем всю жизнь считать поприщем, не будем никогда искать успокоения, отягощаемые – не будем досадовать: ведь и кулачный боец, находясь на поприще, не досадует. Есть иное время покоя; нам нужно совершенствовать себя посредством скорбей. Хотя и нет преследования, нет беспокойства, но есть иные, каждодневно приключающиеся скорби; если мы последних не переносим, то едва ли бы перенесли и первые. *«Искушение... вас, – говорит апостол, – постигло... не иное, как человеческое»* (1Кор.10:13).

Будем же молиться Богу, чтобы нам не войти в искушение; если же войдем, будем переносить мужественно. Первое – не подвергаться опасностям – свойство людей благоразумных, а последнее – людей мужественных и философов. Не будем поэтому бросаться в опасность понапрасну, потому что это признак дерзости; и увлекаемые, когда и обстоятельства зовут, не будем поддаваться, потому что это признак трусости; но если

призывает проповедь, не будем отказываться; без основания же, когда нет ни повода, ни обычая, ни надобности, призывающей к богопочтению, не будем сбегаться, потому что это хвастовство и излишнее тщеславие; если же случится что-нибудь, наносящее вред благочестию, то, хотя бы пришлось претерпеть тысячи смертей, ни от чего не будем уклоняться. Не накликай искушений, когда то, что касается благочестия, идет у тебя по желанию. Зачем без всякой пользы навлекать на себя излишние опасности? Говорю это из желания, чтобы вы соблюдали заповеди Христа, повелевающего молиться, да не войдем в искушение, а также повелевающего, взявши крест, последовать Ему. В этом нет противоречия, а напротив – большое соответствие. Ты именно так поступай, как поступает мужественный, одетый в оружие воин, будь непрестанно трезвен, бодр, всегда ожидай неприятеля. Впрочем, воин не производи, потому что это дело не воина, а бунтовщика. Когда же призывает труба благочестия, тотчас выходи, пренебреги душой и с великой смелостью бросайся в бой: разрывай ряды противников, рассекай лицо дьявола, воздвигай победный знак. Если же нет никакой опасности для благочестия, никто не повреждает наших догматов (говорю в отношении души) и не принуждает делать что-нибудь неугодное Богу – не усердствуй излишне. Жизнь христианина должна изобиловать кровью, не в смысле пролития чужой крови, но в смысле готовности пролить свою собственную. Итак, с такой же решимостью будем проливать собственную кровь, когда это – за Христа, с какой кто-нибудь пролил бы воду, ведь кровь – та же вода, протекающая по телу, и с такой же легкостью будем расставаться с телом, с какой расстались бы с одеждой. Это произойдет, когда мы не будем привязаны ни к деньгам, ни к домам, ни к пристрастиям, когда не будем от всего зависеть. Если проводящие эту жизнь в воинском звании от всего отрекаются, направляются и идут туда, куда зовет война, и все переносят с бодростью, то тем более нам, воинам Христовым, следует таким же образом снаряжаться и выстраиваться для войны со страстями.

Теперь нет гонения – и пусть никогда его не будет! Но есть другая война, война жадности к деньгам, зависти, страстей. Описывая эту войну, Павел говорит: *«Наша брань не против крови и плоти»* (Еф.6:12). Всегда предстоит эта война; поэтому он желает, чтобы мы всегда стояли вооруженными. *«Итак, – говорит он, – станьте, препоясавши чресла ваши»* (Еф.6:14), указывая этим, что и время наступило, и что всегда нужно быть вооруженными. Велика в самом деле война из-за глаз, велика из-за языка, которые поэтому мы должны сдерживать, велика из-за похотений. Потому-то он начинает здесь вооружать воина Христова: *«Итак, станьте, – говорит, – препоясавши чресла ваши»*, и прибавляет: *«истиною»* (Еф.6:14). Почему истиной? Потому что похотение есть насмешка и ложь, вследствие чего и пророк говорит: *«чресла мои полны воспалениями»* (*«лядвия моя наполнишася поруганий»*) (Пс.37:8). Нет в этом деле удовольствия, а лишь тень удовольствия. *«Препояшьте, – говорит, – чресла ваши истиною»*, т.е. истинным удовольствием, целомудрием, пристойностью. Он потому так увещевает, что знает гнусность греха и желает, чтобы все наши члены были ограждены: *«ярость, – сказано, – несправедная не может оправдаться»* (Сир.1:22); желает, чтобы мы надели и панцирь, и щит. Ярость – это зверь, легко нападающий, и нам нужны тысячи оград и стен, чтобы одолеть его и сдержать. Поэтому-то Бог и устроил для нас эту в особенности часть из костей, как бы из каких камней, расположив вокруг него преграду, чтобы он, разорвав и рассекши, не нанес бы с легкостью повреждения всему живому существу. Это, говорят, огонь и буря – другой член не выдержал бы такой силы. Врачи говорят, что и легкие для того подпирают сердце, чтобы самое сердце, ударяясь о мягкий предмет, как о какую-нибудь губку, отдыхало, а не повреждалось стремительными ударами о лежащую насупротив его жесткую грудь. Нужен нам поэтому крепкий панцирь, чтобы постоянно держать в покое этого зверя; нужен нам и шлем. Так как там находится мыслительная сила, и от нее возможно спасение, если все будет по-надлежащему, а возможна и гибель, то поэтому говорит: *«и шлем спасения»* (Еф.6:17). Мозг по природе мягок; поэтому, как бы какой

черепицей, он сверху прикрыт теменем; он для нас служит источником всего хорошего и дурного, смотря по тому, мыслит ли он по-надлежащему или наоборот. Ноги и руки у нас тоже нуждаются в оружии, не эти внешние руки и ноги, но руки и ноги души: первые, чтобы занимались, чем должно; последние, чтобы шествовали, куда следует.

Итак, возлюбленные, все будем делать для той будущей жизни, все совершать, имея ее в виду. Порок есть мрак, возлюбленный; он есть смерть, есть ночь: ничего не видим из того, что надлежит, ничего не делаем из того, что приличествует. Как мертвецы безобразны и вонючи, так и души порочных исполнены великой нечистоты; глаза их смежены, уста сомкнуты, недвижимы остаются они на ложе порока, лучше же сказать – они даже жалче тех, которые терпят это. Те мертвы в том и другом отношении; а они бесчувственны относительно добродетели и живы относительно порока. Если кто ударит мертвеца, он не почувствует, не станет мстить, но будет точно сухое дерево; так и душа, утратившая жизнь, поистине засыхает: тысячи ран каждодневно она получает, и не чувствует, остается ко всему невосприимчивой. Не погрешил бы кто-нибудь, если бы сравнил таковых с иступленными, с пьяницами, с безумцами. Все это присуще пороку и всего он тяжелее. Иступленный встречает большое сострадание у зрителей, потому что болезнь его не от свободного желания, но единственно от природы; а кто живет в пороке, каким образом получит снисхождение? Откуда же порок, откуда множество порочных? Скажи мне прежде, откуда злые болезни, откуда сумасшествие, откуда тяжелый сон? Не от невнимательности ли? Если же естественные болезни берут начало в свободном настроении, то тем более – обусловленные волей. Откуда пьянство? Не от душевной ли неводержности? Сумасшествие не от преизбытка ли горячности? А горячность не от излишних ли в нас элементов? Излишество же в нас элементов не от невнимательности ли? Когда именно допускаем в себе недостаточность или несоответственное излишество, то и зажигаем этот огонь. Опять же, когда пламя занялось и мы остаемся небрежными, то устраиваем против себя костер,

который не в состоянии потушить. Так бывает и с пороком: когда мы не помешаем ему вначале, не отсечем, то уже не в состоянии становимся воспрепятствовать его окончанию, он делается превышающим наши силы. Поэтому убеждаю – будем делать все, чтобы никогда не уснуть. Не видите ли, как поставленные на страже, из-за того, что часто предаются небольшому сну, не извлекают никакой пользы из большой стражи? А это оттого, что тем небольшим сном губят все и предоставляют большое удобство желающему украсть. И подобно тому как не столько мы наблюдаем за ворами, сколько они за нами, так в особенности дьявол ко всем присматривается, подстерегает, скрежещет зубами. Не будем же спать; не будем говорить: «от этого ничего не сделается, и от того – ничего»; часто нас грабят там, где мы не ожидаем. Будем все тщательно осматривать. Не будем напиваться, и не уснем; не будем предаваться сластолюбию, и не задремлем; не будем безумствовать по отношению к внешним предметам, и мы пребудем в бодрственном состоянии; всячески будем себя упорядочивать. Подобно тому как ходящим по натянутому канату нельзя допускать ни малейшей небрежности, потому что малый промах производит великое бедствие – промахнувшийся тотчас обрушивается и погибает – так точно и для нас непозволительно нерадение. Мы идем по тесному пути, с обеих сторон охваченному пропастями, не допускающему даже возможности поставить обе ноги сразу. Не видишь ли, какая нужна нам тщательность? Не видишь ли, как ходящие по таким путям не только напрягают ноги, но и глаза? Ведь если обращено внимание в сторону, то хотя бы нога стояла твердо, но глаз, затуманенный глубиной, все ниспровергает. Следует наблюдать за собой и во время пути; поэтому, как говорится, ни направо, ни налево. Велика пропасть порока, велики стремнины, велик мрак внизу. Будем со страхом придерживаться тесного пути, с трепетом пойдем по нему. Никто, ходящий по такому пути, не взваливает на себя чего-нибудь лишнего, потому что желательно иметь возможность пройти хорошо подпоясанным. Никто не спутывает своих ног, но оставляет их свободными. А мы, связав себя бесчисленными

заботами, нагрузив на себя бесчисленные житейские тяжести, задыхаясь и изнывая, каким образом надеемся пройти тесный путь? Не просто сказал, что тесен, но с оттенком удивления: *«потому что тесны врата и узок путь»* (Мф.7:14), т.е. весьма тесный. Это и мы делаем относительно того, чему сильно дивимся. *«И узкий, – говорит, – путь, вводящий в жизнь»*. И хорошо сказал: «тесный», потому что если мы должны дать отчет в словах, мыслях и поступках, то действительно тесный. А мы делаем его еще теснее, распространяя себя, расширяя и расставляя ноги. Тесный путь тягостен каждому, в особенности разжиревшему; равно как наоборот, кто изнурил себя, тот и не почувствует тесноты; так что кто позаботился себя стеснить, тот не придет в отчаяние от стеснения.

Итак, пусть никто не ждет при душевном расслаблении увидеть Небо, потому что этого быть не может; никто при изнеженности пусть не надеется пройти тесным путем, потому что невозможно; никто, идущий по широкому пути, пусть не надеется на жизнь. Потому, когда ты увидишь, что кто-нибудь наслаждается ваннами, многоценной трапезой или толпами телохранителей, не считай себя несчастным из-за того, что не пользуешься тем же, но его оплакивай, потому что он идет по гибельному пути. Какая в самом деле польза от такого пути, когда он оканчивается печально? Какой также вред от той тесноты, когда она приводит к покою? Скажи мне: если бы кто-нибудь, будучи позван в царский дворец, шел проходами узкими, тесными и утесистыми, а другого кого-нибудь, отводимого на смерть, тащили серединой площади – кого, скажи мне, мы считали бы блаженным и кого оплакивали бы? Не того ли оплакивали бы, который шел по пространному пути? Так и ныне мы называем блаженными не тех, которые предаются изнеженности, а тех, которые не предаются: последние спешат на Небо, а первые в геенну. Быть может многие из них будут смеяться над сказанным нами, но я потому особенно их оплакиваю и горюю, что они не знают, над чем следует смеяться, по поводу чего особенно рыдать, но все смешивают, спутывают, расстраивают. Потому-то я их и оплакиваю. Что говоришь, человек? Имея восстать, дать отчет в своих делах и

подвергнуться последнему Суду, ты на это не обращаешь никакого внимания, предаешься чревоугодию и пьянству, а над тем смеешься? Но я оплакиваю тебя, потому что знаю о предстоящих тебе бедствиях и ожидающем тебя наказании; потому-то особенно и оплакиваю, что ты смеешься. Рыдай со мной, оплакивай со мной свои бедствия. Скажи мне: если бы кто из близких твоих отошел во Христе, то от смеющихся над кончиной не отвернулся ли бы ты и не счел ли бы врагами, а плачущих и соболезнующих не полюбил ли бы? Итак, когда жена лежит мертвая, ты отворачиваешься от смеющегося, а когда душа умерла, отворачиваешься от проливающего слезы, и сам смеешься? Видишь ли, как дьявол нас настроил – что мы для самих себя сделали врагами и неприятелями? Проснемся же, наконец, посмотримся, будем бодрственны, устремимся к вечной жизни, стряхнем великий сон. Предстоит Суд, предстоит воскресение, исследование содеянного; Господь идет на облаках: *«перед Ним огонь, и вокруг Его сильная буря»* (Пс.49:3); река огненная течет впереди Его, червь неумирающий, огонь неугасимый, тьма крошечная, скрежет зубовой. Хотя бы ты тысячу раз был этим недоволен, я говорю и не перестану. Если пророки не молчали, будучи даже побиваемы камнями, то тем более нам следует выносить неприязнь и не беседовать с вами для вашего удовольствия, чтобы, обманув вас, самим не рассечься на двое. Там наказание вечное, безутешное, и никакого заступника. *«Кто, – сказано, – пожалеет об ужаленном заклинателе змей»* (Сир.12:13)? Если мы себя не пожалеем, кто, скажи, пожалеет нас? Если ты увидишь, что кто-нибудь вонзает меч в себя, в состоянии ли ты будешь его пощадить? Ни в каком случае. Тем более, когда от нас зависит правильно поступить и мы не поступим, кто нас пощадит? Никто.

Сжалимся над собой. Если мы молимся Богу, говоря: «помилуй меня, Господи», то скажем это себе и смилуемся над собой. От нас зависит, чтобы Бог нас помиловал – Он нас одарил этим: если делаем достойное милости, если совершаем достойное Его человеколюбия, то Бог помилует нас; если же мы себя не жалеем, то кто нас пощадит? Жалей ближнего, и

сжалится над тобой Бог. Сколько каждодневно приходят и говорят: «сжался надо мной», а ты не обращаешь внимания? Сколько нагих, сколько увечных, а мы не склоняемся и отвергаем их просьбы? Как же ты просишь о помиловании, сам не делая ничего достойного милости? Будем сострадательны, будем милосердны, чтобы таким образом благоугодить Богу и достигнуть благ, обещанных любящим Его, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, честь, держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Слово 43. О том, что пренебрегающий настоящим возобладает тем и другим, и что любостяжание хуже всякой грязи и нечистоты.

Так как от начала, возлюбленный, имела быть оказанной людям некая великая благодать, то Бог, желая сделать это не в качестве дара, а предоставить, как долг, устроил прежде всего так, что человек отдал своего сына по повелению Божию, чтобы не показалось великим делом, когда Он предаст Своего Сына, если и человек сделал это для Него, чтобы не считалось, что это делается только по дару, но и по долгу. Ведь и мы, если кого любим, желаем так их одарить, чтобы казалось, что прежде мы получили от них какую-нибудь малость и затем уже все им дали, и мы более похваляемся по поводу полученного, чем по поводу данного, не говорим: «вот это мы ему дали», но: «вот это мы от него получили». *«Почему, – сказано, – мы и получили его в предзнаменование» («Темже того и в притчи прият»)* (Евр.11:19), т.е. как бы в загадке, каковой притчей был овен Исаака, или как бы в подобии. Так как совершена была жертва и Исаак умерщвлен был в произволении, то поэтому и отдается он в дар патриарху. Замечаешь ли, и теперь оказывается то же, о чем я всегда говорю: когда мы усовершенствуем свое душевное настроение, когда покажем, что пренебрегаем земными предметами, тогда именно и дано будет нам земное в дар, а не прежде, чтобы мы, получив по нужде, не испытали еще большего стеснения. «Освободи, – говорит, – себя от рабства, и тогда бери, чтобы тебе уже не взять в качестве раба, а в качестве господина. Пренебреги богатством, и будешь богат; пренебреги славой, и будешь славен; пренебреги мщением врагам, и тогда его достигнешь; пренебреги покоем, и тогда его получишь, чтобы, получая, получить не как узнику, не как рабу, а как свободному». Подобно тому, как бывает с малыми детьми, когда ребенок пожелает детских игрушек, например, мяч и тому подобное, мы с большой старательностью их прячем, чтобы они

не мешали вещам нужным, а когда ребенок не обращает на них внимания и более не желает, то беззаботно их даем, зная, что от этого никакого уже не будет ему вреда, так как то пожелание уже не в силах отвлечь его от вещей нужных, так и Бог, когда видит, что мы не желаем более настоящих предметов, предоставляет ими пользоваться, и мы владеем ими как свободные, как мужи, а не как дети. А когда ты пренебрежешь мщением врагам, тогда того и достигнешь, – послушай, что о том говорится: *«Если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напои его, – и прибавлено: ибо, делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья»* (Рим.12:20). Опять же, когда ты пренебрежешь богатством, тогда его достигнешь – послушай, как о том говорит Христос: *«Всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную»* (Мф.19:29). И когда пренебрежешь славой, тогда ее достигнешь – послушай еще, как об этом говорит Сам Христос: *«Кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою»* и опять: *«кто унижает себя, тот возвысится»* (Мф.20:26, 23:12). Что говоришь? Когда напою врага, тогда его накажу? Когда брошу имущество, тогда буду им владеть? Когда унижусь, тогда вознесусь? «Да, – говорит, – потому что такова Моя сила – через противоположное доставлять противоположное. Я богат и искусен; не бойся; Моей воле следует природа вещей, а не Я следую природе; Я все совершаю, а не Сам подчиняюсь; потому Я хочу изменить это и преобразовать». И что ты удивляешься этому? Ведь то же самое ты найдешь и во всем другом. Если нанесешь обиду, тогда подвергнешься обиде; если тебе нанесут обиду, тогда не подвергнешься обиде. Если будешь мстить, тогда не будешь отомщен, а сам себе отомстишь, потому что сказано: *«Кто делится с вором, тот ненавидит душу свою»* («любяй неправду, ненавидит своя душа») (Притч.29:24). Замечаешь ли, что не тебе причинена обида, а ты причинил? Потому и Павел говорит: *«Для чего бы вам лучше не оставаться обиженными?»* (1Кор.6:7). Замечаешь ли, что это не значит – терпеть обиду? Когда ты оскорбишь, тогда будешь оскорблен;

это многие отчасти знают, когда именно говорят друг другу: «уйдем отсюда, чтобы тебе не оскорбить самого себя». Как это? Так, что между ним и тобой большое расстояние; какие оскорбления ты ни нанесешь, он сочтет славой.

Будем всего более думать об этом, и мы поставим себя выше оскорблений. А каким образом, я скажу. Если бы у нас был спор с тем, кто одет в пурпур, то, нанеся оскорбление ему, мы считали бы, что самих себя оскорбили, потому что признавали бы себя достойными общения с ним. Что говоришь, скажи мне? Ты, будучи гражданином небес, обладая вышней философией, низводишь себя до общения с тем, кто думает о земном? Ведь если бы он владел безмерными богатствами, если бы пользовался правительственной властью, все же у него нет знания о твоём благе. Не наноси себе оскорбления, оскорбляя его; себя пощади, не его; себе окажи честь, не ему. Разве нет такой поговорки: «Кто отдаёт честь, чтит себя самого»? И верно: не его чтит, но самого себя. Послушай, что говорит один мудрец: «Сотвори душе твоей честь по достоинству ее» (Сир.10:31). «По достоинству ее» – что это значит? «Если, – говорит, – ты корыстолюбствовал, не корыстолюбствуй; если оскорблял, не оскорбляй». Скажи мне, прошу: если бы какой-нибудь бедняк взял навоз, выброшенный из твоего хлева, стал ли бы ты созывать из-за этого судьбище? Никак нет. Почему? Чтобы не оскорбить себя самого, чтобы все тебя не осудили. То же и теперь бывает. Богач – это бедняк, и насколько он богатеет, настолько становится беден истинной бедностью. Золото – это навоз, брошенный в хлев, не в доме лежащий, потому что дом твой – Небо. Итак, из-за него будешь созывать судьбище? И тебя не осудят вышние граждане? Не извергнут тебя из своего отечества, тебя, до того низкого, до того ничтожного, что ты берешься спорить из-за небольшого количества навоза? Ведь если бы и мир был твой и кто-нибудь его бы взял, неужели нужно было бы спорить? Неужели не знаешь, что если бы ты взял вселенную в десять раз, и во сто, и в тысячу, и вдвойне столько, то все же она не сравняется и с малой частью небесных благ? Кто восхищается здешним, тот унижает тамошнее, и насколько считает первое достойным

забот, настолько теряет последнее, и даже не в состоянии будет им восхищаться: да и как иначе, если он увлечен первым? Разорвем тенета и сети: это именно – земные предметы. До каких пор мы будем гнуться вниз? До каких пор мы будем замышлять друг против друга, точно звери, точно рыбы? Лучше же сказать, и звери не замышляют друг против друга, но лишь против тех, которые другой породы, например, медведь не охотно умерщвляет медведя, и змея не умерщвляет змеи, как принадлежащей к той же породе; ты же, имея тысячи побуждений к справедливости в отношении однородного – родство, разумность, ведение Бога, силу природы и многое другое, – его, своего родича и общника по природе, убиваешь и ввергаешь в тысячи бедствий? Что за нужда, если ты не вонзаешь меча, не запускаешь правой руки в горло? Ты делаешь иное, более тягостное, – угнетаешь беспрестанными скорбями. Если бы ты то сделал, то избавил бы его от забот; теперь же заваливаешь его рабским голодом, отчаянием, множеством грехов.

Я это говорю, и не перестану говорить, вовсе не склоняя вас к убийству и не побуждая к другому, менее важному злу, но с той целью, чтобы вы не были самонадеянны, как будто не имеющие дать ответ, ведь сказано: *«Убивает ближнего, кто отнимает у него пропитание»* (Сир.34:22). Удержим наконец наши руки; лучше же сказать – не удержим, но протянем их добрым образом, не для любостяжания, но для милостыни. Не бесплодная у нас рука и не сухая; сухая – та, которая не соделывает милостыни; а та, которая занимается любостяжанием – грязна и нечиста. Никто пусть не принимает пищи такими руками, потому что это оскорбление для приглашенных. Скажи мне: если бы кто пригласил нас возлечь на коврах, нежных покрывалах и затканых золотом скатертях, в громадном и блестящем доме, с большой толпой слуг, затем предложил серебряные и золотые блюда, наполненные многоценными и разнообразными кушаньями, и принуждал есть, а между тем сам возлежал бы с руками, запачканными в навозе или человеческом кале, то перенесли ли бы мы это? Разве кто потерпел бы такое мучение, не счел бы дело оскорблением? Я

так думаю, что даже сейчас бы выскочил. Ныне же ты видишь, что не только руки, но и самые кушанья наполнены совершеннейшим навозом – и ты не выскакиваешь? Не убегаешь? Не упрекаешь? Даже если он обладает властью, высоко его ценишь – и губишь свою душу, съедая такую пищу? Действительно, любостяжание хуже всякого навоза, потому что не тело, а душу пачкает так, что отмыть затруднительно.

Итак, ты, видя, что он возлежит с руками и обличем, оскверненными этим навозом, в доме и за трапезой, исполненной этого навоза, а кушанья те еще грязнее и отвратительнее этого навоза, ты чувствуешь себя удостоенным чести, ожидающим наслаждения? И ты не боишься Павла, который разрешал беспрепятственно отправляться к столу эллинов (язычников), если нам желательно, но к столам любостяжателей и при желании не позволял идти? *«Если, – говорит, – кто, называясь братом, остается блудником» («Аще некий, брат именуем, будет блудник»)* (1Кор.5:11), называя здесь братом всякого вообще верующего, а не монаха. Чем именно производится братство? Баней возрождения, возможностью называть Бога Отцом. Таким образом, монах, если он только оглашаемый, не есть брат; а верующий, хотя бы он был мирянин, есть брат. *«Если, – говорит, – кто, называясь братом»*. А тогда не было и следов монахов, но все этот блаженный говорил к мирянам. *«Если, – говорит, – кто, называясь братом, остается блудником, или лихоимцем, или идолослужителем, или злоречивым, или пьяницею, или хищником; с таким даже и не есть вместе» («Аще некий, брат именуем, будет блудник, или лихоимец, ...или пьяница, с таковым ниже ясти»)*. А с язычниками не так: *«Если кто из неверных, – разумея язычников, – позовет вас, и вы захотите пойти, то все, предлагаемое вам, ешьте»* (1Кор.10:27). *«Если же некий брат, называясь братом... остается пьяницей»*. Увы, какая тщательность! А мы не только не бежим от пьяниц, но и приходим к ним, имеем с ними общение. Поэтому все у нас перевернулось вверх дном, все смешалось, извратилось, погибло. Скажи мне в самом деле: если бы кто из таковых позвал тебя на пиршество, тебя, считающегося бедным и

незначительным, затем услышал бы от тебя, что «так как предлагаемое получено посредством любостяжания, то я не допущу моей душе оскверниться», разве же он не устыдился бы, не смешался, не покраснел? Этого одного было бы достаточно, чтобы его исправить и заставить его считать себя несчастным в богатстве, а тебе удивляться в бедности – если бы именно он увидел, что ты с такой ревностью пренебрегаешь им. Но мы, не знаю почему, сделались рабами людей, хотя Павел то здесь, то там взывает: *«не делайтесь рабами человеков»* (1Кор.7:23).

Почему же мы сделались рабами, скажи мне? Потому что прежде мы стали рабами чрева, денег, славы и всего прочего, продали свободу, которую даровал нам Христос. А что, скажи мне, ожидает того, кто сделался рабом? Послушай, что говорит Христос: *«раб не пребывает в доме вечно»* (Ин.8:35). Вот окончательное решение – никогда не войдет в Царство. «Дом» значит именно это: *«в доме Отца Моего, – говорит Спаситель, – обителей много»* (Ин.14:2). Итак, *«раб не пребывает в доме вечно»*, – рабом называет его, раба греха. А кто не пребывает в «доме» вовек, пребывает в геенне вовек, ниоткуда не получая утешения. Но дела дошли до такой степени нечестия, что даже и милостыни делают из этих денег, и многие принимают. Потому-то мы потеряли уверенность, и не в состоянии кого-нибудь укорить. Все же хотя бы с теперешнего дня будем избегать происходящего отсюда вреда, и вы, которые разворачиваете этот навоз, удержитесь от такой гибели. Как мертвое тело не пользуется никаким чувством и, сверх того, бывает тягостно для приближающихся, так и грех тотчас потрясает мыслительную способность и даже самую душу не оставляет в покое, но приводит в беспорядок и смятение. Говорят, что моровая язва, появившись, губит тела. Таков же и грех: ничем он не отличается от язвы, кроме того, что не воздух сначала портит, а потом тела, но сразу нападает на душу. Не видишь ли, как подвергшиеся язве пухнут, как наполняются смрадом, как отвратителен их внешний вид, как они нечисты? Таковы же и грешники, хотя они этого не замечают. Скажи мне в самом деле: не хуже ли всякого страдающего лихорадкой тот,

кто пленен любовью к деньгам или к телам? Не грязнее ли всех тот, кто делает и терпит всякие бесстыдства? Что постыднее мужа, полюбившего деньги? То самое, что делают распутные женщины и актрисы на сцене, это и он не отказывается делать, – возможно даже, что те скорее откажутся, чем он: он и берется за дела, приличные рабам, заискивая перед теми, перед кем не следует, постоянно впадая в изменчивость; он и подлаживается, и льстит бесчестным мужам и нередко испорченным старикам, которые много его беднее и незначительнее, а других, хороших и вполне добродетельных, оскорбляет и нагло бесчестит. Замечаешь двойственное неприличие, бесстыдство? И унижение сверх меры, и дерзость. Но распутные женщины стоят в жилище; и вина их в том, что продают тело за деньги. Их, говорят, побуждают бедность, голод. Если бы и в сильной степени побуждали, недостаточно это для оправдания: им возможно было бы жить работой. А тут любостяжатель стоит не в жилище, но посреди города; не тело, но душу продает дьяволу, так что с ним общается, входит к нему, как к настоящей блуднице, и, удовлетворив все свое пожелание, уходит; и смотрит на это весь город, не два или три мужа. Свойство распутных женщин еще то, что отдаются тому, кто предложил золото: раб ли или монах, или кто бы то ни был, если предложит плату, принимается; а свободные люди, хотя бы были самыми благородными, без серебра не допускаются. То же и тут делают те: от правильных мыслей, которые не приносят серебра, уклоняются, а с гнусными и поистине богопротивными общаются ради золота, общаются непристойно и теряют красоту души. Как те (блудницы) от природы безобразны, черны, грубы, бесформенны, дурно сложены и во всех отношениях отвратительны, так и их души не в состоянии бывают под наружными притираниями скрыть свое безобразие. Где крайнее безобразие, там, что бы ни придумывали, укрыться нельзя. А что бесстыдство делает блудницами, послушай, как говорит пророк: *«но у тебя был лоб блудницы, ты отбросила стыд»* («не хотела еси постыдятся ко всем, лице блудницы бысть тебе») (Иер.3:3).

То же можно сказать и любостяжателям: «Ты был бесстыден со всеми, не с тем или другим, но со всеми». Каким образом? Такой не стыдится ни отца, ни сына, ни жены, ни друга, ни брата, ни благодетеля, вообще никого. И что говорю – друга, брата, отца? Не стыдится Самого Бога, но все ему кажется басней, и он смеется, упоенный великим похотением, и даже слухом не воспринимает ничего, что могло бы принести ему пользу. О, безрассудство и глупые речи! Горе тебе, маммона, и тому, кто не обладает тобой! Здесь я разрываюсь от гнева: горе в самом деле тем, которые говорят это, хотя бы говорили в шутку! Скажи мне: не грозил ли Бог такой угрозой, говоря: «*не можете служить двум господам*» (Мф.6:24)? А ты не лишаешь ли угрозу силы? Не говорит ли Павел, что это (любостяжание) есть идолослужение, и не называет ли любостяжателя идолослужителем? А ты стоишь и смеешься, точно публичные женщины, вызываешь смех, точно актрисы на сцене? Это произвело всеобщий беспорядок и разгром; все у нас обратилось в смех, остроумие и утонченность; ничего серьезного, ничего солидного. Не к мирским мужам только говорю это, но знаю, кого разумею: ведь церковь полна смеха, стоит кому-нибудь сказать шутку, и тотчас поднимается смех у сидящих. Всюду хороводит дьявол, во всех он проник, всеми завладел; Христос обесчещен, отвергнут, ни в какой части нет церкви. Не слышите ли, что говорит Павел: «Сквернословие и пустословие и острословие да изземлются от вас» (Еф.5:4)? Он ставит острословие рядом с сквернословием, а ты смеешься? Что такое пустословие? То, что не заключает ничего полезного. И ты – монашествующий, распинаемый, воздыхающий – тоже все смеешься и ухмыляешься? Смеешься, скажи мне? А слышал ли ты где-нибудь, чтобы Христос это делал? Никогда. Но часто Он скорбел: когда смотрел на Иерусалим, проливал слезы; когда думал о предателе, приходил в душевное потрясение; когда собирался воскресить Лазаря, плакал, – а ты смеешься? Если и не соболезнующий о чужих грехах достоин осуждения, то какого снисхождения будет достоин бесчувственно относящийся к собственным и смеющийся? Время плача и скорби, заушения и порабощения, борения и

пота, а ты смеешься? Не видишь разве, какое порицание заслужила Сарра? Не слышишь, что говорит Христос: *«Горе вам, смеющиеся ныне! Ибо восплачете и возрыдаете»* (Лк.6:25)? Ты ежедневно это поешь. Что именно говоришь, скажи мне? Говоришь ли – «я посмеялся»? Нет. Но что? «Я потрудился в воздыхании моем». Но, быть может, есть некоторые до того легкомысленные и глупые, чтобы смеяться над этим поучением, так как мы беседуем о смехе. Таково-то помешательство, таково безумие: нечувствительны даже к наставлению! Иерей Божий стоит, вознося молитвы всех, а ты смеешься и не страшишься? Он и за тебя возносит молитвы, а ты не обращаешь внимания? Не слышишь ли, что говорит Писание: «горе тем, которые небрежны»? Не трепещешь? Не сдерживаешься? Входя в царский дворец, ты украшаешь себя и наружностью, и взором, и походкой, а здесь, где истинно Царский чертог и все таково, как на Небе, ты смеешься? Знаю, что ты не замечаешь: услышь же, что Ангелы всюду находятся, а особенно в доме Божиим предстоят Царю, все наполнено этими бестелесными силами. Это мое слово относится и к женам, которые в присутствии мужей не смеют свободно этого делать, а если делают, то не всегда, но лишь во время отдыха; здесь же – всегда. Скажи мне, жена: голову ты покрываешь – и смеешься, сидя в церкви? Ты вошла, чтобы исповедаться в грехах, припасть к Богу, упрашивать и умолять Его о твоих злых прегрешениях, и ты делаешь это со смехом? Каким же образом ты сможешь умиловить Его? «Но что, – скажешь, – дурного в смехе?» Не смех дурен, а дурен смех чрезмерный и неуместный. Смех заложен в нас для того, чтобы, когда видим друзей после продолжительного времени, мы смеялись бы; для того, чтобы, когда найдем кого-нибудь в смущении и страхе, ободряли бы его усмешкой – не хохоча и не смеясь постоянно; для того заложен смех в нашу душу, чтобы душа кое-когда получала отдых и не изнывала. Так и телесное хотение заложено в нас, и однако же, из-за того, что оно заложено, нет неизбежной необходимости пользоваться или не пользоваться им сверх меры, но мы его сдерживаем и не говорим: «так как заложено, то и будем им пользоваться».

Служи Богу со слезами, чтобы тебе возможно было омыть грехи. Знаю, что многие насмеваются над нами, говоря: «Сейчас же слезы!». Потому что – время слез! Знаю, что и загадывают, говоря: *«Станем есть и пить, ибо завтра умрем!»* (1Кор.15:32). *«Суета сует, – все суета!»* (Еккл.1:2). Не я это говорю, но тот, кто на опыте познал все вещи, говорит это. *«Я... построил себе дома, посадил себе виноградники, сделал себе водоемы... приобрел себе слуг и служанок»* (Еккл.2:4, 6–7). И что же после всего этого? *«Суета сует, – все суета!»*. Итак, восплачем, возлюбленные, восплачем, чтобы поистине нам посмеяться, поистине утешиться во время светлой радости. К здешней радости всегда примешана печаль, и никогда нельзя ее встретить в чистом виде; а тамошняя чиста, неложна, без всякого коварства, без примеси; этой радостью будем наслаждаться, к ней стремиться. Достигнуть же ее невозможно иначе, как предпочитая здесь не то, что приятно, а что полезно, мало огорчаясь скорбью и все перенося с благодарностью. Так мы в состоянии будем достигнуть и Царства Небесного, которого да удостоимся все мы во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу и Святому Духу слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Слово 44. О сокрушении, терпении и пожелании будущих благ; и о втором пришествии Господа нашего Иисуса Христа.

Увещаваю вас, братья, составлять решение о Промысле Божиим не только по настоящему, но и по будущему, потому что настоящее есть борьба, место состязания и поприще, а будущее – награды, венцы, воздаяния. И как борцу на месте состязания нужно сражаться в поте, в пыли, в великом жаре, в трудах и в телесном напряжении, так и праведнику много здесь нужно претерпевать и все выносить мужественно, если там он хочет получить блестящие венцы. Поэтому и Павел постоянно обращает к нам слово о воскресении, и, как вы слышали, взывает и говорит: *«Мы веруем... что Воскресивший Господа Иисуса воскресит через Иисуса и нас и поставит перед Собою с вами... Посему мы не унываем»* (2Кор.4:13–16); говорит, имея величайшим утешением в подвигах надежду на будущее. Не сказал к ним: «потому не унывайте», но что? *«Посему мы не унываем»*, – показывая, что и он сам беспрерывно находится в подвигах. *«Если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется»* (2Кор.4:16). Как обновляется? Верой, надеждой, усердием, смелым перенесением бедствий. Ведь чем неисчислиമее бедствия, претерпеваемые телом, тем более благие надежды получает душа и становится светлее, как золото, обильно прошедшее через огонь. И смотри, как он ниспровергает скорби настоящей жизни. *«Ибо кратковременное легкое страдание наше, – говорит, – производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое»* (2Кор.4:17–18), полагая все дело в надежде. И что в другом месте он говорит («Мы спасены в надежде» и: «Надежда же, когда видит, не есть надежда») (Рим.8:24), то же и здесь разъясняя, он сопоставляет настоящее с будущим, мгновенное с вечным, легкое с тяжелым, скорбь со славой. И этим даже не

довольствуется, но присоединяет другое изречение, усугубляющее смысл прежнего: *«производит в безмерном преизбытке»*, – говорит. Потом показывает и способ, сказавши, каким образом страдание становится «легким». Каким же образом? *«Когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое»*. Таким образом, и это (настоящее) легко, и то (будущее) велико, если мы отведем себя от того, что видимо, потому что видимое временно – следовательно, таковы и печали, а невидимое вечно – следовательно, таковы и венцы. И он не сказал только: «таковы печали», но: «все видимое», хотя бы то было наказание, хотя бы успокоение, чтобы и тут мы не хвалились, и там не смущались. Потому-то и о будущем не сказал: «Царство вечное», но: «невидимое вечное», хотя бы это было Царство, хотя бы опять же наказание, чтобы и тут не страшились, и там не обнадеживались.

Итак, если видимое временно, а невидимое вечно, то и будем взирать на последнее, на вечное. Какое, в самом деле, мы будем иметь извинение, предпочитая временное вечному? Ведь хотя настоящее и приятно, однако же непостоянно, а что в нем есть мучительного, то постоянно и непростительно. Какое может быть извинение для тех, которые, будучи удостоены Святого Духа и насладившись таким даром, сделались ревнителями низменного и ниспали на землю? И действительно, я слышу, как многие произносят такие смешные слова: «Дай мне сегодняшний день и возьми завтрашний. Если бы, – говорят, – тамошнее существовало в таком виде, как вы представляете, то это было бы одно против одного, а если совсем ничего такого нет, то – два против ничего». Что безрассуднее этих слов? Что пошлее? Мы беседуем о небесах и о невыразимых тех благах, а ты выдвигаешь нам на сцену то, что принято на ристалищах, и не стыдишься, не закрываешься, произнося это, свойственное глупцам? Не краснеешь, будучи до такой степени пригвожден к настоящему? Не устаешь безумствовать, сходить с ума и говорить глупости, как младенец? Когда бы говорили это эллины, ничего не было бы удивительного; а когда болтают это люди верующие, какое будет снисхождение? Значит, ты заподозрываешь те

бессмертные надежды? Значит, считаешь это сомнительным? Как же это достойно будет снисхождения? Но ты не видишь тамошнего? Не видишь ты также и Бога; что же, из-за того, что не видишь Бога, не признаешь Бога существующим? «И весьма, – говоришь, – признаю». В таком случае, если опять тебя кто спросит: «А кто пришел с неба и сообщил это?» – что ты скажешь? Из чего узнаешь, что существует Бог? «Из видимого, – говоришь, – из доброго порядка во всем создании, из того, что это для всех очевидно». Следовательно, таким же образом веди речь и о Суде. Как, спросишь? Я буду тебя спрашивать, а ты мне отвечай.

Праведен ли Сам Бог и по достоинству ли воздает каждому, или наоборот – желает, чтобы нечестивые благоденствовали и наслаждались, а добрые находились в противоположном положении? Отнюдь нет, скажешь; этого и человек не потерпел бы. Где же хорошо здесь поступающие будут наслаждаться благами, и где злые получают противоположное, если после этого не имеет быть какая-нибудь жизнь и воздаяние? Видишь ли, что одно против одного, а не два против одного, лучше же сказать: для праведников – два против ничего, а для грешников и тех, которые здесь живут в наслаждении, все противоположное? В самом деле, предававшиеся здесь наслаждению, а потом там наказанные, не получили и одного против одного, те же, которые проводят жизнь в добродетели, получают два против ничего. Кто именно находится в покое – злоупотребляющие настоящей жизнью или живущие благоразумно? Ты, быть может, назовешь первых, а я указываю на последних, призывая в свидетели тех самых, которые вкусили от настоящих благ и не поступят бесстыдно по поводу того, о чем я намерен говорить. Так нередко некоторые порицают предбрачные обряды и самый день, когда изготавливаются брачные ложа, а считают блаженными не вступивших в брак; многие же уклоняются от брака не по чему иному, как по причине тягостности этого дела, И я говорю это не в укоризну браку, который честен (Евр.13:4), а имея в виду тех, которые дурно им пользуются. Если же те, которые сочетались браком, часто почитали жизнь невыносимой, то что мы сказали бы о тех, которые

ниспроверглись в пропасть блуда и испытывают положение более рабское и бедственное, чем положение всякого пленника? Что о тех, которые гниют в сластолюбии и ввергают свое тело в бесчисленные болезни?

Но, – скажут, – приятно пользоваться славой. Между тем, ничего нет горче этого рабства. И действительно, человек тщеславный, желающий нравиться кому ни попало, есть в большей мере раб, чем всякий невольник; напротив, поправший эту славу, не заботящийся о мнении других, стоит всех выше, он один свободен. Или вожделенно обладать деньгами? Но мы много раз показали, что в большем изобилии и покое находятся те, которые стеснены в них, а еще более те, которые ничего не имеют. Или сладостно напиваться? Но кто бы сказал это? Итак, не быть богатым приятнее, чем быть богатым, не вступать в брак – чем вступать в брак, не быть тщеславным – чем быть тщеславным, не предаваться сладострастию – чем предаваться сладострастию; и здесь большим владеют те, которые не прельщены настоящими благами. И к тому же я еще не говорю, что этот, хотя бы подвергался тысяче мучений, имеет добрую надежду, которая его поддерживает, а тот, хотя бы вкушал тысячи наслаждений, подвержен страху за будущее, который нарушает его удовольствие и смущает, потому что последнее немаловажный способ наказания, равно как первое – утехи и покоя. Есть, сверх того, и третий способ. Какой же это? Тот, что житейская услада, когда есть, не проявляется, будучи избличаема природой и временем, а та (не житейская) не только есть, но и пребывает непоколебимой. Видишь ли, что мы в состоянии будем быть не только два за ничто, но и три, и пять, и десять, и тысячи за ничто. А чтобы тебе узнать это же самое на примере, послушай. Богач и Лазарь – один пользовался настоящим, другой будущим; разве же тебе кажется одно – и быть мучимому во все время, и трудиться в короткий срок? Терпеть болезнь в тленном теле, и выносить жестокие истязания до бесконечности? Быть увенчанным и получить вечное наслаждение после этой малой немощи, и подвергнуться беспредельной муке после кратковременного наслаждения настоящим? Кто бы это сказал? О чем тебе

желательно, чтобы мы сказали – о количестве, качестве, о Божественном приговоре согласно достоинству того и другого? До каких пор вы будете издавать звуки жуков, непрерывно зарывающихся в навозе? А действительно, это не признак разумных людей – рисковать за ничто такой драгоценной душой, между тем как следовало бы при небольшом труде получить небеса. Не хочешь ли, я тебя и другим образом научу, что там есть Страшное Судилище? Открой двери твоей совести и взгляни на судью, восседающего в твоей душе. Если ты, при всем твоим себялюбии, сам себя осуждаешь и не допускаешь суда несправедливого, то неужели тем более Бог не учинит великого Промышления о праведнике, не положит нелицеприятного приговора обо всем и допустит всему совершиться попросту и кое-как? Кто это скажет? Такого не найдется. Эллины и варвары, поэты и философы, весь род человеческий согласен в этом с нами, хотя и не одинаково, а все же говорят, что есть какое-то судилище в аде: до такой степени дело это известно и общепризнанно.

Но почему, – скажешь, – мы здесь тотчас же не наказываемся? Этим Бог проявляет Свое долготерпение, предоставляет нам спасение в силу раскаяния, не делает нашего рода подлежащим насильственному захвату и тех, которые после перемены к лучшему могут спастись, не лишает наперед спасения. Если бы тотчас после самых грехов карал и погублял, то как был бы спасен Павел, как Петр – верховные учителя вселенной? Как Давид получил бы плод спасения от раскаяния? Как галаты? Как многие другие? Поэтому-то Он здесь не в отношении всех требует возмездия, но из всех лишь в отношении некоторых; и там не всех, но одного наказывает здесь, другого там, чтобы через посредство тех, кого наказывает, возбудить и крайне нечувствительных, и через посредство тех, кого не наказывает, заставить ждать будущего. Разве не видишь, что многие здесь несут наказание, как-то: заваленные башней, или те, кровь которых Пилат смешал с жертвами, или те, которые среди коринфян скончались неожиданной смертью за недостойное принятие Таин, или иудейский народ, истребленный варварами, или многие другие

и тогда, и теперь, постоянно? А иные, много грешившие, отошли, не понеся здесь наказания, как, например, богач, живший одновременно с Лазарем, и многие другие. Это Он делает, чтобы и неверующих в будущее возбудить, и верующим придать бодрости, и ленивых превратить в старательных. Ведь Бог – Судья Праведный, Сильный и Долготерпеливый, не каждодневно наводящий гнев. Если же мы воспользуемся долготерпением в целях лености, то придет время, когда наконец Он не станет долго терпеть и краткий срок, но тотчас попустит наказание. Итак, не будем ради удовольствия на одно мгновение (а такова настоящая жизнь) навлекать на себя наказание в бесконечные веки, но потрудимся мгновенно, чтобы быть увенчанными навсегда. Не видите ли, что и в житейских делах многие люди поступают таким же образом, принимают на себя малый труд ради продолжительного отдыха, даже если случается с ними и противоположное? Здесь именно бывает соответствие между трудами и прибылью, часто и наоборот; а в том Царстве иначе: труд мал, удовольствие же велико и бесконечно. Смотри: вот земледелец работает целый год, и часто в самом конце лишается надежды на плод от многих трудов; опять же кормчий и воин до старости проводят жизнь в войнах и трудах, и часто тот и другой из них уходят ни с чем, один лишается богатства, заключающегося в товарах, а другой – и самой жизни ранее победы. Какое же, скажи мне, мы будем иметь оправдание, когда в житейских вещах предпочитаем нести великий труд, чтобы получить малый отдых, а то и малого не получить, потому что надежда на это неверна, в духовных же вещах поступаем наоборот и за малое нерадение навлекаем на себя невыразимое мучение? Потому умоляю вас всех – освободитесь же, наконец, как-нибудь от этого сумасбродства. Ведь в то время никто уже нас не избавит: ни брат, ни отец, ни дети, ни друзья, ни сродник, ни другой кто-нибудь; если дела нас выдадут, то все от нас удалится и мы всецело погибнем.

Сколько тот богач рыдал, взывал к патриарху, упрашивал послать Лазаря? Но послушай, что сказал ему Авраам: *«Между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не*

переходят» (Лк.16:26). Сколько девы те просили у сверстниц немного елца? Но послушай, что говорят последние: «чтобы не случилось недостатка и у нас и у вас» (Мф.25:9), – и никто не был в состоянии ввести тех в чертог. Размышляя об этом, будем и мы заботиться о нашей жизни. Ведь какие бы ты ни указал труды, какие бы ни представил мучения, все это ничто по сравнению с будущими благами. Клади, если угодно, огонь, железо, зверей или что-нибудь еще более тяжелое: по сравнению с тамошними муками это не составляет даже и тени. Это, когда сильнее применяется, тогда в особенности и легко, потому что влечет быструю развязку вследствие того, что тело не в состоянии долго выдерживать напряженности наказания; а там не так, но то и другое соединяется, и усиление, и преизбыток, как в полезном, так и в тягостном.

Итак, пока есть время, поспешим перед лицо Его с исповеданием, чтобы тогда увидеть нам это лицо кротким и светлым и чтобы избежать тех грозных сил. Разве здесь ты не видишь воинов, состоящих в распоряжении у начальников, как они волокут, как связывают, как бичуют, как разрывают бока, как употребляют факелы для пыток? Но все это детские игрушки и смех сравнительно с теми муками: эти мучения временны, а у тех и червь не умирает, и огонь не угасает, так как тело, которое тогда восстанет, будет совершенно нетленно. Но пусть нам не придется узнать когда-нибудь это на опыте, пусть эти ужасы ограничатся для нас словами, чтобы нам не быть преданными тем мукам, но здесь образумиться. Сколько мы тогда наскажем обвинений на самих себя, сколько издадим воплей, сколько жалоб? Но ничто в конце концов не поможет. Так и корабельщики не могут принести пользы после того, как корабль разрушен и затонул, равно и врачи после того, как больной умер; часто они говорят, что следовало бы сделать то или другое, но все тщетно и напрасно. Нужно все говорить и делать, пока остается надежда на исправление; а когда нет уже ничего в нашей власти, когда все погибло, – попусту все говорится и совершается. Вот и иудеи тогда говорили: «Благословен грядущий во имя Господне!» (Ин.12:13), но не могли воспользоваться этим возгласом для избавления от наказания,

потому что не сказали, когда нужно было сказать. Поэтому, чтобы и нам не потерпеть того же, совершим в себе перемену еще здесь и постараемся войти в то успокоение, как сказал апостол. А действительно там это успокоение, откуда убежали болезнь, печаль и вздыхание, где нет ни забот, ни трудов, ни борьбы, ни страха, потрясающего и смущающего душу, а есть один только страх Божий, исполненный улады. Там не съедается хлеб в поте лица, нет там терний и волчцев, дети не рождаются в болезнях, нет выраженного словами: *«к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою»* (Быт.3:16); все мир, радость, веселье, сладость, благодать, кротость. Нет там соперничества, зависти, болезни, смерти – ни телесной, ни душевной; нет там ни мрака, ни ночи – все день, все свет, все блеск. Не нужно будет работать, не нужно принимать пищу, постоянно будем пребывать в вожделении благ. Не желаете ли, я вам представлю некоторый образ тамошнего покоя? Это невозможно, а все же, насколько в силах, попытаюсь дать вам некоторый образ. Взглянем на небо, когда, не затеняемое никаким облаком, оно являет свой венец; потом, употребив много времени на созерцание его красоты, подумаем, что и мы будем иметь седалище, и не такое только, но настолько красивее, насколько золотая крыша превосходнее глиняной; а за этой крышей есть другая – повыше, а потом Ангелы, Архангелы, бесконечные лики бесплотных сил, самый чертог Божий, Престол Отчий.

Но, как я сказал, слово не в состоянии все выразить; нужен опыт и знание, получаемое из опыта. Спрошу вас: как, по вашему мнению, Адам пребывал в Раю? А это пребывание на Небе много лучше того, насколько небо отстоит от земли. Впрочем, поищем и другой образ. Если бы случилось, что царствующий ныне овладел всей землей и затем не был бы тревожим ни войнами, ни заботами, но лишь пользовался почетом, проводил время в наслаждениях, имел большие доходы, золото прилиvalo бы к нему отовсюду и он возбуждал бы удивление: каково, полагаете вы, было бы у него на душе, если бы он увидел, что повсюду на земле прекратились войны? Вот нечто подобное; впрочем, и с этим образом мы не достигли

цели; поэтому нужно поискать иного. Представь вот что: царский ребенок, пока находится в матерней утробе, ничего не ощущает; но пришлось ему оттуда выйти и взойти на царский престол, и не постепенно, а вдруг все получить: таков и этот самый покой. Или если бы какой-нибудь узник, претерпевший бесчисленные бедствия, вдруг очутился на царском престоле. Но и так мы в точности не начертали образа, потому что здесь если кто достигнет благ, хотя бы, скажем, даже царской власти, то в первый день он наслаждается полным удовлетворением, также во второй и в третий, а по мере того как время идет вперед, удовольствие хотя и остается, но уже не то: каково бы оно ни было, от привычки ослабевает. А там удовольствие не только не умаляется, но даже возрастает. Подумай в самом деле, каково это, когда душа, отходящая туда, не ожидает ни конца этих благ, ни перемены, но ждет усиления их и жизни, не имеющей предела, жизни свободной от всякой опасности, всякого беспокойства и заботы, исполненной радости и бесчисленных благ. Если и здесь, выйдя в лагерь и видя в нем разбитые воинские палатки из полотнищ, копья, шлемы и блестящие выпуклости щитов, мы в изумлении останавливаемся, а если в середине случится еще увидеть царя, идущего в золотом вооружении, мы почитаем себя обладателями всего, то что подумаешь, когда увидишь вечные скинии святых, расположенные на Небе? «Примут вас, – сказано, – *в вечные обители*» (Лк.16:9). Что подумаешь, когда увидишь, как каждый из них сияет ярче солнечных лучей, не медью и железом, а той славой, блеск которой не в состоянии созерцать глаз человеческий? И это в рассуждении людей. А что сказал бы ты о тысячах Ангелов, Архангелов, Херувимов, Серафимов, Начал, Властей, красота которых невероятная, превосходящая всякий ум? Но доколе я не перестану уловлять неуловимое? Ведь *«не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его»* (1Кор.2:9). Поэтому что блаженнее достигших этой славы? Что жальче недостигих? Если иной, изгнанный из отечества, возбуждает всеобщее сожаление и лишившийся наследства представляется для всех заслуживающим сострадания, то

потерявший Небо и уготованные блага какими не должен обливаться слезами? Иной плачет, когда терпит что-нибудь незаслуженное, чего он не был причиной; когда же кто по собственной воле окунулся в порок, такой достоин не слез, но воплей, даже стенаний. Так и Господь наш Иисус Христос стenal и оплакивал Иерусалим, хотя и нечестивый. Действительно, мы заслуживаем бесчисленных рыданий, бесчисленных сетований. Если бы вся вселенная возопила, если бы камни, лес, деревья, звери, птицы, рыбы восстали по поводу нас, лишившихся этих благ, их стенание и плач нисколько не соответствовали бы потере. Какое слово, какой ум в состоянии представить то блаженство, ту доблесть, ту славу, ту радость, тот блеск, которых *«не видел глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку»* – не сказал просто: «превосходящих», но: «которых никто никогда не представлял» – *«что приготовил Бог любящим Его»*. Если устраивает и приготовляет блага Бог, то что это должны быть за блага? Если Он, создав нас мгновенно, без всякой предварительной заслуги с нашей стороны, предоставил такие дары – Рай, собеседование с Собой, бессмертие, блаженную и беспечальную жизнь, то чего Он не подарит столько потрудившимся и подвизавшимся и потерпевшим за Него? Он не пощадил для нас Единородного, за нас, врагов, предал на смерть Истинного Сына; чего же Он не удостоит друзей? Чего Он не подаст примирившимся с Ним? Он и богат сверх всякой меры, и желает, старается приобрести нашу дружбу; мы только, возлюбленные, не стараемся о том же. И что говорю: не стараемся? Не желаем достигнуть Его благ так, как Он желает. А что Он желает более, чем мы, видно из того, что Он сделал. Мы именно за самих себя едва жертвуем малым количеством золота, а Он отдал за нас Своего Сына.

Воспользуемся, как следует, любовью Христовой; насладимся Его дружбой. *«Вы, – говорит Он, – друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам»* (Ин.15:14). Увы! Врагов, бесконечно от Него удаленных, от которых во всем отличается несравнимым превосходством, их Он сделал друзьями и назвал друзьями. Итак, чего вытерпеть не было бы вожделенно за

такую дружбу? За человеческую дружбу часто мы подвергаемся опасности, а за любовь Христову не издержим денег? Поистине наши дела достойны плача, слез и рыданий, многих сетований и воплей; лишились мы нашей надежды, снизошли с нашей высоты, явились недостойными Божественной чести, после благодеяний сделались неблагодарными и неугодными; дьявол лишил нас всех благ; удостоенные быть сынами, братьями, наследниками, мы ничем не отличаемся от оскорбляющих Его врагов. Какое после того останется нам утешение? Он звал нас на Небо, а мы столкнули себя в геенну. Проклятие, ложь, воровство, распутство разлиты по земле; одни смешивают кровь с кровью, другие совершают дела хуже крови. Действительно, многие из любостяжателей скорее предпочтут тысячи смертей, чем потерпят ущерб; если бы они не удерживались страхом Божиим, то наложили бы на себя руки – до такой степени они жаждут собственной смерти. Ужели же это не хуже крови? *«Горе мне! Ибо не стало милосердых на земле, нет правдивых между людьми» («У, люте мне душе! яко погипе благочестивый от земли, и исправляющаго в человецех несть»)* (Мих.7:2). Теперь и мы воззовем прежде всего о себе. Но вы присоединитесь в плаче ко мне. Быть может, некоторые недовольны и смеются? Но поэтому именно и следовало бы усиливать плач, что мы так безумствуем и заблуждаемся, и не сознаем, что безумствуем, но смеемся над тем, по поводу чего следовало бы рыдать. *«Открывается, – о человек, – гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду»* (Рим.1:18). *«Грядет Бог наш, и не в безмолвии: пред Ним огонь поядущий, и вокруг Его сильная буря»* (Пс.49:3). *«День... Господень, как печь горящая»* (Мал.4:1). И никто не берет этого в ум, но пренебрегает этими страшными и ужасными вещами более, чем баснями; никто не слушает, все смеются и издеваются. Какой же у нас выход? Где мы найдем спасение? *«Умираем... все погибаем» («Погибохом, потребихомся»)* (Числ.17:12), мы сделались посмеянием для наших врагов, поношением для эллинов и демонов. Много думает теперь о себе дьявол, ликует и радуется нашему позору; Ангелы, которым мы вверены, все в унынии; никто не обращается, все у

нас пропадает напрасно, и мы вам представляемся шутами. Благовременно теперь, так как никто не слушает, обратиться к небу, призвать в свидетели стихии: *«Слушайте, небеса, и внимай, земля, потому что Господь говорит»* (Ис.1:2). Вы, никогда не утопавшие, протяните руку погибающим от пьянства, здоровые – больным, бодрствующие – безумствующим, старательные и твердые – колеблющимся. Пусть никто, умоляю, не предпочитает удовольствия друга его спасению; и огорчение и прещение пусть направляется к одному – его пользе. Когда заберет горячка, то и слуги повелевают своими господами, потому что когда она жжет, производя смятение в душе, а толпа слуг стоит около, то господское право не признается, если оно ко вреду господина. Обратимся же, умоляю! Каждодневные войны, потопления, постепенная гибель без числа и гнев Божий отовсюду нас окружают, а мы пребываем в беспечности, точно пользующиеся благополучием; все простираем руки на любостязание, и никто – на вспомоществование, все на грабительство, и никто – на заступничество; всякий старается приумножить свое достояние, и никто – помочь нуждающемуся, всякий много озабочен, как бы прибавить денег, и никто – как бы спасти свою душу; одна боязнь объемлет всех: *«как бы, – говорят, – мы не сделались бедняками»*, а о том, чтобы нам не попасть в геенну, никто не беспокоится и не тревожится. Вот это достойно слез, это достойно осуждения. Не желал бы я это говорить, но вынуждаюсь скорбью. Потому простите: скорбь побуждает меня сказать многое, чего бы я и не хотел. Я вижу жестокую рану, неумолимое несчастье, обрушившееся на нас, бедствия превышающие всякое утешение – мы погибаем: *«Кто даст голове моей воду и глазам моим – источник слез?»* (Иер.9:1). Восплачем, возлюбленные, восплачем, восстенаем. Быть может, некоторые здесь говорят: *«Постоянно-то говоришь ты нам о плаче, постоянно о слезах»*. Не желал бы, поверьте, не желал бы, скорее желал бы произносить величания и похвалы; но теперь время слез. Да и тяжело, возлюбленные, не плакать, но совершать дела, достойные плача; нужно уклоняться не от рыданий, а от действий, заслуживающих рыдания. Ты не будешь наказан – и я не заплачу; не умрешь – и не зарыдаю. А

ты вот, когда тело твое болеет, всех созываешь для соблезнования, и не соблезнующих тебе считаешь бессердечными; когда же душа погибает, ты говоришь, что не надо рыдать. Но я не могу – я ведь отец, и отец, любящий детей. Послушайте, как взывает Павел: *«Дети мои, для которых я снова в муках рождения»* (Гал.4:19). Какая мать, томящаяся в родовых муках, испускает такие ужасные звуки, как он? О, если бы возможно было ныне видеть костер в моей душе, ты увидел бы, что я сгораю более юной жены, безвременно сделавшейся вдовой. Не так она оплакивает своего мужа, не так отец – сына, как я это множество собравшихся около нас. Не вижу я никакого успеха: все заняты клеветами и наветами, никто не полагает заботы в том, чтобы угодить Богу; «О том-то, – говорят, – и о том не скажем хорошего; такой-то недостойн быть в клире, а такой-то живет нечестно». В то время как следовало бы оплакивать собственные деяния, мы осуждаем других, хотя, если бы даже мы чисты были от прегрешений, не должны были бы этого делать. *«Кто, – сказано, – отличает тебя? Что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что хвалишься, как будто не получил?»* (1Кор.4:7). Что судишь брата своего, будучи преисполнен бесчисленных зол? Если ты скажешь, что такой-то негоден, испорчен, нечестив, то вспомни о себе, тщательно исследуй собственные дела, и ты раскаешься в сказанном. Нет ведь, нет другого такого побуждения к добродетели, как воспоминание о грехах. Если мы то и другое у себя применим, то в состоянии будем достигнуть обещанных благ, в состоянии будем очистить себя. Только усвоим себе как-нибудь, возлюбленные, эту мысль, займемся этим делом; поскорбим здесь душой, чтобы не скорбеть там из-за наказания, но насладиться вечными благами там, откуда убежали болезнь, печаль и вздыхания, чтобы достигнуть превосходящих ум человеческий благ, во Христе Иисусе Господе нашем, так как Ему слава и держава с Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Слово 45. О том, что не должно усиленно оплакивать умерших.

Не будем, возлюбленные, горько плакать по умершим и отошедшим из этой жизни, но лучше будем рыдать и скорбеть по дурно окончившим свою жизнь. Так и земледелец, когда видит хлеб разложившимся, не плачет, но трепещет и дрожит, пока видит, что он остается в земле в твердом виде, а когда видит разложившимся – радуется, потому что разложение – начало будущего зарождения. Подобно этому и мы радуемся тогда, когда рушился поврежденный дом, когда зародился человек. И не удивляйся, что я назвал гроб зарождением – это даже лучшее зарождение. За обыкновенным зарождением следуют смерти, труды, опасности, заботы, а за этим зарождением, если мы жили правильно, венцы и награды; за первым – тление и смерть, за последним – нетление, бессмертие и бесчисленные блага. В том зарождении – объятия, похотения и сон, в этом – лишь голос, сходящий с неба, и вдруг все довершается, восставший же ведется уже не на многотрудную жизнь, но на ту, от которой отбежала болезнь, печаль и вздыхание. Если же ты ищешь заступничества и из-за этого оплакиваешь мужа, то прибегни к Богу, общему всех Заступнику, Спасителю и Благодетелю, к неодолимому пособию, к удобной помощи, к изобильному покрову, повсюду присутствующему и отовсюду нас ограждающему. Но совместная жизнь, любезная и вожденная? Знаю и я. Однако же, если взвесишь рассудком свое страдание, подумаешь сам в себе о том, Кто взял, и о том, что, в случае стерпишь мужественно, этим принесешь свою волю в жертву Богу, то ты сможешь перебраться через эту волну; чего не сделает время, то сделает философия; если же ослабеешь, а страдание с течением времени уляжется, то тебе не причтется никакой награды. Вслед за этими размышлениями собери также примеры, как из настоящей жизни, так и из Божественных Писаний.

Вспомни, что Авраам заклал и своего сына, и не плакал, не проронил горького слова. «Но то, – скажешь, – был Авраам!» А ведь ты призван еще на более возвышенное поприще. Иов, правда, скорбел, но лишь настолько, насколько пристойно отцу, любившему детей и сильно заботившемуся о погибших. А то, что мы теперь делаем, пристойно врагам и неприятелям. В самом деле, если бы кто-нибудь взят был в царский дворец и коронован, и ты стал бы терзаться и рыдать, то я не назвал бы тебя другом коронованного, а скорее его врагом и неприятелем. «Но, – скажешь, – я теперь не его оплакиваю, а себя самого». И это не есть знак любящего, что ты именно ради себя желал бы, чтобы он еще продолжал состязание и подвергнулся неизвестности будущего, между тем как в настоящее время он достиг цели и увенчивается; чтобы он плыл по морю, между тем как он может считаться находящимся в пристани. «Но, – скажешь, – я не знаю, куда он удалился!» Почему не знаешь, скажи мне? Он жил либо праведно, либо нет – ясно, куда удалился.

«Вот, – скажешь, – из-за того самого я и горюю, что он отошел грешником». Отговорка это и предлог. Ведь если ты из-за этого плачешь по умершем, то следовало исправлять и улучшать его при жизни; но ты постоянно устремляешь взоры на то, что касается тебя, а не его. Если же он отошел и грешником, то и поэтому нужно радоваться, так как прервались его грехи и порочность перестала нарастать, а кроме того, нужно помогать, насколько возможно, не слезами, но молитвами, прошениями, милостынями и приношениями. В самом деле, не без причины это придумано, не напрасно мы творим память об умерших в Божественных Тайнах и приступаем с молитвой за них к предлежащему Агнцу, взявшему грех мира, но для того, чтобы отсюда получилось для них какое-нибудь утешение; и не вообще предстоящий жертвеннику при совершении Страшных Тайн взывает: «За всех почивших во Христе и за совершающих о них памяти». А если бы не о них были памяти, то этого и не говорилось бы. Ведь наше служение не зрелище, – да не будет, – а происходит это по повелению Духа. Будем же им помогать и совершать память о них. Если сыновей Иова очищала жертва

отца, то неужели сомневаешься, что бывает некоторое утешение умершим, когда мы делаем за них приношения? Богу привычно, чтобы благодарение приносилось и одними за других; на это указал и Павел, говоря: *«дабы за дарованное нам, по ходатайству многих, многие возблагодарили за нас»* (2Кор.1:11). Не устанем же помогать отошедшим и приносить за них совершенные молитвы. Ведь предлежит всеобщее очищение вселенной. Поэтому смело тогда помолимся за вселенную и призовем их с мучениками, исповедниками, иереями, потому что одно тело мы все, хотя некоторые члены превосходнее других, и возможно всячески низвести на них снисхождение – через молитвы, через дары за них, через тех, которые с ними призываются. Что же ты скорбишь, что плачешь, когда возможно низвести на отошедшего такое снисхождение? Или это потому, что ты сделался беспомощным и потерял заступника? Но никогда этого не говори, потому что ты не потерял Бога, а пока ты Его имеешь, Он для тебя будет больше, чем отец, и сын, и опекун. Ведь и при жизни их, все Он совершал.

Итак, подумай об этом и скажи с Давидом: *«Господь – свет мой и спасение мое: кого мне бояться?»* (*«Господь просвещение мое и спаситель мой, кого убоюсь»*) (Пс.26:1). Скажи: «Ты – Отец сирот, Судья вдов», – и привлечешь Его помощь, и в большей мере будешь располагать Его Промышлением, чем прежде, насколько в большем находишься затруднении. Но ты потерял ребенка? Не потерял, не говори этого: здесь сон – не смерть, преставление, не гибель – переход от худшего к лучшему. Не раздражай же Бога, но умилоствляй. Если ты перенесешь мужественно, то отсюда получится и отошедшему, и тебе некоторое утешение; если же наоборот, то еще более возбудишь гнев Божий. Так и в том случае, когда господин сечет отрока, а ты, находясь при этом, выражаешь неудовольствие, то этим больше возбуждаешь господина против себя. Не поступай же так, но благодари, чтобы через это рассеялось для тебя облако печали; говори, как тот блаженный: *«Господь дал, Господь и взял»* (Иов.1:21); подумай, как многие больше тебя благодарили, и детей не имея, и не называясь

отцами. «И я, – скажешь, – не желал бы иметь, так как лучше не знать на опыте, чем, отведав удовольствия, потом лишиться его». Нет, убеждаю, не говори этого, не прогневай этим Владыку, но возблагодари за то, что получил, а за то, чем не до конца пользовался, прославь. Иов не сказал: «Лучше было бы не получать»; что говоришь безрассудно ты; он и за то благодарил, говоря: *«Господь дал, – и за это благословлял, говоря: – Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!»* (Иов.1:21). И жене он таким образом заградил уста, оправдываясь перед ней и произнеся эти удивительные слова: *«Неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?»* (*«аще благая прияхом от руки Господни, злых ли не стерпим»*) (Иов.2:10). И хотя после того искушение сделалось более тяжелым, он, однако, не изнемогал, но с одинаковым мужеством переносил и славословил. Так и ты поступай и размышляй про себя, что не человек его взял, но Бог, его создавший, более, чем ты, о нем пекущийся и знающий, что ему полезно, – не враг какой-нибудь и не наветник.

Посмотри, как многие остающиеся в живых дети сделали для своих родителей жизнь невыносимой. «А доблестных детей, – скажешь ты, – не замечаешь?» Вижу и таких, но обстоятельства твоего сына в более надежном положении, чем их, потому что хотя они ведут себя похвально, однако же конец их еще неизвестен; а за своего ты уже не беспокоишься и не дрожишь, как бы он чего не потерпел и не подвергся бы какой-нибудь перемене. Так же рассуждай и о доброй, домовитой жене: за все благодари Бога; если ты и лишился ее, славословь; быть может Богу угодно привести тебя к воздержанию и Он восхотел, освободив тебя от уз, призвать на более высокое поприще. Скажи мне: если бы царь послал и позвал во дворец кого-нибудь из нас, внизу сидящих – следовало ли бы горевать и плакать? Вот, приходят сюда с небес Ангелы, ниспосланные Самим Царем, чтобы позвать подобного им раба, и ты, скажи мне, плачешь? Разве не знаешь, какое это совершается Таинство? Как оно страшно и ужасно, и поистине достойно гимнов и хваления? Желаете научиться, узнать, что не время слез? Действительно, это великая тайна

Премудрости Божией. Как бы покидая какой дом, идет душа и приводится к своему Владыке, а ты скорбишь? В таком случае, когда и родился ребенок, нужно было поступить так же, потому что и это – рождение, только гораздо лучше того рождения, так как идет к другому свету, освобождается как бы из какой темницы, удаляется от борьбы.

«Да, – скажешь, – о достигших славы ты это хорошо говоришь». Что же с твоей стороны, человек, когда ты и не делаешь этого в отношении достигших славы? Какую, скажи мне, укоризну ты находишь в маленьком ребенке, которого между тем оплакиваешь? Какую – в новопросвещенном, который в таком же точно находится положении? Из-за чего плачешь, скажи мне? Ведь подобно тому как солнце восходит чистым, так и душа, оставляющая тело с чистой совестью, сияет и блещет. Не так привлекательно видеть царя, входящего в город с великой торжественностью, как душу, оставляющую тело и уходящую с Ангелами. Подумай, какова это душа, в каком она бывает тогда восторге, в каком изумлении, в каком наслаждении. Что горюешь, скажи мне? Но ты поступаешь так лишь в отношении грешников? О, если бы так было – я бы тогда не препятствовал горю. О, если бы это было целью: такой плач – плач апостольский, плач Владычный, потому что и Христос плакал об Иерусалиме. Желал бы я, чтобы рыдания определялись этим правилом; но когда ты произносишь призывные слова, упоминаешь о совместной жизни, о предстательстве, то не из-за этого ты плачешь, а пользуешься лишь предлогом. Скорби, сетуй о грешнике; и я проливаю слезы, я даже больше, чем ты, насколько он большему подлежит наказанию; с этой целью и я буду плакать. И не тебе только следовало бы такого оплакивать, но и целому городу, всем встречным, даже тем, которые уводятся на смерть. Действительно, кончина грешников – злая кончина. Но все перепуталось. Один плач свидетельствует о любомудрии и заключает в себе великое научение, а другой обнаруживает малодушие. Если бы все мы плакали первым плачем, то исправили бы их еще при жизни. Подобно тому как, если бы ты имел возможность доставить лекарство, избавляющее от

телесной смерти, то ты сделал бы это, так и тут, если бы ты оплакал эту смерть, то избавил бы от нее и себя, и его.

Теперь же происходит загадка: имея возможность не допустить, чтобы это случилось, мы допускаем случиться, а после того как случилось – скорбим. Поистине они достойны будут слез, когда предстанут перед Судилищем Христовым – какие услышат слова? Какие потерпят бедствия? Они напрасно жили; лучше же сказать – не напрасно, но для зла. И о них уместно сказать: благо им было бы, если бы не родились. Какая в самом деле польза, скажи, потерять на свою голову столько времени на зло? Если бы даже потеряли лишь напрасно, то недостаточен ли был бы убыток? Скажи мне: если бы кто, работая по найму, понапрасну потерял двадцать лет, то неужели бы он не сетовал, не плакал, не считал себя несчастнее всех? А тот всю жизнь напрасно работал, ни одного дня не прожил для себя, но все для сладострастия, для распутства, для любостяжания, для греха, для дьявола; итак, скажи мне, его не будем оплакивать? Не постараемся исторгнуть его из опасностей? Возможно ведь, возможно, если только желаем, смягчить для него наказание.

Будем совершать постоянные за него молитвы, будем давать милостыню – и хотя бы он был недостоин, Бог умиосердится через нас. Если Павел пожалел и пощадил одного ради других, то тем более мы должны это делать. Из его ли денег, из своих ли, из каких ты хочешь, но помогай, источай елей, лучше же сказать – воду. Он не может указать на собственную милостыню? Укажет, по крайней мере, на милостыню своей родни. Не может указать на милостыню, сделанную им самим? По крайней мере, укажет на то, что жена, когда с дерзновением молилась за него, вносила выкуп за него. Чем в большем числе грехов он был виновен, тем большая нужна за него милостыня, не только поэтому, но и потому, что теперь она не одинаковую имеет силу, а гораздо меньшую. Ведь не одно и то же, когда он сам что сделает, и когда другой за него. Потому именно, что она меньше, мы и будем делать ее по размерам возможно большей. Не будем прилагать забот о памятниках, о гробницах – вот превосходнейшая гробница:

поставь вдов, объяви имя, всем прикажи совершать за него молитвы и прошения; это умилюстит Бога. Хотя и не им самим сделано, но за него другой стал виновником милостыни, а и это – дело Божественного человеколюбия. Стоящие кругом и плачущие вдовы в состоянии будут исторгнуть не от настоящей, но от будущей смерти. Многие получали пользу и от милостыни, делаемой за них другими, хотя и не всецело, но все же находили некоторое утешение. Если бы этого не было, то каким образом спасались бы дети, которые сами ничего не вносят, но все родители? И женщинам часто даются в дар дети, ничего сами не внесшие. Бог дает нам много путей спасения, только бы мы не оставались нерадовыми. «Но что, – скажешь, – если кто беден?» Опять скажу: величина милостыни считается не по размеру даваемого, но по доброй воле – не давай только меньше, чем в силах дать, и ты все разрешишь. «Но что, – скажешь, – если кто одинок, странен, не имеет никого?» А почему, скажи мне, он никого не имеет? В том самом ты и будешь наказан, что не имеешь у себя ни одного друга, настолько преданного добродетели.

Итак, это бывает для того, чтобы, если сами мы не добродетельны, то старались бы иметь добродетельных товарищей и приятелей, жену, сына, друга, чтобы через них извлечь какой-нибудь плод, хотя и не большой, а все же плод. Если позаботишься взять жену не богатую, но благочестивую, ты воспользуешься этим утешением; если позаботишься оставить сына не богатого, но благочестивого, или дочь честную, тоже воспользуешься этим утешением. Если об этом постараться, то и сам будешь такой же. И то частица добродетели – любить таких друзей, жену, детей. Не тщетны бывают приношения за отшедших, не тщетны моления, не тщетны милостыни: все это установил Дух, желающий, чтобы мы друг другу приносили пользу. Смотри: он получает пользу через тебя, а ты получаешь через него. Ты пренебрег деньгами, побуждаясь сделать что-нибудь доблестное? Ты и для него стал виновником спасения, и для себя – милостыни. Не сомневайся насчет того, получит ли он какую-нибудь пользу; не без основания дьякон взывает: «За почивших о Христе и за

совершающих о них память». Не дьякон возглашает это, но Дух Святой, – разумею дарование (χαρίσμα). Что ты говоришь? В руках – жертва, все наготове, присутствуют Ангелы, Архангелы, присутствует Сын Божий, все стоят с таким трепетом, предстоящие взывают при всеобщем молчании, – и ты полагаешь, что говоримое бывает без основания? В таком случае и другое без основания, и приношения за Церковь, за иереев, за общество верующих? Отнюдь нет – все бывает с верой. Что, полагаешь ты, приносится за мучеников? То, что они именуются в этот час. Хотя они и мученики, хотя бы были более, чем мученики, все же великая честь быть поименованным в присутствии Владыки, когда творится это воспоминание, приносится страшная жертва, совершаются неизреченные Тайны. Подобно тому, как когда царь восседает, всякий, чего бы ни пожелал, может достигнуть, а когда царь встанет, то, что бы ни сказал, говорит понапрасну, так и тогда: пока предлежат Тайны, всем, удостоенным упоминания, величайший почет. Смотри в самом деле: тогда возвещается страшная тайна, что Бог предал Себя за вселенную; после этого чуда благовременно происходит упоминание о тех, которые согрешили. Подобно тому как, когда празднуется царская победа, восхваляются тогда и те, которые участвовали в победе и ради этого времени отпускаются те, которые находятся в узах, а по прошествии этого времени, кто не воспользовался, уже ничего не получает, так точно и здесь: это время празднования победы. *«Ибо всякий раз, – сказано, – когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете»* (1Кор.11:26). Не без цели мы приступаем, и мы признаем, что это не случайно происходит. Иными словами, мы вспоминаем мучеников, и это по вере, что Господь умер; а это, что он стал мертвым, есть знак, что смерть умерщвлена. Зная это, будем помышлять, какие бы мы могли доставить утешения усопшим: вместо слез, вместо рыданий, вместо поминок – милостыни, молитвы, приношения, чтобы и они, и мы достигли обещанных благ, благодатью и человеколюбием Единородного Сына, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Слово 46. О том, что если мы даже виновны во всех грехах, мы можем спастись через исповедь; и что каждый из нас верующих имеет Ангела Хранителя; и о священниках.

Из людей, возлюбленные, одни наказываются здесь и там, другие – только здесь, третьи – только там, четвертые же – ни здесь, ни там. Здесь и там – те, которые распяли Христа: здесь они понесли наказание, когда при взятии города претерпели невыразимые бедствия, и там несут еще более тяжелое наказание; затем – граждане Содома и многие другие. Там только – богач, например, который был сжигаем и не имел в распоряжении даже капли воды. Здесь – блудник, например, у коринфян. Ни здесь, ни там – апостолы, пророки, блаженный Иов, так как то, что они потерпели, не было наказанием, но проявлением борьбы и подвигов. Постараемся же быть в их уделе, а если не в их, то по крайней мере тех, которые здесь слагают грехи. Ведь страшно то Судилище, и неумолимо мучение, и невыносимо наказание. Если же хочешь и здесь не понести наказания, то суди сам себя и требуй от себя ответственности; послушай, что говорит Павел: *«Ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы»*(1Кор.11:31). Если ты это сделаешь, то уйдешь вперед по пути и дойдешь до венца. А как, спросишь, требовать наказания самим себе? Скорби, вздыхай горько, смиряй себя, поноси, вспоминай о прегрешениях, о каждом в отдельности: это немалое истязание для души. Если кто находился в сокрушении, тот знает, что душа в особенности этим казнится; если кто находился в памятовании грехов, тот знает происходящую отсюда скорбь. Поэтому Бог полагает праведность наградой за такое раскаяние, говоря: *«говори ты, чтоб оправдаться»* (*«глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися»*) (Ис.43:26).

Немало значит в деле исправления – собрав все грехи, постоянно их рассматривать и исследовать каждый в

отдельности. Делаящий это дойдет до такого сокрушения, что не будет даже считать себя достойным жизни, а кто так думает, тот будет мягче всякого воска. Не говори мне лишь о распутстве, ни о других явных грехах: нужно собрать и тайные замыслы, и клеветы, и злословия, и тщеславие, и зависть, и все тому подобное, потому что и это влечет за собой немалое наказание. Ввергается также и ругатель в геенну, и пьяница не имеет никакого общения в Царстве, и не любящий ближнего до того оскорбляет Бога, что и само мученичество не приносит ему пользы, и нерадящий о домашних отвергается веры, и пренебрегающий бедными посылается в огонь. Поэтому не считай это маловажным, но все собирай и как в книгу записывай. Если ты запишешь, то Бог изгладит; если же нет, если не запишешь, то Бог запишет и потребует ответа. Следовательно, много лучше, когда это нами будет записано, а свыше изглажено, чем наоборот, когда мы забудем, а Бог в тот день вынесет это перед нашими глазами. А чтобы этого не случилось, будем тщательно исследовать, и мы найдем себя виновными во многом.

Кто в самом деле чист от любостяжания? Не говори мне о размерах, потому что и за малое понесем тоже наказание. Размышляй об этом, и кайся. Кто свободен от ругательства? Между тем, оно ввергает в геенну. Кто не говорил тайно против ближнего? Кто не безумствовал? А такой – всех грязнее. Кто не смотрел на женщину необузданными глазами? А такой – совершеннейший блудодей. Кто не гневался на брата понапрасну? А такой «повинен синедриону». Кто не клялся? А такой – от лукавого. Кто не рабствовал маммоне? А такой изъят из истинного рабства Христова. Могу я сказать и многое другое, подобное этому, но и сказанного достаточно, чтобы привести к сокрушению, если кто не камень и не крайне бесчувствен. Если каждый из этих грехов ввергает в геенну, то все вместе соединенные чего не сделают? *«Смотрите, – сказано, – не презирайте ни одного из малых сих; ибо Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного» (Мф.18:10)*, потому что всякий верующий имеет Ангела. Так и от начала всякий славный муж имел Ангела, как говорит Иаков: «Ангел,

*избавляющий меня от всякого зла»*⁶ (Быт.48:15–16). Итак, если у нас есть Ангелы, то будем бодрствовать, как бы имея при себе некоторых педагогов. Присутствует также и демон: будем поэтому молиться и говорить, прося Ангела мира, и всюду будем просить мира, с которым ничто не может сравниться – мира в церквях, в молитвах, в молениях, в прещениях; и раз, и два, и три, и многократно преподает его настоятель церкви: «мир вам». Почему? Потому что он (мир) – отец всех благ, он – основание радости. Поэтому и Христос повелел апостолам, входя в дома, тотчас говорить это, как бы указывая на какой символ благ: «Входя же в дом, – сказал Он, – глаголите: мир вам» (Мф.10:12). Если его нет – все излишне. И Христос сказал ученикам: «мир оставляю вам: мир Мой даю вам» (Ин.14:27). Он (мир) prepares дорогу к любви. И не просто говорит настоятель церкви: «мир вам» но: «мир всем». Что в самом деле, если мы с одним поддерживаем мир, а с другим ведем войну и борьбу? Какая выгода? Ведь и в теле, если одни из составных частей спокойны, а другие возмущены, никогда невозможно поддержать здоровья – это возможно только при всеобщем порядке, согласии и мире; если не все спокойно, не все остается в своих границах, то все рушится. И в нашей душе, если не все мысли спокойны, то не будет мира. Мир – такое благо, что творцы его и устроители называются сынами Божиими. Это правильно: и Сын Божий для того пришел на землю, чтобы устроить мир между тем, что на земле, и тем, что на небесах.

Если же миротворцы – сыны Божии, то возмутители – сыны дьявола. Что ты говоришь? Вводишь раздоры и столкновения? Кто, скажешь, до такой степени жалок? Да, есть многие, радующиеся злу и терзающие Тело Христово более, нежели воины, пронзившие копьем, нежели иудеи, пригвоздившие к древу. То зло меньше этого; те члены, будучи рассечены, опять соединились; а эти, будучи расторгнуты, если здесь не соединяются, то и никогда не соединятся, но останутся вне общества верующих. Когда ты хочешь воевать с братом, то подумай, что воюешь с членами Христа, и останови безумие. Что в том, если он отвержен, если ничтожен, если презрен?

«Так, нет, – сказал Господь, – воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих», и еще: «Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного» (Мф.18:14,10). Бог за него и за тебя стал рабом и был умерщвлен, а ты считаешь его за ничто? Разве же и в этом ты не воюешь против Бога, когда выносишь противные Ему приговоры? Когда входит настоятель церкви, сейчас же говорит: «мир вам»; когда беседует – «мир всем»; когда совершается жертва – «мир всем»; и между тем, опять – «благодать вам и мир». Как же не безрассудно, столько раз слыша, что у нас мир, воевать друг против друга? Приняв и дав мир, с тем, кто дал мир, воевать? Ты говоришь: «и духови твоему», а видимо обманываешь его? Горе мне, потому что святыня церковная сделалась простой формальностью, а не какой-нибудь истиной! Горе мне, потому что символы этого воинства остаются на словах! Поэтому вы и не знаете, для чего говорится: «мир всем». Но послушайте дальше. Что говорит Христос? «В какой бы город или селение ни вошли вы,.. приветствуйте его, говоря: мир дому сему; и если дом будет достоин, то мир ваш придет на него; если же не будет достоин, то мир ваш к вам возвратится» (Мф. 10:11–13). Потому не знаем, что считаем это формой слов, и не слагаем в уме. Ужели и я не даю мира? Христос благоволит возглашать через нас. Если во всякое другое время мы лишены благодати, то не теперь – ради вас. Если по домостроительству Божию и для пользы евреев благодать действовала через ослицу и прорицателя, ясно, что и через нас не откажется действовать, снизойдет на это ради вас.

Итак, никто пусть не говорит: «Я ничтожен и низок и не заслуживаю никакого уважения»; это и ко мне относится, потому что я именно таков; однако же Богу угодно обращать внимание и на таковых ради многих. Знайте вот: Он соблаговолил говорить с Каином ради Авеля, с дьяволом ради Иова, с фараоном ради Иосифа, с Навуходоносором ради Даниила, с Валтасаром ради него же. И волхвы удостоены были откровения, и Каиафа, хотя был христубийца и недостойн, пророчествовал ради достоинства священства. Ради этого и Аарон не был поражен проказой. В самом деле, скажи мне,

почему в то время как оба они дурно говорили, сестра только понесла наказание? Не удивляйся. Если и с мирскими достоинствами бывает, что хотя бы на кого поступили тысячи обвинений, не прежде он приводится в судилище, чем сложена власть, чтобы вместе с ним и ей не нанесено было оскорбления, то тем более в духовной власти, какова бы она ни была, действует благодать Божия, хотя бы и все было потеряно; а когда сложит власть, умирая ли или оставаясь в живых, тогда понесет тягчайшее наказание. Не думайте, что это говорится нами от себя – что именно благодать Божия действует и через недостойного, не ради нас, а ради вас. Послушайте, что говорит Христос: *«Если дом будет достоин, то мир ваш придет на него»*. А каким образом бывает достоин? *«Если, – говорит, – примут вас: если же не примут вас и не послушают слов ваших... истинно говорю вам: отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели городу тому»* (Мф.10:14–15). Какая же польза, когда принимаете нас, а не слушаете того, что мы говорим? Какая выгода, когда принимаете служение, а не внимаете тому, что вам говорится? Вот для нас честь, вот дивное и полезное вам и нам служение – если вы нас слушаете. Послушай, что говорит Павел; *«Я не знал, братия, что он первосвященник»* (Деян.23:5). Послушай, что и Христос говорит: *«Все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте»* (Мф. 23:3). Не меня ты презираешь, а священство; когда увидишь, что я его лишен, тогда презирай; тогда и я не позволю себе распоряжаться; а пока мы восседаем на этом престоле, пока имеем председательство, до тех пор имеем власть и силу, хотя бы были недостойны. Если престол Моисея был настолько уважаем, что ради него его слушали, то тем более – Престол Христа. Его мы унаследовали, с него говорим, с него и Христос возложил на нас служение примирения. Послы, каковы бы они ни были, ради посольского достоинства пользуются большой честью. Смотри в самом деле: они одни идут в центр варварской земли, в среду стольких врагов, и так как закон о посольстве имеет большую силу, то все их почитают, все на них с уважением взирают, все в сохранности препровождают. И мы получили поручение

посольства и пришли от Бога: это именно епископское достоинство. Мы пришли к вам, как послы, прося прекратить войну, и говорим, на каких условиях: мы обещаем не города передать, не столько-то и столько мер хлеба, не рабов, не золото, но Царство Небесное, жизнь вечную, пребывание со Христом и другие блага, о которых нам и сказать невозможно, пока находимся в этом теле и в настоящей жизни. Итак, выполняя посольство, мы желаем пользоваться и честью, не ради себя, нет: мы знаем наше ничтожество, но ради вас, чтобы вы тщательно выслушали то, чему мы учим, чтобы вы извлекли пользу, чтобы без нерадения и невнимания удерживали то, что говорим. Не видите ли послов, как все их уважают? Мы – послы Бога к людям. Если вам что неприятно, то не мы, а само епископство, не такой-то человек, а епископ. Не меня никто не слушает, но епископское достоинство. Итак, будем во всем поступать согласно воле Божией, чтобы и прожить нам во славу Божию, и удостоиться благ, обещанных любящим его, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Слово 47. О том, что не должно недостойно приступать к Божественным Тайнам.

Так как мы вспомнили об этой Жертве, то хочу сказать немного к вам посвященным – немного по размерам, но обладающее великой силой и пользой, потому что говоримое – не наше, а Божественного Духа. Что же это? Многие приобщаются этой Жертве однажды в год, другие дважды, иные много раз. Следовательно, всем полезно наше слово, даже и самим пребывающим в пустыне, потому что они однажды в год приобщаются, а нередко через два года. Что же? Кого мы одобряем? Ни тех, которые однажды, ни тех, которые часто, но тех, которые с чистой совестью, с чистым сердцем, с неоскверненной жизнью. Такие всегда приступают, а которые не таковы, те никогда. *«Кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе»* (1Кор.11:29), как говорит апостол. Они даются святым; это выражает и дьякон, призывая святых теми страшными словами. Так как не может человек знать то, что принадлежит ближнему, если не Дух, Который в нем обитает, то он произносит эти слова: «святая – святым». Если кто не свят, не приступай. Не просто говорит: «чистый от грехов», но – «святой», потому что не освобождение только от грехов делает святым, но также присутствие Духа и богатство добрых дел. А что это за грех? Когда приступают не со страхом, но ударяя в грудь, поднимая шум и прочее.

Часто я это говорил, и не перестану говорить. Не видите ли на Олимпийских играх, когда у ратоборца украшена голова и глашатай призывает к тишине, какой хороший бывает порядок? Как же не бессмысленно – где торжествует дьявол, там великая тишина, а где Христос призывает к Себе, там великий шум? Лучше сказать: в море – спокойствие, а в гавани – волны. Что шумишь, скажи мне? Без сомнения, деловая нужда зовет. Значит, ты во всяком случае знаешь, что в этот час у тебя есть дела? Во всяком случае помнишь, что ты на земле? А разве же это не признак окаменелой души – думать в это время, что

находишься на земле, а не участвуешь в хоре Ангелов, с которыми и воссылаешь к Богу ту таинственную песнь, песнь победы: «Свят, свят, свят»? Христос для того назвал нас орлами, говоря: «где тело, там соберутся и орлы» (Лк.17:37), чтобы мы восходили на Небо, взлетали на высоту, облегчаемые крыльями Духа; а мы, как змеи, пресмыкаемся долу и едим землю. Желаете, я скажу, отчего происходит шум? Оттого, что не всегда закрываем для вас двери и позволяем уходить раньше последнего благодарения: это указывает на большое пренебрежение. Что ты делаешь, человек? Когда Христос присутствует, Ангелы предстоят, Трапеза предложена, ты сам бросаешь и уходишь? А позванный на обед, ты не осмеливаешься уйти раньше сотоварищей? Желаете, я скажу, чье дело делают те, которые уходят до Евхаристии? Когда Иуда участвовал в последней Вечери в ту окончательную ночь и все другие возлежали, он выскочил и ушел. Ему и те подражают. Если бы он не ушел, то не сделался бы предателем и не погиб бы; если бы он не отлучился от Пастыря, то не сделался бы добычей зверя. Видишь ли, что последняя молитва после Жертвы бывает по тому образцу? Он именно с иудеями, а они вышли с Владыкой, воспев песнь. Это я говорю, чтобы вы не шумели и не кричали, но в великом молчании и благопристойности будем приобщаться этой Божественной Жертве, чтобы и душу нам очистить, и достигнуть вечных благ. Не утверждай, что это простой хлеб и вино; это – Тело и Кровь, согласно Владычному изречению; не суди о деле по вкусу, но почерпай несомненное убеждение в вере. Приступая же, не разъединяй рук, но из левой руки сделай седалище для правой, из ладони устрой впадину, как имеющий принять Царя; принимай Тело Христово с великим страхом, чтобы какой-нибудь Маргарит не выпал из твоей руки и ты бы не повредил ни одного из твоих членов. Подобным образом приступай и к святой Крови, не протягивая рук... говоря: «аминь». Пока еще влага в устах, коснемся руками глаз и чела – освятятся и прочие чувства; и возблагодари Бога, удостоившего тебя такого Таинства. И как, скажешь, возможно спастись среди мира? Что говоришь? Хочешь, я вкратце покажу, что не место приносит

спасение, но образ жизни и воля, устремленная к Богу? Адам, находясь, в Раю, как в пристани, потерпел кораблекрушение; а Лот в Содоме, как в море, спасся. Иов на навозной куче был оправдан; а Саул, пребывая в сокровищницах царского дворца, лишился как настоящей, так и будущей славы и чести. Это не защита, мы терпим это потому, что занимаемся не молитвами и Божественными собраниями. Или не видишь, как желающие получить достоинства от земного царя бывают настойчивы, и других побуждают к заступничеству, чтобы не потерпеть неудачи в искомом? Это у меня говорится относительно тех, которые пропускают святые собрания и которые в страшный час таинственности занимаются разговорами и пустословием. Что делаешь, человек? Разве ты не обещал иерею, говорившему: «горе имеем сердца», и не сказал: «имамы ко Господу»? Не стыдишься и не краснеешь, оказавшись лжецом в таких словах и в такой час? Увы! Когда Царская Трапеза приготовлена, Агнец Божий закалается за тебя, священник подвизается за тебя, Серафимы предстоят, шестокрылатые закрывают лица, все бестелесные силы, вместе со священником, посольствуют за тебя, огонь духовный нисходит, Кровь проливается в чашу из непорочного бока, совесть твоя, о, человек, тебя не осуждает? Сто шестьдесят восемь часов заключается в неделе, и один единственный час определил для Себя Бог; если ты и его употребишь на дела житейские, на разговоры и смешки, то с каким напоследок дерзновением подойдешь к Божественным Тайнам, с какой совестью? Вот если бы у тебя был кал в руках, осмелился ли бы ты приблизиться к царской бахrome? Отнюдь. Не смотри, что это хлеб, что вино – не как прочие обыкновенные снеди они удаляются в задний проход, нет, ничего такого не думай. Поэтому, приступая, мы и думаем, что причащаемся Божественного Тела не как люди, но как сами Серафимы клещами огненными, которые видел Исаия.

Прошу и умоляю – не будем уклоняться от церквей, а собравшись, не будем заниматься в церкви разговорами, но стоять в страхе и трепете, с опущенными вниз глазами, с устремленной вверх душой, будем воздыхать сердцем. Или не видишь стоящих возле смертного и временного царя – как они

бывают неподвижны, молчаливы, не вращают глазами туда и сюда, но стоят уныло, смущенно, боязливо? Сам от себя, человек, заимствуй обличие и приступай к Небесному Богу хотя бы так, как к царю земному. Часто я это говорю, и не перестану говорить. А входя в церкви, будем входить, как подобает Богу, не имея в душе злопамятства, чтобы нам не понести осуждения, когда говорим: *«прости нам... как и мы прощаем»* (Мф.6:12). Страшны эти слова, почти к Богу взывает тот, кто говорит так: «Я оставил, Владыка, – оставь; я простил, – прости». Итак, зная об этом, равно и о том огне, и о Страшном Судилище, обратимся наконец от заблуждений нашего жизненного пути. Ведь наступит день, когда зрелище жизни прекратится и никто наконец не будет уже подвизаться. Это – время покаяния, а то – Суда; это – время подвигов, а то – венцов. Возбудитесь, умоляю, и старательно выслушайте сказанное. Мы жили плотью, поживем, наконец, духом; жили в беспечности, поживем, наконец, в раскаянии. Что чванишься, земля и пепел? Что гордишься? Что высокоумствуешь? Что надеешься на мирскую славу и богатство? Пойдем к гробам, прошу; взглянем на рассеянную природу, на провонявшие кости, на истлевшие тела; посмотри и, если ты мудрый, если разумный, скажи мне, кто тут царь и кто честный человек, кто свободный и кто раб, кто мудрец и кто простец? Где тут красота юности, где прелесть взгляда, где прекрасные глаза, где блестящее лицо? Не все ли пыль, не все ли зола, не все ли пепел, не все ли мрак, не все ли тление и смрад? Размышляя об этом и памятуя о последнем дне, будем, пока есть время, творить добро, чтобы нам избавиться от будущей бесконечной геенны и удостоиться Царства Небесного благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

Слово 48. Цветник в форме слова, собранный из Златоуста Феодором: что нужно делать христианину, чтобы наследовать жизнь вечную.

Любить Бога всей душой и силами, соблюдать заповеди Его и любить ближнего, как самого себя, по слову Господа, Который говорит: *«Если заповеди моя соблюдете, пребудете в любви моей»* (Ин.15:10), и еще: *«По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою»* (Ин.13:35). Кто смиряется в душе своей перед Богом и никогда не превозносится над ближним своим, – потому что *«сердца сокрушенного и смиренного... Бог не презрит»*(*«сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит»*) (Пс.50:19); кто скорбит о грехе ближнего, оплакивает собственные грехи, радуется радости ближнего и не уязвляется завистью по поводу его благополучия; кто смиренно принимает и укрощает противников, всегда желает и жаждет совершать правду Божию, потому что он сохранит чистоту своей души; кто склоняется перед милосердием к нуждающимся в милосердии, отдает всего себя за мир по Богу и старается за такое действие именоваться сыном Божиим, сверх того, терпит обиды, обвинения и преследования, и умирает за правду Божию и за исповедание Христа, потому что это жизнь вечная; кто ниспровергает всякое еретическое злоречие и правильно исповедует исповедание Святой Троицы; кто печется об истине в сердце своем, не лукавствует языком своим во лжи и не делает зла ближнему согласно Писанию; кто не порицает, не поносит и ничего другого запрещенного не совершает, но тщательно хранит все заповеди Христовы и исполняет их; кто протягивает руки для милостыни, будучи обманываем, не противится и не оплакивает, отдает одежду неимущему, будучи поносим, благословляет, будучи отягощаем, еще добавляет, не носит в устах никакого постыдного или оскорбительного слова, не произносит клятвы, признает одно мерило – истину и

всячески день и ночь заботится о ней, не говорит кому-нибудь в своих оправданиях более, чем «да» и «нет», согласно повелению Господа; кто направляет язык на песнопение, колени и руки вместе с мыслью – на моления, проливает перед лицом Божиим слезы сокрушения; кто непрестанно беспокоится о своей смерти, и о будущем Суде, и об ответственности за дела свои, непрестанно помышляет о том, в чем он согрешил, принося за все хвалы Богу; кто старательно совершает добрые дела, не выставляя их напоказ перед кем-нибудь и не тщеславясь ими подобно фарисею, но предоставляя знать о них Всеведущему Богу, Который воздаст каждому по делам его; кто избегает пьянства, избегает клятвопреступничества, чревоугодничества, неприличных речей, зависти, распри, злобы, любостяжания – этого второго идолослужения, ярости, гнева, прелюбодеяния, блуда и всякой телесной нечистоты; кто не занимается ни колдовством, ни прорицаниями, ни заклинаниями, но очищает себя день и ночь для неосужденного причащения Честного Тела и Крови Христовой; кто предстательствует за сирот, равно как также за вдов и пришельцев; кто не отворачивается от просящего или от желающего получить займы, и даже разрывает всякое неправильное писание, а если имеет и правильное, то не предъявляет и не показывает его кому-нибудь, так как всецело все принадлежит Богу; если чем он правильно владеет, от Бога владеет, Ему он предоставляет свою собственность, а от Бога просит самого необходимого, прославляет прославляющих Бога и чтит рабов Его; кто сожалеет врагов веры из-за их слепоты, всеми силами старается их обратить, от упорствующих же отворачивается и ненавидит полной ненавистью ненавидящих Господа; кто живет во всякой доброте, во всяком благочестии, во всякой непорочности, как бы имея в себе всего Бога и сам весь находясь в Боге, воспоминанием о Боге и Его заповедях всегда движимый и возбуждаемый, ложась ли то в постель, или вставая, или принимая пищу и питье, или проводя день, по Писанию: *«Всегда видел я пред собою Господа, ибо Он одесную меня; не поколеблюсь»* (*«предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся»*), и: *«да боится*

Господа вся земля; да трепещут пред Ним все живущие во вселенной» «да убоится Господа вся земля, от Негоже да подвижутся вси живущии по вселенней») (Пс.15:8, 32:8); кто не злопамятствует, потому что пути памятозлобия ведут к смерти, и, отпустив ближнему грех, получает от Бога отпущение своих грехов. Если не вспоминаем о грехах, которые другие против нас совершили, то и Бог не вспоминает о наших грехах, которые мы совершили против Него. Судить же нужно справедливо в страхе Божиим, потому что это суд Божий – не осуждать других за грехи, равно и не презирать и не брезговать ими, не выискивать пороков ближнего, а себя самих оправдывать, не видя у себя бревен, но сучцы у ближнего; и не обнаруживать даже малых провинностей наших братьев, что весьма прогневляет Бога, так как несправедливо – судить чужого раба, а человек весь Божий. Судить же и исправлять нужно в любви, исторгать терпящего несправедливость из руки причиняющего несправедливость, быть отцом для немощных, глазом для слепых, ногой для хромых, по сказанному: «благочестиво и праведно бывает с надлежащим внушением и наставлением», как говорит блаженный апостол: *«я три года день и ночь непрестанно со слезами учил каждого из вас»* (Деян.20:31). Христианину же должно избегать постыдных прибылей, быть, напротив, совестливым и святым, прилежать к чтению, наставлению, вразумлению и учению, по сказанному: *«назидаая самих себя псалмами и славословиями и песнопениями духовными, поя и воспевая в сердцах ваших Господу»* (Еф.5:19). Нужно почитать и родителей наших, чтобы быть нам долголетними на земле, не злословить отца или мать и промышлять о своих, особенно о домашних по вере. И кто не отсутствует на церковных собраниях, или на общественных сходках и молитвах, но публично перед лицом всего народа приносит Богу молитвы, не пренебрегает мудрыми наставлениями или богобоязненными поучениями, и не считает невероятными или невозможными чудеса и действия Божии, совершенные в течение поколений, и не мудрствует таким образом. Человек, который так поступает и который так имеет Бога в сердце своем и в мыслях, наследует Царство,

уготованное святым от сложения мира, не имеющее конца, чего все мы и да достигнем, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Примечания

- ¹ - Этих слов нет в синодальном переводе.
- ² - В синод. переводе «сорок дней».
- ³ - Т. е. заповеди не вкушать от древа познания добра и зла.
- ⁴ - Ипат (Ἰπάτος – Praefectus Praetorio) – первый сановник в греко-римской империи, являвшийся полновластным наместником императора и сосредотачивавший в своих руках все военное и гражданское управление префектуры.
- ⁵ - точный перевод – «неиспытанны» – прим. ред.
- ⁶ - В слав. Библии: «Бог, Иже питает мя измлада даже до дне сего, Ангел, иже мя избавляет от всех зол».
- ¹ - * Ἐκλογαὶ ἀπὸ διαφόρων λόγων. Под этим названием известны сборники бесед, составленных разными лицами после смерти Златоуста на те или другие темы, из относящихся к темам и особенно нравившихся составителям мест творений святителя. Места приведены частью в буквальном изложении, частью в свободном пересказе и заимствованы как из подлинных творений Златоуста, так и из произведений, лишь приписываемых Златоусту, не только до нашего времени сохранившихся, но и утерянных. Эти Эклоги (выборки) пользовались широкой распространенностью, были в употреблении и у частных лиц, и у царей. Известен, например, роскошный сборник Эклог, принадлежащий византийскому императору Никифору Вотаниату (1078–1081), зарегистрированный в числе кодексов Коаленовой библиотеки под № LXXIX. Абзацы в тексте расставлены нами. – Редакция «Азбуки веры»